

МИЛЮКОВ

Георгий
Чернявский,
Лариса
Дубова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Событий жизни Павла Милюкова — историка, журналиста, политолога, лидера кадетской партии, министра Временного правительства — с лихвой хватило бы на несколько биографий. Он встречался с Львом Толстым, беседовал с Лениным, дискутировал с Троцким. Основоположник российского либерализма сидел в царской тюрьме за антиправительственную агитацию, за твердую внешнеполитическую линию получил ироничное прозвище Дарданелльский, а в эмиграции пережил покушение монархистов. С его газетой «Последние новости» сотрудничали Надежда Тэффи, Марк Алданов, Иван Бунин. Спектр его научных интересов был чрезвычайно широк: от землевладения времен Ивана Грозного до геополитических проблем на Балканах. Он положил начало новой научной дисциплине — культурологии, свободно говорил на нескольких иностранных языках, еще до эмиграции читал лекции в Болгарии, США, Англии. Являясь признанным научным авторитетом, он так и не получил звание профессора и, по его собственным словам, остался последним русским приват-доцентом.

Книга Георгия Чернявского и Ларисы Дубовой написана с использованием обширных архивных материалов, основная часть которых обнаружена авторами.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Георгий Чернявский](#),
 -
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)

○ [БИБЛИОГРАФИЯ](#)

- [INFO](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)

- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)

- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)

- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)

- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)

- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)

- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)

- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)

- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)

- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)

- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)

- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)

- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)

- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)

- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)

- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)

- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)

- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)

- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)

- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)
- [834](#)
- [835](#)

- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)
- [845](#)
- [846](#)
- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)
- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)
- [857](#)
- [858](#)
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)
- [864](#)
- [865](#)
- [866](#)
- [867](#)
- [868](#)
- [869](#)
- [870](#)
- [871](#)
- [872](#)
- [873](#)
- [874](#)

- [875](#)
- [876](#)
- [877](#)
- [878](#)
- [879](#)
- [880](#)
- [881](#)
- [882](#)
- [883](#)
- [884](#)
- [885](#)
- [886](#)
- [887](#)
- [888](#)
- [889](#)
- [890](#)
- [891](#)
- [892](#)
- [893](#)
- [894](#)
- [895](#)
- [896](#)
- [897](#)
- [898](#)
- [899](#)
- [900](#)
- [901](#)
- [902](#)
- [903](#)
- [904](#)
- [905](#)
- [906](#)
- [907](#)
- [908](#)
- [909](#)
- [910](#)
- [911](#)
- [912](#)
- [913](#)

- [914](#)
- [915](#)
- [916](#)
- [917](#)
- [918](#)
- [919](#)
- [920](#)
- [921](#)
- [922](#)
- [923](#)
- [924](#)
- [925](#)
- [926](#)
- [927](#)
- [928](#)
- [929](#)
- [930](#)
- [931](#)
- [932](#)
- [933](#)
- [934](#)
- [935](#)
- [936](#)
- [937](#)
- [938](#)
- [939](#)
- [940](#)
- [941](#)
- [942](#)
- [943](#)
- [944](#)
- [945](#)
- [946](#)
- [947](#)
- [948](#)
- [949](#)
- [950](#)
- [951](#)
- [952](#)

- [953](#)
- [954](#)
- [955](#)
- [956](#)
- [957](#)
- [958](#)
- [959](#)
- [960](#)
- [961](#)
- [962](#)
- [963](#)
- [964](#)
- [965](#)
- [966](#)
- [967](#)
- [968](#)
- [969](#)
- [970](#)
- [971](#)
- [972](#)
- [973](#)
- [974](#)
- [975](#)
- [976](#)
- [977](#)
- [978](#)
- [979](#)
- [980](#)
- [981](#)
- [982](#)
- [983](#)
- [984](#)
- [985](#)
- [986](#)
- [987](#)
- [988](#)
- [989](#)
- [990](#)
- [991](#)

- [992](#)
 - [993](#)
 - [994](#)
 - [995](#)
 - [996](#)
 - [997](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1725

(1525)

**Георгий Чернявский,
Лариса Дубова**

МИЛЮКОВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Чернявский Г. И., Дубова Л. Л., 2015
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2015

*Я не боюсь, что в итоге моя роль окажется
преувеличенной, потому что — это роль побежденного,
и единственное мое оправдание в том, что я не
ответственен за поражение, мною предвиденное,*

Павел Милюков. Воспоминания

*Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.*

Борис Пастернак. Август

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первого ноября 1916 года в столице Российской империи произошло невиданное. С трибуны Государственной думы фактический глава оппозиционного Прогрессивного блока Павел Николаевич Милюков произнес речь «патриотической тревоги», содержащую обвинения императора и самодержца Всероссийского Николая II, его августейшей супруги Александры Федоровны, царских советников и министров в действиях, приведших к неудачам в Первой мировой войне и внутренним неурядицам. Слова «Что это — глупость или измена?» звучали рефреном в этом выступлении, моментально разнесшемся по всей огромной стране и превратившем оратора — правда, на сравнительно недолгое время — в символ не только непримиримой оппозиции, но и грядущего свержения самодержавия.

Дальнейшие судьбоносные события отодвинули П. Н. Милюкова на второй план. Однако на протяжении десятилетий он оставался весьма активным и влиятельным политиком, мыслителем, историком, политологом.

Имя Павла Николаевича Милюкова почти неизвестно современному российскому читателю. Даже историки, не специализирующиеся на изучении российской политической жизни конца XIX — первой половины XX века, подчас колеблются в определении, чем же, собственно, занимался этот человек, кем он был — ученым-гуманитарием, одним из руководителей Государственной думы, активным борцом против власти большевиков, эмигрантским либеральным (а подчас не вполне либеральным) публицистом и т. п.

Между тем жизнь и деятельность Милюкова — это яркий пример судьбы прогрессивного интеллигента, который, посвятив себя вначале исторической науке и добившись в молодые годы весомых результатов в разнообразной тематике — от отечественной археологии до исследования эпохи Петра I, став основоположником нового направления в отечественной гуманитаристике — исторической культурологии, постепенно отошел от исследовательских штудий, а затем забросил науку, чтобы посвятить себя такой изменчивой даме, каковой была и остается политика.

Судьба Милюкова — воплощение того, как мечтания либерального западника, сопровождавшиеся обдуманно практическими действиями,

наталкивались, с одной стороны, на консерватизм старого общества, императорского двора, помещичьего дворянства, властолюбивого чиновничества, с другой стороны — на косность отсталого и неграмотного населения огромной страны, которое к тому же призывали к кровавому бунту экстремистские силы. В этих условиях мечтания приводили к метаниям, о чем Милюков лишь иногда сожалел, оправдывая подчас крутые повороты своих политических оценок и прогнозов объективными обстоятельствами.

Жизнь Милюкова — это, пожалуй, один из наиболее ярких в новой российской истории примеров того, как имевшие реальные шансы на практическое воплощение либеральные планы создания в России прогрессивного общества потерпели крушение не только вследствие ошибок, недальновидности, недостаточной реалистичности политика и руководимой им партии, а главным образом в результате стечения крайне неблагоприятных обстоятельств. Это судьба выдающегося политического деятеля, значительная, заключительная часть жизни которого прошла в эмиграции, где он продолжал выступать как талантливый журналист и организатор русскоязычной прессы, а следовательно, культуры российской общности за рубежом, как оригинальный политолог, своеобразно оценивавший российские и мировые реалии, но не имевший возможности оказывать влияние на судьбы своей страны.

Павел Николаевич Милюков прожил 84 года, и жизнь его до самых последних лет была насыщена разнообразными делами, крутыми переходами, сменой политических ориентиров.

Он стал известен в сравнительно молодые годы как крупный историк-исследователь, но почти отказался от научной и преподавательской работы, чтобы заняться либеральной политикой. Он стал лидером крупнейшей оппозиционной Конституционно-демократической партии, депутатом Государственной думы и руководителем объединения оппозиционных сил — Прогрессивного блока, которому удалось в условиях авторитарной российской монархии обеспечить себе большинство в представительном органе.

На крутом переломе истории, в 1917 году, он стал министром иностранных дел Временного правительства, но, отстаивая курс на выполнение союзнических обязательств и получение Россией выхода из Черного моря в Средиземное путем овладения проливами Босфор и Дарданеллы, пришелся не ко двору левым силам и вынужден был уйти в отставку.

Он был в числе виднейших организаторов антибольшевистских

выступлений периода Гражданской войны, причем одно время даже ориентировался не на западных союзников, а на германское оружие, надеясь с его помощью возвратиться в Москву.

Став одним из признанных руководителей российской эмиграции после Гражданской войны, Милюков не побоялся в начале 1920-х годов сменить курс, призвав отказаться от интервенционистских планов в расчете на перерождение большевистской власти, а затем частично признав ее достижения, даже заслуги Сталина. Накануне кончины в 1943 году он горячо приветствовал победы СССР над гитлеровской Германией.

Трудно найти в истории другого деятеля, будто бы прожившего несколько жизней, каждая из которых не просто была активной, а отличалась страстностью, разнообразием деяний, оценивалась одними восторженно, а другими — с ненавистью.

Серьезных научных трудов, посвященных Милюкову, сравнительно немного.

Очерки о его жизни и деятельности, написанные известными историками, стали появляться еще с 1917 года^{1}; но это были лишь первые наброски биографии, не носившие систематического характера и преимущественно комплиментарные.

В противоположность им советские издания в 1920— 1930-х годах были насыщены политическими обвинениями и прямыми фальсификациями, причем их не гнушался писать и глава советских историков до начала тридцатых годов, а в далеком прошлом коллега Милюкова по Московскому университету Михаил Николаевич Покровский^{2}.

В то же время на Западе при жизни Милюкова, в частности в связи с его юбилеями, появлялись сборники статей, в которых публиковались не только мемуарные, но и оценочные материалы, лишь иногда содержавшие критические нотки, но в основном восхвалявшие, не опираясь на документы^{3}. Критические же отзывы о Милюкове были связаны почти исключительно с оценкой его публикаций.

И всё же сколько-нибудь серьезно его жизнь и деятельность начали изучать не на родине, а за ее рубежами, тогда как в СССР о нем писали вплоть до второй половины 1980-х годов лишь как об «одном из руководителей партии кадетов», «апологете империалистической политики царизма» в годы Первой мировой войны^{4}. Только упоминание об отдельных фактах жизни и деятельности Милюкова можно было встретить в книгах советского периода, посвященных истории кадетской партии,

которая характеризовалась как партия либеральной буржуазии, а ее руководитель — как идеолог и практик борьбы либералов за власть в целях проведения империалистической внешней политики царизма и Временного правительства. При всей схематичности и предвзятости такого подхода в этой литературе подчас содержались ценные сведения, извлеченные из архивов. Интересны в этом отношении работы Н. Г. Думовой^{5}.

Первая крупная работа о Милюкове появилась в США. Ее автор Томас Риха на базе доступного ему очень ограниченного круга источников с минимальным использованием американских архивных документов осветил политическую деятельность Милюкова, доведя изложение почему-то до середины 1917 года, остановившись на июльских волнениях в Петрограде и отношении к ним героя^{6}. Основная мысль книги: «русский европеец» действовал в варварской стране, что и предопределило его крах. Этим автор и серьезно упрощал объективные условия деятельности Милюкова, в том числе быстрое социально-экономическое развитие России в конце XIX — начале XX века, и неоправданно отделял героя от сложной и противоречивой среды, заранее обрекая на фатальную неудачу всю его деятельность.

Почти через три десятилетия в США появилась книга Мелиссы Киршке-Стокдейл, попытавшейся представить Милюкова более панорамно — как сложную фигуру либерала-руководителя, стремившегося к глубокой мирной перестройке российской действительности, но допуская отступления и колебания^{7}. Автору удалось плодотворно поработать в российских архивах и на базе комплекса материалов воспроизвести картину становления и развития либеральной альтернативы самодержавию. Киршке-Стокдейл выходит далеко за рамки биографии Милюкова, рассматривая его деятельность на широком фоне либерального движения в России в конце XIX — начале XX столетия. Как и предыдущий автор, она не касается эмигрантского периода деятельности Милюкова. В то же время Киршке-Стокдейл подчас несколько увлекается позитивным образом героя.

С 1990-х годов начинается широкая публикация произведений и документов Милюкова в России, появляются серьезные биографические работы. Вышедшие одна за другой книги М. Г. Вандалковской и Н. Г. Думовой стали первыми в России более или менее объективными научными исследованиями жизненного и творческого пути Милюкова^{8}. Обе работы основаны на значительном документальном материале, содержат интересные сопоставления и выводы. Однако ни та ни другая книга не является сколько-нибудь полной биографией Милюкова (М. Г.

Вандалковская лишь бегло осветила его жизненный путь, а Н. Г. Думова довела изложение только до 1905 года — ее планы написать вторую и третью части биографии Милюкова так и не были реализованы).

В следующие годы появился ряд новых работ. Среди них выделяются основанные на обширном документальном материале серьезные аналитические исследования П. А. Трибунского, включая фундаментальную книгу о первом этапе деятельности Милюкова, написанную в соавторстве с А. В. Макушиным^{9}. Трибунскому же принадлежит ряд высококвалифицированных публикаций документов, обнаруженных им в архивах России, Болгарии и США^{10}.

Только первому десятилетию эмиграции Милюкова (несмотря на более общий заголовок) посвящена книга С. А. Александрова, сосредоточившего внимание в основном на его деятельности в газете «Последние новости», причем автор много внимания уделяет освещению смежных сюжетов, порой имеющих к Милюкову отдаленное отношение^{11}.

Из многочисленных статей, дающих краткие обзоры жизни и деятельности П. Н. Милюкова, надо выделить работу А. Н. Медушевского, в которой автор пытается проследить теоретические взгляды ученого и политика, его формирование и развитие как государственника — теоретика и практика. Узкой, но весьма важной для биографии Милюкова теме — его балканским, в частности болгарским, связям, участием в международной комиссии, расследовавшей причины и последствия Балканских войн, посвящена статья М. А. Бирмана^{12}, который также является автором нескольких статей о деятелях, сотрудничавших с Милюковым в эмиграции.

Жизни и творчеству Милюкова и связанным с ними сюжетам были посвящены несколько научных конференций, наиболее значительные из которых состоялись в 1999 и 2009 годах в Москве^{13}.

В постсоветской России в Москве и других городах защищен ряд кандидатских диссертаций о разных аспектах деятельности и творчества Милюкова. Некоторые из них были опубликованы в качестве монографий^{14}.

О П. Н. Милюкове рассказывают авторы ряда публицистических статей разного уровня, из которых наиболее весомы публикации И. Архипова (правда, приводимые в них факты известны из предыдущих работ)^{15}.

Для изучения биографии нашего героя полезны работы по истории либерального движения в России, в частности о Конституционно-демократической партии. Интересны в этом отношении сборники, в

которых предприняты попытки осмысления российского либерализма как философско-социологического течения, сопоставления российского и западного либерализма, оценки деятельности кадетской партии, ее идеологии и программы. Из статей, опубликованных в этих сборниках, следует выделить основанную на архивных материалах работу О. В. Будницкого, посвященную одной из наиболее острых дискуссий в эмиграции между Милюковым и другим бывшим видным кадетским деятелем Василием Алексеевичем Маклаковым об истории кадетской партии, о степени правильности принимавшихся ею решений и т. д. ^{16}

Наряду с серьезными и объективными исследованиями и популярными статьями, посвященными сложному и противоречивому научному, общественному, политическому пути Милюкова, подчас встречаются материалы исключительно публицистического характера, авторы которых знакомы с биографией Милюкова в пределах компьютерных энциклопедий, но не жалеют язвительных слов в его адрес. Внимательно ознакомившись с публикациями такого рода, убеждаешься, что их гнев направлен на Милюкова в силу того, что он стремился повести свою страну по конституционному пути, в основном избегая слишком резких рывков и катаклизмов, понимая, что таковые могут быть чреваты кровью и поворотом развития вспять.

Приведем лишь один пример. К. Александров в статье под характерным названием «Павел Милюков: Доктринер, не умевший ждать» ^{17} дает заглавному герою нелестную характеристику: «[Он был] прагматиком и сухим рационалистом, чтобы увидеть в русском прошлом нечто живое и ценное, кроме непрерывной цепи бессмысленных неурядиц. Россия для Милюкова навсегда осталась непонятной и окраинной частью европейской цивилизации, оторванной и изолированной от «метрополии» в силу исторических катаклизмов. Соответственно, рецепт социального исцеления лежал на поверхности. Россию следовало лишь наделить естественными и неперемными европейскими атрибутами — парламентом и конституцией, всеобщим избирательным правом и состязательностью политических партий, чтобы окончательно преодолеть многовековой разрыв Востока и Запада».

Любому специалисту, да и обычному читателю, который хотя бы мельком знаком с трудами Милюкова, должна быть ясна не просто надуманность таких эскапад, а их противоречие тому, о чем выдающийся историк и политик думал и писал. Он отнюдь не видел в российской истории цепь неурядиц, родная страна никогда не рассматривалась им как

окраина западной «метрополии». Милюков стремился выявить закономерности развития России, полагая, что они при всём своеобразии сходны с законами развития западного общества. Именно это относительное (для К. Александрова абсолютное) западничество Милюкова и есть главная причина презрительного отношения к нему автора статьи.

Такие выпады, по счастью, остаются исключением. Добротная литература о Милюкове продолжает выходить. В единственной историографической статье М. А. Бирмана определены некоторые проблемы, которые всё еще предстоит решить: оценка трудов Милюкова по истории России XX века, вклад в изучение русской культуры, в частности литературы, международные научные и общественные контакты, пребывание в заключении в 1901–1902 годах, отношение к советско-германскому договору о ненападении 1939 года^[18].

В предлагаемой читателю книге мы постараемся в меру своих сил осветить и названные вопросы. Но главная наша задача — представить читателям последовательный очерк жизни и деятельности П. Н. Милюкова во всех основных направлениях: научном, политическом, общественном, литературном. Мы попытаемся также дать представление о личной жизни П. Н. Милюкова, хотя он, решительно отделявший личные дела от общественных, изо всех сил старался, чтобы подробности того, что, по его мнению, не относилось к «публичности», оставались за семью замками.

В распоряжении исследователей жизни и деятельности П. Н. Милюкова имеется обширная база источников, как опубликованных, так и хранящихся в архивах.

Свидетельствами первого крупного этапа его деятельности — становления и развития ученого — являются его монографические труды, учебные пособия, статьи, публикации документов, рецензии, которые в огромном количестве печатались с 80-х годов XIX века до начала следующего столетия (книги продолжали выходить новыми изданиями и на протяжении XX века вплоть до наших дней). Оставив научную работу и сосредоточившись на политике, Милюков продолжал публиковать свои книги, статьи, документы. Все его сочинения, будь они собраны вместе, составили бы не один десяток томов. Разбросанные же по массе изданий (а также выпущенные отдельными книгами, сборниками, брошюрами), они исключительно важны для воссоздания основных этапов жизненного пути их автора.

Многочисленные архивные документы как сосредоточены в специальных фондах, так и разбросаны по массе других коллекций. В

Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) сберегается личный фонд П. Н. Милюкова, поступивший в начале 1930-х годов в московский Центральный архив из архива Академии наук СССР и Отдела рукописных фондов Ленинградской публичной библиотеки, куда документальные материалы были переданы друзьями Милюкова после прихода большевиков к власти и его отъезда из российской столицы. Документы тайно хранились там до тех пор, пока не были случайно обнаружены. Важным дополнением к ним является фонд газеты «Руль» — центрального печатного органа Конституционно-демократической партии, выходившего под фактической редакцией Милюкова.

Личный фонд Милюкова, а также широко освещающий его деятельность фонд выходившей в Париже газеты «Последние новости» (Милюков был ее главным редактором) имеются во входящем в ГАРФ огромном документальном комплексе — сформированном в Праге Русском заграничном историческом архиве (РЗИА), представляющем собой собрание документов российских эмигрантов, проживавших в разных странах после 1917 года и исправно направлявших свою документацию в столицу Чехословакии. В мае 1945 года после освобождения Праги Красной армией архив оказался в руках сотрудников Наркомата госбезопасности СССР. Любопытно, что советские архивные бюрократы, аннотируя фонд Милюкова-эмигранта, прилагали все силы, чтобы засвидетельствовать свою «партийность», постоянно включая в названия дел обязательную кличку «белоэмигрант». Чего стоят, например, заголовки дел «Письма белоэмигрантки А. С. Милюковой мужу белоэмигранту П. Н. Милюкову» или «Антисоветские клеветнические статьи белоэмигрантов, напечатанные в белоэмигрантских газетах» (в этом деле находятся работы таких видных деятелей культуры, как Нина Берберова, Георгий Адамович, Марк Алданов, Давид Бурлюк и др., а вкуче с ними в число «антисоветских клеветников» по ошибке попал и видный большевистский чиновник, председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей Александр Аросев).

Документы Милюкова разбросаны и по многим зарубежным архивам. Наиболее богатая их коллекция содержится в Библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), где они входят в Бахметьевский архив русской и восточноевропейской культуры. Ценные документы хранятся также в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Пало-Алто, Калифорния, США) и в одном из рукописных отделов Нью-Йоркской публичной библиотеки. Некоторые важные документы удалось обнаружить в архивах Болгарии, в частности в

Научном архиве Болгарской академии наук.

Очень важны для воссоздания личности и деятельности Милюкова публикации его документов, которые появились еще в 1930-х годах в журнале «Красный архив» (они в основном были связаны с его оппозиционной деятельностью в Государственной думе Российской империи). Освещению деятельности Милюкова в качестве признанного руководителя Конституционно-демократической партии служат фундаментальные документальные публикации материалов ее съездов и конференций, Центрального комитета и заграничных групп^{19}, раскрывающие, по словам ответственного редактора этих изданий В. В. Шелохаева, «прямую и обратную связь между «мозговым центром» и партийной периферией»^{20}.

Одним из важнейших источников для изучения биографии П. Н. Милюкова является мемуарная литература, позволяющая взглянуть на важные исторические события и их творцов сквозь призму индивидуального восприятия, неизбежно носящего субъективный характер, но в то же время сообщая живые детали, которые просто невозможно почерпнуть из собственно документальных материалов.

Будучи историком-профессионалом, П. Н. Милюков оставил исключительно ценные воспоминания. Писал он их на закате дней на территории вишистской Франции, которая не была непосредственно оккупирована нацистской Германией, но власти которой послушно исполняли приказы Гитлера. Вишисты не трогали Павла Николаевича, принимая во внимание его возраст и неучастие в текущей политике. Более того, пользуясь сохранением дипломатических отношений правительства Виши с США (до высадки англо-американских войск в Северной Африке в ноябре 1942 года), Милюков имел возможность поддерживать связь с коллегами на Американском континенте и посылать туда свои материалы. Однако он был отрезан от оккупированного немцами Парижа и не мог сверять текст мемуаров с материалами своей огромной парижской библиотеки. Это неизбежно вело к массе неточностей — невозможно в возрасте за 80 лет держать в памяти огромное количество событий и имен. Но в то же время такая отстраненность от документально-справочного материала превращала мемуары в источник, не окрашенный посторонними влияниями. И всё же А. В. Макушин и П. А. Трибунский, на наш взгляд, преувеличивают, утверждая, что изложение в этих мемуарах весьма часто не соответствует действительности: «Примеров столь много, что мы лишь изредка отмечаем в тексте нашей работы самые вопиющие несурзости,

иначе бы исследование грозило превратиться в комментирование «Воспоминаний»^{21}. Далекое не полное соответствие этого мнения истине ярче всего подтверждается тем, что сами авторы книги чуть ли не на каждой странице цитируют воспоминания Милюкова или ссылаются на них как на достоверный источник.

Заметим попутно, что мы также широко используем мемуарный труд Милюкова в качестве источника информации о его жизни, по возможности проверяя содержащиеся в нем данные и в то же время рассматривая его как исключительно важный багаж впечатлений и оценок, накопившихся в течение ряда десятилетий.

Именно такой подход к мемуарам Милюкова, как и к любому источнику личного происхождения, является, на наш взгляд, наиболее плодотворным. Корректируя в случае необходимости содержащиеся в нем фактические сведения, уточняя их хронологию на базе всего комплекса находившихся в нашем распоряжении материалов, мы стремились обратить особое внимание именно на эмоциональную, индивидуальную, ментальную сторону этих воспоминаний.

Милюков успел довести свои мемуары только до начала июля 1917 года. Мемуары обрываются буквально на полуслове, что было связано с состоянием здоровья Павла Николаевича. Он скончался во время работы над воспоминаниями, причем последние строки написал утром того дня, когда в результате тяжелейшего сердечного приступа наступила смерть.

Воспоминания были опубликованы в Нью-Йорке в двух томах более чем через 12 лет после его кончины под редакцией известного историка-эмигранта Михаила Михайловича Карповича и адвоката, издателя и журналиста, душеприказчика Милюкова Бориса Исааковича Элькина, причем издатели в предисловии оговорили, что ими исключены лишь небольшие части текста, которые, по их мнению, сам Милюков устранил бы при подготовке книги к печати^{22}.

Воспоминания Милюкова можно условно разделить на две части, разные по объему и тематике. Первая часть, в которой речь идет главным образом о личных перипетиях автора, занимает примерно половину первого тома. Вторая часть — вторая половина первого тома и весь второй том — это история России с 1905 по 1917 год глазами П. Н. Милюкова, в которую лишь вкрапляются эпизоды его собственной биографии. Сам он полагал такой подход полностью обоснованным и, переходя к событиям первой российской революции, писал: «Человек, который поставил себе определенную задачу и ее в известной степени выполнил, не может

оставаться вполне откровенным, не может отказаться от объяснения фактов в порядке поставленной им цели и тем самым слить теперь уже не себя с событиями, а в известной степени события с собой. Совпадение намерений с достижениями может считаться его личной заслугой, несовпадение — его личной неудачей»^{23}.

Немаловажной особенностью воспоминаний Милюкова, вытекавшей из его характера, из решительного отделения собственной общественной жизни от личной и крайней закрытости в отношении последней, является почти полное отсутствие сюжетов, связанных с семейными, интимными делами, воспитанием детей. Читая воспоминания, невольно ловишь себя на мысли, что у Милюкова не было ни семьи, ни детей, ни романтических ситуаций. Сам он писал об этом с известной долей иронии и даже сарказма: «Теперь мода на *biographie romancée*. И я не могу сказать, чтобы для этого у меня не было никакого материала. Возможно, что мое умолчание об этой стороне приведет к тому, что мой будущий биограф, если таковой окажется, заменит факты анекдотами. Но я должен идти на этот риск, так как в этой стороне моей жизни замешаны и другие лица. И я принужден предоставить рассказы на эту тему чужим нескромностям»^{24}.

Биографы у Милюкова «оказались», но документальный материал о личной жизни историка и политика настолько скуден, что «чужие нескромности» в их трудах почти не появились. Нам остается только верить Павлу Николаевичу в том, что у него «был материал», что увлечения и измены были свойственны этому человеку в той же мере, в какой они происходят в жизни почти всех смертных, но личная скромность и нежелание делать себя объектом пересудов закрыли для читателей эти страницы его жизни, по-видимому, навсегда. Мы в состоянии воспроизвести только отдельные их фрагменты.

Ценным дополнением к воспоминаниям являются дневники Милюкова. Он дважды брался за писание дневника. В первый раз это было во время Балканской войны 1912 года. Текст в основном отражал впечатления автора от хода войны и реакции на нее со стороны великих держав^{25}. Вскоре он перестал делать записи и долгое время к ведению дневника не возвращался. Этот первый дневник интересен как человеческий документ, но его содержание сполна перекрывается публикациями Милюкова названного периода.

Второй раз Павел Николаевич начал делать дневниковые записи во время Гражданской войны, 28 мая 1918 года в Киеве, а прекратил 9 февраля 1921-го, живя в Париже. Почти за три года он от руки написал огромный

текст — в публикации он составил около 650 страниц^[26]. В свои записи он включал ценные документы, в том числе и не дошедшие до нас в оригинале. В них приводится подробнейшее изложение выступлений множества лиц на различных конференциях, совещаниях и других встречах.

Записи политика могут дать представление о его оценке событий, происходивших как в Советской России, так и в лагере ее врагов, о применявшихся им и предполагавшихся путях борьбы против большевизма. В совокупности детального изложения фактов современности и их оценки автором это исключительно важный источник по истории Гражданской войны, но в значительно меньшей степени по нему можно судить о жизни и деятельности самого Милюкова в этот период.

Из дневника видно, как созревала новая политика Милюкова, основанная на отказе от вооруженной борьбы против большевистской власти в надежде на ее перерождение, что вызвало отчуждение со стороны основной части эмиграции. Детальные дневниковые записи явно должны были послужить Милюкову при подготовке крупного труда по истории «второй русской революции», который он задумал и начал писать в 1918 году. Дневник носил сугубо деловой, «рабочий» характер. Никаких упоминаний о личной жизни автора в нем не было. Достаточно сказать, что в тексте ни разу не упомянуты ни жена, ни дети Павла Николаевича. Само слово «дети» встречается только один раз, причем речь шла о неких детях, преподнесших коробку конфет капитану корабля, на котором Милюков плыл из России в конце 1918 года^[27].

К сожалению, специалисты по истории Гражданской войны до сих пор почти не используют названный источник в своих работах, хотя перспективы здесь весьма благоприятны. Появились, правда, первые исследования, в которых рассматривается значение этого дневника для изучения важных исторических проблем^[28].

В предлагаемой читателям книге использованы и воспоминания других авторов, в основном соратников Милюкова по кадетской партии, а также иных лиц, хорошо знавших его. Они представляют интерес не столько фактической стороной (в этом отношении мемуары всегда особенно уязвимы), сколько оценкой личности, впечатлениями от контактов — той информацией, которую почти невозможно почерпнуть из других источников. Ценным дополнением к ним является переписка, в частности названные выше публикации, осуществленные П. А.

Трибунским.

Структура книги до некоторой степени условна, так как невозможно провести совершенно четкое разграничение между этапами развития Милюкова как крупного историка и его становления в качестве политического деятеля. Ведь и став политиком, он оставался историком — в том смысле, что смотрел на свою общественную деятельность и в целом на разворачивавшиеся события, в которых принимал участие, как на этапы исторического развития России и намеревался в будущем осветить их. Именно так произошло и с февральским, и с «большевистским» этапами революции, и с Гражданской войной, которым он посвятил специальные крупные исследования, правда, в силу малой дистанции от самих событий не столько исторические, сколько политологические.

Мы попытаемся представить читателям жизнь и деятельность Милюкова в комплексе его научных исканий, политических страстей, непримиримого упрямства и неожиданных компромиссов, публицистических атак и добросердечного возвращения к давним забытым связям, взаимоотношений с женами, другими дамами и детьми — во всей полноте его многогранного, до предела насыщенного и весьма противоречивого бытия.

Выражаем сердечную благодарность руководству и коллективам архивов и библиотек, оказавшим нам помощь не только созданием благоприятных условий для работы, но и весьма квалифицированными советами. Мы признательны друзьям и коллегам за рекомендации, критику, разностороннюю поддержку.

Часть первая

ИСТОРИК

Глава первая

НАЧАЛО СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛА

Раннее детство

Видный российский историк, публицист, политический и общественный деятель Павел Николаевич Милюков родился 15 января 1859 года^[1]. В метрической книге Московской духовной консистории записано, что это произошло «в Москве в доме артиллерии подполковника К. В. Тишенинова. 26 января младенец был крещен в Предтеченской, что в Кречетниках, церкви, Пречистенского сорока, приходским священником А. К. Смирновым»^[29].

Еще задолго до его появления на свет родители договорились, что ребенок будет назван в честь святого, чья память празднуется в день, когда он родится. 15 января было днем поминовения святого преподобного Павла Фивейского. Милюков через десятки лет вспоминал, что ему было в детстве очень обидно — у других детей были дни рождения и именины, на которые приглашали гостей, приносящих подарки, ему же такая радость выпадала только раз в году, поскольку день рождения и именины совпадали^[30].

Первый западный биограф Милюкова американский историк Томас Риха начинает свою книгу о становлении Милюкова как политика констатацией совпадений. В тот самый день, когда родился Павел, на свет появился будущий последний германский император Вильгельм II. Российский политик и немецкий кайзер никогда не встречались, но интерес к Германии и особенно к ее внешней политике был постоянно присущ Милюкову, причем, добавим, это всегда был не особо дружественный интерес; в 1917 году именно он в качестве министра иностранных дел Временного правительства настаивал на продолжении войны против Германии до победного конца. Правда, позже Милюков в течение недолгого времени пытался установить контакт с германскими дипломатами и военными для совместной борьбы против большевистской власти.

В день, когда будущий русский ученый и политик появился на свет, в Петербурге заседали Редакционные комиссии во главе с либералом Яковом Ростовцевым, готовившие текст документа об отмене в России крепостного

права. Манифест, подписанный императором Александром II еще через два года, 19 февраля 1861-го, положил начало освобождению крестьян и сравнительно быстрому экономическому и социальному развитию России. Однако еще оставались значительные пережитки крепостничества (прежде всего кабальные условия аренды земли — отработки, испольщина), и Милюков как руководитель либеральной Конституционно-демократической партии уделял исключительное внимание полному преодолению остатков феодализма в российской деревне, превращению крестьян из забитого сословия в равноправный и активный класс прогрессивных земледельцев-землевладельцев.

В дни, непосредственно следовавшие за рождением Павла, в лондонском журнале «Колокол» шла дискуссия его издателя Александра Ивановича Герцена с просветителем украинского народа Николаем Ивановичем Костомаровым о необходимости отказа от рассмотрения территории Украины как Малороссии, признания украинцев формирующейся нацией и создания равноправной федерации народов на месте самодержавной империи. Как мы увидим, проблема места Украины в Российском государстве, решение национального вопроса в целом на началах равноправия и сотрудничества наций также будет находиться в сфере внимания Милюкова на протяжении многих лет.

Т. Риха лишь несколькими строками обозначил все эти совпадения^{31}. Детально о них будет идти речь в соответствующих разделах нашей книги.

Отец Павла, Николай Павлович, происходивший из семьи тверских мещан среднего достатка, перебравшихся в Сибирь в поисках лучшей доли, возводил свою родословную к глубоким далям русской истории. Существовала некая грамота, упоминавшая, что его отдаленный предок Семен Мелюк (Мелик), «выходец из немцев», участвовал в Куликовской битве и отдал свою жизнь во имя освобождения Руси. Мелюк происходил вроде бы из Тверского княжества. По этой причине Николай Павлович, собрав дополнительные бумаги, обратился в Тверское дворянское собрание, чтобы быть признанным потомственным дворянином. По мнению местных дворянских лидеров, бумаг оказалось недостаточно, и в признании дворянства Милюковым было отказано^{32}. Впрочем, отец не сильно переживал по этому поводу — во второй половине XIX века принадлежность к «благородному сословию» постепенно начала девальвироваться.

Дед и полный тезка Павла, отправившись из Твери в Сибирь на поиски золота, вложил в экспедицию весь свой капитал и почти полностью

разорился, возвратившись в Москву лишь с остатками бывшего состояния; правда, их хватило на то, чтобы дать детям приличное образование.

Сын неудачливого золотоискателя проявил художественные способности, но ярким талантом не блистал. Несмотря на это, отец смог добиться его принятия в Академию художеств, которую Николай Павлович окончил как «среднячок», без каких-либо наград.

Николай Павлович не был чрезмерно претенциозным. Получив специальность архитектора, он не стремился особо выдвинуться, спроектировав лишь несколько зданий, которые были оценены специалистами как оригинальные архитектурные творения. Он, правда, на конкурсе в Академии художеств получил премию за этюд «Христос среди палачей», но она оказалась единственной его наградой за художественное творчество.

Николай Павлович читал курс архитектуры в Училище живописи и ваяния Московского художественного общества (с 1865 года — Московское училище живописи, ваяния и зодчества), но и на преподавательском поприще особых высот не достиг. Поскольку жалованье в училище не было высоким, он перешел на «практическую» работу — стал оценщиком произведений искусства в одном из московских банков. Там он и завершил свою карьеру. В 1857 году указом императора Александра II ему был пожалован чин титулярного советника, соответствовавший чину армейского пехотного капитана^[33].

В то же время он был образованным, начитанным, великолепно знал историю искусств, особенно архитектуры. Его сын почерпнул первоначальные художественные знания именно из альбомов отцовского книжного собрания, которое позже перешло к нему по наследству. Из книг этой библиотеки П. Н. Милюков, помимо альбомов и архитектурных справочников, особенно запомнил гомеровскую «Илиаду» и тома «Русского архива», что явно выдает ранний интерес к отечественной и мировой истории.

В первые годы жизни Павла родители часто меняли место жительства: вначале обитали в Лефортове, затем перебрались в самый центр Москвы, в район Арбата, где поселились в Староконюшенном переулке, а чуть позже — на пересечении этого переулка с Сивцевым Вражком, где занимали комфортабельную четырехкомнатную квартиру. У семьи была и небольшая дача в поселке Пушкино.

Павлик рос энергичным, бойким, но в общем более или менее спокойным ребенком. Его брат-погодок Алексей был куда более резвым, непоседливым, непослушным.

В своих воспоминаниях Милюков был довольно осторожен в оценке взаимоотношений между родителями. Будучи человеком крайне деликатным во всём, что не касалось крупных политических вопросов, он стремился осветить как можно более общими словами ранние детские впечатления о родительских склоках, глубоко запавшие ему в душу, но подчас они всё же прорывались. Вот одно из них: «Мы сидим в слабо освещенной керосиновой лампой комнате. Между отцом и матерью ведется крупный разговор, для нас непонятный и кончающийся тем, что в отца летит тарелка и разбивается о противоположную стену. Мы сидим ни живы ни мертвы и потихоньку хныкаем. В таких случаях на младенцев не обращают внимания — и напрасно. Эта сцена отложилась у меня в памяти на всю жизнь»^{34}.

Историк Н. Г. Думова полагает, что у Милюковых семьи как таковой не было — между родителями существовал настолько глубокий разлад, что дети были предоставлены сами себе^{35}. Разлад действительно был, но он не разрушил семью, а о детях заботились так, как было принято в столичных разночинных семьях. Отец, занятый делами, предоставил все родительские заботы матери. В воспоминаниях Павла Николаевича говорилось: «Руководила нами мать; к ней мы были гораздо ближе — и ее по-своему любили, хотя и страдали по временам от припадков ее воли. Однако ее заботы ограничивались преимущественно внешней стороной воспитания и, вероятно, немногими моральными внушениями общего характера»^{36}.

Мать, Мария Аркадьевна, была дама энергичная, волевая, шумная, временами даже истеричная. Дочь подполковника, она гордилась дворянским происхождением, кичилась девичьей фамилией Султанова, которая якобы должна была свидетельствовать об очень знатных восточных предках.

Она не только воспитывала детей в том духе, который сама усвоила и который был свойствен ее приятельницам, но и фактически являлась главой семьи. Ее нрав сложился еще до брака с Николаем Павловичем. Первым ее супругом был некий помещик Баранов, столь оголтелый крепостник, что его прикончили в поле крестьяне.

Милюков, по-видимому, не случайно включил рассказ об убийстве Баранова в свои мемуары^{37}. Эпизод глубоко врезался в его память и стал, вместе с другими впечатлениями детства, одним из элементов того фундамента, на котором строились будущие либеральные воззрения Павла.

И природный характер матери, и ее дворянское происхождение, и

первый брак, завершившийся гибелью мужа, предопределили ее поведение в новой семье. Кроме истерической выходки с бросанием тарелки Павлу особенно запомнились телесные наказания, которым он с братом подвергался в детском возрасте за малейший выход за рамки материнских наставлений. В «Воспоминаниях» читаем: «Конечно, общий уровень культурного быта семьи не мог не отразиться на нас: мы знали правила поведения, подчинялись им и вышли послушными, благонаправленными мальчиками»^{38}.

Скорее всего, мать всерьез считала, что именно поркой детей, которую под ее руководством осуществлял послушный супруг, она создает и укрепляет свое семейное владычество. Телесными наказаниями детей, тем более осуществляемыми мужем по ее команде, она старалась компенсировать раздражение по поводу своей «неудавшейся жизни», считая второй брак явным мезальянсом. Вот как вспоминал об этом Милюков: «Кара появлялась как-то внезапно и была неумолима. Слезы, вопли, просьбы о прощении — ничто не помогало. Решение, продиктованное, конечно, матерью, выполнялось отцом. Приготовления к экзекуции ощущались, кажется, еще страшнее самой экзекуции. Потом отчаяние, нечеловеческие крики, боль, злоба, непримиренный конец, чувство обиды, несправедливости... Телесное наказание рвет моральную связь и уничтожает доверие к родителям. Между детьми и ними становится стена; за невозможностью взаимного понимания, сговора и убеждения создается система укрывательства внутренних побуждений и, по необходимости, лукавства и лжи»^{39}. Из этих строк отчетливо видно, насколько глубокий след в его душе оставили отвратительные физические наказания. Это был еще один камушек в основание той системы моральных ценностей, которая формировалась у нашего героя.

Впрочем, ценности эти были весьма относительные. Саму систему оброка, фактически сохранившегося на два с лишним десятилетия после отмены крепостного права, ребенок воспринимал как должное — разумеется, по своим, чисто детским мотивам. У матери было небольшое имение в Ярославской губернии, и ежегодно в доме, где жила барыня, появлялись крестьянские посланцы — сильно «окавшие» мужики в армяках и лаптях, бабы в больших не очень чистых платках, привозившие всякую снедь. Павлу особенно по душе были черные жирные лепешки. Дома пытались их печь, но крестьянские были вкуснее. Так что первые контакты с земледельцами оставили в памяти скорее благостные чувства, хотя и сопряженные с чем-то странным, непривычным.

Читать Павлик научился как бы сам собой. Он не помнил, чтобы его специально учили буквам. Видимо, этим всё же занималась мать. Но никаких букварей он не знал. Единственным «пособием по чтению», которое он запомнил, был сборник басен Крылова. Не всё в них было понятно, особенно обязательно следовавшая за основным текстом «мораль», но стихи очень нравились, и многие из них остались в памяти на всю жизнь. Милюков вспоминал, что именно басни Крылова ввели его в «мир животных» — намного раньше сочинений Альфреда Брема.

За домашним обучением последовала некая «французская школа» — пансион, куда Павел и Алексей поступили «приходящими учениками». Обучение там было никудышным. Очевидно, что родители прельстились низкой оплатой. Несколько попыток матери хотя бы узнать, получают ли дети хоть какое-то «французское» или «русское» образование, привели к неутешительному ответу — оказалось, что детей там почти ничему не учат. Единственным учебником, который запомнился Павлу и Алексею, была некая книга по географии, одна на весь класс и, видно, настолько плохая, что ее коллективно ненавидели все ученики, а Милюковы взяли на себя инициативу истребления противника. При одобрении соучеников «География» была изорвана и спущена в отхожее место. Дети ожидали возмездия. Но... учитель просто не заметил происшедшего. Так география «была упразднена сама собой, не только в качестве книги, но и в качестве учебного предмета»^[40].

Поскольку детей собирались отдать в гимназию, для зачисления в которую необходимо было сдать вступительные экзамены, у родителей хватило разума забрать детей из пансиона. Но мать с отцом по-прежнему старались, чтобы подготовка чад к экзаменам обошлась как можно дешевле. Был найден старик-еврей по фамилии Блонштейн — видимо, неплохо образованный, но крайне нуждавшийся, — который согласился заниматься с ребятами за незначительную оплату. Занятия проходили в крохотной комнате его почти нищенской квартиры. Но это были подлинные уроки, преподаваемые хорошим педагогом, обладавшим неплохим кругозором, добросовестно относившимся к работе и заботившимся о детях. «Всё это внушало нам какое-то уважение», — вспоминал Милюков^[41]. Однако мальчики уже привыкли, что серьезно относиться к занятиям не следует, что с уроками можно справиться кое-как, чтобы было побольше свободного времени для развлечений.

Павлу запомнились уроки арифметики и немецкого языка. Но главное, старый учитель просто научил его заниматься: вслушиваться в объяснения,

работать над книгой, излагать выученное своими словами, выполнять элементарные задания. Как это ни казалось удивительным самому мальчику, и он, и младший брат были хорошо подготовлены к вступительным испытаниям, оказались в числе лучших и были приняты в гимназию в 1869 году^[42].

Гимназические годы

Ко времени поступления в гимназию у Павлика выработалась некоторая самостоятельность — стремление принимать решения, заниматься теми предметами, которые ему нравились, и кое-как справляться с остальными заданиями. Всё это рождало чувство оппозиционности к родителям и вообще к окружающему миру.

Гимназия — среднее учебное заведение для подготовки юношества к поступлению в университет, преимущественно на гуманитарные факультеты. Срок обучения составлял восемь лет.

Гимназические годы Павла (1869–1877) пришлось на то время царствования Александра II, когда правительство, сочтя, что либеральные реформы первой половины 1860-х годов зашли слишком далеко, несколько отступило, в частности в области образования.

Назначенный министром народного просвещения (1866) граф Дмитрий Андреевич Толстой вопреки протестам либералов и даже некоторых членов Государственного совета (совещательного органа при императоре) утвердил гимназический устав 1871 года, согласно которому гимназии еще более отрывались от реальной жизни и сосредоточивались на изучении классических языков — латыни и древнегреческого. Граф полагал, очевидно, что зубрежка склонений, спряжений и исключений, преклонение перед классической древностью создадут тот благоприятный фон, на котором в головы ученикам не будут проникать «вредные идеи».

Разумеется, «охранительный дух» доминировал и в той гимназии, где учился Павел, и он испытал все прелести зубрежки. Но всё же квалификация учителей в московских школах была выше, чем на периферии. В высоких кругах российской бюрократии на инициативу Толстого смотрели если не с осуждением, то во всяком случае с долей иронии, а в школьном образовании шла подспудная борьба между консервативным «классицизмом» и современным разносторонним общим образованием. Это касалось и 1-й мужской гимназии, в которой учился Милюков. Она находилась в самом центре Москвы — на Волхонке, в доме

16. Основанная еще в 1804 году, она была учебным заведением с внушительными традициями, знаменитым своими выпускниками. Здесь в разное время учились драматург Александр Николаевич Островский, историки Сергей Михайлович Соловьев и Михаил Петрович Погодин, знаменитый народник, философ и историк Петр Алексеевич Кропоткин, философ Иван Александрович Ильин, математик Василий Яковлевич Цингер, писатель Илья Григорьевич Эренбург, один из большевистских лидеров Николай Иванович Бухарин.

Годы учебы неоднозначно повлияли на формирование черт характера и мировоззрения Павла Милюкова. Это было связано и с атмосферой в учебном заведении, и с особенностями самого подростка.

Неожиданно для себя оказавшись одним из лучших среди поступавших, Павел решил, что знания будут ему даваться легко, что в классе он будет схватывать всё на лету. Оказалось, что это было не так. В результате после первых нескольких успешных месяцев учебы (он даже попал на «золотую доску» класса) он стал получать всё более низкие оценки и в списке учеников передвигался всё дальше, пока не оказался на одном из последних мест.

Вместе с тем начали проявляться рассудочность, стремление найти некий неопасный выход из сложного положения. Конечно, это были еще детские заботы и волнения, но в них уже проявлялись некоторые будущие черты политического мышления и действия.

Уже на первом году обучения произошел показательный случай. Павел, дежуривший по классу, заметил, что его младший брат уж больно расшалился. Попытки урезонить Алексея не дали результата. Опасаясь, что брат совершит что-то из ряда вон выходящее и навлечет на себя серьезное наказание, Павел доложил о его поведении классному надзирателю. Тот даже немного опешил, но нестрого наказал шалуна — поставил к стене класса. «Я почувствовал себя ужасно скверно, — вспоминал Милюков. — Класс разделился: одни товарищи меня порицали, другие хвалили, а я не знал, куда деваться от похвал и порицаний. Этот моральный конфликт и до сих пор выплывает у меня в памяти из ряда забытых событий»^[43].

Любопытно, что он ни слова не пишет о реакции брата на его «предательство». Можно лишь предположить, что экспансивный Алексей долго не мог его простить. Вообще же складывается впечатление, что после естественной близости ранних лет жизни отношения между братьями стали охладевать. Этому явно способствовало и то, что родители вскоре перевели Алексея, не укладывавшегося в рамки гимназического регламента, в созданное в 1868 году Московское императорское техническое училище,

дававшее ремесленную профессию и позволявшее по окончании шести классов еще три года продолжать образование в области инженерного дела.

Склонность к поискам средней, примирительной линии, нежелание бунтовать проявлялись у Павла и во многих других случаях. Как-то директор гимназии увидел его на улице за совершенно невинным занятием, которое показалось педагогическому самодуру неприличным: подросток взрывал хлопушки. Директор приказал нарушителю порядка на следующий день явиться к нему в кабинет. Не понимая, что плохого он сделал, Павел рассказал о происшедшем родителям. Вместо того чтобы взять сына под защиту, мать распорядилась, чтобы он написал на имя директора обширное заявление с извинениями, да еще и в стихах (ей было известно, что сын пытался сочинять какие-то вирши).

Павел не взбунтовался и даже не попытался оправдаться, а послушно выполнил материнскую волю — правда, стихотворное извинение оказалось написано корявым слогом. В заявлении даже было сказано: «Буду я вперед ходить без покупок глупых».

На другой день мать пошла в гимназию вместе с сыном. Величественный директор был снисходителен, и дело ограничилось нетяжелым наказанием — Павла на несколько часов оставили в пустом классе. Милюков долго вспоминал этот случай со «стыдом и горечью» — но не за устройство фейерверка, а за то, что столь позорно, под материнскую диктовку, спасовал перед директором^[44].

Постепенно зарождалось критическое отношение к религии и даже к власти. Оно не было значительным, и сам Милюков, казалось, не придавал ему особого значения. Но постепенно складывалось некое внутреннее чувство — скорее не отрицания, а равнодушия. Когда его первый раз вели на исповедь, предварительно строго предупредив, что он должен покаяться священнику во всех грехах, он отнесся к этому до предела серьезно, стал вспоминать всё недостойное, что было им сделано. Но едва он начал исповедь, батюшка прервал его, накрыл епитрахилью и отпустил грехи — необходимо было побыстрее завершить обряд, поскольку своей очереди ожидали еще многие прихожане. В первый раз Павел счел свое разочарование случайным, но когда подобное стало повторяться вновь и вновь, он понял, что исповедь — лишь формальная процедура, ожидание «таинства» сменилось равнодушием, хотя он на всю жизнь сохранил уважение к Церкви, ее атрибутам, художественным и историческим ценностям.

Однако скептическое отношение к духовенству, возникшее в подростковом возрасте, с годами только крепло. Сам он полагал, что это

отчуждение связано не только с собственным опытом, когда батюшка лицемерно отпустил грехи, не выслушав исповедь. Подобное отношение к Церкви было присуще и его родителям. Он не помнил, чтобы в доме была Библия. Священное Писание оставалось неизвестным ему до гимназического возраста, когда надо было приступить к изучению Закона Божьего в качестве учебной дисциплины: «Проявления домашней религиозности не шли дальше обязательного минимума»^{45}.

Другое событие способствовало возникновению не очень сочувственного отношения к институту абсолютной монархии. Однажды в гимназии произошло событие «исключительной важности»: в нее заглянул посетивший Москву Александр II. Понятно, что не только директор и большинство преподавателей были взволнованы до крайности — учащимся также казалась чрезвычайной возможностью увидеть своими глазами самодержца. Император лишь на минуту-другую заглянул в классы, затем состоялась процедура проводов: «Нас повели, по двое в ряд, вниз по лестнице, вслед за царем. Но мы видели сверху только его светящуюся лысину... Проводы приняли восторженный характер. С крыльца многие бросились бежать за царским экипажем. Помню, мне этот жест не понравился. Это был единственный раз, когда я близко видел Александра II»^{46}. Ясно, что мальчик, в отличие от многих соучеников, не говоря уже о педагогах, не испытал при виде царя восторженного чувства.

Тем временем всё яснее становилось, что на прошлой подготовке и способностях далеко не уедешь. Когда приближалось окончание третьего класса, возникла серьезная опасность вылететь из гимназии. Именно в это время он почувствовал, что должен отвечать за свои поступки. По его мнению, начинался переход к взрослой сознательной жизни. Конечно, это было не совсем так — между четырнадцатилетним подростком и взрослым молодым человеком существует безусловная разница.

Провалиться на школьных испытаниях не позволяло самолюбие, полагал Милюков на склоне лет. Но это и означало, что тогда начала формироваться самодостаточная личность — Павел уже не был тем робким ребенком, который писал извинительные стихи.

То, что осознание ответственности за себя начало проявляться у Павла Милюкова сравнительно рано, — факт безусловный. Имея весьма приличные способности и великолепную память, он перестал отвлекаться на второстепенные дела, стал напряженно заниматься, выработал план, которого четко придерживался. С полным основанием Милюков писал в мемуарах, что новый способ мышления и поведения не только привел к

успешному переходу в следующий класс, но «сообщил моральный толчок сознательным элементам моей натуры». В результате последние гимназические годы Павел вновь учился вполне успешно. По окончании седьмого класса он получил награду второй степени.

Столь же удачными были и результаты, достигнутые в выпускном, восьмом классе^{47}. Педагогический совет оценил его знания средним баллом 4,7. Он оказался на втором месте среди своих одноклассников. Между прочим, как часто бывает, заслужив отличную оценку почти по всем предметам, будущий выдающийся историк получил по истории только «хорошо». Он отвечал на вопросы явно нелегкие: разделение Руси на Северо-Восточную и Юго-Западную; географический обзор Древней Греции; начало возвышения Пруссии; Новороссия^{48}. Что не удовлетворило экзаменаторов, неизвестно; можно предположить, что причиной снижения оценки были неординарные суждения.

Одновременно у Павла пробуждались художественные интересы. Он продолжал писать стихи, хотя отчетливо понимал, что большого таланта в этом деле у него нет. Он на всю жизнь так и остался камерным поэтом для близкого круга друзей и членов семьи, отнюдь не пытаясь выставить свои стихотворные опыты на обозрение широкой публики.

Точно так же, преимущественно для собственного удовольствия, остался интерес к музыке. Побывав в Большом театре на нескольких оперных спектаклях, он почувствовал, что может воспроизвести не только арии певцов, в частности из «Жизни за царя» М. И. Глинки, но и оркестра, особенно скрипичные партии. Он потребовал от отца (говорить на эту тему с Марией Аркадьевной было делом бесперспективным), чтобы его учили игре на скрипке. В данном случае художественная натура родителя взяла верх: несмотря на недоумение матери, Павлу купили недорогую скрипку и наняли дешевого учителя. Первый учитель оказался снобом и педантом, заставлял играть только скучные упражнения и обращал внимание лишь на постановку руки. Такое обучение могло вызвать отвращение к музыке.

Но Павел оказался упорным — настоял, чтобы наняли нового учителя. Новым педагогом стал, по словам Милюкова, немец Вильгельм, а на самом деле француз Василий Юльевич Виллуан, сын учителя той самой 1-й гимназии, в которой постепенно мужал Павел. Виллуан учился в Московской консерватории по классам скрипки и композиции, его педагогами были П. И. Чайковский и директор консерватории Н. Г. Рубинштейн. Впоследствии В. Ю. Виллуан стал директором Нижегородской консерватории, учителем многих известных русских

музыкантов и автором ярких скрипичных произведений и опер. (Милюков в мемуарах почему-то назвал его племянником будущего директора. Впрочем, запутаться было немудрено, поскольку музыкальный род Виллуанов был велик и пользовался заслуженным почетом^[49]. Быть может, ошибка Милюкова была психологического свойства — он просто не мог поверить, что его, фактически не умеющего играть на скрипке юнца, учил «сам» Виллуан, который стал известен на всю Россию.)

Конечно, новый учитель тоже обращал внимание на постановку пальцев. Но он сразу стал задавать интересные пьесы, учил скрипичным аккордам, чтению партитуры, основам музыкальной теории.

Когда же Виллуан, окончив в 1873 году консерваторию, уехал из Москвы, Милюков продолжал музыкальное образование самостоятельно, особенно пристрастился к разучиванию скрипичных партий из опер, балетов и других оркестровых произведений.

Начальное музыкальное образование явилось важным элементом базы профессионального комплексного исследования истории русской культуры, фактическим основоположником которого станет Милюков.

Как ни странно, его интерес к художественной литературе поначалу был сравнительно умеренным — в том, что касалось классики, он не выходил за пределы гимназической программы, но сосредоточивался, как почти у всех мальчишек, на книгах Жюль Верна, Томаса Майна Рида, Фенимора Купера. В старости Милюков признавался, что из русских писателей его любимцами в гимназии были Загоскин и Лажечников. Произведения Михаила Николаевича Загоскина привлекали подростка, а затем юношу достоверным, как он полагал, воспроизведением исторической действительности. Писатель, хотя и не считался перворазрядным стилистом, получал, начиная с выхода первого романа «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1828), восторженные читательские отклики. Даже такой требовательный критик, как В. Г. Белинский, назвал «Юрия Милославского» «первым хорошим русским романом». Можно полагать, что исторические романы Загоскина сыграли важную роль в пробуждении у Милюкова интереса к отечественной истории.

Примерно таким же было отношение к историческим романам Ивана Ивановича Лажечникова, особенно к первому — «Ледяному дому», посвященному эпохе императрицы Анны Иоанновны. Критики, а вслед за ними и образованные читатели отмечали, что при явных художественных недостатках этого и других произведений Лажечникова он был очень точен в исторических деталях (вероятно, сказалась многолетняя служба в

архивном ведомстве, где он получил первые важные уроки осторожного обращения с историческими источниками).

Романы Лажечникова и Загоскина были для Милюкова не только и, пожалуй, не столько художественными произведениями, сколько введениями в детали исторического процесса.

Подлинная любовь к художественной литературе, к книге возникла в известной мере случайно. У Павла были друзья-гимназисты Зерновы, которым родители наняли репетитора. Им оказался молодой человек Иван Васильевич Неговоров, только что окончивший семинарию, но не предполагавший служить по духовной части. Он не только познакомил юных учеников с основными этическими понятиями, причем делал это, болтая с ребятами, но и столь же ненавязчиво, своим примером прививал им любовь к чтению. «Он любил книги и покупал их по дешевой цене на «толкучке»; так он составил себе небольшую библиотечку. Спрашивая себя теперь, откуда я заимствовал свою любовь к книгам и свое раннее знакомство с «толкучкой», я не нахожу другого источника, кроме Неговорова»^{50}.

Но систематические знания, в частности в области русской и мировой литературы, подросток, а затем юноша получил всё же в гимназии, несмотря на все пороки консервативного классицизма. Учитель истории литературы Тверской не являлся «прогрессистом» в полном смысле слова, но это был приличный преподаватель, который стремился привить ученикам интерес и вкус к подлинно ценной художественной литературе, причем добивался, чтобы ученики давали самостоятельные оценки произведений. Он ввел в свой предмет раздел «Теория словесности», стремясь разъяснить основные категории формы, стиля, выразительных средств, присущих художественным произведениям. Павел узнал, что собой представляют классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм, познакомился с произведениями крупнейших писателей и их критической оценкой. Тверской даже позволял себе ссылаться на В. Г. Белинского. Разумеется, не по рекомендации учителя, но явно под его влиянием Павел в одном из старших классов каким-то образом достал и проштудировал крамольные «Очерки гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского.

В целом Милюков достаточно высоко оценивал уровень преподавания литературы, особенно фиксируя внимание на том, что оно позволяло формировать у учащихся в какой-то мере оппозиционные взгляды: «За формой тут нельзя было скрыть существа дела, и сколько-нибудь

талантливый преподаватель мог, при желании, провести контрабанду»^{51}.

Именно уроки литературы привили Павлу вкус к истории и политике, чего нельзя сказать об уроках собственно истории. Учитель держался в «строгих рамках», задавал материал «от сих до сих» по скучному учебнику Иловайского, ничего не объясняя, и, конечно же, не мог заинтересовать своим предметом. «Новая история» (трудно сказать, какой период Милюков имел в виду, скорее всего это была вторая половина тысячелетия, примерно от английской революции XVII века и времен Ивана Грозного на Руси) ограничивалась хронологией войн и датами правления монархов, а новейшая (вероятно, подразумевался XIX век) не преподавалась вообще. Так что к становлению видного историка гимназия явно не была причастна, по крайней мере преподаванием истории.

Удивительно, но своенравный Милюков после недолгого неприятия увлекся древней словесностью. Через много десятилетий он отмечал исключительную заслугу в этом преподавателя древних языков Петра Александровича Каленова. Этот человек не имел специального образования, а учителем стал в силу того, что толстовская реорганизация гимназического образования потребовала большого числа преподавателей древних языков. Найти их было нелегко, и администрация вынуждена была принимать на работу «любителей».

Каленов, любитель Древнего мира в прямом смысле слова, эту любовь передавал ученикам. Он не был слишком требовательным, не заставлял скрупулезно учить грамматические исключения, что делали другие педагоги. Зато он знакомил подопечных с древнегреческой философией, по-своему трактовал Сократа и Платона, проводя параллели с современной жизнью, и с помощью классиков пояснял вечные нравственные идеалы. «Этого рода «классицизм» выходил далеко за пределы полицейских предвидений его сиятельства графа Дмитрия Андреевича [Толстого]^{52}». Каленов был одновременно любителем западной классической поэзии. Позже Милюков с удовольствием написал предисловие к сборнику произведений Фридриха Шиллера в переводе Каленова^{53}.

Осознав, что древние языки — это мощный инструмент изучения культуры, а следовательно, историко-культурных сопоставлений, Милюков в старших классах настолько овладел латынью и древнегреческим, что смог в подлинниках читать античные сочинения. Он стал «классицистом» в лучшем смысле этого слова и даже написал ученическую работу «Метафизика Аристотеля»^{54}.

Другой областью его интересов стало соотношение экономического

развития со всеми остальными сферами эволюции общества. Сугубо ученический характер носило написанное в седьмом классе сочинение «О влиянии земледелия на развитие цивилизации», но обширный список использованной литературы свидетельствовал, что гимназист занимался этой темой серьезно.

Еще одно ученическое произведение было посвящено Реформации, причем юный автор попытался провести сравнение между протестантизмом и католицизмом^[55].

Сочинения Павла, при всём их наивно-дилетантском характере (иного невозможно было ожидать от школьника-подростка), всегда были по возможности самостоятельными, содержали элементы анализа, собственные выводы и, главное, были написаны после проработки целого массива литературы. Они стали своего рода строительным материалом того фундамента, на котором позже основывалась научная деятельность Милюкова.

Директор гимназии Малиновский был настолько впечатлен успехами Павла в области классической лингвистики, что незадолго до выпуска вызвал его к себе и предложил поехать на два года за границу за государственный счет для изучения классических языков с обязательством по возвращении преподавать их. Едва Малиновский перешел от общих фраз к конкретике, Милюков решительно отказался. Директор признался, что именно такого ответа и ожидал — как видно, он хорошо знал своего воспитанника. Действительно, при всей любви Павла к древним языкам и литературе, он видел в них не самоцель, а средство изучения культуры, что, в свою очередь, считал инструментом общественной деятельности.

В последнюю пару лет гимназических штудий у Павла явно стал формироваться интерес к социальным проблемам, к возникавшим легальным и подпольным политическим организациям, к перспективам развития страны. В стремлении найти выход общественной активности он, разумеется, не был одинок. Вопросы исторического прогресса, соотношения эволюции и революции, места выдающихся личностей в общественном развитии обсуждались гимназистами и на переменах, и во время случайных встреч в свободное время. Постепенно образовался кружок если не единомышленников, то, во всяком случае, тех, кто задумывался над сложными проблемами бытия и стремился путем обсуждения различных точек зрения найти по возможности единую позицию. Кружок был неформальным, никаких документов вроде устава не существовало, участники не платили взносов. Молодые люди собирались время от времени на квартирах друг у друга. Обычно кто-то читал доклад, а

следовавшее затем обсуждение быстро уходило от начальной темы, распространяясь на вопросы бытия — от положения в гимназии до мировых проблем и философских абстракций.

Из членов кружка Милюков особенно рельефно вспоминал графа Николая Долгорукова, которого родители, следуя демократическим поветриям, решили не учить дома, а отдать в «обыкновенную» гимназию. Он был общителен, дружелюбен, отличался живостью характера и был принят гимназистами как свой. Милюков не рассказывал, чем отличился Долгоруков в кружке. Скорее всего, этот человек запомнился ему совместной военно-санитарной экспедицией, предпринятой сразу после окончания гимназии. Но всё же через много лет, в 1892 году, Милюков в письме видному ученому М. М. Ковалевскому называл Долгорукова центральной фигурой ученического кружка^{56}.

Среди тем, обсуждавшихся в кружке, Милюкову запомнились две: о чешском борце против религиозной нетерпимости и последователе протестантизма Яне Гусе и о социальных взглядах Огюста Конта, о котором гимназисты слышали впервые. Можно полагать, что этот доклад вызвал интерес к Конту и позитивистской философии, которая позже являлась одной из основных теоретических основ творчества Милюкова, когда он стал зрелым историком.

Сам Павел выступал в кружке два раза. Тему одного доклада он просто не запомнил, зато вторая тема была очень показательной: «Исключительность, подражательность и эклектизм». В своих воспоминаниях Милюков исключил из названия доклада последнее слово, возможно, просто позабыв его, но скорее потому, что оно не понравилось негативной коннотацией. Эти категории рассматривались не как индивидуальные черты характера людей, а как социальные явления. Исключительностью автор именовал «нетерпимый идеологический национализм». Докладчик соглашался, что нации ценны оригинальностью, самобытностью, особым строем жизненных сфер. Но это, в его представлении, никак не оправдывало курса на исключительность, особенно в отношении народов, отставших от наиболее передовых. В этом смысле подражательность он считал неизбежным и прогрессивным явлением^{57}.

Он доказывал необходимость подражательства на примере эволюции русской литературы, в которой различал «стадии, соответствовавшие смене заграничных источников нашего подражания»: «Тут уже вырисовывались некоторые черты моего будущего социологического и политического

мировоззрения. Но... всё это было еще очень смутно; характерен для меня был только выбор самой темы». Более того, по мнению исследователей, «будущий ниспровергатель политических авторитетов в гимназические годы сам призывал полагаться на авторитеты»^{58}.

В любом случае и выбор темы, и ее трактовка свидетельствовали, что Милюков решительно отказывался от узкого русофильства, становился безусловным западником, сторонником следования лучшим социальным, политическим, культурным европейским образцам, разумеется, при сохранении отечественной специфики.

Хотя кружок явно не носил политического характера, само его существование было определенным риском, так как и гимназическое начальство, и охранительные органы крайне подозрительно относились к любым сходкам молодежи, понимая, что именно в них зреют зерна интеллигентской революционности. В это время как раз из среды молодых интеллигентов возникли подпольные русские революционные организации — «Земля и воля» (1876), затем расколовшаяся на «Народную волю» и «Черный передел» (1879). Это были годы бурного разброда в среде революционеров — одни вставали на путь индивидуального террора, полагая, что убийством императора и его приближенных можно поднять на борьбу широкие массы; другие начинали тяготеть к просветительной работе в крестьянской и рабочей среде; наконец, некоторые знакомились с марксизмом и надеялись создать в сравнительно недалеком будущем нелегальную пролетарскую партию, которая поведет за собой не только рабочих, но и крестьян.

От всех этих веяний кружок, в который входил Милюков, был очень далек. Но сам факт его существования мог вызвать серьезные подозрения властей и если не привести к аресту молодых людей, то испортить их карьеру. К счастью, власти о кружке так и не узнали. Продолжал ли кружок существовать после 1877 года, когда Павел окончил гимназию, он не ведал, по крайней мере не упоминал об этом в своих мемуарах.

Павел был знаком с несколькими юношами, в той или иной мере связанными с революционными подпольными организациями, но сколько-нибудь существенного влияния на его настроение эти знакомые не оказали. Он с опаской относился ко всякого рода лозунгам и разговорам об опоре на «простой народ», который вот-вот поднимется и опрокинет прогнившее самодержавие.

В этом смысле особое впечатление на Павла произвело побоище, которое учинили над студентами «простые люди» — рубщики мяса с Охотнорядского рынка — в 1876 году. Кружковцев мучили вопросы: как

могло такое произойти? почему «охотнорядцы» с невероятным ожесточением набросились на тех, кто считался их защитниками перед властями? как могли работяги напасть на своих «друзей по идее»? кто виноват в том, что на улице произошло кровавое столкновение?

Члены кружка решили обратиться к славе русской литературы Ф. М. Достоевскому. Наивные молодые люди явно идеализировали великого писателя. Они хорошо знали, что Достоевский был членом революционного кружка Петрашевского (1849), о котором стало широко известно в результате приговора его участников к смерти (их привели на казнь, а затем помиловали)^[59]. Милюков и его товарищи восторгались «Преступлением и наказанием» и повестями писателя, однако мимо их внимания прошел роман «Бесы», в котором представлены были омерзительные типы тех, кто пытался насильственными средствами изменить сложившийся порядок.

По поручению кружка письмо Достоевскому написал Милюков. Смысл его состоял в вопросе: виноваты ли мы (то есть юное интеллигентное поколение) в том, что произошло в Охотном Ряду, и если это так, в чем состоит наша вина. В письме высказывалось недовольство русской прессой, в которой, по словам Милюкова, звучал «предупредительный тон снисходительного извинения» по отношению к студентам, включая пострадавших от «охотнорядцев».

Достоевский ответил далеко не сразу. Вначале он собрался дать ответ, опубликовав соответствующую статью, но, как позже писал своим адресатам, не смог этого сделать «по не зависящим от меня обстоятельствам», то есть явно по цензурным причинам.

Ответное письмо было написано только 18 апреля 1878 года и получено уже не гимназистами, а студентами^[60]. Достоевский выразил убеждение, что студенческие волнения — результат губительного влияния европейских идей, а ответ на все жизненные вопросы следует искать в православных традициях русского народа. Писатель пророчествовал: его корреспонденты, порывая с ложью общества, к которому принадлежали, обращаются не к русскому народу, в котором спасение, а к Западу.

По существу, Достоевский смешал в кучу экстремистские народнические действия, индивидуальный террор, «хождение в народ» более умеренной части революционеров, просветительские тенденции либеральной молодой интеллигенции. «Кончается тем, — вещал Достоевский, — что к данному сроку и молодежь, и общество не узнают народ. Вместо того, чтобы жить его жизнью, молодые люди, ничего в нем

не зная, напротив, глубоко презирая его основы, например, веру, идут в народ — не учиться народу, а учить его, свысока учить, с презрением к нему — чисто аристократическая барская затея?»^{61}

В таком духе было выдержано всё письмо. У писателя, который в одном месте письма ссылался на притчу Панурга из «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле по поводу толпы, элементом которой могут в некоторых случаях стать и люди образованные и критически настроенные, явно произошло смешение понятий народа (который он вроде бы идеализировал) и толпы погромщиков из Охотного Ряда, которых, получалось, Достоевский защищал.

Видимо, почувствовав, что перегнул палку, писатель завершал письмо на дружеской ноте: «Если хотите мне сделать большое удовольствие, то, ради Бога, не сочтите меня за какого-то учителя и проповедника свысока. Вы меня вызывали сказать правду от сердца и совести; я и сказал правду, как думал и как в силах думать»^{62}.

Такая «кода» отнюдь не ввела адресатов в заблуждение. Юноши были просто шокированы. Естественно, у них возникло жгучее недовольство позицией Достоевского. Сохраняя уважение к нему как к художественному творцу, они начинали различать гениальные художественные образы и социально-политическую позицию писателя, учились понимать, что между тем и другим подчас проходит глубокая борозда. «Как быть насчет православия, мы не решали, но Европы мы выдать не могли — и не только не видели никакого противоречия между народом и Европой, но, напротив, от Европы ждали поднятия народа на высший культурный уровень. А Достоевский призывал искать идеала в традициях Охотного Ряда и возвращаться к временам телесных наказаний и крепостного права как к школе смирения русского народа перед Христом»^{63}.

Переписка с Достоевским закрепила западническую ориентацию Милюкова, разумеется, еще неразвитую, но тем не менее вполне уже ощутимую.

С 26 мая по 11 июня 1877 года Павел Милюков сдавал экзамены на аттестат зрелости. Когда на заседании учебного совета гимназии обсуждался вопрос о награждении выпускников, Каленов встал на защиту Милюкова, который предварительно по просьбе учителя представил ему список произведений древней литературы, которые не только прочитал, но и мог пересказать и прокомментировать на языке оригинала. Несмотря на то, что некоторые учителя неодобрительно относились и к Каленову с его внепрограммными экспериментами, и к плохо управляемому выскочке

Милюкову, директор гимназии Малиновский всё же проявил объективность. В результате Павел оказался единственным из двадцати девяти выпускников 1877 года, награжденным серебряной медалью (золотую не получил никто), и стоял на первом месте в списке из четырех учащихся, от которых руководство гимназии ожидало «дальнейших успехов в науках»^{64}.

Санитарный отряд на Кавказе

Как раз в то время, когда Павел Милюков завершал гимназическое образование, вспыхнул «восточный кризис», в основном связанный со стремлением правивших кругов европейских держав ослабить Османскую империю, ликвидировав ее европейские владения на Балканском полуострове путем завершения образования там национальных государств. Кризис сопровождался дипломатической конкуренцией между самими европейскими державами за преобладание на Балканах и обострялся национально-освободительной борьбой славянских народов и общественным движением за оказание им помощи.

Апрельское восстание 1876 года в Болгарии было жестоко подавлено турецкими войсками. Лозунг «На помощь болгарским братьям!» был широко распространен в интеллигентских кругах России, как правонационалистических, так и либеральных. «Освобождение славян без спора признавалось специальной русской задачей. Своего рода нравственной обязанностью по отношению к «братьям», — вспоминал Милюков через много лет^{65}.

В 1877 году, после неудачи длительных дипломатических переговоров, Россия объявила войну Турции, и ее армия в апреле перешла границу.

Разумеется, московские гимназисты-выпускники, не зная о тайных перипетиях взаимоотношений держав, восприняли войну как дело справедливое, как поход во имя освобождения болгар и испытывали жгучее желание помочь им. В армию их не брали по возрасту. Поэтому Милюков был обрадован, когда Н. Долгоруков предложил после выпускных экзаменов записаться в санитарный отряд, формировавшийся московским дворянством. Безграничными альтруистами юноши, однако, не были — оба собирались поступать в университет и жертвовать годом студенчества не хотели, поэтому решили состоять в отряде только во время летних каникул.

К их огромному разочарованию, отряд был направлен не на Балканы, а

на второстепенный Кавказский фронт и размещен не на передовых позициях, а в тылу, так что вблизи войну молодые люди так и не увидели. Но всё же это был важный жизненный опыт.

Отряд располагался на Сурамском перевале, куда по железной дороге доставлялись раненые. Никаких навыков ухода за ранеными у Милюкова не было, поэтому его общение с ними ограничивалось патриотическими беседами, писанием писем от их имени и т. п. Но и это было важно. По существу, Павел впервые оказался рядом с «простыми людьми» с их жизненными заботами и непривычными нравами.

Одновременно он выполнял обязанности казначея и следил за отпуском продуктов на кухню отряда. Обе задачи были не из легких, так как у юноши не было никаких знаний в области бухгалтерии, никакого представления о рыночных ценах на Кавказе. Всем этим приходилось овладевать на ходу, причем в считанные дни, иначе отряд мог бы оказаться «банкротом» либо страдать от голода. Проявив в общении с поставщиками настойчивость, а порой и жесткость характера (все продукты он скрупулезно взвешивал, не доверяя накладным), Павел справился с этими задачами, и начальство было им довольно.

У него даже оставалось время для чтения. Павел собирался поступать на филологический факультет университета — скорее всего потому, что отдельных исторических факультетов в то время просто не существовало, а на филологических факультетах как раз в это время стали готовить и историков, а сами факультеты вскоре были переименованы в историко-филологические. При всей любви к художественной литературе он уже начинал понимать, что его призвание — именно история (одновременно в отдалении маячила и общественно-политическая деятельность, но сам Павел это еще не очень сознавал). С собой он взял толстый том известного историка Николая Яковлевича Данилевского «Россия и Европа». Эту весьма сложно написанную книгу (впервые она была опубликована в 1869 году) Павел смог детально изучить за месяцы, проведенные в санитарном отряде.

Он с глубоким интересом ознакомился с историко-философскими оценками Данилевского, который разработал теорию «исторических групп» (затем определяемых как «культурно-исторические типы»). Его интерес, а подчас и серьезные возражения вызывал анализ признаков этих групп, включавших религию как ведущий момент, а также культуру, политические и социально-экономические факторы. Считая Россию и славянство особым культурно-историческим типом (Милюков быстро уловил глубокие внутренние противоречия в таком подходе, ибо Россия была страной

многонациональной, а религиозность ее населения отнюдь не исчерпывалась православием), историк призывал отрешиться от безоговорочной солидарности с интересами Европы.

На Павла глубокое впечатление произвели соображения Данилевского о необходимости создания федерации славянских государств со столицей в колыбели православия Константинополе; но к другим, по его мнению, чуть ли не экстремистским (естественно, только в научном смысле слова) суждениям автора отнесся весьма критически. Он не совсем верно понял логику рассуждений мыслителя: якобы тот, считая религию главным фактором формирования культурно-исторического типа, исключал из славянства народы, не исповедовавшие православие («крайнее сужение понятий славянства до православных славян, с устранением католических»^[66]), тогда как на деле историк относил чехов и поляков к славянам, но первых считал сильно онемеченными, а вторых весьма своеобразно характеризовал как «арендного члена славянской семьи».

Заинтересовавшись своеобразным взглядом Данилевского на культурно-исторические типы, молодой человек никак не мог совместить его с всемирно-исторической миссией славянства в узком, искусственном ее понимании. Наступит время, и Милюков, оставаясь западником (в том смысле, что он считал Россию неделимой частью Европы, догоняющей западноевропейскую цивилизацию), проявит особый интерес к проблемам исторических связей славянских народов, их прошлого и настоящего, примет участие в расследованиях османских преступлений против болгарского народа в македонских областях, воспримет требование передачи Константинополя южным славянам, а фактически России. Во всём этом можно увидеть определенное влияние концепций Данилевского, несмотря на критический подход к его сочинениям.

У Милюкова, впрочем, были и другие занятия в свободное от выполнения основных обязанностей время. Он научился верховой езде, стал изучать грузинский язык, что ему пригодилось в будущих научных исследованиях.

Возвращение в Москву для начала учебы в университете сопровождалось небольшим инцидентом, который засвидетельствовал, что у нашего героя, при всём его «примиренческом» складе характера и относительном спокойствии, подчас возникали вспышки неповиновения и даже агрессивности, когда затрагивалось его достоинство.

На Военно-Грузинской дороге, которая преодолевалась в конном экипаже, пришлось сделать долгую остановку из-за осенней непогоды. Была вторая половина сентября — обычное время ненастья в горах

Кавказа. Милюков сильно замерз, теплой одежды у него не было. Закутавшись в плед и прикрыв голову кепкой, он буквально ворвался в зал придорожного ресторана, чтобы поскорее согреться. На беду, в зале обедал некий офицер высокого чина со свитой. Громко возмущившись, что какой-то мальчишка позволяет себе находиться в его присутствии в головном уборе, офицер двинулся к Павлу с видом, не предвещавшим ничего хорошего. Вместо того чтобы снять кепку и замять инцидент, Павел схватил за ножку стул и двинулся навстречу противнику. Драка с офицером, да еще в условиях военного времени и поблизости от фронта, могла стоить учебы в университете. На его счастье, в дело вмешался ехавший с ним Николай Долгоруков, который, назвав свой княжеский титул, смог успокоить офицера и вывел приятеля из зала. Несколько бравируя и преувеличивая смысл случившегося, Милюков писал в мемуарах: «Это было своего рода мое гражданское крещение»^{67}.

Начало студенчества

С небольшим опозданием 27 сентября 1877 года Павел Милюков приступил к занятиям на историко-филологическом факультете Московского университета, находившемся в историческом центре Москвы, напротив Кремля, перед Манежем.

На первый курс были зачислены 58 студентов. Требования на факультете были высокими, и из этого числа немало отсеялось — в 1881 году университет окончили лишь 33 человека. Павла среди них не было^{68} — ему пришлось потерять один год: он был исключен с правом восстановления за участие в студенческих беспорядках.

Первые два года студенческой жизни Павел, тяготея к истории, всё же основное внимание уделял изучению основ словесности, полагая, что именно она дает ключ к анализу общественного развития.

Это было время всеобщего увлечения «позитивными», естественными науками, «точными» методами познания природы, убеждения, что именно обычных количественных подсчетов достаточно для установления природных закономерностей, к которым многие ничтоже сумняшеся причисляли и законы развития общества. Соответственно большинство абитуриентов стремились поступать на естественный факультет. Свое пребывание на историко-филологическом факультете Павел и его товарищи в какой-то мере оправдывали тем, что методы точного количественного

анализа появляются и в гуманитарных областях, которые им предстоит двигать дальше. В первую очередь к таким передовым областям относили только формировавшееся сравнительное языкознание, объявленное его сторонниками второй точной наукой после математики.

Преподавал сравнительную лингвистику и связанные с ней дисциплины Филипп Федорович Фортунатов, еще совсем молодой, 29-летний, но уже знаменитый, основатель московской «формальной» лингвистической школы. Позже он станет членом Петербургской академии наук.

Фортунатов внес огромный вклад в индоевропейские филологические исследования и общую теорию грамматики. Обе эти области он фактически поставил на подлинно научную основу, начав внедрение количественных методов сравнительного анализа. В группе Милюкова он читал, казалось бы, не очень значительный курс литовской фонетики. Но в то время литовский язык считался древнейшим из сохранившихся языков, и Фортунатов своим авторским курсом (Милюков исправно записал все его лекции, но, к сожалению, не позаботился об издании этого конспекта) учил студентов проводить сравнительный языковедческий анализ, скрупулезно вести исследования.

Не менее важное значение имел морально-педагогический аспект — студенты учились у молодого приват-доцента, которого с полным основанием считали гениальным ученым, самозабвенному служению науке, отстаиванию своих взглядов невзирая ни на какие авторитеты, умению отказываться от соблазнительных жизненных благ, если этого требует высокая, воистину подвижническая миссия, личной скромности и задушевности в общении^{69}.

Видимо, под влиянием Фортунатова Милюков на первом курсе увлекся древними сказаниями, стал изучать санскрит и даже пытался переводить с него, сохраняя форму оригинала и в какой-то степени его дух. Перевод отрывков из древнего индийского сказания о Нале и его жене Дамаянти сохранился в архивном фонде^{70}. Павла не смутило, что уже была поэма «Наль и Дамаянти», написанная В. А. Жуковским. Юный переводчик попытался выработать свою систему записи материала — делил страницу на три колонки: в первую вписывались санскритские иероглифические тексты определенного эпизода (песни), во вторую — их буквальное значение на русском языке, а в третью — оформленный в смысловом и художественном отношении русский текст. Впрочем, это увлечение оказалось недолгим. От перевода с санскрита Милюков отказался и более к

нему не возвращался.

Глубокое впечатление произвели на начинающего студента и другие филологические курсы.

А вот исторические дисциплины поначалу разочаровали. Думается, что Милюков не был вполне точен в мемуарах, когда говорит: «История меня заинтересовала в университете не сразу»^{71}. Он скорее всего имел в виду не историю как процесс или науку, а способ ее подачи первокурсникам. Он ожидал с первых университетских дней услышать о новейших, блестящих научных открытиях. Вместо этого пришлось слушать скучные лекции по древней истории профессора Владимира Ивановича Герье. Рассказывая о нем, Милюков в очередной раз проявил способность давать чисто субъективные оценки. Ему не нравились лекции, а потому он критически воспринимал и внешность преподавателя, которая «не располагала в его пользу», и «пожилой» возраст (на деле в год поступления Милюкова Герье было всего 40 лет).

Собственно говоря, речь скорее шла не столько о качестве лекций Герье, а о впечатлении, произведенном им на Милюкова. «Первая же встреча с ним в аудитории сразу оставила резко отрицательное впечатление. Он точно задался целью прежде всего унижить нас, доказав нам самим, что мы дураки и невежды»^{72}. А как, собственно, должен был смотреть профессор на зеленых первокурсников? У профессоров, как и у «обычных людей», бывали разные характеры, своеобразные черты. И нечего было сравнивать, тем более через 60 с лишним лет, общительного Фортунатова с сухим Герье и убеждать себя в невежестве ученого, который оставил ценные исторические сочинения по проблемам Античности и новой истории Франции. Другой известный историк Н. И. Кареев оценивал Герье совершенно иначе: «Можно не соглашаться с его философскими, общественными, политическими взглядами, но нельзя отрицать, что научные вопросы он ставил широко, идейно, с философским уклоном, чем он и привлекал к себе желающих заниматься историей»^{73}.

Из этих слов становится ясна причина, по которой Милюков через много лет столь уничижительно отзывался о Герье: явно вмешивалась политика. Герье не был чужд ее, бывал и председателем Московской городской думы, и членом Государственного совета, и деятелем партии октябристов, и активным сторонником аграрной политики П. А. Столыпина. Так что для Милюкова политическая деятельность Герье явно затмила его научную и преподавательскую работу.

Правда, в семинаре Герье Милюков написал работу о концепции

французского историка XIX века Алексиса де Токвиля, изложенной в монографии «Демократия в Америке», где обратил особое внимание на отстаивание автором демократического политического устройства, основанного на равноправных социальных отношениях^{74}.

Чтобы немного подзаработать, Павел брал у профессоров тексты их лекций, печатал их на пишущей машинке, а затем продавал студентам. При этом он подмечал, что иногда тексты лекций почти полностью повторяли учебники, написанные другими авторами, что также отнюдь не способствовало авторитету университетских преподавателей.

Не заслужил его похвалы и только что упомянутый Николай Иванович Кареев, 28-летний начинающий ученый, который в 1878/79 учебном году прочитал второкурсникам курс истории XIX века в качестве «стороннего», то есть внештатного преподавателя. Как и другие студенты, Милюков считал, что со стороны Кареева было «непростительной дерзостью» вторгаться в современность. Кроме того, у Милюкова была особая причина для неприязненного отношения к Карееву: оказалось, что они стали ухаживать за одной девушкой. Что собой представляла эта особа, неизвестно, но она отвергла обоих, породив у Павла неприязненное чувство не столько к ней, сколько к сопернику, оставшееся надолго. В его бумагах сохранились тезисы резко отрицательной рецензии на докторскую диссертацию Кареева «Основные вопросы философии истории» (1884)^{75}. Скорее всего придя к выводу, что он относится к ученому предвзято, Милюков рецензию не опубликовал.

Однако негативные впечатления от преподавания исторических дисциплин скоро сменились новыми оценками, связанными с появлением на студенческом горизонте новых ученых, из молодого поколения, которые не просто вносили свежую струю в овладение знаниями, но и приучали к аналитической работе, стремясь вывести историческую науку на принципиально новую тематику, перейти от фактологического воспроизведения царствований и режимов с их внутренней и внешней политикой и особенно войнами к исследованию общественных структур, взаимоотношения экономических, политических и идеологических факторов, к анализу новых источников, которые в огромном количестве хранились мертвым грузом в архивах.

На первое место в кругу интересов Милюкова история выдвигалась постепенно. Через много лет он писал младшему сыну, ставшему студентом, что «несколько раз менял намеченные предметы деятельности, иногда разочаровывался в них, иногда признав себя менее пригодным к

одним, чем к другим, и решившись самоограничиться»^[76].

Тем временем Павел Милюков искал свое место в науке — где-то на грани социально-политической истории, истории искусства и филологии, постепенно подбираясь к комплексному пониманию культуры не просто как суммы определенных слагаемых, а как специфической дисциплины, имеющей право на существование в качестве самостоятельной исторической отрасли.

Заниматься, однако, приходилось не только академическими делами, всё больше думать о вещах элементарных, о том, чтобы поддерживать сносный уровень жизни.

Уже в первый студенческий год значительно уменьшился заработок отца, страдавшего тяжелым сосудистым заболеванием и вынужденного перейти в банке, где он служил оценщиком, на неполный рабочий день. Семья, членом которой, по крайней мере внешне, продолжал оставаться Павел, переехала из просторной квартиры в Староконюшенном переулке в значительно меньшее жилище на Чистых прудах. Впрочем, достаточно непритязательный Павел скорее не горевал по этому поводу, а был рад, что зимой можно на соседнем пруду кататься на коньках, а летом укрыться от жары на тенистом бульваре. Его вполне устраивала отведенная ему маленькая комната, где помещались кровать, письменный стол и полки с постепенно накапливавшейся библиотекой.

Судя по его воспоминаниям, Павел не участвовал в семейных расходах. Более того, непонятно, на какие деньги он учился в университете. Он не пишет об этом в воспоминаниях, и другие источники не сообщают сведений на этот счет. Похоже, за обучение всё же платил отец.

Очень скоро Павел отказался от продажи профессорских лекций студентам, ибо это занятие всё более его раздражало бессмысленностью, низким качеством распространяемого материала, да и мизерностью заработка. На первом и втором курсах он немного подрабатывал частными уроками, но, как сам признавал, полученные деньги шли только на покупку книг^[77].

Создается впечатление, что взрослый уже Павел чувствовал себя не членом семьи, а квартирантом, которого почти не трогали семейные заботы. Такой строй мыслей и поведения особенно четко проявился в том, как он воспринял кончину отца.

Произошла она, по его словам, зимой 1878/79 года. Он даже не запомнил точную дату. Ночью, во сне, у Николая Павловича произошло кровоизлияние в мозг. Попытки привести его в сознание оказались

безрезультатными, и через сутки наступила смерть. Буквально поражает сухая фраза в воспоминаниях сына: «Отец умер — не старым, — если не ошибаюсь, 59 лет от роду»^{78}. Это «если не ошибаюсь» звучит так, как будто речь идет о чужом человеке. Или, может быть, на девятом десятке жизни, когда писались эти слова, у самого Милюкова представления о жизни и смерти стали настолько отстраненными, что он переносил их и на близких людей? Но если даже и так, особых переживаний не было и в момент смерти отца. Более того, Павел Николаевич на пять лет ошибся в возрасте отца — Николай Павлович скончался на 54-м году жизни. Так что, видимо, отчуждение от отца, а в скором времени и от матери не было преодолено им до старости лет.

Кончина отца привела к тому, что семья осталась без надежных средств к существованию. Мать сдала одну комнату студентам-медикам. Общение с ними в какой-то мере расширило представления Павла о течениях русского социализма. Один из постояльцев, украинец, был типичным представителем национального народничества, другой, «уверенный в себе и в непререкаемой истине своего катехизиса»^{79}, казался воплощением митингового социал-демократа. В любом случае беседы с будущими врачами были полезны — они расширяли представления Милюкова о левых политических течениях, укрепляли его в мнении о необходимости придерживаться центристских взглядов.

Помимо комнаты, мать стала сдавать и семейные дачные помещения, так что со смертью Николая Павловича Милюковы в полном смысле слова бедствовать не стали, но доходы и расходы приходилось считать значительно внимательнее. Теперь и Павлу пришлось принять участие в формировании семейного бюджета — не только сократить походы за книгами в магазины и на «толкучку», но и всерьез загрузиться частными уроками.

Лето молодой человек провел в имении 83-летней княгини Варвары Николаевны Долгорукой, занимаясь воспитанием десятилетнего сына ее родственников, проживавших в имении. Сколько-нибудь глубокие впечатления от общения с престарелой вдовой министра юстиции при Александре I не сложились, хотя Павел приобрел некоторый педагогический опыт. Юношу сочли недостаточно почтительным, и по окончании летнего сезона он получил расчет.

Из сохранившихся воспоминаний создается впечатление, что тем летом Павел не только воспитывал отпрыска высокопоставленной семьи. Главные его думы были направлены на осмысление философских проблем

истории, которой он всё более увлекался, считая именно ее своей будущей специальностью, хотя и не пренебрегал художественной культурой, рассматривая искусство и литературу именно как базу познания исторических закономерностей. Он вспоминал, что за лето исписал большую тетрадь мыслями о «конструировании» исторического процесса: «Это был важный шаг в развитии моего собственного взгляда на историю человеческой культуры»^{80}.

Появлялись новые знакомые, общение с которыми способствовало постепенному вхождению в круг московской интеллектуальной элиты с ее спорами, порой перераставшими в открытые конфликты. Милюкова понемногу узнавали в этой требовательной и придирчивой среде, а он учился отстаивать свои взгляды, оттачивать мастерство полемики, узнавал о новых веяниях в гуманитарных дисциплинах не только в России, но и за рубежом, о новейшей литературе.

В одном доме он встретился со становившимся знаменитым Максимом Максимовичем Ковалевским. Молодой человек (старше Милюкова на восемь лет), по образованию юрист, но по складу ума, интересам и направлениям деятельности гуманитарный энциклопедист, Ковалевский в то время преподавал в Московском университете, а с 1879 года издавал вместе с В. Ф. Миллером журнал «Критическое обозрение», в котором пропагандировал свои политико-социологические взгляды.

Ковалевский проповедовал, что продвижение каждого общества от низших к более высоким стадиям является исторической закономерностью, однако прогрессу противоречит «противопоставление бедности и богатства, рознь между имущими и неимущими», для преодоления же этого противоречия необходимы вмешательство государства в распоряжение собственностью в интересах земледельцев и рабочих, юридическое закрепление права на труд, свободную деятельность профсоюзов, их борьбу за социальные права. Ученый был убежден, что при относительно медленных общественных изменениях прогресс будет более надежным, чем при быстрых, что эволюцию надо предпочитать революции; прогресс желателен только при условии сохранения общественного порядка^{81}.

Познакомившись с Ковалевским, Милюков стал следить за его публикациями, которые оказывали бесспорное влияние на формирование либерального мировоззрения молодого человека. Иногда он приходил к ученому домой, главным образом чтобы воспользоваться его огромной библиотекой. Как-то он явился к Ковалевскому за какими-то книгами по

средневековой истории. Максим Максимович спросил студента, знает ли он труды Огюста Конта. Тот ответил, что знаком с учением Конта только в кратком изложении, но с большим интересом прочел бы его основную работу «Курс позитивной философии». Ему тут же был вручен третий том восьмитомного сочинения, в котором крупнейший философ развивал учение о трех фазах всемирной истории: теологической, метафизической и позитивной. В этот раз книги по Средневековью так и остались нераскрытыми. «Но в Конта я вцепился и не только прочел весь толстый том, но и подробно сконспектировал интересовавшую меня часть»^[82].

Можно быть уверенным, что это была последняя часть труда Конта, в которой и обосновывалась сущность позитивистского взгляда на мир. Философ доказывал, что человечество есть часть природного мира и развивается на основе естественных законов. Социология, основоположником которой он являлся, должна заимствовать базовые методы исследования из естественных наук — только в этом случае она станет точной наукой. Позитивная философия должна основываться на фактическом материале частных наук, являться обобщением их данных. Что же касается философии, то она не имеет своего, особенного содержания — она только приводит содержание всех наук в общий систематический порядок.

Эти идеи Конта сыграли исключительно важную роль в формировании подхода Милюкова к философии истории, хотя он не соглашался с абсолютизацией методологии естественных наук, всё больше осознавал специфику истории человеческого общества как научного комплекса и, следовательно, необходимость разработки, совершенствования и практического применения особых методов познания исторической действительности. Позже Павел даже писал, что у Конта «взгляд целый (то есть цельный. — Г. Ч., Л. Д.) до абсурда»^[83]. Но это было явное преувеличение, в котором Милюков вскоре стал отдавать себе отчет.

Не став позитивистом в полном смысле слова, Милюков взял из позитивизма главное — убежденность в необходимости строить научные концепции на базе изучения максимально доступного фактического материала, проверки точности данных, сообщаемых источниками, на основе комплексного подхода к различным факторам и составным частям исторического процесса. Иными словами, он со студенческих лет задумывался над тем, чтобы превратить историю в подлинную науку.

Первоначально молодой Милюков искал свой подход к общей периодизации всемирной истории исходя из контовской триады

исторического развития и видел ключ в смене приоритета веры, чувства и мысли как ведущих факторов на разных этапах развития человеческих сообществ. Он писал в мемуарах: «Мое увлечение Контом стало известно, и меня стали считать — иные, быть может, и до сих пор считают — присяжным «контистом». Название «позитивиста» подходило бы больше, так как у Конта я взял не столько его схему, сколько его научное направление. Я уже и тут внес оговорку, упомянув о моих занятиях критической философией и теоретико-познавательными вопросами. Но эта оговорка до конца осталась незамеченной, тем более что в дальнейшем мне пришлось защищать позицию «позитивизма» против «метафизики»^[84].

Так или иначе, но специальные интересы Павла всё больше сосредоточивались на истории, причем не на отвлеченных рассуждениях теоретического характера, а на сугубо конкретной проблематике, к которой, однако, можно было бы применять те «позитивные» методы, на которых настаивали Конт и его ученики, которые пропагандировал и М. М. Ковалевский.

Именно в это время в исторической науке России постепенно происходил перелом — ученые всё больше осознавали необходимость перехода от хронологического изучения событий к изучению процессов, истории учреждений, истории быта. Огромное значение в этом смысле имели специальные семинары, которые проводил Павел Гаврилович Виноградов, в то время «сторонний» преподаватель университета (его основным местом работы были Высшие женские курсы). Человек еще очень молодой (старше Милюкова всего на пять лет), Виноградов был «практиком» исторического исследования, уже проявил себя как мастер анализа архивного материала и именно этому учил Павла и его товарищей. Как раз в семинаре Виноградова по германским «правдам» Милюков учился анализу исторических первоисточников. А тот факт, что речь шла о документах не российской истории, а западноевропейской, причем периода раннего Средневековья, лишь обострял познавательное любопытство и давал надежду в будущем использовать подобные методы анализа для изучения сходных русских документов.

Собственно говоря, эти документы были законодательными актами, по-латыни они назывались «lex», то есть закон. Термин «правды» использовался по аналогии с русскими документами еще в предыдущие годы. Виноградов и его ученики, включая Милюкова, сохранили его, имея в виду общность основных путей исторического развития Руси и европейского Запада. Под руководством молодого преподавателя Милюков и другие студенты изучали записи норм права, судебники, действовавшие у

древнегерманских народов в период складывания государственности в V–IX веках. Перечни штрафов и других наказаний за те или иные преступления давали возможность делать выводы об уровне производительных сил, формах собственности, дифференциации общества, то есть об основах социально-экономических отношений в период зарождения феодализма. Большинство этих «варварских правд», сохранившихся в архивах и скопированных Виноградовым, отражали и элементы родового уклада, в частности разные типы общин.

Виноградов поручал студентам самостоятельно читать сложные тексты, причем в различных вариантах, выявлять разночтения и пытаться их объяснять, обращать внимание на древнеримские надписи. Именно по римской эпиграфике Милюков написал свою первую работу в семинаре Виноградова, которую тот оценил как удачное исследование. «Чем дальше, тем семинарий Виноградова становился всё более серьезным, а участники семинария сближались на общей работе и составили, в конце концов, дружную семью...»^{85}

Вскоре Милюков и Виноградов станут близкими друзьями, будут посещать друг друга не только для научных диспутов, но и для обсуждения общественных проблем, и просто для приятельских пирушек.

Естественно, глубокое впечатление на Милюкова производил общий курс русской истории, который со второго семестра второго курса стал читать Василий Осипович Ключевский. До этого лекции по этому предмету читал профессор старой школы Сергей Михайлович Соловьев, но после его смерти (1879) этот ведущий предмет был поручен Ключевскому, который в 1882 году, в 41 год, стал университетским профессором.

Он обладал уникальной памятью, исключительной эрудицией, ораторским талантом и к тому же авторитарной манерой общения. Аудитория на лекциях Ключевского была полна не только будущими историками, но и студентами всех других специальностей, включая «естественников». Его выступления были чуть ли не театральными спектаклями, ибо, помимо блестящего знания фактического материала, значительную часть которого лектор излагал по результатам собственных исследований, отличались подлинной художественностью изложения, блестящим остроумием, отточенной формой, нестандартными сравнениями.

Оценивая Ключевского, Милюков впадал в некую «потусторонность», что обычно ему не было свойственно. Эрудиция Ключевского казалась ему непостижимой с точки зрения обычного человеческого разума. Отсюда и такая, несколько странная оценка: «Ключевский вычитывал смысл русской

истории, так сказать, внутренним глазом, сам переживая психологию прошлого, как член духовного сословия, наиболее сохранившего связь со старой исторической традицией... [Он] сам говорил, что материал надо спрашивать, чтобы он давал ответы, а эти ответы надо предрешить, чтобы иметь возможность их проверить исследованием»^{86}.

Такого рода заявления Ключевского были в какой-то мере игрой, попой. Конечно, историческая интуиция существует, и мы не раз убеждались в этом в собственной исследовательской практике. Но основана она на знании сопутствующего исторического материала, и чем шире круг познаний исследователя, подчас даже вроде бы никакого отношения не имеющих к тематике его работы, тем скорее интуиция приведет к нужному результату.

Так или иначе, Ключевский решительно подавлял студентов непререкаемым авторитетом. Милюков признавал обаяние преподавателя, яркую художественность его лекций. Особенно его восхищал семинар по «Русской Правде» — древнейшему памятнику отечественного законодательства, который проходил на квартире Василия Осиповича.

Но для претенциозного молодого человека оставаться просто послушным учеником, впитывающим профессорскую эрудицию, было недостаточно. А Ключевский настаивал именно на этом. Потому еще в студенческие годы постепенно, наряду с восторженным преклонением, у Милюкова стало зреть глухое недовольство Ключевским, позже переросшее в открытое неповиновение и охлаждение отношений, граничившее с разрывом. Так что никак нельзя согласиться с И. Архиповым, утверждающим, что Ключевский навсегда остался для Милюкова «любимым учителем»^{87}.

Пока же, несмотря на то что в семинаре Ключевского трудно было получить навыки ведения научной работы, Милюков и его товарищи упивались знаниями своего преподавателя, а после занятий не расходились и, пользуясь гостеприимством радушной супруги Ключевского Анисьи Михайловны, приносившей чай и печенье, осаждали профессора вопросами политического свойства, от которых тот обычно отделялся шутками и парадоксами^{88}.

Общественные инициативы

Политика всё активнее проникала в университетские корпуса. До

студентов доходили сведения о разногласиях в народническом движении, которые привели к расколу «Земли и воли», о повороте части народников к марксизму, а другой части — к непримиримому индивидуальному террору. Если эти сведения о событиях, не представлявшихся студентам столь уж важными, поступали по каким-то неведомым каналам и поначалу воспринимались всего лишь как слухи, то об обращениях к Александру II с призывами дать России политические свободы и парламент было известно вполне достоверно. Более того, университетские профессора знали и передавали студентам, что в окружении царя идет подготовка крупной либеральной реформы управления, а либералы убеждают народников-террористов хотя бы приостановить покушения, чтобы дать императору время для введения реформы.

Студентам стало известно, что в самом конце 1870-х годов земские либералы Иван Ильич Петрункевич и Сергей Андреевич Муромцев выдвинули идею учреждения в России земского представительства при верховной власти. В значительной степени это было связано с тем, что в конце царствования Александра II ключевые посты в исполнительной власти занял харьковский генерал-губернатор граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов, в частности возглавивший в 1880 году Верховную распорядительную комиссию с широкими полномочиями, а затем ставший министром внутренних дел.

Основу программы его деятельности составляла идея сотрудничества с либеральными кругами общества, перевод их из оппозиции в лагерь союзников. Демонстрацией благих намерений было отстранение с поста министра народного просвещения графа Д. А. Толстого, который как раз в то время готовился к отмене восстановленной уставом 1863 года университетской автономии.

Двадцать восьмого января 1881 года Лорис-Меликов представил императору доклад с предложением учредить подготовительные комиссии с участием представителей земских органов для обсуждения законопроектов перед их внесением в Государственный совет. Проект реформы был, таким образом, очень ограниченным, о введении в стране конституционного правления, вопреки мнению современных монархистов, речь не шла^{89}.

Правление Александра II вообще было очень противоречивым. Писатель Дмитрий Быков, порой очень точно улавливающий особенности той или иной ситуации прошлого, пишет: «За десять лет реформ многое наверстали и вырвались вперед, хотя стали, в конце концов, палачами Польши и вырастили у себя отчаянных террористов»^{90}. Император в

основном одобрил проект реформы, но 1 марта 1881 года был убит народовольцами. Вступивший на престол Александр III отверг предложение Лорис-Меликова и вскоре принял его отставку.

В обстановке явной политической нестабильности всколыхнулось студенческое движение. Неудивительно, что в Московском университете Павел Милюков был в числе его активистов. Впрочем, использовались вполне легальные и даже традиционные формы, в частности студенческая взаимопомощь. Теперь касса взаимопомощи, которая существовала давно, для сбора средств стала использовать не только скудные взносы своих членов, но и выручку от проведения вечеров с участием известных актеров и музыкантов. На приглашения студентов стали откликаться выдающиеся таланты Первопрестольной. С одной стороны, это существенно пополняло фонд кассы взаимопомощи, ибо позволяло устанавливать сравнительно высокие цены на входные билеты, которые могли покупать не только студенты. С другой стороны, участие артистов в благотворительных вечерах носило демонстративный характер, свидетельствуя, что художественная интеллигенция смыкается с либеральными силами в стремлении к реформам. Так деятельность касс взаимопомощи стала приобретать политический оттенок.

Павел Милюков являлся членом кассы от своего курса и уделял немало времени поездкам к приглашаемым, организации их выступлений, а также финансовым делам кассы (пригодился опыт казначейства в санитарном отряде). Приходилось заниматься столь прозаическим делом, как руководство дешевой студенческой столовой. Милюков на старости лет писал, что оно требовало «больших забот и знания дела»^{91}.

Вместе с тем после отставки министра Толстого и назначения на его место Андрея Александровича Сабурова, бывшего до этого попечителем Дерптского учебного округа, где он проявил либеральные склонности, у студентов возникли более широкие планы. Им стало известно, что Сабуров хотел бы услышать мнение студентов об автономии высших учебных заведений. В результате студенты стали по курсам избирать своих представителей, явочным порядком создавая некий орган самоуправления. Милюков, тогда второкурсник, в день выборов не был в университете, и в результате выбрали не его, а другого студента. Звучит это в мемуарах очень примечательно: он уже чувствовал себя лидером, и факт избрания кого-то другого выглядел случайностью. Впрочем, такое же впечатление складывалось и у других людей, включая профессуру. В. И. Герье писал в воспоминаниях о страсти Милюкова к политике, «обнаруженной еще в

студенческие годы»^{92}.

Павел был одним из главных организаторов студенческих собраний, на которых шли острые дискуссии между умеренными и радикально настроенными. Последние стремились «внести политику» в университет, тогда как Милюков прилагал усилия, чтобы ограничить самоуправление решением чисто студенческих дел. Впрочем, он, вероятно, уже хорошо понимал, что уклониться от политики было невозможно — речь шла лишь о ее направленности. Милюкова и его сторонников называли «конституционалистами», более левых — сторонниками «суверенитета народа», имея в виду законодательное закрепление возможности проведения университетских сходов как некоего студенческого «парламента».

Определенным компромиссом между этими течениями было общее решение о создании университетского студенческого суда, председателем которого выбрали Павла Милюкова. Первое рассматриваемое им «дело» оказалось чуть ли не единственным (было еще только одно заседание) — семейный спор студентов-супругов. Милюкову было стыдно слушать интимные подробности, которые как из рога изобилия сыпались на заседании. Немудрено, что решение суда было однозначным: подобного рода дела ему неподсудны.

Но тем временем всё студенческое движение приближалось к финалу. Убийство Александра II и восшествие на престол его сына вскоре привели к отставке Сабурова и концу либеральных игр власти.

Вначале, в первые дни после террористического акта, Милюков по-прежнему демонстрировал умеренность. В суд под его председательством поступило дело одного из студентов, который при сборе денег на венок почившему императору издевательски бросил в шапку пуговицу. Провинившемуся грозило исключение. Вместо того чтобы взять его под защиту, как настаивали представители левого крыла студенчества, суд вынес решение: оставить нарушителя в университете, но вынести ему порицание с запрещением в дальнейшем участвовать в студенческих делах.

Однако административные и полицейские власти не считались с мнением студенчества, когда речь шла о подозрениях в революционной деятельности. Несколько однокурсников Милюкова были исключены из университета, а один, Яков Лудмер, арестован и без суда отправлен в административную ссылку в Архангельскую губернию. Павел переписывался с ним и в своих письмах не жалел черной краски для характеристики правительственной политики в области образования, одновременно критикуя земские управы за слабость и невнимание к

народному просвещению. Он не подозревал, что переписка Л уд мера перлюстрировалась охранными органами, которые в результате взяли на подозрение и его самого и стали вскрывать его письма, о чем сообщалось позже в одном из докладов петербургского охранного отделения, посланном для сведения в Заграничное отделение Департамента полиции (Парижское бюро охранки) в 1897 году^[93].

Занявший пост министра народного просвещения Александр Павлович Николаи, умеренный либерал, но робкий человек, не противился консервативному давлению, которое теперь оказывали на министерство царь и его окружение. Студенческие сходки были запрещены. Левые настаивали на их продолжении явочным порядком. Милюков, к тому времени уже студент выпускного четвертого курса, со своими единомышленниками решил провести последнюю сходку, чтобы придать прекращению этой формы студенческой активности вид самостоятельного решения его участников, и даже подготовил резолюцию.

Пятого декабря 1881 года студенты собрались в здании анатомического музея, который обычно использовался для такого рода мероприятий. Однако в самый разгар прений в помещении появились жандармы, схватили ораторов и председательствовавшего Милюкова и отвели их в здание Манежа, а оттуда в Бутырскую тюрьму. Правда, нельзя сказать, чтобы жандармы бесчеловечно обращались с арестованными — они даже дали им возможность по дороге в тюрьму подойти к ларькам, чтобы запастись продовольствием.

Большая камера, поначалу полная, в течение ночи постепенно пустела: к начальнику тюрьмы приезжали родственники арестованных, убеждавшие, что их близкие схвачены по ошибке. Вероятно, не обошлось без взяток. Остававшиеся провожали выпускаемых возгласами негодования, хотя некоторые из негодовавших вслед за ними тоже покидали Бутырку. У Павла заступников не оказалось — он просидел в камере до утра, когда оставшихся задержанных отпустили на волю, составив список для предания их профессорскому суду.

Ректор университета Николай Саввич Тихонравов, преподававший Милюкову курс истории русской средневековой литературы и знавший его как хорошего студента, пытался спустить дело на тормозах: вызывал провинившихся, требовал от них заявлений, что они не знали о запрещении сходок, что, по его мнению, автоматически освобождало от наказания (таким могло быть исключение из университета — окончательное или на определенный срок). Большинство студентов делали такие заявления, чем ректор был удовлетворен. Но Милюков и другие организаторы последней

сходки не могли заявить, что не знали о запрещении. «Я был слишком ангажирован перед всем студенчеством... Я решил не уклоняться от правды»^{94}.

Иносказательные уговоры ректора снять с себя ответственность не дали результата. Происшедшее было так описано через много лет: «Следует сакраментальный вопрос: относился ли я к сходке сознательно или пошел случайно? Несколько раз профессор со снисходительной иронией повторил этот вопрос ввиду моего настойчивого ответа. Затем огонек потух в его прищуренных глазах; последовало молчание; дверь затворилась»^{95}.

В итоге Павел Милюков был исключен из университета, но на краткий срок, до 15 июля следующего года, с разрешением подать после этой даты заявление о восстановлении при условии начала занятий с сентября, с зачислением на тот же курс. Таким образом, перерыв в обучении составил один год^{96}. Специально оговаривалось, что Милюков после восстановления лишается именных стипендий, в частности стипендии князя В. А. Долгорукова, которую он незадолго перед этим получил за успешную студенческую научную работу.

Тогдашнюю политическую позицию Милюкова в это время исследователи характеризуют как «левый либерализм с известным балансированием на грани легальности, на которой он в итоге не удержался и рухнул в пропасть»^{97}. Правда, о какой пропасти в данном случае идет речь, не очень понятно. Было бы явным преувеличением считать ею годичную отсрочку получения свидетельства о высшем образовании. Как мы увидим, этот год был использован Милюковым не только плодотворно, но и приятно.

Правда, непосредственным результатом временного отстранения от университета было расставание с девушкой, за которой ухаживал Павел, не исключая возможности жениться на ней. Ее имени и фамилии он в воспоминаниях не называет. Да и чувства, по всей видимости, глубокими не были. Во всяком случае, вопросы девушки о карьерных перспективах молодого человека показались ему оскорбительными, отношения быстро охладели, а затем и прекратились. В уже цитированном письме сыну Павел Николаевич писал: «Несчастливая любовь нанесла мне первые тяжелые удары, которые я считал концом своего морального существования... [но] со временем (на самом деле очень быстро. — Г. Ч., Л. Д.) увидел, что всё это — этапы саморазвития и что жизнь не кончается на первых впечатлениях и первых неудачах»^{98}.

Интимную жизнь в то время принято было держать в большом секрете, так что мы не знаем, были ли у Милюкова до женитьбы сколько-нибудь длительные плотские связи (очень трудно себе представить, что полный сил спортивный молодой человек был настолько поглощен академической и общественной деятельностью, что полностью пренебрегал женским полом). Во всяком случае, никакими конкретными данными на этот счет мы не располагаем.

Нужно было как-то провести время до восстановления в университете. Речь шла не об очень длительном периоде — Павел, судя по всему, был исключен в конце марта 1882 года; следовательно, в его распоряжении было пять месяцев, включая летние каникулы. Он ни минуты не колебался, когда приятель брата по Техническому училищу Кречетов, располагавший средствами, да и с повадками, как писал Милюков, «молодого купчика»^{99}, предложил составить ему компанию в поездке по Италии. Поездка предполагалась за счет спутника. Но, опасаясь, что путешествие окажется пустой тратой времени, Павел предложил, что поедет как бы за свой счет — возьмет у Кречетова нужную сумму займа на несколько лет. Тот согласился. Такое решение оказалось правильным, ибо уже в самом начале путешествия Кречетов стал задерживаться в том или ином городе, то ли увлекаясь местными случайными достопримечательностями, то ли просто предаваясь загулу. В результате спутники скоро расстались, и с мая по август 1882 года Милюков путешествовал один.

Это была его первая зарубежная поездка, к которой 23-летний молодой человек тщательно готовился по справочникам и путеводителям, а затем и по художественным монографиям, распределяя маршрут по дням и даже по часам. Между прочим, полицейские власти России оказались достаточно снисходительными — вначале выдали Милюкову после отчисления из университета бумаги на право проживания во всех городах России, а затем, 5 мая 1882 года, заграничный паспорт.

Венеция, Падуя, Болонья, Пиза, Флоренция с их великолепными памятниками искусства Средневековья и Возрождения буквально пролетели перед его взором. В Риме (включая Ватикан) Милюков провел целый месяц. Здесь он получил разрешение на занятия в грандиозном Ватиканском музее и даже на выполнение эскизов со скульптур^{100}. Затем последовали Неаполь с развалинами Помпей и, наконец, остров Капри. Завершая путешествие, он оставил в памятной книге на горной вершине Капри запись: «Quid notum neminitis scribam litteris nomen? Ignotus utmaneam, hae solae sufficiunt. P. M., Mosquensis» («К чему писать всеми

буквами никому не известное имя? Чтобы мне остаться неизвестным, достаточно и этих одних. П. М., москвитянин»). Запись вроде бы скромная. Но не видится ли за этими словами стремление к тому, чтобы его имя стало известным? Во всяком случае, несомненно, что Павел Милюков при всём пристрастии к художественным ценностям Италии уже подумывал об этом. Видимо, это закономерно — человеку, не стремящемуся к славе, идти в политику не следует.

Но тяга к политике еще не доминировала, хотя и ощущалась. Милюков стремился прежде всего построить основательную научную карьеру, а сделать это наскоком было невозможно. Необходимы были глубочайшие знания в избранной области. Овладение ими, тем более на итальянской земле, доставляло истинную радость. Вообще создается впечатление, что организованность и методичность, жесткое распределение времени сочетались у молодого человека с юношеской романтичностью, увлечением тем, чем он занимался, не замечая времени.

В течение всей заграничной поездки Павел рано поднимался с постели и шел в очередной музей к открытию, проводя там обычно целый день. Был случай, когда он так углубился в созерцание через окно в Капитолийском музее в Риме так называемой *Tabula iliaca* — каменной доски рубежа нашей эры с изображением эпизодов Троянской войны, что не услышал предупреждающего звонка о закрытии музея и, подойдя к выходу из зала, обнаружил, что дверь заперта. Пришлось через окно звать на помощь. Смотрители, ругаясь, отворили дверь и выпустили нарушителя, предварительно обыскав его.

Павел настолько увлекся итальянской поездкой, что даже опоздал к началу занятий, однако восстановление в университете прошло без проблем. Он поступил на выпускной, четвертый курс, но учился уже с новыми товарищами. Некоторые впоследствии приобрели широкую известность: Матвей Кузьмич Любавский сменил Ключевского на посту руководителя кафедры русской истории, Василий Васильевич Розанов стал видным философом. Своеобразной фигурой был Александр Иванович Гучков, ранее учившийся в Берлинском университете, — он имел репутацию человека скандального, азартного, увлекающегося чем-то необычным. Позже Милюков и Гучков столкнутся на политическом поле в качестве лидеров соответственно леволиберальной (кадетской) и праволиберальной (октябристской) партий.

Особенно сблизился Милюков с однокурсником Дмитрием Шаховским, происходившим из знатного княжеского рода, но уже в студенческие годы воспринявшим либеральные идеи. Они вместе

участвовали в студенческих сходках, на которых произносились пламенные речи во имя защиты прав молодежи. Спустя десятилетия Шаховской писал: «Я хорошо помню спокойную и решительную фигуру Милюкова, который рисковал всем своим блестящим будущим во имя убеждения, что права, которым нечто угрожает, необходимо защищать. Эта дискуссия в группе студентов на высоком крыльце Анатомической аудитории во дворе старого университетского здания навсегда осталась в моей памяти»^{101}.

(Когда Михаил Николаевич Покровский прославился как советский партийный и государственный деятель, руководитель советской исторической науки и стала широко известна его попытка «квазимарксистского» (по выражению Милюкова)^{102} истолкования российской истории, Милюков вспомнил, что Покровский тоже был в числе его новых однокурсников, на которого в то время он не обращал внимания. Однако здесь Павлу Николаевичу изменила память — они не были соучениками. Покровский поступил в Московский университет только в 1887 году, по окончании учебы в 1891-м был оставлен в нем «для подготовки к профессорскому званию», причем одновременно на двух кафедрах — русской и зарубежной истории. Можно не сомневаться, что Милюков с Покровским встречались в университете, но уже в качестве коллег.

Пройдет время, и Милюков откликнется на смерть и развенчание Покровского по команде Сталина статьей 1937 года «Величие и падение Покровского (Эпизод из истории науки в СССР)»^{103}. В ней он был значительно точнее, чем в воспоминаниях, в том, что касалось начала университетской деятельности Покровского, хотя в его оценке даже в те годы проявил нескрываемую враждебность (некоторые выражения, употребленные в статье, позже были дословно воспроизведены в воспоминаниях): «М. Н. Покровский — мой младший современник. Он девятью годами моложе меня — по рождению и по окончанию Московского университета (1891). Он, вероятно, слушал мои первые лекции; но ближе мы с ним встретились на семинарии проф. Виноградова по всеобщей истории, где участники работали серьезно и научались строго научному методу работы. Покровский, один из самых младших участников, обычно угрюмо молчал и всегда имел какой-то вид заранее обиженного и не оцененного по заслугам. Я думаю, здесь было заложено начало той мстительной вражды к товарищам-историкам, которую он потом проявил, очутившись у власти. У нас он считался «подающим надежды», но тогдашних работ его я не знаю».

Здесь у Милюкова явно разыгралась та самая «история как политика, опрокинутая в прошлое», за которую он столь усердно осуждал Покровского. На самом деле Милюков хорошо знал, что Покровский работал над изучением творчества основоположников и интерпретаторов марксизма, но так и не защитил диссертацию по политическим причинам. Пройдет немного времени, и Покровский примкнет к группе так называемых легальных марксистов (они позже перейдут на либеральные позиции), а затем по инициативе самого Милюкова войдет в созданную им Комиссию по организации домашнего чтения и на краткое время станет сотрудником формировавшегося либерального Союза освобождения. Правда, вслед за этим Покровский от либерализма круто повернет налево — станет социал-демократом. Можно полагать, что недружественные слова Милюкова о Покровском прозвучали именно в связи с его переходом во враждебный лагерь.)

...Вновь оказавшись на студенческой скамье, на выпускном курсе университета, Павел Милюков вынужден был считаться с тем, что либеральное поветрие уступило место консервативной эпохе. В политической жизни наступило внешнее затишье, которое продолжалось в течение всего царствования Александра III. Сам историк полагал, что для его научной карьеры такое положение было даже полезным, ибо он смог целиком отдаться науке и преподаванию. Конечно, начавшаяся было политическая деятельность продолжала маячить на горизонте, манила неизведанными радостями публичных выступлений, победами и опасностями конкурентной борьбы течений, которые, как он надеялся, в конце концов превратятся в партии. Но надо было думать прежде всего о вещах земных, о карьере в самом лучшем смысле — результативном осуществлении научных планов.

Приближалось время выпускных экзаменов, и необходимо было наверстывать упущенное в результате студенческой полуполитической активности, увлечения искусством и вынужденного перерыва в учебном процессе. Не всё сложилось гладко. На нескольких экзаменах удалось «проскочить» с отличной оценкой, даже использовав свойственные студентам методы мелкого мошенничества — подготовку по заранее полученным билетам или шпаргалки. Однако на экзамене, который принимал не только подлинный наставник, но и друг профессор Виноградов, Павел просто не мог вести себя нечестно. А Виноградов был преподавателем принципиальным, не снижал требований по дружескому расположению, даже когда экзамен был по наиболее сложному предмету — историографии.

Нередко в наши дни приходится слышать выражение «историограф» применительно к историку. На самом же деле историография — это история исторической науки, изучение взглядов отдельных историков и целых групп ученых, политической борьбы вокруг проблем прошлого, государственной политики в отношении истории и т. п. Понятно, что для знания историографии студенту (и тем более ученому) необходимо иметь представление о самом историческом процессе, что усложняет задачу и учащегося, и ученого.

Выпускник университета Милюков испытывал нравственные муки, когда шел на экзамен к своему учителю и другу Виноградову не вполне подготовленным. Как часто бывает в такой ситуации, ему попался как раз тот вопрос, который он не успел толком проработать: надо было дать характеристику германской исторической школе. Он пытался что-то говорить, но Виноградов, сразу поняв, в чем дело, поставил удовлетворительную оценку и отпустил невероятно огорченного Павла. «По счастью, наша дружба от этого несколько не пострадала. Виноградов выступил моим главным защитником в вопросе о моем оставлении при университете»^{104}.

В целом же и текущие учебные занятия, и выпускные экзамены, и многочисленные научные рефераты свидетельствовали о подготовленности выпускника Милюкова к научной карьере.

Глава вторая

ПУТЬ В БОЛЬШУЮ НАУКУ

Начинающий ученый и учитель

Оставление окончившего курс обучения летом 1882 года Милюкова при университетской кафедре русской истории прошло более или менее гладко. Правда, некоторые сомнения высказал В. О. Ключевский, полагавший, что одновременное увлечение русской и зарубежной историей может привести соискателя к верхоглядству. Позже Милюков высказывал мнение, что Ключевский уже почувствовал в нем, своенравном молодом человеке, конкурента, который станет оспаривать его методы изучения отечественного прошлого.

Думается, однако, что находившийся в зените славы, да еще и преподававший историю царскому сыну Георгию Александровичу Ключевский никак не мог испытывать такие чувства. Скорее всего, он имел в виду именно то, чем мотивировал свои сомнения: слишком широкий круг интересов Милюкова, который мог воспрепятствовать его научной специализации. Он оказался прав, хотя Милюков, создав ряд ценных исторических трудов, сравнительно скоро расстался с русской историей по другой причине — он стал профессиональным политиком.

Пока же необходимо было закрепить оставление при кафедре научным сочинением, которое именовалось тогда кандидатским. Его полагалось представить факультетскому совету не позднее чем через шесть месяцев после окончания университета. 15 декабря 1883 года на факультете была рассмотрена работа выпускника «О землевладении Московского государства XVI века». Ключевский в отзыве отметил использование в работе важных архивных источников — писцовых книг — и статистическую обработку материала, добавив, что «все свои положения автор подкрепляет многочисленными цифрами и таблицами, составление которых стоило ему большого труда»^[105]. Это был серьезный и уважительный отзыв. Ознакомление с черновыми материалами этой работы показывает, что у Милюкова выработывался свой стиль источниковедческого анализа: он не только делал выписки и цитировал документы, но и сравнивал их, тут же формулируя первичные выводы. Таким образом, уже на начальном этапе работы у него складывалась

определенная концепция, которая затем, трансформируясь, становилась фрагментом будущей работы^{106}. Такой стиль научного анализа позже стал ведущим в творчестве ученого и значительно ускорял работу над новыми произведениями.

Седьмого мая 1884 года Милюков получил новый аттестат, удостоверявший, что он окончил курс при «очень хорошем поведении» и «отличных успехах» и утвержден в степени кандидата. Факультетское и университетское руководство поостереглось оценить поведение Милюкова как отличное, помня, что его обучение на выпускном курсе было прервано в связи с участием в студенческих беспорядках. В этом, однако, не было, по крайней мере в тогдашних условиях, какой-либо опасности — на «проступки», приведшие к снижению оценки за поведение, смотрели сквозь пальцы.

Оставление при кафедре было делом в известной степени условным. Оно давало право сдавать магистерские экзамены и писать соответствующую диссертацию, не исключалось и преподавание какого-либо специального курса, однако штатным сотрудником университета соискатель не становился и должен был заботиться о хлебе насущном.

Милюков специально не готовился к преподавательской стезе, да и никакие педагогические дисциплины студентам не читались. Предполагалось, очевидно, что при наличии некоторых исходных данных соответствующие навыки будут приобретаться опытным путем, который, видимо, считался наилучшим способом формирования хорошего преподавателя. Всякие методики преподавания предметов, в частности истории, появились в университетском образовании через много лет.

Случай испытать себя в качестве школьного учителя подвернулся сразу после выпускных экзаменов. Через знакомых Павел получил сразу несколько предложений, которые давали возможность и прилично существовать, и приобретать педагогический опыт, и формировать свою концепцию отечественной истории, и налаживать новые связи. Павел стал преподавать историю в 4-й женской гимназии на Садово-Кудринской улице и в Земледельческом училище на Смоленском бульваре. Его больше привлекала работа в гимназии — не только потому, что это было одно из наиболее престижных женских учебных заведений Москвы, но и в связи с тем, что 25-летнего учителя волновали почти взрослые ученицы, которые при встрече, почтительно делая книксен, кокетливо поглядывали на учителя. В женской гимназии Милюков проработал почти 12 лет, до высылки из Москвы в 1895 году.

И девичье внимание, и любовь к преподаваемому предмету вносили

живость в обучение. Милюков отказался от зубрежки. Материал учебника оставался обязательным минимумом знаний, но цель состояла в том, чтобы девушки не заучивали материал, а понимали логику явлений и событий. Происходило почти невероятное — события и даты запоминались как бы сами собой. Половину урока Павел беседовал с классом, стимулируя его к дискуссии, постановке вопросов и поиску ответов. В своем рассказе он уделял внимание не столько деятелям и событиям, сколько схеме исторического процесса. Немало времени уходило и на повторение пройденного. Вторая половина каждого урока посвящалась изложению новой темы, которое можно было прерывать вопросами, а материал следовало конспектировать. Всё это вносило в преподавание известную «демократическую» новизну, за которую Павла нередко ругали старшие коллеги; однако, судя по тому, что официальных замечаний он не получал, администрацию гимназии такой подход устраивал.

Такой же метод обучения он применял и в Земледельческом училище. Там однажды к нему на урок без предупреждения явился ревизор, который отметил, что ученики знают историю лучше, чем обычно в подобных учебных заведениях «специального предназначения»^{107}.

Но с гимназистками — в основном девушками из богатых купеческих семей — Павлу было значительно приятнее иметь дело. Несколько раз он посвящал уроки истории в разных классах нравам пушкинской эпохи, рассказывал биографию поэта, а затем предлагал девицам вслух читать отобранные им стихи. «Дело не обошлось без трудностей: раз, по недосмотру, я дал прочесть лучшей ученице одно из лицейских стихотворений с весьма опасными местами. Она прочла его, не сморгнув глазом, а другие не подали вида, что что-то вышло неладно. Дело обошлось без последствий»^{108}. Можно не сомневаться, что никакого недосмотра не было — у молодого учителя играла кровь, и его эмоции передавались ученицам. Скорее всего, гимназистка «не сморгнув глазом» прочитала пушкинскую «Вишню», в которой вполне откровенно описывался акт любви, но без неприличной лексики, встречавшейся в других ранних стихах поэта.

Однако всё же главной своей задачей после окончания университета Милюков считал подготовку к магистерскому экзамену. Это была далеко не простая проверка знаний. Хотя считалось, что на степень магистра надо было сдать только один экзамен, по существу, речь шла и о проверке знаний по сопутствующим предметам. В данном случае, помимо русской истории, проверялись знания всеобщей истории и политической экономии.

Вопросы требовали углубленного изучения первоисточников, чтения монографий, определения самостоятельной позиции. Весьма любопытна была одна из тем политической экономии: «Место изолированного государства», то есть отстраненного от любых внешних влияний и связей. Разработку этой проблемы Милюков позже использует применительно к структуре русского быта в своих четырехтомных «Очерках по истории русской культуры».

Круг научных занятий Павла после окончания университета был широким. В детальном отчете за второе полугодие 1884 года он сообщал, что наиболее подробно работал над тремя главными темами: дипломатическими отношениями с Литвой при Иване III и Василии III; историей помещного владения; крестьянским вопросом до реформы 1861 года. При этом он признавал, что результаты его анализа не всегда были достаточны для достоверных научных выводов^[109].

Готовясь к магистерскому экзамену, Павел Милюков одновременно стремился попасть в штат университета. Чтобы стать приват-доцентом, необходимо было, помимо сдачи экзамена, подготовить и прочитать несколько пробных лекций по тематике исследований, так что невозможно было обойтись компиляцией с высказыванием некоторых своих мыслей. Надо было напряженно трудиться.

При этом Павел сознательно создавал себе дополнительные трудности. Еще со студенческих лет он критически относился к формально-хронологическому построению исторических курсов. По окончании университета, углубляясь в научную работу и преподавание, он всё более утверждался в мнении, что курс отечественной истории необходимо строить по проблемам. Именно такой подход он избрал при определении тематики пробных лекций.

Он предполагал в будущем читать общий курс русской истории, что требовало глубокого знания историографии и построения на этой базе своей концепции исторического процесса. Поэтому одной темой своих пробных лекций он избрал именно историю развития отечественной исторической науки. В то же время, определяя область истории, которая была слабее всего разработана учеными, он вслед за Виноградовым убеждался, что таковой является история быта и учреждений. А разработка этих вопросов требовала знания содержания архивных фондов, умения извлекать из них необходимую информацию и доказательно использовать ее. Так возникла вторая тематика пробных лекций.

Занявшись историографией, Милюков провел сопоставление взглядов трех крупных русских историков — Бориса Николаевича Чичерина,

Константина Дмитриевича Кавелина и Василия Ивановича Сергеевича. Милюков анализировал взаимодействие исторических и политических взглядов Чичерина — виднейшего представителя «государственной школы» в русской историографии, сосредоточив свое внимание на его труде «История областных учреждений Московского государства XVIII века», попутно обращая внимание и на другие его работы, в частности на «Опыты по истории русского права», где обосновывалась решающая роль государства в русской истории. Милюков показывал, что оценка этим ученым исторического значения государства в значительной мере соответствовала гегелевской философии истории.

Развитием и значительной модификацией схемы Чичерина молодой ученый считал взгляды Кавелина — также сторонника «государственной школы», обращавшего особое внимание на то, что государство, «высшая форма общественного бытия русского народа», являлось инициатором и гарантом прогресса.

Наконец, Милюков констатировал, что труды Сергеевича, особенно о земских соборах в Российском государстве, свидетельствуют о стремлении автора вырваться за пределы «юридической школы».

Наработки при подготовке пробных лекций по историографии позже вылились в статьи и стали фундаментальной базой «Очерков по истории русской культуры».

Вторая тема пробных лекций должна была относиться к сугубо специальным вопросам отечественной истории и демонстрировать умение будущего профессора работать с источниками — выявлять, определять степень подлинности, трактовать содержание, воссоздавать на их основании истинную картину жизни общества.

Занимаясь в архивах, Милюков уже имел дело с разрядными книгами конца XV–XVII века, куда записывались извлечения из официальных документов по конкретным вопросам государственного управления как директивного, так и информационного характера: повод и порядок употребления «служилых военных сил», ежегодные назначения служилых людей на военные, гражданские и придворные должности. В них содержались статистические сведения, в частности перечислялись «береженные головы» — те жители Москвы, которых надо было охранять от пожара и «всякого воровства». Встречались также «записи о счетных делах» в конце каждого года — отчеты о финансовом состоянии государства.

Милюков познакомился с несколькими разновидностями разрядных книг. Наиболее полными были так называемые служебные книги (или

пространная редакция родословных книг). Их оригиналы не сохранились, однако в большом числе существовали всевозможные копии, отрывочные записи, взаимно противоречащие и во многих случаях явно сфальсифицированные в угоду лицам, по распоряжению которых они делались. Были и краткие редакции разрядных книг, причем как официальные (так называемые государевы разряды середины XVI — начала XVII века), так и составляемые по частной инициативе. В архиве Министерства иностранных дел Милюкову удалось обнаружить правительственный текст 1556 года, в который были добавлены тексты 1565 года. Путем кропотливого анализа, многочисленных сопоставлений Павлу удалось доказать официальный характер этой разрядной книги. Именно она легла в основу второй пробной лекции «Древнейшая разрядная книга», разумеется, с обширным экскурсом в историю этого вида источников. Спустя довольно продолжительное время Милюков опубликовал результаты своих исследований вместе с текстом названной разрядной книги^{110}.

Надо отметить, что авторы работы о первом этапе деятельности Милюкова выражают обоснованное сомнение в том, что уже в пробной лекции была доказана подлинность древнейшей разрядной книги. Сопоставляя даты работы Милюкова в архиве с датой пробной лекции, они считают, что в аудитории Павел лишь высказал предположение, которое затем было доказано в опубликованной работе^{111}.

Обе пробные лекции были прочитаны успешно. Слушатели — и студенты, и профессура — выразили удовлетворение, хотя и отметили, особенно студенчество, некоторую сухость изложения. Так или иначе, традиционное неофициальное решение *dingus est intrare* (достойно вступить), весьма лестное для молодого ученого и педагога, было принято. Практически же это выразилось в том, что 19 октября 1887 года Милюков был принят в Московское общество истории и древностей российских^{112} — старейшее и авторитетнейшее научное объединение историков, основанное еще в 1804 году. Членство в обществе давало возможность участвовать в его научных конференциях и диспутах, устанавливать неформальные контакты со специалистами, публиковаться в изданиях общества, в частности в его «Записках и трудах», «Русском историческом сборнике», «Русских достопримечательностях». Быть представленным в этих изданиях считалось весьма почетным для исследователей российской истории.

Имея в виду скорее не уже достигнутые научные результаты, а интерес

к материальным памятникам отечественной праистории, Павла приняли еще в два авторитетных научных объединения — Московское археологическое общество и Общество естествознания, географии и археологии.

Всё это значительно расширяло возможности не только научной, но и общественной деятельности. Он не просто состоял в этих организациях, а деятельно трудился: выступал с докладами, рецензировал материалы коллег как устно, так и в печатных органах.

Милюков был активным участником VIII археологического съезда, проходившего в Москве в январе 1890 года. Правда, в то время он еще не участвовал непосредственно в археологических раскопках, но и сам предмет археологии понимался тогда расширительно — к ней относилось всё, что было связано с древностями, тем более с материальной культурой старых цивилизаций. На съезде Павел работал секретарем отделения древностей историко-географических и этнографических, а также выступил с докладом об одной из греческих «записок» о славяно-греческих отношениях, сумев путем анализа текста сравнительно точно датировать ее между 783 и 813 годами. О съезде Павел написал большую статью^{113}.

На первый взгляд может показаться удивительным, но по существу было логичным, что в такое развитие карьеры молодого человека вплелось изменение его семейного статуса. Он женился на коллеге.

Маловероятно, что до начала 1888 года, когда Павлу исполнилось уже 29 лет, у него не было связей с представительницами прекрасного пола. Однако мы остаемся о них практически в неведении. Заигрывания молодого учителя с почти взрослыми гимназистками были, конечно, совершенно невинными. Но о том, что «что-то было», свидетельствует упоминание, как он «каялся» будущей жене: «На моем листе было кое-что написано. Рассказав про свои тайны, я почувствовал — да и она тоже, — что взаимное ознакомление перешло границу, за которой начинается взаимность»^{114}. В рукописи мемуаров Павел Николаевич упомянул, что в студенческие годы у него была недолгая связь с некой замужней дамой^{115}, однако редакторы первого издания, заботясь о репутации Милюкова, вычеркнули эти строки. Не вошли они и в современные издания.

Между тем в 1877 году в доме В. О. Ключевского Павел познакомился с ученицей профессора Анной Смирновой, дочерью протоиерея Сергея Константиновича Смирнова, видного церковного историка и специалиста по древнегреческому языку, профессора и помощника ректора Московской духовной академии. Анна, годом младше Павла, только что окончила

Высшие женские курсы, организованные профессором Герье, на которых Ключевский преподавал русскую историю, и собиралась под его руководством вести научную работу.

Как раз в это время в высших церковных и правительственных кругах обсуждался вопрос о назначении нового ректора академии, и в конце концов выбор пал именно на Смирнова — в 1878 году он стал ректором и председателем совета и правления академии. В следующем году по его инициативе стал функционировать Комитет по изданию творений Святых Отцов, и Сергей Константинович стал его председателем. Начал выходить издаваемый комитетом академический журнал под названием «Творения Св. Отцов»; Смирнов не только руководил им, но и печатал в нем свои исследования. Он продолжал читать лекции по древнегреческому языку и словесности. Только в 1884 году с введением нового устава академии он как ректор должен был выбрать какой-нибудь богословский предмет и стал преподавать курс Нового Завета. Смирнов оставил пост ректора в 1896 году и скончался через три года.

У С. К. Смирнова были сын и шесть дочерей. Сын уже служил священником, четыре дочери пребывали в замужестве (из них три — за лицами духовного звания). Самая младшая позже выйдет замуж также за священнослужителя и профессора академии.

А вот предпоследняя дочь Анна в эту традицию не очень вписывалась. За ней ухаживали холостые преподаватели академии, но все получали от ворот поворот не только потому, что Анна увлекалась наукой, но и в силу определенной «светскости» ее характера, образа мышления и манер. Она была человеком решительным: когда отец воспрепятствовал ее поступлению на женские курсы, она просто ушла из родительского дома, сняла крохотную квартирку в Москве и стала кормиться уроками музыки. Она была хорошей пианисткой, и учеников было много, что не препятствовало ей быть образцовой курсисткой, почему Ключевский и выделил ее среди других слушательниц.

Вначале знакомство Милюкова с Анной Смирновой носило, как он рассказывал, чисто товарищеский характер, представляло собой общение коллег. Правда, очень быстро отношения стали превращаться во всё более близкие, хотя еще не любовные. «Оба мы почувствовали потребность знать друг о друге больше, чем позволяло простое знакомство, — так сказать, проэкзаменовать друг друга. В то же время мы не хотели вводить в свои отношения третьих лиц, а она не желала принимать меня в своей скромной квартирке»^{116}.

Молодые люди стали встречаться в отдаленном городском сквере,

поверяя друг другу не только заботы, но и тайны. Затем встречи были перенесены домой к Анне. Последовало предложение руки и сердца, которое было принято, но с отсрочкой свадьбы на какое-то время, чтобы проверить взаимные чувства. «Проверочный период» продолжался недолго — обе стороны согласились, что тянуть более не следует, встретились с родителями и объявили им о своем решении вступить в брак.

Венчание состоялось 11 января 1885 года в женском Покровском Хотьковом монастыре, недалеко от Троице-Сергиевой лавры, но в месте пустынном — молодые люди не желали широко оповещать о своем браке. Только через четыре года, 11 июля 1889-го, в семье появился первенец Николай, в 1895-м родился Сергей, а еще через три года — Наталья. Родителей пережил только старший сын — он скончался в 1957 году. Наталья умерла в 23 года, едва успев выйти замуж за инженера Дмитрия Сократовича Старынкевича, сына известного царского чиновника, и пережив мужа, умершего в 1920 году в Ростове-на-Дону от тифа, всего на год. Еще раньше, в 1915-м, на фронте Первой мировой войны при отступлении русских войск из Восточной Галиции погиб Сергей.

Павел Николаевич прожил с женой 47 лет — до ее смерти во Франции в 1935 году. По поводу семейных трагедий А. В. Тыркова-Вильямс писала в некрологе: «Я знала всю бездонность горя А[нны] С[ергеевны], она была редкой матерью и жила одной жизнью с детьми»^{117}.

Тем не менее Анне Милюковой нравилась исследовательская работа — позже она опубликовала ряд статей о женском движении в России. Одновременно она занималась общественной деятельностью, активно участвуя в организациях, борющихся за эмансипацию женщин, полное уравнивание их в правах с мужчинами. Постепенно отношения супругов охладели (да и с самого начала этот брак был результатом скорее холодных размышлений, нежели страстных чувств), хотя в переписке Анна Сергеевна явно была более нежной, чем Павел Николаевич.

Как видим, в личной жизни Милюкова встречались и радости, и невзгоды. Но если след от тех и других и оставался в душе, то в самой ее глубине. Наружу чувства не выплескивались. В воспоминаниях Милюкова даже не названы даты рождения его детей.

Согласно принятым в тогдашней России обычаям, после свадьбы новобрачные должны были поселиться в доме мужа. Но у Павла своего дома не было. Жил он в это время вместе с матерью в гостиничных номерах в Большом Козихинском переулке, в районе Патриарших прудов, чуть в стороне от Большой Бронной. Журналист П. Иванов оставил описание Козихи в конце XIX века: «Узкие, преузкие улицы... Небольшие

колониальные лавочки с немывтыми окнами. Отталкивающего вида ворота. Безобразные дворы — антисанитарные до последней возможности. И всюду вонь, смрадная вонь подвалов, отхожих мест и помойных ям. В воздухе словно носятся ядовитые испарения... Население почти сплошь состоит из пролетариата — людей без определенных занятий, мелких канцелярских служащих, вдов и женщин разного типа»^{118}.

При всём своем показном демократизме начинающий ученый, общавшийся с московской интеллектуальной элитой, давно уже стремился расстаться с этим районом. Решение было ускорено поведением матери: по неизвестной причине, скорее всего просто в силу характера, она не одобрила выбор сына и невзлюбила невестку. Анна встречала выражения ее недовольства сдержанно, но тем сильнее была материнская агрессия. Дотерпев до лета, молодые супруги нашли дешевую квартиру в полуподвале на Садовом кольце, в районе Зубовского бульвара, куда и переселились.

Их соседом оказался преподававший в университете иностранную литературу крупный шекспировед Николай Ильич Стороженко. Узнав о появлении в доме коллеги, он стал приглашать Павла с Анной в гости. Квартира Стороженко была местом сбора молодых тружеников пера, представителей только формировавшихся литературных течений, в частности символистов, импрессионистов и других «декадентов», то есть проповедников «упадничества», как их высокомерно называли консерваторы.

Стороженко буквально боготворила молодежь, которой он, тонкий ценитель талантов, покровительствовал. Назначенный библиотекарем (директором) библиотеки Румянцевского музея, Стороженко сразу же обратил особое внимание на научные отделы библиотеки и за непродолжительное время, насколько позволяли средства, довел их фонды до максимальной полноты. Вслед за этим он стал организатором особой общедоступной научно-популярной библиотеки, общего читального зала, непрестанно обновлявшего литературу и имевшего свой капитал.

У Стороженко Милюков познакомился с Константином Дмитриевичем Бальмонтом. Ему недавно исполнилось 20 лет, но он уже заслужил известность как талантливый поэт и блестящий переводчик. Незадолго до знакомства с Павлом Бальмонт издал первый сборник стихов. Милюкову было интересно беседовать с Бальмонтом еще и потому, что тот в ранней юности сотрудничал с революционными народниками, а будучи студентом юридического факультета Московского университета, некоторое время поддерживал связь с тайными кружками, за что и был исключен.

Через много лет Милюков, став редактором русской эмигрантской газеты, будет не очень охотно печатать стихи Бальмонта, считая их не соответствующими позициям эмигрантской интеллигенции. Пока же он просто восхищался «солнечным поэтом», как вскоре назовут Бальмонта, и его стихами.

На встречи у супругов Стороженко приходил и известный математик Николай Васильевич Бугаев, иногда приводивший с собой десятилетнего сына Андрея, который позже станет известным поэтом Андреем Белым. Мальчик, скучавший в обществе взрослых и затаивший раздражение на эти сборища (отец брал его с собой, скорее всего, потому, что дома его не с кем было оставить), позже совершенно безосновательно обрушится и на Стороженко, и на тех, кто у него бывал, включая Милюкова. «Я научился, как не следует писать и как не следует интерпретировать литературные феномены», — писал А. Белый^[119]. Такой несправедливости Милюков не мог простить и не раз с обидой вспоминал ее, в том числе в мемуарах^[120].

Стороженко, у которого были обширные контакты с европейскими литературными кругами, связал Павла с лондонским журналом «Атенеум», дав молодому человеку рекомендацию как способному литературному критику и обозревателю. Начиная с 1889 года Павел писал для этого журнала ежегодные итоговые обзоры русской художественной и общественно-политической литературы. Это был его первый выход на арену европейской журналистики.

Судя по воспоминаниям и некоторым документам, уже к этому времени отношения супругов Милюковых не были особенно нежными. Они, люди трезвомыслящие, исполняли все обязанности членов образцовой семьи среднего достатка, однако у каждого была своя жизнь, в которую второй супруг не вмешивался. В начале 1890-х годов Павел познакомился с С. С. Маньковской, писательницей и журналисткой, ныне полностью забытой, которая стала его любовницей. Милюков пытался помочь ей пробиться в журналы, но, несмотря на дружеские чувства к нему, редакторы оказались единодушны — ни один «толстый журнал» не принял к публикации произведения его протеже, хотя некоторые редакторы признавали наличие у нее способностей, которые, если их развивать, могли бы дать какие-то результаты. Эта связь продолжалась до 1897 года. Видимо, Маньковская настаивала, чтобы Павел ушел к ней. Он отказался. Произошел разрыв, и больше они, по всей видимости, не встречались^[2].

Однако в центре интересов, всей жизни Павла Милюкова продолжал оставаться Московский университет. Прочитав пробные лекции, он

получил право на преподавание в университете, а в июле 1886 года после ряда бюрократических процедур был зачислен приват-доцентом историко-филологического факультета.

Этот ранг был очень скромным. Он сравним со статусом внештатного преподавателя-почасовика в современных вузах. Немаловажное отличие от должности штатного доцента, которая к этому времени в российских университетах почти исчезла, состояло в том, что за тот же труд приват-доцент получал не «жалованье», а «вознаграждение», значительно меньшее по размерам. Об этом Милюков несколько позже с досадой писал в энциклопедической статье, посвященной университетскому образованию в России^{121}. Павел, разумеется, не мог претендовать на чтение общего курса русской истории, которым «монопольно владел» Ключевский. Трезво оценивая свой потенциал, он еще не считал себя достаточно подготовленным. Его уделом стали курсы, не обязательные для студентов (в наше время их называют факультативными), на которые записывались те, кто проявлял особый интерес к их тематике. Слушателей было немного, но это были люди, всерьез рассчитывавшие посвятить себя науке.

Поэтому Милюков решил по примеру Виноградова сочетать лекции с семинарами, на которых заслушивались и обсуждались студенческие доклады. Постепенно он утвердился в мнении, что лекционный курс необходимо строить проблемно-хронологически, то есть рассматривать в пределах эпохи отдельные вопросы, составляющие ее сущность. Правда, он подчас сомневался, следует ли хронологически выделять крупные эпохи, о чем писал Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому^{122}.

Одним из его слушателей был Александр Александрович Кизеветтер, позже ставший известным русским историком. Он вспоминал: «Лекции Милюкова производили на тех студентов, которые уже готовились посвятить себя изучению русской истории, сильное впечатление именно тем, что перед нами был лектор, вводивший нас в текущую работу своей лаборатории, и кипучесть этой исследовательской работы заражала и одушевляла внимательных слушателей. Лектор был молод и еще далеко не был искушен в публичных выступлениях всякого рода. Даже небольшая аудитория специального состава волновала его, и не раз во время лекции его лицо вспыхивало густым румянцем... Молодой лектор сумел сблизиться с нами, и скоро мы стали посещать его на дому. Эти посещения были не только приятны по непринужденности завязывавшихся приятельских отношений, но и весьма поучительны. Тут уже воочию развевывалась перед нами картина кипучей работы ученого, с головой

ушедшего в свою науку. Его скромная квартира походила на лавочку букиниста... Письменный стол был завален всевозможными специальными изданиями и документами. В этой обстановке мы просиживали вечера за приятными и интересными беседами»^{123}.

Как видим, следуя примеру своих учителей, Павел стал приглашать студентов к себе на квартиру. Это стало возможным, поскольку уже на первом году чтения университетских лекций доход несколько возрос и он с женой смог переехать в значительно более комфортабельную квартиру на Плющихе, где прежде всего позаботился об устройстве кабинета и непрерывно растущей библиотеки: были куплены книжные шкафы и книги расставлены так, чтобы в любой момент можно было достать нужный том.

Впрочем, с читаемыми Милюковым специальными курсами не всё было гладко. Среди преподавателей стал распространяться слух, что своими новаторскими курсами истории древнерусской колонизации и исторической географии (они требовали серьезной подготовки и эрудиции не только в области отечественной истории, но и в смежных науках) Милюков будто бы опровергает позицию маститого Ключевского, считавшего, что в Древней Руси происходило неуклонное перемещение племен с юга на север (это давало ему основания рассматривать древний Киев как чисто русский город, что явно не нравилось сторонникам уже возникшего и активно пропагандируемого «украинизма», столь же обоснованно рассматривавшего Киев как древнюю украинскую столицу).

Базируясь на данных топографии, а также результатах археологических раскопок, Милюков показывал в своих лекциях, что наряду с основными переселенческими потоками, направленными на север, навстречу «южанам» двигались северные племена и таким образом происходило смешение; тем самым молодой ученый демонстрировал, что позитивные стороны и недочеты были как у Ключевского, так и у его оппонентов. Так или иначе, но Василию Осиповичу было доложено, что приват-доцент критикует его взгляды, и это внесло некоторое охлаждение в его отношение к ученику.

Критика с другого фланга последовала, когда Милюков опубликовал первую часть своих лекций по историографии (он несколько раз успешно читал этот курс начиная с 1886 года) — в приложении к журналу «Русская мысль», а вслед за этим самостоятельным изданием^{124}. На этот раз протесты раздались из кругов преподавателей Петербургского университета, где были возмущены, что автор покусился на авторитет одного из основоположников русской историографии Николая

Михайловича Карамзина.

Действительно, отчасти под влиянием немецкой классической философии, отчасти в результате собственных наработок Милюкова в его курсе проводилась мысль, что следует отказаться от трактовки истории как случайной череды событий, к чему, по существу, сводился огромный двенадцатитомный труд Карамзина «История государства Российского», проникнутый официальной идеологией. Милюков не приводил пушкинскую эпиграмму на Карамзина, но, можно не сомневаться, знал ее:

*В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.*

Милюков же доказывал необходимость поиска исторических закономерностей, причинно-следственных связей, отказа от повествования лишь о царствованиях и войнах. Рассматривая труды своих предшественников, он смело противопоставлял новаторские исследования (признаемся, с известным уклоном — в первую очередь те, которые осуществлялись в его альма-матер — Московском университете) консервативной традиции. В Петербурге возмутились. «Тревожить лавры историографа там считалось настоящей изменой традиции»^{125}.

На это недовольство Милюков особого внимания не обращал. Неприятнее было явственно проявлявшееся охлаждение Ключевского: если раньше Павла с женой радушно принимали дома и на даче ученого, то теперь эти встречи становились всё менее душевными, а затем и вовсе прекратились.

Милюков явно страдал, считая изменение отношения Ключевского к нему несправедливым. Учитель же стремился «обуздать» чересчур хваткого, по его мнению, молодого человека, воспитывал его в своей манере. На просьбу разъяснить ему причины такого охлаждения Ключевский 17 марта 1891 года отменно вежливо и сухо ответил: «Касательно Вашего положения в нашем университете, которое Вы желаете выяснить, я охотно дам Вам объяснения, какие только могу дать, как скоро Вы потрудитесь указать мне, что в этом положении представляется Вам неясным»^{126}.

О разногласиях с учителем Милюков информировал 22 апреля 1890 года Сергея Федоровича Платонова, попросившего его высказать мнение,

можно ли обратиться к Ключевскому за советом по докторской диссертации: «Мы с Ключевским теперь в самых отвратительных отношениях, он проявлял уже не раз враждебность ко мне, в случаях настолько мелких, что надо уж было быть уж очень мелочным или уж очень раздражительным, чтобы не воздержаться от таких проявлений». За этим текстом чувствуется, однако, раздражение самого Милюкова по поводу какого-то конкретного эпизода, вызвавшего недовольство учителя. Далее в письме говорилось: «Итак, пользы не ждите; но вред может произойти при той болезненной мнительности, которая проявляется теперь у Ключевского по отношению к самым близким ему людям»^{127}.

О том, что речь шла о каких-то слухах или сплетнях, которым вроде бы поверил Ключевский и которые вызвали ответную крайне негативную реакцию Милюкова, свидетельствует новое письмо Платонову от 29 июля, где звучит глубокая обида: «Не дай Бог никому дожить до момента, когда жалкие микробы сплетен начинают хозяйничать в нравственном существовании, как в пустой квартире, оставленной жильцами, когда они действительно становятся губительными для существования»^{128}. Создается впечатление, что Милюков здесь чуть ли не по-детски упивается несправедливостью, проявленной учителем по отношению к нему, как будто до этого его никогда не обижали.

На самом же деле отношения отвратительными не стали. Постепенно взаимное недовольство улеглось. Очевидно, и учитель и ученик смогли сдерживать эмоции. Во всяком случае, когда Милюков получил предложение перебраться в Варшаву для работы в тамошнем университете, он без колебаний ответил отказом (правда, мотивируя его возможностями получения дополнительного заработка преподаванием в московских средних учебных заведениях и плодотворной работы в архивах)^{129}. Как видно, взаимоотношения на кафедре столь уж важной роли не играли, чтобы из-за них уехать из Москвы, несмотря на то, что штатной должности в университете приват-доцент так и не получил.

Магистерская диссертация

Между тем недомолвки между маститым ученым и молодым исследователем переросли в прямой конфликт в связи с защитой последним магистерской диссертации.

Павел писал ее целых шесть лет, с 1886 по 1892 год — примерно вдвое

дольше, чем обычно выполнялась такая работа. Связано это было как с новизной темы, так и с обилием документального материала, который необходимо было исследовать. Безусловно, сказывалось и то, что Милюкову приходилось уделять массу времени спецкурсам, статьям в журналах и энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, публикация в котором считалась для ученого, особенно молодого, весьма почетной. В этом словаре исследователь весьма достойно заявил о себе статьями об источниках российской истории и о писцовых и переписных книгах, обобщив во второй публикации собственные труды^{130}. Милюков был обрадован, узнав, что в словаре Брокгауза и Ефрона было принято то определение исторической географии, которое он сформулировал и пропагандировал в лекциях и статьях^{131}.

Павел долго колебался в выборе темы магистерской диссертации, но в конце концов решил посвятить ее сложному и неразработанному вопросу — государственным реформам Петра I. Он «обкатывал» материал в университетских лекциях, в частности в прочтенном в 1890 году курсе «Реформы Петра Великого»^{132}.

В окончательном варианте диссертация называлась «Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого». Для разработки темы необходимо было изучить огромный, ранее никем не анализировавшийся архивный материал, по крупицам собрать сведения экономического, финансового, юридического характера. Милюков работал во многих архивах, на летнее время, отказываясь от отпускного отдыха, несколько раз выезжал в Петербург.

Что касается содержательной стороны, то она вполне вписывалась в принципиально новую схему — изучения не фактов в их последовательности, а структур, учреждений, социально-экономического смысла государственной политики великого реформатора.

Диссертация имела и некий политический подтекст, который, правда, Милюков в воспоминаниях преувеличивал, заявляя, что она «врывалась в самую гущу споров между западниками и славянофилами»^{133}. Действительно, доказывая, что личная роль Петра I в инициации реформ преувеличена, что они являлись выражением логики внутреннего развития России как составной части всемирно-исторического процесса, автор, безусловно, был ближе к западникам.

Но в основном диссертация носила научный, отнюдь не политический характер. Автор высказал мысль, что Петровские реформы были в основном спонтанными, подготовленными ходом времени, связанными с

Северной войной экономическими и финансовыми трудностями, а не запланированными изначально. Он утверждал, что преобразования разрабатывались коллективно, а конечные их цели осознавались царем лишь частично, да и то опосредованно, благодаря ближайшему окружению.

В диссертации раскрывалась связь петровской перестройки государственного устройства с реформами податной и финансовой систем. Автор доказывал, что изменения в центральной и местной администрации не были хорошо продуманы, подчас противоречили друг другу и оказывались малоэффективными.

В работе обосновывалась мысль, что государственная реорганизация (внутренние реформы) осуществлялась царем во имя личных целей, тогда как внешнеполитический курс соответствовал объективным интересам России. Автор писал: «По отношению к внешнему положению России своевременность постановки этих целей доказывается уже их успешным достижением... По отношению к внутреннему положению ответ на вопрос о своевременности должен быть отрицательным. Новые задачи внешней политики свалились на русское население в такой момент, когда оно не обладало еще достаточными средствами для их выполнения. Политический рост государства опередил его экономическое развитие. Утроение податных тягостей и одновременная убыль населения по крайней мере на 20 % — это такие факты, которые сами по себе доказывают выставленное положение красноречивее всяких деталей. Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы»^{134}.

Это был важный и смелый вывод прежде всего в научном отношении — во имя объективной оценки эпохи Петра, против идеализации его как личности. Но этот вывод в какой-то мере предопределил будущие политические установки либерала Милюкова на правильное, обусловленное уровнем развития общества сочетание внутренних и внешнеполитических целей.

В ходе работы над диссертацией, изучая архивы, Милюков вначале формулировал эти выводы в качестве гипотезы, которую подкреплял фактическим материалом. Документация предыдущих периодов, хранимая в московских архивах, подтверждала естественность и необходимость Петровских реформ. Чтобы проследить, как объективные условия диктовали их проведение, как реагировали царь и его окружение на требования времени, Павел провел два летних сезона в петербургских архивах, изучая огромные истрепанные тома документов «кабинета» Петра I. Этот обширный материал хорошо вписался в общую картину.

Состояние молодого человека было близким к эйфории. Он считал, что

совершил важное научное открытие, которое по заслугам оценят и учителя, и другие коллеги. Каково же было его разочарование, когда в ответ на восторженный рассказ о находках и сделанных на их основании выводах Ключевский хмуро заметил: «Вы бы лучше взяли и разработали грамоты какого-нибудь из северных монастырей. Это было бы гораздо короче — и послужило бы для магистерской диссертации, а эту свою работу вы бы лучше отложили для докторской диссертации»^{135}.

Поскольку Милюков дословно запомнил слова Ключевского (а он никогда не цитировал неточно; кавычки, окаймляющие высказывание, были для него своего рода святыней), видно, что он был просто огорошен и счел такую позицию учителя проявлением резкого ухудшения отношения. Думается, что он преувеличивал. Видимо, у Ключевского временами прорывалось некоторое раздражение по отношению к молодому «выскочке», ломавшему историческую традицию, отходившему в своих лекциях от его концепции древних переселений русичей. Но всё же мы полагаем — и это подтверждается обычной строгостью Ключевского как воспитателя нового поколения историков, — что профессор стремился предостеречь ученика от скоропалительных выводов, считая, что их надо вынашивать многолетним кропотливым трудом, не основывать на выборочном материале, а многократно подтверждать новыми исследованиями.

Именно этим в первую очередь объяснялись решительные возражения Ключевского на предложения других профессоров присудить Павлу за диссертацию не магистерскую, а сразу докторскую степень. По всей видимости, в этой позиции главным был «воспитательный» элемент. Милюков, однако, воспринимал поведение Ключевского как недружественное, даже враждебное.

В январе 1892 года диссертационный труд был опубликован в Петербурге отдельным изданием. Павел специально поехал в Северную столицу ко времени выхода книги, чтобы вручить экземпляры видным историкам, а также своим знакомым и тем, кто помогал ему во время питерских командировок. Особую благодарность автор испытывал к Платонову — тот не только благожелательно отнесся к московскому коллеге, закрывая глаза на то, что объем отдельных глав, печатавшихся в министерском журнале, был значительно больше выделенных лимитов, но и внимательно следил за прохождением монографии в типографии, вел финансовые дела и т. д.^{136} Милюков писал ему в январе 1891 года: «Миллион благодарностей за все те хлопоты для меня, которые Вы

подъемлете с такой готовностью и такой быстротой, которая может только повергнуть в изумление неповоротливого москвича»^{137}.

Защита диссертации состоялась 17 мая 1892 года. Описывая ее в воспоминаниях, Милюков был явно несправедлив к своему учителю, оценивая его критические замечания, отчасти справедливые, как «высмеивание» и даже «профанацию»: «Он ловил меня на словах и искал противоречий. Опровергнуть его было не трудно, достаточно было сослаться на общие выводы. Я не припомню, чтобы хоть одно из его возражений было основательно, хотя часть публики, уверенная в авторитете профессора и подчинявшаяся его менторскому тону, наверное, думала иначе»^{138}. В этих строках явно сквозит ущемленное самолюбие молодого ученого, чей наставник, вместо того чтобы защищать его, обрушился на него с критикой.

На деле Ключевский выступил с положительным, хотя и сдержанным отзывом, отметив, в частности, что диссертант не дал серьезного анализа косвенного налогообложения, не показал должным образом связь государственного хозяйства с ходом реформ Петра и т. д. Но заявление, что труд Милюкова не дает поводов для серьезной критики, в устах маститого исследователя было чуть ли не верхом похвалы^{139}.

Во время защиты Павел столкнулся с еще одной неприятностью: вместо профессора Ивана Ивановича Янжула, видного экономиста, специалиста в области финансовой политики, который по болезни не смог присутствовать, оппонентом был назначен Вячеслав Евгеньевич Якушкин, всего двумя годами ранее защитивший магистерскую диссертацию и недавно подвергшийся критике со стороны Милюкова. Он лишь бегло ознакомился с диссертацией, дав положительный, но отнюдь не восторженный отзыв.

Профессорская коллегия тем не менее единодушно проголосовала за магистерскую степень. Но чувствовавший себя оскорбленным Милюков после защиты пригласил на пирушку только молодых коллег. Ключевского среди приглашенных не было. По признанию Павла, это означало разрыв.

Научная общественность должным образом оценила высокие качества диссертации Милюкова. По инициативе С. Ф. Платонова (он в это время также защитил магистерскую диссертацию об историко-литературных памятниках Смутного времени), у которого были в столице разнообразные связи, первая часть работы московского коллеги была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» еще до защиты. Платонов специально приехал в Москву, чтобы присутствовать на

милюковской защите. Через несколько дней Павел писал ему в Петербург: «Прежде всего, еще раз — горячее спасибо, Сергей Федорович, за Ваше участие — физическое и нравственное в моем «торжестве», как выражались ораторы нашего обеда. Мне кажется, что соединявшая наше общество «дружба», за которую я поднял свой первый бокал, была не пустым звуком»^{140}.

Знакомство с Платоновым породило новые связи. Сергей Федорович, по замечанию Милюкова, обратил его внимание на работу Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского по близкой тематике — в 1890 году тот защитил в Петербурге магистерскую диссертацию о государственной политике в области налогообложения с конца XVI века до времени Петра I и тогда же опубликовал ее в издании Петербургского университета^{141}. Но к тому времени молодые ученые уже были хорошо знакомы (по мнению П. А. Трибунского, их знакомство произошло в апреле 1889 года в Московском главном архиве Министерства иностранных дел^{142}), многократно встречались в архивах, беседовали, а вскоре стали достаточно активно обмениваться письмами, в которых обсуждали научные проблемы, сообщали сведения об университетской академической и общественной жизни в обеих столицах и, главное, вели научный диспут по проблемам российской истории XVI–XVIII веков^{143}.

Вначале их взаимоотношения были отличными. Письмо от 24 сентября 1889 года, адресованное Милюкову, Лаппо-Данилевский начал словами: «Не хочу обращаться к Вам с титулом многоуважаемый, титулом, которым мы называем так много официальных и неофициальных, патентованных и непатентованных олухов. Не смею сказать дорогой, но, не кривя душой, могу написать: симпатичный мне, Павел Николаевич!»^{144}

Вскоре, однако, возникли острые споры по существу исследований обоих ученых. В мемуарах Милюков очень туманно и коротко, буквально несколькими предложениями говорит о случившемся — ему явно было неприятно вспоминать конфликт, возникший на научной почве и переросший в личную неприязнь. По версии Милюкова, Академия наук поручила ему рецензировать книгу Лаппо-Данилевского, а он вместо рецензии написал целое исследование «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства»^{145}, которое ему даже предлагали защищать как докторскую диссертацию.

Думается, Павел Николаевич явно переоценил смысл и значение своей работы. Это действительно была объемная (более 180 страниц), опубликованная отдельным изданием полемика с Лаппо-Данилевским,

которую, конечно же, Академия наук ему не заказывала в силу полного отсутствия такого рода практики. Другой вопрос, что академическое сообщество историков не возражало против полемики и предоставило для нее трибуну.

На самом деле Милюков получил работу Лаппо-Данилевского еще в декабре 1889 года от самого автора в виде типографских корректурных листов, о чем свидетельствовало письмо Лаппо-Данилевского от 4 декабря: «Я очень рад, Павел Николаевич, что послал Вам листы моей книги, прежде чем услышал... что Вы на меня «сетуете» за их непосылку. Ей-богу не вру. Я сознаю, что я виноват, но, право уж, не слишком. От типографии трудно добиться, чтобы она прислала всё в порядочном виде, так как отпечатанные листы лежат в кладовой... Вам посылаемый добыл недели полторы тому назад. Простите меня за откровенность, но отчего Вы мне прямо не написали, что Вам желательно иметь эти листы поскорее, и не побранили меня за леность?»^{146}

Уже из этого письма видно, что Лаппо-Данилевскому показалось подозрительным стремление Милюкова добыть его работу окольным путем, на что он явно намекал. И действительно, в конце декабря 1889-го или в начале января 1890 года Милюков в обширном письме стал упрекать автора еще не вышедшей книги в схематическом изображении русской общины, в отсутствии ссылок на «рукописные», то есть архивные, источники, в использовании трудов предшественников без упоминания их имен, в цитировании без нужды иностранных авторов^{147}. Лаппо-Данилевский отвечал примирительно, и это несколько смягчало реакцию Милюкова на труд коллеги; летом 1890 года он даже круто изменил — правда, на краткое время — свою оценку: «Книга написана на славу, и я очень рад всякому случаю быть глашатаем Вашей славы; недоволен я только изложением, которое помешает Вам завоевать внимание непризванной публики; но существа дела это не касается, и я остаюсь при том впечатлении, которое, кажется, уже выражал Вам; даже могу сказать более, — что мое уважение к Вашей работе увеличивается по мере того, как сам я погружаюсь в эту область и сижу над Прик[азными] Делами Архива Иностранных] Д[ел]^{148}». Однако, имея в виду предыдущие отзывы Милюкова о его сочинении, Лаппо-Данилевский вполне мог предполагать, что тот возвратится к его негативной оценке. Так и произошло.

Представляется, что крайности при оценке книги коллеги связаны были не только с собственно научными расхождениями, но и с тем, что

Лаппо-Данилевский вторгнулся в область, которую Милюков уже считал своей вотчиной. Ему трудно было примириться с тем, что за его плечами появился конкурент, который явно обладал потенциалом крупного ученого. Действительно, А. С. Лаппо-Данилевский вскоре стал известным историком. В отличие от Милюкова, который всё больше увлекался общественными делами, а затем стал профессиональным политиком, он не изменил науке и позже (1905) стал членом Императорской академии наук. Скончался он в Петрограде в 1919 году, когда Милюков уже находился в эмиграции.

Знакомство с С. Ф. Платоновым породило обширную переписку, которая распространилась и на других историков. Платонов способствовал «популяризации» Милюкова, обращая внимание коллег на его работы^{149}. Однако эти контакты оказались недолгими. Всё более активная общественная деятельность Павла вызывала недоумение Платонова. Их переписка становилась всё скуднее и в конце концов заглохла.

Как видим, Павел Николаевич Милюков не очень уживался с коллегами — уже в то время проявлялся его жесткий, непримиримый и вместе с тем холодно-рассудочный характер, который станет отчетливо выраженным в следующие годы.

Однако положительные отзывы на диссертацию Милюкова продолжали поступать. Известный историк Василий Иванович Семевский писал автору 1 января 1891 года: «Познакомившись с Вашим трудом, я порадовался за русскую историческую науку, которая обогатилась таким прекрасным исследованием, основанным на массе неизученного материала... Нельзя, например, не удивляться Вашему умению справляться с огромным материалом и Вашей начитанности; что же касается «удобочитаемости», то история государственного хозяйства не может читаться, как роман». В письме М. М. Ковалевского от 26 февраля 1892 года говорилось: «Я очень тронут Вашим вниманием и благодарю Вас от души за присылку Вашей диссертации. Какая интересная и мало изученная тема и сколько Вам пришлось поработать над сырьем. Радуюсь Вашему успеху и вспоминаю время нашего первого знакомства»^{150}.

Между тем книга Милюкова была замечена и за рубежом. Известный французский историк Альфред Рамбо, автор многих исследований и популярных работ, в том числе по истории России, в дружеском письме выразил уверенность, что сочинение Милюкова будет весьма полезно не только для русской историографии, но и для многих коллег за пределами России^{151}.

Так Милюков стал авторитетным специалистом по истории царствования Петра I, особенно по реформам этого периода. Известный издатель Ф. Ф. Павленков предложил ему написать биографию Петра Великого для начатой в 1890 году серии «Жизнь замечательных людей». Предложение было заманчивым, однако Павел, считавший себя исследователем, а не популяризатором, вначале отговорился занятостью, а затем и вовсе отказался^{152}. Книга об императоре-преобразователе так и не была выпущена Павленковым, а появилась в серии «Жизнь замечательных людей» только в 1948 году в авторстве известного советского историка Владимира Васильевича Мавродина.

Будучи специалистом по российской истории и при этом имея явные западнические симпатии, хорошо помня свою первую поездку по Италии, сыгравшую столь большую роль в формировании и его личности, и научных качеств, Павел с супругой мечтал о новой зарубежной поездке, которую они не могли себе позволить и по финансовым соображениям, и в силу крайней занятости главы семьи научными и педагогическими делами.

Но в 1893 году такая возможность появилась, так как за книгу по теме магистерской диссертации Милюков был удостоен премии имени С. М. Соловьева, учрежденной Императорской Санкт-Петербургской академией наук. Эта премия, считавшаяся весьма престижной и присуждавшаяся за выдающиеся труды по отечественной истории, была учреждена после смерти Соловьева, который в 1871–1877 годах возглавлял Московский университет.

Формирование новых интересов

Получение премии позволило Милюковым совершить заграничную поездку, тем более что в это время Павел завязал приятельские отношения с французским славистом Полем Буайе, который проходил своего рода стажировку в Москве, совершенствуясь в русском языке, что было необходимо для получения кафедры славянских языков в Сорбонне — Парижском университете.

Нельзя сказать, что лето 1893 года прошло только в праздном отдыхе на французском северном побережье в курортном местечке Плугану, недалеко от города Бреста. Верный себе Милюков по дороге заехал в Париж, где встречался с несколькими русскими эмигрантами. Две встречи были особенно важными.

Павел, всё больше интересовавшийся политическими проблемами,

особенно левой оппозицией, посетил одного из известнейших теоретиков народничества Петра Лавровича Лаврова, сторонника эволюционного пути преобразования русского общества. Милюков, у которого постепенно формировались либеральные взгляды, считал, что вполне возможно какой-то отрезок политического пути пройти вместе с умеренными социалистами. Знакомясь с новейшими воззрениями русских и зарубежных социалистов, он убеждался, что многие из них видят социалистическую цель только на весьма отдаленном горизонте, готовы вести борьбу за демократизацию российского политического строя, за быстрое развитие капиталистических отношений или же крестьянской общины как зародыша социализма.

Встреча с Лавровым, однако, в известной мере разочаровала Милюкова. Старый народник, зная, что его гость — историк, сосредоточил беседу именно на вопросах прошлого, правда, не российского, а французского. Лавров в это время очень интересовался средневековой поэзией, фаблю (баснями) — своеобразным жанром французской городской литературы XII — начала XIV века, где грубоватый юмор соседствовал с моральными поучениями. Авторами были люди различного социального положения, часто священнослужители, еще чаще жонглеры и клоуны. Хотя Милюков, к стыду своему, должен был признаться, что о фаблю он впервые услышал от Лаврова, он явно ожидал от встречи большего.

Павел с нетерпением ждал свидания с еще одной известной личностью — Михаилом Петровичем Драгомановым, приехавшим в Париж на краткое время (он был в это время профессором Софийской высшей школы в Болгарии), и на этот раз предчувствие его не обмануло. Видный ученый-обществовед широкого профиля, яркий представитель украинской интеллигенции, Драгоманов был твердо убежден в необходимости признания и развития украинского языка и культуры, отстаивал принцип славянской федерации в демократическом сообществе. Его либерально-конституционные взгляды были близки Милюкову, который еще в России познакомился с публикациями Драгоманова. Милюков вспоминал: «Мы сразу как-то близко сошлись на одних и тех же идеях, и я страшно жалел, что это знакомство не продолжалось дальше»^{153}. Всего лишь через год Драгоманов окончит свой жизненный путь, а Милюков сменит его в Софийской высшей школе — предшественнице университета.

Встреча с Драгомановым в Париже укрепила критический взгляд Милюкова на славянофильство, выраженный совсем недавно в обширной лекции и статье, опубликованной затем в виде брошюры^{154}, и в то же

время разожгла его интерес к истории и культуре других славянских народов — прежде всего украинского, но также и болгарского, так как Драгоманов нашел в Болгарии близкую среду и даже породнился с будущим выдающимся ученым — литературоведом и этнографом Иваном Шишмановым, женившись на его дочери.

Сразу по возвращении в Москву Павел узнал о кончине матери. Нельзя сказать, что это событие стало для него трагедией. Отношения были вконец испорчены вскоре после женитьбы. Лишь очень редко Павел наносил матери, по-прежнему жившей в гостинице на Козихе, формальные визиты.

Мария Аркадьевна умерла в Ярославле — поехала на похороны сестры, простудилась и уже не смогла подняться. Сыну был передан конверт с небольшой суммой на похороны. Несколько слов в воспоминаниях о поездке в Ярославль в связи с кончиной матери прерываются буквально на полуслове рассказом, как у какого-то старьевщика он увидел грамоты северных монастырей и приобрел их за бесценок. Характер отношений с родителями с юности приучил Павла к душевной жесткости, если не черствости, и хотя временами у него прорывались добрые чувства, в основном он смотрел на окружающих сквозь призму своей работы, вначале научной, затем политической, а в конце жизни, в эмиграции, публицистической и политологической.

Став магистром истории, Милюков расширял круг общения с московской интеллигенцией, главным образом с той ее частью, которая была связана с умеренно либеральным журналом «Русская мысль», выходившим ежемесячно с 1880 года и пользовавшимся популярностью — число его подписчиков доходило до 14 тысяч человек.

Основателем журнала был выходец из купеческой семьи Вукол Михайлович Лавров, известный литературными переводами с польского языка. Лавров был очень осторожен в политическом отношении, конституционные взгляды проводились им в журнале с оглядкой, но всё же цензурное ведомство два раза официально «предупредило» редакцию (после третьего предупреждения печатный орган мог быть закрыт). В первый раз предупреждение последовало за «Петербургские письма» в декабре 1883 года (в них усмотрели неуважение к императорскому двору), во второй — в ноябре 1893 года за статью редактора журнала Виктора Александровича Гольцева «Социология на экономической основе», в которой якобы содержался намек на возможность изменения социального строя.

В редакции Милюков установил наиболее тесные отношения именно с Гольцевым, прежде всего потому, что они были коллегами. Окончив

Московский университет, Гольцев подготовил магистерскую диссертацию о помещичьем быте XVIII века, основанную исключительно на мемуарных источниках. Профессура сочла, что работа не соответствует требованиям, и Гольцев от защиты отказался. Не преуспев в ученой карьере, он полностью отдался журналистике, проявив хороший вкус, организаторские способности, умение налаживать необходимые контакты. Милюков писал, что Гольцев «стал центром, к которому сходились нити московского либерализма в левой окраске. Гольцев был недурным публицистом, но главную свою славу приобрел в роли застольного оратора»^{155}.

Еще до защиты магистерской диссертации Павел стал публиковать в «Русской мысли» критические отзывы на исторические сочинения. Первая его рецензия появилась в апрельском номере 1886 года. Павел в целом позитивно рассмотрел только что вышедшую книгу маститого историка Дмитрия Ивановича Иловайского, известного своим учебником российской истории, по которому учились многие поколения гимназистов и который использовал сам Павел, работая в гимназии и Техническом училище. В новом сочинении, продолжившем труд, опубликованный десятью годами раньше^{156}, Иловайский решительно выступал против норманской теории происхождения Русского государства. Его аргументацию Милюков счел в целом доказательной, хотя и отметил спорные моменты^{157}. Эта рецензия была его первой печатной работой, и он вспоминал, с каким волнением разрезал только что полученный номер журнала, чтобы посмотреть, как выглядит печатный текст. «И — о ужас! — Я нашел в тексте целых две опечатки! Я был ужасно огорчен»^{158}.

По всей видимости, рецензия понравилась редакции и читателям. Милюков стал систематически публиковаться в журнале в качестве критика исторической литературы. Бывало, что в одном номере публиковались три-четыре его рецензии на самые разные темы, как сравнительно узкие — история Сибири и колонизация степных территорий, развитие отдельных городов и местностей, персоналии, так и общие проблемы истории России, развития права в Русском государстве. Особое внимание Милюков уделял публикациям документов, в частности летописей, оценивая как анализ документов, так и подход публикаторов, их комментарии и оценки. Павел быстро заслужил репутацию вдумчивого критика исторической литературы. В «Русской мысли» были напечатаны десятки его рецензий, в основном на литературу по российской истории и лишь в незначительной части по другой тематике (в частности по истории западных и южных славян).

Став, по собственному выражению, «своим человеком» в редакции «Русской мысли»^{159}, Милюков фактически возглавил историческую часть библиографического отдела журнала, хотя, конечно, преувеличивал, говоря, что вся библиография перешла в его распоряжение; во всяком случае, художественную литературу он не рецензировал.

Выступления в «Русской мысли» открыли Милюкову двери в другие издания, в том числе в «Русские ведомости», считавшуюся газетой солидной, не гнавшейся за сенсациями, публиковавшей по возможности проверенную информацию и солидные аналитические статьи. Выходившие еще с 1863 года (вначале трижды в неделю, а с 1868 года ежедневно), «Русские ведомости» выражали в основном взгляды либеральной профессуры и земских деятелей и по общественно-политическим вопросам явно противостояли консервативным «Московским ведомостям», стремившимся компенсировать свой правый характер популярностью и даже сенсационностью. Недаром «Русские ведомости» часто называли «профессорской газетой», считая их скучными в сравнении с «Московскими ведомостями».

Милюков лишь изредка публиковался в «Русских ведомостях», в основном по исторической тематике, но каждый раз его статьи содержали либеральные оценки. Когда он был вынужден по политическим причинам покинуть Россию, редакция взяла на себя смелость регулярно в 1897–1899 годах публиковать его «Письма с дороги», само появление которых было свидетельством оппозиционности газеты императорским порядкам. Исключительно важную роль в газете играл ее главный редактор с 1882 года Василий Михайлович Соболевский, обладавший огромным авторитетом^{160}. Милюков был обязан ему многочисленными знакомствами с элитой московской, да и питерской интеллигенции, в том числе с В. Г. Короленко, А. П. Чеховым, крупнейшим идеологом либерального народничества Николаем Константиновичем Михайловским. Видимо, именно Соболевский ввел Милюкова в среду мыслителей, объединившихся вокруг редакции журнала «Вопросы философии и психологии», издававшегося с 1889 года профессором Николаем Яковлевичем Гротом, автором трудов по психологии эмоций, в частности книги «Психология чувствований в ее истории и главных основах» (1880), где использовались методы дифференциального и интегрального исчисления и доказывалась возможность экспериментального исследования эмоций.

Грот привлек Милюкова в свой журнал после того, как случайно

оказался на лекции, где историк доказывал, что славянофильство «умерло и не воскреснет». Лекция так понравилась редактору, что он опубликовал ее доработанный текст^{161}. Консервативные философы и публицисты набросились на статью Милюкова «Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев». Из трех персонажей к тому времени оставался в живых только Владимир Сергеевич Соловьев, который направил в «Вопросы философии и психологии» весьма едкий ответ^{162}. Либеральная же общественность отнеслась к работе Милюкова сочувственно, признав объективный характер его оценок.

Так Милюков выходил на поле общественно-политических схваток.

Маститый философ и психолог предложил Павлу посетить Л. Н. Толстого, к тому времени уже прославленного художника слова (роман «Война и мир» был опубликован в 1868 году и сразу же признан читателями, литературной критикой, общественностью ярчайшим художественным полотном). Грот договорился, что Толстой прочитает слушателям только что написанную статью «о Кронштадте» (видимо, какой-то публицистический фрагмент, в котором писатель ответил на истерические выпады священнослужителя Иоанна Кронштадтского, обвинявшего его во всех смертных грехах и пожелавшего ему смерти). Предполагалось, что за чтением последует обсуждение. Встреча состоялась в усадьбе писателя в Хамовниках, около Девичьего Поля (ныне улица Льва Толстого, дом 21, Музей-усадьба Л. Н. Толстого в Хамовниках)^{163}. Однако на ней оказался критик Н. Н. Страхов, боготворивший Толстого, который по окончании чтения вместо высказываний по существу разразился восторженными восклицаниями, чем обсуждение, собственно, и окончилось. Милюков на этот раз оказался «молчащим партнером»^{164}.

Судя по всему, у Милюкова была еще одна личная встреча с Толстым в той же усадьбе. Писатель, интересовавшийся философскими проблемами, пригласил его для «объяснения общего смысла истории». Помня неудачный опыт первого общения, Павел думал, что и на этот раз ему придется в основном выслушивать сентенции великого старца (тому было уже под семьдесят). Однако он ошибся.

Знаменитый писатель поставил несколько вопросов и внимательно слушал ответы. Но в самый разгар монолога Милюкова в скромный кабинет вошла супруга Толстого Софья Андреевна и пригласила спуститься к чаю. Взяв в руки нож и примерившись к тарту, чтобы его разрезать, Лев Николаевич вдруг произнес: «Ну что ваша наука! Захочу, разрежу так, а захочу — вот этак!» Милюков, по его словам, осознал, что ему никогда не

понять Толстого. Он писал младшему сыну: «Нельзя же, по Толстому, противопоставлять науку человеку и громить ее во имя других сторон человеческой личности»^{165}.

Толстой скептически относился к утверждениям, в том числе Милюкова, о возможности интеллигенции повлиять на народные настроения. Через годы, в декабре 1902-го, в дневнике писателя появилась запись: «Напрасно думают критики, что движение интеллигенции может руководить народными массами (Милюков)»^{166}. Великий писатель со своим творческим и в то же время парадоксальным складом ума и видный историк, рассуждавший на базе достоверных фактов и логических выводов из них, понять друг друга в стремлениях «быть с народом» так и не смогли.

Милюков также встречался с Л. Н. Толстым на собраниях и всевозможных клубных мероприятиях, на журфиксах^[3] у профессоров, литераторов и общественных деятелей. За закуской (обычно легкой) и выпивкой (иногда довольно обильной) договаривались о совместных начинаниях, обменивались мнениями о событиях, литературных новинках и т. п. В частности, на журфиксе у врача Н. Ф. Михайлова в январе 1895 года страстно обсуждалось заявление нового царя Николая II, призвавшего либералов оставить «бессмысленные мечтания» об участии деятелей земств в делах внутреннего управления. На этом фактически политическом собрании председательствовал Милюков. Было внесено предложение выступить с осуждением речи императора в иностранной печати, причем почти все сошлись во мнении, что сделать это наиболее пристало знаменитому писателю Толстому. Лев Николаевич, в принципе не отказываясь, высказал опасение, что его голос не окажет желаемого влияния на Западе, так как там его почему-то считают выразителем анархистских настроений и не сочтут его заявление выражением мнения широких общественных кругов. Так это предложение и не вышло за рамки взаимных препирательств^{167}.

Между тем для неугомной, жаждущей активного служения обществу и публичного признания натуры Павла Милюкова чисто академическая деятельность, доставлявшая умственное удовлетворение, никак не могла быть достаточной.

Неугомность подчас приводила Павла к академическим конфликтам. Бывали случаи, когда он выступал в печати с очень резкой критикой работ коллег. Например, в рецензии на книгу Дмитрия Ивановича Багалея «Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства» (1887), отметив пробелы в источниках, видимо,

действительно имевшие место, Милюков поставил под сомнение выводы работы, включая главный — о государственном характере колонизации. Багaley ответил на критику, думается, вполне обоснованно упрекнув Милюкова в стремлении к обобщениям на базе единичных фактов. По мнению некоторых исследователей (на наш взгляд, несколько преувеличенному), Милюков снискал репутацию скандалиста^{168}.

Но отношение к нему не было таким уж негативным. Боевой характер выступлений Павла в печати скорее приветствовался, нежели осуждался. Энергичные интеллигенты, которые уже переходили из молодого в средний возраст, были полны жажды общественной, просветительной деятельности.

Внимательно следивший за общественной жизнью России Милюков начинал понимать, какие большие потенциалы есть прежде всего на местах, в земских представительных учреждениях, которые, вопреки мнению В. И. Ленина, отнюдь не были «пятым колесом в телеге русского государственного управления»^{169}, а давали широкие возможности для просвещения, развития самосознания народа. При этом Павел и близкие к нему интеллигенты обращали особое внимание на так называемый третий элемент земств (первым считалась центральная и местная администрация, вторым — избранные в земские собрания представители) — разночинцев, служивших по найму в земских учреждениях: агрономов, статистиков, техников, врачей, учителей, страховых агентов и др. По мере развития земств роль наемных специалистов возрастала. В 1890-х годах в тридцати четырех губерниях России насчитывалось 65–70 тысяч земских служащих, причем на одного выборного приходилось до пятидесяти наемных^{170}.

Переломным моментом в развитии земского просветительства Милюков считал середину 1880-х годов, когда кружок Ф. Ф. Ольденбурга, Д. И. Шаховского и Н. А. Рубакина организовал издание и распространение литературы для народа, а издатель И. Д. Сытин создал фирму «Посредник» для выпуска массовыми тиражами популярных брошюр «культурного содержания».

Милюков решил присоединиться к этим начинаниям. Вместе с профессором Московского университета экономистом Иваном Ивановичем Янжулом (несостоявшимся рецензентом на защите его магистерской диссертации) и его супругой Екатериной Николаевной, активно занимавшейся благотворительностью, Павел приступил к созданию руководств для домашнего чтения по всем общеобразовательным предметам. К их инициативе присоединились другие специалисты. Узнав, что аналогичную работу в Петербурге проводят Николай Александрович

Рубакин и Василий Иванович Семевский, инициативная группа вошла с ними в контакт. Вскоре появилась первая книга «Программ для домашнего чтения», в которой на долю Милюкова пришлась тема о первобытной культуре. Он добросовестно выполнил свою часть работы. Однако оказалось, что популярной литературы на русском языке почти не было. Та же проблема возникла и перед составителями других разделов.

Участники программы приступили к созданию «Библиотеки домашнего чтения» путем заказов книг русским авторам и переводов с иностранных языков. Издать серию пообещал Иван Дмитриевич Сытин, а Милюков стал председателем Комиссии по организации домашнего чтения^{171}.

Трудно сказать, по какой причине (скорее всего потому, что никто другой не хотел браться) Милюков взял на себя курирование перевода книги профессора Абердинского университета в Шотландии Уильяма Минто «Логика». Когда перевод оказался в его руках, Павел ужаснулся — до того некачественно он был сделан: нужно было вносить исправления в каждую строку. Затем эта малопродуктивная работа была оставлена; историк, ставший общественным деятелем, впервые взялся за совершенно новую для себя работу — перевод с английского языка, да еще и книги, довольно далекой от его специальности.

Это его не устрасило. Оказалось, что занимаясь делами, далекими от собственных непосредственных интересов, можно не просто принести определенную пользу обществу, но и расширить свои познания. Правда, работа несколько затянулась — книга Минто в переводе Милюкова вышла только в 1903 году. В аннотации, составленной переводчиком, говорилось: «С тех пор как написаны эти строки, автор настоящего сочинения умер; «Логика» профессора Минто представляет собою последний вклад его в родную литературу... Среди профессоров Абердина мало было людей, которые стояли выше Вильяма Минто; память о нем, о его широкой и разносторонней учености, блестящих беседах, обходительности и редкой способности симпатично относиться к людям, с мнениями которых он не соглашался, навсегда сохраняют все, кто оплакивает его утрату».

По этим словам чувствуется, насколько логика увлекла специалиста по российской истории. Павлу, с молодых лет склонному к четкому выстраиванию аргументации, к построению силлогизмов, к индуктивному мышлению, оказалось очень полезным популярное пособие шотландца, позволившее ему оформить собственные взгляды и на историю, и на современное состояние России в более четкую, сознательно сконструированную систему. Проблема состояла только в том, что

общественные процессы далеко не всегда вмещались в схемы формальной логики. Позже в политических буднях Милюков не раз терпел поражения, когда пытался вместить «нелогичные» события в какую-либо абстрактную конструкцию.

Нижегородские лекции и первый арест

Милюков и супруги Янжул выступили с еще одной инициативой — выезда профессоров и приват-доцентов университета и других представителей московской интеллигенции в провинцию для чтения публичных лекций людям, жаждущим знаний, но не имевшим возможности получить высшее образование.

Но такого рода деятельность была отнюдь не безопасной. Охранительные органы внимательнейшим образом следили, чтобы лекции не превратились в политические собрания, обставляли их всяческими ограничениями, главными из которых были запрещение лектору отклоняться от заявленной тематики, недопущение обсуждения и обязанность отводить любой вопрос, не имеющий прямого отношения к теме. Инициаторам публичных лекций было ясно, что нарушения этих инструкций, по всей видимости, избежать не удастся. Тем не менее решено было начать выезды.

К этому времени Московское охранное отделение уже внимательно следило за общественной активностью Милюкова, считая его опасным политическим фантазером. В докладах охраны сообщалось, что он участвует в студенческих вечеринках, выступает за тесные контакты профессоров со студентами и пропагандирует «настоятельную необходимость политического воспитания студентов»^{172}.

Об активности Милюкова в поисках контактов со студентами, его боевых выступлениях перед ними вспоминали многие участники этих сходов, в том числе Виктор Михайлович Чернов, будущий виднейший политический деятель, лидер партии социалистов-революционеров (эсеров). Будучи с 1892 года студентом юридического факультета Московского университета, Чернов присутствовал на нескольких нелегальных собраниях, на которых выступал Милюков. Там шли жаркие споры марксистов с народниками. Марксисты, по словам Чернова, видели в литографированном курсе Милюкова сходство со своими взглядами и апеллировали к его авторитету, в частности, по поводу его идеи о государственно-бюрократическом происхождении русской поземельной

общины. К их разочарованию, историк отвечал, что взгляды на прошлое общины не мешают ему в настоящее время выступать против насильственного интенсивного разрушения ее, ибо община прочно вошла в быт и нравы российского крестьянства. Общине надо дать свободно развиваться, освободить ее от бюрократического опекуства, полагал он. Естественно, такая позиция вызывала удовлетворение народников^{173}.

К середине 1890-х годов имя Милюкова стало известно ведущим русским марксистам Георгию Валентиновичу Плеханову и Павлу Борисовичу Аксельроду. 2 марта 1894 года Плеханов писал Аксельроду: «Кланяюсь всем твоим, а также Милюкову, Лаппо-Данилевскому и прочим нашим. Как они? Умные ребята?» Отнесение Милюкова к «нашим» было, безусловно, мимолетным — вскоре Плеханов убедился, что к учению «основоположников» Павел относится критически, — но сходство воззрений на русскую историю явно прослеживалось. Плеханову и Аксельроду импонировали суждения Милюкова о ведущей роли государства в формировании общественных отношений и бюрократической природе русского феодализма^{174}. В любом случае между членами марксистской группы «Освобождение труда» и левым либералом, каковым постепенно становился Милюков, явно намечались точки соприкосновения.

Именно в период постепенной радикализации взглядов Милюкова в направлении «неблагонадежности» и был спланирован цикл публичных лекций в провинциальных центрах.

Первые лекции должны были состояться в Нижнем Новгороде, где, как было известно в Москве, существовал кружок местных и высланных интеллигентов, которые могли оказать организационную помощь. В сентябре 1894 года в Нижнем Новгороде побывал приват-доцент Иван Иванович Иванов, читавший в университете лекции по истории литературы XVIII–XIX веков. Он вел себя очень осторожно, и всё прошло гладко. Следующим в Нижний Новгород должен был выехать Милюков.

Перед самым его отъездом пришла весть — 20 октября 1894 года скончался император Александр III. На престол предстояло вступить наследнику Николаю II. Перед коронацией новому царю поступила масса адресов от земств и городских дум, писем частных лиц, выражавших надежду на политические реформы.

Еще до этих событий Милюков избрал темами своего небольшого лекционного цикла «Общественные движения в России» (сознательно не избегая ограничения хронологическими рамками) и «Распространение университетского образования в Англии и Америке»^{175}. Хотя со стороны

официальных органов не последовало замечаний по этому поводу, ибо предполагалось, что лектор будет рассказывать именно об истории, он отлично сознавал, что оказался в тяжелом положении, поскольку просто не мог не выразить собственного отношения к возникшему настроению в пользу политических перемен.

В Нижнем Новгороде тогда проживали такие столпы общественного прогресса, как Владимир Галактионович Короленко и видный экономист народнического направления, популярный публицист Николай Федорович Анненский. Узнав, что обоих во время его лекции не будет в городе, Милюков в первый момент огорчился, поскольку рассчитывал на их присутствие на лекциях, а затем надеялся установить с ними непосредственный контакт. Однако, подумав, Павел пришел к выводу, что сложившаяся ситуация более благоприятна для него, ибо ослабит внимание местных властей к его выступлениям.

Организацию лекций взял на себя присяжный поверенный М. А. Лапин, у которого работал писцом начинающий писатель Максим Горький. О Горьком Милюков тогда понятия не имел, но Лапин был в Нижнем уважаемой фигурой — достаточно сказать, что он добился чтения лекций в актовом зале Дворянского собрания. Средства, полученные от платных лекций, было решено передать Обществу вспомоществования учителям Нижегородской губернии^{176}.

Милюков прочел шесть лекций в двадцатых числах декабря 1894 года. На них собралась самая разнообразная публика. Зал был полон, лектора встретили горячими аплодисментами, полагая, что он сразу «возьмет быка за рога» и приступит к характеристике современных общественных движений. Слушателям, однако, пришлось примириться с историческим характером изложения. Постепенно аудитория втянулась в эту хронологическую и логическую динамику и с большим интересом слушала рассказ, как зарождалось, а затем медленно, но неуклонно развивалось независимое от государства российское общественное движение. На протяжении всего выступления аудитория жадно ожидала финала. Несмотря на то, что лекции носили научно-популярный, а не политический характер, число слушателей не уменьшалось. Зал, предназначенный в основном для торжественных приемов, был полон до последней лекции.

Милюков так и не перешел к прямым политическим аналогиям. Последняя лекция была посвящена тому, как на протяжении XIX века становились всё более острыми разногласия в обществе, как в России, подобно Западной Европе, общественное мнение отделялось от позиции государства. «Вывод логически вытекал сам собой, без того, чтобы я

форсировал тон или сходил с почвы фактического рассказа. Конечно, последняя лекция содержала в себе прозрачные намеки на общие чаяния, и это было подчеркнуто прощальной овацией присутствующих». Лектор употребил даже термин «политическая реакция», которую можно было бы преодолеть, если мобилизовать «провинциальные резервуары и оазисы» культурной жизни, и выразил надежду, что именно из этих оазисов жизнь опять вольется в столицы^{177}.

Павел уехал из Нижнего вполне удовлетворенный. Он не придавал значения тому, что на лекциях присутствовали вице-губернатор Анатолий Ильич Чайковский, младший брат великого композитора, отличавшийся сугубо консервативными взглядами, и местный архиерей. Он даже считал это своего рода поощрением со стороны властей, тем более что брат композитора, во время лекций делавший заметки, был известным любителем музыки, то есть, в представлении Милюкова, интеллигентом.

Возможно, обошлось бы без последствий, если бы через несколько недель всю страну не облетело жесткое выступление Николая II 17 января 1895 года на приеме делегатов земств, дворянских собраний и городских дум, прибывших поздравить нового царя с восшествием на престол. В заранее составленной речи, которую царь читал в основном по бумажке, он заявил: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель»^{178}.

Обер-прокурор Священного синода, известный реакционер Константин Петрович Победоносцев 2 февраля писал великому князю Сергею Александровичу: «После речи государя продолжается волнение с болтовней всякого рода... Зато на простых людей и на деревни слово государя произвело благотворное впечатление. Многие депутаты, едучи сюда, ожидали бог знает чего и, услышав, вздохнули свободно. Но как печально, что в верхних кругах происходит нелепое раздражение»^{179}.

Надо было найти козла отпущения, и тут вспомнили о Милюкове. Постарался, скорее всего, Чайковский. Возможно, существовали и другие доносы, но этот чиновник был самым высокопоставленным представителем власти, присутствовавшим на лекциях Милюкова, и просто невозможно, чтобы дальнейшие события происходили без его участия. Оговоримся, что презумпция невиновности, существующая в правовых

нормах, не может распространяться на историческое повествование — историк имеет право на логическое допущение, разумеется, оговорив, что речь идет именно о предположении, а не о доказанном факте.

Так или иначе, но у министра внутренних дел империи Петра Николаевича Дурново сложилось впечатление, что волнения, вызванные лекциями в Нижнем Новгороде, «всё еще не улеглись»^{180}.

В результате в начале февраля 1895 года почти одновременно последовали распоряжения двух министерств по поводу Павла Милюкова в связи с его лекциями в Нижнем Новгороде: Министерство народного просвещения предписало ректору Московского университета уволить его с запрещением преподавать где бы то ни было; Министерство внутренних дел 18 февраля объявило о начале следствия, призванного выяснить, не содержались ли в поведении Милюкова во время чтения лекций преступные деяния. До получения результатов следствия министерство предписало выслать подозреваемого из Москвы в административном порядке и запретить ему заниматься преподаванием в любых учебных заведениях ввиду «вредного влияния, которое он оказывает на студентов». По этому поводу Милюков позже замечал, что неизвестно, кто на кого оказывал более «вредное влияние» — он на студентов или студенты на него^{181}.

Когда до интеллигенции обеих столиц дошли эти сведения, репутация Милюкова взлетела до небес. Он вспоминал, что газета «Русские ведомости» пригласила его к постоянному сотрудничеству за фиксированный оклад, а редакция научно-популярного петербургского журнала «Мир Божий» по инициативе ее руководителя Виктора Петровича Острогорского предложила начать публикацию его лекций по истории культуры. В журнале были помещены все три части этого труда — в 1895, 1896 и, после вынужденного перерыва, в 1899–1902 годах. Номера журнала с очерками Милюкова расходились мгновенно, число подписчиков «Мира Божьего» превысило 100 тысяч человек — это была невиданная для условий России цифра. Разумеется, не только труд Милюкова способствовал популярности журнала, но он безусловно был в числе публикаций, поднимавших тираж, так что Острогорский явно не прогадал. В свою очередь, редактор журнала «Русская мысль» В. А. Гольцев в речи на очередном банкете пожелал, чтобы Милюков стал историком падения русской монархии^{182}.

Анна Сергеевна отправилась в Петербург, чтобы поднять там многочисленных знакомых и коллег на борьбу за смягчение участи мужа. В

числе других рекомендательных писем она получила обращение Л. Н. Толстого к известному и влиятельному юристу Анатолию Федоровичу Кони. Писатель вступился за ученого, который, по его словам, собирался ехать за границу, но боялся, что ему запретят возвратиться на родину^{183}.

Анне удалось добиться приема у министра народного просвещения Ивана Давыдовича Делянова. Об этом царедворце сохранились разные мнения. Его коллега по правительству граф Сергей Юльевич Витте писал: «Делянов был очень милый, добрый человек, и вопросы Министерства народного просвещения вообще были ему не чужды. Он был человек культурный, образованный... Вообще он лавировал на все стороны»^{184}. Значительно более резко высказывался В. Г. Короленко, называвший Делянова человеком, «много лет лежащим гнилой колодой поперек дороги народного образования»^{185}.

Аудиенция почти ничего не дала — Делянов заявил, что муж Анны справедливо наказан за вредное влияние на молодежь. В качестве единственной уступки ему было предоставлено право выбора места высылки. Видимо, министру уже стало известно, что речь идет именно о высылке, а не о ссылке (во втором случае определялось точное место пребывания наказуемого, в первом он мог сам решить, где поселится, хотя окончательное решение принималось полицейскими органами). Вначале Павел избрал Ярославль, но ему было отказано, так как там имелось высшее учебное заведение, на студентов которого он мог оказать вредное влияние. В конце концов была избрана Рязань, губернский город, также расположенный недалеко от старой столицы.

Лекции в Нижнем Новгороде, увольнение из университета, предстоявшее следствие и суд, высылка из Москвы превратили Милюкова в фигуру фактически национального масштаба. Он стал своего рода символом сопротивления наследию Александра III, полностью воспринятому его коронованным сыном.

Уже после отчисления из университета ему дали возможность прочитать студентам прощальную лекцию. Это не было открытое политическое выступление, но суждения, что история должна служить современным практическим задачам, воспринимались студентами однозначно. Павел сказал: «Мне приходится покидать эту кафедру при нескольких исключительных обстоятельствах. К счастью, эти обстоятельства наступают в такой момент, когда цель моих чтений здесь я могу считать уже выполненной. Я пришел на эту кафедру три года тому назад... Я хотел дать русской молодежи книгу, в которой история не являлась бы сухим

набором ученостей, а служила бы пониманию жизни. Мне казалось, что в такой книге чувствуется нужда и что я смогу что-нибудь сделать для удовлетворения этой нужды. Не мне, конечно, судить, в какой степени я выполнил свою задачу, хотя ваше постоянное внимание... ручается мне за то, что мои чтения не пройдут для вас совершенно бесследно... Я прожил три года не даром»^{186}.

Отношение общества к Милюкову отчетливо проявилось в день отъезда в Рязань. Хотя по требованию полиции он вроде бы не сообщал никому о дате отъезда, скрыть было невозможно. Достаточно было Анне Сергеевне невзначай сказать об этом кому-то из знакомых, чтобы известие моментально разнеслось. Приехав на вокзал 23 февраля, Павел увидел, что платформа полна провожающих, в основном молодежи. Пришли даже барышни из 4-й гимназии, где он преподавал, разумеется, с цветами. Фактически возникла немногочисленная, но политическая демонстрация — одна из первых в России.

Уже в Рязани Милюкову сообщили суть официального обвинения: чтение лекций преступного содержания перед аудиторией, неспособной отнестись к ним критически. Адвокаты могли бы выставить сколько угодно контраргументов. Однако было очевидно, что власти решили устроить «показательную порку». К расследованию были привлечены авторитетные силы под руководством товарища прокурора Московского окружного суда Алексея Александровича Лопухина, который, с одной стороны, вроде бы придерживался умеренно либеральных взглядов, а с другой — ревностно исполнял волю начальства. Милюков писал: «Либерализм Лопухина не помешал ему провести расследование по всем правилам искусства. Он привез с собой стенографическую копию моих нижегородских лекций (только теперь Павел узнал, что по заданию полиции их тайно стенографировали. — Г. Ч., Л. Д.) с подчеркнутыми красным карандашом криминальными местами и заставил меня раскрыть их смысл, — впрочем, настолько прозрачный, что никакие перетолкования не были возможны»^{187}.

Фактический выход Милюкова на общественно-политическую арену, однако, не радовал значительную часть его коллег-историков, которые полагали, что наука теряет серьезного исследователя, и недоумевали по поводу его новых увлечений, повлекших репрессии. 26 февраля 1895 года С. Ф. Платонов раздраженно писал преподавателю Дерптского (Тартуского) университета, историку и правоведа Михаилу Александровичу Дьяконову: «О Милюкове, к сожалению, сведения верны, не одни нижегородские

чтения, а всё в нем не нравилось, и наше министерство потому не заступилось за него. Попытки побудить пересмотреть это дело пока даже не выслушиваются»^{188}.

Рязань

Высылка открыла целое десятилетие, которое Милюков в воспоминаниях назвал «годами скитаний». Как мы увидим, эти скитания отнюдь не были мучительными — Милюков посетил и страны, где уже бывал, и незнакомые края, приобрел новый исследовательский и педагогический опыт, занимался активной общественной деятельностью, обзавелся массой новых знакомств с российскими эмигрантами и зарубежной интеллигенцией. Пока, однако, он оставался в близкой к Москве Рязани. Через десятилетия он признался, что покидал старую столицу, да и Московский университет не с болью, а с облегчением. Ему, стремившемуся к новым методам познания истории и в еще большей мере к общественной деятельности, направленной на обновление России, теперь претила обстановка в столичных мещанских кругах, которые ранее воспринимались как нечто естественное, а теперь вызвали раздражение каждой мелочью.

Особенно неприятны были слухи и сплетни в его адрес. В московских салонах рассказывали, каким неблагодарным оказался Милюков по отношению к своему учителю Ключевскому. Василий Осипович, преподававший историю великому князю Георгию и на этой почве общавшийся с Александром III, опубликовал в «Чтениях Императорского общества истории и древностей российских» заметку в память о почившем царе. Оттиск этого материала стал распространяться среди публики с приложением довольно беззлобной басни Ивана Крылова «Лев и Лисица»:

*Лиса, не видя сроду Льва,
С ним встретясь, со страстей осталась чуть жива.
Вот, несколько спустя, опять ей Лев попался.
Но уж не так ей страшен показался.
А третий раз потом
Лиса и в разговор пустилася со Львом.
Иного так же мы боимся,
Поколь к нему не приглядимся.*

Публика сочла, что это пасквиль на великого историка, и приписала организацию кампании Милюкову, который, по собственному утверждению, никакого отношения к ней не имел. Думается, он не кривил душой — такие истории были совершенно не в его духе. Он, однако, подозревал, что «добрым людям» удалось убедить Ключевского, что это — дело рук Милюкова. Выведенный из себя, он уезжал из Москвы с букетами цветов, преподнесенными гимназистками, и желанием быть подальше «от этой загнившей атмосферы»^{189}.

В голове покидавшего Москву Павла роились противоречивые мысли. Он воспринял свое удаление из Первопрестольной с чувством освобождения от рутины, но в то же время, поскольку следствие по его делу только разворачивалось, вполне резонно полагал, что в конце концов может оказаться если не в тюрьме или на каторге, то в лучшем случае в ссылке, скорее всего в Сибири. Сам того не ведая, историк превращался в творца истории.

К этому времени семья Милюкова пополнилась — родился второй сын Сережа. Анна, занятая заботами о новорожденном и совсем еще маленьком старшем сыне, надеялась, что из Рязани супруга никуда не отправят, и готовилась к переселению в близкую к Москве провинцию.

Создается впечатление, что и сам Павел, наблюдая, как расследуется его дело, со временем стал испытывать надежду, что наказание ограничится высылкой в Рязань. После недолгого проживания в гостинице он переехал в хорошую квартиру в центре города и даже перевез туда свою обширную библиотеку.

Развернулась работа над фундаментальными «Очерками истории русской культуры», которые Милюков начал писать еще в Москве. Ее разделы публиковались в журнале «Мир Божий», а затем готовились для отдельного издания.

За два с лишним года, проведенных в Рязани, Милюков сблизился с несколькими местными интеллигентами, главным образом земскими служащими и краеведами. Особое впечатление произвело на него общение с археологом Алексеем Ивановичем Черепниным. Именно под руководством Черепнина он, по собственному признанию, научился квалифицированно вести археологическую работу — от выбора места полевых исследований до бережного обращения с найденными артефактами и их идентификации.

Чтобы производить собственные раскопки, Павел получил свидетельство (открытый лист) Московского археологического общества на право заниматься археологическими изысканиями по Рязано-Уральской

железной дороге^{190}. На городище Старой Рязани ему удалось обнаружить интересные следы пребывания угро-финнов, а затем славянские могильники, в результате чего были высказаны предположения о границах русской колонизации. Рязанская губернская архивная комиссия избрала его своим депутатом на X археологический съезд в Риге. Конечно, А. И. Черепнин был крупным археологом, но Милюков представлялся рязанцам более значительной фигурой — в силу наличия у него многочисленных ученых трудов, связей с авторитетными журналами и репутации известного либерала, высланного из Москвы. Вероятно, сыграло роль и то обстоятельство, что ранее Милюков не только участвовал в VIII археологическом съезде, проходившем в Москве, но и написал подробный отчет о нем^{191}. Поехать в Ригу, однако, не удалось в силу положения высланного по политическим причинам.

Следствие продолжалось почти два года. Милюков надеялся, что оно завершится сохранением прежнего положения на еще какой-то непродолжительный срок. Но карательные органы при бесспорном содействии Министерства народного просвещения стремились, не поднимая особого шума, избавиться от ставшего известным оппозиционером на более длительное время.

В 1897 году для этого возникли благоприятные условия. После смерти М. П. Драгоманова в Софийском высшем училище (ныне — Софийский университет) открылась вакансия руководителя кафедры всеобщей истории, то есть истории всех стран за исключением Болгарии — отечественную историю преподавали на специальной кафедре. Либеральные руководители училища, хорошо знавшие труды и политическую позицию Милюкова, предложили ему возглавить кафедру на весьма благоприятных условиях: предусматривалось, что в течение пяти лет он будет читать четыре часа лекций и вести два часа практических занятий в неделю с годовой оплатой 12 тысяч левов, что было значительно выше заработной платы болгарских профессоров^{192}.

В то же время супруга Милюкова для пересмотра властных санкций весьма активно использовала неофициальные каналы. В решающий момент в дело вмешался В. О. Ключевский, чья близость к императорской семье была общеизвестна: он направил московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу докладную записку, в которой характеризовал Милюкова как талантливого историка и просил дать ему возможность жить и работать в любом крупном городе империи^{193}.

Павлу не хотелось уезжать из России. Он надеялся, что ходатайство

Ключевского сработает. Милюков писал Платонову: «Из Болгарии мне предлагают официально занять кафедру Драгоманова. Чтобы отнестись определенно к этому предложению, мне нужно было бы знать, считают ли в министерстве мое удаление окончательным или возможно еще, что мои услуги понадобятся в каком-нибудь из русских университетов»^{194}.

Власти, однако, были непробиваемы. Милюкову предложили альтернативы, фактически не оставлявшие выбора: год тюрьмы, два года ссылки или высылка на два года за границу. Павел Николаевич не был готов избрать мученический путь. Да и пребывание в близкой по языку, к тому же относительно демократической стране в качестве наследника такой авторитетной фигуры, как Драгоманов, заведование кафедрой в единственном болгарском университете представлялось ему соблазнительным. Он решил, по крайней мере на время, отказаться от общественно-политической деятельности и возобновить на новом уровне и в другой стране научно-педагогическую карьеру.

Двадцать третьего января 1897 года Николай II подписал разрешение на выезд Милюкова за границу для принятия должности в Софийском высшем училище^{195}. В феврале Павел смог уехать из Рязани при условии немедленного выезда из России, дав подписку о неучастии в какой-либо политической деятельности за рубежом и отказе от контактов с российскими эмигрантами. Остановиться в Москве ему запретили, разрешив лишь проехать с одного вокзала на другой.

Глава третья

ГОДЫ СКИТАНИЙ И ПОИСКОВ

Софийское высшее училище

Милюков писал в воспоминаниях, что приехал в болгарскую столицу, побывав в Париже. Но он запомнил, что на самом деле отправился в Париж, уже работая в Софийском высшем училище, с целью пополнения своих учебных курсов. Для этого были использованы летние каникулы.

В самом конце февраля 1897 года, перед началом занятий весеннего семестра, Милюков приехал в Софию и уже 27 февраля прочитал первую лекцию, предварив ее словами: «Трудно и ответственно занимать кафедру после такого достойного председателя. Но я не должен вступать в соперничество с памятью доброго покойника. Я, напротив, с глубокой благодарностью принимаю то наследство, которое он мне оставил. Любовь к науке и продолжение добрых отношений к преподавателям — этот завет Драгоманова я постараюсь поддержать, поскольку это будет в моих силах»^{196}.

С Милюковым был заключен годичный контракт, который предполагалось продлевать, если не возникнут какие-либо чрезвычайные обстоятельства. Поскольку он рассматривался наследником знаменитого Драгоманова и сам уже был человеком весьма известным, ему был положен даже более высокий, чем предполагалось первоначально, годичный оклад — 18 тысяч левов.

Щедрое профессорское жалованье позволило Милюковым (Анна Сергеевна с двумя детьми вскоре присоединилась к супругу) снять хорошую квартиру в самом центре Софии — на улице Раковского, а затем перебраться на еще более престижную улицу Сан-Стефано, рядом с Высшим училищем, где жили ответственные государственные деятели и видные ученые. С некоторыми из них почти сразу же установились дружеские и деловые контакты.

В начале лета 1897 года Милюковы купили дом на углу улиц Сан-Стефано и Регентской, о чем Павел с гордостью сообщил С. Ф. Платонову^{197}.

Их благополучию во многом способствовало отношение к Милюкову

Ивана Шишманова, женатого на дочери Драгоманова Лидии Михайловне. 35-летний Шишманов был общепризнанным авторитетом в болгарской науке и общественной жизни. Получивший великолепное образование в Австрии, Германии и Швейцарии, защитивший в 1888 году докторскую диссертацию в Лейпциге, он стал одним из основателей Высшего училища, в 1889–1902 годах являлся редактором первого в стране научного периодического издания по всем гуманитарным дисциплинам «Сборник народных песен, науки и литературы». В 32 года он стал профессором всеобщей литературной и культурной истории и сравнительной литературной истории^{198}.

Отнюдь не чуждый радикально-демократической политики и поддерживавший обширные контакты с представителями самых различных сфер болгарской интеллигенции, Шишманов ввел в этот круг Милюкова, способствовал углублению его интереса к стране и народу, роли Болгарии на международной арене, внутренним и внешнеполитическим схваткам из-за балканских дел. Некоторые новые связи были особенно важны.

Разобраться в хитросплетениях внутривосточного развития помогло знакомство с Александром Малиновым, в то время одним из лидеров Демократической партии, руководимой крупнейшим деятелем национального освобождения от османского гнета Петко Каравеловым. В 1903 году после смерти Каравелова 36-летний Малинов станет руководителем Демократической партии, не раз будет занимать министерские посты и возглавлять правительство.

Через Малинова Милюков познакомился с Каравеловым и его женой и личным секретарем Екатериной, получившей образование в России. Рассказывали, что это была женщина исключительно сильной воли. Когда в 1885 году началась сербо-болгарская война, сербы приближались к Софии и правительство было в панике, Екатерина села в фаэтон и поехала на прогулку по улицам, чтобы доказать, что в высших кругах царит спокойствие. В недолгой войне болгары одержали победу, а вскоре к основной части страны присоединилась ранее отделенная Восточная Румелия с центром в Пловдиве.

Однако полностью национальный вопрос решен еще не был. Отдельные территории, населенные болгарами, в частности Македония, Фракия и Добруджа, входили в состав других государств — Сербии, Греции, Румынии, Турции. В этих регионах развивалось национально-освободительное движение. Балканы всё более превращались в пороховой погреб Европы.

Общаясь с новыми знакомыми, изучая обстановку опытным взглядом

историка и начинающего политика, Павел Милюков быстро понял опасность ситуации на Балканах, целиком встал на сторону национальных интересов болгарского народа и через некоторое время принял активное участие в отстаивании национально-государственных интересов Болгарии.

С неослабевающим вниманием Милюков наблюдал и за внутренним развитием Болгарии. Он тщательно изучал болгарский феномен — развитие страны, которая менее двух десятков лет назад, в 1878 году, в результате Русско-турецкой войны получила национальную независимость и шла по пути превращения в современное демократическое государство. Он проштудировал принятую Учредительным собранием Тырновскую конституцию 1879 года, предусматривавшую, что во главе страны стоит князь, однако законодательная инициатива находится в руках Народного собрания, избираемого тайным голосованием всех подданных мужского пола. Хорошо запомнив основные положения болгарской конституции и считая ее образцовым для того времени документом, Милюков в конце бурного революционного 1905 года рекомендовал премьер-министру России С. Ю. Витте: «Позовите кого-нибудь сегодня и велите перевести на русский язык бельгийскую или, еще лучше, болгарскую конституцию, завтра поднесите ее царю для подписи, а послезавтра опубликуйте»^{199}.

Милюков узнал, что болгарская демократия реально рождалась в муках. Первый князь Александр Баттенберг был сброшен с престола в результате дворцового заговора, положение же нового князя Фердинанда Саксен-Кобург-Готского было вначале непрочным: в 1887–1894 годах фактическим диктатором являлся премьер-министр Стефан Стамболов, опиравшийся на созданную им Народно-либеральную партию. Милюков читал и слушал рассказы о том, как в стране возникла оппозиция, заставившая монарха считаться с собой и вынудившая его отправить премьера в отставку, как начала формироваться партийно-политическая система и развертывалась легальная межпартийная борьба, в которой принимали участие — страшно сказать — основанная на марксистских догмах Социал-демократическая партия и крестьянские деятели^{200}.

С активными участниками политических битв Милюков встречался и в Высшем училище. Его коллегами стали профессора Иван Георгиев и Любомир Милетич, принимавшие активное участие в македонском движении.

Анна Сергеевна, занимавшаяся воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства и заботами о супруге, тоже стремилась приобщиться к болгарским делам. Она стала членом местного женского общества,

которым руководила Е. Каравелова, добивавшаяся равноправия женщин в общественно-политической и хозяйственной жизни^[201]. Болгарский опыт пригодился Анне, когда, возвратившись на родину, она стала одной из активных участниц либерального женского движения.

Павел опасался, что его педагогическая работа осложнится из-за незнания болгарского языка, однако уже с первых лекций убедился, что студенты вполне его понимают. Объяснялось это, помимо лексического сходства, русофильскими настроениями, которые преобладали среди студенчества. Роль России в национальном освобождении страны не ставилась под сомнение, и представления о «дедушке Иване», которому болгары обязаны своей свободой, сочетались у молодежи с глубоким почтением к левому лагерю русской общественности. Существовали также и чисто практические причины, по которым русская речь была для болгарской молодежи в какой-то мере знакомой. Своих учебных пособий даже для гимназий еще не было, и приходилось пользоваться русскими книгами. В основанной в 1879 году национальной библиотеке русские издания составляли значительную часть книжного фонда. Милюков, правда, ошибался, когда писал, что в то время, когда он находился в Болгарии, библиотекой руководил кто-то из русских эмигрантов^[202] — на самом деле ее директором был известный просветитель и бывший министр народного образования Райчо Каролев, но под его началом действительно работали вынужденные покинуть родину русские революционеры и оппозиционеры.

Так что выполнить данное властям обязательство не вступать в контакты с российскими революционными эмигрантами Милюков просто не мог, хотя и не разделял их народнических убеждений. В основном общение с эмигрантами происходило по необходимости — в университете, в библиотеке. И всё же Павел установил связь с Фондом вольной русской прессы^[4], действовавшим за рубежом, и через жившего в Софии бывшего члена «Народной воли» Ивана Николаевича Кашинцева пожертвовал в фонд 100 франков^[203].

Со студентами очень быстро были установлены деловые отношения. Милюкова понимали, и это было главное. Обладавший немалыми языковыми способностями, он очень скоро стал понимать болгарскую речь, общался в быту по-болгарски, но продолжал читать лекции на русском, будучи убежден, что хорошая русская речь куда выигрышнее плохой болгарской. Об этом его просили и студенты, стремившиеся на его лекциях совершенствоваться и в отношении языка.

Вскоре Милюков стал вести спецсеминар по тематике лекционного курса. Постепенно преодолевались трудности, связанные с нехваткой литературы и незнанием студентами западных языков. Семинары превращались в оживленный обмен мнениями.

Казалось, и жизнь, и работа налаживались. Однако Павла Милюкова поджидала новая неприятность, связанная отчасти с позицией российского дипломатического агента в Софии Георгия (Юрия) Петровича Бахметева.

Специфика русско-болгарских отношений того времени состояла в том, что свержение диктатора Стамболова, проводившего явно антироссийскую политику, ознаменовалось постепенным улучшением отношений. Вокруг российского дипломатического агентства^[5] разворачивались интриги правых болгарских русофильских кругов, которые надеялись воспользоваться моментом для закрепления собственных политических позиций. Консерваторы докладывали Бахметеву, что русский профессор, к тому же высланный за границу, якшается в Софии с либеральными кругами. Посол ждал объяснений Милюкова, но так и не дождался.

Новый профессор не нанес визит Бахметеву, чтобы выслушать его «отцовские наставления». Более того, пойдя на существенный для себя компромисс — посетив вместе с другими университетскими профессорами молебен в центральном столичном соборе 6 декабря 1897 года в честь дня рождения русского императора, Павел Николаевич считал, что для него этого вполне достаточно, и не отправился вместе с коллегами в российское посольство, чтобы выпить за здоровье его императорского величества.

Правда, в воспоминаниях Милюков оправдывался, что просто не знал о таком обычае^[204], но в это трудно поверить. Увидев, что его коллеги дружно куда-то направились из собора, он не мог не поинтересоваться их планами. Безусловно, разыграл гонор, который натолкнулся на ответное раздражение российского дипломата.

Но дело было не только в личной позиции Бахметева. У него были поводы предъявить Милюкову политические обвинения.

Еще до прибытия Павла в Софию Департамент полиции Российской империи направил директиву руководителю своей балканской агентуры полковнику Александру Иосифовичу Будзиловичу, имевшему сеть осведомителей во всех Балканских странах: ему поручалось установить тщательное наблюдение за всеми контактами Милюкова в Софии, обращая особое внимание на встречи с русскими эмигрантами (почти все они были народниками). В Петербург стали поступать сведения о контактах

профессора, правда, в первую очередь не с эмигрантами, а с болгарскими и македонскими деятелями, причем сообщалось, что часть из них придерживается анти-русской ориентации^{205}.

Тайная агентура установила также, что Милюков встречался с русскими политическими эмигрантами Белковским, Файндергольдом и др. Они не являлись крупными политическими фигурами, но сам факт таких встреч, по мнению охранных органов, свидетельствовал, что Милюков не только не отказался от либеральных взглядов, а, наоборот, движется «влево». Директивой от 16 ноября 1897 года Департамент полиции поручил через Будзиловича агенту А. М. Вайсману, владевшему в Софии ремесленной мастерской, установить пристальное наблюдение за отношениями Милюкова с эмигрантами^{206}. Так были получены данные о контактах с более крупной фигурой — журналистом Б. Д. Минцесом, который рассматривался как один из идеологов революционного народничества^{207}.

К реальным контактам с русскими эмигрантами и другими ненадежными лицами добавлялись вымышленные. Так, Милюкова обвинили в написании какого-то агитационного документа для одного из лидеров Социал-демократической партии Георгия Киркова. Позже было признано, что опубликованные по этому поводу сенсационные сообщения в болгарской прессе, которые повторяла царская агентура, были чистым вымыслом^{208}.

В результате Бахметев, получивший соответствующие указания, направил болгарскому правительству ноту с требованием удаления Милюкова как лица, враждебного Российской империи, из Высшего училища.

Началась довольно длительная бюрократическая процедура, в значительной мере связанная с нежеланием ни Министерства народного просвещения Болгарии, ни руководства Высшего училища расставаться с русским профессором. Тем временем настали летние каникулы, и Милюков отправился за пределы страны.

В качестве вступительного цикла лекций нового учебного года Милюков избрал переход от эпохи Римской империи к Средневековью. Эта тематика давала возможность не только проследить один из важнейших этапов мировой истории, когда на смену одному национальному и социальному организму приходила новая система отношений, но и провести определенные параллели с современностью, когда, по его мнению, зарождалась возможность конституционно-демократического

развития России.

Павел отнюдь не жертвовал личным и семейным комфортом. Приличный оклад в Высшем училище и гонорары за многочисленные публикации позволяли жить вполне благополучно. Более того, летом 1897 года он смог себе позволить отправить жену с двумя детьми на всё лето в Швейцарию, на курорт Бруннен, расположенный на берегу красивейшего Фирвальдштетского озера.

Павел рассчитывал использовать летние месяцы и для отдыха с семьей, и для подготовки лекционного курса, который представлял для специалиста по российской истории определенные трудности, так как преподавание истории раннего Средневековья было для него новым делом.

Он опасался, что не найдет в Софии достаточного круга качественных источников и научной литературы для обеспечения курса и студентам придется заниматься главным образом по его лекциям. Естественно, для подготовки курса был избран Париж с его богатейшими библиотеками.

Павел навестил свое семейство и даже провел несколько дней в поездках по Швейцарии, поднялся к ледникам горного массива Юнгфрау в Бернских Альпах. Затем он отправился во французскую столицу и более месяца работал в библиотеках.

Тем временем болгарские власти оказались в затруднительном положении. Они понимали, что отстранение профессора от преподавания по требованию зарубежного дипломата будет оценено общественностью как акция, несовместимая с государственной независимостью Болгарии, вмешательство в ее внутренние дела. Но в то же время портить из-за одного человека отношения с дипломатическим агентом, через которого осуществлялись межгосударственные отношения, они никак не желали.

Милюковым решили пожертвовать. Его пригласил к себе министр народного просвещения писатель Константин Величков, который, по словам самого Милюкова, «skonфуженно объяснил сложившееся положение и неизбежность удовлетворить русское требование, — выражая при этом надежду на мое восстановление, когда пройдет острый момент»^{209}. Предупредив Милюкова, Величков, однако, не торопился реализовывать вроде бы уже принятое решение, хотя было ясно, что делать это всё-таки придется.

Милюков был уволен из Высшего училища, проработав там всего один семестр. Приказ отдал только что назначенный министр народного просвещения известный писатель Иван Вазов, сочтя неблагоразумным ввязываться в бой из-за русского оппозиционера, хотя и известного историка. Отлично понимая ситуацию, Милюков не протестовал. Правда, в

соответствии с контрактом ему было выплачено годовое жалованье.

Интересно отметить, что и Милюков всю оставшуюся жизнь, и болгарская либеральная общественность в конце XIX века воспринимали ноту Бахметева как результат его личного каприза, понятия не имея, что имперский Департамент полиции вел тайное наблюдение за историком, а дипломатический представитель России только с удовлетворением выполнил волю вышестоящих деятелей. Правда, если бы Бахметев присоединился к нескольким ходатайствам в пользу Милюкова, поступившим и в Министерство иностранных дел, и в другие высшие органы Российской империи, положение могло сложиться иным образом. Но злопамятный дипломат вполне сознательно и целеустремленно выталкивал Милюкова из Высшего училища.

Македонские исследования

До окончания срока высылки из России оставалось больше года. Павел решил остаться в Софии как частное лицо и продолжать изучение Болгарии. Он всё больше интересовался прошлым болгарского народа, его борьбой за национальную независимость, российско-болгарскими отношениями, особенно во время режима Стамболова. Он считал, что Российская империя покровительствует Сербии в ущерб Болгарии. Современный исследователь С. Германов пишет: «Всё это породило у него глубокие чувства симпатии к болгарскому народу, который, несмотря на крупные зигзаги в политике, сохранил любовь к дедушке Ивану»^[210].

В наибольшей мере Милюкова интересовало положение тех территорий, населенных славянами (в первую очередь, как он предполагал, болгарами), которые после Берлинского конгресса (1878), пересмотревшего итоги победоносной для России войны с Турцией, были возвращены Османской империи.

Верный своему аналитическому опыту, Павел, имея сложившуюся гипотезу (она состояла в том, что Македония — это территория, населенная определенной ветвью болгарского этноса, которая, несмотря на уже возникшие особенности языка и культуры, во всех отношениях тяготела к Болгарии), вначале не высказывал ее вслух, а стремился проверить путем изучения письменных источников и встреч с уроженцами Македонии в болгарской столице, а затем совершить поездку на «поле сражения» между болгарскими, сербскими и турецкими войсками, хотя пока эта битва велась в основном без применения оружия.

Он провел зиму 1897/98 года, изучая положение в Македонии и смежных областях, где, он понимал, завязывался узел не только региональных противоречий, но и конфликтов между великими державами. Он тщательно проштудировал изданные в России и на Западе отчеты о поездках в македонские и соседние земли — их оказалось немало^[211], что вначале даже удивило Павла, но вскоре он понял, что его предшественники, как и он, понимали, что в регионе зрели глубокие конфликты. Удалось обнаружить и статистические издания, дающие представления о национальном составе населения Македонии и Фракии.

Научные занятия и поездки не прервались даже в связи с рождением в начале 1898 года третьего ребенка — дочери Натальи. Разумеется, получивший крупную денежную неустойку за увольнение из Высшего училища Милюков обеспечил должный уход и за супругой, и за новорожденной. Но поразительно, что сам он почти никакого участия в заботах не принимал, а его будни остались точно такими же, как и ранее. Более того, в мемуарах он вообще не упоминает о рождении дочери, поскольку оно не относилось к важным научно-политическим событиям, которым была посвящена его деятельность.

При посредничестве бывших коллег по университету Милюков стал встречаться с македонскими деятелями, которые постоянно проживали в Софии или приезжали по делам. Разумеется, эти люди строго соблюдали конспирацию, говорили в самых общих выражениях. Однако у русского историка сформировалось убеждение, что в Македонии имеется мощная подпольная организация во главе с представителями интеллигенции, в основном учителями и священниками, имеющая помощников из числа местного славянского населения и тайную почтовую связь фактически со всеми македонскими городами и многими селами. Главное — подтверждалась его гипотеза, что абсолютное большинство славянского населения Македонии считают себя болгарами и мечтают о воссоединении.

Милюков готовился к поездке — изучал турецкий и новогреческий языки. Он ежедневно занимался с одним македонцем, причем не только этими языками, но одновременно совершенствовал свой болгарский, обращая внимание на македонский диалект. Во всём этом было легко запутаться, но память у Милюкова оставалась превосходной, упорство было отменным, а намечавшаяся поездка сулила не только проверку этнических и политических гипотез, знакомство с научными новинками и даже, может быть, открытия, но и важные встречи, возможно, несущие опасность.

Поскольку Болгария считалась вассальным княжеством, граница с

Турцией была фактически открытой — контроль ограничивался проверкой документов. В 1898 году Милюков дважды посетил Македонию (в его воспоминаниях говорится, что поездок было три, но исследователи убедительно показали, что мемуарист ошибся^{212}). Павел Николаевич впервые оказался в Стамбуле (он всегда называл тогдашнюю турецкую столицу Константинополем) и установил контакт с руководителем находившегося там Русского археологического института Федором Ивановичем Успенским. Здесь он провел апрель и май, в основном работая в библиотеке Русского археологического института, главным образом пополняя свои знания в области археологии, хотя с досадой отмечал, что книжные фонды института бедны. В июне — июле 1898 года он посетил Салоники (Солунь), Битоль (Битолу), Прилеп, Велес и другие города и села в долине реки Вардар. Второй раз он пребывал здесь с середины октября по середину ноября.

Уже в Салониках Милюков убедился, что местное славянское население относит себя к болгарской нации, называет себя «македонскими болгарями», стремится к автономии, а Салоники (по-болгарски Солун) именуют столицей будущей свободной Македонии. Становилось ясно, что простым присоединением Македонии к Болгарскому княжеству национальный вопрос решить трудно — нужна какая-то форма федерации.

Тем более важным Милюков считал посещение западной, пограничной части Македонии, зоны наиболее острых споров между сербами и болгарями. В частности, в Битоле он убедился, что разговоры на обычные бытовые темы жители ведут не на сербском, а на болгарском языке, хотя и на довольно заметном местном диалекте. Другим доказательством служила церковная принадлежность: подавляющее большинство населения объявляло себя относящимся к Болгарской экзархии, центр которой находился в Софии. Турецкие власти и связанные с ними чиновники-сербы пытались привлечь жителей к Константинопольской патриархии, но это, как правило, не удавалось. Отмечались, правда, и случаи своего рода церковной коррупции с обеих сторон. «Дашь денег — буду болгарин», — говорили ему о местном населении чиновники как турецкого, так и сербского происхождения. Но такие случаи всё же не носили массового характера.

Павел наблюдал, как изо дня в день зрело внутреннее напряжение. «Отдельные вспышки народных восстаний уже происходили, — писал он, — и влекли за собой многочисленные жертвы. Места этих первых восстаний были известны, и я не мог обойти их. Известно было это напряженное положение и великим державам, и Англия с Россией не даром

сговаривались держать будущих повстанцев в порабощении, пока Европа не соберется ввести в Македонии приличные реформы»^{213}.

Милюков изменил бы себе, если бы не сочетал политико-этнографические штудии с интересом к материальной культуре местного населения с давних времен. Случайно он познакомился с работником железной дороги, который показал ему бронзовые пластины, найденные при дорожных работах. Прилично знакомый с основами археологии, Павел с изумлением узнал в них очковые застёжки-фибулы, характерные для иллирийцев — древнего индоевропейского населения северо-западной части Балканского полуострова и частично Апеннин. Археологические раскопки могли привести к новым интересным результатам.

Конечно, сам Милюков не мог заняться раскопками, требовавшими значительных сил и средств, и пытался убедить в важности их проведения Ф. И. Успенского. Тот хотя и не имел отношения к изучению археологических древностей (он был византинистом), оценил находку Милюкова как открытие. Успенский добился султанского указа, разрешавшего вести раскопки, и организовал экспедицию, которая, однако, существенных результатов не дала. Об этом, в частности, свидетельствовал дневник раскопок с зарисовками найденного, который исправно вел Павел ^{214}.

На обратном пути в Софию Милюков посетил восточную часть Македонии, где, естественно, полностью подтвердилась его гипотеза об этнической принадлежности македонцев и справедливости их стремления к воссоединению с Болгарией.

В течение всей поездки Павел вел записи, которые в форме «Писем с дороги» (всего 15 писем) посылал в «Русские ведомости»; затем они были опубликованы популярной болгарской газетой «Пряпорец» («Знамя»). Разумеется, в одной из центральных русских газет не всё можно было писать открыто — в тексте было немало намеков, особенно касательно зарождения в Македонии тайной революционной организации, но внимательный читатель вполне мог составить объективную картину.

И населению Болгарии, и ее правящим кругам пришлось по вкусу рассуждения Милюкова о том, что волнения в Македонии нельзя считать результатом агитации крохотных мятежных групп, как пыталась выставить их турецкая и сербская пропаганда. Вообще пропаганда, ведущаяся как в Македонии, так и вокруг нее, постоянно находилась в центре внимания «Писем с дороги». Автор считал сербскую пропаганду искусственной, явно поставляемой из-за границы и активно поддерживаемой турецкими

властями.

Для обоснования этой мысли он попытался проследить этапы развития сербской идеи объединения южных славян. Вначале, в 1860-х годах, речь шла о будущей Великой Сербии, с Болгарией и Македонией в качестве составных частей. От столь грандиозных планов пришлось отказаться после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов и оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Сербия стала проводить «политику компенсаций», то есть распространения своей территории на юг, развивая в этой связи идею национальной идентичности македонцев с сербами. Наконец, правящие круги Сербии перешли к политике самосохранения, и возникла возможность компромисса с Болгарией путем раздела Македонии. Если же, рассуждали белградские политики, Болгария будет настаивать на присоединении всей Македонии, это приведет к войне.

Такого рода соображениями Милюков поделился с читателями «Русских ведомостей», а затем проанализировал этот комплекс вопросов в специальной обширной статье, ставшей его первым опытом политологического анализа современных международных отношений^{215}. Вопрос о сербско-болгарских отношениях выводился в ней за рамки непосредственных территориальных конфликтов и компромиссов и рассматривался как составная часть игры европейских держав, прежде всего России и Австро-Венгрии. Милюков отмечал сближение их позиций касательно балканских событий. Обе империи поддерживали сохранение Сербии как независимого государства: Австро-Венгрия — в обмен на ее отказ от претензий на Боснию и Герцеговину, Россия — прямо поощряя сербизацию Македонии. Эта статья в Болгарии стала столь актуальной, что ее перепечатал ряд газет. В свою очередь, сербская пресса не преминула высказаться, что статья Милюкова носит пристрастный характер^{216}.

Милюков — историк и политолог-международник — продолжал собирать материалы о положении на Балканах, которые позже, в годы его активной политической деятельности, будут представлены и проанализированы в специальной монографии. Пока же он увлеченно сортировал собранные документы, формировал свою концепцию исторического развития Балкан и особенно сущности македонского вопроса. В письме В. Г. Короленко в конце ноября 1898 года он заявил: «Влез я теперь по уши в македонский вопрос и хочу выбраться из него не с пустыми руками»^{217}.

Что же касается археологических и этнографических наблюдений, описания памятников, которые посетил ученый, то эта тематика была

освещена им в специальной работе, вышедшей в «Известиях Русского археологического института в Константинополе»^[218]. Любопытно, что том, в котором были опубликованы материалы Милюкова, напечатали в Софии, причем в государственной типографии. Ученый, опальный на родине и уволенный из болгарского Высшего училища по российскому требованию, пришел к выводам, которые соответствовали и чаяниям населения Болгарии и Македонии, и государственным интересам страны, как их понимали ее власти. Впрочем, такие парадоксы встречаются в истории сплошь и рядом.

Вскоре после возвращения в Софию из Константинополя, где он обрабатывал свои находки, Милюков по предложению Ф. И. Успенского вновь отправился вместе с ним в Македонию, на этот раз для розыска старинных славянских христианских рукописей. Этот вояж в октябре — ноябре 1898 года закрепил этнографические и политические представления, которые сложились во время первого путешествия, но новой существенной информации не дал.

Поездка в основном запомнилась важной находкой. У входа в небольшую церковь на берегу Охридского озера лежала правильной формы плита без каких-либо надписей. Заподозрив, что нечто может оказаться на ее обратной стороне, Павел вместе со спутниками перевернул плиту и обнаружил древний текст. Уже первоначальный анализ позволил отнести его к эпохе Первого Болгарского царства, более того, установить фактического автора — царя Самуила (980—1014), столицей которого был город Охрид.

Дальнейшие исследования Успенского, в которых Милюков уже не участвовал, доказали, что находка имеет исключительную историческую ценность, поскольку является одним из самых древних памятников кириллического письма. Это была надгробная надпись, сделанная по приказу Самуила на могиле его родственников, причем в тексте имелась дата — 993 год по современному летосчислению. В переводе на русский язык текст гласил: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа, Я, Самуил, раб Божий, почитаю память отцу, матери и брату на этом кресте. Имена покоящихся здесь: Никола, раб Божий, Рипсимия и Давид. Написал в году 6501 от Сотворения мира».

На протяжении следующего века ученые широчайшим образом использовали начертания букв этой надписи для датировки различных христианских текстов, выполненных кириллицей. В настоящее время плита хранится в Национальном историческом музее Болгарии в Софии и считается одним из ценнейших памятников болгарской древности.

Любопытно, что Ф. И. Успенский вскоре опубликовал большую работу, посвященную этому памятнику, даже не назвав имени человека, который его обнаружил^{219}, то есть фактически приписав находку себе. Милюков не пожелал заниматься мелочными дрызгами, но сохранил обиду на всю жизнь. Более чем через полвека он своеобразно отомстил давно покойному Успенскому, написав в воспоминаниях, что в каком-то македонском монастыре тот попытался украсть некую древнюю рукопись^{220}. При этом о находке надписи Самуила он упомянул лишь парой предложений.

Как видим, человеческая комедия развивалась в действиях высоколобых интеллектуалов, отнюдь не чуждых научной ревности, зависти и даже мести человеку, давно ушедшему в мир иной. Между прочим, в Софийском музее на этикетке к плите Самуила значится фамилия Успенского в качестве ее первого исследователя, но не упомянуто имя обнаружившего ее Милюкова.

Вместе с Успенским Милюков вновь отправился в Константинополь, где составил опись найденного — как рукописей, так и артефактов. Это было особенно важно, так как, согласно условиям султанского разрешения на сбор материала, половину обнаруженного следовало передать в Османский музей. Это условие было выполнено, и «турецкая часть» сохранилась в неприкосновенности, как и «плита Самуила», которую в нарушение соглашения тайком отправили в Софию.

Что же касается материалов, оставшихся в Русском институте, то их судьба была печальной. Вскоре после начала Первой мировой войны турецкая полиция совершила налет на институт как на собственность враждебного государства. Его деятельность была прервана, экспонаты перевезены в Османский музей. Официально институт был закрыт в 1920 году.

Успенский же в 1914 году возвратился в Россию и продолжил научную деятельность в Петрограде. После 1917 года он не эмигрировал и даже пользовался известным уважением большевистской власти. С 1921 года и до самой своей смерти в 1928 году он возглавлял Российское палестинское общество — благотворительную и научную организацию, уставными задачами которой являлись содействие православному паломничеству на Святую землю, научное палестиноведение и гуманитарное сотрудничество с народами Ближнего Востока.

Милюков сожалел, что важные предметы древней славянской истории оказались в руках турецких музейщиков, которые даже не экспонировали их, а оставили в запасниках. У него сохранились подробные описания

находок, наброски планов и карт местностей, где были обнаружены памятники, дневники работы. Он собирался опубликовать эти материалы, но откладывал на будущее, всё более увлекаясь сначала публицистикой, а затем политикой. Материалы его второй македонской экспедиции так и не увидели свет. После Октябрьского переворота 1917 года большевистские власти конфисковали часть архива Милюкова, оставшуюся в Петрограде. Он пытался затребовать хотя бы некоторые материалы, включая дневник второй македонской экспедиции, но ответа на свой запрос не получил.

Между тем истек срок высылки за границу. Вначале Милюков подумывал о том, чтобы возобновить преподавание в Высшем училище. Однако, узнав об этом, Бахметев вновь вмешался, и болгарские власти в очередной раз не решились вступить в спор с представителем великой державы. Павел, не мешкая, в августе 1899 года отправился в Россию (незадолго до этого Болгарию покинула Анна Сергеевна с детьми).

Болгарские ученые, политики, общественные деятели, несмотря на протесты Милюкова, устроили ему торжественные проводы. На железнодорожном вокзале произносились приветственные речи. Дело дошло до того, что Павла Николаевича буквально на руках внесли в вагон. Среди провожавших были Петко Каравелов, Иван Шишманов, начинающий политик Андрей Ляпчев (в 1920-х годах он станет премьер-министром страны), македонский деятель Димитр Ризов.

Вновь на родине

Первая остановка по возвращении в Россию была в Киеве, где как раз в это время, в августе 1899 года, проходил XI съезд российских археологов. Археологические съезды, проводившиеся регулярно с 1868 года, являлись важнейшими форумами отечественных ученых, причем не только «чистых» археологов, но и специалистов смежных научных дисциплин, каковым и являлся Милюков. На XI съезде Павел участвовал в дискуссиях о происхождении Руси, решительно выступая против переоценки роли варягов в основании Древнерусского государства, хотя и не отрицая определенной роли пришельцев в становлении административных институтов.

Его многочисленные выступления в прениях были подчас резкими и даже скандальными (однажды он демонстративно покинул зал заседаний, в другой раз подобным образом поступил его оппонент)^[221]. 9 августа на заседании отделения первобытных древностей Павел Николаевич выступил

с докладом о недавних раскопках некрополя в районе села Патали в Македонии, весьма позитивно оцененным участниками заседания. Для сорокалетнего Милюкова было большой честью избрание его почетным председателем заседавшей 12 августа секции географических и этнографических древностей, свидетельствовавшее не только о признании весомости его вклада в археологическую науку, но и общей высокой оценке его научной деятельности.

Милюков возвращался на родину в приподнятом настроении. Он полагал, что два с лишним года, проведенные в Болгарии и македонских экспедициях, обогатили его и как ученого, и как общественного деятеля, но страстно стремился вновь погрузиться в родную академическую и публицистическую среду, слышать повсюду родной язык и общаться на нем. Несмотря на напряженную работу в течение прошедших лет, ностальгия у него не проходила. Тем более радостной была встреча с «матерью городов русских».

В Киеве он оказался впервые, и ему всё здесь нравилось: и днепровские кручи, и сохранившиеся древние сооружения, и даже новые знакомые, среди которых было немало решительных защитников украинской национальной самостоятельности, требовавших для украинского народа по крайней мере культурно-национальной автономии. Милюков понимал, что такие настроения оправданны, имеют глубокие исторические корни, и поддерживал их, правда, с определенными оговорками.

Уже в это время, на рубеже веков, он не исключал возможности федеративной перестройки Российского государства, хотя ближе ему была идея единой и неделимой России. В необходимости федерализации его убеждал, в частности, профессор Харьковского университета Дмитрий Иванович Багалея, ученый широкого профиля, с которым Павел Николаевич с удовольствием возобновил знакомство на киевском съезде. Интересными были встречи и с Викентием Вячеславовичем Хвойкой — чехом, но патриотом Украины, который провел в 1890-х годах серию археологических раскопок в городской черте Киева и Поднепровье, являлся одним из основателей Киевского городского музея древностей и искусств. На съезде Павел Николаевич встретился со своим болгарским другом Шишмановым, познакомился с украинским ученым и журналистом, начинающим национальным политическим деятелем Николаем Прокоповичем Василенко. Втроем они посетили дом-музей гетмана Запорожского войска в XVIII веке Михаила Степановича Ханенко^[222].

Однако Милюкову необходимо было думать о постоянном месте

жительства, имея в виду, что, скорее всего, его не пустят в Москву. Коллеги и киевские знакомые посоветовали обратиться в Министерство внутренних дел с просьбой разрешить ему постоянно проживать в столице.

Вопреки обычной российской бюрократической медлительности ответ был получен скоро — просителю разрешалось прибыть в Петербург, чтобы ходатайствовать о дальнейшем жительстве в Северной столице. По всей видимости, власти полагали, что Милюков утратил свой либеральный пафос и будет теперь более законопослушным. В то же время сановный и чиновничий Петербург должен был послужить той средой, в которой его оппозиционные настроения, если они еще сохранились, окончательно выветрятся. Близкое будущее покажет, что эти расчеты были безосновательными.

Во всяком случае, из Киева Павел Николаевич с разрешения Министерства внутренних дел направился в Петербург, где снял приличествующую ученому и известному публицисту квартиру. Вскоре приехали жена и дети, отдохавшие в Крыму, а затем прибыла и обширная библиотека, кочевавшая за семейством в последние годы. В ноябре Милюков получил уведомление Департамента полиции, что ему разрешается жить в Петербурге и окрестностях, но запрещается постоянное местожительство в Москве.

Милюков сознавал, что изгнание превратило его в глазах общественности в политического деятеля либерального направления, и именно в этом качестве, в отличие от правительственных кругов, восприняла его возвращение в Россию столичная передовая публика.

Почти сразу он был принят в члены Литературного фонда, который возглавляли авторитетные общественные деятели К. К. Арсеньев, Н. К. Михайловский, Н. Ф. Анненский — плеяда ярких и своеобразных личностей.

Константин Константинович Арсеньев — адвокат, земский деятель, литературный критик и историк литературы, активно выступал за демократическую реформу земского управления и за введение в России свободы слова и веротерпимости^{223}. Экономист Николай Федорович Анненский был ранее связан с революционными народниками и подвергался арестам. К 1890-м годам, сохранив народнические взгляды, он стал известен своими глубокими статистическими изысканиями, результаты которых публиковал в журналах и отдельными изданиями^{224}. Но наиболее весомым было имя Николая Константиновича Михайловского — философа, социолога и литературоведа, теоретика народничества,

который в свое время был близок с Н. А. Некрасовым и М. Е. Салтыковым-Щедриным, а с 1892 года вместе с В. Г. Короленко редактировал журнал «Русское богатство». Он разработал теорию свободного выбора «идеала», обосновывавшую возможность изменить общественное развитие и в конечном итоге социальное устройство в направлении, избранном передовой интеллигенцией. Высшим мерилем прогресса и исходным пунктом любого исследования в области гуманитарных наук Михайловский считал отдельную личность, разрабатывал концепцию «героя и толпы», объяснявшую механизм коллективного действия склонностью человека к подражанию, полагал, что психологическое воздействие личности зависит от восприятия массы и любой человек, а не только выдающаяся личность, может, оказавшись впереди толпы, сыграть важную роль в определенных событиях^{225}.

Народником Милюков не стал — он, как и ранее, отстаивал позитивистский подход к действительности, никак не мог согласиться с тем, что наиболее прогрессивным классом России, которому принадлежит будущее, является крестьянство. Однако общение с легальными народниками (их вскоре стали называть либеральными народниками), а затем и с легальными марксистами, которые, в отличие от Михайловского, отстаивали прогрессивность быстрого капиталистического развития России, продолжало обогащать его духовно. В то же время он воспринимал социалистические построения как утопию, препятствующую объективному взгляду на перспективы развития страны, которые ему виделись не только и даже не столько в экономической эволюции по примеру передовых европейских стран, сколько в постепенном расширении участия населения в решении государственных дел вначале на местном, а затем и на общероссийском уровне.

Контакты Милюкова с либеральными народниками были зафиксированы Петербургским охранным отделением, но совершенно неверно истолкованы. Возникли даже подозрения, что Милюков может быть связан с террористическими организациями. Возможно, с целью проверки этой версии были предприняты довольно неуклюжие действия^{226}. Однажды по рекомендации какой-то знакомой к нему явился на тайное свидание господин «довольно отвратного вида». Павел Николаевич принял его в спальне со всеми доступными ему средствами конспирации. Посетитель спросил, не знает ли он распорядка дня сенатора Петра Николаевича Дурново и нет ли у него фотографии Дурново. Объект был избран не случайно — в течение почти десяти лет он возглавлял

Департамент полиции и вынужден был покинуть пост в результате сексуального скандала. Он пользовался самой дурной репутацией не только в революционных, но и в либеральных кругах.

Решив, что речь идет о провокации (мы полагаем, что имело место прощупывание, проверка реакции), Павел Николаевич сухо ответил, что о расписании сенатора никак не может знать, а фотокарточку Дурново, вероятно, можно купить в любом художественном магазине. Посетитель удалился, недовольный результатом.

Милюков писал в воспоминаниях, что через годы, когда был разоблачен провокатор Азеф, он узнал в нем своего посетителя. Быть может, это соответствовало действительности — или всё же разыграла фантазия. Вряд ли полицейский осведомитель (с 1893 года), который в 1899-м стал членом Союза социалистов-революционеров, а в 1903-м — руководителем Боевой организации эсеров, мог просто так, без маскировки, даже не загримировавшись, явиться в дом к известному общественному деятелю. Скорее всего, Милюков, хотя он и был опытным историком и политиком, отлично разбиравшимся в способах политического сыска, провокаций, компрометации общественных деятелей, поддался общему чувству недоумения и негодования, узнав, что один и тот же человек возглавлял кровавые акции против царских сановников и выдавал полиции руководителей подпольных организаций.

В то же время в некоторых полицейско-цензурных документах Милюков характеризовался теперь как проповедник экономического материализма, близкого к марксизму. Полицейские чиновники стремились уложить взгляды поднадзорных в некую схему, но Милюков оказывался за ее пределами. У властей, однако, хватало ума, чтобы понять: к насильственному свержению существующего строя он явно не стремился.

Поселившись в Петербурге, Милюков должен был позаботиться о хлебе насущном. Он уже привык существовать на гонорары, но они не являлись надежным источником дохода. Надо было иметь постоянный заработок. Дальнейшая педагогическая карьера исключалась, так как распоряжение о запрещении ему преподавать в учебных заведениях империи оставалось в силе. Поэтому, когда вскоре после приезда в Петербург он получил одно за другим два предложения штатной работы с постоянным заработком, то принял оба, тем более что они соответствовали его интересам и уже сложившемуся роду занятий. С явной гордостью 4 ноября Павел Николаевич писал в Софию Ивану Шишманову, что за ним «начали ухаживать сразу несколько редакций»^[227].

Первое предложение исходило от публициста Сергея Николаевича

Южакова, члена редколлегии популярного журнала «Русское богатство», в котором он вел отдел иностранной политики. Как раз в это время Южаков занялся созданием русифицированной версии немецкого энциклопедического словаря Мейера — предполагалось частично переводить его материалы, частично дополнять их, включать новые статьи для привлечения русских читателей, о чем существовала договоренность с германскими издателями.

Александра Аркадьевна Давыдова, издательница выходившего с 1892 года «ежемесячного литературного и научно-популярного журнала для самообразования» «Мир Божий», предложила Милюкову стать редактором журнала наряду с Ангелом Ивановичем Богдановичем, причем заниматься в основном отделом критики и библиографии. Ему был положен приличный по тем временам оклад — 100 рублей в месяц, а за каждый отредактированный и написанный материал предусматривались отдельные выплаты.

Штатную работу в «Мире Божьем» Милюков начал в конце октября 1899 года. 29-го числа он писал И. Шишманову, что приглашение его на работу в журнал — «приятное в материальном и общественном плане»^{228}. Теперь, по признанию Милюкова, вхождение в круг литераторов и публицистов было для него более интересно, чем научная работа.

Около года (с января 1900-го) в «Мире Божьем» проработала и его супруга, которая занималась обзором содержания других «толстых» журналов. Однако хозяйка журнала сочла, что Анна Сергеевна слишком хвалит другие издания, что, по ее мнению, понижало авторитет (в наши дни сказали бы — рейтинг) «Мира Божьего». Правда, до открытой ссоры дело не дошло, и в следующие годы в журнале изредка появлялись обзоры Милюковой.

Что же касается Павла Николаевича, то он уже был столь авторитетной фигурой, что одно указание его имени в качестве соредактора способствовало повышению популярности издания. Владимир Иванович Вернадский, ставший в 1898 году профессором Московского университета и поддерживавший переписку с Милюковым, отмечал в дневнике, что Давыдова таким образом привлекала подписчиков^{229}.

И Богданович, и Давыдова были близки с либеральными народниками, но в то же время присматривались к общественным деятелям, объявлявшим себя приверженцами марксизма и стремившимся создать в России партию, подобную Социал-демократической партии Германии,

которая действовала легально, издавала ряд газет и журналов, агитировала за демократизацию политического строя. Разумеется, в самодержавной России пока можно было добиваться лишь создания нелегальной Социал-демократической партии. Попытка такого рода была предпринята в 1898 году, когда в Минске группа социал-демократов объявила свое собрание I съездом РСДРП. Но вскоре участники съезда были арестованы, социал-демократия как организованное течение в России всё еще не существовала. В этих условиях Богданович склонялся к наиболее радикальным течениям общественной мысли и соответствующим образом строил тематику и содержание журнала. Давыдова, пригласив в редакцию Милюкова, стремилась несколько уравновесить курс «Мира Божьего», сделать его более привлекательным для умеренных кругов.

Взявшись одновременно с работой в журнале за подготовку словаря, Милюков вскоре вынужден был констатировать, что она велась кустарно, без четкого плана. Сравнивая статьи словаря с текстами выходившего тогда же словаря Брокгауза и Ефрона (этот фундаментальный энциклопедический словарь под редакцией видных русских ученых был опубликован в восьмидесяти шести томах в 1890–1907 годах), он приходил к печальному выводу, что «конкурент» и по содержанию, и по манере подачи статей оказывался на более высоком уровне.

Постепенно стали возникать споры и по поводу содержания статей. Милюков переделал статью о германском канцлере Бисмарке, почти дословно заимствованную из немецкого издания. Новый текст не удовлетворил Южакова. Павел Николаевич упорствовал. Произошел разрыв, и Милюков ушел из редакции. Его единственная попытка участвовать в подготовке крупного справочного издания утонула в зародыше.

Немалые трудности возникали и в редакции «Мира Божьего». Тут буквально коса нашла на камень. Богданович, человек замкнутый, но твердый в решениях, предпочитал публиковать наиболее радикальные публицистические материалы и отвергал умеренные. Милюков был склонен помещать в журнале не столь острые, но более фундаментальные статьи. Сохраняя приверженность своей профессии, он поощрял молодых авторов, предлагавших интересные исторические сюжеты, освещение которых базировалось на архивных находках. Богданович же считал, что такие статьи просто засоряют публицистический отдел, который должен быть посвящен текущей политике. В результате и здесь сотрудничество закончилось. Что конкретно произошло, Милюков точно не помнил: «Я одобрил к печатанию какую-то рукопись, которую А. И. [Богданович] забраковал, — или вышло наоборот... но в один прекрасный день

Богданович оборвал сношения и перестал ходить в редакцию»^{230}. Последовали объяснения с Давыдовой, в результате которых Павел Николаевич покинул редакцию.

Как оказалось, штатная работа с более или менее нормированным рабочим днем, с выполнением определенных должностных обязанностей, какими бы скучными они ни были, не могла стать уделом Милюкова, уже привыкшего к вольной жизни, к занятию только теми делами, которые были ему интересны. Разумеется, сказывалось и всё большее тяготение к политике, к созданию такого организованного течения общественной деятельности, которое в наибольшей степени соответствовало бы его умеренно либеральным устремлениям. Проработав менее года на двух штатных должностях, Павел Николаевич оставил обе и с тех пор с полного согласия супруги существовал «на вольных хлебах». Его авторитет как историка, публициста, критика стал к этому времени уже настолько высок, что его с удовольствием печатали журналы и газеты, издательства заключали с ним договоры на подготовку книг. Поскольку к роскошной жизни Милюковы не привыкли и никогда к ней не стремились, семья до самой Февральской революции 1917 года вполне прилично существовала на гонорары, получаемые ее главой за свои произведения.

Начало пути в политику

Это было время, когда Милюков стал популярным благодаря его «Очеркам по истории русской культуры». После выхода первого тома этой фундаментальной работы в 1896 году, еще до высылки автора за границу, многие читатели, в первую очередь из среды оппозиционно настроенной молодежи, сочли его скрытым последователем марксизма. Если для этого и были какие-то основания, то лишь признание продуктивности того, что он называл «экономическим материализмом».

Марксистом — ни революционным, ни легальным — Милюков не стал, считая себя посредником между народниками и марксистами. Он видел недостатки во взглядах «экономистов» — тех сторонников теории Маркса, которые выступали за ведение лишь экономической борьбы, считал, что от экономических выступлений рабочим следует переходить к политическим, но лишь в открытой, легальной форме.

Павел Николаевич сохранял преимущественно позитивистский подход к истории, полагая, что между экономическим, социальным, политическим, духовным развитием существуют неразрывные связи и весь этот комплекс

охватывает понятие «культура». Именно таков был его подход к курсу «Введение в русскую историю», который он читал в университете в 1894/95 учебном году. Этот курс стал основой «Очерков по истории русской культуры», в которых отечественное прошлое было представлено на основе проблемного принципа. Очерки были посвящены отдельным проблемам (население, экономика, быт и т. д.). Вначале они публиковались в журнале «Мир Божий» (с 1895 по 1902 год) и вслед за этим сразу же выпускались отдельными изданиями. До 1905 года их общий тираж составил свыше 50 тысяч экземпляров — невиданно для научно-популярной литературы. «Очерки» пользовались огромным успехом прежде всего в научных кругах. Более того, они стали событием общественной жизни. Трехтомное, но так и не завершённое сочинение Милюкова выдержало в России шесть изданий — последнее вышло в 1918 году.

В этом труде Милюков предпринял первую в российской историографии попытку комплексного исследования социально-культурной истории России. О масштабности замысла свидетельствовали разделы, посвященные населению, экономике, сословиям, государству, Церкви, литературе, образованию и т. д. Все эти темы рассматривались в развитии, с привлечением огромного количества фактов. В результате создавалась картина культурного развития России в широком смысле слова, на базе своеобразной научной отрасли — культурологии, которая, по существу, формировалась Милюковым.

О том широком замысле, который он осуществлял в очерках, ярко свидетельствует план общего введения, в котором ставились вопросы: ««прагматическая» и «культурная» история; споры о содержании «культурной истории»; споры о цели и способах изучения «культурной истории»; теоретические задачи исторической науки и прикладные задачи политического искусства; смешение тех и других в «философии истории»; закономерность как цель научного объяснения истории; существуют ли исторические законы; трудности социологического анализа; социологическая дедукция как средство облегчения анализа; влияние окружающей обстановки; понятие случайности в истории; роль личного фактора; бессознательное и целесообразное, личное и общественно целесообразное, единичное и массовое действие личности; цель и содержание «Очерков»^[231].

Нам представляется, что содержание введения отразило новаторский характер этого выдающегося произведения русской историографии. Милюков провозглашал: «История «событий» отошла на второй план перед историей «быта» — учреждений и нравов. Изучение внешней истории (или

так называемой прагматической, политической) должно было уступить место изучению внутренней (бытовой или культурной)»^{232}.

Другой работы такого рода, в которой в единстве рассматривались бы материальные основы русской культуры, ее духовные составляющие, развитие общественного самосознания народа, на протяжении всего последующего времени создано не было.

Важнейшим выводом исследования, который подтверждался материалом всех разделов, было утверждение об огромном влиянии государства на развитие российского общества и о его относительной независимости от последнего, тогда как на Западе именно организация общества обуславливала государственный строй.

Милюков с огромным напряжением, но одновременно с внутренним удовлетворением трудился над «Очерками». Эта работа стала настолько значительной, что через многие годы даже ведущие советские авторы вынуждены были признавать ее выдающимся сочинением, несмотря на то, что сам Милюков не просто был эмигрантом, а резко критиковал большевистскую власть, вначале надеясь на ее ликвидацию, а затем на перерождение. Старейшина советских историков М. Н. Покровский сжав зубы написал, что «Очерки» — «наиболее популярная историческая книжка дореволюционной России»^{233}.

В то же время каким-то шестым чувством Павел ощущал приближение политической грозы, а исходя из логики истории сознавал, что Россия остро нуждается в обновлении по европейскому образцу, что за бурным экономическим развитием последней трети XIX века должны последовать политические изменения, что самодержавию необходимо отказаться от своей незыблемости, согласиться на серьезные уступки обществу, которые начинали воплощаться в одном слове: конституция.

Уйдя из редакции «Мира Божьего», хотя и продолжая публиковаться в этом уважаемом журнале, Павел Николаевич постепенно сближался с группой левых интеллигентов, как близких к народничеству, так и с «марксистами» (так называла русских легальных последователей Маркса издательница «Мира Божьего» Давыдова).

Близкую по воззрениям и ментальности среду он нашел в журнале «Русское богатство». Журнал издавался в Петербурге еще с 1876 года, однако в последнее время полемика на его страницах приобрела особенно актуальный характер. Теоретики старого народничества, прежде всего Михайловский, отступили от старых догм о незыблемости крестьянской общины как зародыша социализма и признали развитие в России

капитализма, возникновение рабочего движения, но продолжали критиковать последователей Маркса, считая односторонним их мнение о необходимости опоры преимущественно на пролетариат. Они старались доказать, что интересы всех трудящихся в основном тождественны, и развивали концепцию прогрессивной аграрной эволюции, которая должна была дополнить индустриальную.

В полемике участвовали и социал-демократы, в том числе Г. В. Плеханов и В. И. Засулич, которые в эмиграции, организовав в Швейцарии социал-демократическую группу «Освобождение труда», стремились поддерживать интеллектуальную связь с передовой интеллигенцией России.

Милюков принял участие в ряде негласных встреч сотрудников «Русского богатства». В них участвовали также историк Венедикт Александрович Мякотин (он вел в «Русском богатстве» хронику русской жизни), Алексей Васильевич Пешехонов (экономист и земский статистик), Владимир Иванович Чарнолусский, впервые занявшийся серьезным исследованием состояния народного образования в России. Бывал здесь и книговед и библиограф Николай Александрович Рубакин, первый исследователь читательских интересов, будущий создатель обширной русской социал-демократической библиотеки за границей.

Это была в полном смысле слова элита левой российской интеллигенции. И всё же Милюков настолько выделялся среди коллег, ставших друзьями, что участники этого фактически нелегального кружка (правда, носившего не открыто политический, а научный характер) именно его считали своим руководителем — разумеется, неформальным.

В этой среде возникали всевозможные просветительские идеи, в частности о подготовке серии научно-популярных сборников. Милюковы приняли участие в работе над сборником «Римская империя», для которого Павел Николаевич переводил тексты с древних языков, а его жена — с западноевропейских. Сборник вышел в 1900 году под общей редакцией А. С. Милюковой. На титульном листе было обозначено, что переводы осуществлены ею (почему-то переводы Павла Николаевича не были оговорены, он назывался лишь в качестве члена редколлегии серии)^{234}. Это был один из очень немногих примеров творческого сотрудничества супругов.

Участники собраний считали своей основной задачей нести просвещение в самую гущу народа (в крестьянскую, рабочую, мещанскую среду), но понимали, что уже сам факт их встреч может послужить предлогом для репрессий, поскольку они уже выходили за рамки

легальности. В частности, это касалось поручения, данного Милюкову и Пешехонову: составить проект конституции. Появился первый документ Милюкова, который затем многократно перерабатывался, дополнялся, уточнялся и в итоге лег в основу деятельности Конституционно-демократической партии.

Павел Николаевич всё больше вовлекался в антиправительственную деятельность, хотя и стремился сохранять умеренные позиции.

Через много лет эсер Марк Вениаминович Вишняк, сблизившийся с Милюковым в эмиграции, писал: «Главное назначение политического деятеля он видел в служении государству, и конституционалистом-демократом он стал не по царскому соизволению и манифесту 17 октября 1905 г., а задолго до того — по собственному своему «мятежному хотению». Он был втянут в политику силой вещей или внешних обстоятельств, которые оторвали его от привычных научных работ и университетской кафедры»^{235}.

В конце 1899 года Милюков познакомился с молодым, но уже получившим широкую известность Максимом Горьким. Они вместе участвовали в нескольких собраниях. После одного из них Горький заметил, что ему понравились зубы Милюкова, которыми «он когда-нибудь всех нас съест»^{236}.

Горький заинтересовался творчеством «зубастого» историка. В июне 1902 года, находясь за границей, он попросил директора-распорядителя издательства «Знание» Константина Петровича Пятницкого купить для него два экземпляра «Очерков по истории русской культуры», добавив, что ему понравились и другие работы их автора. Поскольку Пятницкий, по-видимому, сразу не выполнил просьбу, Горький повторил ее в письмах нескольким знакомым^{237}.

Интерес к творчеству и личности Милюкова писатель проявлял и позже. 15 июля 1905 года он писал своей бывшей жене Екатерине Павловне Пешковой, с которой сохранил дружеские отношения: «Милюков — очень умный человек, а все очень умные люди — циники, это известно. Он, я всегда говорил это, будет играть огромную роль, да. Но похвалят ли его за эту игру лучшие люди страны? Вопрос. Я его заранее решаю отрицательно»^{238}.

Довольно быстро после прибытия Милюкова в Петербург и установления контактов с либеральными деятелями и демократами, склонявшимися к революционной агитации, его квартира стала центром антиправительственных дискуссий. С самого начала 1900 года там

собирались общественные деятели для обсуждения положения России и выработки общей позиции. Такие встречи являлись определенными предпосылками к будущему созданию оформленной организации. В числе их участников были А. В. Пешехонов, Н. А. Рубакин, В. И. Чарнолусский. Хозяин дома вновь и вновь повторял явно понравившееся ему выражение, что борьбу надо вести «на границе легальности».

Такая формула означала, с одной стороны, формальное соблюдение законности, чтобы не дать властям возможности применить репрессии, с другой — использование малейших лазеек в законодательстве и правоприменительной практике, чтобы вести борьбу за либерализацию России. Совместно с Пешехоновым Милюков составил программу «Организации для охраны существующих прав личности и общества и их расширения». К сожалению, этот документ, конфискованный при обыске у Милюкова в январе 1901 года, затерялся, и о сущности планировавшейся организации судить невозможно. Но сам факт работы над ним свидетельствует, что его авторы стремились придать своей антиправительственной деятельности определенные структурные формы.

Милюков являлся уже настолько авторитетным общественным деятелем, что на него обратили внимание руководители одной из наиболее значительных и влиятельных общественных организаций России — Императорского Вольного экономического общества, учрежденного еще в 1765 году под покровительством Екатерины II. Общество распространяло сведения, полезные для экономического развития страны, в частности для сельского хозяйства, издавало свои труды, организовывало выставки. При нем активно работал комитет грамотности, ставивший задачу обучения грамоте и в конечном итоге ликвидации неграмотности в стране. В обществе участвовали многие либеральные деятели, а его президентом с 1895 года был выдающийся просветитель граф Петр Александрович Гейден. Именно он предложил Милюкову войти в состав Вольного экономического общества, а затем принять участие в работе нескольких его комиссий. В августе 1900 года Милюков был включен и в совет общества.

Двадцать шестого ноября 1899 года Павел Николаевич стал членом Союза взаимопомощи русских писателей. Как и в других объединениях, чьим участником он был, Милюков и здесь не просто числился, а выполнял задания, председательствовал на заседаниях, участвовал в разработке положения о премии имени Л. Н. Толстого. Именно им была предложена формула, определявшая заслуги, за которые эта премия присуждалась: создание произведений, ярко освещающих «принципы человечности» (Милюков отверг ранее фигурировавшую формулу «принципы

христианства»). По поводу собрания, на котором решался этот вопрос, Милюков был вызван в Департамент полиции, где давал объяснения, на тот момент удовлетворившие начальство^{239}.

Таким образом, деятельность нашего героя «на грани легальности» сочеталась с вполне легальной работой, поощряемой в самых высоких кругах.

Анна Сергеевна также принимала участие в общественной деятельности. Она установила связь с кружком Ивана Михайловича Гревса, историка, сторонника экскурсионного метода изучения прошлого, который организовал у себя на дому кружок курсисток. Ей, однако, не нравилось, что Гресе стремился ограничиться чистой наукой, считая связь научных проблем с современностью профанацией, о чем она откровенно сказала руководителю кружка^{240}.

В начале февраля 1900 года в Петербург пришло печальное известие: 25 января в Париже скончался один из виднейших теоретиков русского народничества П. Л. Лавров. Столичное студенчество решило почтить его память собранием, которое должно было состояться в здании Горного института. Милюкова пригласили выступить.

Небольшое помещение было переполнено. Когда Павел Николаевич пробрался сквозь толпу в отведенный для ораторов угол, ему предложили председательствовать на сходке, которая реально оказалась нелегальным митингом. Он не считал такой способ чествования памяти покойного наилучшим, но просто не смог отказаться от предложения, побоявшись прослыть трусом, и произнес вступительную речь, впрочем, выдержанную в умеренных тонах.

Он, согласно собственным воспоминаниям, подчеркнул, что Лавров, являвшийся в России одним из руководителей народничества, стал в эмиграции на позицию «эволюционного социализма», встретил непримиримого противника в лице Михаила Александровича Бакунина, проповедовавшего немедленный бунт и революционный переворот; молодые эмигранты предпочли бунтарскую тактику Бакунина «подготовительной научной выучке» Лаврова. Оратор заявил, что «хождение в народ» под ударами правительственного террора превратилось в конспиративную деятельность, а затем в индивидуальный террор, и сделал вывод, что любая динамика революционного движения, не приводящая к поставленной цели, в конце концов вырождается в террор. Слушатели естественно поставили оратору вопрос, на каком этапе находится Россия, а из ответа (Павел Николаевич не привел его) «сделали

практический вывод» — однако не тот, которого добивался оратор: революционное движение должно иметь практические цели, чтобы не свалиться в террор^{241}.

Милюков ожидал, что репрессивные меры последуют немедленно, однако шли месяцы, но ничего не происходило. Решив, что всё обошлось, он возобновил участие в нелегальных сходках. 31 декабря, например, он присутствовал на организованном радикальным студенчеством вечере на квартире писателя и путешественника Николая Георгиевича Гарина-Михайловского, который незадолго перед этим подписал протест против репрессий в отношении студентов, организовавших демонстрацию возле Казанского собора, и был взят под надзор полиции^{242}. Милюков был избран председателем и прочитал присутствовавшим лекцию об анархизме^{243}.

За студенческими сходками через агентуру наблюдала полиция. В одном из докладов Петербургского охранного отделения за 1900 год сообщалось, что Милюков часто посещает собрания, на которых «радикальная молодежь обсуждает и защищает революционные программы»^{244}.

Тюрьма и Удельная

Колеса российской бюрократической машины крутились удивительно медленно, но всё же крутились. Почти через год после собрания памяти Лаврова, в ночь на 30 января 1901-го, на квартиру Милюкова явилась полиция. Во время обыска в числе прочего была обнаружена рукопись конституционного проекта, сочиненного совместно с Пешехоновым. Помимо нее были конфискованы брошюры запрещенной серии «Социал-демократическая рабочая библиотека», книги и брошюры по польскому вопросу, рукописные и напечатанные на множительной машине воззвания и листовки, связанные со студенческими волнениями, и т. д.^{245} Этого было достаточно для предъявления обвинения в антигосударственной деятельности.

В числе примерно сорока человек, арестованных в ту ночь, Милюкова отвезли на «Шпалерку» — в следственную тюрьму на Шпалерной улице, 25. «Шпалерка», построенная в 1875 году и связанная висячим коридором со зданием окружного суда, имела более трехсот одиночных камер (в остальных размещались по двое), была рассчитана на 700 арестантов и

использовалась в основном для содержания политических заключенных.

Павел Николаевич был уже не молод — ему исполнилось 40 лет, — но, как на любого человека, впервые попавшего в тюрьму (однодневное заключение в студенческое время, разумеется, не в счет), новое «место жительства» произвело на него гнетущее впечатление: «Тяжелая дверь замкнулась за мной, мелькнуло в «глазке» двери лицо надзирателя, щелкнул замок, и я почувствовал себя таким обреченным, точно навсегда был отрезан от всего земного мира»^{246}. После ареста он смог передать записку жене, в которой сдерживал эмоции и стремился внушить ей, да и себе самому оптимистическое настроение: «Отправляюсь в Дом предварительного заключения «впредь до выяснения обстоятельств». Взял с собою материалы по словарю и очеркам»^{247}.

Впрочем, царские тюрьмы, стоило чуть оглядеться, не казались такими уж страшными. Уже на следующий день Павел Николаевич получил не только переданное женой белье, но также цветы и сладости, по всей видимости, от участников недавнего собрания, ибо они сочли его героем-страдальцем.

После первых допросов 9 и 12 февраля следователи не вызывали Милюкова очень долго. Он просидел в тюрьме почти полгода, за это время научился пользоваться «тюремной азбукой» — перестукиванием, позволившим пройти элементарный курс «тюремной грамоты»: как проводятся допросы, к каким уловкам прибегают следователи.

Можно только удивляться, как безответственно, с точки зрения властей, содержались заключенные в следственной тюрьме: между ними происходило непрерывное общение. Павел Николаевич ежедневно получал передачи, более того, имел возможность заказывать книги из Публичной библиотеки и уже через несколько дней после ареста начал работу над очередным разделом «Очерков», посвященным эпохе Петра 1. Там же он задумал написать книгу о народничестве (этот план так и не был реализован)^{248}. Таким образом, тюремное заключение на некоторое время возвратило Милюкова к научной деятельности.

Его регулярно посещала жена. Правда, между супругами, разделенными сеткой, прохаживался охранник, но в разговор не вмешивался и вообще не прислушивался. На всякий случай беседа шла по-болгарски, и Анне удавалось передавать мужу все важные новости. В один из визитов она осторожно сообщила об убийстве министра народного просвещения Н. П. Боголепова студентом Петром Владимировичем Карповичем.

Карпович учился в Германии. Когда стало известно, что по распоряжению министра в 1900 году 183 студента Киевского университета за участие в волнениях были отданы в солдаты, в январе — первых числах февраля 1901 года в Берлине состоялось несколько сходов русских студентов, на которых было решено ответить силой на акцию министра. По своей воле Карпович, установивший связь с сформировавшимся террористическим крылом Партии социалистов-революционеров, выехал в Петербург, 14 февраля явился в Министерство народного просвещения, добился приема у министра, передал ему фиктивное прошение об открытии реального училища в Чернигове, а затем, когда Боголепов повернулся спиной, выстрелил в него из револьвера, спрятанного то ли в кармане, то ли в рукаве. Доставленный в больницу Боголепов через две недели скончался. Карпович был приговорен к двадцати годам каторги, но позже переведен на поселение, откуда бежал за границу.

Милюков в воспоминаниях признавался, что при сообщении об убийстве министра «порядком струхнул», ведь именно ему могли приписать подстрекательство к террористическому акту в речи, посвященной памяти Лаврова. Опасения усилились, когда начались допросы. Милюкова сочли настолько важным преступником, что следователем по его делу был назначен опытный полицейский служака генерал Шмаков. Однако в его распоряжении не было бесспорных фактов грубых нарушений подследственным законов империи, и последний этим сполна воспользовался.

На обычное заявление Шмакова, что следствию «всё известно» и допрашиваемому остается только признать вину и рассказать подробности, тот, естественно, ответил, что понятия не имеет, в чем его обвиняют. Постепенно из вопросов генерала стало ясно, что властям известно очень немного — по сути, только то, что Милюков участвовал в собрании и произнес речь. Осведомитель был малокомпетентен и просто не понял, о чем в ней говорилось, упустив главное — что Милюков призывал к благоразумию, но этот призыв был воспринят студентами прямо противоположно.

Допросы прерывались и возобновлялись. Павел Николаевич совсем приободрился, когда Шмаков, повертев в руках пресловутый проект конституции, небрежно отложил его в сторону, бросив полупрезрительно: «Это, должно быть, какой-то исторический документ?» — на что получил подтверждение.

Арест Милюкова, естественно, обсуждался коллегами. Впрочем, некоторые из них теперь считали его бывшим коллегой, необдуманно

оторвавшимся от научной деятельности, в которой он имел весьма благоприятные перспективы. С. Ф. Платонов писал М. А. Дьяконову 4 февраля 1901 года: «Слышали ли Вы, что Милюков сильно компрометирован и задержан? Последний год он исчез с нашего горизонта и ушел в кружки, я не видел его с марта и слышал о нем то, что вызывало недоумение и сожаление. Наука его потеряла»^{249}.

Милюкова освободили из-под ареста 14 июня 1901 года, объявив, что приговор по его делу будет вынесен позднее, а пока ему запрещается жить в Петербурге. Павел Николаевич сохранял благодушное настроение — он писал И. Шишманову, что «на новую главу Одиссеи» смотрит с оптимизмом, тем более что время в тюрьме не прошло для него даром^{250}.

Была середина года, и Милюковы решили провести летний сезон в Финляндии, в небольшом курортном городке Ловиса, недалеко от русской границы. Естественно, с собой были взяты учебник финского языка и словарь, и Павел Николаевич пытался практиковаться в новом языке с местными жителями. В первый же день в казавшейся тихой и сонной части Российской империи, пользовавшейся автономией и по внутреннему устройству напоминавшей соседние скандинавские государства, он попал впросак: выйдя на дорогу, он по-фински обратился к местному крестьянину, но тот отвернулся, бросив сердитую фразу на шведском языке. Оказалось, что именно в этом поселке жили шведы, а финский язык считался чуждым, говорившие же на нем рассматривались как недружественные пришельцы. Так Милюков еще раз убедился в необходимости осторожного отношения к национальным проблемам, учета национальных чувств и даже предрассудков не только в политике, но и в быту.

Летнее спокойствие было прервано приездом в Ловису группы петербургских знакомых, среди которых были наследник богатой дворянской семьи Дмитрий Евгеньевич Жуковский, довольно известный биолог и общественный деятель и филантроп, поддерживавший многих представителей либеральной интеллигенции, и Михаил Ильич Петрункевич (брат уже упоминавшегося И. И. Петрункевича), предприниматель, врач и земский деятель, также стяжавший известность призывами к прогрессивным преобразованиям. Судя по воспоминаниям Милюкова, гости сообщили ему важную новость: в Швейцарии состоялся съезд эмигрантов либерального направления, которые провозгласили создание Союза освобождения и решили начать издание журнала «Освобождение». На самом деле учредительный съезд Союза

освобождения произошел двумя годами позже. Можно предположить, что приехавшая к Милюкову группа проинформировала его не о свершившемся факте, а лишь о намечаемых планах и предложила ему важную роль — стать редактором журнала новой организации. На это предложение он ответил отказом, так как оно было связано с неизбежной новой эмиграцией, и предложил вместо себя кандидатуру Петра Бернгардовича Струве, который, как он знал, предполагал отправиться за рубеж.

Струве был уже довольно известным политиком. В прошлом легальный марксист, в 1900 году участвовавший в создании газеты «Искра», в это время он стал критиковать положения марксистской теории и начал эволюцию в сторону либерализма. Д. Е. Жуковский предложил ему небольшую сумму для издания за границей журнала, который пропагандировал бы создание в России конституционного правительства, и с разрешения властей Струве выехал в Германию — официально «для научных целей».

Между тем к концу лета 1901 года для Милюкова с семьей была найдена квартира формально за городской чертой Петербурга, фактически же в пределах всё более разраставшейся столицы империи — в дачном поселке у пригородной станции Удельная (ныне там находится станция метро с тем же названием). Сюда Милюковы и переселились в начале осени. С городом можно было поддерживать связь через соседей и приезжавших друзей и знакомых.

Достопримечательностью Удельной был дом для умалишенных, которым заведовал врач Александр Викторович Тимофеев, водивший знакомство с Иваном Петровичем Павловым. Именно у Тимофеева Милюков познакомился с великим физиологом, оказавшимся простым и общительным человеком — он с удовольствием играл с Павлом Николаевичем в городки.

Как видим, везде и при всех обстоятельствах Милюков обнаруживал близких ему по духу людей, интеллигентов высокой пробы, с которыми легко находил общий язык.

Именно в это время Павел Николаевич сблизился с историком и писателем В. А. Мякотиным (впоследствии основателем Партии народных социалистов), высланным полицией в соседний Сестрорецк. В гостях у Мякотина Павел Николаевич познакомился с Иосифом Владимировичем Гессеном, который после основания партии кадетов окажется в числе его ближайших соратников. Именно Гессен представил читателям облик Милюкова начала века: невысокого и стройного, со слегка вьющимися русыми волосами, с изящными жестами. Одевался он элегантно, носил

пенсне, что тогда было еще редкостью. Гессен обратил внимание, что Милюков не участвовал в пьянках, обыкновенных для народнических кругов^{251}.

Убедившись, что за ним вроде бы не ведется наблюдение, Милюков осмелел и в нарушение предписанного режима стал ездить в Петербург — от Удельной до Финляндского вокзала поезд шел всего 18 минут почти без остановок. Он обычно посещал Литературный фонд и редакцию «Русского богатства». В правлении фонда речь в основном шла о политике, живо обсуждалась активизация сил на левом фланге, особенно в кругу зарубежных марксистов: те начали издание газеты «Искра» и на ее страницах развернули кампанию за созыв II съезда Социал-демократической партии, призванного фактически стать учредительным — на нем намечалось принять программу и устав. В редакции «Русского богатства» Милюков участвовал в обсуждении статей и планировании нового материала, вычитывал гранки своих публикаций.

Иногда он заходил к знакомым и коллегам — то по каким-то срочным издательским делам, то просто желая обменяться мнениями о последних событиях.

Однажды, заглянув к редактору журнала «Мир Божий» филологу Федору Дмитриевичу Батюшкову, Павел познакомился с двумя американцами, которые, помимо прочего, хотели найти преподавателя русистики для Чикагского университета. Одним из новых знакомых был Чарлз Крейн — собственник больших пакетов акций различных промышленных и транспортных предприятий, один из хозяев знаменитой фирмы «Вестингауз». Распоряжался своими доходами Крейн своеобразно — он считал своей миссией ознакомление американцев со старыми культурами, к которым причислял и славянские, а особое предпочтение среди славянских государств отдавал России. Именно он профинансировал создание в Чикагском университете кафедры славистики, на которой первый курс лекций в 1902 году прочитал известный деятель чешского национально-освободительного движения Томаш Масарик, автор ряда работ по истории славянства и социологии, высоко ценимых гуманитарным научным сообществом. В связи с возвращением Масарика в Европу Милюкову предложили заменить его в Чикагском университете^{252}. А. В. Макушин и П. А. Трибунский предполагают (впрочем, не мотивируя), что Милюкова рекомендовал М. М. Ковалевский^{253}.

Скорее сыграло роль выдвижение Милюкова в начале 1902 года в члены Императорской академии наук по разделу изящной словесности^{254}.

(историю в те времена относили не к наукам, а к искусствам). В академию он не прошел, но сам факт выдвижения показателен. Зато 26 июня того же года Павел Николаевич был избран членом-корреспондентом Болгарского книжного общества (будущей Академии наук) по историко-филологическому отделению, с чем его сердечно поздравило руководство Книжного общества^{255}.

Столь же лестным было приглашение в Чикаго. Павел Николаевич не скрывал, что весьма обрадовался этому предложению — оно свидетельствовало, что и за океаном уже знают и ценят его исторические труды и одобряют его общественную деятельность. Были, правда, две существенные трудности. Павел слабо владел английским языком, но, обладая великолепной памятью, усидчивостью и способностью легко овладевать иностранной лексикой, полагал, что эта трудность будет им преодолена сравнительно быстро. Вторая трудность была более серьезная: Милюков, хотя и жил фактически свободно под Питером, оставался под следствием и ожидал то ли суда, то ли административного приговора (таковые выносились в отношении лиц, по поводу преступных деяний которых не было достаточных доказательств).

На следующих встречах Милюков договорился с Крейном, что приедет в Чикаго летом 1903 года и начнет преподавать на курсах для школьных учителей. Крейн был уверен, что сможет добиться разрешения правительства на поездку Павла Николаевича в Америку. Можно предположить, что американский миллионер, уже знакомый с коррупцией русского чиновничества, заранее предусмотрел сумму для взятки, которая должна была способствовать положительному решению вопроса.

Верный своей привычке сразу брать быка за рога, Милюков немедленно приступил к основательному овладению английским языком. Он нашел некую английскую преподавательницу, которая поняла, что ему было необходимо (она не стала задавать уроки по грамматике, а ежедневно разговаривала с ним на своем родном языке). Через несколько уроков учительница стала работать вместе с ним над будущим курсом, помогая органично перейти от навыков русской речи к особенностям английской (правда, именно в британском, а не американском варианте). «Мне приходилось, — вспоминал Павел Николаевич, — переделывать каждую фразу моей вступительной главы по нескольку раз, и всё казалось, что ради ясности я жертвую точностью»^{256}. Из этих слов следует, что с самого начала предполагалось издание в США его лекционного курса на английском языке — недаром речь шла именно о вступительной главе, а не

о вступительной лекции.

Между тем весной 1902 года стал известен административный приговор.хлопоты американца не увенчались успехом — Милюков получил полгода тюрьмы. По счастью, административная практика в Российской империи продолжала оставаться патриархальной — даже к такому оппозиционеру, каким уже проявил себя Павел Николаевич, допускалась известная степень доверия, которое полагалось оправдывать, ибо в противном случае человек, нарушивший данное слово, лишался уважения не только политических противников, но и единомышленников. Сам же Милюков видел в царизме и его администрации противника, с которым следовало вести борьбу, но не исключал и компромиссы.

Он начал хлопоты об отсрочке исполнения приговора, чтобы на летние месяцы выехать в Великобританию для совершенствования в английском языке. Отсрочка была предоставлена, и вместе со своей учительницей и ее приятельницей Павел Николаевич отправился на Туманный Альбион, что позволило развить языковые умения до уровня, необходимого для преподавательской работы. Теперь уже не могла повториться история, которую Милюков любил рассказывать знакомым: будучи в первый раз в Париже, он отправился на несколько дней в Лондон и в центре британской столицы задал полисмену вопрос на корявом английском языке, как пройти в нужном направлении, на что страж порядка вежливо козырнул и ответил на чистейшем французском.

Благополучно возвратившись на корабле в Петербург, Павел лишь заехал домой на Удельную, чтобы повидаться с семьей и взять постельные принадлежности, после чего 2 октября 1902 года отправился на отсидку в главную петербургскую тюрьму — Кресты, в которой должен был провести следующие полгода.

К отсидке Милюков отнесся теперь спокойно. Главное — не надо было готовиться к допросам. Всё остальное шло своим чередом: жена регулярно приходила на свидания, приносила еду и рассказывала новости. Друзья также имели возможность посещать узника. Из дома книги приносила Анна Сергеевна, а литература из Публичной библиотеки доставлялась знакомыми по доверенности. Жена помогала в подборе литературы: читала или просматривала книги, а затем пересказывала их мужу, и он определял те, которые ему необходимы^{257}.

В камере Милюков продолжал интенсивно работать над «Очерками по истории русской культуры» и подбирал материал для лекций в США. «Это была своего рода временная перемена квартиры, и я мог терпеливо дожидаться конца полугодия тюремной отсидки, не опасаясь никаких

новых сюрпризов»^{258}. Создается впечатление, что на воле, занявшись общественно-политическими делами и готовясь к поездке за океан, он почти прекратил работу над крупным историческим сочинением и только две тюремные отсидки дали ему возможность продолжить этот труд, который и в наши дни оценивается как одно из выдающихся произведений русской историографии.

Как мы видим, охранные службы и царская юстиция проводили строгое разграничение между оппозиционной политической деятельностью и индивидуальным террором, который начал набирать новую силу в первые годы XX века. Однако ревнителям самодержавия, уверенным в его нерушимости, было невдомек, что именно легальная и полулегальная оппозиционная деятельность подтачивала устои царизма значительно сильнее, чем убийства отдельных сановников или членов императорской фамилии, что именно от выступлений сравнительно миролюбиво настроенных интеллигентов, стремившихся к постепенному преобразованию страны на началах, сходных с западными, шли бурные волны, которые будили самые жгучие массовые страсти и которыми пользовались зарождавшиеся подпольные силы, прежде всего революционные социал-демократы.

Милюков оказался не прав, предполагая, что его вторая отсидка пройдет без каких-либо сюрпризов. Однажды вечером в первых числах декабря, когда он отбыл около трети срока, его вызвали из камеры без вещей, предложили одеться и отвезли на Фонтанку, в Министерство внутренних дел, где провели по множеству полутемных коридоров и узких переходов, охраняемых атлетами в полицейской форме. И только когда арестанта ввели в пышную приемную, ему сообщили, что его примет сам недавно назначенный министр Вячеслав Константинович Плеве.

По убеждению участников оппозиционного и революционного движений, Плеве был одним из наиболее ревностных, опытных и умных чиновников, столпов императорской власти. Еще в первой половине 1880-х годов, будучи директором Департамента полиции, он разработал разветвленную схему проникновения полицейских агентов в тайные организации, а став министром, сразу же начал принимать меры по максимальному ограничению деятельности земских собраний и других общественных инициатив.

Министр угостил заключенного чаем, похвалил его «Очерки», которые читал по рекомендации Ключевского, и наконец сообщил главное: Ключевский просил императора освободить Милюкова, так как он важен для науки. Теперь Плеве по поручению царя должен был высказать свое

мнение по этому поводу. На столе у министра лежало дело Милюкова — для проверки степени откровенности допрашиваемого на таком высоком уровне.

Полагая, что ему особенно нечего скрывать, Милюков стал говорить, что не вел никакой недозволенной деятельности, что действительно пользовался доверием студенческой молодежи и, выступая на собрании студентов, пытался, используя исторические аналогии, побудить их к трезвому анализу реалий. Прервав собеседника, Плеве задал явно провокационный вопрос: как бы он отнесся к предложению о назначении его министром народного просвещения? По существу, положительный ответ означал бы фактическое отречение Милюкова от какой-либо оппозиционной деятельности, готовность предпочесть общественно-политической самостоятельности высокий пост, отказ от свободы не только в действиях, но и в характере мышления.

Моментально распознав провокацию и ни на миг не поверив в серьезность экстравагантного предложения министра, Павел Николаевич ответил, что поблагодарил бы за честь и отказался. Последовал естественный вопрос — почему. «Потому что на этом месте ничего нельзя сделать. Вот если бы ваше превосходительство предложили мне занять ваше место, тогда бы я еще подумал»^[259]. Этот свой ответ Милюков запомнил дословно.

Сделав вид, что такого рода наглая бравада не произвела на него никакого впечатления, министр завершил беседу, заявив, что доложит о ней государю, но не сообщив собеседнику, какое мнение у него сложилось.

Милюков полагал, что довольно странная встреча не будет иметь никаких последствий, но через неделю, 10 декабря, за ним опять приехали, на этот раз глубокой ночью, и доставили не в министерство, а прямо на квартиру Плеве. Министр вышел в переднюю в ночной рубашке, продемонстрировав этим открытое пренебрежение. Он, однако, имел указания императора, который просто не мог отказать такой авторитетной личности, как Ключевский. Василий Осипович проявил явное благородство, настаивая на освобождении Милюкова, мотивируя его необходимость именно заслугами последнего перед исторической наукой и бесспорным научным потенциалом.

Плеве ничего не оставалось, как передать царскую волю. Милюков дословно запомнил слова министра: «Я сделал вывод из нашей беседы. Вы с нами не примиритесь. По крайней мере не вступайте с нами в открытую борьбу. Иначе — мы вас сметем». Перед тем как не прощаясь удалиться, он

добавил: «Я дал о вас государю благоприятный отзыв. Вы свободны»^{260}.

Можно не сомневаться, что министр лукавил — благоприятный отзыв дал не он, а Ключевский. Любопытно, что на это обстоятельство Милюков внимания не обратил и, судя по его воспоминаниям, действительно поверил, что получил позитивную характеристику Плеве. Раздражение против Ключевского, имевшее глубокие корни, сработало и на этот раз. Стремясь быть объективным в исторических исследованиях, Павел Николаевич не был в состоянии распространить это исключительно важное качество на личные взаимоотношения (впрочем, это свойственно подавляющему большинству людей).

На следующий день Милюков был освобожден. Он тотчас же написал письмо Ключевскому со сдержанной благодарностью за помощь, что, с учетом уязвленного самолюбия, требовало определенного мужества. Ключевский ответил, и это положило начало некоторому улучшению взаимоотношений ученых^{261}.

Американские лекции

До поездки в США оставалось еще некоторое время, которое было использовано для подготовки подробной программы курса своеобразного «русоведения», ибо лектор должен был дать представление не только об истории, но и о современном состоянии страны, ее экономике, политическом строе, культуре, особенностях отдельных регионов, привычках и нравах населения. Курс лекций должен был стать основой книги о России на английском языке.

Согласно договоренности, курс предстояло прочесть летом 1903 года в Чикагском университете — в течение шести недель, по четыре часа в неделю, за высокий по тем временам гонорар — две тысячи долларов^{262}.

Милюков решил поставить центральной темой своих лекций развитие и состояние политической мысли в России. Он разделил курс на три части, посвятив их консерватизму, либерализму и социализму. Это деление, однако, было условным — Милюков более или менее естественно (иногда с известными натяжками) привязывал к каждому разделу другие стороны развития и состояния русского общества и государства: в первый включил эволюцию учреждений и верований старой России, во второй — рассказ о дворянстве, а к третьему присоединил анализ развития и положения крестьян и рабочих.

Такая структура должна была послужить предпосылкой для анализа того, что Милюков именовал «российским кризисом» или еще более резко — «российской катастрофой» (под таким заголовком он намеревался рассмотреть современное состояние общественно-политической жизни в стране, требовавшей коренной реформы в ближайшее время). Таким образом, курс лекций и книга, которая, как предполагалось, за ним последует, должны были, по существу, составить подробную и обоснованную программу социальных и политических перемен в России.

Однако ко времени летних учительских курсов Милюков не успел детально разработать вторую, актуально-политическую часть лекций. Было решено, что на курсах он в основном ограничится первой частью, а на второй сосредоточится в следующие месяцы в Бостоне, поскольку он получил приглашение бостонского Института Лоуэлла прочитать курс «Россия и ее кризис», включая текущий момент. Позже бостонские лекции были перенесены на следующий год.

Пятого мая 1903 года Милюков отправился из Петербурга в Лондон поездом (через Ла-Манш переправился на пароме), а оттуда отплыл в Нью-Йорк на американском пароходе «Миннеаполис». Чтобы не транжирить деньги, Милюков взял каюту во втором классе трансатлантического парохода. Со спутниками он общался лишь по необходимости, почти всё время занимаясь своим курсом, который был еще далек от завершения. Океанское плавание прошло благополучно. На шестой день, 2 июня, Павел вместе с другими пассажирами увидел сначала статую Свободы, а вслед за ней «неполнозубую челюсть перспективы Нью-Йорка»^{263}.

Впечатление от крупнейшего города Нового Света было неоднозначным. Он показался Милюкову похожим на скопление бесчисленных ульев или муравейников. Русский ученый с некоторым удивлением, но в то же время с уважением отнесся к американскому *rush* — бурному темпу деловой жизни. Еще до спуска на берег он оказался жертвой этой спешки. Просматривавшие заранее списки пассажиров репортеры решили, что русский профессор-историк, да еще и не миновавший царских застенков, является для них лакомым куском. На обычные вопросы, как ему нравится Америка (которую он еще не видел!) и какова цель его приезда, Павел ответил одной-двумя фразами. Каково же было его удивление, когда буквально через два-три часа, купив на Манхэттене только что вышедшие газеты, он обнаружил там свое интервью, почти полностью придуманное газетчиками и опубликованное в экстренном порядке. Надо сказать, что на этот раз выдуманное журналистами интервью хотя и представляло Милюкова горячим поклонником Америки, каковым он не был, оказалось

совершенно безобидным и привело его в радостное возбуждение, продемонстрировав прежде всего грандиозный темп жизни страны: прошли считанные минуты от его высадки с парохода, а в киосках уже продавались газеты не только с текстом «интервью», но и с его фото.

Если эти первые впечатления одновременно порождали и восхищение быстротой, деловой хваткой, конкурентоспособностью, динамичностью, и раздражение бесшабашностью и пренебрежением к истине во имя первенства в гонке, то следующие дни значительно повысили уважение Милюкова к американскому образу жизни.

Крейн принял его в своем доме в самом центре Манхэттена, на 5-й авеню. Только познакомившись с семьей миллионера, Павел Николаевич узнал, что его младшая дочь глухонемая, и поначалу воспринял это как семейную трагедию, но вскоре обнаружил, что девушка живет полноценной жизнью, понимает речь по губам собеседника и выражает эмоции и мысли жестами.

Это было только начало. Милюкова повезли в спонсируемую Крейном и другими благотворителями школу-интернат, где учились и жили глухонемые девушки. Павел рассказал воспитанницам о России, о том, чем собирается заниматься в Америке. Его слушали с интересом и отлично поняли. «Я вышел из института совершенно потрясенный этим опытом: какое громадное количество зла и страданий могло быть вычеркнуто этим способом из жизни! И я не понимаю, почему американский опыт до сих пор остался почти неизвестным в Европе, где всё еще глухонемые разговаривают при помощи пальцев, то есть только между своими»^{264}.

Америка открывалась перед ним с новой стороны — это теперь была страна живых людей, а не человеческий муравейник.

В Чикаго приглашенный профессор прибыл поездом из Нью-Йорка как раз к открытию летних курсов. Здесь он увидел, как академическая Америка следовала давней европейской традиции, хотя и насыщала ее демократическим элементом. Новый профессор должен был во дворе кампуса (университетского городка) обойти несколько сотен собравшихся преподавателей и слушателей; каждому его представлял президент университета Чарлз Харпер, каждому следовало протянуть руку и сказать хотя бы «Как вы поживаете?» (именно сказать, а не спросить, ибо ответ не предполагался). На следующий день, надев мантию и профессорскую шапочку, без которых входить в аудиторию не полагалось, Павел Николаевич встретился со студентами.

Лекционный курс «Русская цивилизация» продолжался с 23 июня по 24 июля.

Милюков быстро познакомился с профессорами и преподавателями, особенно молодыми, с которыми ежедневно встречался в столовой для преподавательского состава. Оказалось, что и здесь полагалось соблюдать определенную традицию — после шести вечера столовая превращалась в ресторанный зал, и появляться в ней можно было только в смокинге. Такое сочетание простоты и показного аристократизма, общительности и чопорных манер, подражающих европейским, всё более отходящим в прошлое, умиляло русского профессора.

Общаясь с преподавателем из Японии и посещая его лекции, Павел Николаевич получил возможность сравнить свое освещение положения России преимущественно с использованием мрачных красок с явно патриотическим, если не сказать националистическим, настроением лекций японца. В условиях, когда отношения между Россией и Японией достигли крайней степени остроты, тот явно вел пропаганду, стараясь создать положительный имидж своей страны. Милюков понимал, насколько слабее оказывались его позиции, тем более что коллега его провоцировал, спрашивая, например, любят ли русские царя так же сильно, как японцы своего микадо...

Правда, Павел Николаевич довольно быстро убедился, что его непредвзятые высказывания и серьезный тон лекций, в отличие от явно пропагандистских эскапад японского профессора, не только обеспечивали благожелательную и внимательную аудиторию, но и способствовали его популярности. Его стали приглашать в местные клубы для выступлений о современном положении и внешней политике России, задавали вопросы о перспективах российско-американских отношений. Сам Милюков использовал эти встречи, чтобы пополнять разговорный американский лексикон, и к концу пребывания в Чикаго уже стал читать лекции, не пользуясь текстом, ограничиваясь лишь кратким планом или конспектом на английском языке, куда изредка заглядывал.

Имеются, правда, свидетельства, что Милюков читал лекции «слишком научно», в результате чего его аудитория постепенно уменьшалась. Но сам он был этим даже доволен — оставались люди, серьезно интересовавшиеся предметом^{265}.

Перед возвращением в Европу была достигнута договоренность с Крейном, что Милюков, чьи лекции понравились как студентам, так и их наставникам, приедет в США еще раз для чтения цикла лекций о балканских проблемах, главным образом о Македонии.

В связи с этим Павел Николаевич решил для пополнения информации летом 1904 года побывать в западной части Балканского полуострова,

изучить социальное и политическое положение в районах проживания сербов, хорватов и словенцев. Конечно, в центре его внимания должна была оставаться Македония. Милюков стремился быть во всеоружии, когда вновь приедет в США читать соответствующий курс в осеннем семестре 1904/05 учебного года.

Возвращался он в Европу вместе с Крейном, с которым договорился посетить Болгарию и соседние районы Македонии. В сентябре — начале ноября 1903 года они побывали в Софии и других болгарских городах, но, по всей видимости, русские дипломаты отговорили Милюкова от поездки в крайне беспокойную Македонию. Он ограничился лишь подготовкой статьи «С македонской границы» для «Русских ведомостей»^{266}.

Зиму 1903/04 года Милюков провел в Лондоне, всё глубже погружаясь и в язык и нравы англичан, и в общественную жизнь страны. Особенно его интересовали богатейшие фонды библиотеки Британского музея. Павел Николаевич помнил о том, что он историк и что его «Очерки по истории русской культуры» всё еще не завершены (он остановился перед эпохой Екатерины II). С привлечением материалов, обнаруженных в этой библиотеке, тогда богатейшей в мире, той зимой был написан новый раздел «Очерков», долгие годы остававшийся последним, ибо приближалось время, когда историка повлечет за собой политическая волна.

Разумеется, в эту зиму продолжались встречи и с британскими политическими деятелями, и с русскими эмигрантами, в том числе с В. И. Лениным. Любопытно, что в воспоминаниях Милюков упомянул о ней не в главе о пребывании в Лондоне, а значительно ниже, в разделе о первой русской революции. Это не случайно. Сама по себе встреча особого впечатления на него не произвела и всплыла в памяти в связи с рассказом о революционных событиях 1905 года, в которых большевики проявили себя весьма активной силой. Милюков писал: «И даже Ленин, «сам» Ленин присматривался тогда ко мне как к возможному временному (скорее «кратковременному») попутчику — по пути от «буржуазной» революции к социалистической. По его вызову я виделся с ним в 1903 г. в Лондоне в его убогой келье. Наша беседа перешла в спор об осуществимости его темпа предстоящих событий, и спор оказался бесполезным. Ленин всё долбил свое, тяжело шагая по аргументам противника. Как бы то ни было, идея «буржуазной революции», долженствующей предшествовать социалистической, была у него и осталась надолго»^{267}. Любопытно, что во время встречи Милюков упрекнул Ленина в том, что «искровцы» осуждают революционный террор, который, по его мнению, мог бы

сыграть мобилизующую роль. «Еще один-два удачных террористических акта — мы получим конституцию», — считал он^{268}.

Такая позиция встретила негодование Владимира Ильича. Возможно, он напомнил Милюкову свою статью 1899 года, в которой говорилось: «В либеральных и радикальных салонах буржуазного «общества» социал-демократы могли слышать нередко сожаления о том, что революционеры оставили террор: люди, дрожавшие больше всего за свою шкуру и не оказавшие в решительный момент поддержки тем героям, которые наносили удары самодержавию, эти люди лицемерно обвиняют социал-демократов в политическом индифферентизме и жаждали возрождения партии, которая бы таскала для них каштаны из огня. Естественно, что социал-демократы проникались ненавистью к подобным людям и их фразам и уходили в более мелкую, но зато более серьезную работу пропаганды среди фабрично-заводского пролетариата»^{269}.

В любом случае собеседники произвели друг на друга явно неблагоприятное впечатление^{270}.

Милюков покидал Лондон в разгар весны в бодром творческом настроении, «...уезжал я из английской столицы... с ощущением зарождения и победы могучих сил природы»^{271}. Разумеется, расцвет природы был лишь фоном, который поддерживал оптимизм Павла Николаевича. Он успешно прочитал за океаном лекционный курс, получил за него высокий гонорар, ему предстояло новое интересное путешествие по исключительно важным в геополитическом отношении районам Балканского полуострова, куда он всё же решил отправиться, несмотря на предостережения. Он, наконец, смог встретиться с семьей, которая, пользуясь его растущими гонорарами, провела летние месяцы сначала в Швейцарии, а затем в крохотном курортном местечке Аббация на побережье Средиземного моря, рядом с городом, который по-итальянски именовался Фиуме, а по-словенски Риека.

Однако встреча с семьей была для него второстепенным событием. К этому времени охлаждение отношений супругов стало явным, но даже если Павел Николаевич какое-то время и думал о разводе, то очень скоро перестал. Анна Сергеевна оставалась ему верным товарищем, прилагала немало усилий для оказания помощи, которую он принимал как должное.

Верный себе, Милюков не мог просто отдыхать несколько недель. Очутившись в западной части Балкан, средоточии межнациональной борьбы, принимавшей подчас формы кровавых столкновений и террористических атак, он тщательнейшим образом из журналов, газет,

листочек, а еще больше путем собственных наблюдений выяснял ее характер, всё глубже осознавал сложность переплетения национальных противоречий — как между балканскими славянами и итальянцами, так и между самими славянами — хорватами и словенцами.

В то же время Милюков внимательно следил за положением в России по русской и особенно западной прессе, понимая, что в стране назревает революция. Своими соображениями по поводу роста крестьянских волнений, неудач в начавшейся Русско-японской войне, усиливавшегося общественного недовольства он делился с читателями журнала «Освобождение».

Как мы помним, ранее Павел Николаевич отказался от предложения возглавить редакцию этого журнала, так как не хотел уезжать из России в качестве эмигранта, возможно, на очень долгий срок. Но он сотрудничал с журналом и время от времени писал в него статьи о внутреннем положении и внешней политике России. 1 августа в «Освобождении» появилась его статья с резкой критикой министра внутренних дел: «Плеве, несомненно, дискредитирован в глазах всей России, и его падение есть только вопрос времени».

Когда этот номер журнала уже был в печати, за три дня до его выхода в свет, стало известно, что 28 июля Плеве был убит эсером-террористом Егором Сазоновым. Статья Милюкова как бы предрекала убийство, а в передовице номера, написанной его редактором Струве, по существу, высказывалось удовлетворение расправой с царским министром. Милюков с полным основанием полагал, что убийство Плеве — предвестник новых грозных событий.

И всё же ни поездку по западной части Балканского полуострова, ни второго лекционного тура в Соединенные Штаты Павел Николаевич не отменил — он всё еще надеялся совместить общественную деятельность с несколько более спокойной исследовательской и преподавательской.

Главной целью путешествия по Балканам на этот раз было практическое ознакомление с характером национально-освободительных движений и их внутренними противоречиями. Милюков объехал ряд районов Далмации и Черногории. Особое впечатление произвела на него столица Черногорского княжества Цетинье, которую он описал в воспоминаниях несколько легкомысленно: придворные дамы ходили к колодцу с ведрами, а по дороге сплетничали о приезжих под самыми окнами «Гранд-отеля» — довольно неказистой хижины. Впрочем, такие карикатурные описания княжеского двора были явно продиктованы политическими причинами, ибо Милюкову удалось собрать весьма

критические сведения о патриархально-феодальном режиме в Черногории, которая рассматривалась в российских правых кругах как опора династии Романовых на Балканах.

Выводы Павла Николаевича о стремлении различных этнических групп западной ветви славян Балканского полуострова к объединению в независимом государстве звучали явно умозрительно. Их можно было опровергнуть отмеченными им же фактами взаимной враждебности и подозрительности между представителями различных национальностей, особенно между сербами и хорватами, имевшими один язык (с той разницей, что первые пользовались кириллицей, а вторые латиницей), но принадлежавшими к различным ветвям христианства (соответственно православию и католицизму).

Эта поездка по Балканам, в отличие от двух предыдущих, не дала каких-либо определенных научных или политических результатов, но продемонстрировала, насколько сложным было положение на полуострове, как беззастенчиво играли великие державы на национальных и религиозных противоречиях. Личные же симпатии Павла Николаевича явно оставались на стороне болгар.

Завершался первый большой этап жизни Милюкова. Он быстро сложился как видный историк, перешел от монографических исследований строго документального характера к научному синтезу, столь редкому в российской историографии того времени, и стал основоположником исторической культурологии. Российский и американский историк М. М. Карпович с полным основанием писал: «На протяжении всего лишь одного десятилетия он опубликовал ряд капитальных работ, подготовка и написание которых могли бы занять целую жизнь у иного историка. Это поистине исключительный пример огромной творческой силы и трудоспособности»^{272}.

Вместе с тем уже на этом этапе постепенно оформлялись общественно-политические интересы Милюкова, которые затем возобладали, отодвинув историю на второй план, хотя первая любовь никогда им забыта не была. «Милюков-историк... подавал руку Милюкову-политику»^{273}.

Часть вторая

ПОЛИТИК

Глава первая

НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ

Земское движение и Союз освобождения

Судьба Милюкова всё теснее переплеталась с политической жизнью России. Он понимал, что стрелка весов, на которых взвешивалась его карьера, всё более склонялась в сторону текущей политики.

Мы уже упоминали о сотрудничестве Милюкова с заграничным журналом «Освобождение». Собственно говоря, оно началось еще до выхода первого номера, когда в июне 1902 года по просьбе редактора Струве Павел Николаевич написал первоначальный проект программы журнала. Программа была несколько переработана и в чуть более острых формулировках опубликована в «Освобождении».

А. В. Тыркова-Вильямс писала о статьях, публиковавшихся в «Освобождении»: «Только немногие посвященные знали, что это Милюков. Его известность еще не выходила за пределы тесных профессиональных и редакционных кружков, где его уже начинали признавать экспертом по политике, особенно иностранной. Понемногу отвоевывал он себе место и в тесной земской среде, раньше ему чуждой»^{274}.

В связи с «Освобождением» и участием в нем Милюкова (он обычно подписывал свои статьи инициалами С. С.) необходимо пояснить, что представляло собой земское движение, от имени которого издавался журнал.

В 1896 году представители земских управ избрали свой совещательный орган — бюро под руководством председателя Московской губернской земской управы Дмитрия Николаевича Шипова. Постепенно начали создаваться предпосылки для объединения сил земских деятелей. С 1900 года Шипов вместе с другими земцами участвовал в деятельности политического кружка «Беседа», в котором занимал умеренную позицию, выступая за признание необходимости народного представительства, но в ближайшее время предлагая ограничиться включением в состав комиссий при Государственном совете выборных представителей от общественных учреждений. Эта линия встретила критику с обоих полюсов: и верных сторонников самодержавия, и либералов, стремившихся к введению парламентского управления.

Более радикальные позиции занимал Иван Ильич Петрункевич, который ранее подвергался арестам и ссылкам, а в конце 1890-х годов был избран всего лишь уездным земским гласным. Парадоксально, но Петрункевич, стоявший в земской структуре на несколько ступеней ниже Шипова, обладал столь же большим авторитетом.

Милюковский проект программы журнала «Освобождение» обсуждался в имении И. И. Петрункевича Машук в Тверской губернии, куда под видом отдыха приезжали оппозиционные деятели. Критиковали проект главным образом за слишком общий характер — он не рассматривал вопросы тактики. Павел Николаевич, отстаивая правильность такого подхода, доказывал, что программа должна объединить как можно более широкую общественность, причем не на классовой (как это делали социал-демократы) и не на крестьянско-революционной (как стремилось зарождавшееся движение социалистов-революционеров), а на общелиберальной основе. Программа, убеждал Милюков, должна считаться с реальными условиями и ограничиться ближайшими требованиями, выполнение которых могло бы обеспечить достижение «свободной общественной жизни».

К их числу относились личная свобода, гарантированная независимым судом, равенство всех перед законом, «основные политические права» (не конкретизировались) и, наконец, главное — «бессловное народное представительство в постоянно действующем и ежегодно созываемом верховном учреждении с правами высшего контроля законодательства и утверждения бюджета». Созыву такого учреждения должны были предшествовать определенные шаги: акт верховной власти, утвержденный «высочайшей волей» (то есть императором), о введении гражданских свобод, отмене ограничивающих их административных распоряжений, широкой амнистии политическим заключенным; создание из представителей земских учреждений и делегатов групп населения, не представленных в земствах, «учредительного органа» для разработки и принятия избирательного закона и его немедленный роспуск после выполнения этой задачи, чтобы не допустить правительственного давления на него и влияния «непривычных к политической жизни общественных слоев».

Милюков настаивал, с одной стороны, чтобы из программы не делалось никаких изъятий под давлением правительства, с другой — чтобы она не расширялась «влево», то есть оставалась либеральной, ни в коем случае не приобретала революционные черты.

Разработав эту программу, Павел Милюков превратился в одного из

наиболее авторитетных теоретиков и практических руководителей формировавшейся либеральной партии, в основе которой лежало земское движение. Не доверяя почте, программный документ отправили в Швейцарию нарочными — представителями земских кругов.

Впрочем, практическое оформление зачатков партии происходило без личного участия Милюкова, который в 1903 году, как мы знаем, читал лекции в США. Он, однако, внимательно следил за всеми акциями друзей — либеральных земцев и связанной с ними интеллигенции, поддерживал с ними связь, высказывал мнение по конкретным вопросам и полностью одобрил их действия по созданию первой в России либеральной общественно-политической организации на основании разработанной им программы.

В учредительном съезде Союза освобождения в Швейцарии, в местечке Шаффгаузен, 20–22 июля 1903 года приняли участие 18 человек — деятели политики, культуры, науки, в том числе В. И. Вернадский, И. И. Петрункевич, П. Б. Струве, философы Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, публицист и издатель Е. Д. Кускова, экономист С. И. Прокопович. Дебатировался главный вопрос — создавать партию или движение. Победила точка зрения Струве о необходимости организации широкого фронта сил, выступавших за политическую свободу. На совещании в Харькове в сентябре того же года был принят план создания провинциальных организаций Союза освобождения. Таким образом, был взят курс на образование общероссийской партии.

I съезд Союза освобождения состоялся в Петербурге 3–5 января 1904 года. Его делегаты выдавали себя за участников проходившего в то время Всероссийского съезда по техническому образованию, а свои встречи проводили под видом вечеринок на частных квартирах.

В основу утвержденной программы Союза освобождения легла программа журнала, разработанная Милюковым годом ранее. Лишь некоторые ее установки конкретизировались и видоизменялись. Если в тексте Павла Николаевича четко не формулировалось, за какую форму правления будет идти борьба, то теперь называлась конституционная монархия. Впервые шла речь об избирательной «четырёххвостке» — всеобщем, равном, прямом избирательном праве при тайном голосовании. Съезд провозгласил право народов России на самоопределение, хотя не разъяснял, включает ли оно государственное отделение. Тактика Союза определялась как осада самодержавия при помощи публичных массовых кампаний. Был избран руководящий орган — совет под председательством И. И. Петрункевича.

В конце месяца началась Русско-японская война. Из патриотических соображений Союз освобождения в первые месяцы своего официального существования не предпринял ни одной кампании против самодержавия. Его деятельность ограничивалась почти исключительно распространением журнала «Освобождение». Однако после поражений на фронте отношение общественности к войне и к правительству начало резко ухудшаться. А когда после гибели Плеве новым министром внутренних дел стал считавшийся более покладистым и гибким Петр Дмитриевич Святополк-Мирский, в начале сентября члены совета Союза обратились в бюро земских съездов с предложением собраться для выработки общей политики.

На II съезде Союза освобождения, состоявшемся в Петербурге 20–22 октября 1904 года, опять на частных квартирах, было решено выйти из подполья и заявить о своем существовании в собственной печати. Съезд постановил способствовать принятию конституционных резолюций на предстоящем земском съезде, организовать кампанию банкетов за введение свобод, народного представительства и конституции, начать формирование профсоюзов^[275].

С первых месяцев существования Союза освобождения в нем шли дискуссии, подчас довольно острые, между умеренными и более радикальными левыми деятелями. Журнал «Освобождение» предоставлял слово и тем и другим. В дискуссии принял участие Милюков. Его статья показывала, что он явно тяготел к левым, хотя декларировал свою принадлежность к центру. Милюков писал, что из поддерживающих Союз освобождения необходимо исключить тех, кто идеализирует самодержавие, а также «неисправимых славянофилов», и оставить убежденных конституционалистов. Иначе говоря, Милюков явно выступил сторонником преобразования Союза освобождения в политическую партию с обязательными для исполнения программными и организационными документами и кадрами, подчиняющимися партийной дисциплине. Он считал, что партия должна обратить внимание не только на политические, но и на социальные вопросы, в частности связанные с улучшением условий труда и самоорганизацией рабочих, с преодолением полуфеодальных пережитков на селе, включая передачу крестьянам «отрезков» — участков земли, которые были у них отняты в пользу помещиков после отмены крепостного права. Таким образом, Милюков, не находясь на авансцене событий, деятельно способствовал становлению Союза освобождения как общедемократической партии с широкой политической и социальной перспективой преобразования России.

Павел Николаевич энергично полемизировал в «Освобождении» с представителями правого крыла Союза, которые летом 1904 года в связи с военными поражениями стали выступать с предложениями полностью поддержать правительство в военных условиях. Он вновь и вновь настаивал на необходимости введения народного представительства, обладающего законодательной властью, избранного народом, а не делегируемого некими учреждениями.

Когда пост министра внутренних дел занял Святополк-Мирский и значительная часть земских деятелей и членов Союза освобождения стала возлагать надежды на новый правительственный курс, Милюков максимально использовал свой талант полемиста и публициста, чтобы разубедить либеральных единомышленников. Он предупреждал, что между самодержавием и подлинным конституционализмом нет промежуточной позиции: «Мы не можем уже давать в кредит, потому что мы сами лишимся кредита, если позволим себе это».

И в то же время сам он, как признавался позже, не оставлял надежды на то, что правительство будет проводить более взвешенную политику, попытается начать диалог с общественными силами. Он убеждал власти, что «надо искать такой укрепленной позиции, которую можно защищать не штыками и виселицей, а силой организованного общественного мнения», что различные общественные группы могут стоять рядом, а не друг против друга^{276}.

Но в следующей статье Милюкова предрекалось «фиаско нового курса»^{277}. Ее выходу предшествовало вроде бы внушавшее оптимизм событие — в Петербург возвратился бежавший от полицейских преследований председатель Союза освобождения И. И. Петрункевич, которого Святополк-Мирский официально освободил от обвинений. Более того, Петрункевич был принят председателем Комитета министров Сергеем Юльевичем Витте, пользовавшимся в либеральных кругах репутацией осторожного реформатора. Однако беседа с высоким сановником, по существу, разрушила тот мистический мост между царем и оппозицией, который пытались построить либералы. По словам Петрункевича, Витте заявил ему, что «государь относится к самодержавию как к догмату веры, как к своему долгу, которого ни в целом, ни в части он уступить кому бы то ни было не может», добавив, что русское общество не настолько сильно, чтобы вступить в борьбу с самодержавием, а крестьянство останется на стороне царя^{278}.

Либералам становилось ясно, что наладить с правительством

сотрудничество во имя конституционного преобразования России невозможно. В упомянутой статье, увидевшей свет 28 октября, Милюков, проконсультировавшись с единомышленниками, объявил от их имени, что оппозиция «возвращает себе полную свободу действий».

Парижская конференция оппозиционеров

и новая поездка в США

Действия земцев-конституционалистов ставили под сомнение их стремление к мирному и постепенному преобразованию страны.

В середине сентября несколько деятелей Союза освобождения, включая Милюкова, отправились в Париж для участия в конференции оппозиционных и революционных партий, проходившей с 30 сентября по 9 октября. Ее проведение не скрывалось от французских властей, но участники выступали под псевдонимами, опасаясь преследований на родине. Милюков значился в протоколах как Александров.

Однако эти уловки были легко раскрыты российскими тайными службами — достаточно было присутствия на конференции их тайного агента Азефа, который отлично знал Милюкова и других собравшихся^{279}. В условиях назревавшей революции, а затем и во время бурных событий 1905 года это разоблачение не привело к репрессиям. Но позже глава правительства П. А. Столыпин припомнит Милюкову в Государственной думе, как он являлся с подрывными силами.

На конференции рассматривались политические и тактические вопросы, причем особое внимание было уделено признанию права польского и финского народов на самостоятельность (правда, в рамках федеративных отношений с Россией). Многократно выступавший Милюков в национальном вопросе проявил себя как наиболее умеренный деятель: призывал отказаться от требования предоставления Польше и Финляндии полной государственной самостоятельности ввиду нереальности его выполнения в ближайшей перспективе, а также настаивал, чтобы вместо конкретных формулировок по национальному вопросу использовались «определения, всеми приемлемые». Милюков явно уклонялся от каких-либо конкретных обязательств «националам» — на вопрос грузина А. Т. Габуня, на чьей стороне будут либералы, если угнетенные национальности России восстанут, ответил, что они также окажутся «в

числе обиженных»^{280}.

Павел Николаевич встречался с польскими и финскими деятелями, причем обратил внимание на сравнительную умеренность во взглядах поляка Романа Дмовского и авантюризм финна Конни Циллиакуса, организовавшего отправку в Петербург корабля с оружием для повстанцев (корабль был взорван экипажем, когда сел на мель в Финском заливе). Циллиакус был связан с японской разведкой. Правда, А. В. Макушин и П. А. Трибунский полагают, что Милюкову не было об этом известно^{281}; это, однако, сомнительно, поскольку немецкая социалистка Роза Люксембург предупреждала о «японских деньгах» Циллиакуса и именно поэтому социал-демократы отказались от участия в парижской встрече^{282}.

На конференции была выработана общая программа действий. Ее главным пунктом стала замена самодержавия свободным демократическим режимом. При этом, правда, форма государственного устройства будущего Российского государства не определялась, хотя либералы считали конституционную монархию более предпочтительной, чем республика, по крайней мере на ближайшее время. По общему согласию этот вопрос не конкретизировался, причем главную роль в принятии компромиссной формулы сыграл именно Милюков. Он предложил формулу: обсуждение общих идей и целей при сохранении всех пунктов программ и тактических приемов каждой партии. Участники конференции поручили Милюкову подготовить соответствующую резолюцию. В ней говорилось: «Ни одна из представленных на конференции партий ни на минуту не думает отказаться от каких бы то ни было пунктов своей программы или тактических условий борьбы, соответствующих потребностям, силам и положению тех общественных элементов, классов или национальностей, интересы которых она представляет»^{283}.

Либералы не знали, что одновременно с конференцией проходил тайный съезд представителей социалистических партий, на котором выдвигались революционные лозунги свержения монархии и установления демократической республики с перспективой вести дело к социалистической революции, причем в арсенал политической борьбы включался индивидуальный и массовый террор. Но об этом было хорошо известно российским властям через своих осведомителей, в том числе Азефа. Оба мероприятия в агентурных донесениях смешивались, что давало властям основания для репрессий не только против революционеров, но и против либералов.

В любом случае парижская конференция свидетельствовала, что в

условиях крайнего обострения внутривластного положения в России к концу 1904 года П. Н. Миллюков оказался в самом центре оппозиционного движения.

Вскоре после его возвращения из Парижа, в начале ноября, в Петербурге состоялся земский съезд. Не будучи земским деятелем, Павел Николаевич не имел формального права участвовать в съезде, но активно действовал в кулуарах и накануне, и во время заседаний, с удовлетворением отмечая, что программа съезда, написанная его университетским товарищем, внуком известного декабриста, историком и публицистом Вячеславом Евгеньевичем Якушкиным, в основном повторяла его собственную программную статью в первом номере журнала «Освобождение»: речь шла о равенстве перед законом, гарантиях независимого суда, отмене репрессий в административном порядке. Правда, требования коренной политической реформы были приняты съездом (при фактическом участии Миллюкова) в несколько завуалированной форме: слово «конституция» не употреблялось, но выдвигалось требование созыва выборного учреждения, которое имело бы право принимать бюджет, контролировать его выполнение и вообще осуществлять контроль за законностью действий администрации.

Таким образом, Павел Николаевич стал активным общественным деятелем. Однако при всей вовлеченности в оппозиционную работу он не смог отказаться от соблазна совершить вторую поездку в Соединенные Штаты. Он признавался, что друзья отговаривали его от этого вояжа ввиду ускорения событий, которые неминуемо должны были воплотиться в нечто непредсказуемое, но судьбоносное. Упорно настаивал на отмене поездки И. В. Гессен, с которым Миллюков особенно сблизился.

Выходец из одесской еврейской семьи, Гессен (он был шестью годами младше Миллюкова) в молодости был связан с организациями революционных народников, был исключен из Новороссийского (Одесского) университета, но смог поступить на юридический факультет Петербургского университета. По окончании университета он не только занялся юридической практикой, но и включился в общественное движение, был избран в состав совета Союза освобождения. С 1904 года Гессен и Миллюков были почти неразлучны в политической деятельности и в издании газет, журналов, агитационной литературы либерально-конституционного направления.

На уговоры Гессена Павел Николаевич ответил, что должен завершить работу над рукописью и принять участие в сдаче ее в печать в США. Он рассчитывал возвратиться в Россию ко времени крупных политических

схваток.

На этот раз, не останавливаясь в Париже, Милюков сразу отправился в порт Шербур, откуда на английском пароходе отплыл в Бостон.

В ноябре — декабре 1904 года русский профессор прочитал небольшой цикл лекций в Институте Лоуэлла в Бостоне — ответвлении знаменитого Гарвардского университета, располагавшего великолепной библиотекой. Здесь Милюкова ожидал сюрприз — большой комплект русских эмигрантских газет 1890-х годов. Судя по надписям, эту коллекцию собрал и передал университетской библиотеке эмигрант Владимир Панин. Она послужила важным исходным материалом для анализа и значительно обогатила не только лекционный курс, в частности раздел, посвященный социалистическим течениям, но и книгу о России.

Именно на рабочем вопросе и на социалистических движениях Милюков сосредоточил внимание в курсе из восьми лекций, названном «Русский кризис». Он вспоминал, что изрядно мучил слушателей статистическими выкладками, показывавшими развитие стачечного движения, распространение нелегальной литературы, иллюстрировавшими репрессивную политику царизма^{284}.

Лекционный курс отчетливо свидетельствовал, что Милюков всё дальше отходил от чистого академизма даже при работе со студентами и подготовке книги для американцев.

Жил Павел Николаевич в доме самого президента Гарвардского университета Эббота Лоуэлла в Белмонте, зеленом пригороде Бостона, тихом, уютном местечке, где впервые за долгие годы позволил себе немного расслабиться, совершая вечерние прогулки^{285}.

Бостонские газеты сообщали о лекциях Милюкова как о важном общественном событии, призывали читателей регулярно посещать их, в результате чего аудитория к концу курса существенно возросла. На основании изучения прессы того времени американская исследовательница М. Киршке-Стокдейл пришла к выводу, что Милюков «создал себе [в США] подлинно национальную репутацию как надежный и перспективный интерпретатор современных событий в России»^{286}.

Пробыв месяц в Бостоне, Павел Николаевич в начале 1905 года отправился в Чикаго. В тамошнем университете проходил дополнительный краткий зимний семестр для студентов, желавших ускорить завершение своего образования, и гость должен был в течение шести недель прочесть небольшой группе слушателей историко-этнографический курс, который назвал «Возрождение южных славян».

Почти сразу после приезда его познакомили с молодой француженкой Мари Пети, которая выразила готовность переводить его работы на французский язык. Он стал ухаживать за ней, надеясь на нечто большее и не встречая с ее стороны сопротивления. (Интересно, что упоминая в рукописи воспоминаний, что у него было несколько «романтических историй», Милюков назвал по имени только свою вторую жену и М. Пети^[287].) Отношения, однако, развиваться не успели, так как события в России круто изменили планы Милюкова.

Русский профессор успел прочитать лишь несколько лекций, когда поступила ошеломляющая весть — в Петербурге 9 января (по новому стилю, принятому в США, 22 января) войсками и полицией расстреляно шествие рабочих к Зимнему дворцу, начались волнения.

Милюков, уже искушенный политик, понял, что в стране разворачиваются революционные события. Он сразу же сообщил администрации университета, а также занимавшемуся изданием его работы Ч. Крейну, что вынужден прервать курс и возвратиться в Россию, лишь на краткое время остановившись в Нью-Йорке для завершения и сдачи в производство книги. Американцы не выдвинули никаких возражений.

К созданию либеральной партии

И всё же поездка в Нью-Йорк, а затем обратное путешествие через океан и по Европейскому континенту заняли изрядное время. Когда Милюков приехал в Петербург в начале апреля 1905 года, четкая политическая дифференциация всё еще не произошла. Сам он признавал, что далеко не сразу разобрался в оттенках политических настроений, хотя две принципиальные установки для него были ясны: он не придерживался социалистических взглядов, считая их утопическими, и не был склонен форсировать события, предпочитая осторожность необдуманным решениям.

Один из старых знакомых Милюкова В. А. Мякотин предложил ему вступить в проходившую в это время организационное становление Партию социалистов-революционеров, гарантировал ему место в Центральном комитете и был удивлен отказом Милюкова, мотивированным тем, что он является принципиальным противником социалистических течений. (Впрочем, сам Мякотин долго в партии эсеров не удержался и осенью 1906 года стал одним из основателей более умеренной Партии народных социалистов.)

Милюков сразу же включился в деятельность Союза освобождения, который находился на пути превращения в политическую партию. Еще до его возвращения, в марте 1905 года, состоялся III съезд Союза освобождения, на котором был поставлен вопрос об объявлении его партией. Разногласия, однако, оказались настолько острыми, что конкретной программы принять не удалось. Сошлись на том, чтобы оставить вопрос о партии на будущее, а пока утвердить предельно общую программную резолюцию о необходимости либерализации государственного устройства России, причем была сделана оговорка, что изменение ситуации потребует изменения установок Союза. Милюков считал такое решение правильным, так как революционные события явно развивались по восходящей линии.

Проявлением сдвига влево стала объявленная «освобожденцами» «банкетная кампания»^[6] — на самом деле это были политические собрания, на которых звучали всё более радикальные речи, порой выдвигалось требование республики.

Поздней осенью 1904 года развернулась инициатива Союза освобождения — создание общественных объединений интеллигенции по профессиональным группам: союзов писателей, инженеров, адвокатов со своими выборными бюро, которые устанавливали связи между собой и в результате в мае 1905 года образовали Союз союзов. Милюков не застал начало этой кампании, но активно включился в нее. Он считал форму Союза союзов удачной для того, чтобы направить усилия неорганизованной, но демократически настроенной интеллигенции в единое русло. Он писал: «... бесформенное политически русское прогрессивное общество получало возможность впервые объединиться не только идейно, но и формально. Это был метод, к которому я вполне мог присоединиться как к первичной и переходной ступени политической организации, которую я считал неизбежным предварительным условием всякой свободной политической жизни»^{288}.

Оптимизма добавляла и явная нервозность царя и его окружения, опасавшихся нарастающего общественного движения. Особенно пугали их террористические акции Боевой организации эсеров. Паника охватила придворные круги, когда 4 февраля эсер Иван Каляев на территории Московского Кремля убил дядю царя, великого князя Сергея Александровича, считавшегося главой группы давления на царя и фактическим виновником расстрела 9 января. В результате последовала первая уступка: 18 февраля был опубликован царский рескрипт новому

министру внутренних дел Александру Григорьевичу Булыгину о созыве «достоинейших, доверием облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений», правда, с оговоркой, что будут полностью соблюдаться основные законы империи^[289]. Несмотря на ограниченность полномочий, делегируемых новому органу, названному Булыгинской думой, само направление, в котором теперь была вынуждена следовать царская администрация, внушало надежду и оптимизм.

Милюков выделял два естественных центра оппозиционного движения — петербургский и московский. В Северной столице противоречия, по его мнению, были намного острее — дворцовая камарилья чуть ли не напрямую сталкивалась с радикальными кругами. В Первопрестольной было значительно спокойнее, особенно в среде интеллигенции. Этот «профессорский круг» был Павлу Николаевичу ближе, чем нервные сходы в столице, сопровождавшиеся перебранками и чуть ли не драками. Перебравшись в Москву, он вновь почувствовал себя здесь своим человеком.

Поселился Павел Николаевич у московского адвоката Михаила Львовича Мандельштама, известного смелыми выступлениями на политических процессах. На всю страну прогремели его слова «Правительство само толкает людей на террор» в речи в защиту Каляева в Особом присутствии Сената. Московский адвокат быстро ввел Милюкова в круг местной прогрессивной интеллигенции, познакомил его с юристами и представителями смежных профессий, приступившими к разработке проекта конституции.

С некоторыми членами этой группы Павел Николаевич уже был знаком, с глубоким уважением относился к М. М. Ковалевскому, с интересом возобновил общение с известным московским адвокатом Сергеем Андреевичем Муромцевым, автором ряда запрещенных к публикации и распространяемых нелегально еще в 1880-х годах проектов народного представительства. Теперь Муромцев координировал разработку новых предложений более молодыми юристами: 34-летним Федором Федоровичем Кокошкиным, 39-летним Павлом Ивановичем Новгородцевым и др.

Милюков сразу же вступил в полемику по конституционному проекту, решительно высказавшись за однопалатный парламент, поскольку полагал, что двухпалатный был бы в условиях России консервативным, так как в верхней палате легче было бы утвердить представительство определенных классов, а это, в свою очередь, облегчило бы воздействие на нее

исполнительной власти. Он полагал, что образцом (разумеется, не идеалом, ибо такового вообще не могло существовать) народного представительства могло бы служить болгарское однопалатное Народное собрание, созданное по Тырновской конституции. Правда, после доводов Кокошкина о многонациональном государстве он согласился, что в России двухпалатное народное представительство имеет свои преимущества.

В Кокошкине Павел Николаевич во многих отношениях встретил родственную душу. Пожалуй, ни о ком он не писал в воспоминаниях с такой теплотой: «Гибкость его мысли равнялась только твердости его основных убеждений. Он понимал значение политического компромисса, но знал и его границы. При некоторой доле личного доктринерства он умел защищать коллективное решение, раз оно было принято. Я не помню другого случая, когда взаимное понимание с кем-либо доходило бы у меня до предвидения общего хода мысли по всякому отдельному вопросу»^{290}.

Вскоре после приезда Милюкова в Москву состоялось его первое публичное политическое выступление в особняке богатого дворянина Леонида Николаевича Новосильцева. Чтобы избежать полицейского вмешательства, было объявлено, что Милюков выступит с рассказом о своих впечатлениях от заграничной поездки. Однако, поскольку у Павла Николаевича была репутация (явно незаслуженная) «отчаянного революционера», от него ожидали своего рода публичной политической декларации, поэтому в небольшом зале, вмещавшем не более 350 человек, присутствовали самые разные слушатели — от крайне левых до губернского предводителя дворянства Петра Николаевича Трубецкого.

Публика была удивлена спокойным, примирительным тоном Милюкова. Главная мысль его выступления состояла в том, что конституционное развитие, утвердившееся на Западе, предпочтительнее революции, хотя само по себе может носить революционный характер, поскольку темп общественного развития ускоряется. Ничего крамольного в выступлении Милюкова не нашли даже высшие сановные деятели. Репутация «отчаянного революционера» начала постепенно сменяться образом примирителя, хотя и левого толка. С оттенком гордости, может быть, даже хвастовства Милюков писал в воспоминаниях, что процесс его «официального принятия в ряды московской избранной общественности прошел удачно»^{291}.

Вслед за этим начались многочисленные доклады в разных аудиториях, от набитых людьми студенческих комнатшек до роскошных особняков, чьи владельцы не были чужды либеральных идей.

Милюкову особо запомнилось выступление на Смоленском бульваре в купеческом дворце вдовы коллекционера западноевропейской и русской живописи и скульптуры Маргариты Кирилловны Морозовой, усердно занимавшейся благотворительностью, покровительствовавшей театрам и литераторам Серебряного века.

Сама обстановка особняка свидетельствовала, что идеи либерализации проникли в самые состоятельные слои российского общества. «Великолепный зал, отделанный в классическом стиле, эффектная эстрада, нарядные костюмы дам на раззолоченных креслах, краски, линии — всё это просилось на «историческую» картину, — вспоминал Милюков. — Картина и была задумана, не знаю, хозяйкой или художником»^{292}. О художнике было упомянуто не случайно. Присутствовавший на выступлении выдающийся живописец и график Леонид Осипович Пастернак (отец будущего писателя) хотел даже написать портрет Милюкова во время выступления. (Этот замысел так и не был осуществлен — художника увлекла другая тематика, но между ним и Милюковым сохранились дружеские отношения. Художник преподнес политику свою работу — литографский портрет Л. Н. Толстого, а сопроводительное письмо было написано профессиональным языком, так как, по мнению Пастернака, Милюков, «пробыв за границей много лет, знаком с графическим искусством»^{293}.) Павел Николаевич говорил о необходимости создания в России партийно-политической системы, в которой либеральные силы заняли бы достойное место^{294}.

Выступление в особняке Морозовой имело существенный материальный результат: через несколько дней компаньонка Маргариты Кирилловны принесла Милюкову чек на несколько тысяч рублей — взнос на образование его политической партии. Павел Николаевич стал посещать Морозову и, похоже, даже увлекся молодой и красивой вдовой, не лишенной интеллектуальных способностей. Во всяком случае, в воспоминаниях Милюкова несколько посвященных ей абзацев, написанных на девятом десятке лет, существенно отличались от остального текста обширного труда. За словами восхищения умом этой женщины чувствуется нечто большее. Даже в упоминании знаменитых людей, окружавших Морозову, сквозит ревность. Павел Николаевич дал весьма ироничную характеристику Андрею Белому, находившемуся в центре «восторженного поклонения» Маргарите Кирилловне: «Он не просто говорил, он вещал, и слова его были загадочны, как изречения Сивиллы». Вспомнив, что Маргарита училась игре на фортепиано у самого Скрябина, мемуарист

саркастически отмечал: «Я не имел тогда понятия о женском окружении Скрябина, так вредно повлиявшем на последнее направление его творчества и выразившемся в бессильных попытках выразить в музыке какую-то мистическую эротическую космогонию»^{295}.

Обе оценки были совершенно несправедливы, глубоко субъективны и явно выражали недовольство тем, что Морозова, окруженная множеством блестящих мужчин, уделяла Милюкову недостаточно внимания.

Но даже московская красавица не отвлекла Милюкова от общественно-политических задач. Летом 1905 года он предпринял агитационную поездку по провинциальным городам с целью добиться сближения либералов и тех, кого он называл революционерами, имея в виду те группы социал-демократов и части умеренных народников, полностью не примкнувшей к эсерам, которые, придерживаясь социалистических взглядов, отодвигали социалистическую революцию в будущее, когда для нее созреют объективные условия.

Особенно бурные споры развернулись в Курске, а затем в Харькове, где они продолжались целыми ночами. Милюкову так и не удалось убедить слушателей в утопичности их представлений о грядущем социалистическом рае.

Самому Милюкову в качестве политического деятеля это первое агитационное турне принесло ощутимую пользу. Аудитория была непредсказуемой и в смысле политической подготовки, и в отношении догматики и пристрастий. Постепенно вырабатывались некоторые довольно элементарные правила, которыми можно было овладеть только на практике. Довольно быстро он научился, не напрягая голоса, говорить громко, не переходя на крик (хотя для постановки соответствующей ораторской дикции понадобились немалые усилия). Он убедился, что даже при логичной и доступной речи повышение голоса создает у не очень подготовленной аудитории впечатление неубедительности оратора, слушатели теряют интерес и даже начинают расходиться. Второе правило давалось Павлу Николаевичу, привыкшему к интеллектуальной профессорской и студенческой аудитории, труднее. Лишь с большим трудом он научился принаравливаться к самой неподготовленной, подчас даже малограмотной части слушателей, одновременно сохраняя интерес наиболее образованной. Приходилось балансировать между логическими доводами и эмоциями, демонстрирующими, что оратор — не бесстрастный аналитик, а политический борец, которого до глубины души волнует каждая высказанная им мысль. И всё же Милюков признавался, что эмоциональные выступления давались ему значительно труднее

спокойных, логически выверенных. Во время летней поездки в провинцию он всё более четко выстраивал линию своих рассуждений от простого к сложному, стремясь, чтобы эта линия постоянно сохранялась в сознании слушателей.

Что же касается содержания выступлений во время этого тура, а затем в Москве и Питере, то они носили примирительный, компромиссный характер. Милюков стремился убедить представителей либерального и социалистического течений, что на данном этапе перед ними стоят общие задачи, что пока все оппозиционеры являются попутчиками или даже союзниками, догматические доктринальные споры следует прекратить, а неизбежное соперничество отложить до тех времен, когда будет достигнута общая цель — создание в России конституционного строя.

Слушатели на местах, как правило, сочувственно относились к этой тактике. Однако высшие органы социалистов-революционеров и особенно социал-демократов не уставали разоблачать либеральную демократию, обвиняя ее в служении царизму и стремлении не допустить углубления революции.

Связующим звеном между социалистами и либералами оставались формировавшиеся профессиональные союзы. На них сосредоточилось внимание Милюкова после его летней поездки, во время которой он убедился, что революция в России действительно началась, ибо его выступления проходили без полицейского вмешательства — в крупных городах России явочным порядком была введена свобода слова.

Достигнутое требовалось закреплять организационно — созданием политических партий, важным шагом к чему Милюков и некоторые связанные с ним либеральные деятели считали образование профсоюзов. Требовалось оказывать давление на царское правительство, чтобы оно приняло законоположения о признании политических и профессиональных организаций.

Опору своей работе на этом этапе Милюков видел в Союзе союзов, объединявшем профессиональные организации различных групп интеллигенции. На руководство возникавшими профсоюзами промышленных и железнодорожных рабочих он пока не посягал, видя, что в них прочно закрепляются социал-демократы как большевистского, так и меньшевистского направлений.

Учредительный съезд Союза союзов открылся в Москве 24–26 мая 1905 года, через десять дней после тягчайшего поражения 2-й тихоокеанской эскадры русского флота в решающем сражении Русско-японской войны в Цусимском проливе. Большинство кораблей, имевших

непоправимые повреждения, затопили японцы или собственные экипажи, часть капитулировала, а некоторые были интернированы в нейтральных портах. Из тридцати восьми кораблей эскадры в дальнейшем могли участвовать в военных действиях всего четыре. Международным последствием цусимской катастрофы было резкое падение престижа Российской империи, а внутривластным — падение авторитета Николая II и царской администрации в целом.

Накануне съезда Милюков в Петербурге участвовал в общественных протестах в связи с Цусимой. Приехав в Москву, он стал свидетелем демонстраций противоположного толка — патриотических, выразивших горячую поддержку царю и русскому оружию. В такой противоречивой обстановке проходил съезд Союза союзов.

Ранее эта организация формально имела только информационные функции, а решения ее бюро вступали в силу лишь после утверждения их отдельными профсоюзами. Теперь предстояло определить, в каких пределах Союз союзов может действовать как единая централизованная организация.

Милюков был избран председателем заседаний и на протяжении всего съезда многократно выступал^{296}. Союз союзов, по существу, превращался из объединения профессиональных организаций в политическую формацию. Участники съезда единодушно проголосовали за главную задачу: «Борьба за политическое освобождение России на началах демократизма». Вслед за этим часть делегатов, стоявших на левых позициях, потребовала конкретизации этого положения, и в результате была принята формулировка: «Необходимость немедленного созыва Учредительного собрания народных представителей, избираемых всеобщим, прямым и тайным голосованием».

Часть делегатов потребовала включить это требование в адрес, с которым к царю должны были отправиться все участники съезда — больше двухсот человек. Милюкову и другим относительно умеренным делегатам удалось несколько смягчить накал страстей: слова о характере избранного народного представительства заменили более обтекаемыми «избранные равно и без различий всеми подданными нашими». Было решено также, что к царю отправится избранная делегация^{297}.

Правда, вслед за этим съезд вообще отказался от направления к царю делегации и, следовательно, адреса — Милюков убедил в этом делегатов, получив, вероятно, достоверные сведения из придворных кругов, что делегация принята не будет и возникнет безвыходная коллизия. Более того,

среди делегатов стали распространяться слухи, что власти готовятся к разгону съезда, не исключая применения военной силы. Вместо предполагавшегося адреса было решено подготовить обращение к народу и обществу, текст которого по поручению съезда составил Милюков.

Это был первый официальный политический документ, написанный им в качестве участника революции, и носил он резкий характер: «Надежда, что нас услышат, теперь отнята. Мы должны действовать, как кто умеет и может по своим политическим убеждениям... Все средства теперь законны против страшной угрозы, заключающейся в самом факте дальнейшего существования настоящего правительства... Мы обращаемся... ко всему, что есть в народе живого и способного отозваться на грубый удар, — и мы говорим: всеми силами, всеми мерами добивайтесь немедленного устранения захватившей власть разбойничьей шайки и поставьте на ее место Учредительное собрание... чтобы оно могло как можно скорее покончить с войной и с господствующим до сих пор политическим режимом»^{298}.

Судя по всему, это был самый острый документ, написанный П. Н. Милюковым за всю его политическую карьеру, явно навеянный не столько трезвыми раздумьями, обычно свойственными ему, а эмоциями, раздражением, предположением, что власти собираются насильно ликвидировать возникший на волне революции общественный орган.

Позже Павел Николаевич, не осуждая свой текст с крайне резкими выражениями, всё же пытался оправдаться, заявляя, что выражение «разбойничья шайка» относилось к предпринимателям, наживавшимся на войне. На самом деле из контекста видно, что оно явно было адресовано императору и правительству.

В эти дни Милюков выступал с острыми речами, в которых провозглашал, что «ныне хороши все средства», ибо таково «подлинное выражение всеобщих чувств»^{299}.

На самом деле правительство не собиралось разгонять съезд Союза союзов — разумеется, не в силу готовности к введению в стране демократических норм, а опасаясь остаться в изоляции.

Поворот Милюкова влево был не просто временным, а скорее всего кажущимся. Правда, и после съезда он полагал, что «единый фронт» с социалистами может быть сохранен, хотя оценивал их сугубо критически, видя, однако, существенное различие между социал-демократами и эсерами. В начале июня он писал П. Б. Струве: «С[оциал]-демократы] помогли своими глупостями и расколами, а с[оциалисты]-р[еволюционеры]

ведут себя разумно и не мешают делу»^{300}.

Основная часть союза хотя и не тяготела к революционным акциям, с симпатией относилась к призывам социал-демократов и эсеров к массовым забастовкам, бойкоту Булыгинской думы и т. п. Более того, очередной съезд Союза союзов, состоявшийся 1–3 июля в Петербурге, а затем в финском городе Териоки, принял, несмотря на возражения Милюкова, решение не участвовать в выборах в совещательную Думу.

Правда, к удовлетворению Павла Николаевича, представители союзов профессоров, писателей и учителей средней школы поддержали его мнение о необходимости принять участие в выборах, чтобы затем добиваться превращения Думы в законодательный орган. Тем временем в ходе революции влияние социалистических партий нарастало, расширялось руководимое ими забастовочное движение, стачки становились политическими, выдвигались всё более радикальные лозунги, раздавались призывы к всеобщей забастовке. Во многих губерниях, особенно в черноземных, вспыхивали крестьянские мятежи, которые подвергались жестокому разгрому не только полицейскими частями, но и воинскими соединениями. Боевая организация эсеров продолжала нападения на правительственных чиновников. Вспоминая летние месяцы 1905 года, Милюков констатировал, что по отдельным фактам, которые попадали в печать, трудно было оценить «всю силу напора революционной волны», тем более что социалистические партии скорее пропагандировали общие лозунги, чем ставили конкретные задачи^{301}.

Наиболее близкой Павлу Николаевичу по политическим установкам, методам деятельности, культурному облику и темпераменту были, безусловно, земцы-конституционалисты.

Именно эта группа должна была, по мысли Милюкова, стать ядром будущей политической партии, которая действовала бы не революционными, а парламентскими средствами. Конечно, о парламентаризме можно было говорить только условно, так как Булыгинская дума, будь она созвана, не была бы подлинным парламентом, ибо носила бы совещательный характер. Парламентаризм следовало понимать, по Милюкову, не как существующую реальность, а как перспективу, за которую следовало вести борьбу, используя нараставшее революционное движение, но отвергая его как средство борьбы. Можно было бы упрекнуть нашего героя в лицемерии или по крайней мере в непоследовательности, но он уже стал до мозга костей политиком.

В свое время Н. Г. Чернышевский писал: «Исторический путь — не

тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность. Она — занятие благотворное для людей, когда вы думаете действительно о пользе людей, но занятие не совсем опрятное»^{302}.

В руководстве Конституционно-демократической партии

К концу лета — началу осени 1905 года в России уже существовал — разумеется, в неутвержденном, формально нелегальном, но фактически открытом виде — ряд политических партий. Слева четко оформились Социал-демократическая партия и Партия социалистов-революционеров, справа — ряд монархических организаций, в том числе экстремистского толка, не влиятельных, но многочисленных и громогласных: Русское собрание, Союз русского народа, Союз русских людей, Русская монархическая партия и др.

Почти незаполненной была центральная часть политического спектра, и именно ее стремились занять Милюков и его единомышленники из числа деятелей Союза союзов и особенно земцев-конституционалистов. Именно введение в России конституционного режима, по возможности мирными средствами, путем политической борьбы, не исключая опоры на массовое движение, но всеми силами избегая вооруженных схваток, оказывалось теперь в сфере внимания центристских сил. В то же время полностью не отрицалась и возможность вооруженной борьбы за власть, если она будет навязана правительством.

Милюков вспоминал: «Поставить эту специальную задачу перед будущей партией становилось всё более моей личной задачей. К этой цели и направлялась всё более моя деятельность внутри элементов, проявлявших склонность войти в наш будущий партийный состав»^{303}. Своеобразным показателем принадлежности к костяку будущей партии Милюков считал отношение к выборам в Булыгинскую думу: он был убежден в целесообразности участия в них, чтобы потом использовать законосовещательный орган для выработки конституции, то есть превратить его в орган законодательный.

6—8 июля состоялся очередной съезд земцев, на этот раз вместе с представителями городских самоуправлений. Не будучи ни земцем, ни членом городской думы, Милюков формально не имел права участвовать в

съезде, но фактически был одним из руководителей его работы, находясь в совещательной комнате. Перед съездом была образована инициативная группа для определения дальнейших политических шагов. Во избежание возможных упреков Павел Николаевич в нее не вошел. Сложилось почти комическое положение: он руководил заседаниями из соседнего помещения через открытую дверь. Группа рассмотрела, утвердила и представила на утверждение съезда проект «основного закона» — конституции России, который был опубликован в «Русских ведомостях» в день открытия съезда. Проект предусматривал созыв Учредительного собрания на основе всеобщего голосования.

Однако по многим конкретным вопросам среди делегатов существовал широкий разброс мнений. Милюкову не удалось провести решение об участии в выборах в Булыгинскую думу. Разногласия привели к тому, что этот вопрос был перенесен на следующий съезд.

Пока же начала работу «конституционная группа»; поскольку она не обозначалась как земско-городская, Милюков с полным правом вошел в ее состав и фактически возглавил ее. Реально она представляла собой организационный комитет будущего партийного съезда. Определялись структурные части создаваемой партии, главными из которых должны были стать земские организации, Союз освобождения и Союз союзов.

Поскольку руководимый Милюковым Союз союзов имел наиболее энергичную позицию, отстаивая возможность использования в случае крайней необходимости вооруженные средства борьбы, некоторые участники группы возражали против вхождения этой организации в состав учредителей партии. Это вызвало раздраженную реплику Павла Николаевича, кем-то записанную, а затем воспроизведенную в воспоминаниях Милюкова, хорошо передающую его политический настрой: «Если члены нашей группы настолько щекотливо относятся к физическим средствам борьбы, то я боюсь, что наши планы об организации партии... окажутся бесплодными. Ведь трудно рассчитывать на мирное разрешение назревших вопросов государственного переустройства в то время, когда уже кругом происходит революция. Или, может быть, вы при этом рассчитываете на чужую физическую силу, надеясь в душе на известный исход, но не желая лично участвовать в актах физического воздействия? Но ведь это было бы лицемерием, и подобная лицемерная постановка вопроса была бы граждански недобросовестна»^{304}. Страстное выступление Павла Николаевича оказало влияние на участников группы, и вопрос об участии Союза союзов в основании будущей партии был решен.

Тем временем в главных кабинетах империи продолжал

дебатироваться вопрос о характере «народного представительства». Во второй половине июля в Петергофе втайне прошло совещание великих князей, министров и других сановников под председательством царя, на котором обсуждался вопрос о Булыгинской думе. Милюкову стало известно об этом совещании от человека, с которым у него уже давно были почти полностью прерваны связи, — его университетского учителя В. О. Ключевского.

В силу личной близости к царской семье и огромных знаний по отечественной истории Ключевский был приглашен участвовать в этом совещании. Царь и его приближенные не догадывались, что стареющий профессор постепенно склонялся к либеральному образу мышления, с интересом следил за политической карьерой своего бывшего студента, сумел отделить личную обиду от общественных симпатий и, по существу, выполнил роль тайного агента либералов в императорском собрании.

Возвратившись из Петергофа после первого дня совещания, Ключевский через своего сына Бориса передал Милюкову розданные участникам материалы с просьбой помочь сориентироваться в политической обстановке. Обрадованный, что университетский наставник сам проявил инициативу в возобновлении отношений, Павел Николаевич стал ежедневно посещать его по вечерам, с огромным интересом выслушивал «отчеты» о ходе императорского совещания и давал советы касательно поведения на следующий день. Такое общение продолжалось в течение всей недели совещания.

По сведениям Ключевского, в Петергофе шла дискуссия, проводить ли выборы в Булыгинскую думу равным голосованием или по сословиям. Следуя совету Милюкова, Ключевский поддержал тех членов правительства, которые выступали за бессловные выборы. Павел Николаевич, а вслед за ним и Василий Осипович утверждались в мысли, что бессловность соответствует принципу равенства избирателей. Министры же, отстаивавшие этот принцип, руководствовались иными соображениями — они были убеждены, что крестьянство, то есть подавляющая часть населения, послушно проголосует за кандидатов, рекомендованных властями через помещиков и общины.

Шестого августа был обнародован закон о выборах в совещательную Думу, при всех оговорках и недоговоренностях признававший принцип бессловности выборов и фактическое участие в них политических партий^{305}. Это было крупное завоевание революции, еще более упрочившее убежденность Милюкова в необходимости участия в выборах всех прогрессивных сил.

Сам закон Милюков, во многом благодаря Ключевскому, встретил во всеоружии: на следующий день в «Сыне Отечества» появилась обширная статья, где он категорично выступал против бойкота выборов, указывая, что при всех несовершенствах Дума явится новой ареной, на которой впервые в истории России развернется парламентская борьба.

Левые, в первую очередь социал-демократы, жестко атаковали Милюкова, объявляя его пособником самодержавия. Особенно остро выступал Л. Д. Троцкий, первым из социалистов-эмигрантов возвратившийся в Россию и под псевдонимами развернувший печатную пропаганду сразу в нескольких газетах, ориентируя рабочих на углубление революции, подготовку вооруженного восстания. Однако его «Открытое письмо профессору П. Н. Милюкову», распространявшееся социал-демократами в виде листовки^[306], было более умеренным и даже именовало Павла Николаевича «выдающимся историком русской культуры». Автор вопрошал: «Что же делает г. Милюкова вождем той разношерстной коалиции, которая считала себя одно время, а может быть, считает себя и сегодня сильнейшей политической партией России?.. У него нет ни ясного представления о путях революционного развития, ни ясного плана действий. В чем же его сила? Исключительно в том, что он учит свою партию брать революцию измором, отписываться от ее запросов и отсиживаться от ее событий. Парламентарный режим в России неизбежен. В конце концов он установится. Вся задача лишь в том, чтобы с достоинством выждать его установления. В разрешении этой задачи г. Милюков незаменим». При всей полемичности эти заявления свидетельствовали об определенном уважении к либеральному лидеру.

В высших правительственных кругах шла закулисная борьба между сторонниками уступок и репрессий. Последним очень не нравилась позиция Милюкова. Чем именно? Царские власти рассматривали Булыгинскую думу как завершение государственных преобразований в России, тогда как Милюков видел в ней лишь зачаток будущего парламентаризма.

Седьмого августа во время встречи руководителей Союза союзов у Милюкова на станции Удельная (он предусмотрительно сохранил за собой квартиру под Петербургом) дом был окружен полицией, всех собравшихся взяли под стражу и на извозчиках отвезли в тюрьму. На Шпалерной их не приняли, опасаясь, по-видимому, взрыва недовольства в условиях крайнего политического напряжения в столице. Милюков и его товарищи под конвоем пешком отправились по мосту через Неву в Кресты. Там арестантов встретили с почтением, ибо в их числе оказались два статских

советника и три профессора (Милюков, инженеры-путейцы Александр Андреевич Брандт, будущий ректор Санкт-Петербургского университета, и Яков Николаевич Гордеенко). Это было третье, последнее заключение Милюкова, оказавшееся самым непродолжительным.

Месяц, проведенный в Крестах, стал своеобразным отдыхом. Персонал обращался с арестованными уважительно, не исключая, что вскоре кто-то из них станет министром. Обвинения не предъявлялись. Свидания разрешались по первому требованию. Более того, жена приносила Милюкову не только свежие газеты, но и нелегальные листовки. Несколько раз приезжал директор удельнинского дома для умалишенных Тимофеев. По любезному приглашению начальника тюрьмы гость и арестант располагались играть в шахматы в его кабинете.

Павел Николаевич использовал это время для пополнения багажа художественной литературы. Он прочел все сочинения Глеба Успенского, имевшиеся в тюремной библиотеке, и был поражен силой таланта и точностью социологических оценок замечательного писателя. Одолев многотомную эпопею Эмиля Золя о Ругон-Маккарах, он счел, что это — «застоявшееся болото» по сравнению с русским «речным разливом»^{307}.

Милюков не поспевал на очередной съезд земских и городских представительств, назначенный на август. Но обстановка была такова, что организационный комитет принял решение отложить съезд до освобождения Павла Николаевича. Уверенность, что оно произойдет в ближайшее время, была не только в демократических кругах, но и в административной среде. Действительно, Милюков и его товарищи были выпущены из Крестов без единого допроса и предъявления обвинения. Революция продолжалась, и освобождение либеральных деятелей из-под стражи было ее побочным проявлением.

М. М. Ковалевский полагал, что Милюкова освободили по ходатайству британского журналиста Уильяма Стеда, находившегося тогда в Петербурге и освещавшего в лондонской прессе драматические события в России^{308}. Возможно, заступничество англичанина сыграло какую-то роль, с учетом того, что уже сформировался блок Великобритании, Франции и России, известный под названием Антанта. Но главная причина освобождения состояла в самом ходе революции.

К сентябрю 1905 года и либеральные представители земских и городских органов, и Союз освобождения пришли к выводу о необходимости образования партии, которая находилась бы в центре политического спектра. Состоявшийся в Москве 23–25 августа IV съезд

Союза освобождения поставил задачу перехода «от тактики тайного общества к тактике открытой политической партии в европейском смысле слова». Делегаты съезда выступили против бойкота законосовещательной Думы и решили присоединиться к комиссии, созданной Союзом земцев-конституционалистов для образования партии, с целью участия в выборах.

П. Н. Милюков в воспоминаниях несколько неточно трактовал тактические изменения, которые Союз освобождения утвердил на августовском съезде. Полагая, что между земским движением и Союзом союзов, с одной стороны, и Союзом освобождения, с другой, не было программных, но сохранялись тактические разногласия по отношению к Булыгинской думе, он игнорировал факт отказа «освобожденцев» от тактики бойкота^{309}. При всем стремлении историка-профессионала к объективности оценок он никак не мог избавиться от подчеркивания своей роли, считал, что именно он занимал наиболее конструктивную позицию, призывая участвовать в выборах.

Съезд земских и городских организаций состоялся после выхода Милюкова из тюрьмы, 12–15 сентября. Избранный в бюро съезда, Павел Николаевич руководил его работой. На заседаниях впервые четко проявились разногласия между Милюковым, за которым следовали большинство делегатов (примерно 150 человек), и А. И. Гучковым, возглавившим правую группу (около сорока делегатов). Разногласия касались главным образом национального вопроса. Подготовленный Кокошкиным при участии Милюкова проект резолюции предусматривал автономию Польши в составе империи и меры по «децентрализации» России. Несмотря на то что положение о децентрализации сопровождалось всевозможными оговорками, группа Гучкова решительно высказалась против него, а заодно и против польской автономии. Вопрос, на какую Россию брать курс — единую и неделимую или федеративную, с широкими правами регионов, не обязательно связанных с определенным национальным меньшинством, — стал камнем преткновения, предпосылкой образования не одной, а двух центристских партий — более левой, руководимой Милюковым, и более правой во главе с Гучковым.

По главному вопросу разногласия на съезде не проявились. В резолюции, основным автором которой был Милюков, указывалось, что при безусловно отрицательном отношении к Булыгинской думе ввиду крайней ограниченности ее прав необходимо участие в выборах и в работе этого органа. «Сплоченная группа единомышленников», добившись избрания в Думу, должна была «служить средоточием и точкой опоры для общественного движения». Одновременно ставилась цель добиться

«гарантий личной и общественной свободы и правильного народного представительства»^{310}.

Съезд избрал Центральный избирательный комитет, куда вошел и Милюков. Предполагалось, что этот орган создаст свои ответвления на местах и будет добиваться максимального представительства в Думе оппозиционных элементов разного рода. Однако было ясно, что социалистические партии представлены не будут, поскольку они объявили о бойкоте выборов.

Но события развивались по совсем другому сценарию. Еще весной 1905 года большевики на своем съезде и меньшевики на конференции взяли курс на подготовку всеобщей экономической стачки, которая должна была приобрести политические черты путем выдвижения лозунгов против самодержавия. К забастовке печатников, начавшейся 19 сентября, вскоре присоединились московские рабочие других профессий. В начале октября они образовали Советы уполномоченных. Забастовку поддержали железнодорожники и промышленные рабочие других городов. Хотя стачка, вопреки утверждению большевиков, не стала всеобщей, в ней участвовало около двух миллионов человек. Власти были уже не в силах разогнать сопровождавшие ее митинги и демонстрации. Звучали лозунги вооруженного восстания, свержения царского правительства, создания демократической республики, явочным порядком вводились демократические свободы.

В октябре в Петербурге, а затем в ряде других городов были образованы Советы рабочих депутатов. Во многих случаях осуществлялась тактика левого блока — к стачечным комитетам, а иногда и к Советам присоединялись либералы, которые, поддерживая лозунги демократизации страны, расширения рабочего законодательства и даже введения восьмичасового рабочего дня, предостерегали против кровавой резни, которой должно было обернуться вооруженное восстание. В этих условиях объявленная еще летом автономия высших учебных заведений привела к тому, что актовые залы и аудитории университетов, технологических институтов и других учебных заведений стали местом собраний и митингов, в которых участвовали отнюдь не только студенты. Вопрос о законосовещательной Думе отодвинулся на задний план.

Учредительный съезд партии общедемократического характера был назначен на 12 октября. По мере приближения этой даты сама возможность проведения полноценного съезда становилась сомнительной — забастовка на железных дорогах не давала возможности большей части делегатов своевременно прибыть в Москву. Тем не менее Милюков и его коллеги по

организационному бюро решили не откладывать съезд, так как в создавшейся бурной революционной атмосфере наилучшим образом выразить позицию либеральных сил могла уже сформированная партия.

Открыть съезд и произнести вступительное слово бюро поручило Милюкову. К этому времени он фактически уже сложился как политический лидер, но теперь речь шла об официальном признании его руководящей роли в создававшейся партии. Павел Николаевич тщательно обдумывал свою речь — его убеждения должны были превратиться в партийный курс.

Он решил предложить назвать партию конституционно-демократической. При этом, однако, сразу же намечались два исключительно важных ограничения. Во-первых, конституционная партия отнюдь не обязательно являлась бы республиканской, ибо опыт западного государственного строительства, в частности британский, показывал возможность прогрессивного развития страны в условиях конституционной монархии. Второе ограничение, поставленное для себя Милюковым: демократическая партия не будет ставить задачу социалистического преобразования общества.

Съезд начал работу в назначенный день, и Милюков открыл его обстоятельной речью, главным содержанием которой было обозначение партийных границ. Установить границу справа было достаточно просто: от организаций крупных промышленников и аграриев следовало решительно отмежеваться. Сложнее было определить границу слева, где, еще наивно полагал Милюков, находились «не противники, а союзники». Он вполне допускал возможность того самого «левого фронта», который на практике возник в ходе массовой октябрьской стачки: «...одни из нас не присоединяются [к лозунгам демократической республики и обобществления средств производства], потому что считают их вообще неприемлемыми. Другие — потому, что считают их стоящими вне пределов практической политики... До тех пор, пока возможно будет идти к общей цели вместе, несмотря на это общее различие мотивов, обе группы партии будут выступать как одно целое. Всякая же попытка подчеркнуть только что указанные стремления и ввести их в программу будет иметь последствием немедленный раскол». Милюков призывал делегатов «проявить политическую дальновидность и благоразумие», подчеркивал, что создаваемая партия в любом случае окажется на левом фланге общедемократических сил Европы; в России же это будет «первая попытка превратить интеллигентские идеалы в осуществимые практические требования...»^{311}.

Хотя в этой речи и проявились малореалистичные мечтания, Павел Николаевич всё же совсем не исключал, что в условиях крайнего напряжения общественных сил в России такой сдержанный характер программы новой партии может быть не оценен по достоинству, но найдет одобрение потомков.

По воспоминаниям Милюкова, прения на съезде проходили спокойно. Результатом было принятие разносторонней программы^{312}. Социальные требования, по поводу которых Павел Николаевич ожидал бурных дискуссий, были утверждены полностью, включая законодательное ограничение рабочего дня восемью часами (впрочем, последнее требование сопровождалось оговоркой, что такая «рабочая норма» будет установлена лишь на тех производствах, где она «в настоящее время возможна»). Предусматривалось введение страхования работников от болезни, несчастных случаев и профессиональных заболеваний с отнесением расходов на счет предпринимателей. Поддерживались предложения о введении государственного страхования по старости и нетрудоспособности для всех лиц, живущих личным трудом, о развитии охраны труда женщин и детей, установлении мер охраны труда на вредных производствах.

Была выдвинута идея пересмотра расходных статей государственного бюджета в целях снижения издержек и соответствующего увеличения затрат на нужды народа. Предполагались реформа налогообложения путем введения прогрессивных подоходного, поимущественного налогов и налога на наследство, удешевление предметов народного потребления.

По аграрному вопросу выдвигалось требование скорейшего очищения России от пережитков крепостничества. Радикально звучало предложение о принудительном отчуждении за справедливое вознаграждение той части помещичьих земель, которые обрабатывались на основе полукрепостнической отработочной системы или сдавались крестьянам в кабальную аренду. Такие земли предлагалось передавать в государственный земельный фонд с последующим распределением среди нуждающегося населения с учетом особенностей землевладения. Партия, однако, решительно высказалась против национализации земли, видя в ней фактическую «монополию властных структур».

Предполагалось реорганизовать народное просвещение на основе свободы, демократизации и децентрализации, снятия сословных ограничений; ввести бесплатное всеобщее обязательное обучение в начальной школе; открывать «элементарные школы для взрослых», народные библиотеки и народные университеты; развивать профессиональное обучение. Содержание программы Конституционно-

демократической партии показывает, что ее авторы отчетливо осознавали взаимосвязь развития капитализма с гибкой социальной политикой, демократизацией общества^{313}. Остается добавить, что главным автором программы был Милюков.

В связи с тем, что по поводу политического будущего России высказывались различные мнения, Милюков предложил не формулировать в программе вопрос о государственном строе, а также о конфигурации высшего органа государственной власти — будет это однопалатный или двухпалатный парламент. Оба предложения были в конце концов полностью поддержаны делегатами, хотя в прениях высказывались недоумения по поводу неопределенности в этом исключительно важном вопросе.

И всё же программа не могла не коснуться проблем государственного строительства. Предусматривалось разделение власти по схеме, впервые выдвинутой Шарлем Монтескье и принятой во многих странах. В кадетской программе говорилось: «Министры ответственны перед собранием народных представителей».

Вопрос о третьей, судебной власти был важен^{314} в силу нескольких причин: во-первых, либералы были поборниками правового государства; во-вторых, значительная часть их лидеров были юристами. Ряд положений, нацеленных на построение правового государства, фигурировал в первом разделе программы. В противовес полицейскому произволу выдвигалось требование: «...никто не может быть подвергнут преследованию и наказанию иначе, как на основании закона». Кадеты считали необходимыми отмену «безусловно и навсегда» смертной казни, введение условного осуждения и защиты на предварительном следствии.

С оттенком иронии Милюков писал в воспоминаниях, что неожиданная буря разыгралась только между ним и его супругой, активно участвовавшей в съезде и даже являвшейся товарищем председателя одного из заседаний^{315}. Анна Сергеевна, ставшая к тому времени активной деятельницей феминистского движения, была возмущена, что в проекте программы ничего не говорилось об избирательных правах женщин. Победа досталась супруге. Милюков вспоминал: «Тщетно я убеждал съезд, что программа и без того перегружена, что груз может пойти ко дну, а вопрос не имеет характера актуальности... Несмотря на поддержку бюро, я остался в меньшинстве»^{316}. На самом деле причины сопротивления Павла Николаевича включению в программу положения о равноправии женщин носили иной характер — он опасался, что этот пункт будет чужд

консервативным настроениям крестьянства, которое окажет сопротивление принятию соответствующего закона, а это, в свою очередь, затруднит привлечение крестьян на сторону его партии^{317}.

А. В. Тыркова-Вильямс, также активно работавшая в новой партии, комментировала стычку Милюкова с женой со своеобразной «дамской» точки зрения: «Может быть, отчасти потому, что как большой любитель женского общества он боялся, что политические будни помрачат их женское обаяние»^{318}. По всей видимости, Тыркова, сама очаровательная представительница слабого пола, к тому же весьма острая на язык, знала, о чем писала. Ее слова чуть-чуть приподнимают завесу над той стороной жизни Милюкова, которую он усиленно скрывал от внешнего мира.

Тыркова выступила на съезде с пламенной речью в защиту предложения Анны Сергеевны. Она вспоминала: «Вслед за мной взошла на кафедру А. С. Милюкова. Она сияла от удовольствия, что нашла такую единомышленницу, что съезд дружными рукоплесканиями выразил поддержку моим мыслям, которые были и ей близки, дороги... Павел Николаевич слушал, слегка улыбаясь. И члены съезда не могли удержать улыбок, наблюдая этот поединок между мужем и женой»^{319}. В любом случае для супруги Милюкова, ставшего видным политическим деятелем, одержать победу над ним было особенно важно.

Анна Сергеевна относилась к тем русским женщинам, о которых видный член партии кадетов Е. Д. Кускова через много лет писала: «...в особом роде суфражизма не нуждаются. Своим трудом неустанным, своей борьбой за просвещение и свободу она стала равна мужчине и в семье, и в делах милосердия, и на эшафоте»^{320}.

Незадолго перед съездом Анна Милюкова стала одной из основательниц Всероссийского союза равноправия женщин^{321}, вошедшего в состав Союза союзов, а последний, в свою очередь, направил Анну Сергеевну на учредительный съезд Конституционно-демократической партии. Выступления на съезде, а затем и победа в вопросе о политическом равноправии женщин закрепили самостоятельность А. С. Милюковой, которая, внешне сохраняя семейные связи, постепенно отдалялась от супруга, ибо он, став политиком, приобретал новые и с точки зрения обычных людей не очень приятные черты. За политическую карьеру приходилось платить высокую цену. Он не превратился в фанатика в полном смысле слова, был готов в случае необходимости идти на компромиссы, но становился всё эгоистичнее в том смысле, что начинал оценивать те или иные действия с точки зрения

соответствия их своим политическим задачам. Более того, он всё сильнее глушил личные чувства, семейные привязанности.

Анна Сергеевна же, включившись в общественную деятельность, в борьбу за женское равноправие, обращала внимание на новые стороны жизни крупных городов. Она стала активной пропагандисткой искоренения проституции, а в апреле 1910 года даже выступила с докладом по этому вопросу на I Всероссийском съезде по борьбе с торговлей женщинами и ее причинами^{322}.

Уже в дни съезда новую партию стали в печати называть партией к.-д., а вслед за этим превратили аббревиатуру в два слога — каде и, наконец, в кадетов.

Наряду с программой важнейшим съездовским вопросом было обсуждение партийной тактики. Хотя в условиях разраставшейся забастовки, собраний и митингов оппозиционеров и революционеров о Булыгинской думе вспоминали всё реже, она пока оставалась единственным предполагаемым представительным органом. Именно определению отношения к ней намечалось посвятить доклад о тактике, с которым должен был выступить Милюков.

По Москве ходили слухи, что правительство намерено отказаться от созыва законосовещательной Думы, неофициальные сведения на этот счет поступали из столицы. Сообразуясь с поступавшей неопределенной информацией, Павел Николаевич дважды переделывал тезисы доклада. Наконец его решили заслушать на заключительном заседании 18 октября, чтобы не проводить развернутые прения, а поручить партийному руководству действовать в соответствии с развитием событий.

Но едва Милюков открыл заседание, в зал вбежал один из делегатов, потрясая корректурой еще не вышедшего номера какой-то газеты, где был опубликован датированный предыдущим числом высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка. Заседание началось с чтения манифеста, написанного, как позже выяснилось, С. Ю. Витте.

Главным положением манифеста было учреждение законодательного органа — Государственной думы, которой передавалась часть высшей власти в стране (при сохранении основной власти в руках императора). Таким образом, учреждался парламент, без одобрения которого законодательство не вступало в силу. В то же время за императором сохранялись право роспуска Думы и возможность отменять ее решения. Манифест провозглашал политические права и свободы слова, совести, собраний и союзов. Предусматривалось внесение изменений в Основные законы империи. По сути, Россия превращалась в конституционную

монархию, хотя и с весьма ограниченными правами парламента и сохранением за императором не только исполнительной, но и значительной части законодательной власти^{323}.

Царский манифест, по словам Милюкова, произвел на него и других делегатов съезда двойственное, но в целом неудовлетворительное впечатление. Особенно настораживали слова преамбулы о том, что «смуты и волнения... переполняют сердце царево тяжкой скорбью» и что будут приняты меры «к скорейшему прекращению опасной смуты». Понимать их можно было по-разному — от дальнейших шагов навстречу требованиям оппозиционных сил до кровавого подавления «смуты», под которой подразумевалось всё что угодно — от крестьянских бунтов и вооруженных восстаний в городах до смиренного собрания с верноподданническими просьбами.

В этих условиях Милюков, по собственным воспоминаниям, не касаясь содержания манифеста (по поводу отношения к нему еще необходимо было советоваться и определять свою позицию), торжественно провозгласил создание Конституционно-демократической партии и огласил наспех набросанное приветствие, обращенное к участникам «грозного рабочего забастовочного движения», которое рассматривалось в качестве мирного и организованного метода борьбы^{324}. При этом участники съезда, включая его председателя, выражали уверенность, что именно октябрьская стачка явилась главным событием, вынудившим императора объявить о введении ряда неотъемлемых свобод и созыве законодательного парламента.

Судя по воспоминаниям участников съезда, Милюков в заключительной речи скептически оценил царский манифест, отметив неопределенность и неконкретность выражений, и выразил сомнение в возможности осуществления его положений при сложившихся условиях. Он вновь потребовал отмены исключительных законов, созыва Учредительного собрания для выработки конституции и освобождения политических узников, что и было зафиксировано в заключительной резолюции^{325}.

Съезд завершился избранием Центрального комитета, причем было объявлено, что новые деятели могут быть включены в него без выборов, путем кооптации.

После закрытия съезда его участники отправились на банкет, организованный Литературным кружком, которому покровительствовала (и, естественно, частично финансировала) М. К. Морозова. Милюков

оказался героем дня. Его подняли на руки, водрузили на стол. Уже не очень трезвые участники этого собрания откупоривали всё новые бутылки шампанского, требуя от Павла Николаевича произнести речь, соответствовавшую торжественному моменту.

Настроение Милюкова было, однако, далеко не праздничным. Он решил не поддаваться общему настроению присутствовавших и, образно говоря, «вылил на их головы ушат холодной воды»^{326}. Опубликована речь не была, но смысл ее оратор запомнил хорошо. Он соглашался, что одержана победа, но заявлял, что необходимо продолжать энергично действовать, чтобы закрепить ее результаты, «нельзя покидать боевого поста». Закончил он словами: «Ничего не изменилось, война продолжается». Павел Николаевич полагал, что такое окончание речи было встречено довольно прохладно.

И всё же фактическому лидеру новой партии удалось настроить на деловой лад наиболее авторитетных ее членов. Здесь же, в верхней комнате помещения Литературного кружка, было проведено совещание, на котором Милюков попытался проанализировать текст и подтекст манифеста^{327}.

В основном, правда, ставились вопросы, чтобы дать на них ответ в будущем. Но сама их постановка (а их набралось более десятка) уже предопределяла способ поведения кадетской партии. Почему осуществление даваемых в настоящем времени обещаний предоставляется кабинету министров в будущем? Почему «новые элементы населения» будут привлекаться к выборам «по возможности»? Почему говорится не об издании, а об одобрении Думой законов? Какова будет роль Государственного совета, до сих пор являвшегося совещательным органом, членов которого назначал и увольнял император (к этому времени в него входило 90 человек) — станет ли он второй палатой парламента? Эти и многие другие вопросы подчеркивали, как полагал Милюков, двусмысленность обещаний манифеста.

Формирование структуры

и политической линии кадетов

Дать ответы на поставленные вопросы, определить политическую линию новой партии — первой в России открыто провозглашенной оппозиционной политической организации — можно было, только созвав

новый съезд. Это было тем более необходимо, что часть делегатов учредительного съезда так и не смогла вовремя добраться до Москвы.

Требовалось закрепить структуры новой партии, которую Милюков рассматривал как организацию централизованную, действующую под руководством центральных органов. Ему не нравились критические отзывы о его «вождизме» — их давал, в частности, язвительный М. М. Ковалевский, также ставший кадетом^{328}.

О том, что предстоит напряженная борьба и переход к демократии займет немало лет, что ни в коем случае нельзя идеализировать абстрактный «народ», которым могут манипулировать самые различные, в том числе крайне реакционные силы, ему напомнила встреча, состоявшаяся на следующий день после окончания съезда. Выйдя к Никитским воротам, Милюков натолкнулся на шествие «охотнорядцев», которых обхаживали деятели черносотенных организаций, призывая к защите батюшки-царя, к борьбе против «инородцев» и «скубентов», несших гибель России. «Охотнорядцы» несли портрет императора и иконы и исправно сбивали шапки с тех, кто сам не обнажил голову. Чтобы не оказаться в унижительном положении, Павел Николаевич свернул в переулок.

В ближайшие недели стало разворачиваться некое подобие политической деятельности. Назначенный в октябре 1905 года на вновь учрежденный пост председателя Совета Сергей Юльевич Витте, автор манифеста 17 октября и прилагаемой к нему обширной докладной записки, стремился умиротворить страну путем проведения частичных реформ и, главное, образования авторитетного правительства.

Витте активно содействовал созданию вслед за партией кадетов еще одной партии, стоявшей справа от нее, но отстаивавшей конституционное устройство, — Союза 17 октября во главе с Александром Ивановичем Гучковым, окончившим, как и Милюков, историко-филологический факультет Московского университета, учившимся в Западной Европе, участвовавшим в работе российских административных органов и состоявшим в правлениях частных предприятий. Гучков был в известной мере авантюрист, человек риска. Ему не сиделось на месте — он участвовал в 1899 году в Англо-бурской войне на стороне буров, а затем в национально-освободительной борьбе болгар Македонии. Возвратившись на родину, Гучков активно включился в земские кампании 1905 года. Именно он инициировал создание Союза 17 октября, а 29 октября был избран его председателем. В конце месяца Витте предложил Гучкову возглавить Министерство торговли и промышленности, но тот отказался войти в правительство.

Попытки правительственных комбинаций, предпринимаемые Витте для успокоения страны, распространились и на деятелей кадетской партии, хотя ее лидеру министерский пост не предлагался — Витте и другие лица из царского окружения считали его слишком самостоятельным и неуправляемым. Пост министра юстиции был предложен профессору юридического факультета Московского университета, члену Центрального комитета партии С. А. Муромцеву, И. И. Петрункевич намечался в министры внутренних дел, а князь Г. Е. Львов — в министры земледелия. Однако переговоры делегации кадетов с Витте закончились неудачей, так как премьер не принял их условие — проведение всеобщих выборов в Учредительное собрание с целью выработки конституции. В срыве переговоров Витте обвинил кадетов, заявив, что те не желают содействовать власти в осуществлении начал манифеста и охране порядка^{329}.

Милюков вспоминал, что чуть позже включился в обсуждение вопроса о возможном участии кадетов в правительственной коалиции. Речь шла о кандидатуре философа и правоведа Евгения Николаевича Трубецкого на должность министра народного просвещения. Трубецкой был склонен принять предложение Витте, однако руководство кадетской партии в лице Милюкова категорически отвергло его намерение исходя из общей принципиальной линии на участие в правительстве только в случае согласия царской администрации на созыв Учредительного собрания. «Милюков, идеолог всего кадетского движения, не знал действия, не оправдываемого принципом», — констатировала в воспоминаниях жена одного из лидеров партии Р. Г. Винавер^{330}.

В начале ноября состоялась встреча Милюкова с главой правительства. Витте пригласил его не для того, чтобы предложить какой-либо пост — в этом вопросе их пути уже полностью разошлись. Главу правительства интересовала оценка первым лицом оппозиции положения в стране. Павел Николаевич же считал Витте человеком огромного самомнения и упрямства, но в то же время видел в нем наиболее крупного российского государственного деятеля того времени^{331}.

Разговор в Зимнем дворце начался с вопроса Витте, почему с ним не хотят сотрудничать русские общественные деятели. Милюков ответил, что ему не верят. «Что же делать, чтобы поверили?» Лидер оппозиции ответил, что надо не ограничиваться обещаниями, а немедленно приступить к их выполнению. Тут же было высказано конкретное предложение — подобрать серьезных и не дискредитированных в общественном мнении

специалистов и назначить их товарищами (заместителями) министров, фактически исполняющими обязанности руководителей ведомств, образовав таким образом «деловой кабинет», который немедленно приступил бы к конкретизации положений царского манифеста, подготовил соответствующие законоположения, дающие возможность начать глубокие политические и социальные преобразования.

Казалось, что Витте одобрил предложения Милюкова. «Вот, наконец, я слышу первое здоровое слово!» — воскликнул он. Однако в ходе дальнейшей беседы выяснилось, что под «деловым кабинетом» собеседники имели в виду совершенно разные вещи. Милюков полагал, что главная задача «делового кабинета» состояла в подготовке законодательства, направленного на созыв Учредительного собрания. Но главное — необходимо было дать понять обществу, что Россия вступает на путь строительства конституционной монархии. Витте же утверждал, что русский народ не желает конституции, поскольку крестьяне, подавляющее большинство населения, традиционно связаны с российской монархией. Из дальнейшего разговора выяснилось, однако, что главной причиной уклончивого поведения главы правительства был решительный настрой Николая II против введения конституционного режима. Встреча закончилась без практических результатов, хотя и была весьма важна для выяснения позиций. Милюков перед уходом заявил: «Тогда нам бесполезно разговаривать. Я не могу подать вам никакого дельного совета».

Впоследствии Милюкова не раз упрекали, что он вел беседу с Витте слишком компромиссно, не выдвинул во всей полноте программные требования своей партии. Павел Николаевич отвечал, что партия кадетов в его лице не была в состоянии при аудиенции с высшим царским администратором выдвигать свои принципиальные установки в качестве текущих «советов» — это можно было бы сделать только в случае, если бы за ней стояла мощная массовая поддержка. Однако на народные низы партия кадетов опереться не могла — в этой среде шла ожесточенная конкуренция революционных социал-демократов и крайних монархистов. Кадеты рассчитывали действовать в основном мирными средствами и прибегать к опоре на массовые, тем более революционные движения были готовы только в крайнем случае^[332]. Иногда они повторяли строки из «Энеиды» Вергилия: «Flectere si nequeo superos Acheronta movebo» — «Если небесных богов не склоню, Ахеронт всколыхну я». Под Ахеронтом, рекой подземного мира, подразумевались революционные народные низы. В легальной печати слово «Ахеронт» в этом смысле употреблялось довольно часто. К примеру, Милюков писал: «Но присяжные пловцы по

Ахерон-ту преследовали собственные цели. И вопрос о сотрудничестве с ними, — хотя я и продолжал считать это сотрудничество залогом нашего общего успеха, — оставался для меня открытым»^{333}.

«Левый фронт» в России создать не удалось. Конфронтация продолжалась, и левоцентристская партия кадетов, при всем ее авторитете и политическом влиянии, оставалась преимущественно интеллигентской, не способной повести за собой большинство населения. Собственно говоря, никакие сколько-нибудь энергичные попытки в этом направлении и не предпринимались. Кадетам суждено было остаться традиционной партией парламентского толка, хотя Милюков, а за ним и другие ее лидеры не раз говорили о необходимости массовой поддержки.

Такую поддержку кадеты могли получить, действуя либо в союзе с социал-демократами, стремившимися, по словам Милюкова, стать «монополистами пролетариата»^{334}, либо в острой конфронтации с ними. От второго варианта Милюков отказывался по принципиальным соображениям. Первого же не удалось достичь, так как даже наиболее умеренные из социалистов, правые меньшевики, рассматривали кадетов не как общедемократическую партию, а с узкоклассовых позиций — как силу, опирающуюся на торгово-промышленную буржуазию.

В первой половине 1905 года Милюков не был в курсе острой борьбы внутри Социал-демократической партии, развернувшейся по инициативе ее крайнего крыла, созданного В. И. Лениным, который возглавил фракцию большевиков, образовавшуюся в 1903 году, и стал инициатором ее съезда в мае 1905 года в Лондоне. Лишь в середине года, когда появилась брошюра Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», Павлу Николаевичу стала более или менее ясна опасность ленинского максимализма, или «якобинизма», как он и другие центристы именовали этот курс.

Однако, не очень вникая в догматические и тактические нюансы, Милюков не видел, в частности, различий между курсом Ленина на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, которое должно было занять сравнительно длительный промежуток времени, и концепцией «перманентной революции» Л. Д. Троцкого, для которого оба этапа революции сливались в единое целое. В любом случае Милюков не понимал в должной степени и политически недооценивал роль радикального фланга в социал-демократии даже во время вооруженных восстаний в Москве и нескольких других городах, организованных большевиками совместно с боевиками-эсерами в декабре 1905 года.

Значительно больше его беспокоил выход из его собственной партии отдельных членов и даже целых групп, в частности бывших членов Союза освобождения, которые присоединились к партии на учредительном съезде, но, поразмыслив, сочли образование либеральной политической структуры преждевременным. В значительной степени группы недовольных возникли в связи с тем, что сам учредительный съезд не был полноценным, проходил в отсутствие значительной части делегатов из-за паралича железных дорог. Провинциальные делегаты, не поспевшие на съезд, подчас считали, что провозглашение партии было навязано Милюковым, стремившимся в министры. Упреки раздавались и справа, и слева. Одни требовали, чтобы партия заняла позицию конструктивного сотрудничества с правительством, другие возражали, настаивая на дополнении парламентской тактики революционной программой.

Милюков и здесь занимал центристскую позицию. Он организовал несколько совещаний, на которых разъяснял разного рода критикам и собственные взгляды, и официальный партийный курс.

Об одном из таких совещаний, проходившем в квартире товарища председателя партии Владимира Дмитриевича Набокова, рассказал И. В. Гессен^[335]. Впоследствии он убеждал Милюкова, являвшегося докладчиком на этом собрании, что его роль «средостения между партией и обществом» была в то время уже общепризнанной. Не соглашаясь с тем, что он стал «средостением», Павел Николаевич, однако, признавался, что прилагал все силы, чтобы была сформирована самостоятельная, ни от кого не зависящая конституционная партия, которая могла бы играть достойную роль в будущем парламентском представительстве.

В это время Набоков, как и Гессен, был наиболее близким к Милюкову кадетским деятелем. Он оказался, видимо, самым «родовитым» партийцем, так как являлся сыном бывшего министра юстиции, профессором права Императорского училища правоведения и имел ряд опубликованных трудов. Он печатался в журнале «Освобождение» с момента его основания, выступил одним из учредителей партии кадетов и по предложению Милюкова занял пост товарища председателя ее Центрального комитета.

Перипетии на пике революции

В Конституционно-демократическую партию, по оценке современных специалистов, «входил цвет русской интеллигенции, часть либерально настроенных помещиков, средней городской буржуазии, служащие,

учителя, врачи, приказчики»: «Социальный состав кадетов претерпевал изменения в зависимости от конкретной политической ситуации. В период революции 1905–1907 гг. в местных партийных организациях было достаточно много представителей «социальных низов»: рабочих, ремесленников, служащих, а в сельских — крестьян»^{336}.

Милюкову и его соратникам приходилось считаться с быстрой сменой ситуации и идти на такие компромиссы, которые подчас даже противоречили их принципиальным установкам на углубление революционного процесса без пролития крови. В таких условиях придерживаться вполне определенной, тем более догматической линии было невозможно. Лозунг вооруженного восстания был настолько популярен, что, осуждая его в принципе, Милюков, чтобы не прослыть реакционером, подчас вынужден был закрывать глаза на такого рода агитацию. Он вспоминал одно из собраний в зале Вольного экономического общества, на которое собралась вроде бы степенная публика. По залу передавался некий солидный головной убор. Получив его, Милюков обнаружил в нем некоторую сумму денег и записку: «На вооруженное] в[осстание]». Не пожертвовав денег, Павел Николаевич всё же передал его дальше. Он писал по этому поводу: «Президиум из октябриста, кадета и социал-революционера выразил свое отношение к лозунгу по-разному, но в общем чем-то вроде дружественного нейтралитета»^{337}.

Важная роль в дальнейшем оформлении партии кадетов, в разъяснении ее политических позиций должна была принадлежать партийной прессе.

Революция всё еще находилась на подъеме, растерянные гражданские власти вмешивались в события в минимальной степени, военные были целиком заняты отпором повстанческим действиям, цензура фактически не действовала, и печатные органы различного толка возникали один за другим. В этих условиях владелец трех газет (утренней, вечерней и провинциальной) под общим названием «Биржевые ведомости» Станислав Максимилианович Проппер, ранее занимавший умеренно либеральную позицию, решился на довольно смелый шаг — передал в распоряжение кадетов самую популярную и высокотиражную газету — утренние «Биржевые новости». По решению ЦК ее сразу же переименовали — сначала в «Свободный народ», а потом в «Народную свободу»^{338}.

Как сообщалось в первом номере, «с 1 декабря в Санкт-Петербурге выходит большая политическая и литературная газета «Свободный народ», издаваемая С. М. Проппером при постоянном участии многих деятелей

конституционно-демократической партии под редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена»^{339}. Не был объявлен еще один постоянный сотрудник газеты — Максим Ипполитович Ганфман, профессиональный журналист, мастер репортажа и организации прессы. Через много лет по поводу его шестидесятилетия Милюков писал: «Из нас только Ганфман был настоящим газетчиком, знал досконально весь газетный и журнальный мир — не только с лица, но и с изнанки, — будучи в то же время скрупулезно верным демократом и кристально честным человеком. Он был для нас незаменим. Имел собственные убеждения, более левые, чем наши. Он намеренно отходил в тень, уступая место для нашей, тогда уже партийной, проповеди»^{340}.

Милюков считал Ганфмана своим учителем в журналистике, которая с этого времени начала становиться его профессией. В его воспоминаниях говорится: «Это была тяжелая школа, но она послужила для меня посвящением в журналисты; это третье звание прибавилось к прошлым двум, историка и политика»^{341}. Действительно, в первые дни выпуска газеты Павел занимался и набором, и версткой, и корректурой, не говоря уже о том, что по очереди с Гессеном, а иногда и Ганфманом писал передовые статьи и по мере необходимости заполнял пустые места репликами по поводу материалов, помещенных в других изданиях, или краткими заметками на текущие темы.

Газета выходила всего два дня. В первом же номере появился материал Гессена (написанный фактически совместно с Милюковым) «Министерство графа Витте», где сурово осуждалась деятельность правительства. В статье говорилось: «Умиравший режим одинаково бессилён в своих попытках реформы. Мы пережили банкротство системы Плеве; мы переживаем банкротство системы Витте. И та и другая системы сослужили революции хорошую службу: они довершили дезорганизацию «обреченного» режима, приблизили час неминуемой и роковой расплаты... России нужны иные люди, Россию спасут иные силы». В качестве приложения к номеру продавалась программа партии кадетов, утвержденная учредительным съездом.

Во втором номере был опубликован написанный Л. Д. Троцким финансовый манифест Петербургского совета рабочих депутатов, предрекавший финансовое банкротство царизма и призывавший отказываться от уплаты налогов, изымать вклады из банков и т. п.^{342}

Это было уже слишком! Власти перешли в контрнаступление. 2 декабря были опубликованы правила наказаний за участие в забастовках, а

вслед за этим объявлено о закрытии всех газет, опубликовавших финансовый манифест, в том числе и «Свободного народа».

Но всего через две недели начала выходить новая кадетская газета, в названии которой лишь изменился порядок слов, но были та же редакция и сотрудники. 9 декабря в «Народной свободе» появилась передовая статья Милюкова о Московском вооруженном восстании. При ее подготовке автор оказался в нелегком положении: не отвергая в принципе восстания как средства борьбы, был вынужден констатировать обреченность изолированного вооруженного выступления (в других городах они были еще слабее и еще легче подавлены). Вот как определял Милюков свою личную позицию, которая воспринималась позицией его партии: «Мы хорошо понимаем и вполне признаём верховное право революции как фактора, создающего грядущее право в открытой борьбе с историческим правом отжившего уже ныне политического строя. Но мы не обоготворяем революции, не делаем из нее фетиша и также хорошо помним, что революция есть только метод, способ борьбы, а не цель сама по себе. Этот метод... плох, если он вредит тому делу, которому хочет служить. И цели, и приемы русского революционного движения должны быть предметом серьезной и независимой общественной критики».

Милюков был крайне осторожен в оценках. Он полагал, что организаторы восстания переоценивают свои силы, и был убежден, что само вооруженное антиправительственное выступление носит авантюрный характер: за «игрушечными сооружениями», которые называли громким словом «баррикады», удержаться против регулярных воинских частей невозможно (позже Павел Николаевич с горечью вспоминал, что подавление восстания привело к разрушению целого квартала и гибели сотен случайных прохожих, «попавших под такой же случайный обстрел»). Он признавал, что Московское восстание, «легкомысленно затеянное и заранее проигранное, проложило между нами (кадетами и революционными социал-демократами. — Г. Ч., Л. Д.) непроходимую грань»^{343}.

В результате синусоида революции, повернувшись вниз, повлекла за собой закрытие «Народной свободы»^{344}. После долгих и нелегких переговоров Проппер аннулировал договор с кадетами и восстановил издание утренней «Биржевки».

Тем не менее название «Народная свобода» неожиданно осталось в истории: по первому печатному органу кадетов стали именовать партией народной свободы, а затем, начиная со II съезда, это словосочетание

закрепилось в партийных документах в качестве второго наименования партии.

А. В. Тыркова-Вильямс трактует двойное название партии следующим образом: «Это была выдумка горожан, потерявших чутье к русскому слову или никогда его не имевших. Во всяком случае с таким громоздким нерусским названием «подойти к массам» было нелегко. Магия слова многое значит, не только в поэзии, но и в политике. Правда, название «партия народной свободы» всё-таки как-то самочинно сохранялось, иногда употреблялось, а длинное нерусское название скоро было в упрощенном порядке сокращено»^{345}.

Период конца 1905-го — начала 1906 года ознаменовался становлением в России партийно-политической системы, происходившим явочным порядком. Никакого законодательства о партиях не существовало. Формально все партии были нелегальными (они еще не прошли регистрацию, которую власти под разными предлогами затягивали), фактически же не просто существовали, но и приступили к изданию своей прессы, другой агитационной литературы, проведению съездов и собраний. Между ними развернулась конкуренция, предварявшая выборы в представительный центральный орган — по существу, российский парламент.

Одиннадцатого декабря 1905 года был обнародован указ о расширении избирательных прав граждан и созыве законодательной Думы^{346}. В феврале 1906 года был сформирован новый состав Государственного совета, преобразованного из совещательного органа в верхнюю палату парламента и уравнивавшегося с Думой в законодательных правах.

Выборы в Государственную думу первого созыва состоялись в феврале — марте 1906 года по четырем куриям (сословно-имущественным разрядам избирателей): землевладельческой, городской, крестьянской, рабочей; военнослужащие и женщины избирательных прав не получили. Левые партии (социал-демократы и социалисты-революционеры) выборы бойкотировали.

Для Милюкова это было большим разочарованием. Он не понимал, почему такие разумные люди, как бывшие легальные народники Николай Федорович Анненский и Венедикт Александрович Мякотин, отказываются воспользоваться хотя и ограниченной, но всё же реальной возможностью политической борьбы. Милюков внимательно следил за политической эволюцией Анненского и Мякотина: в 1905 году они участвовали в ряде собраний эсеров, но, сочтя их лозунги слишком радикальными, к ним не

присоединились, а основали в 1906 году несколько более умеренную Трудовую народно-социалистическую партию, которая, однако, также не участвовала в выборах и критиковала кадетов за уступки царизму. Не сбылись надежды Милюкова на вхождение этих и некоторых других умеренных «народников», как он их по-старому называл, в его партию и образование в ней некоего «крестьянского сектора», дававшего возможность получить значительную поддержку сельского населения. Силы левых и центра дробились, что, естественно, их ослабляло.

Но это была лишь одна сторона предвыборной ситуации. Отказ наиболее левых партий участвовать в выборах в Думу превращал Конституционно-демократическую партию в единственную крупную оппозиционную силу, участвующую в легальной конкурентной борьбе.

Сама же кадетская партия являлась, по оценке ее лидера, в основном интеллигентской организацией. Но это было не вполне корректно, так как на местах к ней присоединились многие деятели земских учреждений, в основном их наемные служащие (врачи, агрономы и т. д.), довольно тесно связанные с социальными низами.

Правда, студенты обычно занимали более радикальные позиции. «Молодежи у нас почти не было, — вспоминала Тыркова-Вильямс. — Многие кадетские профессора пользовались исключительной популярностью, но студенты в профессорскую партию не шли. Только в немногих высших школах были студенческие кадетские группы. Студенту надо было иметь и мужество, чтобы в студенческой среде проповедовать кадетизм. Для молодежи мы были слишком умеренны». Тыркова с полным на то основанием утверждала, что ядро партии составляли дворяне, к которым примыкала разночинная городская интеллигенция: «Среди профессоров, адвокатов, врачей были люди всех классов, но многие из них тоже были дворяне. Классовые определения не имели значения. Никому не могло прийти в голову выставить свое дворянство на вид. Это просто было бы смешно. Кадеты были государственные идеалисты, верили, что Россию можно перестроить по безукоризненному образцу»^[347].

Естественно, П. Н. Милюков должен был стать первым кандидатом в Думу по петербургской городской курии. Однако Министерство внутренних дел исключило его из списка кандидатов. Вначале предполагалось изъять его кандидатуру как неблагонадежного — было объявлено, что он подвергся обвинению, которое так и не было снято. Однако кадеты-юристы доказали, что это утверждение не соответствует действительности. Тогда был использован примитивный прием. Положение о выборах предусматривало жилищный ценз — кандидат должен был

проживать в одном месте не менее года; подразумевалось, что имеется в виду населенный пункт, но четко это сказано не было, и министерство истолковало эту статью так, что якобы речь шла о конкретной квартире, а Милюков как раз перед этим переехал! Вступать в спор оказалось невозможно, и в Петербурге от кадетов баллотировался близкий товарищ Павла Николаевича адвокат и журналист, член ЦК партии Максим Моисеевич Винавер, который одержал блестящую победу.

Милюков активнейшим образом участвовал в предвыборной кампании, ставшей для него первым опытом открытой политической агитации в разношерстной аудитории. Тыркова вспоминала, что у Милюкова нашелся в Питере «профессиональный хулиган», некий человек невысокого роста, одетый в рабочую блузу, который постоянно присутствовал на его предвыборных выступлениях, стоял рядом с трибуной и бросал злобные реплики, одну из которых она хорошо запомнила: «Надо иметь государственное невежество какого-то Милюкова, чтобы воображать, что русский пролетариат ограничится кадетскими подачками». В зале раздавался оглушительный хохот — Милюкова можно было упрекнуть в чем угодно, но только не в невежестве! Подобные реплики лишь усиливали влияние его речей. Незадачливым большевиком-агитатором, толком не знавшим, кто такой Милюков, был Николай Васильевич Крыленко, тогда студент историко-филологического факультета Петербургского университета, который через годы станет известным советско-большевистским деятелем — главкомом на фронте Гражданской войны, прокурором РСФСР, наркомом юстиции и т. д., чтобы окончить свои дни под пулями энкавэдэшников на полигоне «Коммунарка» под Москвой в 1938 году. Нелепые реплики Крыленко во время выступлений Милюкова запомнились не только Тырковой, но и другим либеральным политикам^{348} и способствовали укреплению авторитета кадетского лидера.

Однако формирование партии кадетов не было завершено к началу предвыборной кампании. Основные решения по вопросам идеологии, организации и тактики были приняты на ее II съезде, состоявшемся 5—11 января 1906 года. Милюков по поручению ЦК выступил на съезде с докладом о тактике^{349}, в котором стремился в соответствии с уже закрепившейся за ним ролью центриста-примирителя сгладить разногласия между полярными течениями в партии, обеспечить хотя бы относительное единство.

Учитывая пожелания левого крыла, докладчик решил отделить вопрос о выборах от вопроса поведения в Думе, остававшегося неясным прежде

всего потому, что Милюков не брался предсказать исход выборов для партии. Скорее всего, он просто перестраховывался, так как пассивность правых партий и организаций, бойкот выборов левыми партиями, поведение избирателей на предвыборных собраниях — всё свидетельствовало, что провал кадетов на выборах исключен. Конечно, трудно было предположить полную победу, но была велика возможность превращения кадетской партии в центральную силу оппозиции. Милюков в воспоминаниях лишь скромно заявлял, что «шансы на успех... [были] вовсе не безотрадны»^{350}.

Идя навстречу правому крылу партии, Милюков четко определил, за какое государственное устройство следовало вести борьбу: Россия должна стать конституционной и парламентской монархией. Тем самым вопрос о демократической республике следовало надолго исключить из партийных задач, а также отбросить лозунг Учредительного собрания, взамен которого теперь выдвигалось требование «Думы с учредительными полномочиями». Казалось, в последнем вопросе имела место лишь словесная игра. В какой-то мере это было так, но сам отказ от требования Учредительного собрания, которое могло бы повернуть политическое развитие страны в неизвестную сторону, способствовал «притягиванию» правых к центру, чего и добивался докладчик.

Однако здесь Милюков шел на явную хитрость, ведь Учредительное собрание, приняв основополагающие законодательные акты, должно было самораспуститься, чтобы были проведены выборы в новый законодательный орган, а предсказать их результаты было еще труднее, чем верно оценить перспективы предстоявших выборов в Думу. Создание же Думы с учредительными функциями означало, что после вотирования главных законодательных актов — изменения избирательного закона и законодательного закрепления гражданских свобод, обещанных манифестом 17 октября, — Дума должна продолжить работу^{351}.

Правда, на съезде и справа, и слева раздавались предложения о роспуске Думы после принятия учредительных документов, об установлении единства с социал-демократами и социалистами-революционерами и т. п. Но подавляющее большинство съезда поддержало предложения Милюкова, что дало ему возможность в заключительном слове с удовлетворением заявить: «Партия нашла сама себя, почувствовала в себе наличность коллективной мысли и воли... Это чувство солидарности и сознания каждым ценности самого факта принадлежности к большому целому явилось на съезде чувством новым, которого мы давно и

нетерпеливо ждали и с восторгом приветствуем». В этих словах была определенная степень идеализации, что Милюков отлично сознавал, но стремился во что бы то ни стало хотя бы частично обеспечить единство коллективной воли партии в будущем парламенте. Доклад завершился заверением, что работа в Думе «может быть лишь частью нашей общей деятельности в целом освободительном движении»^{352}.

Милюков активно участвовал в предвыборной агитации в Петербурге, доходчиво разъясняя разным категориям населения платформу своей партии. Его выступления пользовались такой популярностью, что, скажем, в Соляном городке (в этом районе до середины XIX века находились склады соли) он по настоянию избирателей общался с ними три раза — 17, 19 и 22 января 1906 года^{353}.

Важнейшую роль в предвыборной борьбе, а затем во всей деятельности партии сыграл ее постоянный печатный орган — ежедневная газета «Речь», начавшая выходить 23 февраля 1906 года. Вначале газету щедро финансировал богатый железнодорожный подрядчик инженер Юлиан Борисович Бак, который значился ее издателем. Бак придерживался либеральных убеждений, не являлся членом кадетской партии, но считал ее политику соответствующей задачам прогрессивного развития России. В редакционный курс он не вмешивался. Позже газета стала настолько популярной, что окупала себя, да и Бак остыл к своему детищу. Новыми издателями газеты стали видные кадеты В. Д. Набоков и И. И. Петрункевич, редактором — Борис Осипович Харитон, который нес перед официальными властями ответственность за публикуемые материалы. Курс печатного органа определяли его фактические редакторы Милюков и Гессен, которые обозначались в рекламных объявлениях как «ближайшие сотрудники» газеты, а помогал им всё тот же опытный журналист Ганфман. В редколлегию также входили члены ЦК Август Исаакович Каминка, Александр Самойлович Изгоев, Константин Николаевич Соколов.

«Речь» официально не была связана с кадетской партией, что, между прочим, вскоре вызвало нареkanie Ленина — в июне 1906 года он поставил вопрос: «Не пора ли сказать, что «Речь» есть официальный и главный орган партии? Не пора ли печатать резолюции ЦК кадетской партии?»^{354}

Милюков был автором почти всех передовых статей газеты — по собственному ироническому высказыванию, «бессменным передовиком»^{355}. Его материалов было так много, что они составили вскоре изданный том объемом около шестисот страниц^{356}. Правда, туда были включены и наиболее важные статьи, написанные до появления

«Речи», и важнейшие выступления, но основу сборника составляли именно газетные передовицы, опубликованные до июня 1906 года и фактически являвшиеся хроникой событий революции и первого российского парламентского опыта. Авторитету газеты способствовал обширный художественный и литературно-критический отдел, с которым, в частности, сотрудничали М. М. Пришвин и К. И. Чуковский^[357].

Между тем, по наблюдениям Милюкова и его соратников, к весне 1906 года предвыборная обстановка стала меняться в пользу кадетов. Страх перед революцией постепенно проходил, и недовольство существовавшим порядком вещей принимало в основном легальные формы. Во время развернувшейся на собраниях выборщиков политической агитации неизменно усиливалось звучание голосов в пользу тех, кого считали главными инициаторами созыва Думы.

В конце марта стало ясно, что на выборах в Петербурге и Москве кадеты получат большинство голосов. Милюков вспоминал, как менялся тон правительственных и правых центральных газет. Непосредственно после собраний выборщиков в обеих столицах послышались призывы к забвению прошлого и заявления, что кадеты — желанные гости в Думе, если прибудут туда не с революционными намерениями. Когда эти призывы не встретили позитивного отклика (Милюков высмеял их в нескольких передовицах «Речи»), стали раздаваться заявления, предрекавшие быстрый конец Думы, если она дискредитирует себя радикализмом.

Глава вторая

БАТАЛИИ В ДУМЕ И ВОКРУГ НЕЕ

Лидер за кулисами

На выборах в Государственную думу первого созыва партия Милюкова добилась успеха, которого ни он, ни его товарищи не ожидали: ее представители получили 179 мест из 478, то есть свыше трети кресел в Таврическом дворце, предоставленном для заседаний Думы. Конституционные демократы, таким образом, оказались самой многочисленной фракцией и смогли, согласно процедуре, занять большинство думских постов.

Председателем Думы был избран член ЦК кадетской партии С. А. Муромцев, товарищами председателя — члены ЦК князь П. Д. Долгоруков и профессор Н. А. Гредескул, секретарем — член ЦК князь Д. И. Шаховской (Милюков, как мы помним, не баллотировался).

Между тем в преддверии созыва Думы, с полным основанием полагая, что она займется разработкой конституционных актов, правительство Витте торопилось с подготовкой проекта основных законов империи, чтобы поставить Думу перед свершившимся фактом.

Проявив чудеса политической и журналистской оперативности, редакция «Речи» смогла раздобыть в типографии печатавшийся проект (он предназначался для обсуждения высшими чиновниками), опубликовала его и подвергла критике в ряде статей Милюкова и других авторов.

Наряду с разработкой своей версии конституционного акта Павел Николаевич и его коллеги сосредоточили усилия на подготовке аграрного законодательства, которое в это время в наибольшей степени беспокоило правых политиков, так как неизбежно привлекло бы на сторону кадетов основную часть крестьянства, составлявшего 80 процентов населения России.

Положение будущей Думы осложнялось изменениями в правительстве. 22 апреля был отправлен в отставку его председатель С. Ю. Витте, опытный и лукавый царедворец, во имя умиротворения страны склонный к политическим компромиссам. Назначение на его место Ивана Логгиновича Горемыкина, считавшегося знатоком аграрного вопроса и отстаивавшего незыблемость сословного состояния крестьянства, было

воспринято как предвестие острой борьбы против радикальной земельной реформы, намечавшейся думцами.

В условиях крайне сложного, быстро менявшегося внутреннего положения страны и новизны задач, с которыми теперь сталкивались либералы, образовавшие свою партию и обеспечившие себе относительное большинство в Думе, неудивительно, что кадеты созывали свои съезды примерно каждые три месяца. Естественно, III съезд партии должен был обсудить вопрос о тактике, в первую очередь о поведении в Думе, и с докладом предстояло выступить Милюкову. К этому времени численность партии составляла около 70 тысяч человек — с учетом предшествующей «беспартийности» России это был высокий результат, достижению которого способствовали высокий уровень политической активности деятелей партии накануне выборов и возможность вступать в нее всего лишь на основании устного заявления.

Съезд состоялся накануне открытия заседаний Думы. Основной вопрос доклада Милюкова 5 января — на революционный или парламентский образ действий должна ориентироваться партия, иными словами — следует ли считать революцию завершённой. Для Милюкова, по всей видимости, ответ был ясен — на успех революции после разгрома Декабрьского восстания рассчитывать нечего. Но он воздержался от однозначного ответа, понимая, что в партии найдутся различные суждения, и не желая в очередной раз возбуждать страсти. Отсюда проистекал главный вывод: надо не только войти в Думу, что уже было достигнуто, а оставаться там как можно дольше, не давая правительству Горемыкина и императорскому двору ни малейшего повода для досрочного прекращения полномочий Думы. Милюков предлагал начинать думскую работу с постановки наиболее безопасных, по его мнению, вопросов, прежде всего вопроса о всеобщем избирательном праве. Переустройство местного самоуправления на его основе докладчик считал «необходимым предварительным условием для осуществления демократического строя»^{358}.

Тыркова-Вильямс писала о позиции кадетского руководителя: «... Милюков и на выборах, и в печати напоминал социалистам, что народное представительство, тем более русское, инструмент хрупкий. Для митингов у него был припасен наглядный образ. Он советовал скрипкой гвозди не заколачивать»^{359}.

На этот раз курс Павла Николаевича на столь возможно длительное сохранение Думы (на полный пятилетний срок он, будучи реалистом, не

рассчитывал) не нашел единодушного одобрения у делегатов — многие из них считали, что необходимо требовать принятия закона об ответственности правительства перед Думой, что означало бы прямое ущемление императорской власти, нарушение незыблемости самодержавия и неизбежно привело бы к роспуску Думы. Милюков в заключительном слове подчеркнул, что в условиях, когда революция фактически уже завершилась, выдвигать требования возобновления открытой борьбы крайне опасно. Он убеждал делегатов, что вовсе не игнорировал революционное настроение страны, но предлагал действовать в пределах разумного^{360}.

Двадцать третьего апреля 1906 года были официально опубликованы высочайше утвержденные Основные государственные законы Российской империи — то ли некое подобие конституции (по мнению крайне левых), то ли конституция под другим названием (так полагали большинство политических наблюдателей). Основные законы были подготовлены еще Витте и изданы как раз во время заседаний кадетского съезда накануне открытия Государственной думы^{361}. Они фиксировали сохранение самодержавия, крайне ограничивали права избираемых органов, объявляли частично назначаемый царем, частично избираемый Государственный совет верхней палатой (при этом злокозненное слово «парламент» не произносилось). Царь мог распустить Думу досрочно или объявить перерыв в ее работе и в это время издавать акты, имевшие силу закона. Совет министров был ответствен не перед выборными учреждениями, а перед императором.

В этих условиях склонный к компромиссам Милюков был вынужден под конец съезда изменить тон на несколько более боевой и спешно подготовил проект заключительной резолюции «По поводу опубликования Основных законов», которая завершалась заявлением, что «никакие преграды, создаваемые правительством, не удержат народных избранников от выполнения задач, возложенных на них народом»^{362}. Хотя из рядов делегатов раздавались возгласы, что резолюция не выражает общего боевого настроения, она всё же была принята единогласно, став вместе с более умеренной резолюцией «О тактике партии в Государственной думе» своеобразным наказом кадетской фракции в Государственной думе первого созыва.

Заседания Думы начались 27 апреля в Таврическом дворце. Хотя было общепризнано, что кадеты добились победы, эта победа не была столь уж безоговорочной. Слева им противостояло значительное число трудовиков

(107 депутатов — около 20 процентов). Вместе с ними кадеты составляли бы абсолютное большинство. Однако фракция трудовиков была крайне разнородной, спектр воззрений ее членов, в основном крестьян, колебался от социалистических (в основном в эсеровской интерпретации) до верноподданнических. К кадетам была близка только небольшая группа трудовиков, примерно 20 депутатов. В результате думское большинство складывалось случайно, было крайне неопределенным, изменялось в зависимости от обсуждавшегося вопроса.

В качестве одного из руководителей партии, располагавшей наибольшим числом мандатов, Милюков получил право посещать Таврический дворец, находиться в зале заседаний — но не в партере, а в ложе для журналистов или на балконе для зрителей. Направляясь в старинный дворец Потемкина в день открытия Думы, Павел Николаевич встретил у входа Сергея Ефимовича Крыжановского — известного юриста, разработчика многих важнейших государственных актов, в то время занимавшего пост товарища министра внутренних дел. Крыжановский выразил сожаление, что Милюков не избран депутатом, так как он всё равно будет «дирижировать Думой из буфета» и больше вреда принесет, находясь вне Думы, чем в ней. Комментируя эту реплику, Милюков писал: «Я не могу отрицать, что я имел в Думе известное влияние. Как член ЦК партии, я мог участвовать ближайшим образом в деятельности парламентской фракции. В «буфете» у нас был общий стол, за которым во время завтрака обычно обсуждались текущие вопросы дня ввиду перегруженности думской работы... Общение с депутатами отсюда было постоянное. Но всё же «дирижировать» не только всей Думой, но и нашей фракцией я никоим образом не мог. Не мог бы, даже если бы был депутатом...»^[363] Тем не менее Милюков оказывал большое влияние на поведение фракции своей партии, а учитывая ее численность, и на деятельность всей Думы.

Роль Милюкова в Думе определялась его личной близостью с наиболее влиятельными депутатами-кадетами — И. И. Петрункевичем, М. М. Винавером, Ф. Ф. Кокошкиным, Ф. И. Родичевым. К Петрункевичу Милюков относился трепетно, считая его не только патриархом, но и совестью партии. «Он во всех — даже в Милюкове — вызывал не просто уважение, а благоговейное преклонение», — вспоминала Р. Г. Винавер^[364]. Кокошкин концентрировался на общих, принципиальных вопросах, в основном связанных с государственным строительством. «Оратором он был необыкновенным. Несмотря на дефекты речи (он не произносил

некоторых гласных), выступления Кокошкина слушались с напряженным вниманием. Говорил он просто, без жестов, даже без повышения голоса, но всё в его речи было ясно и убедительно»^{365}. Отношения же с Федором Измайловичем Родичевым порой складывались у Милюкова нелегко. Земский деятель и адвокат, член ЦК кадетской партии, пламенный оратор (его называли соловьем кадетской партии) подчас с думской трибуны критиковал не только правительственную политику, но и руководство собственной партии за недостаточный радикализм. Бывало, что он упорствовал в своих оценках, но чаще под влиянием убедительных рассуждений Милюкова и других коллег признавал правильность центристской линии. Вот отрывок из воспоминаний супруги М. М. Винавера Розы Георгиевны: «Яркая это была фигура! Сама внешность его была своеобразная: высокого роста, с круглой головой, с живыми выразительными глазами, всегда чем-то взволнованный, даже в дружеской беседе говоривший, как с трибуны, с выразительными жестами рук, он производил впечатление необычайной непосредственности»^{366}.

Текущий курс определяли, как правило, Милюков и Винавер — первый с исторической, второй с юридической точки зрения.

В самом начале работы Думы у Милюкова установились деловые отношения с некоторыми лидерами группы трудовиков. Он запомнил троих: Алексея Федоровича Аладьина, Ивана Васильевича Жилкина и Степана Васильевича Аникина^{367}. Но долго контакт с трудовой группой не продержался — она выступала с малореальными требованиями радикального решения аграрного вопроса и этим усиливала опасность роспуска Думы. Характерно, что Милюков запомнил только фамилии руководителей трудовиков (их имена и отчества восстановлены нами по другим источникам^{368}) — как видно, всерьез их не принимал, относился к ним высокомерно, хотя и сдержанно. Для этого у Павла Николаевича, безусловно, имелись основания: он был крупным ученым, знатоком художественной литературы и особенно изобразительного искусства, владел иностранными языками, тогда как трудовики существенно не отличались от тех, кто их послал в Думу, — малограмотных крестьян, скованных крепостническими пережитками.

Можно с уверенностью утверждать, что недостаточное внимание Милюкова и других кадетов к крестьянским представителям, фактический разрыв с ними уже через несколько недель работы Думы были одной из важных причин (наряду с радикализмом значительной части самих трудовиков) того, что в Думе не сложилось устойчивое левое большинство.

В конце концов произошел раскол фракции трудовиков — образовалась отдельная крестьянская фракция из сорока депутатов. Милюков надеялся, что с ними удастся наладить какое-то взаимодействие, но времени на это уже не хватило.

Милюков сдержанно относился к деятельности в Думе особой нефракционной группы автономистов — представителей национальных движений поляков, литовцев, латышей и украинцев, — считая, что выдвигаемое ими на первый план требование национально-территориальной автономии на данном этапе не является главным и отвлекает Думу от решения общих для всех народов России задач. Это вызывало недоумение прежде всего у членов наиболее влиятельного национального думского формирования — Польского коло. Формально не входивший в него однопартиец Милюкова депутат-поляк Александр Робертович Ледницкий, которого никак нельзя было упрекнуть в польском национализме (он выступал за национальную автономию всех народностей России), даже обратился к Павлу Николаевичу через газету: почему в ответе на тронную речь не было ни слова по польскому вопросу? Милюков ответил, также в печати, что позиция кадетской партии по этому поводу не изменилась — она по-прежнему отстаивает предоставление Польше национальной автономии. О том, почему кадеты не настояли на включении этого требования в ответ на тронное слово, он предпочел умолчать ^{369}.

В то же время Милюков высказывал мысль, что национальное освобождение (или автономия) тесно связано с добровольным вхождением национальных государств в федерацию или конфедерацию, вплоть до весьма отдаленного и труднопредсказуемого соединения всех независимых народов в одну общую конфедерацию. Отодвигая практическое решение национального вопроса в Российской империи, Милюков одновременно предупреждал об опасности национализма, превозносящего только свой народ как единственный в своем роде. Он с полным основанием заявлял, что в итоге национализм становится знаменем политической реакции.

Павел Николаевич всё больше проявлял себя как профессиональный политик, напрямую не жертвующий своими принципами во имя сиюминутной выгоды, но готовый в случае необходимости умолчать о своей истинной линии или даже сделать акцент на частный вопрос, чтобы незаметно отойти от общей проблемы.

Между тем отношения Думы с царем и правительством становились всё более напряженными. С согласия руководства партии Муромцев после избрания его председателем Думы вышел из кадетской фракции и вел себя не просто как беспартийный руководитель представительного органа, а как

второе лицо в государстве. В Зимнем дворце такое поведение воспринималось святотатством.

Еще большим нарушением монарших прерогатив был сочтен адрес на имя царя, подготовленный в ответ на выступление Николая II перед депутатами во время приема перед открытием Думы. Работали над адресом Милюков, Кокошкин и Винавер. Документ составлялся в предположении, что роспуск Думы не исключен в самом близком времени, и должен был прозвучать своего рода завещанием будущим представительным учреждениям. Адрес состоял из двух частей — в первой излагались намерения парламента, во второй — просьбы к царю: политическая амнистия, отмена фактического верховенства Государственного совета над Думой, расширение ее законодательных полномочий, необходимость создания правительства, пользующегося доверием большинства Думы и несущего ответственность перед народом в лице его избранных представителей, а не перед императором^{370}.

Верховная власть фактически проигнорировала адрес. Делегация Думы во главе с Муромцевым, которая должна была вручить его, не была принята императором. Ответ был получен не от царя, а от того самого правительства, которое характеризовалось в адресе как не заслуживающее народного доверия. Вслед за этим в течение нескольких месяцев продолжались столкновения правительства с Думой, в которых «из буфета» продолжал деятельно участвовать Милюков.

В самом правительстве и даже в дворцовых кругах не было единодушия касательно Думы. Наиболее непримиримую позицию занимал весьма влиятельный министр финансов Владимир Николаевич Коковцов (позже он станет председателем Совета министров). В то же время недавно назначенный на, казалось бы, технический, хотя и высокий пост коменданта Царскосельского дворца генерал Дмитрий Федорович Трепов, приближенный к императору, заговорил о необходимости уступок обществу. Когда Коковцов и другие члены правительства потребовали от Николая II роспуска Государственной думы, Трепов неожиданно высказался против этой меры, по его мнению, крайне опасной^{371}.

Милюков характеризовал генерала: «Он был... верным слугой царя, но службу свою понимал несколько шире, видел дальше (по сравнению с Коковцовым. — Г. Ч., Л. Д.) — и не скрывал того, что видел. Он тоже ни в коей мере не был «политиком». Но как человек военный он понимал, что иной раз надо быть решительным и выходить за пределы своих полномочий — и даже собственных познаний. В этом своем качестве он и

начал разведки о возможных кандидатах в «ответственное министерство»^{372}.

Свои прощупывания Трепов решил начать с Муромцева. Тот, однако, от встречи с дворцовым комендантом отказался, сославшись на то, что не имеет права входить в сношения с правительством без санкции партии. Но скорее всего отказ «патриарха», как его часто именовали, был связан с другими причинами, поскольку, во-первых, Трепов не был членом правительства, во-вторых, как мы уже знаем, став председателем Думы, Муромцев временно вышел из партии. По-видимому, он считал, что закулисные разговоры с генералом с невысокой в либеральных кругах репутацией скомпрометируют его как председателя представительного учреждения.

Милюков повел себя иначе. Получив приглашение на встречу с Треповым, он не колебался ни минуты. Считая необходимым использовать любую возможность для решения задач, которые он перед собой ставил, а также учитывая высокую степень влияния дворцового коменданта на императора и склонность последнего к колебаниям, прощупыванию различных вариантов перед принятием ответственного решения, он согласился на свидание. По всей видимости, он рассчитывал повлиять на генерала, чтобы тот посоветовал царю сохранить Думу.

Свидание состоялось 16 июня в одном из столичных ресторанов. Не проинформировав о нем ни ЦК своей партии, ни ее фракцию в Думе, Милюков нарушил партийную дисциплину. Он оправдывался, что рассматривал встречу как чисто информационную^{373}. В действительности она носила информационный характер лишь с одной стороны. Трепов внимательно слушал собеседника, демонстративно фиксируя смысл его высказываний в записной книжке, и лишь изредка вставлял реплики, выражая согласие или возражая.

Неожиданно Трепов предложил собеседнику принять участие в «министерстве доверия». Милюков ответил тривиально: надо выбирать не лиц, а направление. «Нельзя входить в приватные переговоры и выбирать из готовой программы то, что нравится, отбрасывая то, что не подходит». Милюков удивлялся, что разговор на этом не завершился. Для Трепова, однако, слова о программе оказались поводом для выяснения ее сущности.

Разумеется, царский сановник знал основные требования программы кадетов. Ему, по всей видимости, были важны не столько сами ее пункты, сколько то, как собеседник будет излагать и комментировать их. На отдельные пункты (прежде всего требование образования правительства,

ответственного перед Думой) Трепов вообще не реагировал, давая понять их полную неприемлемость. Касательно других он высказывал соображение, что провести их в жизнь можно было бы при некоторых ограничениях; к примеру, на заявление о необходимости всеобщей политической амнистии заявил: «Царь никогда не помилует цареубийц!» — и повторил, что «бомбистам» не может быть пощады. Отдельные программные положения, к удивлению Милюкова, встретили положительную оценку, правда, с оговорками. Так, Трепов высказался за возвращение крестьянам «отрезков», при условии, что крестьяне должны получить их от императора, а не Думы.

Хотя Треповым были отвергнуты важнейшие пункты кадетской программы, тон беседы был таков, что не исключались дальнейшие контакты. На прощание царский приближенный дал Милюкову номер своего частного телефона, предложив в случае необходимости контактировать напрямую.

Создается впечатление, что генерал всерьез подумывал о привлечении кадетов к власти и умиротворении страны с их помощью. Он даже составил список «правительства доверия», в основном из кадетов. В председатели намечался Муромцев, пост министра иностранных дел предполагалось предоставить Милюкову или Петрункевичу. Только в отношении постов военного, морского министров и министра двора предусматривалось, в соответствии с Основными законами, что они будут замещены «по усмотрению его величества». Наивный служака довел этот список до сведения императора, а тот, разжигая вражду, сообщил его председателю правительства Коковцову. Именно из мемуаров последнего этот список и стал известен^{374}.

Тем временем Милюков был настолько вдохновлен результатами свидания с дворцовым комендантом, что вслед за этим опубликовал статью с требованием создания правительства из членов его партии^{375}.

Усилия Трепова, не столь уж интенсивные, результата не дали. Царь всё более склонялся к силовому варианту — разгону непослушной Думы. В этих условиях для Милюкова совершенно неожиданным оказалось приглашение на еще одно свидание — к Петру Аркадьевичу Столыпину, бывшему саратовскому губернатору, назначенному в апреле 1906 года министром внутренних дел, о котором говорили, что он вот-вот станет председателем Совета министров.

Милюков был очень удивлен приглашением, хотя, по всей видимости, вполне оценил провокационный характер затеи всесильного министра:

тому явно требовались дополнительные аргументы, чтобы убедить царя в необходимости распустить Думу, и он рассчитывал найти их в поведении лидера оппозиции.

Встреча состоялась в двадцатых числах июня, на этот раз не на нейтральной территории, а в кабинете Столыпина. Присутствовал министр иностранных дел Александр Петрович Извольский, который, однако, за всё время не проронил ни слова — он явно понадобился Столыпину лишь как свидетель.

Столыпин начал с прямых угроз, рассчитывая, что собеседник ответит грубостью или даже встречными угрозами. Он спросил, понимает ли Милюков, что министр внутренних дел одновременно является шефом корпуса жандармов и, следовательно, «заведует функциями», пока непривычными для кадетов.

Сдержав эмоции, Милюков постарался придать своему ответу полуиронический тон — заявил, что функции власти кадетам прекрасно известны, но их выполнение может быть различным в зависимости от общего направления правительственной деятельности. И. В. Гессен в воспоминаниях со ссылкой на рассказ Милюкова о встрече передавал его ответ совершенно иначе: «Если я дам пятак, общество готово будет принять его за рубль, а вы дадите рубль, и его за пятак не примут». Правда, сам Милюков его решительно отрицал^[376]. Думается, Милюков действительно не мог сказать такое Столыпину — и по той причине, что так не считал, и в силу уважения к министерской должности, и, главное, потому что такое заявление было бы чрезвычайно выгодно Столыпину, послужило бы аргументом для «обвинительного акта».

Несколько вопросов, заданных Милюкову, носили явно провокационный характер. Столыпин поинтересовался, в частности, включаются ли им военный, морской министры и министр двора в число должностных лиц, «назначаемых кадетами», таким образом полупрезрительно-полуиронично выразив убеждение, что последние хозяйничают в Думе. Милюков ответил, что в прерогативы монарха депутаты его партии вмешиваться не намерены. По существу, этим, если не считать нескольких ничего не значивших финальных фраз, встреча и завершилась.

Столыпин немедленно доложил о ней императору, сопроводив отчет собственным мнением, что кадеты и идущие за ними депутаты не желают сотрудничать с высшей государственной властью, а выполнение желаний лидеров этой партии может губительно отразиться на интересах России. Это

был новый аргумент в пользу роспуска Думы^{377}.

Оставалось найти подходящий предлог. Таковым Столыпин, обдумывавший проведение аграрной реформы, счел обсуждение в комиссии Думы вопроса о подготовке законодательства по земельному вопросу, предусматривавшего насильственное отчуждение не только «отрезков», но также государственных, монастырских и излишков помещичьих земель. Еще в конце июня в прессе появилось правительственное сообщение, смысл которого состоял в том, что аграрные преобразования — вопрос, находящийся в компетенции императора и его министров. Столыпин явно ожидал реакции Думы. И она последовала — думские кадеты поддались на провокацию, вопреки мнению Милюкова, что наиболее целесообразно просто не реагировать. На заседание был вынесен вопрос об обращении Думы к народу по поводу аграрных преобразований.

Такое обращение, не входившее в официальную компетенцию Думы, вполне можно было истолковать как революционный шаг. На обсуждение этого вопроса 4 июля на заседание Думы явился Столыпин, молча сидел в правительственной ложе и делал заметки по ходу выступлений. Милюков забил тревогу: в «Речи» появилась передовая статья^{378}, в которой он убеждал фракцию своей партии и Думу в целом быть максимально осторожными, не предпринимать шаги, которые могли бы быть истолкованы как антиконституционные: «Мы, может быть, накануне страшных решений, последние дни, когда еще возможно было установление согласия между законодательной властью и исполнительной, быстро проходят, и с обеих сторон так же быстро растет готовность на крайние решения».

Статья была встречена однопартийцами-депутатами с явным недовольством. Впервые Павел Николаевич почувствовал, что партийная почва начинает уходить у него из-под ног. Пытаясь утихомирить страсти, 9 июля он опубликовал в «Речи» новую передовицу, на этот раз обращаясь к правительству с уверениями в готовности Думы конструктивно работать и одновременно успокаивая общественность заявлением, что слухи о роспуске Думы в ближайшие дни вряд ли соответствуют действительности.

В критический момент, когда под угрозой оказался находившийся в зародышевом состоянии российский парламентаризм, Милюков явно совершал довольно неуклюжие поступки. Даже став опытным общественным деятелем, он не избавился от субъективизма оценок, некоторой непоследовательности. Но, разумеется, не его поведение и не поведение думских депутатов были причиной роспуска Думы. Если бы

проект обращения к населению по поводу аграрного законодательства и не был поставлен, правительство нашло бы другой повод для пресечения деятельности непослушного парламента.

Роспуск Думы и Выборгское воззвание

Еще 6 июля 1906 года царь отправил в отставку Горемыкина и назначил Столыпина председателем Совета министров, сохранив за ним пост министра внутренних дел. 8 июля Николай подписал повеление о роспуске Думы, а на следующий день — написанный Столыпиным и Крыжановским манифест, объяснявший эту акцию: «Выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас местных властей, к указаниям нам на несовершенство Законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению. Смущенное же таковыми беспорядками крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновению закону и законным властям... Да будет же ведомо, что Мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению Нашей Царской воле. Призываем всех благомыслящих русских людей объединиться для поддержания законной власти и восстановления мира в Нашем дорогом Отечестве»^[379]. В манифесте было объявлено о проведении новых думских выборов по тем же правилам.

Девятого числа пришедшие на заседание депутаты увидели, что дверь в Таврический дворец заперта на висячий замок, а рядом на столбе прибит манифест о роспуске Думы. Просуществовала она 72 дня.

Милюков вспоминал: «Я ушел из редакции «Речи» на рассвете [9 июля], поручив позвонить мне, если будет что-то новое. Я не успел заснуть, как из редакции позвонили и сообщили, что манифест о роспуске Думы уже печатается в типографии... Я сел на велосипед и около 7 часов утра объехал квартиры членов Центрального комитета, пригласив собраться немедленно у Петрункевича»^[380].

На совещании, состоявшемся тем же утром, было решено ответить на

ропуск Думы пассивным сопротивлением, основными проявлениями которого должны были стать отказы платить налоги и идти на армейскую службу. Видя в Милюкове не только партийного руководителя, но и талантливого публициста, тотчас забыв о возникшем в последние дни напряжении между ним и частью думской фракции, участники совещания просили его составить воззвание.

Положение Павла Николаевича оказалось затруднительным. Он должен был написать призыв к действиям, влекущим за собой уголовное преследование, которое не распространялось бы на него, поскольку он не был депутатом. Пояснив это участникам встречи, Милюков обратил внимание и на то, что судебное преследование «подписантов» приведет к тому, что они не смогут участвовать в новых выборах; тем самым будет поставлен под угрозу и количественный, и качественный состав будущей кадетской фракции. Доводы были отвергнуты, и Милюков написал требуемый манифест.

Ряд участников совещания (прежде всего Винавер) сочли его недостаточно сильным и боевым, другие высказались за принятие текста в качестве проекта заявления всей Думы. Но для этого требовалось собрать по крайней мере значительную часть депутатов. В Петербурге это было невозможно — пригодные помещения оказались оцеплены войсками и полицией. Кто-то предложил отправиться в Выборг. Это был самый близкий к столице город, расположенный на территории автономного Великого княжества Финляндского, где действовали свои законы и не было опасности недопущения собрания или его разгона с арестом участников.

Надо отдать должное и Милюкову, и другим участникам совещания — за несколько часов они договорились со всеми фракциями Думы о немедленном выезде в Выборг пригородными поездами. Милюков прибыл поздним вечером и провел ночь на полу в каком-то наспех снятом помещении, вместе с другими официальными (депутатами) и неофициальными (представителями партий и организаций) участниками Выборгского совещания.

Совещание 220 бывших депутатов из всех думских фракций проходило 9—10 июля в выборгской гостинице «Бельведер». Редакционную комиссию возглавил М. М. Винавер. Помимо внесенного кадетами милюковского проекта воззвания был выдвинут проект трудовиков с угрозой вооруженным восстанием. В основу окончательного документа был положен проект Милюкова — одно из его наиболее ярких публицистических и политических произведений.

«Граждане всей России!

Указом 8-го июля (на самом деле от 9 июля. — Г. Ч., Л. Д.) Государственная дума распущена. Когда вы избирали нас своими представителями, вы поручали нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного характера отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей.

Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны. Когда вся страна охвачена волнением и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы.

Граждане! Стойте крепко за поправленные права народного представительства, стойте за Государственную думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого: правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне недействительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию.

Будьте тверды в своем отказе, стойте за свои права все, как один человек. Перед единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может.

Граждане! В этой вынужденной, но неизбежной борьбе ваши выборные люди будут с вами»^{381}.

Выборгское воззвание подписали 180 депутатов: председатель Думы С. А. Муромцев и товарищи председателя П. Д. Долгоруков и Н. А. Гредескул, представители кадетов, трудовиков, мусульман, автономистов, Партии демократических реформ^{382}. Оно было опубликовано в кадетских печатных органах, легальных изданиях левых партий и в виде листовки.

По поводу Выборгского совещания потом ходили разные слухи. Муромцев якобы открыл его словами: «Заседание Государственной думы продолжается». На самом деле председатель, человек пожилой и очень осторожный, чувствовал себя неловко — он мечтал увидеть себя в кресле председателя Совета министров, а теперь должен был руководить антиправительственным действием.

Милюкову было легче, хотя и он с большим трудом решился на составление обращения к народу, не имея права подписать его. Тем не менее он полагал, что избрал наилучший путь — горячо выступил за принятие весьма резкого текста, подчеркивая, что являлся его главным разработчиком. В этом не было хвастовства — наоборот, тем самым Милюков ставил себя на тот же «преступный» уровень, что и подписавшие воззвание депутаты.

Было ясно, что против подписантов будет возбуждено уголовное дело, но это требовало времени, нахождения прецедентов, формулировок и т. п. По Питеру распространился слух, что бывших депутатов и других «выборжцев» на Финляндском вокзале будут поджидать черносотенцы и первыми жертвами нападений станут депутаты-евреи Винавер, Герценпггейн и Иоллос вместе с Гессеном (он депутатом не был) и «скрытым евреем» Милюковым. На вокзал явился цвет петербургской интеллигенции и студенчества, и встреча прошла без инцидентов.

Да и сам премьер Столыпин не очень жаловал черносотенцев, считая их грубыми нарушителями государственного порядка, который он стремился во что бы то ни стало укрепить. Милюков решил это использовать: получив по почте несколько угроз, он обратился к Столыпину с соответствующим письмом, на которое последовал вполне вежливый и многообещающий ответ:

«Милостивый Государь Павел Николаевич.

Только что получил Ваше письмо и тотчас же отдал распоряжение по

Департаменту полиции о немедленном принятии мер к охранению Вас и профессора] Гессена от нападения. Такое же категорическое распоряжение будет сделано и по градоначальству. Примите уверения в совершенном уважении.

П. Столыпин»^{383}.

Милюков был горд своей ролью в формировании российского парламентаризма. В подкрепление высокой оценки деятельности Государственной думы первого созыва он ссылаясь на В. О. Ключевского, который теперь вновь стал ему близок, поскольку выступал в поддержку представительного учреждения. В частности, в письме юристу Анатолию Федоровичу Кони (копия письма была послана Милюкову) Ключевский обращал внимание на два неожиданных факта: «Это — быстрота, с какой сложился в народе взгляд на Думу как на самый надежный орган законодательной власти, и потом — бесспорная умеренность господствующего настроения, ею проявленного. Это настроение авторитетного в народе учреждения авторитетнее той революционной волны, которая начинает нас заливать, и существование Думы — это самая меньшая цена, какую может быть достигнуто бескровное успокоение страны»^{384}.

Может показаться удивительным, что в самый разгар думских страстей 47-летний Павел Милюков испытал и совершенно другую страсть — он вновь встретился с молодой француженкой Мари Пети, которая ему понравилась в 1904 году в Чикаго. Чувство явно было взаимным, ибо летом 1906 года дама приехала в Петербург к Милюкову под предлогом выяснения деталей перевода отдельных его произведений. Интимные отношения возникли сразу. Любовники встречались в гостиничном номере Мари. Роман настолько вскружил Милюкову голову, что он пренебрегал возможностью публичного скандала, опасного для его политической карьеры.

Настойчивая и решительная Мари требовала, чтобы Павел Николаевич развелся и женился на ней. В этом, однако, он сумел противостоять — на первом плане всё же оказалось политическое будущее.

Анна Сергеевна знала о романе супруга, но не устраивала истерик, надеясь, что муж образумится. Зная его характер, она была почти уверена, что так и произойдет — не по причине семейных привязанностей, а в связи с баталиями на общественном поприще. Об этом адюльтере известно в основном из ее писем супруге В. И. Вернадского Наталье Егоровне, с

которой у нее были доверительные отношения: она рассказывала о «поворотах» романа мужа с «французской девушкой», о своих жестких разговорах с ним, о том, что Павел «обещал» прекратить отношения, но затем «всё опять началось». Милюков по крайней мере дважды уходил из дому, а затем возвращался. Весьма сдержанно, но с явной душевной болью Анна Сергеевна писала: «Всё, что он говорит, полностью противоречиво. То он говорит, что ликвидировал отношения... то говорит, что никогда не оставит ее, что чувствует себя привязанным к ней. То он говорит, что не знает, как закончит всё это дело, но оно должно быть закончено... Надо ждать, не зная, как всё это окончится».

В самом начале 1907 года Мари возвратилась в Париж, но чуть ли не каждый день писала русскому любовнику длинные письма. Весной они провели несколько недель в Швейцарии. Видимо, во время этой поездки состоялся решительный разговор, любовная связь прекратилась, и Павел Николаевич возвратился к семье^{385}.

Внешне отношения с женой нормализовались. Когда Павел Николаевич уезжал, в частности за границу, то писал супруге теплые письма, ее же послания были и вовсе нежными: «Павлушенька, мой дорогой, мой маленький хозяин!»^{386} Большая коллекция писем Анны Сергеевны супругу была сбережена им во время всех политических и житейских бурь, вывезена за границу и сохранилась в Русском заграничном историческом архиве, ныне являющемся составной частью ГАРФ^{387}.

Связь с француженкой ни в малейшей мере не помешала политической деятельности Милюкова, а скорее всего, даже подстегивала его энергию.

Правительство Столыпина колебалось: применять ли репрессивные меры против подписавших Выборгское воззвание и какие именно. С юридической точки зрения дело подлежало рассмотрению финским судом, который не нашел в подписании документа состава преступления. Кроме того, российское законодательство четко различало понятия составления и распространения преступного документа. Во втором случае подписавшие оказывались невиновными, а привлекать к ответственности следовало только тех, кто способствовал его распространению.

Колебания, однако, продолжались недолго. 16 июля было начато уголовное преследование бывших членов Государственной думы, подписавших воззвание. 167 человек были преданы суду Особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты по обвинению в распространении преступного документа путем его составления — такой несуразной формулировкой пытались соединить два различных деяния.

Как свидетельствовал в мемуарах один из адвокатов обвиняемых, член кадетской партии Василий Алексеевич Маклаков, у защиты была «благоприятная почва» для работы. Но суд неумолимо гнул свою линию. Еще один адвокат подсудимых, Осип Яковлевич Пергамент, в речи на судебном заседании заявил: «...венок славы подсудимых так пышен, что даже незаслуженное страдание не вплетет в него лишнего листа... Но если нужно произвести над ними насилие, то зачем же к насилию над людьми прибавлять еще насилие над законом?»

Приговор был вынужденно мягким: подавляющее большинство подсудимых получили три месяца тюремного заключения. Но они были лишены избирательных прав и не могли в дальнейшем стать думскими депутатами.

Во время судебного процесса Милюков почти ежедневно выступал в «Речи» со статьями, в которых вскрывал противоречия в обвинении, поддерживал адвокатов и всеми силами приободрял подсудимых. Трудно сказать, понимал ли он, что если уж кого предавать суду и сажать в тюрьму за составление документа, то прежде всего его. Но свое авторство Милюков открыл в печати только через много лет. Профессиональное занятие политикой влекло за собой немалые моральные издержки, и бороться с ветряными мельницами Павел Николаевич считал совершенно непродуктивным занятием.

Тем временем необходимо было определить отношение кадетской партии к выборам в новую Думу. Милюков предложил провести новый съезд в Гельсингфорсе. Так Финляндия становилась удобным местом встреч оппозиционных деятелей — от кадетов до большевиков.

IV съезд Конституционно-демократической партии состоялся 24–28 сентября 1906 года. Милюков, выступивший с докладом о предстоящей деятельности партии в связи с роспуском Первой Государственной думы, призывал, исходя из реальных обстоятельств, проводить такую линию, которая способствовала бы сохранению в России хотя бы урезанного парламентаризма. Не отказываясь от духа Выборгского воззвания, докладчик осторожно давал понять, что выдвинутый в нем призыв к пассивному сопротивлению широких слоев населения не следует рассматривать как актуальный. По ироничному высказыванию Винавера, от крыльев у партии остались только перья^[388].

Хотя изменение тактики всё же формулировалось в наступательном духе — «не штурм, а правильная осада», — ни о какой реальной осаде «крепости царизма» говорить не приходилось. Кадеты, по существу, намеревались уйти в оборону, лишь изредка контратакуя правительство.

Отсюда вытекали и конкретные предложения приемов «временного мирного сожительства» с властью^{389}.

В связи с этим изменилось и отношение к левым партиям: если в Думе первого созыва с ними подчас устанавливались контакты, а после ее роспуска был подписан совместный документ — Выборгское воззвание, то теперь Милюков считал необходимым четко отграничить свою партию от сил, в политическом спектре находившихся слева от нее. Это было, по его мнению, тем более необходимо, что в прежней Думе левые были представлены почти исключительно трудовиками, теперь же ожидалось появление социал-демократов и эсеров, объявивших об отказе от бойкота парламента. Партия народной свободы должна выступить на выборах с собственным лицом, заявлял ее лидер, не опасаясь ударов критики и всевозможных извращений.

Для обеспечения «сожительства» с властями намечалось устранить открытые конфликты, отказаться от выражения прямого недоверия правительству, которое повлекло бы за собой законный роспуск Думы; создать свободную от «штурмов» атмосферу для спокойной законодательной работы, выбрать в первую очередь законопроекты, совпадающие по тематике с министерскими; строго контролировать думские запросы и т. д. Все эти конкретные тактические установки были определены после IV съезда на совещании представителей губернских комитетов в ноябре 1906 года^{390}.

Вторая Дума. Окончание революции

Выборы в Думу второго состава проходили в конце 1906-го — начале 1907 года в соответствии с прежним избирательным законом. Правда, некоторыми новыми законодательными актами (в частности, положением о партиях) кадеты и политические группировки, стоявшие слева от них, ставились в двусмысленное положение, поскольку не признавались «легальными» политическими партиями, хотя некоторые из них, в частности Конституционно-демократическая партия, имели ограниченные политические права как общественные организации.

Революция затухала, хотя крестьянские волнения в первой половине 1907 года всё еще охватывали половину губерний. В то же время именно тогда начиналось проведение комплекса мероприятий, вошедших в историю в качестве Столыпинской аграрной реформы. С целью

модернизации сельского хозяйства предусматривались добровольный выход крестьян из общины, прирезка им земли, переселение земледельцев из центральных губерний в Сибирь и на Дальний Восток и т. д. Этими мерами правительство вырывало у кадетов сильный козырь, которым они широко пользовались, в частности в Первой Государственной думе.

Земельная реформа Столыпина встречала ожесточенное противодействие и в среде левых политических сил, и у консервативных помещиков, и у части чиновников. Ведь фактически начавшееся разрушение общины и возникновение мощного класса мелких земельных собственников серьезно затрудняли произвольное администрирование на селе. Не случайно в пропаганде кадетов, прежде всего Милюкова, об аграрной реформе Столыпина речь почти не шла. Существовал некий заколдованный круг: считая реформу прогрессивной по существу, Милюков и его коллеги не могли открыто ее поддержать, так как она была связана с инициативой и мероприятиями «сугубого реакционера» Столыпина.

Милюков не баллотировался во Вторую Государственную думу — всё еще не позволял годичный квартирный ценз. Прошение в Сенат о признании за ним «избирательных прав по квартирному цензу» было оставлено без последствий^{391}. Как и раньше, ему оставалось руководить фракцией «из буфета».

Только 18 из 518 депутатов новой Думы были членами предыдущей, что объяснялось лишением избирательного права подписантов Выборгского воззвания.

Начавшая работу 20 февраля 1907 года Дума оставалась левой, хотя и значительно более пестрой, чем ее предшественница. На этот раз кадеты, получившие 98 мест, оказались на втором месте (приведенные в воспоминаниях Милюкова данные, что кадеты занимали первое место с 123 мандатами, не соответствуют действительности); на первое же вышла трудовая группа, имевшая 104 места, но она не была едина, состояла из своего рода подфракций — собственно Трудовой группы, членов Всероссийского крестьянского союза и сочувствующих — и далеко не всегда голосовала единодушно. 65 мест получили социал-демократы. Другими значительными фракциями являлись октябристы, Польское коло и социалисты-революционеры. Председателем Думы стал избранный от Московской губернии кадет Федор Александрович Головин, а товарищами председателя — беспартийный левый Н. Н. Познанский и трудовик М. Е. Березин^{392}.

Учитывая, что при разнородном характере Думы ее председатель примыкал к правым кадетам и к тому же не обладал силой воли и организаторскими качествами, Павел Николаевич приложил особые усилия, чтобы жестко контролировать свою фракцию и по возможности Думу в целом.

Перед началом работы, 17 февраля, состоялось совместное заседание кадетской парламентской фракции и ЦК, на котором были намечены первые шаги Думы «во избежание провокаций со стороны правых»: выборы председателя, утверждение наказа и временных правил работы, проверка полномочий депутатов через специальные комиссии, ознакомление с законопроектами, образование из состава фракции комитета из пяти — семи человек для сбора сведений о нарушениях избирательного законодательства^{393}.

По инициативе Милюкова кадетский ЦК на своих следующих заседаниях решил укрепить фракционную дисциплину. По существу, именно решение ЦК излагалось в документе фракции от 9 апреля 1907 года: «1. Все вопросы тактики должны решаться парламентской группой совместно с центральным комитетом (в общих собраниях) и лишь в исключительных случаях в стенах Государственной думы решения в силу необходимости принимаются одной парламентской группой. 2. Во всех отступлениях от принятых партией (партийными] съездами) постановлений принадлежащие к партии члены Государственной думы должны давать отчет органам партии»^{394}.

Милюков в воспоминаниях, как бы извиняясь за то, что стремился взять парламентскую фракцию «под уздцы», писал, что в нее входили ученые, профессиональные юристы, партийные идеологи, специалисты разных отраслей и по культурному уровню она продолжала стоять на первом месте, «но политической инициативы в ее среде не было, она нуждалась в руководстве извне и следовала решениям партии и ее установившейся традиции»^{395}.

Да и таких тесных связей, как с однопартийцами, заседавшими в Первой Государственной думе, Милюков теперь не имел. Из его воспоминаний и архивной документации складывается впечатление, что он, начав руководство «из буфета», постепенно терял интерес к работе Думы, реже там появлялся, сосредоточил основное внимание на подготовке статей для «Речи» и своего нового детища — «Вестника Партии народной свободы», еженедельного журнала, начавшего выходить 22 февраля 1906 года под редакцией В. Д. Набокова при активном участии П. Б. Струве, И.

В. Гессена и других партийных деятелей. Милюков печатался в «Вестнике» с первого номера, но именно в 1907 году его публикации стали появляться особенно часто. Он критиковал политику правительства Столыпина, причем его материалы были, как правило, более остры, чем умеренно-либеральные выступления Набокова и Гессена. Столь же энергично Милюков через «Вестник» обрушивался на крайне левые силы, особенно на большевиков.

Реже вмешиваясь в ход прений в Думе, в подготовку выступлений депутатов от кадетской партии, Павел Николаевич всё же неуклонно направлял работу фракции, являясь ее «главным рупором и толкователем» на страницах печати^{396}. В результате появился второй сборник статей Милюкова, посвященных думской деятельности кадетов^{397}.

Автор оценивал подготовку и проведение выборов во Вторую Государственную думу на фоне политического положения в стране, борьбы правых, центра и левых; конкретизировал тактику кадетов в Думе, направленную на ее сохранение как парламентского органа, рассматривал расстановку сил в ней; отмечал возможность вступления кадетской фракции по некоторым вопросам в коалицию с октябристами, занимавшими более консервативные позиции. Он считал, что социал-демократы в Думе оказались в изоляции из-за отсутствия конструктивной позиции и постоянных противоречий между большевиками и меньшевиками. Милюков стремился проследить, какие социальные слои стояли за отдельными партиями и движениями, прошедшими в Думу, какие вопросы и законопроекты обсуждались на заседаниях, какие решения принимались, каким образом кадеты, преодолевая огромные трудности, пытались найти общий язык с правительством. Особое внимание было уделено обсуждению Думой аграрного законодательства.

Общая нерадостная оценка итогов собственной деятельности в эти месяцы, отразившаяся в статьях «Речи» и «Вестника», позже была зафиксирована в воспоминаниях Милюкова: «Отдана здесь дань и моему пессимизму относительно окончательного исхода, пессимизму, который, впрочем, широко разделялся не в одних только наших рядах. Это настроение набрасывало какой-то флер на всю нашу работу. Но хотя надежда убывала, уныния у нас не было. Мы честно делали свое дело, не уступая ни нападкам слева на наше бессилие, ни уговариваниям и намекам из правящих сфер на возможность компромисса, ни издевательству и злорадству правых по поводу нашей неприступности»^{398}.

Пессимизм Милюкова был вполне оправдан. Состав Думы вновь не

устраивал высшие власти империи. Столыпин искал предлог для роспуска и этой Думы. Окончательно вопрос для премьера был решен после того, как социал-демократ, меньшевик Аршак Герасимович Зурабов при обсуждении вопроса о призыве в армию заявил: «Армия будет великолепно воевать с нами, и вас, господа, разгонять, и будет терпеть поражения на востоке»^{399}.

Царь всё еще выжидал. Когда же 17 мая Дума проголосовала против «незаконных действий» полиции по отношению к тем, кого она именovala революционерами, премьер и его помощники подготовили проект нового положения о думских выборах. После доклада Столыпина Николай II 3 июня объявил о роспуске Второй Государственной думы и изменении избирательного закона. Императорский указ завершался словами: «Все эти изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную думу, состав коей признан Нами неудовлетворительным вследствие несовершенства самого способа избирания ее Членов. Только Власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической Власти Русского Царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым»^{400}.

Положение о выборах 1907 года увеличило представительство в Думе землевладельцев и состоятельных жителей городов, а в национальном отношении — русского населения, сократив избирательные возможности «неразвитых народов» (как формулировалось в царском указе), что привело к формированию в Третьей и Четвертой Государственных думах проправительственного большинства.

Как и ожидал Столыпин, никакой революционной вспышки в ответ не последовало. Акты 3 июня 1907 года, которые по традиции советской историографии продолжают называть столыпинским государственным переворотом, ознаменовали завершение революции.

Павел Николаевич уже в то время был уверен и впоследствии укрепился в этой уверенности, что усиление самодержавия было лишь временным и чреватом новыми потрясениями. Он писал (правда, явно преувеличивая значение объективного соотношения факторов исторического развития и не принимая во внимание роли отдельных деятелей в динамике событий): «Сам Столыпин был захвачен зубцами сложного и сильного механизма, приводной ремень которого находился в распоряжении силы, двигавшей этот механизм с неуклонностью слепой природы — к той самой бездне, которой хотели избежать»^{401}. Конечно, в такой оценке был немалый элемент осознания последующего опыта,

«опрокинутого в прошлое», чувствовалось влияние исторических трудов самого Милюкова, в частности его магистерской диссертации, в которой оценивались объективные факторы, предопределившие реформы Петра I.

Но если он уже тогда, непосредственно после революции 1905–1907 годов, думал о неумолимой силе слепой природы, влиявшей на развитие России в начале XX века, то ему следовало отойти в сторону и лишь наблюдать за происходившим таким современным Пименом. Он, однако, оставался политическим деятелем и прилагал все силы, чтобы по возможности обуздать стихию, подчинить ее делу мирной модернизации страны.

Глава третья

ЛИДЕР ДУМСКОЙ ОППОЗИЦИИ

Депутат и руководитель фракции

Следующее десятилетие Милюков не раз называл «потерянными годами». В каком-то смысле это соответствовало действительности, так как, целиком занятый политикой, он прекратил научную работу и даже стал намного меньше читать научную и художественную литературу. Какое-то время Павел Николаевич еще надеялся, что удастся сочетать думскую работу с расширением круга знаний. Он брал из библиотеки Госдумы огромное количество книг, но надолго задерживал их или возвращал непрочитанными, так как библиотека обращалась к нему с «покорнейшими просьбами» вернуть книги, сроки возврата которых давно прошли^[402].

Но в то же время это был период его дальнейшего политического развития, овладения мастерством ведения борьбы в сложнейших условиях, когда необходимо было сочетать усилия, направленные на сохранение сделанных властями уступок и на компромиссы с правительством во имя сохранения возможностей легальной деятельности.

Милюков, оставаясь руководителем партии, был ближе к ее левому крылу, тогда как в партии усиливалось правое течение, наиболее ярким выразителем позиций которого был член ЦК Василий Алексеевич Маклаков. Опытный адвокат, депутат Госдумы, он наиболее решительно стоял за диалог с правительством. Между Милюковым и Маклаковым особенно часто вспыхивали споры на заседаниях ЦК и думской фракции, в работе которой неизменно участвовал Павел Николаевич, хотя депутатом не был. Споры Милюкова и Маклакова по поводу прошлого партии вспыхнут с новой силой в эмиграции, когда каждый из них станет обвинять оппонента в провале российского либерализма.

Надо было определить тактику партии перед выборами в Государственную думу третьего созыва, назначенными на сентябрь 1907 года. Было ясно, что из-за нового избирательного закона лидирующее положение кадетов в Думе сохранить не удастся, перевеса добьются более правые силы, из которых наиболее близкими к Партии народной свободы были октябристы. Некоторые кадетские деятели полагали, что нужно объединиться с Союзом 17 октября, возглавляемым А. И. Гучковым. С

открытым письмом по этому поводу к Милюкову и Гучкову обратился известный философ и правовед, профессор Московского университета князь Е. Н. Трубецкой, к тому времени покинувший ряды кадетов и основавший Партию мирного обновления. Обращение к Милюкову было не совсем корректно, ибо Евгений Николаевич не только ушел из его партии, но и, так сказать, сменил Павла Николаевича в роли поклонника Маргариты Морозовой. 28 июня Милюков опубликовал его письмо в своей газете, чтобы иметь возможность на следующий день напечатать ответ, выдержанный в ледяном тоне официального этикета, в данном случае носившего издевательский характер.

Не исключая предвыборной блокировки с октябристами на местах и общей с ними позиции по отдельным вопросам в будущей Думе, Милюков высмеял возможность объединения с правой партией. Более того, именно после этого в «Речи» появились материалы, подчеркивавшие, что кадеты не видят врагов слева, что в будущем парламенте возможна их блокировка даже с социал-демократами. При этом особенно уважительно Милюков высказывался о патриархе русских марксистов Георгии Валентиновиче Плеханове, который в это время примыкал к меньшевикам и не исключал сотрудничества с кадетами, в то время как левые социал-демократы, особенно большевики, чернили «буржуазных либералов» и прежде всего Милюкова. Впрочем, вопрос о коалиции с социал-демократами отпал для Милюкова сам собой, когда выяснилось, что в Думу попало лишь 19 представителей этой партии, причем шестеро из них через некоторое время вышли из фракции.

Победы на выборах добились октябристы, получившие 154 мандата. Кадеты заняли 54 кресла — вдвое меньше, чем во Второй Государственной думе. Несколько группировок правых получили в общей сложности около 150 мест. Не случайно Столыпин в ряде заявлений выразил полное удовлетворение результатом проведенной им избирательной реформы.

Накануне открытия Думы состоялся V съезд кадетской партии (24–27 октября 1907 года). Как мы видели, до этого съезды созывались каждые несколько месяцев; теперь же открытая деятельность либеральной партии оказалась крайне затруднена, и следующий был проведен только в 1917 году.

Открывая съезд в качестве председателя ЦК, Милюков во вступительной речи попытался опровергнуть слухи о расколе в партии, хотя и признал существование оппозиционных групп, которые, однако, лояльны к руководству, а отношения между ними никак не напоминают борьбу между большевиками и меньшевиками. Признав, что никогда еще

партия не находилась в таком сложном положении, он заявил: «Но формальное поражение не означает морального поражения», — и выразил уверенность, что при честном избирательном законе партия добилась бы победы. Его выступление, проникнутое убежденностью в том, что Партия народной свободы является основным выразителем интересов подавляющего большинства населения России, завершилось словами: «Позволю себе закончить свою речь полным уверением, что партия доживет до лучших дней и сохранит для них нерушимо все свои стремления и свои задачи»^{403}.

Вряд ли Милюков действительно был настроен столь оптимистично. Но как иначе должен был держать себя партийный лидер, который собирался теперь не руководить думской фракцией «из буфета», а непосредственно ее возглавлять, ибо он был впервые избран в Государственную думу?

Милюков выступил на съезде с докладом от имени ЦК партии о тактике кадетов в Третьей Государственной думе. Он призвал защищать права народных избранников, подходить к внесению законопроектов с точки зрения реального соотношения сил, возможности их прохождения, идя на разумные компромиссы. Такая позиция показалась части делегатов слишком слабой, в результате чего появился проект резолюции двадцати делегатов, упрекавших ЦК в отсутствии твердости. Подавляющее большинство, однако, поддержало докладчика. Когда он поднялся на трибуну для ответа критикам, присутствующие встали и несколько минут рукоплескали, а завершение речи вновь встретили «продолжительными аплодисментами»^{404}.

Убежденностью в силе партии было проникнуто и слово Милюкова при закрытии съезда. В его финале звучало: «Сознание ответственности, лежащей на нас, и чувство доверия, оказанное нам, — вот та внутренняя наша связь, которая позволяет не бояться никакого раскола и посеять уверенность в том, что и при неблагоприятных внешних условиях партийное кровообращение будет совершаться вполне правильно»^{405}.

Впрочем, позиция Милюкова была должным образом оценена не всеми делегатами; в результате он, вроде бы восторжествовавший на съезде, при избрании ЦК оказался лишь шестнадцатым из сорока по числу поданных голосов (против него проголосовали десять участников съезда из 125)^{406}.

Милюков был избран в Думу от Санкт-Петербурга. «Русский европеец стал представлять наиболее европеизированный город империи», — писал

его американский биограф Т. Риха^{407}. Упомянувшийся выше С. Е. Крыжановский, по существу, повторил в своих воспоминаниях фразу, которую произнес при встрече с Милюковым перед зданием Таврического дворца, когда открывалась Первая Государственная дума: «Милюков был значительно более опасен вне Думы, чем в качестве ее члена. Его главный недостаток — бестактность — часто ставил партию в неудобное положение в Думе»^{408}.

Третья Дума начала работу 1 ноября 1907 года, а первое выступление Милюкова состоялось 13 ноября. Он принял участие в прениях по проекту ответа на тронную речь, которую от имени императора зачитал Столыпин. Лидер партии кадетов сосредоточил внимание на двух вопросах — на отсутствии в ответе слова «конституция» и игнорировании интересов национальных меньшинств, уступках великорусскому шовинизму как в речи, так и в думском ответе. Милюков высмеял тех, кто отрицал необходимость употреблять слово «конституция» по причине его нерусского происхождения: «Говорят, что конституция — это иностранное слово, а некоторые люди не любят иностранных слов. Но, господа, император, — это тоже иностранное слово. Монарх, царь — также иностранные слова и даже автократ — это перевод с греческого»^{409}.

Милюков, естественно, стал руководителем парламентской фракции кадетов. Под его руководством фракция старалась вести себя достойно, а сам он обычно не поддавался на провокации, нередко звучавшие с думской трибуны со стороны левых и особенно крайне правых депутатов.

Особенно усердствовал Владимир Митрофанович Пуришкевич — один из лидеров черносотенного Союза русского народа, депутат от Бессарабской губернии, к эпатажным выходкам которого депутаты почти привыкли. Одно из своих выступлений он начал словами из басни Крылова, смотря в упор на Милюкова:

*Павлушка, медный лоб, приличное названье,
Имел ко лжи большое дарованье*^{410}.

Павлу Николаевичу стоило огромного труда сделать вид, что оскорбительный выпад не имеет к нему никакого отношения. С непроницаемым лицом он сидел на своем месте, отлично понимая, что любая реакция поставила бы его в смешное положение.

В другой раз Пуришкевич во время своего выступления, заметив на

лице сидевшего в первом ряду Милюкова ироническую улыбку, схватил стоявший на трибуне стакан с водой и бросил в него. Стакан разбился у ног Милюкова, который даже не пошевелился, а председательствовавший октябрист Гучков удалил Пуришкевича с заседания.

Более серьезный инцидент произошел во время весенней сессии 1908 года, когда Милюков после возвращения из Соединенных Штатов (об этой поездке речь пойдет ниже) взошел на трибуну для очередного выступления. Очевидно, все правые фракции по инициативе Пуришкевича договорились об устройстве ему бойкота, считая его поведение в Америке «изменой родине». Когда Милюков начал речь, они все как один направились к выходу. Гучков вроде бы последовал их примеру, но, вспомнив, что он всё же замещает председателя Думы^[7], возвратился на место и объявил перерыв. После перерыва Милюков вновь появился на трибуне, и история повторилась, после чего Гучков объявил об окончании дневного заседания^{411}.

Газета «Русское слово» писала: «Кулуары полны толков об инциденте с Пуришкевичем. Всех более волнуют крайне правые, которые страшно недовольны тем, что Пуришкевич нарушил партийную дисциплину. Как рассказывают различные депутаты этой фракции, на последнем заседании бюро постановлено подождать прихода американских газет со стенографическим отчетом речи Милюкова в Америке, чтобы внести запрос о том, совместимо ли с достоинством члена Думы такое поведение... Пуришкевич покинул зал, не останавливаясь ни с кем по дороге и избегая встреч и бесед. Маклаков, улыбаясь, говорит: «Сегодняшним днем могут быть довольны одни журналисты»^{412}.

На следующее утро появился очередной номер газеты «Речь», в котором Милюков не только опубликовал свою непроизнесенную речь, но и прокомментировал безответственное поведение думского большинства. Вслед за этим текст выступления вышел отдельным изданием^{413}.

После открытия очередного заседания Павел Николаевич поднялся на трибуну в третий раз. Правые депутаты, то ли поняв бессмысленность новой демонстрации, то ли сочтя, что свое отношение к лидеру кадетов они уже выразили, остались на своих местах, и выступление состоялось.

Позже произошел весьма неприятный инцидент с участием Гучкова. Сочтя, что какое-то место в выступлении Милюкова носит для него оскорбительный характер, этот неисправимый дуэлянт направил к нему своих секундантов — бывших офицеров и членов Думы. Поводом для вызова послужило выступление Милюкова, в котором он заявил, что

Гучков «более чем свободно» толкует Наказ Государственной думе, думские прецеденты и намерения партий, при этом несколько раз употребил слово «неправда», из чего его оппонент сделал вывод, что Милюков сознательно обвинил его во лжи. Милюков, относившийся к дуэлям крайне отрицательно (об этом было широко известно, и Гучков явно рассчитывал на отказ, которым кадетский лидер поставил бы себя в унижительное положение), вызов принял, сочтя, что в противном случае уронит свой авторитет даже в глазах членов собственной партии. Тыркова-Вильямс вспоминала: «Гучков стрелять умел, был спортсмен, драчун. Милюков, мешковатый, кабинетный, вряд ли знал, как держать револьвер».

В качестве секундантов Павел Николаевич пригласил думца-кадета Александра Михайловича Колюбакина и другого однопартийца, члена Думы первого созыва Алексея Александровича Свечина (оба в прошлом были офицерами). В то время как Гучков и Милюков всерьез собирались драться (накануне предполагаемого поединка, намеченного на 9 мая 1908 года, Милюков вспоминал арию Ленского из «Евгения Онегина»!), секунданты, отлично понимая, какой политический вред причинит эта дуэль российскому парламентаризму, напряженно искали способ примирить их. До настоящего поединка дело не дошло. Секунданты долго совещались и в конце концов нашли формулировку, удовлетворившую обе стороны: Гучков имел основание считать себя оскорбленным, но Милюков не хотел его оскорбить^{414}. Тыркова-Вильямс вспоминала: «Дуэль не состоялась, но по крайней мере неделю вокруг нее шел по Таврическому дворцу гул»^{415}.

«Петербургская газета» писала 10 мая в развязном стиле: «Хотя конфликт между г. Милюковым и г. Гучковым закончился благополучно для обоих лидеров, но из-за этой «дуэли» поплатились здоровьем два журналиста. В ту ночь, когда ожидалась дуэль, двое журналистов на автомобилях с фотографическими аппаратами в руках чуть ли не десять часов дежурили на улицах: один у подъезда квартиры г. Гучкова, другой у подъезда квартиры г. Милюкова. Ночь, как нарочно, была сырая и холодная. Оба журналиста продрогли до мозга костей. Утром обе жертвы чужой «дуэли» заболели. Оба журналиста во время «дежурства» на автомобилях схватили жестокие флюсы».

Через день после назначенной, но не состоявшейся дуэли на Милюкова, возвращавшегося вечером домой из редакции газеты, напали несколько человек, повалили на тротуар и нанесли многочисленные удары. К счастью, внутренние органы не были повреждены, и пострадавший

отделался большими синяками. Из реплик напавших он понял, что это были то ли ремесленники, то ли приказчики, ослепленные шовинистической пропагандой и подогретые направленными против Милюкова статьями крайне правой газеты «Новая Русь», которую в это время стал выпускать старший сын крупнейшего издателя А. С. Суворина, провозгласивший поход против проникновения иностранного капитала в Россию и вообще против иностранщины и объявивший Милюкова предателем отечества. Тотчас было подано заявление в полицию, но хулиганы так и не были обнаружены. По этому случаю милюковская фракция внесла в Думу запрос; он был передан в комитет по интерполяциям и просто позабыт, а сами кадеты решили не настаивать на его рассмотрении.

А еще раньше, 7 ноября 1907 года, был дуэльный случай на самом высоком уровне, в котором Милюков оказался замешанным, правда, в тот раз косвенно. После первого выступления председателя правительства Столыпина, оправдывавшего политику жестких репрессий по отношению к террористам и прочим преступникам, сочетавшим открыто уголовные действия с политическими мотивами (такие экспроприации, или «эксы», обычно организовывали большевики для пополнения партийной кассы), кадетская фракция решила выступить с энергичным протестом. Чтобы уберечь руководителя партии от возможных эксцессов, фракция поручила выступить не ему, а Федору Измайловичу Родичеву, известному ораторским даром и страстностью выступлений, однако не учла, что того подчас «заносит».

Именно так произошло на этот раз. Родичев произнес сильную и довольно аргументированную речь против смертных приговоров, выносившихся военно-полевыми судами, но так распалился, что закончил ее выражением «стольпинские галстуки» и к тому же обвел рукой вокруг головы, изображая повешение.

(Кстати, с этого времени выражение «стольпинские галстуки» прочно вошло в революционную пропаганду социал-демократов и эсеров. Появились даже язвительные куплеты:

*У нашего премьера
Ужасная манера —
На шею людям галстуки цеплять.)*

Впечатление, произведенное финалом речи Родичева, было настолько

сильным, что Дума на несколько мгновений замерла. Затем Столыпин, сидевший в правительственной ложе, молча поднялся, с шумом отодвинул кресло и вышел из зала. Проправительственное большинство, включая октябристов, проводило премьера бурей аплодисментов вставших депутатов. Непонятно, какая стихийная сила подняла в этот момент и Милюкова, тогда как все остальные кадеты (и, естественно, депутаты более левых организаций) остались сидеть. Фракция смотрела на своего главу с недоумением.

Столыпин же, удалившись в правительственное помещение, тут же направил к Родичеву своих секундантов, сообщивших, что глава правительства глубоко потрясен и не желает остаться в глазах своих детей «вешателем». Милюков ловко воспользовался своим неудачным поведением — на собравшейся тут же фракции (Гучков объявил перерыв в заседании) он заявил, что его поступок устранил из происшедшего общественный момент и дает возможность Родичеву принести личные извинения. Хотя высказывались и противоположные мнения, фракция приняла именно такое решение. Родичев, подчиняясь партийной дисциплине, направился к Столыпину и выразил сожаление по поводу своего поступка. Столыпин холодно бросил депутату: «Я вас прощаю» — и отвернулся.

Во фракции и в руководстве кадетской партии шли бурные споры по поводу этого инцидента. Официальное решение вынесено не было. Родичев считал поступок Милюкова чуть ли не предательским. Правда, вечером «партийные дамы» внешне примирили их, преподнеся каждому букет цветов. Сам же Милюков так и не смог однозначно оценить свое поведение: «...я испытывал двойное ощущение, что поступил правильно и иначе поступить не мог, но в итоге только создал для Родичева унижительное положение»^{416}.

Поведение Милюкова вызвало ожесточенную критику со стороны революционных кругов. Кадетская пресса, как могла, защищала руководителя партии. Но чувствовалось, что и в этой среде им были недовольны. «Вестник Партии народной свободы» опубликовал изложение речи Родичева, сохранив выражение «столыпинские галстуки», за что секретарь редакции Александр Юльевич Блох был приговорен к годичному тюремному заключению^{417}. Арест Блоха был преддверием конца партийного журнала — 3 февраля 1908 года он был закрыт властями: упоминание о «столыпинских галстуках» стало последней каплей, переполнившей чашу терпения премьера.

В определении думской тактики кадетов и в целом направлений и форм их политической борьбы немалую роль играли партийные конференции (в условиях резкого усиления охранительного курса правительства не удавалось организовать партийные съезды). Партконференции предполагалось созывать дважды в год, однако в 1910, 1912 и 1914 годах состоялось только по одной конференции. При этом они проводились полулегально, официально именовались совещаниями думской фракции с представителями местных групп и проходили в служебных помещениях партийной фракции в Думе. Всего в 1908–1914 годах было проведено 11 конференций. Милюков руководил ими — выступал с докладами о работе кадетов в Думе, о партийной тактике, об избирательной платформе, направлял ход прений.

Хотя на всех конференциях шли бурные дискуссии, Милюкову вместе с другими членами ЦК и фракции удавалось найти единую линию, предотвратить раскол. Павел Николаевич неизменно подчеркивал на конференциях исключительную важность сохранения думского представительства, его влияния на развитие событий в стране и на саму партию.

На конференции в мае 1909 года он говорил, что выступления кадетов в Думе «есть воздух, которым дышат» по всей стране. «Работа Думы является единственной организующей работой и для страны»^{418}, — провозглашал Милюков.

Зарубежные поездки внешнеполитического эксперта

Став депутатом Государственной думы, П. Н. Милюков не прерывал деятельности на международной арене, где получил сравнительно широкую известность в предыдущие годы. В 1908–1909 годах он предпринял три зарубежные поездки. Лидер кадетов становился признанным экспертом по внешней политике.

Первой была краткая поездка в США, уже третья по счету. На сей раз Милюкова пригласил Гражданский форум — авторитетная общественная организация, в которую входили видные деятели, главным образом из Демократической партии. Приглашение он получил еще до выборов и дал согласие, скорее всего, полагая, что и на этот раз не попадет в Думу. Теперь же приходилось приспособливаться к обстоятельствам. Не желая нарушать свое обязательство, Милюков использовал двухнедельные думские рождественские каникулы. Тот факт, что пришлось 12 дней провести на

пароходе ради всего лишь трех дней в самой Америке, свидетельствует, какое значение он придавал лекции о новом политическом положении в России.

Выступление в Карнеги-холле — одном из крупнейших помещений Нью-Йорка, предназначенных для общественных инициатив, — состоялось 14 января 1908 года по новому стилю, то есть в первый день года по действовавшему тогда в России юлианскому календарю. В отчете о лекции, опубликованном в качестве приложения к ее американскому изданию^{419}, говорилось: «Зал был полностью заполнен аудиторией, которая составляла почти 400 человек, представлявших наиболее влиятельные слои города». Поскольку Карнеги-холл в то время был рассчитан как раз на 400 человек, можно с уверенностью утверждать, что сам Милюков в эйфории от оказанного ему приема в полтора раза преувеличил число присутствовавших — дважды сказал о шести сотнях слушателей, с которыми он должен был поздороваться за руку и обменяться любезностями, прежде чем подняться на трибуну^{420}.

Лекция была посвящена длительному кризису во внутренней жизни России, его результатам и роли в нем кадетской партии. «Наша позиция как силы, находящейся в положении политического центра, ныне значительно ослабела. Другие партии, значительно более консервативные, чем наша, ныне играют роль умиротворителя». Оратор выразил уверенность, что созданная таким образом стабильность непрочна в силу слишком больших компромиссов с царским режимом и знатью. Анализ соотношения классовых сил в России, политики правительства Столыпина, деятельности оппозиционных группировок позволил Милюкову прийти к выводу, одновременно оптимистическому и предостерегающему: «Если революция в России нечто потеряла в своем внешнем драматическом характере, это произошло не потому, что движение уничтожено, а в результате того, что оно пустило значительно более глубокие корни в низшие социальные слои. На кону ныне социальная структура будущей России. Ныне определяется судьба [России] на ближайшие столетия. И это объясняет, почему массы, которые кажутся немыми и безгласными, всем своим сердцем надеются на нынешние движения, которые не прекратятся, пока тем или иным путем не будут решены основные проблемы». Таким образом, сообщил Милюков американской аудитории, неминуемо основательное преобразование страны, по возможности мирным путем, но не исключены и крайне нежелательные насильственные формы.

Собрание не только выразило благодарность Милюкову, но и

единодушно поддержало резолюцию, одобрявшую его подход к решению основных задач, стоявших перед Россией. Павел Николаевич, как указывалось в американском издании лекции и как он повторил в воспоминаниях, был очень доволен впечатлением, произведенным его докладом на весьма влиятельных американцев. Добавим, что, несмотря на все негативные отзывы, которые раздались в его адрес после возвращения из Америки, эта поездка серьезно укрепила его политическое положение на родине — в том смысле, что, поскольку правительство Столыпина нуждалось в развитии экономических, а следовательно, и политических отношений с быстро растущей заокеанской державой, репрессии против лидера кадетов теперь могли быть восприняты в Вашингтоне и Нью-Йорке как своего рода недружественный акт в отношении самой Америки. Очевидно, именно поэтому российский официальный представитель в США барон Роман Романович Розен не просто подозрительно смотрел на визит Милюкова, но отрицательно отнесся к идее его приема американским президентом Теодором Рузвельтом (считалось, что тот благожелательно относится к России; он стал лауреатом Нобелевской премии мира за посредничество в подписании Портсмутского мирного договора между Россией и Японией).

Протокол требовал, чтобы «добро» на прием президентом США иностранного общественного деятеля дал официальный представитель соответствующей страны. Когда же американцы обратились к Розену, он ответил, что не получал никакой просьбы Милюкова, но в случае поступления таковой рассмотрит ее. Ему, однако, было известно заявление Милюкова, сделанное в Нью-Йорке, что, как представитель оппозиции, он не станет обращаться к послу, полагая, что ему будет отказано в рекомендации.

Милюков приехал из Нью-Йорка в Вашингтон, видимо, надеясь, что сам посол проявит инициативу. Но тут коса нашла на камень. В гостиницу к упрямому кадету приходили разные посредники, убеждали его, что американский президент хотел бы с ним встретиться, что посол, безусловно, даст соответствующее рекомендательное письмо. Посетители удивлялись «непонятливости» Павла Николаевича, но на поклон в посольство он так и не пошел.

Вместо приема у Рузвельта состоялась неофициальная встреча с депутатами Конгресса США. Здесь не было никакого доклада, присутствовавшие задавали вопросы, в основном фактического характера, из которых Милюков понял, как мало знали о России даже высокопоставленные американские государственные деятели.

Розен 6 (19) февраля 1908 года написал в российский МИД огромное письмо-отчет об этом инциденте, представив дело так, будто сам Рузвельт не хотел принимать Милюкова и только искал предлог для отказа. Президент, мол, сам сообщил ему, что «примет г-на Милюкова лишь в том случае, если об этом к нему обратится с просьбой российский посол». Якобы вслед за этим на обеде, данном дипломатическому корпусу, Рузвельт заявил Розену: «Мой дорогой барон, я должен рассказать вам о том, как веселился сегодняшним утром, отказывая этому мистеру Милюкову в приеме». Скорее всего, это была выдумка посла. В то же время Розен послал в Петербург текст лекции, прочитанной Милюковым в Карнеги-холле, и добавил: «Воздерживаясь от критического разбора этой речи, скажу лишь, что она и по тону, и по содержанию была весьма искусно рассчитана на то, чтобы понравиться американской публике, и имела поэтому известный успех»^[421].

После молниеносного визита почти неделю продолжалось морское путешествие на родину. Свой рассказ о поездке в США Милюков завершил в воспоминаниях словами: «Как раз тогда на океане разразилась серьезная буря, единственная, которую я испытал. Гигантские волны хлестали через стеклянную вышку, в которой помещался музыкальный салон. Зрелище было увлекательное — и страшное. О том, как меня встретила Дума, рассказано выше»^[422].

Второй зарубежный вояж был предпринят на Балканы. Как мы знаем, Милюков уже не раз бывал в этом сравнительно небольшом, но сотрясаемом раздорами и конфликтами регионе Европы и с особым вниманием относился к происходившим там событиям, которые могли привести не только к войне между странами опасного региона, но и крупному международному военному противостоянию. Милюков стремился оценить ситуацию на Балканах не только по печатной информации, но и на основании собственных впечатлений и осведомлять о ней общественность. Безусловно, в то время он был самым крупным русским специалистом по истории, культуре, внутривосточной жизни, международным отношениям Балканских стран. Немаловажную роль в его решении совершить новую поездку сыграли и воспоминания о пребывании в Болгарии, которая дала ученому и начинающему политику приют и профессорскую должность, когда ему грозила тюрьма.

Новой поездке кадетского лидера предшествовали его выступления в Госдуме по внешнеполитическим вопросам. Некоторые видные однопартийцы, в частности депутат от Воронежа Андрей Иванович

Шингарев, возражали против участия кадетов в дебатах по внешнеполитическим вопросам, так как в этом случае они вынуждены были бы выражать солидарность с дипломатическими акциями министра иностранных дел Извольского, тем самым отходя от оппозиционного курса^{423}.

Милюков выразил решительное несогласие с Шингаревым, подчеркивая необходимость ответственного, государственного подхода ко всему спектру жизни страны, включая международные аспекты. В выступлении по поводу доклада Извольского о политике России на Дальнем Востоке он показал пример по возможности объективного, до определенной степени «внепартийного» анализа. Милюков заявил: «Несогласие оппозиции с точкой зрения некоторых министров очень часто вырастает до размеров острых принципиальных противоречий. Но я должен сказать, что такого несогласия в отношении представителя нашего Министерства иностранных дел нет, когда он выступает с этой трибуны как посланец мира и представляет нам точку зрения, которая защитит русский народ»^{424}.

Но наибольшее внимание Милюкова в это время привлекали не дальневосточные дела — там после заключения Портсмутского мира опасность нового военного столкновения не грозила, — а положение на юго-востоке Европы, где на национальные движения и межгосударственные противоречия накладывались амбиции крупных европейских держав. Он не раз вспоминал Берлинский конгресс 1878 года, на котором Россия была частично лишена плодов своей полной победы в войне над Турцией, а Австро-Венгрия вознаграждена за неучастие в войне передачей ей в управление Боснии и Герцеговины.

Теперь на Балканах назревали новые конфликты, связанные с теми же Боснией и Герцеговиной, противоречиями великих держав и свержением султана Абдул-Хамида. Тайные организации политического движения младотурков, созданные главным образом в армейских частях, размещенных в Македонии, в июле 1908 года объявили о неподчинении правительству, при поддержке болгарских и албанских формирований захватили власть в Салониках и других македонских городах, а затем заставили султана отречься от престола. Было объявлено о созыве палаты депутатов. 24 июля появилась на свет конституция, вводившая некоторые либеральные нормы. Вслед за этим младотурки потребовали возвращения Боснии и Герцеговины. Было ясно, что события в Турции ускорят полную аннексию этих славянских территорий Австро-Венгрией. Кризис, который

мог привести к катастрофическим результатам, был налицо, и Милюков не мог удержаться от искушения проследить его развитие собственными глазами.

Для новой поездки на Балканы он воспользовался летними каникулами Думы. Начал он путешествие с Константинополя, сойдя с корабля в тот день, когда происходила коронация нового султана Мехмеда V. Милюков лишь мельком взглянул на обряд, побывал в редакции оппозиционной турецкой газеты, где его встретили как собрата по оружию, и на следующий день отправился поездом в Салоники — фактическую столицу Македонии и центр младотурецкого движения.

В купе Павел Николаевич познакомился с попутчиками — македонским болгаринном и турком. Если первый восторженно приветствовал «младотурецкую революцию», которая, как он надеялся, даст самоопределение его земле, то второй, Мехмед Талаат, представившийся почтовым чиновником, оказался одним из руководителей боевых единиц младотурков, организовавших переворот. Вскоре он станет лидером младотурецкой партии «Единение и прогресс», министром внутренних дел, затем великим визирем, проповедником панисламизма, одним из главных виновников резни армян в Османской империи^{425}.

Пока же Павел Николаевич с огромным интересом слушал разглагольствования наивного болгарина-христианина и скрывавшего свои мысли фанатика-турка. В следующие дни в Салониках Милюков несколько раз встречался с Талаатом, который подробно расспрашивал о русской революции и борьбе против самодержавия. С разочарованием и осуждением своей тогдашней доверчивости Милюков писал в воспоминаниях: «Всё же я поддался общему настроению и склонен был поверить, что революция сделала чудо»^{426}. Впрочем, уже в Салониках, встречаясь с Талаатом и другими османскими деятелями, Милюков постепенно убеждался, что в лозунге «единения и прогресса» первая часть явно преобладала, причем под «единением» однозначно понималось сохранение власти турок над другими народами европейской части Османской империи; что же касается «прогресса», то это было лишь пустое слово, ибо ни о каком продвижении по пути социально-политических преобразований младотурки не помышляли.

Следующим пунктом путешествия стал Белград, столица Сербского королевства. Здесь у Милюкова были старые знакомые еще по Московскому университету, откровенные беседы с которыми позволили лучше понять ситуацию в регионе. Его убежденность, что славянское

население Македонии принадлежит к болгарскому народу, еще не разрушила дружеские связи с сербами.

Сербские деятели настолько доверяли Милюкову, что даже посвятили его в секретные планы, рассказали о создании на территории, оккупированной Австро-Венгрией, сербской подпольной вооруженной организации «Омладина», позаимствовавшей название у действовавшего во второй половине XIX века тайного общества, боровшегося за независимую Сербию. Новая «Омладина» ставила цель объединения всех сербских земель. Более того, деятель Внутренней македонской революционной организации Димитр Ризов рассказал Милюкову о секретных переговорах между группами молодых болгар и сербов о совместной борьбе за полное национальное самоопределение и избавление от российской опеки.

В течение краткого времени Милюков находился в главном городе Боснии Сараеве, а затем посетил Загреб и Софию.

На протяжении всей поездки, продолжавшейся около полутора месяцев, Милюков посылал статьи в газету «Речь», где они почти каждый день публиковались в форме «Писем с дороги» (всего было опубликовано около сорока писем), освещавших главным образом текущие события, прежде всего политику младотурков.

Милюков возвратился в Петербург, видимо, в конце августа или начале сентября, ко времени открытия осенней сессии Госдумы, вооруженный свежайшими данными о положении на Балканах. Они особенно пригодились, когда в октябре 1908 года было объявлено о полном включении Боснии и Герцеговины в состав Австро-Венгерской империи, после чего Болгария провозгласила ликвидацию своего вассального статуса по отношению к Османской империи, а болгарский князь Фердинанд был провозглашен царем.

Все эти события дали аналитику обильный материал для подготовки сборника исследовательских историко-политологических очерков и статей^[427]. Опубликованная в 1910 году книга объемом более четырехсот страниц подробно рассматривала этапы и перипетии балканского кризиса, роль в нем младотурецкого переворота и аннексии Боснии и Герцеговины, которые автор оценивал как поражение российской внешней политики. В приложении к изданию были помещены «Письма с дороги».

Книга была проникнута ожиданием новых кризисных событий на полуострове. Относительно же ослабления влияния России Милюков делал печальный вывод (впрочем, приписывая эти слова своему неназванному болгарскому корреспонденту): «Нельзя, конечно, воевать с внешним

врагом, прежде чем вы не заключили мира со своим собственным народом»^{428}.

Любопытно, что внимание Милюкова к Восточному вопросу привело к тому, что пресса присвоила ему ироническую кличку Милюков-Дарданелльский, а несведущая публика решила, что он чуть ли не стоял во главе тех, кто требовал присоединения Константинополя и Черноморских проливов. Большевицкая пропаганда вспомнит об этом прозвище в апреле 1917 года, когда будет атаковать Милюкова, тогда министра иностранных дел Временного правительства.

Пока же и в глазах русской интеллигенции, и на международной арене Милюков представал одним из наиболее осведомленных в вопросах внешней политики деятелей. Поэтому было совершенно естественно, что он оказался в составе российской парламентской делегации, посетившей летом 1909 года Великобританию с целью продемонстрировать прочность межгосударственного союза. Британские государственные деятели очень хотели представить свою союзницу Россию в качестве парламентской монархии, а для этого необходимо было, чтобы в делегацию входили представители политических сил разных направлений, включая лояльную оппозицию.

Предложение о таком визите было внесено королем Эдуардом VII во время встречи с российским императором в мае 1908 года на рейде возле Ревеля (Таллина). По подсказке советников из внешнеполитического ведомства король высказал пожелание, чтобы в делегации были представлены различные думские фракции. Чтобы придать визиту еще более весомый дипломатический заряд, было договорено, что делегация посетит также Францию.

Первый в истории визит российской парламентской делегации, состоявшийся 24 июня — 14 июля, прошел триумфально. Фактическими руководителями делегации были лидеры наиболее влиятельных фракций Гучков и Милюков. Но по взглядам, по содержанию выступлений в Думе Милюков был значительно ближе британской и французской общественности, и его принимали особенно тепло. Подчеркнуто демонстративный характер носила встреча в Сорбонне, во время которой раздавались возгласы «Да здравствует Дума!», «Да здравствует Милюков!».

Правда, пресса обеих стран реагировала на визит российской делегации по-разному. В британских левых изданиях, связанных с Лейбористской партией, появились весьма критические отклики, даже выразилось недоумение по поводу того, что лидер оппозиции Милюков своим участием в делегации фактически одобряет не только внешнюю, но и

внутреннюю политику царизма, разогнавшего две предыдущие Думы.

Посол России в Великобритании Александр Константинович Бенкендорф по согласованию с принимавшей стороной считал, что делегация должна ответить печатным протестом за подписями всех ее членов. С «дипломатической миссией» в гостиницу к Милюкову пришел его старый знакомый профессор Лондонского университета Бернард Пейрс. Чуть ли не целый день просидел он в гостиничном номере, уговаривая собеседника присоединиться к единодушному мнению, заверяя, что этим тот нисколько не повредит своей репутации оппозиционера. Всё было тщетно — Милюков никак не мог поставить подпись вместе с правыми деятелями, да еще и под документом, протестовавшим против защиты прав русского парламента^{429}. В результате протест появился в прессе вообще без подписей. Теперь британские социалисты выражали недоумение по поводу того, что Милюков не выступил с протестом против протеста. Отсутствие реакции с его стороны было воспринято русским послом со сдержанным удовлетворением.

Демонстрацией доверия британских государственных деятелей к российской делегации была поездка на недавно открытую военно-морскую базу под Эдинбургом с показом только что построенных дредноутов.

Участие в делегации было личной победой Милюкова. В Великобритании в прессе и во время личных встреч государственные и общественные деятели обращались прежде всего к нему как к наиболее известному и авторитетному политику. Милюков встречался с министром иностранных дел Эдуардом Греем, военным министром Ричардом Холдейном, молодым политическим деятелем Уинстоном Черчиллем, который неукротимой энергией произвел на него впечатление «раскупоренной бутылки шампанского»^{430}.

Отношение депутатов Думы к поездке российской парламентской делегации было неоднозначным. В то время как правительственные партии и умеренная оппозиция (прежде всего кадеты) ее одобрили, ультраправые обрушились на эту инициативу с откровенными нападками. Их лидер В. М. Пуришкевич назвал поездку «наглым и самозванным наездом», который приведет только к «усилению вмешательства иностранцев в наши внутренние русские дела»^{431}. Сама реакция правых свидетельствовала о явном успехе парламентской делегации, впервые общавшейся с представителями конституционных учреждений Западной Европы^{432}.

С анализом внешней политики России Милюков многократно выступал в различных городах страны, а несколько позже, в 1912 году,

посвятил этой проблеме специальную книжку^{433}.

Думские будни

Поездки за рубеж, хотя и заполненные интенсивной работой, всё же отвлекали Павла Николаевича от повседневной думской и журналистской деятельности, по крайней мере вносили разнообразие в парламентские будни. Он был одним из наиболее дисциплинированных депутатов, почти не пропускал заседаний, тщательно следил за прениями, многократно брал слово, координировал выступления однопартийцев.

О тщательной подготовке Милюкова к заседаниям свидетельствует огромный документальный материал текущей думской работы в его архивном фонде, насчитывающий сотни дел. Из них мы узнаём о его знакомстве с материалами других партий, в том числе РСДРП, обнаруживаем тысячи писем и телеграмм, которые он получал со всех концов страны и из-за рубежа, в частности о положении отдельных национальных и религиозных групп, злоупотреблениях администрации и т. д. Только материалы по еврейскому вопросу занимали десятки папок. В заметках по еврейскому вопросу Милюков отмечал высокую степень ассимиляции евреев в России. Выступления кадетского лидера в Думе в защиту прав еврейского населения неоднократно вызывали гнусные антисемитские пасквилы, которые он получал^{434}.

Когда уже в эмиграции чествовалось семидесятилетие Милюкова, историк Б. А. Евреинов, внимательно просмотрев стенографические отчеты Государственной думы третьего и четвертого созывов, составил тематический перечень выступлений Павла Николаевича для сборника юбилейных материалов, которые тот поместил в приложение к своим воспоминаниям^{435}.

Выступления в Третьей Государственной думе Евреинов разбил на 11 рубрик, которые дают представление о разнообразии интересов и тематики выступлений руководителя фракции кадетов. Вопросам конституции и государственного права были посвящены 11 выступлений, внутренней политике (включая запросы) — также 11, национальному вопросу — 13 (одно касалось национального вопроса в целом, а остальные — финляндского, польского, украинского, еврейского вопросов и положения азиатских народов России). Девять раз Милюков выступал по проблемам народного просвещения. По пять выступлений были посвящены аграрному,

церковному вопросам и внешней политике (последнее объясняется тем, что Министерство иностранных дел крайне редко делилось с депутатами соображениями), различным другим вопросам (оборона, финансы, литературная собственность и др.) — 12. Таким образом, в 1907–1912 годах брал слово в Думе 71 раз. Особенно активен он был во время второй думской сессии (октябрь 1908-го — май 1909 года).

Так оттачивалось ораторское искусство Милюкова. Обычно он не писал текстов речей, а только на одном-двух листках (чаще всего формата открытки) мелким, понятным только ему почерком (расшифровка рукописей Милюкова — задача исключительной трудности для исследователя) набрасывал основные тезисы, фиксировал цифры и указывал источники^[436], а затем сравнительно логично и последовательно развивал этот план в выступлении. Великолепная память Павла Николаевича давала возможность лишь изредка, в основном для самоконтроля, заглядывать в заметки.

Писатель Марк Алданов вспоминал: «Милюкова можно было слушать часами с наслаждением. Его речи состояли из аргументов и только из аргументов. Он точно доказывал теорему, не забывая ни одного довода в цепи доказательств, не забывая их последовательности, никогда не отвлекаясь в сторону. Вместе с тем его чисто московская речь была всегда безупречно правильна, у него и простые обмолвки попадались очень редко. Особенно хорош он бывал в дебатах, когда отвечал оппоненту или оппонентам. Основную речь можно дома подготовить, но отвечать противникам необходимо экспромтом. И ответные речи Павла Николаевича часто бывали настоящими шедеврами по стройности и находчивости диалектики, по неотразимой логической силе»^[437].

Роль Милюкова в выражении взглядов оппозиции становилась тем более важной, что другие наиболее авторитетные партийные деятели в Думу не попали, поскольку были осуждены в связи с подписанием ими Выборгской декларации. Кроме того, партийным деятелям нередко казались бесполезными выступления с парламентской трибуны, так как правительство, как правило, не считалось с мнением оппозиции, а до населения это мнение не доходило. Милюков, однако, преодолевал такие мысли и упорно проводил свою линию.

У А. В. Тырковой-Вильямс встречаем описание Павла Николаевича периода его думской деятельности: «В наружности Милюкова не было ничего яркого. Так, мешковатый городской интеллигент. Широкое, скорее дряблое лицо с чертами неопределенными. Белокурые когда-то волосы ко

времени Думы уже посерели. Из-за редких усов поблескивали два или три золотых зуба, память о поездке в Америку. Из-под золотых очков равнодушно смотрели небольшие серые глаза. В его взгляде не было того неумовимого веса, который чувствуется во взгляде властных сердцеведов. На кафедре Милюков не волновался, не жестикулировал. Держался спокойно, как человек, знающий себе цену. Только иногда, когда сердился или хотел подчеркнуть какую-нибудь важную для него мысль, он вдруг поднимался на цыпочки, подпрыгивал, точно хотел стать выше своего среднего роста. Также подпрыгивал он, когда ухаживал за женщинами, что с ним нередко случалось»^[438].

К этому времени Милюков по сознательному выбору посвятил себя политическим делам. Для личной жизни (а он включал в нее и научную деятельность как чисто индивидуальное интеллектуальное занятие) времени не оставалось.

Анна Сергеевна, в свою очередь, была занята вопросами женского равноправия, а также делами открытого ею издательства. К сожалению, нам не удалось установить название и характер этого издательства, но, учитывая, что эти сведения отсутствуют в документах и воспоминаниях, можно предположить, что издательство было небольшим и не очень успешным.

Павел Николаевич не только перестал читать научную историческую литературу, но даже не просматривал новые издания своих работ, продолжавших вызывать интерес и у специалистов, и у широкой публики; у последней — главным образом потому, что книги принадлежали перу известного политика: в них искали продолжение его мыслей, высказываемых с думской трибуны и в газетах. Из бывших коллег по университету Милюков сохранил наиболее тесную связь с В. О. Ключевским, которого регулярно навещал. Но восстановление отношений было связано почти исключительно с политикой: он регулярно докладывал Ключевскому о делах в Думе и динамичном закулинье русской общественно-политической жизни.

В 1910 году Ключевский скончался. В статье, посвященной его памяти, Милюков остался верен себе — не ограничился оценкой заслуг Ключевского перед исторической наукой: «В 1905 году, по инициативе руководителей дворянского съезда В. О. Ключевский был приглашен на особое совещание в Петергоф для обсуждения вопроса о введении конституции по проекту 6 августа, составленному министром внутренних дел А. Г. Булыгиным. Но, увы, дворяне обманулись в своих надеждах на поддержку со стороны В. О. Ключевского. Последний категорически заявил

на совещании, что считает с государственной точки зрения крайне опасной узко-сословную политику, которой предлагали придерживаться остальные члены совещания». Милюков, правда, не стал добавлять, что именно он стремился внушить Ключевскому самостоятельную позицию во время революции. Статья о Ключевском была опубликована не только в «Речи», но и в некоторых провинциальных изданиях, например в харьковской газете «Южный край» от 27 мая 1911 года.

На личные заботы времени почти не оставалось. Проведя день в Думе, Милюков к вечеру отправлялся в редакцию своей газеты, писал передовицу для очередного номера, иногда еще и статью на злободневную тему, а затем дремал на диване в ожидании корректуры и последних новостей, поскольку могла потребоваться замена уже набранного материала срочной информацией.

В воспоминаниях Павел Николаевич ни словом не упоминает об общении со своими детьми, участии в их воспитании. Кажется, дети для него существовали как некие абстрактные образы, а не живые люди, что контакты с ними не выходили за рамки дежурных вопросов, за которыми следовали столь же краткие ответы. В то же время из детских писем его дочери Натальи (Таки, как ее называли в семье) видно, что детей приучали к самостоятельности, аккуратности, грамотности и четкости в переписке^{439}. Политика захватила его полностью, стала не просто центральной частью жизни, а всей жизнью, почти не оставляя места для других забот, включая семейные (правда, он и в это время имел внебрачные связи, но они, как нам представляется, за редкими исключениями не были глубокими, хотя всё же выходили за рамки простого удовлетворения физиологических потребностей).

Единственным удовольствием, в котором Милюков себе не отказывал, была музыка. У него на квартире собирались любители, составлявшие небольшой ансамбль, не очень часто (обычно раз в месяц) игравший отрепетированные произведения для собственного удовольствия. Павел Николаевич исполнял партию второй скрипки или альты, первой скрипки — гвардейский офицер Ростовцев, на виолончели играл учитель русской словесности Нелидов, на рояле — жена Милюкова^{440}.

Правда, Милюков мимоходом упоминал, что именно занятия музыкой привели его к встречам с Ниной (Антониной) Васильевной Лавровой, урожденной Григорьевой, которая через четверть века стала его второй женой. Оказалось, при всём политическом фанатизме (в смысле преданности политике) Павел Николаевич по-прежнему был способен

поддаваться соблазнам.

Их знакомство произошло на вокзале в Великих Луках, когда он возвращался с деловой встречи в Петербург, а она, побывав у родных, направлялась через столицу к мужу, служившему в Томске инженером-строителем. Милюков оставил миловидной даме свою визитную карточку, а через полтора-два года та, овдовев, приехала в Петербург (ее муж был убит рабочим, скорее всего по пьянке — по словам Милюкова, «в какой-то темной истории»).

Можно лишь предполагать, каковы были намерения Нины, когда она пригласила Павла Николаевича (разумеется, без супруги) «поскучать за чайком», и каковы были последствия «скучания». Известно одно: они составили фортепианно-скрипичный дуэт (Лаврова в свое время училась в консерватории). Об остальном говорят скупые строки воспоминаний: «Мало-помалу эти дуэты вошли в привычку, а общие музыкальные вкусы, вместе с личными достоинствами Н[ины] В[асильевны], создали между нами прочные отношения, которым суждено было продолжаться до конца моей жизни»^{441}.

Так что политический фанатизм, который ничуть у Милюкова не убавлялся, всё же удобно сочетался с общением с постоянной дамой сердца. Анна Сергеевна не могла не знать и об этой связи. Однако о разводе ни она, ни муж не помышляли, ибо это неминуемо испортило бы биографию общественного деятеля.

Материальное положение Милюкова к этому времени стало весьма прочным. Он так никогда и не превратился в богача, всю жизнь принадлежал к тому слою, который ныне принято называть верхней прослойкой среднего класса. К заработной плате редактора газеты прибавились жалованье члена Государственной думы, постоянные гонорары за переиздания книг. Это позволило Павлу Николаевичу отказаться, наконец, от съемного жилья, приобрести квартиру в районе Песков — холмистого исторического района столицы, главным преимуществом которого была незатопляемость во время наводнений. Жителями Песков были в основном ремесленники, но постепенно там стала селиться и столичная интеллигенция. Через несколько лет Милюковы перебрались в центр города, купив квартиру в доме на углу Бассейной улицы (ныне улица Некрасова) и Парадного переулка.

Более того, посещая Крым, где теперь жил И. И. Петрункевич в имени своей падчерицы, известной просветительницы и благотворительницы графини Софьи Васильевны Паниной, Милюков по случаю приобрел земельный участок, а затем построил небольшой домик

недалеко от Судака, в местечке Батилиман. Вскоре был куплен еще один небольшой дом, на этот раз в Финляндии на берегу Финского залива.

В последнем случае не обошлось без хлопот. Очевидно, для проверки достоверности какого-то рапорта как раз во время пребывания Павла Николаевича нагрянула группа генералов и офицеров. Они вели себя дружески и благодушно — всё же хозяин был одним из видных думских депутатов — и этим ослабили его бдительность. Милюков повел незваных посетителей на террасу, чтобы они полюбовались прекрасным видом на залив, и в шутку произнес: «Милости просим сюда, когда приедет Василий Иванович» (так в интеллигентских кругах России называли германского императора Вильгельма II).

Гости никак не прореагировали, но через несколько дней Милюков получил предписание освободить за компенсацию свой участок по военным соображениям — оказалось, что эта земля находится в створе оружейной стрельбы с прибрежных фортов. Пришлось подыскивать новый участок за пределами военной зоны. Вскоре он был найден сравнительно недалеко, в местечке Ино, и Милюков оборудовал здесь свою летнюю резиденцию, которой пользовался намного чаще, чем крымской. Учитывая близость к столице, он имел возможность выезжать на финскую дачу на краткое время в период работы Думы. Павел Николаевич перевез сюда значительную часть своей библиотеки. Как раз эта часть была спасена — американский профессор Фрэнк Голдер, участвовавший в деятельности Американской администрации помощи, обнаружил ее и перевез в США, а Милюков продал Станфордскому университету (Калифорния), где она и хранится по сей день в фондах Гуверовского института войны, революции и мира.

В мае 1911 года Анна Сергеевна писала сыну Сергею: «Мы наслаждаемся всеми тебе известными благами нашей дачной жизни — купанием, земледельческими работами и полным уединением. Папа был с нами три дня, теперь в Петербурге несколько дней, а затем месяца два проживет у нас, в августе же будет в Петербурге, потому что Гессен уезжает, и, значит, будет приезжать к нам только на праздники»^{442}.

Думскую деятельность Павел Николаевич вел в соответствии с задачами кадетской партии, сформулированными им на партийной конференции в ноябре 1909 года — из-за ограниченности средств и административно-полицейских препятствий на местах пришлось ограничиться присутствием столичных деятелей и тех, кто смог на свои средства приехать из Москвы и других сравнительно близких мест.

Милюков выступил на конференции с основным докладом о

политическом положении^{443}, в котором констатировал: «В стране в настоящее время нет достаточно организованных сил даже для твердой поддержки того, что уже достигнуто общественными усилиями последних лет, не говоря о дальнейшем расширении этих приобретений. Среди наступившего политического затишья прогрессирует лишь процесс дезорганизации общественных сил, успевших сколько-нибудь организовать в предыдущее время». Однако причины массового недовольства не исчезли — более того, их действие усилилось в той мере, в какой возросло сознательное отношение к политическим событиям. «А рост этой сознательности за последние годы, по общему признанию, огромный». Основой тактики конституционных демократов Милюков считал возможные совместные выступления с «демократическими монархистами» и более или менее тесные связи с «буржуазными конституционалистами», правда, без подписания каких-либо блоковых соглашений или других документов о сотрудничестве.

В качестве главной задачи он назвал строительство «большой, открыто действующей политической партии, рассчитывающей на легальную организованную деятельность».

Именно этими установками, одобренными конференцией, Милюков руководствовался в своей деятельности в Государственной думе. С ее первой сессии он прилагал все силы, чтобы максимально расширить — разумеется, в пределах, допускаемых существовавшим законодательством, — вмешательство Думы в дела государственного управления. При этом подчас удавалось, пользуясь тем или другим поводом, особенно ошибками высших государственных чиновников, добиваться по конкретным вопросам единства действий с правыми фракциями.

Уже на заседании 24 апреля 1908 года Павел Николаевич внес предложение создать комиссию по проверке хозяйства железных дорог. Во время работы Думы предыдущих составов такая проверка, к тому же с участием привлеченных специалистов, не допускалась. На свою беду министр финансов Коковцов, возражая на предложение лидера кадетов, оговорился: «Слава богу, у нас нет парламента» (он явно имел в виду парламентаризм, то есть отчетность правительства перед выборным органом). Милюков бросил в ответ: «Слава богу, у нас есть конституция».

На следующий день депутат-октябрист от Саратовской губернии граф Алексей Алексеевич Уваров по поручению своей фракции заявил, что Дума — это и есть парламент, тем самым солидаризуясь с Милюковым. С аналогичными заявлениями выступили и представители других фракций. Правда, крайне правые горячими аплодисментами проводили Коковцова и

освистали его оппонентов^{444}.

В выступлениях по аграрному вопросу, которые приобретали особую актуальность в связи с началом проведения Столыпинской земельной реформы, Милюков, в принципе одобряя необходимость кардинальных мер по ликвидации полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве, сосредоточивал внимание на существенных недостатках законодательства. С использованием обширных статистических данных он доказывал, что переселение крестьян на восток не даст ожидаемых результатов, поскольку проводится, по существу, уже много лет и запасы годной для обработки земли в Сибири истощаются. Земельный вопрос, считал Милюков, осуществляется по принципу «богатым прибавится, у бедных отнимется»; внимание крестьян отвлекается от необходимости передачи им части помещичьей земли, вбивается клин между зажиточными и малоимущими крестьянами. Оратор противопоставлял этим тенденциям установки на неотчуждаемость крестьянских наделов, удешевление земельной аренды, повышение продуктивности, в частности, путем различных форм кооперации.

Много внимания Милюков — и как руководитель фракции, и как оратор — уделял разоблачению фактов беззакония и произвола, особенно со стороны подразделений Министерства внутренних дел, и не раз называл это министерство органом русского бесправия. Наиболее распространенной формой раскрытия случаев нарушения закона властями были думские запросы. Но Павел Николаевич признавал их недостаток: реакция правительства могла быть отложена на срок до месяца, за это время актуальность происшедшего исчезала, а ответ приобретал форму сообщения о принятых мерах^{445}. Тем не менее в ряде запросов, на которые Министерство внутренних дел вынуждено было давать ответы, поднимались проблемы, интересовавшие всю читающую публику, например, засылка провокаторов в нелегальные организации. По этому вопросу Милюков, обычно дистанцировавшийся от социал-демократов и эсеров, выступал единым фронтом с их представителями, одновременно вскрывая хулиганские действия и даже преступления Союза русского народа и других крайне правых организаций.

Лидер кадетов поднимал и более общие проблемы. 5 марта 1909 года, выступив с большой речью, он предложил изменить избирательный закон в части, касающейся Государственного совета — верхней палаты парламента, благодаря своему аристократическому составу блокировавшей почти все редкие прогрессивные инициативы Думы. Павел Николаевич вспоминал о

своем первом впечатлении от посещения Мариинского дворца — резиденции Государственного совета, куда даже членов Думы допускали лишь на верхний балкон: «Внизу на спокойных бархатных креслах мирно дремлют благодушными лысынами старцы, одни имена которых восстанавливают в памяти эпопею русского беззакония и насилия. Здесь, на покое, они доканчивают свою разрушительную карьеру»^{446}. Разумеется, внося законопроект об изменении избирательного закона, он не рассчитывал на успех — его выступление носило разоблачительно-пропагандистский характер.

Чтобы продемонстрировать общее неприятие внутренней политики правительства, кадетская фракция по предложению своего председателя в феврале 1911 года решила голосовать против утверждения государственного бюджета. 26 февраля Милюков выступил с подробным обоснованием решения фракции «полным и непримиримым противоречием внутренней политики с основными началами преобразованного государственного строя и оскорбительными для национального достоинства неудачами во внешней политике», объявив такой курс «антинациональным и антипатриотическим»^{447}.

Немалое внимание в своей думской деятельности Милюков уделял народному образованию и церковной политике. В выступлениях по этим вопросам он хотя бы на краткое время вспоминал о своем прошлом историка и университетского преподавателя, дававшем ему возможность наиболее глубоко анализировать их. Просвещение являлось той областью, в которой кадеты рассчитывали на наибольшее взаимопонимание с более правыми силами, прежде всего с октябристами.

Милюков встречался с лидерами фракции октябристов, в том числе с Гучковым, с которым после несостоявшейся дуэли установились нормальные деловые отношения. Обсуждались необходимость увеличения финансирования земств с целью значительного увеличения числа начальных школ и издания учебников по чтению, письму и «элементам родоведения», новые методы обучения, которые практиковались, в частности, Л. Н. Толстым в Ясной Поляне. В ряде думских выступлений Милюков протестовал против намерения правительства отдать начальную народную школу полностью под контроль Священного синода, что неминуемо повлекло бы за собой ограничение образования знанием церковных служб, тем более что в качестве учителей должны были выступать только священники и их незамужние дочери.

Совместные действия кадетов и октябристов, во многом благодаря

парламентско-дипломатическому искусству Милюкова в общении с «соседней» партией, в некоторых случаях давали положительный результат. Каждый год удавалось добиться увеличения расходов на народное образование: в 1908 и 1909 годах на просветительные задачи Дума ассигновала сверх сметы восемь миллионов рублей, в 1910-м — десять миллионов. В 1911 году голосами октябристов, кадетов и левых партий был принят закон о введении всеобщего образования, а в следующем году утвержден финансовый план, который должен был обеспечить к началу 1930-х годов материальную базу для реализации этой грандиозной задачи. Во многих выступлениях Милюков проводил идею «непрерывности школы», преемственности образовательных ступеней, ликвидации преимуществ выпускников гимназий при поступлении в университеты.

Может показаться странным, что бывший университетский профессор значительно слабее реагировал в Думе на правительственные меры против университетской автономии и репрессивную политику против студенчества и профессуры. Между тем именно в годы работы Думы третьего состава конфликты в высшем образовании стали постоянными.

В сентябре 1910 года управляющим Министерством народного просвещения, а в феврале 1911-го министром был назначен Лев Аристидович Кассо. Считая, что высшие учебные заведения создают благоприятную почву для студенческих беспорядков, Кассо в 1911 году утвердил новый университетский устав, по которому восстанавливалось давно отмененное назначение профессоров министерством, сворачивались права органов университетского самоуправления, усиливался надзор за студентами. Эти меры вызвали уход из университетов многих либеральных профессоров. В 1911 году в Московском университете произошли студенческие волнения, которые были жестоко подавлены по распоряжению министра. В знак протеста против расправы над студентами ректор университета А. А. Мануйлов и проректоры П. А. Минаков и М. А. Мензбир подали заявления об отставке. Вслед за ними университет покинули многие профессора, в том числе К. А. Тимирязев, В. И. Вернадский, П. Н. Лебедев, Н. А. Умов. Расправившись с Московским университетом, Кассо принялся за другие высшие учебные заведения: увольнял неблагонадежных преподавателей, заменяя их своими ставленниками, запрещал студенческие собрания, принимал беспощадные меры против оппозиционного студенчества, вплоть до исключения в 1912 году всех слушательниц Московского женского медицинского института (более 1500 человек), в результате чего институт был закрыт.

Милюков в выступлениях не раз упоминал реакционные меры Кассо,

критиковал репрессии против студентов. Но все эти выступления не имели той страстности и решительности, какой были наполнены речи по другим вопросам. Представляется, что в студенческих волнениях лидер кадетов видел серьезную угрозу власти, опасался, что за студентами могут пойти рабочие.

Социал-демократы и эсеры, в некоторых случаях идя на контакт с руководителем кадетской фракции, в то же время остро и подчас едко критиковали его уклончивую компромиссную позицию. Особенно острым на язык был великолепный журналист и мастер хлесткого слова Лев Давидович Троцкий. В 1912 году, в разгар репрессий против студентов и профессоров, совпавших с кампанией по выборам в Четвертую Государственную думу, Троцкий написал статью, которую назвал единственным словом «Милюков». Она была опубликована в двух номерах социал-демократической газеты «Луч» — печатном органе той части меньшевиков, которая выступала за максимальное расширение легальной деятельности (большевики называли их «ликвидаторами»)^{448}.

Статья открывалась довольно ярким образом, который, по замыслу автора, должен был крайне отрицательно характеризовать персонажа, но на самом деле отражал реальный облик лидера оппозиционного политического центра: «В одном из сатирических журналов 1906 г. карикатурист дал портрет г. Милюкова. Хитро прищуренный глаз, самодовольная улыбка превосходства и уверенно прижатый к груди портфель лидера кадетской партии или просто портфель редактора «Речи» — не сказано. Но на вид портфель хороший, солидного качества и вместительный. Похож ли Милюков на свой портрет, не знаю, но думаю, что следовало бы ему быть похожим. Просвещенная ограниченность и обывательское лукавство, поднявшееся на высоты политической «мудрости» — эти черты как нельзя более к лицу лидеру кадетской партии». Если не обращать внимания на издевательские публицистические обороты, которыми изобиловала статья, бросается в глаза признание устойчивости Милюкова и его партии, причем, по признанию автора, «трудно даже решить, кто тут кому больше обязан: он ли партии или партия ему».

Этой-то устойчивости — иными словами, верности своей политической позиции — и была посвящена, по существу, вся статья, в которой автор стремился дать прежде всего классовую, «буржуазную», характеристику Милюкова. Павел Николаевич действительно был «буржуазным интеллигентом» в том смысле, что отнюдь не помышлял о выходе России за пределы рыночных и частнособственнических

отношений, что особенно возмущало его критика. Троцкий с негодованием отвергал органическое презрение Милюкова к «утопии» (имелось в виду социалистическое будущее, о котором Троцкий мечтал, но не мог прямо его назвать в легальной, подцензурной газете).

Чувствуется, что автор статьи внимательно следил за думской и внедумской деятельностью Милюкова, особенно за теми его речами, в которых отвергались социалистические идеи. Были процитированы две из них: «В Европе рабочие перестали уже верить, что сами они активными выступлениями добьются чего-нибудь»; «Идея диктатуры пролетариата — ведь это идея чисто детская, и серьезно ни один человек в Европе ее не будет поддерживать», — причем обе цитаты были выдернуты из контекста. Первая выдержка относилась не ко всем выступлениям рабочих, а только к «активным», под которыми подразумевались действия, направленные на ликвидацию существовавшего строя; вторая — к оценке идеи диктатуры пролетариата как намерения серьезного, но весьма опасного для общества, за которым, по мнению автора, скрывалось желание установить террористический режим.

Троцкий гневно обвинял Милюкова в стремлении найти общий язык с октябристами (как мы видели, кадеты действительно были готовы сотрудничать с ними по ряду вопросов) и Столыпиным, причем игнорировал острую критику и самим Милюковым, и членами его партии Столыпинской аграрной реформы и других мероприятий правительства. Зато живописалась вышеупомянутая сцена осуждения Павлом Николаевичем чрезмерно острого высказывания его однопартийца Родичева о «стольпинских галстуках».

Троцкому была ненавистна умеренность Милюкова, проявившаяся во время избирательной кампании. Весьма показательным, что единственным вопросом, по которому автор высказал подобие похвалы, было отношение Павла Николаевича к репрессиям против студенчества — здесь уж социал-демократ никак не мог, при всём своем враждебном настрое, отрицать, что руководитель кадетов осуждал политику Кассо (хотя, как мы отметили, как раз по этому вопросу Милюков был особенно сдержан). «Спорит с министрами, иногда недурно спорит, и пишет статьи, в которых обстоятельно доказывает, что г. Кассо лишен истинного государственного смысла», — сквозь зубы констатировал Троцкий.

И сам факт появления этой статьи, и ее содержание свидетельствовали о влиянии Милюкова. Социал-демократы видели в кадетах и их лидере столь же серьезного противника, как и официальные власти.

Разумеется, видный политик принял участие в очередной

предвыборной кампании, выступал перед столичными избирателями, обосновывая те главные установки, за которые его фракция вела борьбу в Третьей Государственной думе, завершившей работу 8 июня 1912 года. Созыв новой Думы был назначен на 15 ноября.

Комиссия фонда Карнеги

Нельзя, однако, сказать, что участие в предвыборной кампании было главным занятием Милюкова в эти месяцы. Ему пришлось буквально разрываться между агитационными выступлениями и последними поездками на Балканский полуостров, с которым он уже два десятилетия был связан особыми личными и общественными интересами. Теперь там разворачивались исключительно важные события, ставшие непосредственным предвестием Первой мировой войны.

«Четвертая Государственная дума, — писал А. Ф. Керенский, — начинала свою работу, когда Европа была уже под знаком войны. Зарницы приближающейся грозы всё чаще вспыхивали то там, то здесь»^[449]. Особо явственно эти зарницы видны были на Балканах.

Начавшаяся осенью 1911 года в Африке война между Италией и Турцией за Триполитанию продемонстрировала слабость Османской империи. В этих условиях в Болгарии стали резко усиливаться воинственные настроения за освобождение от турецкого господства территорий Македонии и Фракии. В декабре 1911 года, а затем в июне 1912-го группы членов Внутренней македоно-одринской^[8] революционной организации (ВМОРО), добивавшейся воссоединения Македонии и Фракии с Болгарией или, в крайнем случае, их автономии как промежуточного этапа, организовали взрывы «адских машин», от которых пострадали несколько турок (османская пропаганда преувеличила число жертв в сотни раз). В ответ последовала резня болгарского населения Македонии, особенно городов Штипа и Кочани. Все болгарские политические силы проявили невиданную солидарность, признав необходимость освобождения Македонии и Фракии. Правда, левые — две социал-демократические партии и Болгарский земледельческий народный союз — заявляли о необходимости мирного решения проблемы, что было нереально; остальные же политические партии и организации, царь Фердинанд и правительство охотно шли навстречу войне. Претензии к Турции были и у других балканских государств.

Весной 1912 года в результате долгих и трудных переговоров, циничного торга, закулисных махинаций, вмешательства великих держав и подписания нескольких договоров сформировался Балканский союз Болгарии, Сербии и Греции, к которому в сентябре присоединилась Черногория. Соглашаясь на словах с необходимостью автономии Македонии, правительства Сербии и Греции на самом деле добивались присоединения к своим государствам ее частей (а Греция — еще и значительной части Фракии). Балканский союз был результатом крайне неустойчивого компромисса при недовольстве всех его участников и взаимных негласных территориальных претензиях (удивительно, но ВМОРО, активно поддерживавшая Балканский союз, наивно рассчитывала, что Греция и Сербия не будут претендовать на македонские территории) [\[450\]](#).

Балканский узел противоречий был завязан так, что распутать его было почти невозможно, а разрубить могла в любой момент каждая из сторон, причем скорее всего с кровавыми последствиями.

5 (18) октября 1912 года между Балканским союзом и Османской империей началась война.

Еще до нее, но в тот период, когда конфликт уже явно назревал, Милюков получил приглашение старого знакомого (он даже называл его другом) американца Чарлза Крейна совершить совместную поездку по Балканским странам. Милюков воспользовался промежутком между завершением работы Думы третьего созыва и первой сессией новой (он почти был убежден, что будет избран и на этот раз), чтобы напрямую оценить балканскую ситуацию. Поездом он добрался до Белграда, оттуда пароходом по Дунаю до румынского порта Турну-Мэгуреле, а третий отрезок пути, к Софии, проделал в конном экипаже через Дунайскую долину и затем по ущелью горной реки Искыр в Главном Балканском хребте.

Как раз тогда, когда Павел Николаевич встретился с Крейном в болгарской столице, началась Балканская война. В те же дни стало известно об избрании Милюкова в Четвертую Государственную думу, а значит, ему надо было возвращаться в Россию. Но, узнав о болгарском наступлении и победах в европейской части Турции, он решил совершить краткую поездку вслед за войсками, чтобы встретиться с офицерами и солдатами, своими глазами взглянуть на ход военных действий.

Судя по воспоминаниям, полностью осуществить это намерение Милюкову не удалось. Болгарские войска в это время осаждали Адрианополь, и Павел Николаевич смог доехать только до его дальнего

пригорода — железнодорожной станции Мустафа-Паша на реке Марице. Решив сфотографировать местность на противоположном берегу, он достал фотоаппарат, но тут же был схвачен, отведен то ли в полицейский участок, то ли, что вероятнее, к какому-то командиру. Подозрения в шпионаже усилились, когда из-за акцента в нем распознали иностранца. Внимательно прочитав фамилию в паспорте, болгарин воскликнул со смесью удивления и восторга: «Господин Милюков, друг Болгарии?» Через 30 лет этот эпизод комментировался так: «Меня почти пробрали слезы от умиления. Вот тут, на маленькой проезжей станции, меня знают как друга и мне верят без разговоров! Это было неожиданно — и трогательно. Это меня вознаградило за годы работы на пользу болгарского народа»^[451].

Перед самым отъездом Милюкова на родину его принял царь Фердинанд. Встреча состоялась в его ботаническом саду, где он собрал коллекцию экзотических растений, и носила неформальный характер — официальный прием российского оппозиционера стал бы демонстрацией фактического осуждения политики Российского государства, на что болгарский царь в то время никак не мог пойти. Сколько-нибудь существенного впечатления аудиенция на Милюкова не произвела. Сам разговор, не затронувший ни ход военных действий, ни сложные отношения между союзниками, продемонстрировал опытному российскому политику всю сложность местной ситуации.

Действительно, международная обстановка на Балканах и вокруг них становилась всё более напряженной. Германия и Австро-Венгрия не желали полного разгрома Турции, а сами балканские союзники с крайним подозрением относились друг к другу. Такие друзья в любой момент могли превратиться во врагов.

Находившемуся во время Балканской войны в Болгарии Л. Д. Троцкому, являвшемуся корреспондентом леволиберальной газеты «Киевская мысль», кто-то из видных болгарских политиков заявил: «Два корпуса из Одессы сюда на Черноморское побережье Турции под Константинополь — и Балканский полуостров будет очищен от турецкого владычества»^[452]. Милюков также слышал о такого рода утопических планах от многих болгарских политиков-русофилов, веривших во всемогущество «дедушки Ивана», и вынужден был разъяснять собеседникам, что Российская империя должна не только учитывать намерения союзников по Антанте, но и считаться с политикой стран противоположного блока, поскольку любые неосторожные действия могут привести к общеевропейской войне.

Поездка Милюкова в Болгарию не осталась незамеченной Троцким, внимательно следившим за всеми перипетиями ситуации. Он в очередной раз бросился в атаку на кадетского руководителя, поставив в печати неудобные вопросы, в частности о насилиях союзных сил над турками, которые замалчивала милюковская газета «Речь»: «Не похожи ли при этих обстоятельствах Ваши протесты против турецких жестокостей, которых я совсем не собираюсь отрицать, на отвратительное фарисейство, вытекающее, надо думать, не из отвлеченных начал культуры и гуманности, а из больших расчетов империалистической корысти?»^{453}

Милюков, отвечая Троцкому, брал Болгарию под защиту. Особенно острой была статья, в которой он, не вступая в прямую полемику, но явно имея в виду публикации Троцкого, утверждал, что болгарские офицеры прилагали все силы для соблюдения принятых норм ведения войны, хотя и отмечал факты «негуманного поведения» сербских и болгарских военных^{454}.

Возвратившись в Россию в связи с началом работы Четвертой Государственной думы, Милюков продолжал внимательно следить за событиями на Балканах и был готов при любом удобном случае вновь отправиться туда. Он воспользовался почти трехнедельными пасхальными каникулами Думы в апреле 1913 года, чтобы посетить Софию.

К этому времени военные действия между Болгарией и Турцией были прекращены. Согласно заключенному в конце марта перемирию, разграничение между двумя армиями проходило по линии Мидия — Энос (примерно в 40 километрах от турецкой столицы).

На этот раз в Софии Павел Николаевич застал совсем иное настроение. Ему, хорошо знакомому со всеми сложностями балканской ситуации, казались весьма опасными шапкозакидательские разговоры, которые велись болгарской элитой полушутя, но явно с серьезными намерениями. «Военная партия» распространяла слухи, что Фердинанд уже приказал подготовить белого коня для торжественного въезда в Константинополь. При этом русофилы добавляли, что, получив ключи от города, он немедленно передаст их русскому царю.

Насколько эти слухи были недостоверными и злонамеренными, выяснилось уже через несколько дней, когда Милюков получил приглашение к Фердинанду. На этот раз аудиенция состоялась во дворце и была обставлена с официальной пышностью. Болгарский владыка начал разговор фразой: «Я знаю, что ваш царь меня ненавидит. Но почему?» Милюков оказался в весьма неловком положении. Как оппозиционеру ему

следовало бы критиковать российскую политику на Балканах, но как русский патриот он предпочел избрать дипломатичный ход — стал возражать Фердинанду, успев сказать только, что у русского царя нет предвзятого мнения. Фердинанд перебил собеседника и произнес явно заранее продуманную речь, в которой пытался представить себя русофилом. Милюкову запомнились слова: «Да, я знаю, меня подозревают, считают иностранцем. Но я люблю этот народ — хороший, честный народ. Я хочу слиться с ним. А народ помнит и любит Россию. Я воспитываю сына в православии и в знании русского языка»^[455].

Встреча завершилась курьезом, свидетельствующим, что болгарский монарх совершенно не представлял себе положение оппозиции в России. Он обратился к Милюкову с просьбой убедить Николая II уступить Болгарии город Родосто (по-турецки Текирдаг) на Мраморном море — важный стратегический пункт на подступах к турецкой столице. Милюков чуть не расхохотался, поняв, что Фердинанд считает кадетов «оппозицией его величества», подобной оппозиции в самой Болгарии или в Великобритании, партией, которая может в любой момент образовать свой кабинет, а в собеседнике видел потенциального главу правительства России, с чем и был связан его торжественный прием.

Хотя Милюков прореагировал на эту просьбу лишь вежливым молчанием, вечером того же дня к нему в гостиницу явился один из болгарских министров, повторивший ее, теперь уже от имени правительства. Как на этот раз прореагировал оппозиционер, «близкий к императору», неизвестно — сам он об этом ничего не пишет. Скорее всего, он опять отделался молчанием или в крайнем случае общими фразами. Никаких просьб императору он, разумеется, не передавал.

Милюков побывал в Салониках, где встретился с наследником сербского престола Александром Карагеоргиевичем, командовавшим оккупировавшей город Первой сербской армией. Именно к династии Карагеоргиевичей благоволила в это время официальная Россия, что проявилось, в частности, в 1913 году в награждении Александра орденом Андрея Первозванного. Привлечь Милюкова к поддержке сербских претензий на Македонию Александру не удалось, но эта встреча стала еще одним свидетельством того, что кадетского руководителя считали, по крайней мере в Восточной Европе, весьма влиятельным политиком.

Милюков возвратился в Петербург, не думая, что через несколько месяцев снова окажется на Балканах. Он вспоминал, что в этот, седьмой и последний, раз приехал туда не как историк, политик и наблюдатель, а как «судья». Во взрывном регионе одно за другим происходили бурные

события. После недолгого перемирия между Балканским союзом и Турцией военные действия возобновились, и болгарская армия продолжила осаду Константинополя. Туркам пришлось просить мира при посредничестве великих держав. 30 мая 1913 года в Лондоне был подписан мирный договор, по которому Османская империя передавала странам Балканского союза почти все свои европейские владения, кроме столицы и ее окрестностей (статус Албании предполагалось решить позже), в Париже созывалась конференция для урегулирования экономических последствий войны, намечалось заключение ряда договоров по конкретным вопросам — об обмене военнопленными, о торговле и др.

Роковую роль сыграло положение, что страны Балканского союза должны были сами, без иностранного посредничества, поделить завоеванные территории. Но противоречия между союзниками были таковы, что разрешить их мирным путем не удалось. Хотя взаимные претензии предъявляли все страны союза, Сербию, Грецию и Черногорию объединило общее негодование по поводу стремления Болгарии включить в свой состав Македонию и Фракию. Был подписан тайный договор, предусматривавший раздел Македонии между Грецией и Сербией.

Антиболгарский союз поддержала Румыния, претендовавшая на болгарскую Южную Добруджу. С востока Болгарии вновь угрожала Османская империя, стремившаяся вернуть утраченные территории. Попытки нового российского министра иностранных дел Сазонова умерить аппетиты бывших союзников не увенчались успехом, тем более что и сама Россия не отказывалась от своих геополитических целей.

В середине июня 1913 года Болгария начала Вторую Балканскую (Межсоюзническую) войну. Болгарские власти явно не знали реального соотношения сил, и полуторамесячная война завершилась полным поражением. 28 июля (10 августа) был подписан Бухарестский мирный договор, по которому Южная Добруджа отходила к Румынии, почти вся Македония (кроме небольшого Пиринского края) досталась Сербии и Греции, а Османская империя возвратила себе территорию к западу от Константинополя.

Милюков, внимательно изучавший сообщения о балканских событиях, был возмущен авантюризмом царя Фердинанда, болгарских генералов и некоторых политиков, вероломством других стран бывшего союза, фактически спровоцировавших войну. Павел Николаевич понимал, что Болгария была юридически ответственна за Межсоюзническую войну, но оказалась жертвой этого конфликта. Русская и зарубежная печать была полна сведениями о жестокостях и зверствах всех сторон конфликта.

В этих условиях в июле 1913 года американский фонд Карнеги за международный мир^[9] выступил инициатором создания специальной международной следственной комиссии для изучения на месте причин и способов ведения обеих Балканских войн. Непосредственным организатором комиссии явился парижский филиал фонда, возглавляемый известным пацифистом бароном Полем д'Эстурнелем, лауреатом Нобелевской премии мира 1909 года. Д'Эстурнель сформулировал ее задачу: добиваться «замены насилия примирением и справедливостью в урегулировании международных разногласий». В предисловии к докладу комиссии он писал: «Можем ли мы допустить, чтобы из этих балканских войн не было извлечено никаких уроков, чтобы мы не знали, не начнутся ли они завтра вновь и не продлятся ли до бесконечности?»^{456}

Комиссию возглавил депутат палаты представителей французского парламента Жюстен Годар, по согласованию с которым в состав комиссии вошли влиятельные ученые и общественные деятели: из Германии — профессор права Марбургского университета Вальтер Шюкинг и профессор Пашковский (второй вскоре отказался от участия в комиссии), из Австро-Венгрии — профессор государственного права Венского университета Иозеф Редлих, из США — профессор Даттон из Колумбийского университета, из Англии — член редакции журнала «Экономист» Фрэнсис Херст и популярный деятель партии лейбористов и журналист Генри Ноэль Брайлсфорд (известный, в частности, тем, что организовывал помощь русским революционерам, в том числе фальшивыми паспортами). Вместе с Брайлсфордом наиболее активным членом комиссии являлся Павел Милюков.

Павлу Николаевичу особенно важна была встреча с Брайлсфордом: блестящий публицист был организатором кампании против турецких зверств на Балканах, его статьи способствовали сбору средств в помощь пострадавшим. Широкую известность имела его книга о положении в Македонии, вышедшая в 1906 году^{457}.

Следственная комиссия начала работу в Белграде 26 августа 1913 года. В течение трех с лишним недель, до 22 сентября, Милюков и Брайлсфорд ездили в Салоники, Афины, Константинополь, Софию, районы недавних военных действий во Фракии и Македонии, беседовали с государственными деятелями, солдатами и офицерами, македонскими беженцами, нашедшими пристанище в Болгарии. Временами члены комиссии расставались, чтобы посетить новые места событий и собрать документальный материал. В этих случаях Брайлсфорд и Милюков

обменивались письмами, из которых явствует, что у них было полное единство взглядов на балканские дела^{458}.

Собранный материал (письменные и записанные свидетельства, фотографии, исторические и этнографические карты и др.) убедительно подтверждал наличие случаев антигуманного поведения всех участников конфликта^{459}. Наиболее убедительные данные были представлены о зверствах турецкой армии в районе Адрианополя, об антиболгарской политике Греции и особенно Сербии, о трудностях беженцев в Болгарии. В приложении были приведены статистические таблицы, показывавшие тяжелые экономические и демографические последствия Балканских войн. Доклад был опубликован на английском, французском и болгарском языках и распространялся во многих странах^{460}.

Участие Милюкова в комиссии фонда Карнеги вызвало немалое раздражение в сербских официальных кругах, которые с полным основанием считали его другом Болгарии и даже порой называли агентом врага. Неудивительно, что ему было легче работать в Софии, где, как и раньше, его принимали чрезвычайно гостеприимно. Министерство иностранных дел Болгарии посылало ему разного рода данные о положении в Македонии, а военное министерство выдало «открытый лист» на право свободного передвижения в пределах болгарской части Македонии. Немаловажным источником информации были письма Ивана Шишманова и его супруги, в которых приводилось немало фактов о страданиях болгарского народа в условиях войны^{461}. Думается, что и выводы Милюкова, и материалы комиссии в целом носили более или менее объективный характер.

Как и другие члены комиссии Карнеги, Павел Николаевич вел обширную переписку с государственными и общественными деятелями стран Европы, разъясняя им ситуацию на Балканах, вырисовывавшуюся в ходе расследования^{462}.

Милюков написал для итогового доклада комиссии четыре раздела, составлявшие его сердцевину: «Причины двух Балканских войн», «Болгары, турки, сербы», «Война и народности», «Война и международное право». Используя свой аналитический талант и умение работать с документами, он проследил историю национально-освободительной борьбы на Балканах, подробно рассмотрел национальный состав населения Македонии и Фракии, предшествовавшие войнам договоры и конфликты в их ходе^{463}. Он пришел к выводу, что начало всех бед, постигших болгарский и другие народы Балкан, было порождено крупнейшей

ошибкой — разрывом территории Болгарии по условиям Берлинского договора 1878 года, спровоцировавшим последующие события, которые воспрепятствовали «нормальному развитию столь естественной идеи союза балканских народов»^{464}.

И перед балканскими поездками, и после них Милюков не упускал случая выступить и в столичных городах, и в глухой провинции России с рассказом о сущности Балканского союза, его взаимоотношениях с Турцией, о многочисленных кризисных ситуациях и войнах в «пороховом погребе» континента. Афиши и программы лекций свидетельствуют, что общение с аудиторией происходило в Петербурге, Москве, Киеве, Баку, Самаре, Саратове, Царицыне, Астрахани, Пинске и других городах. Он тщательно собирал данные о жертвах, понесенных болгарами и другими народами во время кровавых событий 1912–1913 годов^{465}. Содержание его выступлений четко передает план выступления 1913 года «Война и мир на Балканах». Лектор поднимал темы: происхождение Балканского союза; война освободительная и захватническая; кто виновен в войне между союзниками; денационализация Македонии; Бухарестский договор и новое равновесие на Балканах; ужасы войны в расследовании комиссии Карнеги; Балканы и европейский мир^{466}.

Постепенно тематика лекций расширялась — от балканских проблем оратор переходил к более общим вопросам внешней политики и взаимоотношений держав: «Вооруженный мир и ограничение вооружений», «Идея мира и сокращение вооружений», «Национализм и национальный вопрос», «Национальности и государство», «Национальность и раса». Но вновь и вновь он обращался к болгарской тематике, пытаясь объяснить, почему любимая им страна постепенно отходила от России, а позже оказалась в блоке с Германией.

Павел Николаевич Милюков остался в памяти болгар одним из наиболее выдающихся зарубежных ученых и политических деятелей, защищавших их интересы перед международной общественностью.

Попытки мирной модернизации России

Балканские события 1912–1913 годов на некоторое время отвлекли Милюкова от внутрироссийских, прежде всего парламентских дел. Но всё же главную свою миссию он продолжал видеть в мирной модернизации своей страны.

Милюков полагал, что после убийства в начале сентября 1911 года председателя правительства П. А. Столыпина начался новый этап в развитии России. Террористический акт, совершённый эсером Дмитрием Богровым, пытавшимся с его помощью заслужить прощение революционеров за связь с охранными службами империи, вызвал бурю эмоций различных политических сил. В такой обстановке проходили выборы четвертого состава Государственной думы.

В новой Думе, начавшей работу 15 ноября 1912 года, поляризация сил была более значительной, чем раньше: крайне правые и октябристы получили 251 (Милюков в мемуарах ошибочно указал 283^{467}) из 442 мест; кадеты, прогрессисты и другие центристы — 139; крайне левые (социал-демократы и трудовики) — 24; остальные кресла занимали национальные группы и беспартийные.

Выборы сопровождались огромным числом правонарушений со стороны местных властей, при этом применялись технологии фальсификации воли избирателей: на заседаниях избирательных коллегий присутствовали и оказывали давление земские начальники; целые категории населения лишались права участвовать в выборах; избиратели произвольно делились на группы, чтобы искусственно обеспечить большинство, и т. д. В этих условиях получение кадетами и левыми партиями и группами свыше трети мест говорило о многом.

Павел Милюков подтвердил свою репутацию крупного политического деятеля — получил, несмотря на репрессии против кадетов, больше всего голосов и легко прошел в Думу от городской курии Петербурга (он собрал лишь на четыре с половиной тысячи голосов меньше, чем на предыдущих выборах — 18 455 против 22 700).

По окончании выборов, но еще до созыва Думы, 13 сентября 1912 года, Милюков получил от Гучкова письмо с предложением сотрудничества: отмечая «грубый правительственный произвол во время выборов», лидер октябристов указывал на необходимость совместной постановки этого вопроса на обсуждение уже на первых заседаниях. «Ввиду этого обращаюсь к Вам с усердной просьбой подробно регистрировать все доходящие до Вас сведения, факты, закономерности, подвергать их тщательной проверке, подкреплять их по возможности всякого рода документами...»^{468} В первые годы работы Думы четвертого созыва контакты между фракциями кадетов и октябристов возникали лишь изредка, более тесные связи установились во время Первой мировой войны.

А. Ф. Керенский определил кредо Милюкова в Четвертой Государственной думе: «Парламентская либеральная империя, управляемая либерально-консервативным парламентским большинством, с левой демократической и социалистической оппозицией; империя мирового масштаба — так я воспринял цель деятельности П. Н. Милюкова, когда мы были с ним рядом в Четвертой Государственной думе и когда он чувствовал себя готовым к власти, к управлению империей», — добавив: осуществи Милюков свой план, «он бы вошел в историю, как Бисмарк или Тьер»^{469}.

В самой Думе основная борьба происходила между правыми и кадетами, которые, несмотря на сократившееся представительство, набравшись политического опыта, вели себя энергично. Бесспорно, Милюков в воспоминаниях оценивал общественно-политические перипетии последней Думы по сравнению с ее предшественницей не с позиций того времени, а оглядываясь на прошлое: «В Третьей Думе борьба велась, главным образом, в пределах народного представительства. Страна к ней прислушивалась, делала свои выводы, объединялась идейно, но не реально, около лозунгов. В Четвертой Думе борьба вышла за эти пределы. Страна получила возможность организовать самостоятельно, выдвинула собственные лозунги, поддержала боевое настроение думской общественности и вместе с нею перешла в наступление. В своем ослеплении власть пропустила момент, когда ценой существенных уступок она еще могла бы заключить новый компромисс — уже не в интересах победы, а в интересах своего дальнейшего существования»^{470}.

Вряд ли такого рода мысли приходили Милюкову в голову во время работы Думы четвертого созыва. Тогда он не думал о коренном изменении социального строя России, хотя его выступления, да и настроения кадетской фракции в целом, действительно становились всё более боевыми, по его собственному определению, шли по «восходящей кривой».

Когда последняя Дума приступила к работе, оказалось, что союз правых и октябристов не столь уж прочен. Их разногласия начались, когда при выборах председателя октябристы временно блокировались с кадетами, благодаря чему на почетный, хотя и маловлиятельный пост думского председателя был избран октябрист Михаил Владимирович Родзянко, уже возглавлявший предыдущую Думу в конце ее работы после отставки Гучкова в марте 1911 года. Намерения своей партии Родзянко четко выразил во вступительном слове: «Я всегда был и буду убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах, который дарован России великим Манифестом 17 октября 1905 года,

укрепление основ которого должно составить первую и неотложную заботу русского народного представительства»^{471}.

Основой тактики кадетов в новой Думе был разработанный Милюковым и другими лидерами партии курс на развитие общественной самодеятельности — созыв всевозможных съездов, в первую очередь связанных с делом народного образования, организацией антиалкогольных кампаний и т. д. По инициативе кадетов в стране развернулась довольно густая сеть народных университетов, действовавших в Петербурге, Москве, Саратове, Смоленске и ряде других городов. Милюков переписывался с руководителями этих самодеятельных организаций, а в столицах неоднократно выступал перед их слушателями.

Другой формой массовой работы была организация клубных учреждений для широких масс — народных домов. Эта инициатива была выдвинута на I Всероссийском съезде кооперативов в 1908 году, но именно с конца 1912-го, руководствуясь тактикой развития народной самодеятельности, кадеты во главе с Милюковым особенно рьяно занялись этим делом. В результате к началу войны в стране было уже 237 народных домов, принадлежавших обществам грамотности, земствам, городским самоуправлениям, кооперативам и т. д.; еще около семидесяти находились в стадии организации^{472}.

Милюков считал, что рост общественной сознательности особенно ярко проявился в протесте против антисемитского дела Бейлиса. По нашему мнению, он существенно преувеличивал массовость этого движения и степень участия в нем низших слоев населения. Вряд ли несколько сотен внешкольных образовательно-воспитательных учреждений, созданных при активном участии кадетов и близкой к ним интеллигенции, могли за краткий срок настолько повысить уровень политического мышления и гражданской ответственности населения, три четверти которого оставалось неграмотным.

В общественном движении в связи с делом Бейлиса участвовала преимущественно интеллигенция, что, однако, ни в коей мере не снижает его значения как мощной общественной инициативы и роли П. Н. Милюкова как одного из главных его инициаторов.

Обвинение приказчика Менахема Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве в Киеве двенадцатилетнего Андрея Ющинского в марте 1911 года было инициировано черносотенцами и поддержано некоторыми правыми депутатами Госдумы. Министр юстиции Иван Григорьевич Щегловитов, вопреки юридическим нормам и судебной практике, публично высказал

уверенность в виновности Бейлиса. Тот был арестован и провел в тюрьме два года. На судебном процессе, проходившем в Киеве 23 сентября — 28 октября 1913 года, обвиняемого оправдали присяжные заседатели.

Именно состав присяжных был основным аргументом Милюкова, когда он писал о росте гражданской ответственности простых людей. Из двенадцати присяжных пятеро были названы крестьянами, один — жителем села, один — извозчиком, четверо — служащими и чиновниками, один — домовладельцем^{473}. Таким образом, состав присяжных был разночинный, и не менее половины их (имея в виду, что сословная принадлежность к крестьянству не определяла материального положения) не относились к низшим слоям населения.

Большинство современных исследователей считают, что убийцами были скупщица краденого Вера Чеберяк и несколько уголовников из ее притона, причем относительно мотивов преступления имеются серьезные расхождения^{474}. Несомненно одно — дело Бейлиса стало самым громким судебным процессом в России до 1917 года.

Вначале кадеты и их лидер рассматривали затеянное правыми силами и властями антисемитское дело только как проявление возмутительной ксенофобии. Именно в газете «Речь» 30 ноября 1911 года появилось обращение «К русскому обществу (По поводу кровавого навета на евреев)», составленное В. Г. Короленко, которое подписали 82 общественных деятеля и литератора, в том числе Александр Блок, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Максим Горький, Федор Сологуб, Леонид Андреев. Среди первых подписавших документ были П. Н. Милюков и его супруга. Вслед за этим к протесту присоединились еще несколько сотен представителей интеллигенции, десятки депутатов Государственной думы и др. Документ завершался словами: «Бойтесь сеющих ложь. Не верьте мрачной неправде, которая много раз уже обагралась кровью, убивала одних, других покрывала грехом и позором!»

Постепенно становилось ясно, что двор и крайне правые силы используют дело Бейлиса для общего наступления не только на революционные, но и на либеральные силы. Собрания, созываемые кадетами, запрещались или разгонялись полицией. Милюков объявил о своих предстоящих лекциях по балканскому вопросу в Екатеринодаре и Мариуполе, однако они были запрещены, так как власти опасались (очевидно, не без оснований), что речь будет идти о деле Бейлиса и усилении репрессивного режима в стране.

Во время процесса «Речь» ежедневно помещала отчеты своего

специального корреспондента В. Д. Набокова, разоблачавшие провокационный характер судилища. Милюков вспоминал, как раскрывалась «гнусная картина лжесвидетельства, подкупленной экспертизы, услужливых прокурорских усилий, чтобы вырвать у специально подобранных малограмотных крестьян-присяжных обвинительный приговор». «Помню, — писал он, — тревожное ожидание этого приговора группой друзей и сотрудников, собиравшихся поздним вечером в редакции «Речи». Помню и наше торжество, когда темные русские крестьяне вынесли Бейлису оправдательный приговор»^[475].

Думская деятельность Милюкова приобрела теперь существенно иной характер, нежели его работа в Думе третьего созыва: тогда основной удельный вес приходился на работу в комиссиях, попытки согласовать тексты законопроектов с другими фракциями; теперь же возможности думского законотворчества становились крайне ограниченными, основные усилия сосредоточились на общеполитической проблематике, поднимать которую в условиях думского регламента можно было в основном в форме запросов. Что касается законопроектов, то даже в тех случаях, когда большинство признавало «желательность» их обсуждения (так было с законопроектами о свободе слова и о свободе совести), это означало лишь отправку текстов в различные комиссии, где они ожидали своей очереди на рассмотрение. Тем не менее Милюков был инициатором подготовки и автором целого ряда проектов думских резолюций, вносимых представителями его партии: об обороне страны, о деятельности Министерства внутренних дел, об отношении правительства к общественным организациям и др.^[476]

С особыми трудностями Дума столкнулась, когда в начале 1914 года пост председателя Совета министров вновь занял И. Л. Горемыкин. Он начал прямое наступление на права депутатов. Властям нужен был предлог, и его нашли в речи социал-демократа, руководителя фракции меньшевиков Николая Семеновича Чхеидзе, в которой говорилось об участии императрицы Александры Федоровны в тайных махинациях внешних врагов России. Выступление Чхеидзе сочли неуважительным по отношению к престолу, а затем перевалифицировали по статье 129 Уголовного уложения 1903 года, предусматривавшей за политические преступления (участие в «скопище», собравшемся для выражения неуважения к верховной власти, порицания образа правления, сочувствия бунту или бунтовщикам; произнесение речи, составление, хранение, правка сочинений, возбуждающих к неповиновению власти) заключение в

крепость или ссылку, причем сроки не оговаривались, давая свободу судейскому произволу^{477}.

По всей видимости, чиновники рассчитывали, что напряженные отношения между фракциями социал-демократов и кадетов приведут к фактической изоляции Чхеидзе. Однако Милюков воспринял этот казус как ущемление прав депутатов. Ему удалось убедить председателя Думы Родзянко и других октябристов, что под угрозой может оказаться любой из них. Фракция кадетов внесла законопроект о свободе депутатского слова и предложила до его рассмотрения отложить обсуждение бюджета. 21 апреля 1914 года Милюков выступил на пленарном заседании Думы с большой речью. Его поддержали не только однопартийцы, но и октябристы. В результате дело против Чхеидзе было прекращено и он продолжил думскую деятельность.

Яркий характер носила и речь Милюкова 19 февраля 1914 года в защиту права на культурное самоопределение украинского народа. Поводом к ней было запрещение чествовать юбилей Т. Г. Шевченко. Узнав об этом от украинских членов своей партии, Павел Николаевич поехал в Киев.

К этому времени Милюков и другие руководители партии проявляли всё больший интерес к украинскому вопросу в связи с ростом украинского национального движения, высоким влиянием партии в Киеве, Харькове и других городах Украины, поддержкой кадетов выдающимися деятелями национально-освободительного движения, особенно историком Михаилом Сергеевичем Грушевским, чьи труды Павел Николаевич высоко ценил.

Еще весной 1913 года он стал инициатором специального собрания руководства партии, состоявшегося 5 мая, на котором говорил о росте национального самосознания украинцев и их недовольстве тем, что партия недостаточно защищает в Думе их права. По заявлению Милюкова, украинцы просили, чтобы кадетская фракция отмежевалась от заявления П. Б. Струве об опасности расслоения России на национальные культуры^{478}.

Павел Николаевич получал с Украины многочисленные письма и телеграммы с просьбами и требованиями способствовать введению преподавания в тамошних школах украинского языка. Из села Чернобай Полтавской губернии писали: «Мы не хотим, чтобы русский язык вовсе отсутствовал в нашей школе — пусть и он живет, пусть наши дети учатся и ему, но для того, чтобы улучшить положение школы, расширить умственный кругозор и экономическое богатство, нам необходимо учить на том языке, с которым растут и воспитываются наши дети». Подобные

мысли содержались в обращениях мелитопольского общества «Просвита» («Просвещение») и многих других документах, поступавших в канцелярию Думы на имя Милюкова^{479}.

В отношении национального, в частности украинского, вопроса Милюков, однако, был очень осторожен. Он выражал опасение, как бы этот вопрос не опередил и не вытеснил другие проблемы, и призывал к партийной дисциплине: «Входя в состав партии, они (представители национальностей. — Г, Ч., Л. Д.) должны считать то или иное трактование национальных вопросов внутренним делом своей партии, а не ставить себя как-то вовне и не предъявлять к партии извне свои требования и порицания»^{480}.

Кадетская партия сочла, что необходимо глубже заняться украинским вопросом, что и предопределило поездку Милюкова в Киев. Одновременно А. И. Шингарев побывал в Житомире и Полтаве. Оба единодушно констатировали, что «национальное культурное движение сильно и глубоко на Украине» и «с ним надо очень считаться», а также отметили, что, говоря словами Шингарева, «даже те элементы украинства, которые, в качестве членов Государственной думы из Украины, обзывают украинское движение «мазепинством» (то есть стремлением отделить Украину от России. — Г. Ч., Л. Д.), у себя дома прodelьвают видную национальную культурную работу»^{481}.

В Киеве Милюков встретился с украинскими национальными лидерами, в том числе с Грушевским. Разговор с ним, по форме дружеский, таил в себе зерна будущих разногласий, так как Грушевский, отстаивая идею федеративного устройства России, в глубине души стремился к независимости Украины, против чего решительно выступал Милюков, видя в Украине средоточие не только национального, но и инационального, прежде всего русского элемента. Как на месте выяснил Павел Николаевич, инициатором запрета чествования столетия Шевченко было киевское отделение Союза русского народа — самого ярого думского врага либералов-кадетов, а объявлен запрет был от имени министра внутренних дел Н. А. Маклакова, то есть согласован почти на самом высоком уровне. Результатом явились бурные дискуссии в украинской прессе, студенческие демонстрации, разгонявшиеся полицией.

В этих условиях ЦК партии кадетов по предложению Милюкова признал, что необходимо договориться с украинцами по поводу законопроектов, которые они хотели бы видеть внесенными на рассмотрение Думы, в частности о введении украинского языка в

начальной и средней школах и о создании кафедр украинского языка в университетах на территории Украины^{482}.

Придавая принципиальное значение украинскому вопросу, Милюков за два дня до отчета в Думе о поездке в Киев выступил перед членами кадетского ЦК с докладом «Сепаратизм и федерализм», заявив, что партия должна отвергнуть возможность федерализма в близком будущем (разумеется, не только по отношению к Украине, но и к другим национальным областям) и что он вообще считает этот принцип утопическим. При этом, согласно протоколу заседания, украинские представители проявили понимание его позиции, и речь шла «уже не о федерации, а о культурном самоопределении и об автономии и ее возможных пределах в условиях текущей российской действительности».

Именно в этом духе было выдержано выступление Павла Николаевича 19 февраля на думской трибуне, которое, вопреки оценке, данной им самим в воспоминаниях, отнюдь не было обращено в защиту «украинского национального самоопределения»^{483}. Накануне в газете «Речь» были опубликованы его основные положения — о культурной автономии украинского народа, которой препятствовали царские власти. Милюков утверждал, что «украинское движение глубоко демократично», а причина его враждебности России — результат деятельности русских националистов, и провозглашал, что украинофилы якобы отказались от требований территориальной автономии Украины и готовы удовольствоваться автономией духовной, то есть всесторонним признанием существования национальной культуры, введением украинского языка в школах и университетах на территориях с явным наличием украинского национального элемента^{484}.

Трудно сказать, понимал ли Милюков, что украинские деятели не удовлетворятся предлагаемыми им частичными уступками, — он предпочитал не вдаваться в глубинные истоки расхождений. В выступлении в Думе он полностью поддержал борцов за признание украинцев самостоятельной национальностью, считая их союзниками в борьбе против существовавшего в России режима. Говоря о политических обвинениях в пресловутом «мазепинстве», то есть сепаратизме, он подчеркнул прямо противоположное — «желание украинства устроить свою судьбу в пределах Российского государства», что лишь отчасти соответствовало истине. Признав, что нельзя защищать украинское движение, «оставаясь в узких, чисто бытовых рамках», Милюков заявил, что Шевченко — национальный поэт всех украинцев, а не только

простонародья, и имеет в этом качестве такие же заслуги, как и величайшие русские поэты. Павел Николаевич убеждал депутатов, что бороться против законных стремлений украинского народа политически опасно, ибо «украинское движение уже в настоящее время есть широкое демократическое движение, находящее живой отклик в крестьянской массе и пустившее глубокие корни в деревне». Он совершил весьма ловкий ход, провозгласив, что не признавать национальных стремлений украинцев означает вести «не русскую, а скорее проавстрийскую политику».

Запрет празднования юбилея Т. Г. Шевченко возмутил даже отдельных националистов и октябристов. В результате подготовленный кадетами запрос был принят 161 голосом против 115^{485}. Как видим, центристская и левые фракции Думы использовали этот запрет для критики внутренней политики правительства и создания общего фронта борьбы с режимом.

На первый взгляд общепризнанный идейный лидер украинцев Грушевский на выступление Милюкова прореагировал восторженно: «Ваша статья в «Речи» и последовавшая думская речь, как можно было ожидать, вызвали живейший интерес в украинских и примыкающих к ним кругах. Несомненно, она составляет крупное общественное явление, и благодаря широкой постановке украинского вопроса, впервые данной ему с думской трибуны, она, наверное, долго будет служить необходимым пунктом для оценки украинского движения в прогрессивных кругах России и для защиты программы-минимум, выдвинутой Вами».

Однако далее Грушевский, мастер не только исторического анализа, но и политической игры, продолжал: «Нас удивило, что Вы выступили так решительно принципиально против автономно-федеративного постулата. Выступая так резко по этому вопросу, Вы словно хотите отрезать путь для дальнейших переговоров и соглашений на этой почве. Тем более, что в Ваших думских речах Вы не сделали даже никакой разницы между постулатом автономии и федерализмом, хотя в наших разговорах настаивали на необходимости разделять эти два понятия, и у нас осталось впечатление, что Вы против принципа автономии ничего не имеете. Если бы Вы даже считали неудобным при данной политической обстановке выступать с защитой украинской автономии, Вы могли бы просто отодвинуть ее как вопрос будущего и, не полемизируя против нее, сосредоточить всё внимание на программе-минимум». Грушевский рассчитывал в ближайшее время встретиться с Милюковым в Петербурге^{486}.

Неизвестно, состоялась ли эта встреча. Однако вне зависимости от

того, была ли она, между Грушевским как лидером украинского национального движения и Милюковым, руководителем кадетов, считавших федерализацию путем к распаду России, былой близости уже не было — при изначальном сходстве профессиональных интересов и либеральной политической ориентации они резко разошлись в вопросе о будущем Украины.

При этом Павел Николаевич в своей партии слыл чуть ли не самым большим украинофилом. Ему с большим трудом удавалось вести за собой большинство ЦК, в котором было немало противников даже ограниченной культурной автономии, небезосновательно полагавших, что она является лишь первым плацдармом борьбы за территориальную автономию, а то и за полную независимость.

На таком фоне развернулось противоборство между Милюковым и Струве, полагавшим, что даже небольшая поддержка украинских требований представляет угрозу для общероссийских интересов, так как цементирует Российское государство общерусская культура, составной частью которой является «малорусская» (он старательно избегал термина «украинская культура», хотя в других словосочетаниях отнюдь не чурался признания, что «украинизм» существует).

На заседании ЦК партии кадетов Струве было предложено либо отказаться от своей позиции, либо покинуть ЦК. Дискуссия по этому вопросу затянулась. С течением времени прибавились другие претензии, в частности по поводу активного сотрудничества Струве с правительством после начала мировой войны. В 1915 году он вышел из состава кадетского ЦК.

Полностью занятый думскими и политическими делами, к которым в 1913 году прибавилось участие в комиссии фонда Карнеги, Милюков почти не занимался домашними заботами. Воспитание детей было полностью передоверено супруге. Лишь на несколько дней его отвлекло от обычных занятий печальное событие — кончина брата Алексея.

Особой близости между братьями не было еще с юношеских лет. Встречались они изредка, обычно только на семейных праздниках. Алексей получил техническое образование, стал инженером-механиком, самостоятельно, как и отец, овладел основами архитектуры и занялся строительством торговых зданий и доходных домов в Москве. Одно время он сотрудничал с известным архитектором Виктором Александровичем Весниным^[487]. Политикой Алексей Николаевич не интересовался и с иронией относился к бурной деятельности брата на этом поприще. В начале лета 1914 года он отправился на отдых в Кисловодск, там подхватил

стрептококковую инфекцию и сгорел за несколько дней. Вызванный телеграммой, Павел Николаевич срочно выехал на Кавказ и успел провести несколько последних часов с братом, который умирал в полном сознании и даже расспрашивал его о жизни на Балканах^{488}.

Вскоре, однако, Павел Милюков вновь погрузился в общественно-политическую деятельность. Она становилась для нашего героя тем более важной, что в эти недели нараставшая в течение нескольких лет угроза мировой войны превращалась в реальность. «В воздухе пахло порохом, — говорится в воспоминаниях Милюкова. — Даже и не очень осведомленные люди ожидали какой-то развязки»^{489}.

Глава четвертая

ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Неудачные усилия по «локализации» войны

16 (29) июня 1914 года Милюков, находившийся в своем домике в Финляндии, получил утренние газеты и обнаружил в них телеграмму об убийстве членом тайной сербской организации в Сараеве, центре Боснии, наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда. Последовал явно невыполнимый австрийский ультиматум Сербии. Следующий месяц, используя это преступление в качестве предлога, европейские державы неуклонно двигались навстречу большой войне.

Узнав о сараевском убийстве, Милюков заторопился в столицу. Встретившись со знакомыми чиновниками Министерства иностранных дел, в том числе с Григорием Николаевичем Трубецким, братом его друзей Сергея и Евгения Трубецких, он пришел к выводу, что война почти неизбежна, но России следует прилагать максимум усилий для ее «локализации», недопущения втягивания в конфликт. Милюков всё яснее понимал, что прекрасноречивые речи о помощи братьям-славянам превратились в пустые лозунги, что страна воевать не готова и вовлечение в военный конфликт причинит ей неисчислимыя беды.

«Шовинист» Милюков, как изображали его после Февральской революции 1917 года, в это время, напротив, воспринимался в официальных кругах чуть ли не «пораженцем»^[490].

На страницах «Речи», в Думе, в общении с политическими деятелями и государственными чиновниками Милюков старался разъяснить свое понимание необходимости «локализации». «После всех балканских событий предыдущих годов было поздно говорить о моральных обязанностях России по отношению к славянству, ставшему на свои собственные ноги. Надо было руководиться только русскими интересами, — а они, как было понятно в 1913 году, расходились с интересами балканцев... При явной неготовности России к войне — и при сложившемся внутреннем положении — поражение России мне представлялось более чем вероятным, а его последствия — неисчислимыми. Нет, чего бы это ни стоило Сербии, я был за

«локализацию»^{491}.

Идея «локализации» конфликта представлялась российской дипломатии утопичной в силу слишком далеко зашедшей «поляризации альянсов» ведущих европейских держав. Министр иностранных дел Сазонов фаталистически утверждал, что «это требование было совершенно невыполнимо благодаря тому, что при существовавшей политической группировке держав война между двумя из них должна была неминуемо привести к европейской войне». Для Германии, был убежден Сазонов, война с Россией, если она решится вступить за Сербию, предпочтительнее именно сейчас, пока она не успела усилить боевую мощь^{492}.

На страницах газеты «Речь» Милюков развернул активную кампанию против войны, прежде всего против участия в ней России. Почти ежедневно печатались его передовицы, раскрывавшие дипломатическую и политическую подоплеку назревавшей войны. Визит в Петербург 7—19 июля президента Франции Раймона Пуанкаре был оценен именно как стремление вовлечь Россию в крупномасштабный военный конфликт. От имени французского президента и российского императора было опубликовано совместное заявление об общей линии действий союзных правительств в возникшем конфликте с торжественным подтверждением взаимных обязательств, что Милюков трактовал как «поощрение России к войне». Николай II вскоре написал своим датским родственникам: Пуанкаре «нуждается в мире не так, как я — ради мира. Он верит, что существуют хорошие войны». Милюков считал это высказывание свидетельством того, что частные разговоры с французским президентом шли дальше деклараций о дружбе^{493}.

В течение некоторого времени царь колебался. 17 июля наконец была объявлена мобилизация, а на следующий день германский посол в Петербурге Фридрих фон Пурталес от имени своего правительства потребовал ее отмены, но получил отказ. 19 июля (1 августа) Германия объявила войну России, а в следующие два дня в войну вступили Австро-Венгрия на стороне Германии, Франция и Великобритания в союзе с Россией. Война приняла общеевропейский характер, вступление же в нее Японии, а затем США превратило ее в мировую.

Для кадетов встал естественный вопрос, как себя вести в новых условиях. Ответ на него был единодушным: раз уж страна оказалась вовлечена в войну, причем в качестве агрессора рассматривались центральные державы (ведь именно Германия объявила войну России, а не

наоборот), необходимо приложить все силы для победы над врагом и заключения почетного мира.

Собственно говоря, изменение политических позиций кадетов начало чувствоваться уже за несколько дней до объявления войны. Милюков в «Речи» стал призывать военное министерство своевременно принять оборонные меры. В газете появились не просто антигерманские материалы, а статьи и фельетоны против императора Вильгельма, которого прежде всего обвиняли в развязывании войны. Милюков признавался, что испытывал к нему в эти дни «прямую ненависть»^{494}.

Тут, однако, произошел казус: когда готовился номер газеты за 20 июля, редакции сообщили, что по распоряжению только что назначенного Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича «Речь» закрывается на неопределенный срок в связи с ее оппозиционной деятельностью. Цензурные чиновники не заметили поворота политического курса газеты.

Используя связи в правительственных органах, Милюков смог почти немедленно исправить положение: «Гранки «Речи» были доведены до сведения кого следует и убедили начальство в достаточности нашего патриотизма»^{495}. Запрещение действовало всего один день, после чего газета продолжала выходить.

Впрочем, даже в первые дни войны публикации «Речи» существенно отличались от ура-патриотических выступлений правых печатных органов. Милюков с полным основанием писал в ее передовицах о грозных последствиях войны, несопоставимых с ее поводом. И. В. Гессен вспоминал, что когда при обсуждении передовой статьи в редакции кто-то предложил исключить из нее фразу о несоответствии между поводом и последствиями, Милюков произнес: «Придет время, когда мы должны будем ссылаться на то, что своевременно мы сказали это и сделали попытку предупредить [о] несчастье»^{496}. Если было именно так, то Милюков проявил настолько высокую компетентность, что она походила на дар предвидения. Разумеется, ни о масштабах, ни о формах тех бед, с которыми столкнется страна в результате мировой войны, ни он, ни его однопартийцы, ни кто-либо другой понятия не имели.

По инициативе председателя ЦК партийное руководство приняло воззвание «К единомышленникам»: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш прямой долг сохранить родину единой и нераздельной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами. Отложим же внутренние

споры, не дадим ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия»^{497}.

Сразу после вступления России в войну на квартире флигель-адъютанта графа Н. Н. Игнатьева состоялось совещание членов Думы с представителями военного ведомства о военных возможностях России и ее союзников. Присутствовавший на нем Милюков (он подробно записал ход прений) полностью одобрил курс на сотрудничество своей партии с правительством в военное время. Вслед за этим в Думу был внесен его проект резолюции о необходимости ведения войны до победного конца^{498}.

Двадцать шестого июля Милюков в Думе заявил, что его партия в условиях войны прекращает оппозиционную борьбу и поддерживает военные усилия правительства. Его заявление было полностью одобрено не только фракцией в Думе, но и местными организациями кадетов.

В левом крыле партии всё заметнее выделялся Николай Виссарионович Некрасов, активно участвовавший в подпольных организациях масонов, к которым Милюков относился буквально с негодованием, считая их «подрывными силами»^{499}. Забегая вперед добавим, что, согласно исследованию А. Я. Авреха, такое отношение к масонам сохранилось у него и после Февральской революции. После того как Милюков оказался в эмиграции, в различных русских кругах Франции, Германии и других стран стали ходить слухи о его участии в масонской ложе. Писатель и публицист Роман Гуль беседовал об этом со знатоком масонства Мануилом Сергеевичем Маргулиесом, одновременно поинтересовавшись, не был ли масоном А. И. Гучков. Маргулиес рассказал: «И того и другого долго уговаривали вступить в орден, ибо их вступление было бы ценно, но и тот и другой отказались. Милюков на все уговоры отвечал: «Я не мистик, а потому масоном стать не могу». И что вы хотите, он был прав... до седых волос его любимым героем в русской литературе остается Базаров. А каким же масоном может быть Базаров?»^{500}

К подобному выводу пришла и Нина Берберова: «Причина, по которой он никогда не был масоном, довольно оригинальна и вместе с тем логически вытекает из его житейской установки: он до того безмерно ненавидел всякий символизм, всякое «смутное значение» вещей, все полумистические, полумифологические ритуалы и намеки, таинственные жесты, обряды и псевдорелигии рыцарей и всё вообще средневековье в целом, что стать масоном он никогда бы не мог, и даже думать... [об этом] о нем ему было в высшей степени противно»^{501}.

На основании сказанного можно с уверенностью утверждать, что вопрос о масонстве Милюкова окончательно решен отрицательно.

Развивая позицию поддержки своего государства в войне, Милюков внес предложение одобрить наделение правительства чрезвычайными полномочиями в соответствии с царским указом от 24 июля и вынести вотум доверия. По существу, это был призыв к гражданскому миру на период войны. Милюкова поддержали октябристы и правые партии. Единственной фракцией, голосовавшей против поддержки правительства в войне, были социал-демократы, которые призвали использовать войну для свержения самодержавия.

В следующие месяцы кадеты голосовали в Думе за военные кредиты, приняли участие в ведомственных комиссиях по укреплению обороноспособности, в правительственных военных совещаниях, а позже и в работе городов. Сложился фактический альянс кадетов с Всероссийским земским союзом и Всероссийским союзом городов, за который усердно ратовал Милюков. Не случайно после правительственного постановления о запрете собраний земских организаций без участия представителей Министерства внутренних дел руководитель Земского союза князь Г. Е. Львов просил именно Милюкова принять через Думу защитительные меры^{502}.

Фактически призвав свою партию к отказу от оппозиционной деятельности на период войны, Милюков, однако, полагал, что и в этих условиях возможно проведение некоторых реформ. Он отдавал себе отчет, что патриотические настроения затронули главным образом верхушку общества. Правда, он констатировал, что почти прекратились стачечные выступления и что даже находившиеся в эмиграции социалистические деятели, в частности Георгий Валентинович Плеханов и прославленный глава анархистов Петр Алексеевич Кропоткин, объявили войну со стороны России оборонительно-освободительной. Но в то же время он вынужден был признать, что в глубине России продолжает царить вековая тишина. Отмечая стойкость русских солдат, их мужество в бою, Милюков в то же время не закрывал глаза на их готовность покинуть поле боя, чтобы возвратиться в родную деревню для защиты своего надела и семьи. Иначе говоря, война таила в себе массу неожиданностей. Мужичья Россия ждала «своего Пугачева из русского университета»^{503}.

В первые месяцы войны Милюков выступал в печати еще чаще, чем обычно, стремясь объяснить происхождение войны, ее «навязанность» России. При этом, разумеется, о предполагаемых катастрофических

последствиях если и говорилось, то лишь слабыми намеками, понятными только малому числу вдумчивых читателей. В целом же перспективы войны вначале оценивались оптимистически.

Такой же характер носили и публичные выступления кадетского лидера. В его лекциях появились новые темы: «Война и европейская цивилизация», «Война и европейская интеллигенция», «Национальные и мировые задачи войны», «Условия прочного мира»^{504}. О том, на какую сторону оратор целиком возлагал ответственность за возникновение мировой войны, свидетельствует вывод в конспекте одного из выступлений: «Полезьа германского урока: 1. Нельзя стремиться к владычеству над миром. 2. Нельзя считать свой народ избранным, а остальные — жертвой его желаний. 3. Нельзя вести себя в цивилизованной семье дикарем — надо соблюдать приличие»^{505}. Милюков, таким образом, с самого начала войны занял сдержанно-патриотическую, хотя и открыто антигерманскую позицию поддержки военных усилий своей страны, явно переоценивая возможность достижения быстрой победы. «Решительная победа — прочный мир!» — таков был лозунг большинства его лекций^{506}.

Можно ли считать, что Милюков лицемерил, сознательно вводил слушателей и читателей в заблуждение? Скорее всего, он стремился убедить не только их, но и себя в возможности разгрома центральных держав без серьезных внутренних потрясений в России. Статьи Милюкова публиковались не только в «Речи», но во многих других газетах и журналах, перепечатывались в провинции. Его мнение считали весьма авторитетным и некоторые ответственные правительственные чиновники. В то же время патриотические выступления Милюкова в печати давали левым силам основания для суровой критики, а правым — для снисходительной похвалы. Показательным в этом смысле было закрепившееся за ним в военные годы, хотя и появившееся ранее прозвище Милюков-Дарданелльский.

В наибольшей мере эту кличку связывали со статьей Милюкова, появившейся в «Ежегоднике газеты «Речь» за 1916 год. Чтобы установить его истинную позицию по вопросу о Черноморских проливах, придется привести обширную цитату из этой статьи: «Пишущий эти строки неоднократно высказывался в том смысле, что простая «нейтрализация» проливов и международное управление Константинополем не обеспечивают интересов России. Права иностранной торговли в Черном море несомненно должны быть вполне обеспечены по возможности не

только во время мира, но и во время войны... В состав этих прав [в настоящее время] не входит ни отказ от суверенитета над берегами проливов, ни обязательство срыть укрепления проливов, ни обязательство пропускать военные суда через проливы... Между тем, право суверенитета над проливами и право возводить укрепления вполне признано за Соединенными Штатами в Панамском канале... Режим этого канала и должен служить образцом для будущего режима проливов под суверенитетом России. Дальше этого идет лишь требование о запрещении военным судам проходить через проливы. Но это требование неизбежно вытекает как из всей предыдущей истории русских претензий в проливах... так и из того обстоятельства, что Черное море есть закрытый бассейн, а не одна из мировых международных дорог. Прибрежным государствам Черного моря, конечно, должно быть предоставлено право свободного прохода военных судов наравне с Россией»^{507}. Придавая большое значение этой статье, Милюков сразу же опубликовал ее в еще одном сборнике^{508}.

Статья была построена весьма дипломатично и осторожно, но главное было высказано — требование для России такого же суверенитета над Черноморскими проливами, каким обладали США над Панамским каналом, то есть безоговорочного владения этой стратегической артерией.

Прогрессивный блок

Хотя патриотический порыв Милюкова сохранялся до революции 1917 года и (в других формах) после нее, ему пришлось уже в 1915-м убедиться, что надежды на реформы, которые облегчили бы ведение войны, несбыточны. Неспособность генералитета закрепить первоначальный военный успех, поражения русской армии, резкое ухудшение хозяйственного положения страны и связанный с ним рост народного недовольства, частая смена правительственных кабинетов, во главе которых Николай II ставил малоспособных, но лично преданных деятелей, некомпетентное вмешательство императрицы в государственные дела и особенно влияние авантюриста Григория Распутина — всё это привело к возобновлению оппозиционной деятельности. Менее чем через год после начала войны кадеты и другие центристские силы пришли к выводу, что назрели условия для возобновления атак на правительство.

Милюков как руководитель Конституционно-демократической партии

и ее фракции в Госдуме выступил инициатором создания в 1915 году оппозиционного Прогрессивного блока. «Меня называли «автором блока», «лидером блока», и от меня ждали направления политики блока», — вспоминал он^{509}. Того же мнения придерживался А. Ф. Керенский: «П. Н. Милюков стал самым влиятельным вождем этого блока»^{510}.

Девятнадцатого июня 1915 года открылась очередная сессия Госдумы (с начала войны сессии созывались нерегулярно и на короткие сроки). Правые депутаты объявили о полной поддержке правительственной декларации, с которой выступил премьер Горемыкин. Однако не только кадеты, но и большая часть октябристов поднимались на трибуну с критикой правительства и требовали образования нового кабинета. Лозунг «правительства народного доверия» стал ведущим в переговорах об объединении недовольных парламентариев. К этой части думцев присоединились и некоторые члены Государственного совета, который ранее рассматривался как незыблемая опора монарха.

Именно Милюков стал выразителем недовольства значительной части Думы: «Страна не ждет. В стране уже сейчас происходит огромная организованная работа, во всех слоях, сверху донизу русского общества. Государственной думе даже не приходится создавать новых сил путем новых законов... Снимите путы, дайте дорогу общественным организациям, верните народу свободу общения и объединение, сделайте всё это в порядке управления»^{511}.

С 9 по 22 августа по инициативе Милюкова проходили межфракционные совещания, в результате которых 23 августа было подписано соглашение об образовании Прогрессивного блока. Хотя 4 сентября председателем бюро блока стал левый октябрист, председатель земельной комиссии Думы Сергей Илиодорович Шидловский, фактическим руководителем в течение всего периода существования (до февральских событий 1917 года) являлся Милюков. Собственно говоря, интервал в две недели между образованием Прогрессивного блока и избранием его председателем был связан с тем, что многие думцы убеждали Павла Николаевича взять на себя формальные функции, от чего он отказался по тактическим соображениям.

Основная задача блока состояла в давлении на правительство с целью вынудить его к проведению реформ, а в перспективе — добиться образования более прогрессивного исполнительного органа власти.

В блок вошли представители шести фракций — кадеты, прогрессисты, левые октябристы, некоторые октябристы-земцы, центр и националисты-

прогрессисты — 236 из 422 депутатов. В Думе, таким образом, блок обладал большинством. Вне блока остались крайне правые монархисты и националисты, часть октябристов, трудовики и социал-демократы из фракции меньшевиков (большевики к этому времени были изгнаны из Думы и приговорены к ссылке в Сибирь). Из членов Государственного совета к блоку примкнули центр, академическая группа и «внепартийный кружок» — всего более шестидесяти человек^{512}.

Естественно, важнейшим делом в оформлении блока была выработка его программы. Милюков выступил не только инициатором, автором первоначального проекта документа, но и умелым тактиком, готовым идти на непринципиальные уступки, включив для этого в проект пункты, от которых он был готов отказаться. Основные положения проекта носили довольно общий характер, чтобы их можно было конкретизировать позже. Главными стали требования создания «министерства доверия», частичной политической амнистии, отмены ограничений для национальностей и конфессий, прекращения стеснений печати; проведения умеренных реформ, включая обновление состава местных органов управления и введение волостного земства; восстановления профсоюзов и прекращения преследования больничных касс (своеобразных страховых учреждений, создававшихся по инициативе профсоюзов).

В ходе обсуждения некоторые пункты из программы исключались (например, требование освобождения из ссылки большевистских депутатов Думы), другим придавался более общий характер. При этом сами кадеты, включая Милюкова, отлично сознавали, что для переведения намеченной программы в практическую плоскость необходима активная законодательная деятельность^{513}.

Уже при обсуждении проекта программной декларации (Милюков был избран председателем межфракционной комиссии по этому вопросу) четко обнаружилась непрочность блока. Члены Государственного совета вообще возражали против публикации программы до ее обсуждения с министрами. На это Милюков ответил: «Документ направлен к массе, а не к правительству»^{514}.

Декларация Прогрессивного блока была передана в печать и стала достоянием всей российской общественности уже через несколько дней после объявления о его создании^{515}.

В окончательном варианте Декларация включала требования «правительства доверия», проведения линии на «сохранение внутреннего мира», частичной амнистии для осужденных по политическим и

религиозным делам, отмены ограничений в правах крестьян и национальных меньшинств, в частности евреев, автономии Польши, прекращения репрессий против малороссийской (украинской) печати, предоставления возможностей для местного самоуправления, восстановления деятельности профсоюзов.

Программа свидетельствовала о готовности Прогрессивного блока при уступках со стороны правительства сотрудничать с властями до победного окончания войны. Ощущая рост опасности внутреннего развала страны, кадеты и отчасти другие участники блока пытались предотвратить возможные бунты и другие крупные внутренние неурядицы. При этом постоянно подчеркивалось, что хотя Прогрессивный блок готов предложить новый состав правительства, он признает незыблемость Основных законов Российской империи, по которым новое правительство будет по-прежнему подотчетно не Думе, а императору.

Милюков, отмечая свою ведущую роль в Прогрессивном блоке (выделяя при этом и видную роль своего ближайшего соратника Шингарева), в то же время признавал ограниченность реальных возможностей осуществления программы блока. Он считал одной из важнейших своих задач противостояние нараставшему революционному движению, которое провоцировалось неудачами, ошибками и безответственностью властей. «Наш русский опыт был достаточен, чтобы снять с «революции» как таковой ее ореол и разрушить в моих глазах ее мистику. Я знал, что там — не мое место»^{516}.

Павел Николаевич понимал, что был для блока своего рода пределом «возможных достижений», то есть озвучивал наиболее левые и вместе с тем реалистичные требования. «Прошло то время, когда в Третьей Думе Гучков не пустил нас в комиссию обороны под предлогом сохранения государственной тайны; теперь в вопросах обороны мы с Шингаревым имели первый голос, и нам же приходилось оберегать государственные тайны от правых»^{517}.

Прогрессивный блок и прежде всего лидер кадетской фракции считали своей важнейшей общественной опорой Земский союз и Союз городов. В то же время Милюков предупреждал «земцев» и «горожан» об известных пределах их воздействия на блок. «Не могут же они заменить Государственную думу!» — восклицал он^{518}.

Некоторые министры, отдавая себе отчет во влиятельности Прогрессивного блока, пошли на неофициальную встречу с его руководителями. Действительно, летом 1915 года намерения части членов

правительства, не исключавших внутренние реформы, и руководителей кадетов — Милюкова, Шингарева, Кокошкина — если не совпали, то во всяком случае в известной степени сблизились. Милюков фактически стал союзником Александра Васильевича Кривошеина, который занимал в правительстве формально сравнительно невысокий пост главноуправляющего землеустройством и земледелием, но пользовался значительным влиянием как проводник «нового курса» в экономической политике. По его инициативе расширялось железнодорожное строительство, было намечено сооружение нескольких электростанций, стали проводиться масштабные мелиоративные работы. В начале Первой мировой войны Кривошеин стал выступать за деловое сотрудничество с Думой, а летом 1915 года одобрительно высказался по поводу создания Прогрессивного блока. Когда до министров дошли сведения о намерении Николая II отстранить от поста Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и взять эту ношу на себя, Кривошеин открыто высказался против и вступил в конфликт с главой правительства Горемыкиным, считавшим, что министры не имеют права критиковать решения императора. В планы Кривошеина и следовавшей за ним небольшой группы министров уже с лета — осени 1914 года входили уступки общественным организациям и обеспечение дружественного большинства в Думе с целью разделения ответственности и формирования нового кабинета с участием общественных деятелей по его усмотрению.

Современный исследователь Ф. Гайда небезосновательно полагает, что Кривошеину для реализации своих планов проще было сговориться с кадетами, не стремившимися войти в правительство, нежели удовлетворять политические амбиции неуступчивых Родзянко или Гучкова^{519}. В подтверждение автор приводит, в частности, письмо Кривошеину члена фракции центра Владимира Владимировича Мусина-Пушкина от 18 августа: «...Милюков сказал: мы власти теперь не ищем... придет время, она сама упадет к нам в руки, нужно только переменить главу правительства на умного бюрократа»^{520}. Такой поворот вполне удовлетворял «умного бюрократа» Кривошеина — именно на него был намек.

Прогрессивные члены правительства и входившие в блок депутаты решили встретиться для взаимного уточнения позиций. Их негласное совещание состоялось 27 августа 1915 года на квартире государственного контролера Петра Алексеевича Харитонова, временно руководившего Министерством финансов. Наиболее влиятельным представителем

правительства являлся, естественно, Кривошеин, а Прогрессивного блока — Милюков. Последний огласил программу блока и поставил вопрос об изменении состава Совета министров, что явно соответствовало планам Кривошеина, видевшего себя на посту премьера^{521}.

Последний, однако, был настроен скептически. Милюкову запомнились его слова: «Что мы ни обещаю, как ни заигрывай с Прогрессивным блоком и общественностью, нам всё равно ни на грош не поверят. Ведь требования Государственной думы и всей страны сводятся к вопросу не программы, а людей». Кривошеин заключал: «Пускай монарх решит, как ему угодно направить дальнейшую внутреннюю политику — по пути ли игнорирования таких пожеланий или по пути примирения»^{522}. В устах опытного царедворца эти слова, по мнению мемуариста, звучали с явной иронией.

Ф. Гайда — думается, с некоторым преувеличением — полагает: «События августа 1915 г. развивались прежде всего по сценарию Милюкова. Можно признать, что «августовская партия» оказалась наиболее удачно сыгранной за всю политическую карьеру этого гения тактики. Думское большинство вынуждено было признать кадетское лидерство в новорожденном блоке именно в силу их способности к тактическим ходам и четкому формулированию требований «настоящего момента». По общему мнению, блок стал апогеем кадетского влияния»^{523}.

Сам же Милюков полагал, что это совещание могло бы стать решающим моментом в повороте правительственного курса, так же думали и некоторые министры. На заседании правительства мнения разделились: несколько человек во главе с Горемыкиным высказали убеждение, что Думу следует распустить, однако большинство сочло, что такая акция вызовет необратимые осложнения, что некоторые пункты программы Прогрессивного блока стоит принять, но правительство в данном составе не может провести их в жизнь. Таким образом, Горемыкину ясно дали понять, что ему следует уйти с поста.

Вроде бы за этим решением председатель Совета министров отправился 29 августа в Ставку к императору — и спустя два дня возвратился победителем: вместо отставки премьера государь распорядился с 3 сентября распустить Думу на каникулы...

Требования Прогрессивного блока оказались, таким образом, неприемлемыми для Николая II, который именно во время формирования блока объявил себя Верховным главнокомандующим, дав понять, что на уступки либеральному лагерю российская монархия, по крайней мере в

военных условиях, идти не намерена. Попытки реализовать хотя бы отдельные положения программы прогрессистов в законодательном порядке были блокированы правыми фракциями. Милюков с горечью констатировал, что протянутую руку оттолкнули, что конфликт власти с народным представительством и с обществом превращался в разрыв.

В изменившихся условиях требовалось найти новые лозунги. 6 сентября в доме московского городского головы Михаила Васильевича Челнокова было проведено совещание представителей общественных организаций и Думы, на котором присутствовали князь Львов, Гучков, Милюков, Шингарев, Коновалов. Московское охранное отделение информировало высшие круги империи, что на совещании была «выяснена новая схема оценки реакционного правительственного курса». Участники совещания пришли к выводу, что последние события, в частности, отправка Думы на каникулы — результат вмешательства в события некоего «черного блока», образованного в противовес Прогрессивному блоку. Утверждалось (впрочем, совершенно бездоказательно), что возглавляют этот блок германофильские придворные круги, а входят в него реакционное меньшинство Совета министров во главе с Горемыкиным и правые партии в Думе и Государственном совете. «Черному блоку», по мнению участников совещания, удалось отдалить от государя наиболее верных ему людей и укрепить положение Горемыкина.

В докладе охранного отделения итоги дискуссии в доме Челнокова были переданы словами: «Государь в плену у черного блока, государь командует армией, на государя валятся все обвинения в неподготовленности русской армии, и от него в любой момент зависит согласиться на те льстивые предложения о заключении сепаратного мира, которые уже решены императором Вильгельмом. Заключение же сепаратного мира составляет основную цель всех стремлений черного блока»^{524}.

Так определялось основное направление предстоявших ударов, в которых главной думской силой окажутся кадетские руководители, прежде всего Милюков.

Павел Николаевич, занимаясь делами Прогрессивного блока, продолжал руководить кадетскими ЦК и думской фракцией, писать статьи для газеты «Речь» и других изданий с той же энергией и самоотдачей, как и ранее, целиком посвящая себя политической борьбе. Между тем в июне 1915 года он испытал, вероятно, самую тяжелую потерю за всю предыдущую жизнь: на Юго-Западном фронте, в Галиции, во время боев под городом Холм погиб его двадцатилетний младший сын Сергей.

Оба сына Милюкова успешно окончили средние учебные заведения: Николай — 3-ю гимназию, а Сергей — Тенишевское коммерческое училище. Они не проявляли блестящих знаний, но учились ровно, по большинству предметов получали отличные и хорошие оценки (знания Сергея по естествознанию были оценены как прекрасные)^{525}.

По окончании училища Сергей поступил на филологический факультет Петербургского университета, но вскоре бросил его, а затем переехал в Москву, по всей видимости, поссорившись с отцом (возможно, и с матерью) из-за ухода из университета. В Москве он поступил в Петровскую (ныне Тимирязевская) сельскохозяйственную академию, тщательно скрывая, что имеет отношение к известному политическому деятелю.

Сохранились трогательные, хотя по форме и строгие письма Милюкова-старшего Сергею (с Николаем, видимо, душевной близости не было). В ответ на неумеренные, по отцовскому мнению, восторги сына по поводу швейцарского Цюриха Павел Николаевич шутливо ворчал: «Негодный, стоит ли после этого брать тебя к англичанам? У них ты, пожалуй, вместо души найдешь совсем пар... а серые громады Лондона объявишь плохой подделкой под Петербург при помощи копоты и дождя». А вскоре он напоминал сыну, что следовало бы посетить родителей на даче в Финляндии: «Если же ты захочешь увидеть хотя бы след этого старого домика, то советую поспешить»^{526}.

Когда началась мировая война, оба сына пошли добровольцами в армию. К тому времени Николай, импульсивный, нервный, часто менявший намерения, успел жениться (1911) и полностью оторвался от родителей. Он служил в артиллерии, затем перешел в авиацию, только-только появившуюся тогда в составе русской армии. Николай участвовал в военных действиях в качестве летчика-наблюдателя, совершил ряд боевых вылетов, был награжден Георгиевским крестом. (Через много лет в эмиграции Николай Милюков станет председателем Союза русских летчиков за границей, но долго на этом посту не удержится из-за пьянства и дебошей.)

Сергей был значительно спокойнее и последовательнее. Когда началась война, он окончил краткосрочные офицерские курсы при Военно-пехотном училище в Одессе. Будущих офицеров воспитывали жестко. Сергей писал отцу: «Нас сразу поставили в положение нижних чинов, очевидно, чтобы потом ослабить всякую чувствительность, когда мы сами будем командовать»^{527}. Перед получением назначения в войска он

приехал к родителям попрощаться и невзначай сказал отцу, что у него есть две возможности — отправиться на Дальний Восток или на юг. Было ясно, что первый вариант означал неучастие в боевых действиях, по крайней мере в ближайшее время, второй — немедленную фронтовую жизнь. Отец указал ему, «где была настоящая борьба»^{528}, то есть, по существу, упрекнул сына за колебания. Можно как угодно объяснять этот поступок — патриотизмом, заботой о собственной репутации, воспитательными эмоциями и т. п.; но, безусловно, сын сделал выбор, прислушавшись к его мнению.

С фронта Сергей успел прислать одно письмо, в котором восхищался своими подчиненными, учившими его азам военной науки. Вслед за этим поступило известие о его гибели: часть, в которой служил Сергей, после боев получила право на краткосрочный отдых, однако из-за наступления австро-германских войск в районе города Холм уже отправившиеся в тыл солдаты и офицеры были возвращены на боевые позиции. Генерал Владимир Александрович Ирманов, в корпусе которого служил молодой офицер, пытался противостоять наступлению, сам участвовал в штыковых контратаках, но все они оказались безуспешными. В одном из таких боев и погиб Сергей. «Никогда я не мог простить себе, что не посоветовал ему отправиться на Дальний Восток, — писал Милюков в мемуарах. — Это была одна из тех ран, которые не заживают... Она и сейчас сочится»^{529}.

Однако свои чувства Милюков прятал в самые дальние закоулки души, продолжая как ни в чем не бывало вести политическую деятельность. Скорее всего, это было наилучшее лекарство для заживления душевной раны.

Между тем в исполнительной власти резко усилились консервативные силы. Дошло до того, что Иван Григорьевич Щегловитов, в июне 1915 года уволенный с поста министра юстиции, но сохранивший полное доверие императора, назвал Манифест 17 октября 1905 года «потерянной грамотой» и предложил возвратиться к законосовещательной Думе. В целом, однако, правительство действовало более обходительно. В ноябре 1915 года должны были завершиться думские каникулы, однако под предлогом, что еще не завершено рассмотрение бюджета в комиссиях Думы, ее созыв был отложен императором на неопределенный срок.

Прогрессивный блок решил действовать обходным маневром. Используя свое влияние в комиссиях, руководимые Милюковым депутаты-кадеты добились к концу декабря завершения работы над бюджетом, о чем председатель Думы Родзянко доложил царю, попросив (фактически

потребовав) немедленного созыва представительного органа. Несмотря на сопротивление премьера Горемыкина, под нажимом и думцев, и части министров император решил созвать Думу, но всего на пять дней и только для утверждения бюджета.

Милюков с тревогой и негодованием наблюдал, как в условиях войны, на фоне ухудшавшейся экономической ситуации, роста недовольства низов на самой вершине власти происходили позорные политические игры, возрастало влияние авантюриста Распутина, вплоть до назначения с его подачи министрами «фигур из оперетки». В фундаментальном труде по истории революции 1917 года Павел Николаевич писал: «Конфликт власти с народным представительством и с обществом превращался отныне в открытый разрыв. Испытав безрезультатно все мирные пути, общественная мысль получила толчок в ином направлении. Вначале тайно, а потом всё более открыто начала обсуждаться мысль о необходимости и неизбежности революционного исхода»^{530}. Однако нам представляется, что таким было не непосредственное, а последующее впечатление, навеянное исходом борьбы и вынужденной эмиграцией, тогда как в 1915 году Милюков еще не представлял себе и тем более не желал революционного решения проблем. Это было против всего его политического опыта, против всей его натуры. Выход из тяжелого кризиса, в который всё глубже погружалась страна, он всё еще видел в компромиссе.

Впрочем, сам он подчас принимал участие в политических играх во имя восстановления влияния Думы, а тем самым и его фракции и Прогрессивного блока в целом. Об одной из таких интриг Милюков рассказал в воспоминаниях. В середине января 1916 года к председателю Думы Родзянко приехал настоятель Александро-Невской лавры митрополит Питирим, известный близостью к Распутину, и «по секрету» сообщил, что в придворных кругах решено «стать в дружественное отношение» к Думе, а для этого устранить Горемыкина, заменив его Штюмером.

О 68-летнем Борисе Владимировиче Штюмере было известно, что он, как и Питирим, вхож в круг Распутина, то есть с его назначением хитрый «старец» Григорий мог еще расширить свое влияние. Штюмер был к тому времени одним из высших придворных сановников — обер-камергером, к государственной деятельности не имел ни призвания, ни способностей, и его назначение, которое действительно состоялось 20 января 1916 года, явно было добыто Распутиным у Александры Федоровны, а той — у императора.

Поскольку было понятно, что созывать Думу всё равно придется и

исполнительной власти нужно будет иметь с ней дело, двор и правительство решили проконсультироваться с думскими представителями, естественно, избрав для этого прежде всего Милюкова, фактически возглавлявшего Прогрессивный блок.

Для прощупывания позиции Милюкова его пригласил министр внутренних дел Алексей Николаевич Хвостов. Встреча состоялась на следующий день после назначения премьером Штюмерера в доме товарища председателя Думы октябриста Сергея Тимофеевича Варун-Секрета, входившего в Прогрессивный блок. Считая встречу важной, Милюков составил подробную запись — по всей видимости, в тот же день, судя по точности формулировок и свежести восприятия^{531}.

Хвостов вначале попытался оказать давление на Милюкова, заявив, что вопрос о созыве Думы не будет решен, пока не выяснится, что с ее стороны не следует ожидать атак на Распутина. Высокомерно-пренебрежительно по отношению к императорскому фавориту Милюков, как и ожидалось, заявил, что у Думы имеются значительно более серьезные вопросы. Давая понять, что Дума не будет сосредоточиваться на личности главы правительства, Милюков перешел в атаку, заявив, что Дума начнет работу с того, чем занималась до каникул, — с вопроса о программе блока и создании «правительства общественного доверия».

Воспользовавшись упоминанием о блоке, Хвостов спросил, нельзя ли наладить более близкое сотрудничество между блоком и Штюмерером, и предложил устроить у премьера прием в честь руководства Думы. Пойдут ли кадеты на этот прием? Ведь пошла же Дума на раут, устроенный Горемыкиным. Милюков жестко ответил, что существует разница между январем 1915 года и январем 1916-го, что думское большинство поставило вопрос о «правительстве доверия», на прием к Штюмереру представители его фракции не отправятся, а Дума будет ожидать решения капитальных вопросов, поставленных большинством.

Милюков воспринял отставку Горемыкина и образование нового правительства как победу Прогрессивного блока и слабость оппонентов, а потому вел себя наступательно, если не агрессивно. Не исключая возможности встречи со Штюмерером, он заявил Хвостову, что будет вести переговоры с премьером только от имени блока: «Если Штюмерер не имеет готового ответа на вопрос о блоке, то пусть не устраивает совещание с депутатами».

Пытаясь хотя бы в какой-то степени противостоять кадетскому напору, двор и правительство решили представить открытие краткосрочной сессии Думы как торжество единения монарха с народным представительством. 9

февраля, в день открытия Думы, Николай II прибыл в Таврический дворец. Это был единственный визит царя в Думу за всё время ее существования. На заседании он не присутствовал, но после молебна в его честь произнес небольшую речь перед окружившими его депутатами. Милюков стоял в стороне, речи не слышал и прочитать ее не смог, поскольку она не была опубликована. Лишь со слов коллег он узнал, что речь была бесцветной, но благожелательной к Думе.

Вслед за этим председатель Думы Родзянко сопровождал царя в Круглый зал дворца, где были собраны руководители фракций и другие члены так называемого сеньорен-конвента (совета старейшин) Думы. По всей видимости, думские лидеры считали, что их единственная встреча с императором будет способствовать повышению престижа народного представительства в глазах по крайней мере части общества. Монарх же пошел на эту встречу по совету приближенных, учитывая, что оппозиция имела фактическое большинство в Думе, правда, плохо спаянное, внутренне противоречивое, но всё же грозившее царизму опасными последствиями.

Милюков вспоминал встречу с царем: Родзянко «называл по имени каждого, и царь молча пожимал каждому руку. Мне это представление осталось памятно по маленькому эпизоду. Отойдя несколько шагов от нашей группы, Николай вдруг остановился, обернулся, и я почувствовал на себе его пристальный взгляд. Несколько мгновений я его выдерживал, затем неожиданно для себя... улыбнулся и опустил глаза. Помню, в эту минуту я почувствовал к нему жалость как к обреченному. Всё произошло так быстро, что никто этого никогда не заметил. Царь обернулся и вышел»^{532}.

Вряд ли этот крохотный эпизод запомнился Павлу Николаевичу только потому, что удалось подержать императора за руку. Преклонения перед монархом он не испытывал. Скорее всего, у него именно в это время стала оформляться мысль, что самодержавный режим в России подходит к концу, хотя, разумеется, он не подозревал, в какие формы выльется дальнейшее развитие событий, и надеялся, что оно не станет катастрофическим. В то же время он не имел не только конкретного плана действий, но даже намека на характер мер, которые оппозиционным силам следовало принимать. Собственно, именно так происходит в любой революции, что бы ни утверждали ее участники, оглядываясь назад.

Следующий месяц прошел для Милюкова довольно спокойно. В соответствии с царским указом Дума в конце марта утвердила бюджет и 5 апреля была распущена на каникулы до 16 мая.

Миссия к союзникам

В промежутке между сессиями Милюков принял участие в поездке делегации российских представительных учреждений в Великобританию, Францию и Италию. Царские дипломаты стремились при помощи этой поездки продемонстрировать единство внешнеполитических установок правительства, Думы и Государственного совета.

В делегацию входили 17 человек — 11 от Думы и шестеро от Государственного совета. Большинство составляли представители Прогрессивного блока, но только наиболее левые его деятели, члены кадетской партии, оказались способны говорить на общем языке с депутатами британской палаты общин, французского и итальянского парламентов, в которых существовало фактическое единство действий консервативных сил, центра и левых, включая социалистов, вставших во время войны на патриотические позиции. Кадеты Милюков и Шингарев в очередной раз оказались в центре внимания и фактически представляли всю делегацию в переговорах с союзными парламентариями.

На протяжении всей поездки Милюков вел записные книжки^{533} и дневник, который впоследствии оказался в советском архиве и был частично опубликован в журнале «Красный архив» (часть, посвященная Великобритании)^{534}.

Официально возглавлял делегацию товарищ председателя Думы (по замечанию Милюкова, был приставлен в качестве «гувернера») Александр Дмитриевич Протопопов, что Милюкову крайне не нравилось, ибо в качестве руководителя он видел себя. Отсюда и всевозможные выпады в адрес Протопопова в дневнике и особенно в воспоминаниях, несмотря на то, что он примыкал к Прогрессивному блоку, будучи членом фракции октябристов-земцев. Дело дошло даже до объяснения некоторых неудач Протопопова наличием у него сифилиса в запущенной стадии.

Впрочем, на Протопопова, который вскоре станет последним царским министром внутренних дел, шишки сыпались со всех сторон, несмотря на то, что за двухмесячное пребывание на министерском посту он с полного согласия царя провел такие важные меры из программы Прогрессивного блока, как фактическая ликвидация черты оседлости для евреев (им разрешено было жить во всех крупных городах, не входящих в зону военных действий) и значительное расширение земского самоуправления в

сибирских губерниях. Думские деятели считали Протопопова предателем из-за самого факта его вхождения в правительство, правые круги — «салонным шармёром» (очарователем) и ничтожеством. Фактически же это была трагическая фигура, оказавшаяся не на том месте не в то время.

Протопопов был расстрелян большевиками вскоре после их прихода к власти, что не спасло его память от дальнейших наветов, включая высказывания Милюкова, на десятилетия сохранившего неприязнь к нему за то, что руководитель делегации, посетившей страны Антанты, лишь изредка пытался не выпускать его на первый план. Будучи действительно самым крупным в составе делегации экспертом в области внешней политики, признанным руководителем думского большинства, Милюков считал поведение Протопопова препятствием для осуществления миссии.

Из-за войны делегация отправилась кружным путем через Швецию и Норвегию — единственным, который оставался сравнительно безопасным. Хотя в Стокгольме пробыли всего два дня, Милюков успел встретиться с председателем Исполкома Социал-демократической партии Швеции Карлом Яльмаром Брантингом, фактически координировавшим деятельность социалистических и социал-демократических партий воюющих стран после распада с началом войны II Интернационала и активно поддерживавшим те течения в этих партиях, которые, занимая патриотическую позицию, в то же время прилагали усилия к прекращению бойни.

Брантинг и его товарищи стремились привлечь кадетов к «общественным» международным конференциям в пользу мира, но их усилия остались безрезультатными — Милюков ответил отказом. Однако сам факт контактов с социалистами свидетельствовал о зарождавшейся тенденции сближения либералов и правых социалистов на общедемократической основе.

Главной целью поездки была Великобритания. Невзирая на «гувернерство» Протопопова, Милюков и здесь вел себя в соответствии с собственными соображениями. Он даже позволил себе такой недипломатический ход, как посещение 24 апреля П. А. Кропоткина, для чего специально поехал в Брайтон, где жил знаменитый старец. Встреча с Кропоткиным прошла в более желательном для Милюкова духе, чем предыдущие контакты со шведскими социалистами. Оказалось, что теоретик анархизма поддерживал свою страну в мировой войне. Собеседники осудили манифест Циммервальдской международной конференции социалистов, состоявшейся в сентябре 1915 года в Швейцарии, за объявление войны «империалистической» с обеих сторон.

Им не нравился и прозвучавший в Циммервальде лозунг мира без аннексий и контрибуций.

Сам Кропоткин не делал секрета из своей встречи с либеральным политиком, приехавшим в Великобританию в составе официальной делегации. «У меня был в прошлое воскресенье Милюков, — писал он 11 мая другому видному в прошлом анархисту Варлааму Николаевичу Черкезову. — К сожалению, на очень короткое время. Приехал в половине первого, и должен был уехать поездом в 2.20, чтоб попасть на прием к послу. Отсутствие было бы понято как манифестация. Надежды у него большие, радужные, на двойную победу. Многие говорят в пользу таких надежд»^{535}.

«Радужные надежды» и на победу над внешним противником, и на либеральные преобразования внутри страны Милюков пытался стимулировать всеми силами, в том числе переговорами за рубежом. Несмотря на усиление всестороннего кризиса, он еще сохранял известную долю оптимизма.

Приемы — частью политически важные, частью чисто декоративные, но также игравшие на руку союзническим отношениям — следовали один за другим. Павел Николаевич был поражен внешним сходством британского короля Георга V с российским императором: «Передо мной стоял Николай II. Король был поразительно похож на своего кузена, только несколько прихрамывал после недавнего падения с лошади»^{536}. Российский политик вспоминал, насколько близки были оба монарха. По желанию Георга Николаю II были присвоены звания фельдмаршала британской армии и адмирала флота. Иногда при встрече они даже менялись формой и разыгрывали окружающих. Задолго до описываемых событий, в день свадьбы Николая II обыватели Петербурга недоумевали, почему молодой император ходит по городу. Вскоре выяснилось, что это был приехавший на торжество будущий английский король.

При всём своем либерализме Милюков был явно польщен особым вниманием, которое уделил ему британский монарх, безусловно проинформированный о том, кто из делегатов является наиболее компетентным в области внешней политики. Георг произнес перед Милюковым целую речь о необходимости доведения борьбы до конца, чтобы через десять лет не воевать снова. Российский делегат полагал, что эти слова, полностью соответствовавшие его собственным настроениям и ходу мыслей, были вложены в уста короля его кабинетом.

Милюков просто любовался собой, когда на правительственном

приеме в Ланкастерском дворце ему довелось отвечать на тост премьера Герберта Асквита, представлявший, по его словам, прочитанную по бумажке сухую речь, правда, не без малопонятного русским английскому юмора. Милюков подготовил почти такой же сухой ответ, но во время речи под внезапным внешним впечатлением резко изменил его финал. Сквозь огромные окна зала, в котором происходил прием, пробились лучи заходящего солнца и осветили картину, изображавшую Марса, побежденного Венерой. Латинская надпись на картине гласила: «Veritas vincit, justitia vincit, Mars opprimatur» («Истина побеждает, справедливость побеждает, Марс терпит поражение»). Указав рукой на солнечный луч и картину, Павел Николаевич в завершение произнес: «Да! Правда победит, справедливость победит, и Марс будет подавлен!» Высокопоставленная публика разразилась аплодисментами, Асквит подошел к Милюкову и заявил: «Как досадно, что я этого не заметил. Очень вам завидую». Разумеется, всё это были слова, но они демонстрировали не только союзнические намерения российского деятеля, который, возглавляя оппозицию, полностью поддерживал обязательства своего правительства, но и представляли его как образованного и эрудированного деятеля, надежного союзника, удобного и желательного партнера для контактов на самом высоком уровне. Такую же роль сыграл и обмен приветствиями между Милюковым и председателем лондонского городского самоуправления^{537}. Таким образом, своими демаршами в заграничной командировке Павел Николаевич вел и внутривластную игру, отнюдь не исключая, что будет призван к выполнению высоких правительственных функций, возможно, в качестве министра иностранных дел или даже премьера.

Подобный характер носили и другие приемы, встречи и беседы в Лондоне, а затем в Париже и Риме. В Париже Милюков дал несколько интервью, которые послужили предметом издевательств Л. Д. Троцкого, посвятившего им фельетон «Со славянским акцентом и улыбкой на славянских губах», опубликованный в эмигрантской социал-демократической газете. Язвительный Троцкий, ранее снисходительно относившийся к либеральному профессору, теперь оскорбительно писал: «О, г. Милюков! Что романтизм давно исчез из политики, об этом Вы «бормотали» Вашему собеседнику совершенно правильно. Но напрасно Вы отсюда сделали тот поспешный вывод, — вот она славянская душа нараспашку! — что настоящий реализм состоит в публичном отплевании всех политических потребностей»^{538}.

Торопясь на родину, чтобы успеть отчитаться о поездке до роспуска Думы (делегаты телеграфировали Родзянко, попросив его затянуть сессию), Милюков не узнал, что руководитель делегации Протопопов на обратном пути в Стокгольме вступил в негласный контакт с представителем германского посла барона фон Люциуса банкиром Максом Морицем Варбургом, поинтересовавшись германскими условиями заключения сепаратного мира. Вскоре, однако, этот факт стал известен, так как сам Протопопов по возвращении в Петроград сообщил о нем немалому числу лиц. Поползли слухи, что Протопопов, выполняя распоряжения императрицы и Распутина, вел официальные переговоры о сепаратном мире, что не соответствовало действительности, но звучало правдоподобно. Эти слухи подливали масла в огонь. Раздражение поведением высших кругов ширилось, переходя в ненависть.

Милюков, пытаясь хоть в какой-то мере успокоить общественность, хотел убедить Протопопова сделать заявление, что никаких переговоров не было, а встреча с его старым германским знакомым Варбургом произошла случайно, причем Протопопов не знал, что тот связан с посольством Германии. Протопопов ничего не предпринял. Вскоре он был вызван в императорскую Ставку, где дал подробный отчет о своей встрече. Слухи об этом только усилили общественное недовольство.

В этих условиях официальные доклады делегации в Думе прошли под занавес ее заседаний, остались почти незамеченными или же вызвали недоверие. Милюков, как свидетельствует опубликованная протокольная запись, рассказал о настроениях общественности в союзных столицах на заседании военно-морской, а не военной комиссии, как он пишет в воспоминаниях (первая была рангом ниже)^{539}.

Докладчик пытался закрепить внутривнутриполитические позиции Прогрессивного блока рассказом о том внимании, которое уделила его деятельности западная общественность: «Там не только понимают важность Прогрессивного блока, не только понимают громадную значимость этой парламентской организации, но и на него переносят некоторые из тех упований, которые возлагали прежде на русскую оппозицию. И, господа, более, чем когда-нибудь, я, представитель русской оппозиции, вернувшись из-за границы, чувствую, что, давши этот кредит, я обязан его оправдать»^{540}.

Из доклада Милюкова вытекало, что благодаря его собственным усилиям и действиям его коллег по Прогрессивному блоку общественность и правящие круги Великобритании и Франции начали делать ставку не

столько на российское правительство, императорский двор и военное командование, сколько на либеральную оппозицию, видя именно в ней более или менее надежную гарантию участия России в войне до полной победы. Милюков дал им диктуемые «повелительной необходимостью» заверения «сохранить духовное единство наше с нашими союзниками, сохранить мобилизацию общего народного настроения». Со своей стороны ведущие государственные деятели стран Антанты дали гарантии, что союзники никогда не заключат «такого акта, который бы противоречил интересам России». Особенно порадовал Милюкова британский министр Эдуард Грей, заявивший, что вопрос о передаче Черноморских проливов под управление России «стоит на одной очереди с вопросом об Эльзас-Лотарингии для Франции»^[10].

Хотя Милюков выступал от имени делегации, в которую входили представители различных думских фракций, по существу это был доклад Прогрессивного блока. Не случайно звучали заключительные слова: «Нужно, чтобы блок был действителен, чтобы он существовал и чтобы он о своем существовании заявлял делами. Это настоятельно необходимо, с этим мы расходимся в эту сессию, но я надеюсь, что с этим мы начнем следующую сессию, которая... даст возможность представителям большинства предстать перед своими избирателями с чем-нибудь готовым и достаточно их рекомендуемым для продолжения их парламентской деятельности»^[541]. Слова эти были встречены аплодисментами центра и левых фракций.

Оправдать доверие, однако, было нелегко. Когда 21 июня начались очередные думские каникулы, Милюков, кадетская фракция и весь Прогрессивный блок оказались в сложном положении. В августе — сентябре Павел Николаевич опять побывал за границей. На этот раз на выезд потребовалось высочайшее разрешение: «Объявляется всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего член Государственной думы, магистр русской истории Павел Николаевич Милюков отправляется отсюда за границу и возвращается затем обратно в Россию»^[542]. Вместе с Лаппо-Данилевским, Струве и польским деятелем Р. Дмовским он был избран почетным доктором Кембриджского университета. Главным мотивом присуждения высокой ученой степени было названо освещение им опыта внешкольного образования взрослых в Кембридже (в 1893 году Милюков специально посетил университет, чтобы ознакомиться с методикой преподавания на летних курсах для взрослых и затем посвятил ей специальную статью^[543]). Милюков выступил с

лекциями «Первое десятилетие конституционной жизни в России» и «Запутанный узел на Балканах и его причины». По материалам лекций Милюкова и других специалистов был опубликован специальный сборник [{544}](#).

Но в целом эта поездка прошла незамеченной, во всяком случае, была далеко не столь триумфальной, как предыдущая, завершившаяся торжеством кадетской партии, Прогрессивного блока в целом и их лидера.

«Глупость или измена»

Тем временем внутри страны положение кадетов было неопределенным. Если в предыдущие месяцы они стремились оказывать влияние, по крайней мере косвенное, на государственные дела, то теперь им ничего не оставалось, кроме выступлений в печати и разного рода неофициальных переговоров. Со всех сторон на Павла Николаевича сыпались упреки в неактивности, хотя никто не мог вразумительно сказать, что следует делать. Он и сам этого не знал.

Недовольство высказывали и многие члены думской кадетской фракции. Повышенную эмоциональность проявил депутат Н. В. Некрасов, молодой преподаватель Томского технологического института. Фактически возглавив левое крыло фракции, он с конца 1915 года выступал за конструктивное сотрудничество с социалистическими группами, стоявшими на оборонческих позициях, выдвинул требования «единения демократических элементов страны, тесной связи партии с национальными группами демократии и активных приемов деятельности в стране и Государственной думе» [{545}](#). Считая, что руководство партии занимает слишком осторожную позицию, Некрасов сложил с себя полномочия члена ЦК, прекратил работать в думской фракции и перенес свою деятельность в Москву, где находились центральные органы общественных организаций — Земского и Городского союзов. Впрочем, и его политическая активность не была особенно заметна. Единственная форма практической деятельности Некрасова состояла во вхождении в комитет Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны.

Некрасов ставил под сомнение курс Милюкова на сохранение и укрепление думского блока, требуя уделять основное внимание общественным организациям, поскольку «они ближе к демократическим

элементам», а подчинение их блоку «навлекло бы на них подозрение в стране»^{546}. Курсу же лидера кадетов на достижение полной победы над врагом оппонировал его университетский ученик, а затем коллега-историк А. А. Кизеветтер, первым в исследовательской работе оценивший поражение России в Крымской войне как важнейшую предпосылку обновления страны, выразившегося в отмене крепостного права и либеральных реформах 1860-х годов^{547}. Параллель, проводимая между двумя войнами, была очевидной. Милюков ни в тогдашних публикациях, ни в воспоминаниях ни словом не упоминал об этой книге, явно осуждая позицию автора.

Политической осторожностью Некрасов не отличался. Он вел переговоры с А. И. Гучковым о государственном перевороте с целью отстранения от власти Николая II. В результате резко ухудшились его личные отношения с Милюковым. По всей видимости, именно с подачи последнего Тыркова-Вильямс, Оболенский и другие кадеты не без основания упрекали Некрасова в неразборчивости в средствах^{548}.

Серьезные разногласия проявились на VI съезде партии кадетов, который удалось созвать 18–21 февраля 1916 года (предыдущий состоялся девятью годами ранее). На съезде активно выступали Некрасов и другие крайне левые (в кадетской парадигме) деятели, упрекавшие Милюкова и других партийных лидеров, что те не стремятся к союзу с радикальными силами — социал-демократами и эсерами.

Доклад Милюкова по тактическим вопросам был перед съездом опубликован отдельной брошюрой, а на съезде он выступил лишь с его резюме^{549}: энергично защищал курс на сплочение Прогрессивного блока как центристской силы, противостоящей черносотенцам и пользующейся симпатиями огромного числа жителей страны. Выступление он закончил словами: «Выбор средств для достижения намеченных целей должен сообразоваться с обстоятельствами военного времени», — с которыми вроде бы согласились все делегаты. В самом конце съезда Милюков произнес еще одну, весьма оптимистичную речь — отметил «отрадные симптомы» возрождения партийной жизни, которые обещают кадетам «широкий политический расцвет»^{550}.

О полном сохранении Милюковым авторитета в партии свидетельствовало его избрание в состав ЦК 108 голосами из 113^{551}. Тем не менее он был вынужден считаться с появлением в партии и думской фракции более левых настроений, чем его собственные. В конце 1916 года, когда думцы собрались на очередную сессию, он, не дав волю эмоциям,

поддержал предложение об избрании Некрасова товарищем председателя Думы.

Милюков отлично понимал, что его кажущаяся пассивность крайне вредна и тому делу, которому он посвятил жизнь, и репутации его фракции, и лично ему как политическому деятелю. Он решил бросить перчатку самодержавию, несмотря на то, что ранее всячески удерживал свою партию от уступок революционному экстремизму. Теперь тактику приходилось менять, ибо иначе он мог оказаться на обочине политической игры.

Решив выступить в Думе с ответственным заявлением, Милюков заручился поддержкой однопартийцев. 22–24 октября 1916 года состоялась партконференция кадетов, на которой он от имени ЦК выступил с докладом^{552} — по существу, конспектом будущей думской речи. Наиболее острые моменты доклада и резолюции в газете «Речь» были вымараны цензурой, но цензурные головотяпы не заметили соответствующих крамольных мест в тексте, опубликованном 25 октября «Утром России». Там было, в частности, сказано: «Неизбежный исход настоящей войны подвергается серьезной опасности вследствие ухудшения внутреннего настроения страны, глубокого расстройтва народно-хозяйственных отношений и неумелого ведения политики... Ответственность за все эти явления падает на правительственную систему, основанную на отчуждении власти от населения, на управлении посредством мер внутреннего принуждения и на систематическом игнорировании указаний народных представителей»^{553}.

В день открытия думской сессии, 1 ноября, он произнес речь, которую назвали речью «патриотической тревоги», — насыщенную обвинениями в адрес двора и правительства. Милюков оперировал главным образом слухами и предположениями, часть которых соответствовала действительности, а другая подтверждена не была. Это было политическое агитационное выступление, а не глубокий анализ системы фактов.

Милюков уже полностью отказался от роли историка-источниковеда, не оставляющего информацию без критической проверки, и стал политиком, позволял себе играть фактами, подчас сомнительными. Имея это в виду, нельзя согласиться с данной Ф. Гайдой оценкой его речи как «клеветнической (но так и не опровергнутой)»^{554}. Кто, когда, где читал или слышал уличные, митинговые речи с всесторонним или хотя бы разносторонним анализом социально-политических данных? Это, увы, удел научных статей, монографий и академических аудиторий. Милюков же выступал в Таврическом дворце, но предназначено было его выступление

для улицы. Его можно рассматривать как прямое объявление войны двору и правительству. Через много лет Павел Николаевич вспоминал: «Я сознавал тот риск, которому подвергался, но считал необходимым с ним не считаться, ибо, действительно, наступал «решительный час»^{555}.

«С тяжелым чувством я вхожу сегодня на эту трибуну», — начал Милюков. Чуть ослабив напор, он напомнил, что благодаря усилиям Думы и общественности в течение первого периода войны были преодолены некоторые хозяйственные трудности и опасные ситуации на фронтах, страна в течение двух лет выдерживала военные испытания. Но теперь положение изменилось к худшему, продолжал оратор, указывая на главную причину — ситуацию на вершине власти: «Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе... ибо по отношению к этой власти и попытки исправления, и попытки улучшения, которые мы тут предпринимали, не оказались удачными... Что сделало наше правительство?.. С тех пор, как выявилось в Четвертой Государственной думе то большинство, которого ей раньше недоставало, большинство, готовое дать доверие кабинету, достойному этого доверия, с этих самых пор все почти члены кабинета, которые сколько-нибудь могли рассчитывать на доверие, все они один за другим систематически должны были покинуть кабинет. И если мы говорили, что у нашей власти нет ни знаний, ни талантов, необходимых для настоящей минуты, то, господа, теперь эта власть опустилась ниже того уровня, на каком она стояла в нормальное время нашей русской жизни... и пропасть между нами и ею расширилась и стала непроходимой».

Сделав оговорку по поводу «возможно болезненной» подозрительности, слухов о намерении правительства тайком заключить сепаратный мир, оратор перешел на личности, заявляя, что важнейшими государственными делами в стране управляет «кучка темных лиц», включив в их число не только Распутина, но и Штюрмера, возглавлявшего правительство и имевшего несколько министерских портфелей, в том числе руководившего Министерством иностранных дел. Милюков изобличал некоторых церковных деятелей, в частности митрополита Питирима, обильно цитировал германскую прессу, одобрительно отозвавшуюся на назначение Штюрмера премьером, приводил данные, что русские дипломатические секреты чуть ли не моментально становятся известными в стане врага. Он потребовал провести независимое судебное следствие по всем этим вопросам и высказал убеждение, что в результате будет выявлена прямая измена.

Заточив стрелы своего остроумия, Милюков бросался во все новые

атаки: «Говорят, что один член Совета министров, услышав, что на этот раз Государственная дума собирается говорить об измене, взволнованно вскрикнул: «Я, быть может, дурак, но я не изменник». (Смех.) Господа, предшественник этого министра был несомненно умным министром, так же как предшественник министра иностранных дел (Штюрмера. — Г. Ч., Л. Д.) был честным человеком. Но их теперь ведь нет в составе кабинета. Так разве же не всё равно для практического результата, имеем ли мы в данном случае дело с глупостью или с изменой?»

С этого момента рефрен «глупость или измена» звучал после каждого упоминания ошибки, просчета, недальновидных действий правительства, сопровождаясь комментариями вроде «Выбирайте любое — последствия те же». И всё же один раз, когда Милюков говорил о пагубных последствиях того, что союзная с Антантой Румыния никак не вступает в войну, о хаосе в тылу, поощряемом властями, об удалении из правительства честных чиновников и замене их бездарностями и болтунами, слово «измена» было произнесено даже без альтернативной «глупости». По существу, Милюков обвинил придворную партию, группировавшуюся вокруг императрицы Александры Федоровны, подбадриваемую Распутиным и оказывавшую решающее влияние на царя, в подготовке сепаратного мира и фактическом провоцировании революционных выступлений низов бездарными действиями в тылу.

Выступление завершалось словами: «Во имя миллионов жертв и потоков пролитой крови, во имя достижения наших национальных интересов, во имя нашей ответственности перед всем народом, который нас сюда послал, мы будем бороться, пока не добьемся той настоящей ответственности правительства, которая определяется тремя признаками нашей общей декларации (имелась в виду программа-декларация Прогрессивного блока. — Г. Ч., Л. Д.): одинаковое понимание членами кабинета ближайших задач текущего момента, их сознательная готовность выполнить программу большинства Государственной думы и их обязанность опираться не только при выполнении этой программы, но и во всей их деятельности на большинство Государственной думы. Кабинет, не удовлетворяющий этим признакам, не заслуживает доверия Государственной думы и должен уйти».

Речь прерывалась многочисленными восклицаниями, причем почти все они были одобрительными. Из рядов прогрессистов неслось: «Глупость!», «Предательство!», «И то и другое!» Милюков на эти реплики отвечал: «Корни и последствия одни и те же!» Лишь изредка слышались голоса крайне правых: «Клеветник!» — и тому подобные эмоциональные

высказывания, а известный реакционер, председатель Союза русского народа Николай Евгеньевич Марков, перебив оратора, спросил: «А ваша речь — глупость или измена?» В целом же Дума продемонстрировала поддержку острой наступательной речи. Председательствовавший Родзянко вынужден был многократно призывать депутатов к порядку^{556}.

Публикация этого яркого документа была запрещена властями. Речь была напечатана на гектографе и нелегально распространялась в виде брошюры и листовок, часто под заголовком «Что это — глупость или измена?» в миллионах экземпляров не только в тылу, но и на боевых позициях. Перепечатывали ее не одни оппозиционеры. Были случаи, когда для этого использовались пишущие машинки министерств и даже высоких воинских штабов. «За моей речью, — вспоминал Милюков, — установилась репутация штурмового сигнала к революции. Я этого не хотел, но громадным мультипликатором полученного впечатления явилось распространенное в стране настроение»^{557}. Разумеется, он хитрил — именно на такой эффект и была рассчитана его речь, в которой каждое положение было раздуто до невероятных масштабов и во имя замены самодержавия конституционной монархией действительно допущенные администрацией глупости (или ошибки) выставлялись на всеобщий позор в качестве измены.

Речь стала катализатором общественных настроений. 11 декабря совещание представителей общественных организаций приняло обращение к Государственной думе, которое дышало уже не реформой, а революцией: «Отечество в опасности! Призрак голода грозит армии и народу... Ни компромиссов, ни уступок!...»^{558}

Когда же стало известно, что Штюрмер потребовал привлечения Милюкова к уголовной ответственности за клевету — таковой он считал намеки на его изменническую деятельность^{559}, — это еще увеличило популярность кадетского лидера в самых широких оппозиционных кругах.

Так Милюков в зените политической карьеры вопреки своему желанию не просто сомкнулся с подпольными революционными организациями, а сам в определенном смысле стал революционным агитатором. Можно не сомневаться, что это памятное выступление, ярко продемонстрировавшее кризис власти в России, наряду с многочисленными экономическими, социальными, политическими, династическими факторами, сыграло роль в том, что менее чем через четыре месяца произошло почти безболезненное свержение монархии. Несмотря на то, что Милюков как профессиональный ученый отлично

понимал непредсказуемость хода истории, на который действует множество факторов, а отклонить его в ту или иную сторону может даже мелкий эпизод, он прилагал все силы, чтобы политическое развитие страны пошло именно в том направлении, на которое рассчитывал, и позже горько сожалел, что этого не произошло.

В письме Милюкова монархисту Иосифу Васильевичу Ревенко, написанном непосредственно после октябрьских событий 1917 года, говорилось: «В ответ на поставленный Вами вопрос, как я смотрю теперь на совершённый нами переворот, чего я жду от будущего и как оцениваю роль и влияние существующих партий и организаций, пишу Вам это письмо, признаюсь, с тяжелым сердцем. Того, что случилось, мы не хотели. Вы знаете, что цель наша ограничивалась достижением республики или же монархии с императором, имеющим лишь номинальную власть; преобладающего в стране влияния интеллигенции и равные права евреев. Полной разрухи мы не хотели, хотя и знали, что на войне переворот во всяком случае отразится неблагоприятно. Мы полагали, что... временную разруху в армии и стране мы остановим быстро и если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, заплатив за свержение царя некоторой отсрочкой этой победы. Надо признаться, что некоторые даже из нашей партии указывали нам на возможность того, что и произошло потом. Да мы и сами не без некоторой тревоги следили за ходом организации рабочих масс и пропаганды в армии. Что же делать: ошиблись в 1905 году в одну сторону — теперь ошиблись опять, но в другую. Тогда недооценили сил крайне правых, теперь не предусмотрели ловкости и бессовестности социалистов»^{560}.

Но это будут размышления по поводу уже свершившегося. Пока же Милюков и его партия рассчитывали на относительно мирное достижение своих целей.

Непосредственно после речи 1 ноября Милюков выступил с несколькими заявлениями, уделив особое внимание национальному, в частности еврейскому, вопросу. Связано это было с тем, что после начала наступления австро-венгерских и германских войск в Галиции в конце весны 1915 года русское командование вывезло оттуда всех евреев, причем в товарных вагонах, под конвоем. В русской армии были популярны рассказы о поголовном участии еврейского населения в шпионаже в пользу Германии, ходили даже слухи, что религиозные евреи прячут в бородах рации для передачи немцам секретной информации. Были случаи расстрела евреев без суда или по приговорам военно-полевых судов. Военное командование стало брать евреев в заложники и на территории России. На

конференции кадетов в июне 1915 года М. М. Винавер огласил секретный приказ начальника укрепленного района Новогоргиевск, сославшись на инструкцию высшего воинского начальства: «В целях обеспечения войск от вредной деятельности еврейского населения Главнокомандующий приказал при занятии населенных пунктов брать от еврейского населения заложников, предупреждая жителей, [что] не только в период занятия нами данного населенного пункта, но и после очищения его заложники будут казнены, что в случае надобности и приводить в исполнение»^{561}. По инициативе Милюкова в Думе был поставлен вопрос о незаконных действиях военных властей в отношении еврейского населения, проживающего в районе боевых действий. Выступления Милюкова по этому вопросу были высоко оценены не только еврейской общественностью^{562}, но и фактически всей либеральной прессой страны. При этом в ряде случаев прессе приходилось преодолевать цензурные рогатки.

В то же время, рассматривая выступления Милюкова в Думе, на собраниях его партии, в газетах, надо учитывать, что, несмотря на весьма боевую риторику, он продолжал призывать к умеренности. Даже казавшаяся чуть ли не революционной речь 1 ноября 1916 года отнюдь не была призывом к восстанию. Дискредитируя режим, Милюков надеялся ускорить установление в России конституционной монархии, которая, как он полагал, всё еще не существовала, несмотря на наличие конституционных Основных законов и законодательной Думы.

При этом, будучи западником, Милюков надеялся на внешнее воздействие на царизм, которое стремился координировать с усилиями Прогрессивного блока, своей партии, своими собственными. В сводке Петроградского охранного отделения (февраль 1916 года) говорилось, что, по мнению Милюкова, окончание войны потребует от государства чрезвычайных финансовых усилий, необходимые же средства можно будет получить только при помощи иностранных займов. Без поддержки Думы правительство не сможет получить за границей ни копейки. В такой ситуации Дума станет всесильной и поможет нанести решающий удар по самодержавию^{563}.

Произошедшую 10 ноября отставку Штюрмера Милюков расценил как важную победу Прогрессивного блока и свою личную, последовавшую за знаменитой речью. Победа, однако, была кажущаяся. Замена Штюрмера Александром Федоровичем Треповым (пробыл на посту председателя Совета министров всего полтора месяца), а затем Николаем Дмитриевичем

Голицыным (оставался главой правительства два месяца — вплоть до Февральской революции) уже не могла благоприятно повлиять на развитие событий — всесторонний кризис в стране углублялся.

Свидетель событий Александр Блок писал: «Ославленному Милюковым в Думе Штюрмеру пришлось уступить место Трепову. На долю этого бюрократа выпала непосильная задача — взять твердый курс в ту минуту, когда буря началась (в ноябре 1916 года); при Трепове считалось «хорошим тоном» избегать применения 87 статьи; но все уловки только подливали масла в огонь, и недостаточно сильный, ничего не успевший изменить за 48 дней своего премьерства, Трепов пал, побежденный Протопоповым, которому удалось уловить его на предложении отступного Распутину (чтобы последний не мешался в государственные дела)»^{564}.

Однако отстранение Распутина от государственных дел не понадобилось. Критическую ситуацию еще сильнее обострило его убийство, происшедшее в ночь на 17 декабря 1916 года во дворце князей Юсуповых на Мойке. Убийцами были Ф. Ф. Юсупов, В. М. Пуришкевич, великий князь Дмитрий Павлович, сотрудник британской разведки Освальд Рейнер. В любом случае с устранением Распутина были связаны самые высокие круги разлагавшейся Российской империи.

О подготовке убийства в Петрограде слухи ходили в течение нескольких недель. Знал о них, естественно, и Милюков, который расценивал их как свидетельство крайней напряженности, царившей не только в высшем обществе, но в общественных кругах в целом.

Именно в эти дни в Москве был созван явочным порядком, то есть без согласования с властями, съезд земских учреждений, для которого его председатель князь Георгий Евгеньевич Львов (он становился всё более влиятельной политической фигурой, и его фамилия звучала в различных возможных правительственных комбинациях) подготовил доклад, обозначавший разрыв делового сотрудничества с высшими властями империи. Доклад так и не состоялся, а съезд земцев был разогнан полицией.

Милюков стал инициатором думского протеста против этого акта. 16 декабря, перед самым роспуском Думы на очередные каникулы до 14 февраля 1917 года, он произнес новую речь, подтверждавшую основные положения выступления 1 ноября. Оратор обратил особое внимание на то, что Прогрессивный блок должен установить непосредственный контакт с левыми организациями, поскольку перед ними стоят одни задачи и находится общий враг. Этой установкой, по существу, предвосхищалось будущее сотрудничество кадетов с умеренными социалистами после

Февральской революции. Завершил он выступление заявлением, что воздух наполнен электричеством и неизвестно, куда попадет очередной его удар.

Наутро был обнаружен труп Распутина. Некоторые правые деятели утверждали, что Милюков был в курсе заговора. Эта версия, однако, не была поддержана даже в дворцовых и правительственных кругах, которым было ясно, что убийство совершено лицами из их собственных рядов, а либералы не могли иметь к нему никакого отношения.

Многие знакомые и коллеги Павла Николаевича чуть ли не восторженно оценивали «подвиг» Юсупова и его поделщиков, прикончивших «старца» Григория. Самому же Милюкову это дело отнюдь не виделось в романтическом свете. Он понимал, что убийство ничего не могло изменить, более того, представлял себе реакцию русского мужика: «Вот, в кои-то веки добрался мужик до царских хором — говорить царям правду, и дворяне его уничтожили», — и его желание повторить эту расправу уже над всеми дворянами^{565}.

Побывавший на рождественские и новогодние праздники в Крыму у И. И. Петрункевича и в Москве, Милюков везде сталкивался с глухим недовольством самых разных общественных слоев. Его раздражала «болтовня» о неминуемом наступлении революции. Он, опытный историк и политик, в прогнозах не преуспел, всё еще надеясь на разрешение системного кризиса в результате соглашения царского двора, правительства и общественных сил. Он всё еще был убежден, что вооруженные силы следуют приказам своих командиров, продолжают служить не столько Отечеству, сколько царю. Кто-то в Москве спросил его, почему Государственная дума не берет власть в свои руки. Он ответил: «Приведите мне два полка к Таврическому дворцу — и мы возьмем власть». За два месяца до перехода всего петроградского гарнизона на сторону революции думский лидер считал утопией поддержку оппозиции двумя полками. Можно ли его упрекать за это задним числом? Мы считаем, что для этого нет никаких оснований. Еще раз повторим аксиому о поливариантности развития событий, о непредсказуемости истории.

По всей видимости, Милюков не знал о заговоре с участием думских деятелей, но мог догадываться о нем, не имея конкретных данных. В очередной раз проявилась его решимость действовать только открытыми методами. Вряд ли он был в курсе того, что в дворцовых кругах обсуждается вопрос о государственном перевороте с целью провозглашения царем малолетнего наследника престола Алексея, регентом — великого князя Михаила Александровича, с назначением министром-председателем князя Львова, а министром иностранных дел —

его, Павла Николаевича Милюкова^{566}.

В неопубликованной рукописи по истории внешней политики России в первой половине XX века он упоминал, что в думских кругах к 1917 году сложилась радикальная группа, планировавшая государственный переворот, к которой принадлежали лидер трудовиков Александр Федорович Керенский и его «близкие друзья». Милюкову предлагали примкнуть к этому «секретному кругу», но он, следуя своим либеральным схемам, этого не сделал^{567}.

Между тем 9 февраля в кабинете Родзянко состоялось совещание лидеров правых думских фракций и некоторых октябристов. Присутствовали также генерал Н. В. Рузский и полковник А. М. Крытов. Речь шла о государственном перевороте, который должен был произойти не позднее апреля (на этот месяц планировалось наступление на Западном фронте, которое могло вызвать в России патриотический подъем и сделать переворот невозможным). План заговора состоял в том, чтобы во время поездки царя в Ставку в Могилев задержать его поезд, арестовать Николая II и заставить его отречься от престола.

Либералу Милюкову заговорщики явно не доверяли, хотя он отнюдь не исключал, что события будут развиваться именно в этом направлении — произойдет инициированная высшими кругами перестановка, нечто вроде дворцового переворота. Видный историк Сергей Петрович Мельгунов доказывал, что кадетский руководитель «был в действительности очень далек от мысли о возможности близкой революции» и «угроза «революции» для него была только средством воздействия на власти и отчасти на своих единомышленников, которые, по выражению информаторов Департамента] полиции, испытывали непомерный страх перед революцией»^{568}.

Милюков руководствовался логикой публичной политики, явно недооценивая угрозу возникновения революционной стихии. Так, после своей «исторической речи» на вопрос «Отдаете ли вы себе отчет, что это начало революции?» он отвечал: «Только в вашем пессимистичном воображении. До этого еще далеко»^{569}. Лидер кадетов скорее был готов поверить в возможность дворцового переворота. События, однако, стали развиваться по совершенно иному сценарию, и сценарий этот был в какой-то мере предначертан выступлениями Милюкова. Депутат Думы октябрист Борис Александрович Энгельгардт отмечал: «Сам Милюков революции не хотел, а своей речью несомненно лил воду на революционное колесо и потому производил впечатление человека, сидящего на суку дерева и

рубящего сук у его основания».

Глава пятая

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Временный комитет Госдумы

и образование Временного правительства

Рано утром 27 февраля в квартиру Милюковых в доме на Бассейной явился швейцар, который сообщил, что в казармах расквартированного по соседству Волынского полка происходит нечто странное. Даже через окно было видно, что ворота казарменного двора открыты, во дворе собираются солдаты, что-то кричат и размахивают руками. Через месяц, на кадетском съезде, Милюков рассказывал: «Я думал: неужели это русская революция? Ведь она будет в минуту раздавлена. Это было в 9-м часу утра, а в 12 часов, примерно, движение обнаружило очень значительные признаки организованности, которые к концу дня довели нас уже до решительных признаков полной победы»^[570].

Разумеется, Милюков внимательно следил за событиями. Он участвовал в заседаниях Думы, возобновившихся в середине февраля, проводил вечера в редакции «Речи». Газета публиковала отчеты о волнениях в столице. В оценках и прогнозах Павел Николаевич был крайне осторожен.

Истории Февральской революции посвящены десятки работ, и мы не намерены повторять ее основные факты. События нарастали как снежный ком: от недовольства нарушениями хлебного снабжения столицы из-за снежных заносов, быстро переросших в хлебные бунты 21–22 февраля, до начавшегося 27 февраля вооруженного восстания, отречения Николая II и образования Временного правительства. Остановимся лишь на тех эпизодах, которые имели прямое отношение к нашему герою.

Если в предыдущие дни Милюков еще надеялся, что события будут развиваться относительно мирно, то после начала солдатских волнений ощутил их вступление в новую стадию. Он понимал, что участие войск может привести к гражданской войне, в которой расправляются не только с теми, кто в чем-то перед кем-то провинился, но и с теми, кто попался на пути толпе, на ком можно выместить скопившуюся злобу.

Понимая, что начинается подлинная революция, Милюков попытался стать во главе сил, стремившихся перевести ее в мирное русло, предотвратить реки крови. Вначале это в какой-то степени удалось.

Именно 27 февраля Родзянко получил царский указ об очередном перерыве в заседаниях Думы. Первоначально было решено указу подчиниться и на следующий день собрать пленарное заседание для оглашения воли императора.

С тяжелым сердцем Милюков рано утром отправился в Таврический дворец, понимая, что покорное исполнение царского указа будет означать самоубийство Думы. На центральных улицах было беспокойно, то и дело раздавались выстрелы.

В кулуарах происходили оживленные дебаты. Подавляющее большинство депутатов высказывалось за неподчинение указу. При этом раздавались различные предложения объявить Думу Учредительным собранием, издать закон о созыве Учредительного собрания, передать власть диктатору и т. п.

Милюков обладал таким авторитетом, что именно его предложения были заслушаны с особым вниманием и легли в основу решений, не имевших юридической силы, но ставших реальным политическим фактом. Он считал необходимым в течение непродолжительного времени выждать, создав для восстановления порядка и сношений с лицами и учреждениями временный оперативный орган, при благоприятных условиях способный превратиться в инструмент формирования новой государственной власти, тогда как при победе правительственных сил сохранялась возможность доказать, что его образование не содержало прямой революционной цели, за которую инициаторы могли бы угодить под суд.

Но дело было не только в возможном суде. Больше всего Милюков, хорошо знавший русскую историю, опасался ожесточения низов и ответных кровавых репрессий сверху. Его коллеги многократно вспоминали, что Павел Николаевич не раз приводил слова из пушкинской «Капитанской дочки» о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном»^{571}.

Несмотря на резкие заявления, он стремился не заступать за черту легальности и предостерегал соратников, левых депутатов Думы, руководителей общественных организаций от безответственных заявлений. Именно поэтому в свое время Милюков поддержал предложение коллег по фракции заменить требование правительства, ответственного перед парламентом, более общим — о необходимости создания правительства, пользующегося народным доверием.

Почти за год до рассматриваемых событий, 13 марта 1916-го, на политическом банкете в Москве Милюкова спросили, как он совмещает эту формулу с программой Партии народной свободы, настаивавшей на установлении парламентского строя. Милюков ответил: «Кадеты вообще — это одно, а кадеты в блоке — другое. Как кадет я стою за ответственное министерство, но как первый шаг мы по тактическим соображениям ныне выдвигаем формулу — министерство, ответственное перед народом. Пусть мы только получим такое министерство, и оно силою вещей скоро превратится в ответственное парламентское министерство. Вы только громче требуйте ответственного министерства, а мы уж позаботимся, какое в него вложить содержание»^{572}.

Именно такой позицией — максимальным сохранением прежней легальности, старых форм, которые постепенно должны были наполняться новым содержанием, — объяснялось милюковское требование создания временного органа, связанного с думским большинством, что должно быть выражено даже в его названии. После недолгих споров это предложение было принято. Возникло чудовищное нагромождение слов: Временный комитет членов Государственной думы для восстановления порядка и для сношения с лицами и учреждениями также. На практике, разумеется, целевая часть названия органа почти сразу была забыта. Формирование Временного комитета было поручено (опять-таки не на официальном заседании, а в кулуарах) Совету старейшин Думы, в котором (как, впрочем, и в других органах) преобладали представители Прогрессивного блока.

Без особых проволочек Совет старейшин выполнил поручение, и в тот же день Временный комитет был образован в составе президиума Думы (ее председателя М. В. Родзянко, товарища председателя В. А. Ржевского и секретаря И. И. Дмитриюкова), кадетов П. Н. Милюкова и Н. В. Некрасова, прогрессиста А. И. Коновалова, левого октябриста С. И. Шидловского, руководителя группы прогрессивных националистов В. В. Шульгина, В. Н. Львова из фракции центра и левых — меньшевика Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенского, числившегося в Думе трудовиком, но в тот день объявившего себя эсером.

Спohватившись, что Временный комитет вряд ли сможет существовать без контакта с военным командованием Петрограда, его члены через пару часов ввели в свой состав бывшего подполковника Генерального штаба, депутата от фракции центра Б. А. Энгельгардта, назначив его руководителем военной комиссии и комендантом Петроградского гарнизона. С согласия Милюкова и других членов комитета Энгельгардт тут же издал первый «революционный приказ», грозивший репрессиями

офицерам за попытки отобрать у солдат оружие^{573}.

Милюков, инициатор создания Временного комитета, фактически стал его руководителем, хотя официально председателя не выбирали. Именно он выступил за немедленное установление контакта со сформировавшимся в тот же день никем не избранным органом левых партий, который получил название Исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, заседавшим также в Таврическом дворце. Чхеидзе и Керенский, представлявшие Исполком, были в меньшинстве, но выразили готовность участвовать во Временном комитете, если его деятельность не будет противоречить программным установкам социал-демократов и эсеров.

Фактически рассматривая себя в качестве властного органа, Временный комитет в тот же день назначил комиссаров во все центральные правительственные учреждения из представителей партий Прогрессивного блока, на которых Милюков мог опираться. Чхеидзе и Керенский занимали выжидательную позицию, лишь иногда вмешиваясь. В то же время, по словам Милюкова, Керенский явно претендовал на пост министра юстиции в будущем правительстве — скорее всего, это было сказано в приватном разговоре^{574}.

Уже к вечеру этого долгого дня Милюков понял: Временный комитет не является единственным претендентом на власть, находившийся здесь же Исполком Петроградского совета, опираясь на фактически занявшую Таврический дворец толпу рабочих, солдат, матросов, обывателей, может полностью овладеть положением в столице. Всё чаще раздавались выстрелы. В караульном помещении Таврического дворца был ранен офицер — какому-то из солдат не понравилось, что он не снял гвардейскую кокарду. И всё же в обоих наспех созданных органах формировалось мнение о необходимости сотрудничества, по крайней мере для поддержания элементарного порядка.

И опять П. Н. Милюков стал инициатором образования совместных комиссий Временного комитета и Исполкома, которые в ночь на 28 февраля начали проводить заседания, а скорее сходки в комнатах, где раньше располагались партийные фракции.

Следующий день стал праздником революции, причем Милюкова воспринимали в качестве одного из ее вождей, если не первого лица. К Таврическому дворцу приходили самые разные делегации, к ним выходили члены Временного комитета, произносили зажигательные речи. На долю Павла Николаевича пришлась основная часть этих выступлений, причем его речи были, вероятно, наиболее трезвыми. Он обращал внимание

слушателей на то, что первый успех — еще не полная победа, что предстоят длительные усилия для создания в России нового правопорядка. Не всем такие предостережения нравились, но пока с ними мирились.

Делегация 1-го пехотного полка попросила Милюкова выступить перед солдатами и офицерами. Приехав в расположение войск в район Охты, он, поднявшись на высокий помост, произнес речь, буквально срывая голос, чтобы на открытом воздухе быть услышанным. Главная мысль выступления состояла в необходимости сохранять дисциплину, единство солдат и офицеров, воздерживаться «от всяких праздных увлечений»^{575}.

Милюков в то время был особенно озабочен необходимостью формирования более или менее стабильного органа исполнительной власти. Эту необходимость понимали и другие члены Временного комитета. Шульгин в воспоминаниях рассказывает, как незначительный эпизод с участием А. Ф. Керенского, взявшего на себя функцию связного между Комитетом и Исполкомом Совета (его только что избрали заместителем председателя этого органа), перевел вопрос из стадии общих рассуждений в практическую плоскость. Утром 1 марта в кабинет председателя Госдумы, где заседал Временный комитет, внезапно ворвался Керенский.

«За ним какой-то человек под охраной солдат с винтовками нес объемистый бумажный пакет. Театральным жестом Керенский бросил пакет на стол:

— Наши секретные договоры с державами... Спрячьте...

После этих слов Керенский вышел, хлопнув дверью, а присутствовавшие в недоумении уставились на пакет.

— Что за безобразие, — сказал Родзянко, — откуда он их таскает?

Что делать с принесенными бумагами, никто не знал, в кабинете не было даже шкафа, чтобы их спрятать. Наконец, кто-то нашелся:

— Знаете что — бросим их под стол. Под скатертью ведь совершенно не видно... Никому в голову не придет искать их там.

Пакет отправился под стол, но не прошло и пяти минут, как в комнате вновь появился Керенский.

— Тут два миллиона рублей. Из какого-то министерства притащили...

В итоге миллионы оказались под столом рядом с секретными договорами».

Шульгин обратился к Милюкову: «Павел Николаевич, довольно этого кабака. Мы не можем управлять Россией из-под стола... Надо правительство, и надо, чтобы вы его составили. Только вы можете это

сделать. Давайте подумаем, кто да кто»^{576}. Таким образом, будущим главой исполнительной власти он видел именно Милюкова.

Примерный состав правительства был намечен уже 27–28 февраля. Необходимо было, однако, преодолеть формальные юридические препятствия, чтобы власть была сформирована как можно более законным образом. Требовалось, чтобы председатель Думы Родзянко (он сам вошел во Временный комитет, но занимал осторожную позицию) заявил о передаче комитету всех полномочий по формированию исполнительной власти и чтобы прежнее правительство добровольно сошло со сцены.

Вечером 28 февраля Родзянко, возвратившись из Мариинского дворца, сообщил, что царское правительство ушло в отставку, но ничего не сказал о формировании нового правительства, которое, полагали в Таврическом дворце, следовало образовать Думе — точнее, ее Временному комитету.

Милюков воспользовался этим моментом, чтобы выяснить отношения с председателем. «Михаил Владимирович, надо решаться», — произнес он с порога, входя в кабинет Родзянко, имея в виду признание свершившегося факта — революции. Родзянко попросил время подумать. Члены комитета ожидали его решения в приемной. В этот момент к телефону попросили Энгельгардта. Из казарм Преображенского полка сообщили, что знаменитый полк императорской гвардии, занимавший до этого нейтральные позиции, переходит на сторону революции. Энгельгардт немедленно сообщил об этом Родзянко, который, выйдя к ожидавшим, сообщил, наконец, что не возражает против формирования правительства от имени Думы.

К вечеру состав правительства был намечен полностью. Здесь, однако, Павла Николаевича, полагавшего, что пост председателя Совета министров будет доверен именно ему, и «скромно» ожидавшего соответствующего предложения, постигло немалое разочарование. Правая часть членов Прогрессивного блока считала взгляды Милюкова чуть ли не радикальными, во всяком случае, не обеспечивавшими жесткого единства, столь необходимого правительству в переломное время. Кто-то из членов Временного комитета назвал фамилию князя Львова (иногда в качестве инициатора называют Родзянко, но это плохо согласуется с фактом резкого падения влияния председателя Думы в первые дни революции). Кандидатуру Львова вначале с энтузиазмом поддержали октябристы и центр, затем к ним вынуждены были присоединиться и Милюков с Шингаревым.

Павел Николаевич был не просто удивлен, а поражен тем, что никто из присутствовавших даже не упомянул его фамилию в качестве возможного

главы правительства. Считавшийся до этого главным инициатором революционных, но мирных преобразований, он почувствовал, что власть начинает выскользывать из его рук не только по причине возникновения параллельного органа — Совета рабочих и солдатских депутатов, но и в результате оттеснения его с первых позиций в самом Прогрессивном блоке. Совершенно неубедительно звучат сказанные с досадой противоречивые слова в воспоминаниях: «Знающие меня близко могут удостоверить, что я никогда не стремился сам занять первое место. Если иногда я на нем и оказывался, то так слагались обстоятельства, и я принимал совершившийся факт как исполнение моего общественного долга. Обстоятельства при создании Временного правительства сложились гораздо иначе, и я принял в нем ту долю влияния и власти, которое приписывало мне единодушное общественное мнение. В общем итоге эта доля была невелика: она оказалась меньше, чем я хотел бы»^[577]. Как видим, последнее предложение противоречит всему высказанному перед ним.

В результате совещания кандидатура Львова была одобрена единогласно.

Георгий Евгеньевич Львов (1861–1925) — представитель одной из старейших княжеских фамилий, восходившей к Рюриковичам. Его семья не была богатой, но он смог окончить Московский университет и работал в судебных и земских органах. С 1905 года Львов был кадетом, но через шесть лет перешел к прогрессистам. Он активно участвовал в разнообразных общественно-благотворительных инициативах и приобрел популярность в качестве самоотверженного и бескорыстного поборника прав и нужд беднейших слоев населения. В августе 1914 года на съезде губернских земских организаций был образован Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, который возглавил Львов. Параллельно возник аналогичный Всероссийский союз городов (он объединял представителей городских самоуправлений). В 1915 году союзы объединились в единую организацию — Земгор (полное название Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов), общепризнанным руководителем которой считался Львов — мощную структуру с годовым бюджетом в 600 миллионов рублей, занимавшуюся оборудованием госпиталей и санитарных поездов, поставкой одежды и обуви для армии.

Отношения между Милюковым и Львовым были сугубо официальными. По всей видимости, Павел Николаевич не мог простить Георгию Евгеньевичу уход из кадетской партии. Милюков, однако, отдавал должное неустанной активности Львова, его скромности и бескорыстию. С

начала 1916 года фамилия Львова неизменно фигурировала в перечне членов «правительства народного доверия», за создание которого боролся Прогрессивный блок.

Милюков поддержал назначение Львова главой правительства. Отчасти успокаивая себя, но всё же объективно оценивая Львова, он считал, что будущий глава правительства человек очень мягкий, не обладающий требовательностью, которая должна быть присуща государственному руководителю, тем более в переломное время. Подобными характеристиками полны воспоминания Милюкова, обзывавшего Львова «толстовцем». Отсутствие у нового главы правительства твердой воли подтверждается другими современниками.

Еще на достопамятном совещании, где обсуждалась кандидатура премьера, Милюков, по его словам, на вопрос, что он думает о Львове, заданный ему на ухо одним из участников, ответил одним словом: «Шляпа!» Милюков не скрывал разочарования назначением, за которое сам голосовал. В воспоминаниях читаем: «Было бы, конечно, нелепо обвинять кн. Львова за неудачу революции. Революция — слишком большая и сложная вещь. Но мне кажется, что я имею право обвинять его за неудачу моей политики в первой стадии революции. Или, наконец, обвинять себя за неудачу выбора в исполнители этой политики»^{578}.

Но это будет написано через много лет. Пока же Милюков утешал себя тем, что при слабом председателе правительства он, безусловно войдя в кабинет, сможет практически определять его политику. Г. М. Катков лишь отчасти прав, говоря: «Милюков, достаточно честолюбивый, чтобы надеяться раньше или позже получить пост премьер-министра, не хотел, чтобы Родзянко, непоколебимый сторонник самодержавия, стал главой правительства, к которому ему пришлось бы примкнуть. Он предпочитал и выдвигал Львова, которого знал поверхностно, зато Львов слыл «мягким» и «толстовцем». Можно было рассчитывать, что князь Львов будет прислушиваться к политическим советам Милюкова. Милюков считал, что его собственная кандидатура особенно подходит для поста министра иностранных дел»^{579}. На самом деле Милюков не выдвигал Львова и лишь вынужденно согласился на важный, но в условиях революции не первостепенный пост министра иностранных дел.

Назначение Львова председателем Совета министров и поручение сформировать правительство были оформлены по всем нормам Российской империи. Львов формально был назначен еще императором — высочайший указ Правительствующему сенату датирован двумя часами пополудни 2

марта — тогда как на манифесте Николая II об отречении от престола проставлено время «15 час. 5 мин.».

Это, наверное, единственный случай в истории, когда деятель в течение одного часа побывал главой правительства империи и страны с неопределенным государственным строем, ибо вопрос о нем должно было решить Учредительное собрание. Так в целях успокоения страны думцы, включая Милюкова, пытались влить совершенно новое содержание в старую форму, которой, как они были убеждены, предстояло скоро исчезнуть.

Г. Е. Львов образовал Временное правительство 1 марта, то есть еще до объявления рескрипта о назначении его главой Совета министров на совместном заседании Временного комитета Думы, ЦК партии кадетов, Бюро Прогрессивного блока и представителей Петроградского совета. Состав правительства был оглашен на следующий день.

Сообщение, что в России сформирована (без объяснения, кем именно) новая исполнительная власть, вызвало естественное недоумение. И опять роль за всё отвечающего и всё объясняющего взял на себя Милюков. Вот как выглядел Таврический дворец в эти дни: «Солдаты, солдаты, солдаты с усталыми, тупыми, редко добрыми или радостными лицами; всюду следы импровизированного лагеря, сор, солома; воздух густой, стоит какой-то сплошной туман, пахнет солдатскими сапогами, сукном, потом; откуда-то слышатся истерические голоса ораторов, митингующих в Екатерининском зале, везде давка и суетливая растерянность»^{580}. Павел Николаевич произнес перед толпой «обыкновенных людей», окружившей его, краткую речь, демагогическим характером полностью соответствовавшую моменту. Он вспоминал: «Я мог прочесть в ответ целую диссертацию. Нас не «выбрала» Дума. Не выбрал и Родзянко, по запоздавшему поручению императора. Не выбрал и Львов, по новому, готовившемуся в Ставке царскому указу, о котором мы не могли быть осведомлены. Все эти источники преемственности власти мы сами сознательно отбросили. Оставался один ответ, самый ясный и убедительный. Я ответил: «Нас выбрала русская революция!» Эта простая ссылка на исторический процесс, приведший нас к власти, закрыла рот самым радикальным оппонентам^{581}. Г. М. Катков иронически констатирует: «Неудивительно, что разношерстная толпа, пришедшая осведомиться о новых правителях России, замолкла при звуке священного слова «революция», с благоговением произнесенного человеком, который в течение всей своей политической карьеры проповедовал политическую линию,

долженствовавшую сделать революцию ненужной»^{582}.

В значительной мере состав Временного правительства был случайным, явившись результатом быстро достигнутого компромисса разнородных сил. Времени на длительные консультации не было, обращаться за санкциями было не к кому. Ссылка же на историческую необходимость, сделанная не тогда, в разгар событий, а через много лет, может вызвать только улыбку. Насколько же сильно оторвался Милюков от своей специальности, чтобы сравнительно случайный подбор лиц, лишь часть из которых была известна стране, представить как проявление воли истории! Он, правда, тут же сделал оговорку, зафиксированную в отчете тех дней, но не включенную в воспоминания: «Поверьте, господа, власть берется в эти дни не из слабости к власти. Это не награда и не удовольствие, а заслуга и жертва (шумные рукоплескания). И как только нам скажут, что жертвы эти больше не нужны народу, мы уйдем с благодарностью за данную нам возможность»^{583}.

Вряд ли эти слова были искренними. Милюков безусловно стремился к власти, разумеется, не ради самой власти, а чтобы добиться мирного преобразования России. Осуществить эту задачу было невероятно сложно, тем более в суматохе начавшейся революции, когда важнейшие государственные вопросы решались с ходу, почти случайно, на основе внезапных компромиссных «озарений», а в некоторых случаях просто нелепо.

Первой нелепостью было то, что Г. Е. Львов взял себе также портфель министра внутренних дел. Для руководства этим министерством, которое в российских условиях являлось органом преимущественно репрессивным, ведавшим полицией и другими силовыми структурами, у Львова, тем более в условиях революции, не было необходимых волевых качеств и опыта. Скорее всего, этот пост никто не хотел занимать и князю пришлось возложить тяжелую ношу на себя.

Более естественным было назначение Милюкова министром иностранных дел. Имевший большой опыт внешнеполитических контактов, знавший почти все европейские языки, пользовавшийся известностью за рубежом как либерал и в то же время сторонник доведения войны до победного конца, сохранения верности союзникам по Антанте, он в первые недели существования Временного правительства выглядел на этом посту вполне естественно. Недаром еще со времени появления книги «Балканский кризис и политика Извольского» Павла Николаевича в кадетской среде именовали «наш министр иностранных дел», правда,

полагая, что он успешно мог бы сочетать эту должность с руководством правительством. Однако теперь не учитывалось, что внешнеполитический курс должен был прийти в неизбежное противоречие с линией Петроградского совета, который реально становился второй властью, оказывая давление на правительство, а во многих случаях просто подменяя его.

Некоторые другие назначения были весьма сомнительными. Ожидалось, что очень важный пост министра финансов займет соратник Милюкова Шингарев, председатель думской бюджетной комиссии. Поэтому появление в этом качестве молодого (ему недавно исполнилось 30 лет) землевладельца, промышленника и банкира Михаила Ивановича Терещенко сразу вызвало недоуменные вопросы, отвечать на которые вновь пришлось Милюкову. О недавнем участии Терещенко в заговоре против Николая II общественности, разумеется, известно не было. Когда та же толпа, которой Милюков заявил, что Временное правительство было призвано революцией, услышала от него фамилию Терещенко, раздались вопросы: «Кто это такой?» Милюков признавал, что ему было трудно объяснить этот выбор. Он лишь сказал, что в такой огромной стране невозможно знать всех лучших людей. В мемуарах же, написанных 30 лет спустя, Павел Николаевич утверждал, что давление в пользу этого назначения исходило из тех же кругов, что и давление в пользу включения во Временное правительство Керенского. Это можно, скорее всего, понимать в том смысле, что кандидатура Терещенко была предложена Петроградским советом, за сотрудничество с которым Терещенко выступал с момента его образования.

Вряд ли можно признать обоснованными утверждения Г. М. Каткова, что основная часть состава Временного правительства, включая и Терещенко, и Керенского, была определена масонскими кругами. Ссылки на разного рода воспоминания и письма не очень убедительны, прежде всего потому, что в этих источниках речь идет о «некоторых кругах», но нигде прямо не говорится о масонах.

Александр Федорович Керенский, получивший портфель министра юстиции, был единственным социалистом в правительстве. Милюков признавался, что именно он был инициатором приглашения Керенского (более того, предполагалось включение в состав правительства и председателя Исполкома Совета Чхеидзе в качестве министра труда, но последний отказался, ссылаясь на решение Совета).

Солидный и осторожный Павел Николаевич недолюбливал крикливого и суежливого юриста и политика, в прошлом председателя думской

фракции трудовиков, но вынужден был считаться с тем, что патетические речи Керенского в Таврическом дворце и за его стенами, его неумная энергия производили впечатление на массу, которая встречала его восторженно. В этих условиях он полагал, что, с одной стороны, занятие Керенским поста министра юстиции будет демонстрацией сотрудничества Временного правительства с Советом, с другой стороны, министерская работа захватит Александра Федоровича, он займется конкретным делом по специальности и не будет препятствовать принятию общеполитических решений. Верный себе игрок и позер Керенский дал согласие войти в правительство всего лишь за несколько минут до оглашения Милюковым ранним утром 2 марта его состава.

Вполне логичным казалось назначение военным министром А. И. Гучкова, бывалого политика, имевшего опыт участия в войнах. Практически сложилось так, что левый кадет Милюков и правый октябрист Гучков занимали во Временном правительстве близкие позиции. Оба подумывали об уходе в отставку уже в начале марта, когда появился приказ Исполкома Совета № 1, обращенный к солдатам, а царь отрекся от престола, фактически никому не передав монархическую власть (назначенный им в преемники великий князь Михаил Александрович заявил, что не займет трон без решения Учредительного собрания). Гучков писал, что именно Милюков отговорил его от ухода в надежде выправить положение. Позже они подали в отставку под давлением снизу во время апрельского кризиса.

И всё же, по мнению Милюкова, важнейшим текущим вопросом должно было стать установление нормальных отношений между Временным правительством и Советом, который вел себя как власть в городе с претензией на власть в стране. Исключительно важно было добиться от Совета фактического отказа от власти, а осуществить это можно было только в случае, если Совет объявит о поддержке правительства.

Казалось, дело к этому идет. Вечером 1 марта, когда правительство было уже сформировано, но его состав не объявлен, в кабинет Родзянко, ставший пока правительственной штаб-квартирой, пришли Чхеидзе и другие представители Совета с предложением обсудить вопрос об условиях признания. Их предложения, по мнению Милюкова, в основном не вызывали возражений, ибо совпадали с программными положениями Прогрессивного блока. Речь шла о гражданских свободах, отмене сословных, национальных и прочих ограничений, созыве Учредительного собрания для определения формы правления и т. д. Но были и пункты,

оказавшиеся неприемлемыми для министров, особенно для Милюкова и Гучкова. Прежде всего бросалось в глаза, что Совет считал вопрос о провозглашении России республикой решенным, а министры откладывали его решение до Учредительного собрания. После нелегких переговоров удалось договориться оставить «вопрос открытым», то есть победила точка зрения министров. Более существенной считалась проблема солдатских прав, которые в требованиях Совета формулировались таким образом, что фактически могли лишить Россию боеспособности в условиях войны. Особенно возмутили министров требования выборности офицеров и равенства прав солдат и офицеров без оговорки, что эти принципы не распространяются на условия несения воинской службы.

Переговоры шли всю ночь. Все участники были совершенно измотаны, то сидели в креслах, то лежали на полу, подремывая. Шульгин вспоминал, что только Милюков оставался упрямым и свежим, но сам Павел Николаевич опровергал это утверждение — третья бессонная ночь могла кого угодно вывести из строя. В конце концов вроде бы удалось договориться по всем вопросам, включая права солдат: была зафиксирована необходимость сохранения строгой воинской дисциплины в строю и при несении службы, но в то же время сказано о введении «равенства в пользовании общественными правами». В таком виде условия поддержки Советом Временного правительства были одобрены представителями обеих сторон, которые уже едва понимали, о чем идет речь.

Каковы же были удивление и разочарование Милюкова и других членов Временного правительства, когда утром 2 марта, открыв начавшую выходить газету Совета «Известия» (это был третий номер газеты), они прочитали там документ Совета под названием «Приказ № 1», адресованный столичному гарнизону, а также всем солдатам армии, гвардии, артиллерии для исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Приказом предписывалось создавать выборные комитеты во всех воинских частях. Именно им и Совету, а не офицерам должны были теперь подчиняться воинские части, причем предлагалось немедленно передать всё оружие в распоряжение солдатских комитетов^{584}. Почти все исследователи сходятся в выводе, что приказ № 1, разрушив воинское единоначалие, явился определенным знаком развала армии в условиях войны.

Стало ясно, что если Исполком Совета и будет осуществлять поддержку Временного правительства, то крайне выборочно. Опаснейшее для страны двоевластие становилось фактом.

Члены Временного правительства, прежде всего Милюков, пытались что-то предпринять для исправления положения. Прочитав приказ № 1 (Исполком отдал распоряжение напечатать его в виде листовок и распространить на фронтах — тираж, по данным последнего военного министра Временного правительства генерала А. И. Верховского, составил девять миллионов экземпляров^[585]), Милюков отправился разьяснять Чхеидзе и другим социалистам пагубность их действий. Они отчасти согласились с его правотой. В результате 5 марта в газетах появился приказ Исполкома № 2, который, подтверждая основные положения прежнего документа, то ли разьяснял, то ли запутывал отдельные его пункты: говорилось, что избираемые комитеты не являются выборным армейским начальством, но тут же, в прямом противоречии со сказанным, делалось предупреждение, что уже избранные офицеры должны остаться на своих постах, что комитеты имеют право возражать против назначения начальников, а все солдаты петроградского гарнизона должны подчиняться исключительно политическому руководству Совета, хотя делалась оговорка, что в вопросах, относящихся к военной службе, власть остается в руках военных властей.

Первое официальное сообщение о создании Временного правительства появилось в утренних выпусках столичных газет 3 марта в форме «Обращения к товарищам и гражданам» со списком членов правительства. Документ был подписан не только Родзянко, но и всеми членами правительства. Тем самым Комитет Госдумы растворялся в новом органе, который фактически наделялся не только исполнительными, но и законодательными функциями.

Вслед за тем появилась программа Временного правительства, выработанная в переговорах с Исполкомом Совета. Текст ее был, по всей видимости, написан Милюковым и Керенским, точнее, «склеен» из пунктов, подготовленных каждым из них. Программа предусматривала восемь пунктов: полную и немедленную амнистию по всем политическим и религиозным делам, в том числе связанным с террористическими покушениями, военными восстаниями и аграрными выступлениями; свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями; отмену всех сословных, вероисповедальных и национальных ограничений; немедленную подготовку к созыву Учредительного собрания на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; замену полиции народной милицией и выборным начальством, подчиненным органам местного

самоуправления; выборы в органы местного самоуправления на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении; устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам, при сохранении строгой воинской дисциплины в строю и при несении военной службы^{586}.

Нетрудно увидеть, какие пункты, особенно касавшиеся армии, были навязаны Советом. Главным из них, безусловно, было распоряжение о невыводе из Петрограда революционных воинских частей, которые могли оказывать давление на правительство. Программа оставляла открытым вопрос о государственном строе, так как не определяла функций Учредительного собрания.

В тот же день в газете «Известия» были опубликованы обращение Исполкома Совета об условной поддержке Временного правительства «в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью», и согласованная программа правительства.

После отречения царя и фактического отречения великого князя Михаила Александровича члены Временного комитета и Временного правительства провели совещание в доме полковника князя П. П. Путятина на Миллионной улице, дом 12, где в это время находился великий князь. Милюков вспоминал, что, входя в дом, он почти сразу столкнулся с Михаилом Александровичем, который, поздоровавшись, бросил фразу: «А что, хорошо ведь быть в положении английского короля. Очень легко и удобно»^{587}.

Милюков воспринял эти слова как выражение согласия Михаила переменить решение и занять престол. Он считал, что это лучший выход из создавшейся ситуации. Конституционная монархия британского образца уже давно была для него наиболее желательной государственной моделью, а в условиях революции такой путь успокоения страны казался еще более надежным.

Участники совещания не скрывали тяжести положения. Казалось, новая власть может в любой момент быть сметена стихией. К огромному удивлению Милюкова, не только Керенский, уже несколькими днями ранее объявивший себя республиканцем, но даже октябрист Родзянко высказались за ликвидацию монархии.

Основным оратором стал, однако, Милюков, который объяснил, что

для укрепления нового режима необходимо авторитетное и сильное правительство, а оно «нуждается в опоре привычного для масс символа власти». Иначе говоря, он высказался за сохранение монархии, по крайней мере до Учредительного собрания, считая, что без монархического, единоличного авторитета дело до его созыва может просто не дойти: «Временное правительство одно без монархии является утлой ладьей, которая может потонуть в океане народных волнений».

В памяти Шульгина эти прения запечатлелись так: «Это была как бы обструкция. Милюков точно не хотел, не мог, боялся кончить. Этот человек, обычно столь учтивый и выдержанный, никому не давал говорить, он обрывал возражавших ему, обрывал Родзянко, Керенского, всех... Белый как лунь, лицом сизый от бессонницы, совершенно сиплый от речей в казармах и на митингах, он каркал хрипло»^{588}. Приводя в воспоминаниях слова Шульгина, Милюков писал, что тот, конечно, несколько преувеличил — в его «карканье» была система. Поразило его то, что его противники вместо высказывания принципиальных соображений перешли к запугиванию великого князя. «Я видел, что Родзянко продолжает праздновать труса. Напуганы были и другие происходящим. Всё это было так мелко в связи с важностью момента. Я признавал, что говорившие, может быть, правы. Может быть, участникам и самому великому князю грозит опасность. Но мы ведем большую игру — за всю Россию — и мы должны нести риск, как бы велик он ни был»^{589}.

Милюков даже внес экстраординарное предложение: взять автомобили и уехать из Петрограда, перенести столицу в Москву, где гарнизон сохранял дисциплину и революция произошла без буйства толпы. Именно в Первопрестольной, считал он, правительство сможет работать без давления на него снизу.

На этом совещании Павел Николаевич потерпел полное поражение: именно после встречи у Путятин великий князь Михаил Александрович подтвердил свое фактическое отречение от престола и опубликовал заявление о предоставлении права решить вопрос о государственном строе Учредительному собранию. В статье, посвященной памяти Милюкова, опубликованной сразу же после его смерти, А. Ф. Керенский в свойственном ему напыщенном стиле, но по существу справедливо писал: «Он уходил... последним героическим и трагическим защитником монархии, которой уже не существовало и для восстановления которой не было никаких других сил, кроме страстной воли его самого»^{590}.

Это было первое крупное поражение Милюкова как государственного деятеля. Конечно, он был разочарован, что не стал главой правительства, но политическим поражением он это не считал, поскольку занял важный министерский пост. Вскоре последуют новые неудачи, которые приведут к фактическому выталкиванию Милюкова на обочину российской политики. Пока же он занялся тем, к чему лежала душа, — налаживанием отношений нового правительства с союзниками по Антанте. Естественно, он принимал живейшее участие в решении всех вопросов внутренней политики, насколько было это по силам ему и правительству, не располагавшему полной властью.

Четвертого марта 1917 года Милюков официально приступил к своим обязанностям — издал циркуляр по ведомству иностранных дел о своем вступлении на пост министра. Ему было назначено месячное содержание — 1225 рублей плюс 1000 рублей на представительские расходы^{591}. Это были сравнительно скромные средства, если учесть, например, что рабочие Обуховского завода к марту зарабатывали в месяц 160–400 рублей^{592}.

И тогда, и позже Милюкова часто обвиняли в проведении в качестве министра «буржуазной политики». Сам он считал, что это было верно лишь в том смысле, что он не выступал за ликвидацию базовых принципов капиталистического общества — частной собственности и рынка, считая социализм опасной утопией или демагогическим лозунгом. Его партия, однако, не была буржуазной в смысле состава и текущих политических установок. К ней больше применимо определение «межклассовая», поскольку в нее входили представители всех общественных слоев.

В это время кадетская партия и ее руководители, прежде всего Милюков, оказались в очень сложном положении. В стране за короткий срок образовалось около сотни политических партий, общая численность их членов превысила миллион человек. В. В. Шелохаев констатирует: «В этом «партийном котле», где «атмосферное давление» росло с каждым днем, Партия народной свободы, предпринимавшая самые разнообразные попытки стабилизировать обстановку, создать условия для победоносного окончания войны и созыва Учредительного собрания, чувствовала себя крайне неуютно. Кадетам так и не удалось убедить массы в бесперспективности дальнейшей конфронтации, уговорить лидеров национальных партий не спешить до окончания войны ставить во всём объеме национальный вопрос»^{593}.

Для самых разных кругов общественности назначение Милюкова на министерский пост выглядело вполне естественным. Весьма критически настроенный острый фельетонист А. П. Шполянский (Дон Аминадо) писал: «Павел Николаевич Милюков был не только выдающимся человеком и великим патриотом, но и прирожденным государственным деятелем, самым Богом созданным для английского парламента и Британской энциклопедии»^{594}.

Его деятельность в правительстве развивалась по трем направлениям: сохранение отношений с союзниками и прежде всего решительный отказ от заключения сепаратного мира (а в связи с этим — борьба против «циммервальдовцев» — левых социал-демократов, выступавших за немедленный мир без аннексий и контрибуций); противодействие стремлениям Керенского к усилению собственной власти; «сохранение полноты власти правительства, созданного революцией»^{595}. Если первую задачу Милюкову поначалу удавалось решать, то со второй он справлялся с большим трудом, а третья была вообще нерешаемой, так как Керенский опирался на Исполком Совета, поддерживавший Временное правительство лишь условно, а фактически игравший роль второй власти.

Уже 21 марта германский посланник в Копенгагене на основании информации известного посредника в передаче немецких денег российским революционерам А. Гельфанда (Парвуса) информировал свой МИД: «Лица, стоящие теперь у власти, очевидно, хотели бы продолжать войну. Лидеры этой политики — Милюков и Гучков. Оба они стараются оттянуть созыв Национального учредительного собрания, так как знают, что в тот момент, когда оно получит какое-то влияние, продолжение войны станет невозможным». Немецкие дипломаты подчеркивали: «Если правительство Милюкова удержится у власти, ему наверняка придется пойти навстречу пожеланиям народа и заключить мир»^{596}. Любопытно, что Милюкова рассматривали как фактического главу правительства, при этом характеризовали его как «теоретика, любителя пространных обсуждений» и отмечали его колебания^{597}.

Принципиальной установкой нового руководителя МИДа являлась преемственность дипломатической деятельности, что в условиях коренной ломки всей государственной системы было крайне трудно осуществить. Однако вначале Милюков с этой задачей справлялся более или менее успешно. В самом конце своей министерской деятельности, 4 мая, на встрече с бывшими депутатами Думы он заявил: «Моей фундаментальной идеей было то, что не существует таких вещей, как «царская дипломатия» и

«дипломатия Временного правительства», что мы имеем объединенную союзную дипломатию, которую мы делим с ведущими демократиями, вступившими с нами в соглашение относительно общих задач»^{598}.

Параграф воспоминаний, посвященный своей министерской деятельности, Милюков назвал «Мои победы — и мое поражение»^{599}. Действительно, добившись в первые недели работы Временного правительства тактических внешнеполитических успехов, он не выдержал напора революционной стихии и вынужден был уйти с поста.

Заняв министерское кресло, Милюков прежде всего проинформировал об этом российских дипломатов за рубежом. Разумеется, они уже знали о составе Временного правительства, но формальный акт нового главы внешнеполитического ведомства был исключительно важен с точки зрения признания царскими послами нового правительства и, в частности, своего нового шефа. В телеграмме от 4 марта не только подчеркивалась преемственность российской внешней политики, но и высказывалась надежда, что революция окажет позитивное влияние на ход военных действий. Новый министр просил передать союзным правительствам, что Временное правительство будет соблюдать обязательства, взятые страной^{600}.

В этот же день Милюков принял французского посла Мориса Палеолога, с которым встречался ранее в качестве руководителя думской оппозиции. Он показался французу сильно изменившимся — очень усталым и постаревшим. Дипломат стремился выяснить, как события в России повлияют на ее участие в войне, не существует ли угрозы сепаратного мира, о котором непрерывно говорили в Петрограде. Министр заверил: «Вы получите все гарантии в этом отношении». Милюкову посол доверял, но не разделял оптимизм газеты «Речь», которая как раз 5 марта опубликовала написанную Милюковым передовую статью, где русская революция была названа новым чудом света^{601}.

Вслед за Палеологом у министра появился английский посол Джордж Бьюкенен. Было известно, что он в последние месяцы встречался с царем и говорил тому о необходимости образования «правительства доверия», чего добивался Милюков. Однако сейчас Павла Николаевича ожидало разочарование: Бьюкенен заявил, что признание новой власти британским правительством зависит от гарантий дальнейшего участия России в войне. Посол вспоминал: «Я сказал ему, что прежде чем действовать в пользу данных мне заверений, я должен быть убежден, что новое правительство готово вести войну до конца и восстановить дисциплину в армии. Милюков

заверил меня в этом, но сказал, что они должны действовать осторожно... и что сам он находится в очень сложном положении»^{602}.

По настоянию Милюкова в правительственную декларацию, появившуюся 6 марта, было включено торжественное заявление, что новая власть будет строго соблюдать все союзнические обязательства. Палеолог заявил, что удивлен отсутствием в декларации слов о германском милитаризме, и стал поучать российского министра, напоминая о хорошо знакомых ему исторических параллелях: «Франция также совершила революцию, имея врагов у своих ворот, но Дантон в 1792 году и Гамбетта в 1870 году говорили совершенно другим языком». Палеолог вспоминал, что Милюков, слушая его, был бледен и чувствовал себя очень неловко^{603}. А как еще мог чувствовать себя профессиональный историк, скованный дипломатическим этикетом, лишавшим его возможности возразить оппоненту, произвольно трактующему применительно к России исторические события, происходившие во Франции в совершенно иной ситуации? Милюков ответил только, что декларация предназначена населению России и для текущего момента не очень подходят резкие выражения Дантона и Гамбетты.

Единственным послом, который заявил о безусловном признании Временного правительства, являлся представитель Соединенных Штатов Дэвид Фрэнсис. 9 марта на торжественном приеме Милюков заявил: «Господин посол, я знаю достаточно хорошо Америку, чтобы сказать, что новые идеи свободной России — это также ваши идеи и что наши усилия создадут сильный стимул для сближения двух наших демократий. Я счастлив, что в последние дни получил настоящий поток телеграмм от американских друзей, и они показывают, что широкие круги вашего народа действительно с нами»^{604}. При всём уважении к американским демократическим институтам Милюков, разумеется, отлично понимал, что Соединенным Штатам просто не оставалось иного выхода, как безоговорочно признать новую Россию, поскольку Америка собиралась вступить в мировую войну. Он предполагал, что правительство США во главе с президентом Вудро Вильсоном объявит войну Германии в сравнительно близком времени, но, конечно, не мог предвидеть, что это произойдет менее чем через месяц и что одним из главных катализаторов этого решения будет революция в России, поскольку США так же, как Франция и Англия, опасались, что в результате внутривнутриполитических событий Россия выйдет из войны и этим будут резко ослаблены позиции Антанты.

Министр иностранных дел пытался использовать американские связи для решения внутривнутриполитических задач. По рекомендации посла Фрэнсиса, согласованной с Милюковым, председатель профсоюзного объединения США Сэмюэл Гомперс послал телеграмму председателю Петроградского совета Чхеидзе, в которой убеждал в невозможности немедленного достижения социалистического идеала^{605}. Нотация американского профсоюзного бюрократа только вызвала раздражение у функционеров Совета, которые и так занимали умеренные позиции, но находились под постоянным давлением толпы, в которой активно действовали те, кого Милюков обобщенно называл «циммервальдовцами» — сторонниками немедленного заключения мира без аннексий и контрибуций.

В течение первого месяца после Февральской революции большевики не выделялись из «циммервальдовцев» — на страницах газеты «Правда» тогдашние большевистские лидеры Лев Борисович Каменев и Иосиф Виссарионович Сталин так же, как и большинство членов Исполкома Петроградского совета, призывали к условной поддержке Временного правительства. Положение принципиально изменилось, когда в начале апреля в Петроград возвратился из эмиграции Владимир Ильич Ленин, тотчас же призвавший начать переход от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму, который должен передать ее в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Ленин выдвинул лозунги «Никакой поддержки Временному правительству!» и «Вся власть Советам!».

Пока же послы Франции, Великобритании и Италии, следуя примеру американского коллеги, 11 марта объявили о дипломатическом признании их странами Временного правительства. Милюков, добропорядочность и солидность которого служили определенной формальной гарантией, казалось, добился успеха. Об этом восторженно писали ему бывшие члены комиссии фонда Карнеги, в частности Г. Н. Брайлсфорд, который прислал ему записку с анализом положения на Балканах с просьбой ознакомить с ней военное министерство и всех членов правительства^{606}.

Успех, однако, представлялся иллюзорным не только самому Милюкову, но и зарубежным дипломатам. Военный атташе Великобритании генерал-майор Альфред Нокс с изрядной долей цинизма писал: «Пока дипломаты говорили, министры стояли, глядя на пол и кланяясь по окончании каждого выступления. Я просто не мог думать о них как о министрах победы. Я не хотел смотреть на их лица, когда они глядели на пол, так что я также устремил свой взгляд вниз и смотрел на их ботинки.

Какая это была исключительная коллекция ботинок!» Ответные слова Милюкова, что Россия будет сражаться с врагом до последней капли крови, он едко прокомментировал: «Я был уверен, что Милюков именно так и поступит, но говорил ли он от имени России?»^{607}

Палеолог же телеграфировал в Париж, что Милюков и другие члены Временного правительства отказались прийти к нему на обед, опасаясь, что это будет использовано экстремистскими элементами в антиправительственных целях^{608}.

Но Милюкова в значительно большей степени, чем сорвавшийся обед, беспокоила судьба бывшего императора и его семьи. Министр понимал, насколько велика опасность для их жизни, ведь Николай с женой и детьми находился в Царском Селе то ли под арестом, то ли под формальной опекой Временного правительства, но фактически почти без охраны.

Милюков считал единственным достойным выходом отставку бывшего императора с семьей и близкими за границу. Уже в эмиграции он рассказал, почему этот план сорвался. Естественно, он прилагал все силы, чтобы полностью снять с себя вину за происшедшее, и, нам представляется, существенно не отступал от истины, однако освещал не все факты. В частности, он умолчал, что 9 марта правительство возложило ответственность за охрану царской семьи на министра юстиции Керенского, который вначале выступал за предание бывшего императора суду, а затем, после личной беседы в середине апреля, высказался за отставку его с семейством в Англию. В статье «О выезде из России Николая II» (1921)^{609} Милюков сообщил, что разрешение на выезд царской семьи было дано Временным правительством в связи с самим фактом отречения. Тотчас по принятии этого решения Милюков передал соответствующее предложение Бьюкенену. 10 марта поступил ответ из Лондона: «...король и правительство будут счастливы предоставить экс-императору России и его семье убежище в Англии... до окончания войны»^{610}.

Решение вопроса, однако, затянулось. Милюков объяснял это сопротивлением Петроградского совета, оказывавшего давление на «некоторых членов» правительства (подразумевался, безусловно, Керенский). Милюков не знал, поддерживал ли кто-либо из правительства, кроме него самого, контакты с Бьюкененом, но был убежден, что британское посольство имело и другие источники информации. Поэтому он был не очень удивлен, когда во время одного из свиданий сэр Джордж мимоходом сказал, что его правительство более не настаивает на выезде

бывшего царя в Англию.

В этой же статье Милюков отметил, что 19 марта на имя Николая II поступила телеграмма от Георга V, в которой содержалось обращение к адресату как к царствующей особе. Было решено не передавать эту телеграмму Николаю, и этот уговор явился «одним из доказательств внимания английского правительства к совершившемуся в России перевороту», то есть свидетельствовал о начале тайной дипломатии в отношениях новых российских властей с Западом.

По договоренности между Милюковым и Бьюкененом переговоры о предполагаемой отправке бывшего царя в Англию не предавались огласке. Отказ британских властей дать убежище Николаю практически вывел Милюкова из игры вокруг судьбы бывшего царя. Видимо, чувствуя, что он не был достаточно настойчив в этих переговорах, Павел Николаевич в 1920—1930-х годах неоднократно возвращался к этому вопросу, убеждая читателей в статьях, печатавшихся в «Последних новостях» и других изданиях, что он оказался бессилён перед решением Совета не выпускать царя за границу, которому поддалось британское правительство, видевшее в Совете растущую силу.

Министерство иностранных дел вместе с Главным штабом располагалось в здании, возведенном по проекту Карло Росси в 1819–1829 годах напротив Зимнего дворца, образовывавшем полукруг, две части которого были разделены Триумфальной аркой. Это было величественное сооружение, достойное грандиозных внешнеполитических замыслов Российской империи.

Милюков испытывал здесь двойственное чувство: с одной стороны, он воспринимал как должное мощную торжественность помещений, с другой — отлично понимал, что в условиях стремительных изменений в стране его пребывание в этом здании может оказаться очень недолгим, и вел себя предельно скромно. Но в любом случае, считал он, следовало демонстрировать преемственность российской внешней политики.

Нового министра встретил предшественник, последний руководитель царского внешнеполитического ведомства Николай Николаевич Покровский. От него Милюков с удивлением узнал, что по традиции квартира министра находится в этом же здании. Покровский попросил разрешить ему остаться в ней до поры, пока он не найдет себе жилья, и, естественно, получил утвердительный ответ. Возможно, в этом Милюков также видел выражение преемственности.

Учитывая чрезвычайность ситуации, огромную массу дел и большую вероятность того, что будут требоваться оперативные решения, Милюков

также фактически переселился в министерство. Ночевал он не в апартаментах, а в крохотной комнате, примыкавшей к кабинету и предназначавшейся для слуги. Старый знакомый Милюкова, видный кадетский деятель Павел Дмитриевич Долгоруков вспоминал, что вскоре после образования Временного правительства, ожидая министра в одном из фешенебельных помещений его резиденции, он увидел, как Анна Сергеевна принесла мужу обед, аккуратно завернутый в газету^{611}. В свою очередь, американский посол с некоторым сожалением сообщал в Государственный департамент, что в Петрограде прекратились обычные пышные приемы и банкеты: «Здесь сейчас нет официальных приемов. Министры встречаются ежедневно, и их заседания продолжаются и после полуночи, работают неустанно, отказываясь от всех предложений, включая и мои собственные, к которым они ранее были весьма благосклонны»^{612}.

Перестали устраивать и партийные банкеты. Единственным исключением была встреча кадетского руководства у Милюковых на Пасху. По воспоминаниям Тырковой-Вильямс, Анна Сергеевна обратилась к приглашенным с просьбой: «Сейчас так трудно достать провизию, что нам приходится просить гостей принести кто что может». Ситуация выглядела довольно комично: «Накрыт стол был чудесно: фарфор, стекло, серебро — всё по-министерски. И несколько живописных статуеобразных лакеев в ярких ливреях стояли вдоль стен, как живые напоминания о пышности минувшего режима. На их невозмутимых лицах не промелькнуло ни тени удивления или насмешки, когда мы стали, шурша жирными бумажками, разворачивать наши пакетики и беспорядочно раскладывать их по тарелкам. Анна Сергеевна суетилась, бегала вокруг стола, подставляла тарелки. Было похоже на студенческую пирушку, а не на министерское разговенье»^{613}.

Милюков вспоминал, что в министерстве был занят по горло: «Я хотел сам входить во всё, и масса времени уходила на ознакомление с текущим материалом, с ежедневными корреспонденциями... не говоря уже о приеме нужных и ненужных посетителей и просителей»^{614}.

Полагая, что во внешнеполитическом ведомстве работали квалифицированные и знающие специалисты, Милюков почти полностью сохранил и центральный аппарат министерства, и дипломатический корпус. Впрочем, из двух товарищей министра он решил оставить только одного — опытного дипломата Анатолия Анатольевича Нератова, ранее несколько раз исполнявшего обязанности управляющего МИДом, однако и Нератов, и второй замминистра Александр Александрович Половцев ушли в отставку,

демонстрируя верность монархии. Вместо них Милюков назначил специалиста по международному праву, своего товарища по кадетской партии Бориса Эммануиловича Нольде. Близость взглядов обеспечила их слаженную работу. Вторым заместителем стал Григорий Николаевич Трубецкой — карьерный дипломат, ранее являвшийся послом в Сербии, а затем возглавлявший в министерстве ближневосточный департамент.

Милюков проявил бесспорную заботу о подчиненных — уже 9 марта добился решения правительства о повышении заработной платы сотрудникам министерства и выделении средств на дорожные расходы при командировках^{615}.

Российский дипломатический персонал за границей совершенно не пострадал в результате Февральской революции. Бывший министр иностранных дел Извольский, чье имя сотни раз фигурировало в критических статьях Милюкова о балканских проблемах и значилось в названии его книги о международных отношениях и российской политике на Балканах, являлся теперь послом во Франции. 5 марта он телеграфировал Милюкову, что новый министр может полностью доверять ему. Не только Извольский, но и все остальные послы были Милюковым оставлены на своих постах.

Пожалуй, единственное «партийное» назначение было связано с временным решением вопроса о руководстве посольством в Лондоне. Место посла в это время было вакантным, а Милюков не спешил с назначением. Обсуждался, правда, вопрос об отправке в Лондон бывшего министра Сазонова, но тот болел, и назначение так и не состоялось. Временным поверенным в делах в Великобритании по решению министра стал родной брат видного кадетского деятеля В. Д. Набокова. Карьерный дипломат Константин Дмитриевич Набоков с 1916 года являлся советником посольства в Лондоне, а теперь был назначен управляющим посольством в звании чрезвычайного посланника. Позже он писал, что был вполне удовлетворен изменением своего положения в результате смены режимов^{616}.

Наблюдатели с интересом ожидали, как сложатся отношения Милюкова с послом в США Георгием (Юрием) Петровичем Бахметевым, считавшимся инициатором его устранения с поста профессора Высшего училища в Софии. Милюков, однако, решил продемонстрировать непредвзятость и сохранить пост за Бахметевым, опытным дипломатом, который мог быть полезным России, несмотря на монархические взгляды. Бахметев же около двух месяцев выжидал, а в конце апреля

телеграфировал, что не покидал пост, поскольку считал это своим долгом по отношению к императору, который отрекся с условием немедленного созыва Учредительного собрания для решения вопроса о форме правления России. «Но теперь, когда Временное правительство выдумывает одну причину за другой, чтобы отсрочить созыв Учредительного собрания, готовя Россию к республиканскому правлению, он не желает участвовать впредь в этом обмане и подает в отставку»^[617].

Единственным российским зарубежным государственным учреждением, которое по инициативе Милюкова и при одобрении членов правительства было ликвидировано, являлось Парижское бюро охраны, которым с 1909 года заведовал Александр Александрович Красильников, приложивший немало усилий для установления наблюдения за русскими революционными эмигрантами и передачи их в руки властей в случае возвращения на родину. К февралю 1917 года в агентуре Красильникова числились 32 секретных сотрудника, работавших во Франции, в Швейцарии, США, Скандинавии и Голландии.

Объявив Красильникову через посла Извольского о закрытии его ведомства, Милюков образовал специальную комиссию по приему бумаг секретного архива Парижского бюро охраны. Красильников передал основную часть бумаг, но наиболее конфиденциальные попытался скрыть. Позже комиссии удалось получить и эти документы, и они оказались в числе многих материалов, с которыми на протяжении 1917 года работали комиссии по расследованию причин и последствий вовлечения России в мировую войну.

Вначале от Извольского, а затем и из секретных бумаг Парижского бюро охраны Милюков получил, как он полагал, достоверную информацию о передаче большевикам и другим революционным группам России денег из фондов германских спецслужб. Министр поднял эту тему на одном из первых заседаний Временного правительства. Негодующий Керенский произнес патетическую речь против клеветы на «славных революционеров», а вслед за этим подал в отставку, от которой на следующий день отказался.

Правда, сам Керенский отрицал факт своей отставки, но подтверждал, что у него произошла серьезная стычка с Милюковым, который говорил не о большевиках или других левых радикалах, а о революционерах вообще^[618]. Милюков же вспоминал: «В закрытом ночном заседании правительства в Мариинском дворце я сказал, что германские деньги были в числе факторов, содействовавших перевороту. Керенский по своему

обыкновенно нетерпеливо и раздраженно ходил из одного конца зала в другой. Он вдруг остановился и оттуда (из далекого угла зала) закричал: «Как? Что вы сказали? Повторите!». Милюков снова «увесисто» произнес свою фразу. Далее последовал пассаж, свидетельствовавший не столько о наличии у Милюкова каких-то достоверных сведений о «немецких деньгах», сколько о неприязненном отношении к Керенскому, которое он не скрывал и в воспоминаниях, и во многих других публикациях^{619}.

Неизвестно, какие именно материалы о «немецких деньгах», предназначенных для большевиков и других русских революционеров, были известны министру, но совершенно очевидно, что в руках Милюкова и других правительственных деятелей не было достоверных документов, на основании которых можно было бы привлечь кого-то к суду по обвинению в государственной измене. То же можно сказать и про обвинение большевиков в получении германских средств в начале июля 1917 года, когда Ленин и Зиновьев вынуждены были скрыться, а ряд большевиков, а также Троцкий, который тогда большевиком еще не был (станет им в конце месяца), были арестованы и обвинены в подрывной пропаганде. Достоверные данные, что Ленин и другие большевистские руководители действительно получали через подставных лиц значительные суммы из тайных германских фондов, стали поступать только в 1918 году, а в большом количестве были опубликованы исследователями лишь через много лет^{620}.

Естественно, что в этих условиях Милюков, как и другие члены Временного правительства, находился в крайне сложном положении, будучи вынужден решать вопрос о допуске в страну революционных эмигрантов, хлынувших на родину сразу после революции в соответствии с постановлением правительства о всеобщей политической амнистии. Было очевидно, что Ленин и другие большевистские лидеры, возвратившись в Петроград, развернут борьбу за революционный выход из войны и поражение в ней «собственного правительства». Таким образом, речь шла о возвращении немалого числа открытых врагов Временного правительства, которые только и мечтали о том, чтобы свергнуть его власть.

Но иного пути не было. Приходилось лишь надеяться на оттеснение экстремистских элементов при игре «на своем поле». Милюков проинструктировал все зарубежные дипломатические службы о необходимости оказания помощи всем политическим эмигрантам, желавшим возвратиться на родину. При посольствах по его указанию стали самими эмигрантами образовываться совещательные комитеты для

удостоверения личности людей, изъявивших желание отправиться в Россию, чтобы в числе репатриантов не оказались уголовники, вражеские разведчики или просто случайные люди. Они должны были оказывать помощь посольствам и консульствам «во всех сомнительных вопросах»^{621}.

Союзные правительства и некоторые российские дипломаты предупреждали министра не только о технических трудностях быстрой отправки эмигрантов в Россию, но и об опасности проникновения в страну крайне нежелательных с политической точки зрения элементов^{622}. Но ни Милюков, ни другие члены правительства не предвидели всего комплекса последствий. Да и вряд ли нашелся бы хотя бы один политик, который в мартовские дни 1917-го мог предугадать хаос гражданской войны, в который окажется погружена Россия менее чем через год, и ту тоталитарную систему, которая сложится в течение нескольких лет на его фоне. Так что упрекать Милюкова в том, что по его вине в Россию проникли подрывные элементы, антиисторично.

О том, как свободно (даже во многих случаях без консультаций с эмигрантскими организациями, когда речь шла об известных личностях) российские дипломаты предоставляли визы на въезд в страну политэмигрантам, свидетельствует пример Л. Д. Троцкого. Прибыв за несколько месяцев до этого в США после изгнания из Франции, он 25 марта 1917 года посетил российское генеральное консульство в Нью-Йорке, где с удовлетворением убедился, что на стене уже нет портрета царя. «После неизбежных проволочек и препирательств»^{623} он в тот же день получил документы, необходимые для возвращения в Россию, то есть имперские чиновники, перешедшие на сторону новой власти, никаких препон ему не ставили. В этом была немалая заслуга Милюкова. Американская администрация предоставила возвращавшимся разрешение на выезд. В общей суматохе консульство Великобритании, явно не проконсультировавшись с начальством, выдало транзитные документы (вскоре его решение было аннулировано). 27 марта Троцкий с семьей и несколькими товарищами отплыл на норвежском пароходе на родину. Правда, в канадском порту Галифакс всю эту группу сняли с корабля и задержали «впредь до выяснения обстоятельств». В Петроград была немедленно направлена телеграмма протеста.

Милюков, видевший в Троцком одного из главных политических противников, занял двойственную позицию. С одной стороны, он хорошо помнил прошлые столкновения и прекрасно понимал, какое беспокойство

может доставить неугомонный социал-демократический демагог. С другой стороны, он считал необходимым продемонстрировать на международной арене суверенность новой России, включая дипломатическую защиту ее граждан, и должен был придерживаться собственных принципов и давать подчиненным соответствующие указания.

Бьюкенен вспоминал, что, по его сведениям, Троцкий и другие политические беженцы были задержаны в Галифаксе «впредь до выяснения намерений Временного правительства в отношении их... до тех пор, пока Временное правительство не даст на их счет четких указаний». Английский посол немедленно поставил Милюкова в известность об аресте Троцкого и его спутников, а 8 апреля передал своему правительству просьбу российского министра об их освобождении, одновременно информируя, что пытался переубедить Милюкова: «Я сообщил ему, что сожалею об этом решении, так как опасаясь, что возвращение этих людей значительно усилит политическую нестабильность и создаст серьезные затруднения для правительства». Милюков поначалу настаивал, о чем по неофициальным каналам узнали петроградские социал-демократы^{624}. Однако через несколько дней он отозвал свою просьбу. «Это означает, что за их задержание до 21 апреля несет ответственность Временное правительство», — пояснил Бьюкенен и потребовал от Милюкова заявление, что Великобритания не отказывала в транзитных визах никому из получивших в российском консульстве разрешение на въезд. Милюков ответил согласием^{625}.

Тем временем Ленин и другие большевики, которые видели в Троцком соратника, развернули энергичную кампанию протеста. В конце концов вмешательство Петроградского совета вынудило Милюкова вновь изменить решение. На запрос Исполкома Совета он ответил, фактически повторив слова Бьюкенена: «Британское правительство никогда не отказывало в предоставлении паспортов кому-либо из русских политических эмигрантов, чье возвращение в Россию запрашивало российское посольство или консульство. Ни одному из русских эмигрантов не было отказано в визе на основании его политических убеждений. Случаи отказа в визах были связаны не с политическими соображениями, а [с] трудностями транспортировки по морю в связи с германской подводной войной»^{626}.

Милюков обратился к англичанам с просьбой об освобождении группы Троцкого и предоставлении ей возможности беспрепятственно следовать в Петроград. Если продолжать задерживать Троцкого и его

спутников, полагал он, об этом станет известно радикалам в России и правительство всё равно будет вынуждено разрешить им въезд^{627}. В результате 20 апреля они получили разрешение следовать дальше и 4 мая прибыли в Петроград.

Вообще без каких-либо препятствий возвратилась через территорию Германии группа Ленина — в экстерриториальном вагоне (он не был «пломбированным», как твердила пресса, но пассажирам не разрешалось выходить на остановках). С учетом того, что Ленин был хорошо известен как лидер большевиков, Милюков решил подстраховаться — поставил вопрос о его допуске в Россию перед коллегами по правительству, высказав соображение, что сам факт проезда через территорию враждебной страны с разрешения ее властей скомпрометирует Ленина и чуть ли не выведет его из первых рядов политической борьбы^{628}.

В этом случае Милюков допустил серьезнейшую ошибку. В условиях, когда население России предельно устало от войны, патриотические чувства постепенно выветривались, образ врага тускнел, а решительные антивоенные лозунги падали на подготовленную почву, проезд через германскую территорию не оказал существенного влияния на политический вес Ленина и его партии. В самой же большевистской партии вначале осторожно относились к ленинскому тезису о переходе ко второму этапу революции, который, по его убеждению, должен был дать власть большевикам, но после состоявшейся в апреле партийной конференции, взявшей курс на углубление революции, авторитет Ленина стал непререкаемым.

Министр иностранных дел вынужден был считаться и с развернутой в русской прессе кампанией за освобождение руководителя Балканской социал-демократической федерации Христиана Раковского, содержавшегося в Яссах под домашним арестом. Милюков — видимо, не очень охотно — обратился к премьер-министру Румынии И. Брэтиану с требованием предоставления свободы видному социалисту и получил отказ. Но русские солдаты выпустили Раковского из-под ареста, и тот отправился в Россию, а после Октябрьского переворота стал видным большевистским деятелем, главой правительства Украинской советской республики^{629}.

Так Милюков, несмотря на известные колебания, рубил под собой и под Временным правительством в целом и без того непрочный сук законности и демократии. Став министром демократического правительства, он в условиях непрерывных революционных потрясений и

политических неурядиц оказался в замкнутом кругу противоречий, прорвать который оказался не в состоянии. Собственно говоря, иное просто не могло произойти, ибо тогда это был бы не Милюков.

Брат его соратника Набокова через несколько лет высказал глубокое сожаление о решении Милюкова и правительства в целом допустить в Россию левых радикалов: «Тот факт, что русское правительство позволило ему (Ленину. — Г. Ч., Л. Д.) пересечь русскую границу и беспрепятственно жить в Петрограде, больше способствовал потере его (то есть Временным. — Г. Ч., Л. Д.) правительством престижа в Лондоне, чем любая другая его ошибка»^{630}. Набоков, рафинированный интеллигент и хороший дипломат, не обладал, однако, историческим мышлением. Он писал свои критические слова уже после Октябрьского переворота, рассматривал события весны 1917 года, зная, что произошло через несколько месяцев. Осуждать Милюкова постфактум по меньшей мере несправедливо.

В данном случае больше стоит доверять Керенскому, упрекавшему Милюкова в отсутствии политического реализма, что в критический период национальной истории невольно приближало страну к катастрофе^{631}. Он критиковал министра иностранных дел не только на заседаниях правительства, но и на пресс-конференциях, не принимая непреклонную установку на продолжение войны до победного конца. Это отметил, в частности, британский военный атташе, присутствовавший на одной из пресс-конференций^{632}. При этом особое недовольство Керенского вызывали неосторожные высказывания Милюкова о заинтересованности России в Черноморских проливах, воспринимавшиеся многими наблюдателями как претензия на присоединение проливов к России. В заинтересованности министра проблемой проливов, помимо естественной цели — обезопасить страну со стороны Средиземного моря, — явно просматривалось раздражение по поводу участия в войне Болгарии на стороне противников России.

В преддверии кризиса

И в правительстве, и в общении с Советом, и при встречах с зарубежными послами, и во время публичных выступлений Милюков представлял солидным и знающим государственным деятелем. Именно таким его увидел поэт Александр Блок: «Розовый, гладко выбритый подбородок, критически кривящиеся усы, припухшие глаза, розовые

пальцы с коротко остриженными ногтями, мятый пиджачок, чистое белье»^[633]. Непонятно, как Блок выяснил про белье министра, но в данном случае важна не столько информация, сколько впечатление. Как видим, Милюков умел производить его даже на нетривиальных наблюдателей.

Постепенно нарастали противоречия между Милюковым и Исполкомом Петроградского совета, резко обострившиеся после того, как 13 марта последним был утвержден, а на следующий день опубликован в центральной печати манифест «К народам всего мира» с призывом положить конец кровавой бойне. Затрагивался и весьма опасный вопрос о секретных договорах России с союзниками, информацию о которых следовало бы немедленно опубликовать. Правда, здесь же говорилось, что народ России будет защищать свою независимость и свободу, откуда бы опасность ни исходила. Но это уже существенно не меняло дела. Российские солдаты на фронте, народные низы в тылу восприняли этот документ как готовность одной из властных структур заключить немедленный мир. Вслед за приказом № 1 обращение к народам вело к дальнейшему снижению боеспособности русской армии.

Естественно, этот манифест вызвал недоуменные и недовольные запросы со стороны дипломатических представительств стран Антанты. Милюкову ничего не оставалось делать, как дать ответ. 22 марта он встретился с корреспондентами газет. Материалы пресс-конференции, опубликованные на следующий день, еще сильнее разожгли политические страсти. Министр иностранных дел решительно высказался против лозунга мира без аннексий (о мире без контрибуций он не упомянул). Более того, требование отказа от приобретения в результате войны чужих территорий он приписал германским властям, от которых его будто бы восприняли русские и зарубежные социалисты.

Впервые за время пребывания на министерском посту (прошло три недели) Милюков, безусловно, проконсультировавшись с коллегами по кабинету, открыто высказался по поводу Черноморских проливов. Он отрицал органическую связь Константинополя и прилегавших к нему водных артерий с Турецкой империей, утверждал, что Константинополь так и не стал турецким городом, турки владели им лишь по праву завоевателя, не пустили здесь глубокие корни. Павел Николаевич считал, что переход этого крупнейшего города и проливов под контроль России не противоречил бы принципам справедливости. Обладание проливами обеспечит «защиту дверей нашего дома», провозгласил министр, впрочем, тут же поправив себя, что речь идет не о присоединении к России, а о «покровительственном режиме», но при этом отвергнув нейтрализацию

проливов — право свободного прохода через них как военных, так и гражданских судов всех стран. Этим интервью Павел Николаевич подтвердил свое прозвище Милюков-Дарданелльский. На пресс-конференции было также упомянуто, хотя и мельком, что Восточная Галиция (Львов с прилегающими территориями) должна по праву принадлежать России^{634}.

Можно полагать, что в пылу полемики Милюков значительно вышел за рамки того, что в наши дни называют политической корректностью. По всей вероятности, коллеги по кабинету (за исключением Керенского, который поддерживал манифест Совета), соглашаясь в принципе с необходимостью противопоставить этому манифесту четкое выражение воли продолжать войну в составе Антанты, не рекомендовали столь открыто высказывать территориальные претензии. В результате Временное правительство не поддержало министра иностранных дел, заняв более гибкую позицию. Премьер Львов и другие члены кабинета стремились отделаться общими фразами относительно целей России в войне. Даже военный министр Гучков, на поддержку которого особенно рассчитывал Милюков, предпочел отмолчаться. Гучков вспоминал: «В этот момент я не считал вопрос [о Константинополе и проливах] достаточно важным, чтобы вступить по нему в бой со своими коллегами, и поэтому я не поддержал Милюкова в его твердой позиции»^{635}.

Но если обычно воинственный Гучков на этот раз по сугубо тактическим соображениям проявил себя сравнительно миролюбиво, то этого отнюдь нельзя было сказать об Исполкоме Петросовета. Его руководство во главе с Чхеидзе не могло допустить безответственных, как оно полагало, заявлений министра иностранных дел. Комиссия Исполкома по связи с правительством встретила с полным составом кабинета и потребовала издания официального правительственного заявления по всем вопросам внешней политики, прежде всего сформулировав в нем «интернационалистские» цели и особенно подчеркнув необходимость заключения мира без аннексий и контрибуций.

Подробно об этой встрече рассказал в воспоминаниях один из виднейших меньшевистских деятелей Ираклий Георгиевич Церетели. Тогда он только что возвратился из ссылки, где возглавлял группу «иркутских циммервальдовцев», и сразу же вошел в состав Исполкома Петросовета, где вместе с Чхеидзе и Федором Ильичом Даном стал руководителем «революционных оборонцев», полностью доминировавших в Совете. В отличие от «крайних оборонцев» (они были представлены в основном

группой Г. В. Плеханова «Единство»), считавших необходимым вести войну до победного конца и в этом смысле близких к Милюкову, «революционные оборонцы» предлагали в согласии с правительствами и социалистическими партиями союзных государств выступить с инициативой мирных переговоров, подписать в соответствии с решениями Циммервальдской конференции 1915 года «справедливый», то есть без аннексий и контрибуций, мир. При условии, что Временное правительство будет действовать в этом направлении, а также продемонстрирует решимость начать глубокие социальные реформы, «революционные оборонцы» готовы были взять на себя долю ответственности в государственном руководстве путем вхождения в состав Временного правительства. Именно они в конце марта оказались основными оппонентами Милюкова.

На совещании с комиссией Исполкома Милюков фактически остался в одиночестве. Он вел жаркую дискуссию с руководителями Совета. Церетели вспоминал, что министр иностранных дел тщетно пытался убедить присутствовавших в правильности своих расчетов на то, что большинство социалистов западных держав отвергают «циммервальдовский» курс и ни в коем случае не откажутся от «национальной» точки зрения.

Восьмого марта была образована постоянно действующая Контактная комиссия Исполкома Петроградского совета «в целях осведомления Совета о намерениях и действиях Временного правительства, осведомления последнего о требованиях революционного народа, воздействия на правительство для удовлетворения этих требований и непрерывного контроля над их осуществлением», ставшая основным механизмом режима двоевластия. В состав комиссии входили председатель Исполкома Николай Семенович Чхеидзе, Матвей Иванович Скобелев, Юрий Михайлович Стеклов, Николай Николаевич Суханов, Василий Николаевич Филипповский.

Социалисты считали нереалистичными расчеты Милюкова на установление Россией контроля над проливами и Константинополем. М. И. Скобелев, ранее являвшийся депутатом Четвертой Государственной думы, напомнил Милюкову о его отчете о поездке думской делегации в Англию — Павел Николаевич тогда разъяснял депутатам, какие огромные трудности потребовалось бы преодолеть, чтобы убедить британских союзников в необходимости установления российского контроля над Константинополем. Ясно ведь, убеждал Скобелев, что эти трудности неимоверно возросли после революции.

Представители Совета потребовали, чтобы правительство опубликовало согласованное с Исполкомом заявление о внешней политике и целях войны, фактически дезавуирующее высказывания Милюкова на пресс-конференции, настаивая, чтобы в заявлении было ясно сказано, что Россия отказывается от каких-либо претензий на чужие территории. Правда, премьер Львов заявил о готовности правительства использовать только компромиссные формулы, но, по существу, согласился на выполнение требований Совета. Церетели смог доложить Совету, что не было ни одного случая, по которому правительство выступило бы против требований Контактной комиссии, носивших ультимативный характер^{636}.

Тем не менее на заседаниях правительства всё чаще вспыхивали конфликты между Милюковым и Керенским по поводу внешней политики. Об одном из них, в конце марта, В. Д. Набоков рассказал: «Керенский в очень резкой форме доказывал Милюкову, что если при «царизме» (одно из гнусных выражений революционного жаргона, чуждого духу русского языка) у министра иностранных дел не могло и не должно было быть своей политики, а была политика императора, то и теперь у министра иностранных дел не может быть своей политики, а есть только политика Временного] правительства. «Мы для вас — Государь Император». Милюков внешне хладнокровно, но внутренне сильно возбужденный, отвечал на это приблизительно так: «Я и считал, и считаю, что та политика, которую я провожу, — она и есть политика Вр[еменного] правительства»^{637}. В результате было принято решение, что члены правительства впредь не будут выступать с индивидуальными заявлениями.

Так Павел Николаевич всё больше терял почву под ногами. Ранее он был лидером левой легальной партии, теперь же в результате пропагандистских усилий не только экстремистов, но и относительно умеренных социалистов превратился в наиболее известного выразителя интересов империалистических кругов. Значительная часть населения верила, что и эти круги, и Милюков готовы жертвовать новыми сотнями тысяч жизней ради захвата турецких, а возможно, и австро-венгерских территорий.

На этом фоне Милюков одержал в правительстве небольшую победу — убедил коллег, что требуемая декларация о целях войны должна быть опубликована только как внутренний документ, но не иметь характер дипломатической ноты. Тем самым он умывал руки перед союзниками. Однако 24 марта Временным правительством было принято решение, что его члены не могут выступать с индивидуальными заявлениями по общим

вопросам внешней политики, касавшееся и министра иностранных дел [{638}](#).

Двадцать седьмого марта появилась правительственная декларация об отсутствии захватнических целей в продолжавшейся войне и о верности союзническим обязательствам: «Предоставляя воле народа в тесном единении с нашими союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием, Временное правительство считает своим правом и долгом теперь же заявить, что цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов» [{639}](#). Такой «интернационалистский» словесный поток соответствовал духу внешнеполитического курса Петросовета, но никак не позиции министра иностранных дел.

И всё же Милюков старался как-то объяснить в соответствии со своей позицией некоторые неопределенные выражения и явные противоречия, имевшиеся в декларации. В переписке с дипломатическими представителями России за рубежом он призывал их в контактах с правительствами союзных стран обращать внимание на главное — что в документе содержится обязательство «тесного единения» с этими государствами.

Тем не менее власти и пресса стран Антанты высказывали сдержанное недовольство позицией Временного правительства, о чем Милюкову писали, в частности, из Лондона [{640}](#). Ведь было ясно, что отказ России от территориальных приобретений являлся, несмотря на внутренний характер документа, примером, которому должны были следовать другие государства. А они, безусловно, стремились компенсировать свои жертвы и усилия в войне новыми территориями, репарациями и другими преимуществами за счет побежденного врага. В связи с этим правительства стран Антанты требовали от российских властей более определенных заявлений о внешнеполитическом курсе. Разумеется, конкретизировать военно-политические намерения было невозможно, так как этим немедленно воспользовался бы противник. Но и из общих положений, тем более обращенных не только к внутренней аудитории, но и к правительствам стран Антанты, последние стремились получить более удовлетворительные ответы.

Милюков (а вместе с ним и всё правительство) рассчитывал, что британские и французские власти будут несколько успокоены четким

курсом России по отношению к тем народам, которые входили в состав России, но независимости которых Запад добивался в течение долгого времени. Прежние выступления Милюкова в Думе в пользу решения польского и финского вопросов на началах самоопределения были весьма одобрительно встречены в Великобритании и Франции. К тому же образование независимого Польского государства означало, что от Австро-Венгрии будет отрезана значительная территория, населенная поляками, а это соответствовало общему курсу Антанты на перекройку границ по окончании войны. Если к этому добавить, что подобные инициативы исходили и от социалистических партий и Петроградского совета, то понятно, что польский и финский вопросы становились удобной точкой соприкосновения совпадающих интересов, от которой мог попытаться оттолкнуться Милюков в своих внешнеполитических инициативах.

Политика Временного правительства по отношению к Финляндии и Польше стала началом обретения ими независимости. 7 марта правительство опубликовало написанный Милюковым манифест об утверждении Конституции Великого княжества Финляндского^[11] и о применении ее в полном объеме. Манифест отменял все ограничения внутренней автономии Финляндии, введенные на протяжении многих лет (они скрупулезно перечислялись), и провозглашал, что новые российские власти утверждают «религию, основные законы, права и преимущества, которыми граждане Великого княжества Финляндского, от мала до велика, по конституции этой страны пользуются, обещая хранить оные в ненарушимой и непреложной их силе и действии». Хотя о предоставлении Финляндии независимости речь не шла, вся нарочито приподнятая риторика манифеста должна была засвидетельствовать не просто автономию, но полное равенство финского народа с другими народами революционной России: «Мы торжественно сим актом подтверждаем Финляндскому народу, на основе его конституции, незыблемое сохранение его внутренней самостоятельности, прав его национальной культуры и языков. Мы выражаем твердую уверенность, что Россия и Финляндия будут отныне связаны уважением к закону, ради взаимной дружбы и благоденствия обоих свободных народов»^{641}.

Твердо придерживаясь намерения сохранить Финляндию в составе России, разумеется, не просто как равноправную, а как автономную часть, Милюков не мог предполагать, что для местных политиков, за которыми пошла основная масса населения, такого решения было явно недостаточно, что они будут добиваться полной государственной самостоятельности.

Проблема Польши носила иной характер. Территории, населенные поляками, были разделены между несколькими государствами, и к тому же часть Польши, входившая в состав России, теперь была оккупирована германскими войсками. В этих условиях какие-либо обещания независимости звучали бы бессмысленно. Инициативу вновь проявил Милюков, о чем позднее специально сообщил в своей работе по истории русской революции. Предложение состояло в том, чтобы объявить о признании независимости объединенного Польского государства, но оговорить необходимость военно-политического союза Польши с Россией и отложить практическое решение вопроса до созыва Учредительного собрания, а пока опубликовать обращенную ко всем полякам прокламацию с призывом включиться в активную борьбу за общее дело^{642}. Подготовленное Павлом Николаевичем обращение Временного правительства, лишь немногим отличавшееся от первоначального предложения, декларировало восстановление Польского государства на всех территориях с преобладающим польским населением и созыв после освобождения польских земель Учредительного собрания в Варшаве^{643}. При этом, однако, предоставление полной независимости Польше не декларировалось. Так что и в польском вопросе Милюков был предельно осторожен, прилагал все силы, чтобы не допустить распада Российской империи.

Тем не менее обращение Временного правительства позволило Франции официально выступить в поддержку решения польского вопроса — в июне 1917 года Пуанкаре подписал декрет о формировании «польской автономной армии». В так называемую Голубую армию под командованием генерала Юзефа Галлера вступило свыше 20 тысяч поляков-добровольцев, проживавших во Франции, США и других странах, даже в Бразилии.

Хотя Павел Николаевич оставался председателем ЦК своей партии, он был настолько поглощен правительственными делами и особенно внешнеполитическими акциями, что значительно отдалился от партийных проблем, включая издание газеты «Речь», тогда как раньше редкий ее номер выходил без его передовицы или другого материала. Постепенно и по политическим взглядам Милюков стал несколько отдаляться от большинства руководящих партийных деятелей и массы сторонников партии. В определенной степени это проявилось на партийном съезде, созванном сразу же после революции.

VII съезд Партии народной свободы, проходивший в Петрограде 25–28 марта, был своего рода торжественной демонстрацией,

свидетельствовавшей, что решение текущих вопросов и перспективных задач начинает переходить в руки лидеров, ранее близких к Милюкову, но постепенно отказывавшихся от его жестких взглядов государственника и готовых на тактические уступки левым силам, в частности Петроградскому совету.

Предыдущий съезд кадетов в феврале 1916 года прошел незамеченным широкой публикой, хотя именно Милюков выступал на нем с основным докладом. Теперь же Павел Николаевич вообще оказался почти в тени. Весьма показательным, что открыл съезд не Милюков, как раньше, а князь П. Д. Долгоруков. Сам Павел Николаевич при этом даже не присутствовал — он вошел в арендованный зал Михайловского театра лишь в середине первого заседания. Впрочем, появляться в зале в середине заседания съезда стало привычкой Милюкова — этим он стремился привлечь к себе особое внимание, вызвать аплодисменты, относившиеся только к нему^[644]. Более того, подчас Павел Николаевич возникал как раз перед тем, как ему должны были предоставить слово.

В VII съезде участвовали 473 делегата, причем почти треть (150 человек) не были избраны, а являлись членами ЦК и депутатами Государственной думы разных созывов. Лишь по двум из четырех основных вопросов съезда выступали старые соратники Милюкова: Ф. Ф. Кокошкин — о пересмотре одного из пунктов программы, М. М. Винавер — о тактике партии. Доклады по аграрному вопросу и об отношении к войне сделал А. А. Корнилов.

Александр Александрович Корнилов был одним из основателей кадетской партии, в первые годы ее существования являлся секретарем ЦК, но затем фактически отошел от политической деятельности. Будучи, как и Милюков, историком по специальности, он, в отличие от последнего, не отказался от профессии, с 1909 года состоял профессором Петербургского технологического института, где читал курс истории России. К активной политической деятельности Корнилов возвратился в февральские дни 1917 года и сразу же выдвинулся в первые ряды кадетской партии, хотя и на очень краткий срок.

Единственным существенным решением съезда было устранение из программы требования об установлении конституционной монархии — теперь провозглашалось, что Россия должна стать демократической парламентарной республикой с президентом и ответственным министерством. (Вряд ли можно согласиться с Т. Рихой, полагающим, что решение съезда о республиканском строе явилось «жестом по направлению к левым руководителям», в то время как Милюков оставался сторонником

конституционной монархии. Как и все партийные лидеры, Милюков перешел на республиканские позиции сразу же после отречения Николая II, о чем неоднократно говорил в следующие годы^{645}.) Предложение же Корнилова переименовать партию в Республиканско-демократическую было отвергнуто.

Съезд подтвердил верность союзникам и принципу продолжения войны до полной победы; декларировал поддержку Временного правительства, обусловив ее тем, что оно не выйдет за рамки объявленной программы; осудил двоевластие и многовластие в стране, отметил необходимость социальных реформ, но высказался за их отсрочку до Учредительного собрания. Важным и в перспективе судьбоносным явилось решение, принятое вопреки позиции Милюкова, о сотрудничестве с другими демократическими партиями, в том числе умеренно социалистическими, с целью создания единого фронта борьбы «со всякого рода максимализмом и большевизмом». Выборы ЦК не производились, полномочия прежнего ЦК продлили до следующего съезда, назначенного на май^{646}.

Милюков не выступал на съезде в общеполитических дебатах, но в ответ на заявление князя Е. Н. Трубецкого, приветствовавшего его как главу внешнеполитического ведомства, который «столь доблестно, столь ярко выражает народную волю»^{647}, произнес небольшую речь, где доказывал правильность и обоснованность внешней политики новой России, остановившись, разумеется, и на внутренних проблемах. Он заявил: «Всем сердцем я приветствую решение, которое не является случайным, а вытекает из всей позиции нашей партии, которую она занимала со времени основания. Мы никогда не считали вопрос о старой монархии вопросом принципа». Оратор особо подчеркнул, что кадетская партия может гарантировать классовый мир и национальный прогресс: «Только такая партия, как наша, партия, которая стоит над классами, может действовать в качестве арбитра в отношении стремлений отдельных классов». Ему многократно аплодировали, но особого впечатления эта сугубо официальная речь не произвела, как и вторая, опять же произнесенная в ответ на приветствие^{648} и также состоявшая из общих фраз о том, что будущее России находится «в хороших руках».

Хотя Милюков на съезде ни слова не говорил о Константинополе и проливах, в выступлениях нескольких делегатов звучала критика его установки по этому вопросу. Так начался его отход от той партии, основателем и неизменным руководителем которой он являлся более десяти

лет. Показательно, что в воспоминаниях Милюков лишь мельком упоминает и этот, и следующие съезды кадетской партии, к которой он постепенно охладевал.

В условиях продолжавшейся войны внешняя политика оставалась неразрывно связанной с ведением боевых действий, с состоянием русской армии. Отдельные сообщения, которые Милюков получал с фронта, создавали у него ошибочное представление о военной ситуации. Хотя министр понимал пагубные последствия пресловутого приказа № 1 для порядка и дисциплины в армии, он в полной мере не осознавал, что на фронте началось разложение. Набоков вспоминал, как весной 1917 года заявил Милюкову, что одной из фундаментальных причин революции была усталость от войны. «Милюков решительно возразил: «Кто знает, возможно, как раз благодаря войне всё как-то образуется, а без войны всё разорвалось бы быстрее»^{649}.

Будучи опытным политиком, авторитетным историком, отлично зная, как разыгрываются пропагандистские спектакли, Милюков просто подавлял свои трезвые рассуждения, поддавался стихии толпы, истинную цену которой он отлично знал. Он воспринял восторженную встречу, устроенную ему и другим министрам при посещении в последних числах марта нескольких воинских частей, как отражение истинных чувств армии. Он многократно выступал с подножки вагона, пытаясь передать свой боевой настрой солдатам и офицерам. В опубликованном в «Вестнике Временного правительства» сообщении об этой поездке, явно подготовленном им самим или по его указанию, говорилось, что сознательность армии повышается с каждым днем, «дисциплина укрепляется, и никаких угрожающих симптомов в армии нет. Революционный кризис, как на фронте, так и в тылу, миновал»^{650}.

Еще не раз в других выступлениях перед армией и населением, в статьях, даже на заседаниях правительства он говорил о необходимости укреплять дисциплину на фронте, выражал надежду, что возобладают патриотические чувства и это позволит привести и армию, и тыл в порядок. Но по многим косвенным сведениям можно убедиться, что, успокаивая других, он одновременно успокаивал себя, а на деле всё более убеждался в катастрофе, угрожавшей русской армии. Оставалось надеяться на внешние факторы.

Милюков восторженно встретил вступление в войну Соединенных Штатов в начале апреля 1917 года. Французский посол вспоминал, что российский министр заявил ему: Франция и Россия «могут поздравить друг

друга с этим событием, которое лишило немецкие государства последнего шанса на выживание»^{651}. Милюков телеграфировал президенту США Вильсону: «Я счастлив от имени Временного правительства и российской демократии, освободившейся от векового угнетения, направить поздравления по случаю Вашего великого деяния — объявления состояния войны между Соединенными Штатами и Германией. Все мы приветствуем важное решение, которое поставило великую демократию Нового Света на сторону справедливости, права и свободы малых народов в борьбе против последних остатков теократической и патерналистской деспотии и агрессивного патернализма»^{652}. В том же духе было выдержано интервью Милюкова представителям американской печати — главной его мыслью являлась общность целей революционной России и США в мировой войне^{653}.

Если Милюков действительно был уверен, что вступление США в войну приведет к ее победному завершению, то тем более стремился добиться, чтобы Россия, ее вооруженные силы внесли достойный вклад в достижение победы. Теперь он стал еще энергичнее выступать за проведение десантной операции в районе Черноморских проливов и Константинополя, готовившейся еще до революции и продолжавшей разрабатываться Генеральным штабом. В успехе операции был убежден командующий Черноморским флотом вице-адмирал Александр Васильевич Колчак, чья позиция в целом совпадала с точкой зрения министра иностранных дел. Однако в высших военных кругах возникли разногласия. Новый Верховный главнокомандующий генерал Михаил Васильевич Алексеев считал, что предпочтительнее развернуть крупное сухопутное наступление на Юго-Западном фронте.

Острые дебаты развернулись 2 апреля, когда в Могилев в Ставку Верховного главнокомандующего для представления Алексеева высшему генералитету прибыли военный министр Гучков и министр иностранных дел Милюков. Прежде всего Милюков объявил приглашенным в Ставку военным атташе союзников о решении правительства «в отношении Алексеева». Затем оба министра вместе с новым главкомверхом отправились на совещание в морской штаб. Гучков писал через несколько лет: «Милюков, несмотря на уже определенные действия армии в предстоящей кампании, хотел всё же провести свой план в отношении Константинополя. Он знал, что у адмирала Колчака есть точные расчеты, что в морском штабе есть у Колчака поддержка». Однако Алексеев выступил против Босфорской операции. Поначалу министры заслушали «взгляды морского штаба»,

причем Алексеев «кисло морщился», а потом начал приводить свои аргументы. «Главковерх сразу заявил, что крупная операция сейчас невозможна, и резко провел указкой по большой карте, как из Трапезунда или с Румынского фронта должны наноситься удары для соединения с выброшенным на Константинополь десантом. Еще дополнительно придется морем перевозить в Трапезунд несколько дивизий, а свободных судов уже не будет. «Колчак в проливах не удержится, — в итоге заявил ген[ерал] Алексеев. — Операцию нужно отложить до конца года»^{654}.

И всё же планы Босфорской операции продолжали разрабатываться. Из общеармейских военачальников их наиболее активно поддержал генерал Антон Иванович Деникин. Однако решающим оказалось мнение Верховного главнокомандующего, и операция так и не состоялась. Да и разложение вооруженных сил сделало ее невозможной. Деникин очень скоро изменил свое мнение, сочтя план Колчака, одобренный Милюковым, нереалистичным^{655}. Это было новое поражение Милюкова, на этот раз военно-политическое.

В начале апреля возникла еще одна сложная проблема, связанная с прибытием в Петроград официальных и полуофициальных делегаций из Франции и Великобритании с целью убедить Петроградский совет занять конструктивную позицию в отношении военных усилий России. Из Франции приехали три социалиста, в том числе Марсель Кашен, который вскоре станет одним из основателей Французской коммунистической партии. Их попытка убедить Совет поддержать требование войны до победного конца рухнула почти сразу — то ли искренне, то ли приспособившись к обстоятельствам, французы стали призывать к миру без аннексий и контрибуций. Британская делегация тред-юнионов вела себя более сдержанно, но и она не решилась публично высказаться за полную поддержку России в войне. В этих условиях выступление Милюкова на встрече с обеими делегациями прозвучало резким диссонансом: «Только небольшое время прошло с тех пор, как мы встречались в Англии и Франции... Мы чувствовали, что ваше отношение к нам омрачено недоверием к темным силам царизма. Когда вы возвратитесь в свои страны, сообщите, пожалуйста, что свободная Россия удваивает свои усилия, что, несмотря на революцию, мы сохраняем верность основной цели и смыслу этой войны». В противовес коллеге выступивший на этой встрече Керенский говорил не о ведении войны, а о том, что социалисты западных держав должны оказать давление на правительства и буржуазию, чтобы заставить их отказаться от империалистических целей^{656}.

Вскоре в Петроград прибыл французский министр вооружений социалист Альбер Тома — вроде бы с дружеским визитом, однако ходили слухи, что он станет послом взамен отзываемого на родину Палеолога. Иметь дело с послом-социалистом вместо карьерного дипломата, с которым уже установились хорошие контакты, было бы для Милюкова нелегким делом. Он, разумеется, внешне дружески принял Тома, но в воспоминаниях с оттенком иронии и даже презрения описывает картину его встречи на Финляндском вокзале 9 апреля, характерную для того времени: «Я хорошо запомнил этот момент. Вокзал был расцвечен красными флагами. Огромная толпа заполнила двор и платформу; это были многочисленные делегации, пришедшие встретить — кого? Увы, не французского министра! С тем же поездом возвращались из Швейцарии, Франции, Англии несколько десятков русских изгнанников. Для них готовилась овация. Мы с трудом протеснились на дебаркадер и не без труда нашли Тома с его свитой. Хотя овации не относились к нему, он пришел в восторженное настроение. «Вот революция во всём своем величии, во всей своей красоте», — передает Палеолог его восклицания»^{657}.

Попытки Палеолога убедить соотечественника, что Милюков как руководитель внешнеполитического ведомства России является наиболее надежной опорой для французских интересов, были встречены холодно. Тома явно поддерживал более радикальный курс, который отождествлял с Керенским и, следовательно, с Петросоветом^{658}.

В результате донесений и отчетов побывавших в России делегатов стран Антанты, публикаций журналистов западных держав отношение правительств и особенно внешнеполитических ведомств стран Запада к Милюкову постепенно стало меняться в худшую сторону. Это не было связано с его личностью или сущностью проводимого им курса. Поступавшие на Запад сведения о давлении на Временное правительство со стороны Петроградского совета, туманные слухи, что русским экстремистам поступают «немецкие деньги», на которые они ведут агитацию за сепаратный мир с Германией, приводили к выводу, что правительство не в состоянии справиться с ситуацией.

Уже через месяц после начала революции Милюкова стали считать на Западе «слабым политиком», хотя, разумеется, дело было не в нем, а в объективно складывавшейся ситуации, с которой европейские государственные деятели не желали считаться. Естественно, для них исключительно важно было сохранить военный союз с Россией, а для этого, по их мнению, Временное правительство должно было применить

жесткие меры; Милюков же, признанный либерал, не желал и просто не мог идти на репрессии.

В одной из частных бесед он назвал Ленина «честным, но вредным фанатиком»^{659}, в печати же и выступлениях перед членами своей партии стремился использовать свой авторитет, чтобы убедить, что с Лениным и «ленинистами» можно справиться «силой слова и убеждения»^{660}. Такого рода заявления воспринимались западными союзниками России с крайним недовольством. Дело дошло до того, что на совещания дипломатов стран Антанты, которые проводились регулярно, перестали приглашать русских представителей. Милюков протестовал против такой дискриминации, но на его секретные письма просто не обращали внимания^{661}.

Если Ленин возглавил через печать и устную агитацию ожесточенную кампанию против правительства в целом, выдвинув лозунг «Долой Временное правительство!», то особенно энергичную и непримиримую критику Милюкова развернул лидер эсеров Виктор Михайлович Чернов, когда-то, в начале 1890-х годов, будучи студентом-юристом, участвовавший в нелегальных собраниях, где выступал Милюков.

Теперь они были злейшими политическими противниками. Чернов в апрельские дни 1917 года казался опаснее Ленина, поскольку возглавлял массовую партию и входил в Исполком Совета. Именно Чернов вспомнил прозвище Милюков-Дарданелльский и буквально втиснул его в массу агитационных статей и брошюр левых сил. Эсеры весной 1917 года волновало прежде всего решение аграрного вопроса, но Чернов наряду с ним проявлял особый интерес к черноморским делам и фактически стал главным оппонентом Милюкова, многократно подчеркивая враждебность министра внешнеполитическим интересам крестьянства, а следовательно, и почти целиком состоявшей из него русской армии^{662}.

Спустя очень короткое время имя Милюкова и крестьянами в российской глубинке, и солдатами в действующей армии уже воспринималось с крайним раздражением, граничившим с ненавистью. Так выдающийся ученый, опытный политик, трезвомыслящий человек, ставший в условиях революции руководителем внешней политики страны, в результате своей твердой линии на выполнение союзнических обязательств и доведение войны до полной победы стал, по выражению левого социалиста Николая Николаевича Суханова, «роковой личностью». В воспоминаниях о русской революции Суханов писал: «Этот роковой человек вел роковую политику не только для демократии и революции, но и для страны, и для собственной идеи, и для собственной личности. Он,

молясь принципу «Великой России», ухитрился со всего маху, грубо, топорно разбить лоб — и принципу, и самому себе... И тем не менее для меня не было никаких сомнений: этот роковой человек один только был способен перед лицом всей Европы воплотить в себе новую буржуазную Россию, возникающую на развалинах распутинско-помещичьего строя»^{663}.

Разумеется, в оценке Суханова есть немалая доля публицистического преувеличения. В полном смысле слова «роковым человеком», повернувшим ход революции в России в «неправильное русло», Милюкова назвать нельзя никоим образом. Но безусловно, что в значительной степени с его политическим поведением был связан первый после начала революции серьезный кризис в столице, повлекший за собой и его отставку, и образование коалиционного Временного правительства с активным участием социалистов.

Добавим к сказанному еще один, личный момент. Когда Милюков стал министром и, естественно, был по горло занят неотложными государственными делами, к нему, как это всегда бывает, стали обращаться с частными просьбами старые близкие или дальние знакомые, желавшие по протекции решить свои личные проблемы. Среди них была, например, супруга известного танцовщика Адольфа Больма Беатриса. В 1916 году Больму удалось уехать в США, где он и остался, а жена, чей заграничный паспорт утратил силу, застряла в Швейцарии. В архиве сохранились два ее письма от апреля 1917 года питерским знакомым Левинсонам с просьбой обратиться к министру иностранных дел, чтобы он распорядился о выдаче ей паспорта. Эти знакомые хорошо знали Милюкова (он даже, по словам Беатрисы, «крестил кукол» их дочери Оли). Дело уладилось благополучно — жена Больма через непродолжительное время оказалась в Америке^{664}. А с Ольгой Левинсон, ставшей его почитательницей и посвящавшей ему стихи, Павел Николаевич позже, в эмиграции, поддерживал контакт.

Деятельность Милюкова и апрельский кризис

Между тем события весной 1917 года развивались всё более неблагоприятно для Милюкова и его политического курса.

В середине апреля в Контактной комиссии правительства и Совета был поставлен вопрос о выпуске Займа свободы — армия и государственные учреждения почти полностью исчерпали наличные деньги. Цены в 1916

году по сравнению с 1914-м выросли в четыре раза^[665].

Попытки правительства заключить соглашение о внешнем займе встречались весьма холодно, и переговоры затягивались. В этих условиях и было принято решение о внутреннем займе, невозможном без поддержки Совета. Согласие на Заем свободы и, следовательно, на популяризацию его через всю систему связанных с ним местных органов Исполком Совета дал при условии, что правительство выступит с декларацией о целях войны, в которой объявит о своем намерении предложить союзным державам заключить мир без аннексий и контрибуций.

Четвертого апреля на заседании, проходившем на квартире заболевшего А. И. Гучкова (Мойка, дом 67), весь состав кабинета без исключения одобрил текст ноты Министерства иностранных дел, которую должен был подписать Милюков. Он, таким образом, был избран «козлом отпущения». На следующий день нота была направлена правительствам стран Антанты и опубликована в печати (Заем свободы был выпущен 6 апреля). Нота, в которой шла речь о «всемирном стремлении довести мировую войну до решительной победы», обманула ожидания Совета, тот отказался одобрить заем, и он фактически провалился.

Девятого числа Временное правительство официально подтвердило послам держав Антанты, что этот документ был принят единогласно. Однако во всей левой печати его стали провокационно именовать нотой Милюкова, а его появление послужило удобным поводом к антиправительственным выступлениям 20–21 апреля, в ходе которых несколько большевистских и анархистских групп даже применили оружие.

Участники волнений несли плакаты с требованиями «Долой Милюкова!», «Долой Временное правительство!». Кадетская организация Петрограда при поддержке других либеральных объединений организовала контрдемонстрацию с лозунгами «Доверие Милюкову!», «Да здравствует Временное правительство!», «Долой Ленина!». Когда демонстранты пересекались на центральных улицах, начинались стычки. Серьезнее были столкновения с войсками и малоэффективной «народной милицией» (царская полиция была распущена в первые дни революции). Стреляли, правда, в основном в воздух, но не обошлось без раненых и убитых.

Возник первый после начала революции политический кризис.

И перед апрельскими событиями, и в их ходе Милюков был основным объектом атаки большевиков, изображался ими воплощением империалистической политики Временного правительства. «Рабочие и солдаты должны ясно заявить, — призывала «Правда» еще 26 марта, — что империалистические и захватнические планы г. Милюкова — не наши

планы, что мы их в корне отвергаем, и борьба с ними является нашей настоящей задачей».

В этих условиях министр иностранных дел продолжал упорно отстаивать свою позицию не только в правительстве, но и перед населением Петрограда, невзирая на то, что это население относилось к его геополитическим планам всё более враждебно. Писатель Марк Алданов, присутствовавший на митинге в цирке «Модерн» (в то время наиболее популярной площадке публичных дискуссий), вспоминал: «Настроение в цирке было чрезвычайно бурное и даже грозное. Ярость толпы вызвало уже одно то, что «Милюков-Дарданелльский» смеет появиться на митинге. Он действительно посмел. Павел Николаевич появился на трибуне в назначенное время без всякой охраны... Его встретили бешеным свистом. Милюков отнесся к этому совершенно хладнокровно, немного подождал и начал свою речь... Он говорил так, как мог бы говорить на заседании своей партии. Его прерывали криками, гулом, воем. Его могли тут же убить... Добавлю, что появление в цирке «Модерн» ему было совершенно не нужно: едва ли он бы убедил хоть одного человека из четырех тысяч. Конечно, он думал, что рисковать жизнью в те дни было его профессиональным долгом»^{666}.

Чтобы ослабить накал страстей, министры решили пожертвовать Милюковым, поскольку именно министр иностранных дел отвечал за подготовку ноты; кроме того, в обществе хорошо была известна его внешнеполитическая позиция, совпадавшая со сформулированной в документе.

Вечером 21 апреля в суматохе было созвано совещание правительства и Исполкома Совета. Милюков попытался выступить с объяснениями тех положений ноты, которые вызвали протесты, и причин, по которым в документ вошли не все требования Совета. Думается, он был чрезмерно оптимистичен, когда писал в воспоминаниях: «Отношение Исполнительного комитета к правительству было примирительное. Церетели, взявший к тому времени руководящую роль в Исполнительном комитете, после моего отказа публиковать новую ноту согласился ограничиться разъяснениями только двух мест, вызвавших особо ожесточенные нападки»^{667}. Скорее, пожалуй, можно говорить о том, что министерское кресло под ним серьезно зашаталось.

На следующий день текст двух разъяснений был обсужден и одобрен правительством, а затем с ними согласился и Церетели. В них говорилось, что текст ноты после тщательного обсуждения правительством был принят

единогласно; отмечалось, что под упомянутыми в ноте «санкциями и гарантиями» прочного мира правительство «имеет в виду такие меры, как ограничение вооружений, международный трибунал и пр.»^{668}. Исполком Совета признал разъяснения удовлетворительными, а инцидент исчерпанным (за такое решение проголосовали 34 члена Исполкома, против — 19).

Вскоре в окружении князя Львова стали обсуждать вопрос об образовании коалиционного с социалистами правительства, против чего Милюков решительно возражал, считая, что это сильно ослабит авторитет власти. При этом Милюкову стало известно, что свое участие в правительстве социалисты обуславливают фактическим ультиматумом — смещением его с поста министра иностранных дел. Ему передали, что В. М. Чернов, пользовавшийся у эсеров безусловным авторитетом (в отличие от Керенского, который, хотя и был министром, считался в эсеровской партии выскочкой-новичком), высказался по форме не очень определенно, но по существу решительно, что он «безгранично уважает П. Н. Милюкова, считает его участие во Временном правительстве необходимым, но что, по их (социалистов. — Г. Ч., Л. Д.) мнению, он бы лучше мог развернуть свои таланты на любом другом посту, хотя бы в качестве министра народного просвещения»^{669}.

Двадцать девятого апреля Милюков изложил Львову свою позицию: либо последовательно проводить программу твердой власти и в таком случае отказаться от идеи коалиционного правительства, пожертвовать Керенским и быть готовым на активное противодействие захвату власти со стороны Совета, либо пойти на коалицию, подчиниться программе Совета и рисковать дальнейшим ослаблением власти и распадом государства. Он предупредил премьера, что при создании коалиционного правительства не согласится на отставку с поста министра иностранных дел и назначение на пост министра народного просвещения.

Сразу же после встречи Милюков вместе с Шингаревым выехал в Ставку Верховного главнокомандующего в Могилев. Перед самым отъездом он поговорил по телефону с Гучковым, который также, по его сведениям, собирался подать в отставку, попросил отложить исполнение его решения, чтобы объявить об отставке одновременно с ним. Гучков, однако, не внял его просьбе. Встретив Милюкова, главнокомандующий Алексеев показал ему телеграмму Гучкова об отставке «ввиду условий, которые изменить [он] не в силах и которые грозят роковыми последствиями и армии, и флоту, и свободе, и самому бытию России»^{670}.

В то же время отставка Гучкова, сотрудничество с которым в правительстве социалисты отрицали в принципе (в отличие от Милюкова, которого готовы были терпеть, но не на одном из наиболее ответственных постов), открыла новые возможности для образования коалиционного правительства. 1 мая Исполком Совета принял решение о вхождении меньшевиков и эсеров в правительство при условии издания документа, провозглашавшего отказ от аннексий и контрибуций, принятие немедленных мер в области социальной и аграрной политики. Правда, здесь же говорилось о необходимости укрепления «боевой силы фронта». В этих условиях Милюков с Шингаревым, пробыв в Могилеве всего несколько часов, возвратились в Петроград, чтобы принять участие в совместном заседании правительства с представителями Совета (об этом их известили телеграммой, посланной от имени Львова)^{671}.

Второго мая на продолжавшихся почти целый день переговорах с Контактной комиссией Исполкома Совета Милюков вновь — правда, осторожно — возражал против самой идеи коалиции, предложив признать правительство единственным органом власти. Когда же он узнал, что в его отсутствие большинство членов кабинета решили лишить его прежнего поста, предложив стать министром народного просвещения, то категорически отказался от такой комбинации и демонстративно покинул заседание. Несмотря на это, он попытался не придавать своей акции конфронтационного характера. Вот как описал Милюков в воспоминаниях последние минуты своего пребывания на этом совещании, не удержавшись от колкости по адресу главы правительства: «Я обошел стол, пожимая руки остающимся коллегам. Кн[язь] Львов, когда я дошел до него, схватил мою руку и удерживал ее в своей, как-то бессвязно лепетал: «Да как же, да что же? Нет, не уходите, да нет, вы к нам вернетесь». Я холодно бросил ему: «Вы были предупреждены», — и вышел из комнаты»^{672}. Выйдя из зала, где проходило заседание, Павел Николаевич тут же написал на имя Львова краткое письмо об отставке, так как он «не может больше отвечать за внешнюю и внутреннюю политику Временного правительства»^{673}.

Милюков отказался подчиниться настоянию ЦК своей партии о принятии портфеля министра народного просвещения, которое было передано ему на следующий день Винавером и Набоковым. Они пытались сослаться на то, что предполагается создание особого совещания по вопросам обороны и внешней политики, куда он мог бы войти и продолжать оказывать влияние на решающие направления государственной деятельности, но всё было тщетно. Гучков вспоминал об этих событиях и

роли в них своего бывшего политического противника, а теперь наиболее близкого партнера: «В кого я верил — это Милюков, и больше никто... Керенский и Терещенко взяли на себя инициативу и самым резким образом напали на... всю роль Милюкова в составе Временного правительства. Я его поддерживал... Остальные молчали либо критиковали Милюкова, его политику... Особенно резко нападал Терещенко»^{674}.

В результате было образовано первое коалиционное Временное правительство, просуществовавшее с 5 мая по 2 июля 1917 года. Львов сохранил пост министра-председателя; военным и морским министром стал Керенский, чье влияние резко усилилось; пост министра иностранных дел получил Терещенко, который был особенно активен в нападках на Милюкова перед уходом того из власти. Кадеты остались в правительстве — министром финансов стал Шингарев. Важные посты получили социалисты: эсер Чернов — министра земледелия, меньшевики Скобелев и Церетели — соответственно министров труда и почты и телеграфа.

И. Архипов несколько упрощает ситуацию апреля 1917 года и место Милюкова в апрельском политическом кризисе, но в целом дает объективную оценку в статье об «интеллектуале либерализма»: «Павел Николаевич Милюков стал первой жертвой психоза ниспровержения политических кумиров уже новой, «свободной России» образца 1917 года. Прошло всего полтора месяца после «великой» и «славной» Февральской революции, и заполнившие центральные улицы Петрограда озлобленные толпы солдат, матросов и просто городского хулиганья, подстрекаемые большевиками, требовали «Милюкова в отставку!», «Долой войну!», «Долой Временное правительство!». Лидер партии кадетов и министр иностранных дел Милюков оказался в дни так называемого «апрельского кризиса» главным воплощением «образа врага», самой одиозной ненавистной фигурой среди демократических правителей, его имя превратилось в грубое ругательство, в политический ярлык»^{675}.

Четвертого мая, выступая на собрании бывших депутатов Государственной думы, на вопрос о причинах его ухода из правительства Милюков заявил: «Не я ушел, а меня ушли»^{676}.

Так завершилась активная политическая жизнь, государственная деятельность Павла Николаевича Милюкова. Оказалось, что он отнюдь не является гением интриги, каковым должен быть человек, претендующий на длительное участие в руководстве государством. «Профессорская» ментальность Милюкова не изменилась, хотя он давно перестал быть действующим университетским преподавателем, целиком отдавшись

политической борьбе. Но одно дело вести ее и даже руководить ею в оппозиции и совершенно другое — реализовывать свои планы, находясь у власти и будучи вынужденным идти на компромиссы.

Через год многолетний соратник Милюкова М. М. Винавер на полулегальной конференции кадетов в Москве говорил: «Политические и дипломатические таланты Милюкова были на надлежащей высоте; не хватало у него только талантов демагогических — умения облекать свои мысли во фразы, приятные толпе и ее наивным руководителям, а главное, умения не говорить того, что в существе правильно, но имеет свойство раздражать толпу»^{677}.

Оказалось, что Милюков не очень приспособлен на ходу менять тактические задачи, обводить противников вокруг пальца, пользуясь тем, что тогда называли одним из приемов пропаганды, а ныне именуют пиаром^[12], в том числе «черным» пиаром — ухудшением образа оппонента.

Несмотря на уход Милюкова, его партия всё же сохранила участие в правительстве, и это было предвестником отстранения его и от руководства кадетами. Правда, изоляция происходила постепенно. Он не только принимал участие в VIII съезде Партии народной свободы 9—12 мая, но и открыл его в качестве председателя ЦК, а вслед за этим был избран председателем съезда и выступил с докладом о политическом положении (содокладчиком был Винавер, и это показывало наличие глубоких расхождений между формальным руководителем партии и другими членами ЦК)^{678}.

В докладе Милюков выделял три главных политических течения в стране: первое — контрреволюционное, второе — выступающее за сохранение и закрепление политических и социальных завоеваний революции (огромное большинство населения во главе с кадетами), наконец, третье — выдвигающее лозунг «революция продолжается» и считающее второе течение контрреволюционным. Он предлагал линию поведения партии по отношению к Временному правительству: настаивать на соблюдении обязательств перед союзниками, на запрещении каким бы то ни было организациям вторгаться в сферу законодательства и управления, на применении мер принуждения против «преступных и анархических элементов», нарушителей права и порядка, на поддержании дисциплины и боевой мощи армии. По его мнению, кадеты должны были добиваться запрещения вмешательства Временного правительства в будущие функции Учредительного собрания (имелось в виду решение

вопроса о будущем государственном устройстве России)^{679}.

Правда, особой активностью Милюков на съезде не отличился. В противоположность его точке зрения съезд выразил надежду, что вступление во Временное правительство меньшевиков и эсеров придаст власти силу и устойчивость и устранил пагубное двоевластие. В то же время в резолюции съезда о современном политическом положении было зафиксировано отражавшее позицию Милюкова официальное заявление правительства о необходимости наступления на фронте и о верности союзническим обязательствам. Съезд выразил сожаление, что Милюков покинул министерский пост. Винавер назвал его «первым народным министром иностранных дел, высоко державшим знамя достоинства и чести России»^{680}.

При выборах в ЦК партии Милюков оказался в числе шестерых избранных единогласно всеми 223 делегатами. Наряду со старыми соратниками в кадетском руководстве оказалось много новых лиц, которые смотрели на ветеранов хотя и с уважением, но немного свысока. Почетным бессменным членом ЦК единогласно избрали И. И. Петрункевича^{681}. В этом можно было видеть известное пренебрежение к Милюкову, который, разумеется, был значительно более активным и влиятельным партийным деятелем.

От мая к октябрю

Подробно останавливаться на событиях лета и осени 1917 года нет ни возможности, ни необходимости. Кадеты участвовали в коалиционных правительствах, которые с июля возглавлял А. Ф. Керенский. В самой партии происходили непрерывные внутренние перестановки. Милюков, перестав в мае быть председателем ЦК (таковой больше не избирался), как правило, занимал позицию на правом фланге.

Предпринимаемые иногда, в основном в публицистике, попытки представить его лидером левой фракции партии, каковым он был до 1917 года, несостоятельны. Хотя по некоторым вопросам, прежде всего о необходимости кардинальной аграрной реформы с передачей земли крестьянским общинам, его позиция приближалась к взглядам эсеров, в целом он был в числе тех партийных деятелей, которые, в принципе сохраняя либеральные взгляды, считали жизненно необходимым установить твердую государственную власть, не останавливаясь даже перед

передачей властных полномочий одному лицу, желательно крупному военному деятелю.

Основную опасность, угрожавшую государственному порядку, Милюков видел в деятельности партии большевиков, призывавшей к свержению Временного правительства, при этом ставил на один уровень Ленина и Троцкого, который большевиком еще не был (стал членом РСДРП(б) на ее VI съезде в конце июля — начале августа).

Милюков писал 30 июня в «Речи»: «Я действительно недоволен тем, что гг. Ленин и Троцкий гуляют на свободе, но я мотивирую для правительства необходимость быть последовательным относительно них не тем, что они состоят агентами Германии, а тем, что они достаточно нагрешили против уголовного кодекса — эти господа вносят заразу в русское общество и в русскую армию». На основании поступавших к нему по неофициальным каналам сведений Милюков обвинил Ленина и Троцкого в шпионаже в пользу Германии. Однако в отношении обоих радикальных лидеров эти обвинения не имели основания. Ленин и близкие к нему деятели хотя и получали средства из немецких фондов, не брали на себя никаких обязательств перед германскими властями (тем было достаточно, что они проводят деятельность по разложению русской армии, объективно соответствовавшую интересам Германии); Троцкий же к немецким деньгам не имел никакого касательства.

Троцкий ответил Милюкову в речи на I Всероссийском съезде Советов, которую Н. Н. Суханов назвал «ядовитой, негодующей и вызывающей»^{682}: «С этой трибуны революционной демократии я говорю и обращаюсь к честной русской печати с просьбой, чтобы мои слова были воспроизведены: до тех пор, пока Милюков не снимет с нас этого обвинения, на его лбу останется печать бесчестного клеветника»^{683}.

Левая печать оказалась на его стороне. Газета М. Горького «Новая жизнь» писала: «Произнесенное с силой и достоинством заявление Троцкого встречает единодушную овацию всего зала. Весь съезд без различия фракций бурно аплодирует в течение нескольких минут»^{684}. Яркие, полные революционной демагогии печатные и устные выступления блестящего оратора Троцкого несравненно больше гармонировали с революционирующимся под влиянием большевистской агитации настроением низов, нежели «профессорские» статьи Милюкова, относительно спокойные, исполненные достоинства, которое можно было принять за высокомерие.

Как часто бывает на российском политическом горизонте, внутри

страны имя экс-министра после отставки довольно быстро стало отходить на второй план. В то же время западные государственные деятели и послы в Петрограде по-прежнему относились к нему с уважением, с полным основанием полагая, что его внешнеполитическая позиция в наибольшей мере соответствовала интересам стран Антанты и США. Его приглашали в посольства, внимательно выслушивали его мнение по текущим делам. В середине июня Милюков присутствовал на выступлении посла США Д. Фрэнсиса, посвященном российско-американским отношениям, и произнес ответную речь^{685}.

Павел Николаевич пытался вернуть себе былой авторитет, многократно выступал перед гражданами Петербурга и прежде всего перед членами своей партии с докладами о политическом положении и необходимости тщательно готовиться к выборам в Учредительное собрание. Однако его аудитория редела, постепенно сводилась к кадетским активистам и личным поклонникам. Да и сами речи носили всё более общий и подчас даже тривиальный характер^{686}.

Во время правительственного и общеполитического кризиса в начале июля (большевики попытались захватить власть в Петрограде, а кадеты вышли из состава Временного правительства в знак протеста против непомерных, по их мнению, уступок украинской Центральной раде) Милюков публично не выступал. Только когда назначенный премьером Керенский обратился к его партии с предложением возвратиться в правительство, Павел Николаевич подготовил текст ответного письма, изложив в нем условия участия кадетов во власти: охрана завоеваний революции и проведение социальных реформ; полное единогласие с союзниками в ведении войны; восстановление воинской дисциплины на фронте и устранение вмешательства различных комитетов в вопросы военной тактики^{687}. В итоге в правительство Керенского вошли четверо кадетов, но Милюкова среди них не было — за ним сохранялась репутация политика с империалистическими наклонностями.

IX съезд Партии народной свободы проходил 23–28 июля, вскоре после подавления войсками, верными Временному правительству, волнений в Петрограде 3–5 июля, спровоцированных большевиками. Открывал съезд не Милюков, а князь Долгоруков. По главным вопросам — о текущих политических событиях, о выборах в Учредительное собрание — выступали другие деятели. Милюков, правда, сделал краткий доклад о политическом положении, в основном дублировавший предыдущие выступления. Ему также было предоставлено слово для информации по

украинскому вопросу, в котором многолетний борец за культурно-национальную автономию украинского народа поддержал идею территориальной автономии Украины и проинформировал, что ЦК постановил образовать комиссию для разработки соответствующего законопроекта (впрочем, Милюков стремился оттянуть решение этого вопроса до начала работы Учредительного собрания)^{688}.

В докладе о политическом положении Милюков сравнительно оптимистически оценил ситуацию, считая, что после июльских дней «настроения порядка стали теперь значительно сильнее и гораздо более распространенные, чем прежде», а Советы «не могут более быть теми факторами дальнейшей эволюции, какими были до сих пор». Оратор призвал к поддержке Временного правительства, потребовав, чтобы оно стало «сильной и независимой властью». Милюков поддержал отсрочку выборов в Учредительное собрание, отстранение от их подготовки Советов. Он высказался за построение армии и флота как общих для всего государства вооруженных сил, подчиненных президенту Российской республики и комплектуемых на основе всеобщей воинской повинности, считал необходимым «немедленно прекратить пропаганду и восстановить самую суровую дисциплину, настоящую, а не так называемую революционную», а выборным солдатским органам ограничиваться хозяйственными делами. Оратор прозорливо предостерегал, что без принятия жестких мер по отношению к леворадикальным элементам «мы возвратимся на путь нового переворота, перед которым не без основания чувствуют все страх»^{689}.

После событий начала июля Павел Николаевич всё более убеждался, что единственным способом сохранить целостность страны, преемственность в социально-экономических отношениях и постепенность преобразования государственного и общественного строя на республиканских началах (он не сомневался, что Учредительное собрание выскажется за республику) является временное установление жесткой власти популярного генерала или группы генералов. Будучи трезвомыслящим человеком и компетентным историком, он мог привести сотни примеров того, что ослабление центра неизбежно влечет за собой не только сепаратистские тенденции, но и нравственно-политический распад, которым пользуются деструктивные силы. Наиболее опасными из них Милюков считал большевиков.

При всех оговорках о необходимости соблюдения завоеванных в ходе революции прав и свобод такая позиция, безусловно, означала серьезное

отклонение Милюкова от либерального, тем более леволиберального курса, которого он придерживался на протяжении нескольких десятилетий. Но время было чрезвычайное, и должны были последовать чрезвычайные меры. Однако Павел Николаевич колебался и в зависимости от текущего момента высказывал неоднозначные взгляды.

В начале августа Милюков принял участие в двух секретных встречах с представителями офицерских организаций. Из сведений, позже переданных генералу Деникину, следовало, что на совещании присутствовали секретарь Главного комитета Союза офицеров армии и флота капитан Владимир Ефремович Роженко и видный публицист и дипломат, начальник дипломатической канцелярии Ставки князь Григорий Николаевич Трубецкой. Деникину передавали, что позиция Милюкова на этой встрече состояла в том, чтобы «остановить разруху и разогнать совдеп». Но в то же время Павел Николаевич предостерег, что широкие народные массы будут против такого хода событий. Поэтому военные сообщили своему начальству, что на Милюкова и его единомышленников рассчитывать нельзя. Примерно такая же оценка содержалась в письме Деникина Николаю Ивановичу Астрову, тогдашнему московскому городскому голове^{690}.

Милюков просто по складу своей натуры не мог поддержать установление открытой военной диктатуры, которая неизбежно приобрела бы террористический характер. Об этом свидетельствуют обнаруженные Н. Г. Думовой записи Милюкова, сделанные после его встречи 13 августа с тогдашним Верховным главнокомандующим генералом Лавром Георгиевичем Корниловым, именно в это время выступившим за установление в России сильной власти, не исключая военную диктатуру. Милюков рассказывал: «Я предупредил ген. Корнилова, что, на мой взгляд, разрыв с Керенским несвоевременен, и он не особенно это оспаривал. Я сказал то же самое Каледину (атаману Войска Донского. — Г. Ч. Л. Д.), с которым я также виделся в те же дни. Это, по-видимому, совпадало с намерением Корнилова, о котором стало известно лишь позже, оставить Керенского в кабинете. Ген. Корнилов не сообщил мне никаких деталей о готовившемся выступлении, но высказал пожелание, чтобы партия конституционалистов]-демократов] его поддержала хотя бы отставкой министров к[а]д[етов] в решительную минуту»^{691}.

Милюков был участником Государственного совещания, созванного Временным правительством в Москве 12–15 августа 1917 года в тщетных усилиях восстановить национальное единство и укрепить

централизованную государственную власть. Из примерно 2500 участников совещания Советы рабочих и солдатских депутатов представляли лишь 100 человек, а большевики и шедшие за ними организации не были представлены вовсе, а между тем именно они всё больше определяли динамику политического развития страны.

Главным событием Государственного совещания было выступление генерала Корнилова. Накануне открытия совещания состоялась встреча московских политических и общественных деятелей (в ней участвовали главным образом кадеты, а также приверженцы более правых убеждений, в частности бывший председатель Госдумы Родзянко). Участники встречи с введом Милюкова установили контакт с Корниловым и обещали поддержать его усилия по восстановлению нормального положения в армии и в стране, при этом тщательно избегая использования термина «военная диктатура».

Прибыв в Москву рано утром 14 августа, Корнилов демонстративно не поехал в гостиницу или частный дом, а объявил местом своего пребывания собственный поезд, стоявший на запасных путях. Именно здесь генерал принимал посетителей, большинство которых уговаривали его взять власть в свои руки. В числе визитеров был и Милюков.

Относительно его позиции данные расходятся. Спустя годы он утверждал, что предостерегал генерала от попытки государственного переворота. Однако в письме Милюкову посол Временного правительства в Париже В. А. Маклаков отрицал это и напоминал адресату о доминировавшем тогда у кадетов раздражении Керенским и о надеждах, возлагавшихся ими на Корнилова. Маклаков утверждал, что московские кадеты, выражая восторг Корнилову и обещая ему поддержку, стали виновниками его действий в следующие недели^[692]. Правда, обмен мнениями между двумя видными кадетами имел место намного позже описываемых событий. Однако тогда у Корнилова, несомненно, сложилось впечатление, что кадеты на его стороне.

Восторженно встреченный участниками совещания, Корнилов в краткой речи заявил, что той русской армии, какая была раньше, больше не существует, а для обеспечения защиты страны от агрессивного врага нужно немедленно принять меры, с которыми он уже ознакомил правительство и которые, надеется, будут приняты незамедлительно, в первую очередь — введение на фронте смертной казни, поддержание престижа офицеров, беспощадная борьба с анархией, удовлетворительное продовольственное снабжение фронтовых частей. «Времени терять нельзя. Нельзя терять ни одной минуты. Нужна решимость и твердое неуклонное проведение

намеченных мер», — закончил генерал^{693}. После выступления Корнилов отправился в Ставку в Могилев. Речь главнокомандующего была воспринята участниками совещания почти единодушно как требование передать ему полноту власти для наведения порядка в армии и стране.

Милюков в числе других кадетских деятелей также склонялся к необходимости установления военной диктатуры на некоторое, по возможности непродолжительное время. В выступлении на Государственном совещании 14 августа он высказал поддержку требований Корнилова^{694}, хотя и сформулированных в настолько общей форме, что приходилось доверять скорее эмоциям, нежели конкретным фактам.

Тем не менее 20 августа большинство членов ЦК Партии народной свободы на своем совещании высказались за установление военной диктатуры. «Жизнь, — говорил Павел Николаевич, — толкает общество и население к мысли о неизбежности хирургической операции. Процесс этот совершится без нас, но мы по отношению к нему не в нейтральном положении: мы признаём его и сочувствуем ему в известной мере». Милюков решил поддержать Корнилова, видимо, стараясь реабилитироваться за прошлые ошибки и догматическое следование либерально-демократическим установкам. В подготовленной им резолюции совещания указывалось, что кадеты как демократическая партия выступают против любых насильственных действий армии внутри страны, но в то же время непоследовательная политика правительства Керенского оправдывает стремление генерала-патриота навести в России твердый демократический порядок^{695}.

Относясь к премьеру Керенскому с неприязнью, недоверием и в какой-то степени презрением, явно недооценивая его бойцовские качества, Милюков полагал, что передача власти Корнилову пройдет спокойно и бескровно и будет предпосылкой недолгого существования военной диктатуры. 28 августа он убеждал Керенского, что «мятеж большевиков грозил воцарением полной анархии, тогда как планы Корнилова имеют целью спасти Россию от окончательного распада». Опытный политик, трезво оценив возможность взятия власти большевиками, просчитался в оценке степени дальновидности и вообще намерений Керенского. Удивительно, что, относясь к премьеру самым негативным образом, Милюков не исключал возможности его добровольного ухода.

Керенский же не только отказался уйти в отставку, но и объявил мятежником Корнилова, приказавшего направить корпус генерала Крымова, находившийся на железнодорожной станции Дно, на Петроград.

Совместно с генералом Алексеевым Милюков впервые в жизни попытался сыграть роль посредника. Сначала они 27 августа, встретившись с Керенским, пытались убедить его договориться с Корниловым. Павел Николаевич даже выразил готовность отправиться в Ставку с примирительной миссией, но Керенский отказался воспользоваться его услугами. Тогда Милюков выступил с новой идеей — передачи полноты власти генералу Алексееву, которого он уговорил согласиться принять полномочия министра-председателя^{696}. Вся эта закулисная деятельность стала, однако, известна Петроградскому совету, в котором настроения всё более склонялись в пользу большевиков. Именно в эти дни Лениным, находившимся в подполье, было выдвинуто требование поддержать Керенского (позже он цинично, но образно резюмировал, что большевики в то время поддерживали Керенского, как веревка поддерживает повешенного^{697}).

Более того, 29 августа, в самый разгар событий, когда судьбу власти решали не дни, а часы, Милюков написал для газеты «Речь» передовую статью, в которой полностью становился на сторону Корнилова, приветствовал его предполагаемую победу и требовал, чтобы правительство немедленно достигло согласия с ним: «Ген. Корнилов не реакционер, его цели не имеют ничего общего с целями контрреволюции, ген. Корнилов ищет путей довести Россию до победы над врагом и не предпринимает народной воли в будущем устройстве Учредительного собрания. Нам тем легче присоединиться к этой формулировке национальной идеи, что мы говорили в тех же самых выражениях задолго до генерала Корнилова. Да, мы не боимся сказать, что Корнилов преследовал те же цели, какие мы считали необходимыми для спасения родины». Статья была опубликована на следующий день, когда с Корниловским мятежом было фактически покончено: корпус Крымова был остановлен верными правительству войсками в районе станции Луга, сам Крымов после объяснения с Керенским покончил с собой, а Корнилов и еще несколько генералов по решению правительства были арестованы. Поражение корниловского выступления было одновременно очередным поражением Милюкова.

Восторжествовавший на краткое время премьер пригласил к себе кадетских лидеров, считавшихся близкими к Милюкову, — М. М. Винавера и В. Д. Набокова. После обсуждения, носившего, по словам Керенского, «откровенный характер», было высказано общее мнение, что Милюкову следует на время устраниться от руководства партией и редактирования

«Речи» и уехать за границу или на юг. Фактически поставленный под угрозу ареста за участие в заговоре, Павел Николаевич тотчас выехал в Крым^{698}.

Это оказалось тем более своевременно, что о посреднической миссии Милюкова стало известно в Петросовете. Сам Милюков в книге о революции 1917 года цитировал выступление в Совете 31 августа независимого социалиста А. А. Богданова: «Когда Временное правительство заколебалось и не было ясно, чем кончится корниловская авантюра, появились посредники вроде Милюкова и ген. Алексева, которые могли испортить всё дело. Но выступил политический отдел (комитета борьбы, только что организованный) и со всей энергией воспрепятствовал какому бы то ни было соглашению правительства с Корниловым. Мы заявили, что не может быть никаких колебаний, что перед властью один путь — беспощадной борьбы с Корниловым. Под нашим влиянием правительство прекратило всё и отказалось от всяких предложений Корнилова»^{699}.

Поддержка Милюковым выступления Корнилова, расцениваемого левыми силами как попытка контрреволюционного мятежа и установления в России генеральской диктатуры, еще углубила кризис кадетской партии. На митингах и в печати большевики называли кадетов контрреволюционными монархистами. Само название их партии на длительное время превратилось в глазах масс в политическое ругательство.

В определенной мере Милюков оказался скомпрометированным и за пределами страны, в том числе в любимой им Болгарии, которая теперь участвовала в мировой войне на стороне Германии. Его старый друг профессор Иван Шишманов отметил в дневнике 15 августа 1917 года беседу с украинским деятелем Бандиловским, симпатизировавшим Болгарии и осуждавшим Милюкова, которого считал центристом и националистом. А через несколько дней там появилась запись о встрече с неким русским эмигрантом, который подверг Милюкова критике за требование добиться выхода России в Средиземное море через Константинополь. Шишманов явно был согласен с этой оценкой. Он внимательно ознакомился со статьей Милюкова «Константинополь и Проливы», опубликованной несколькими месяцами ранее, в январе — феврале 1917 года, в журнале «Вестник Европы», и сделал из нее выписки, явно свидетельствовавшие о стремлении российского министра (теперь уже бывшего) к овладению этой морской коммуникацией^{700}.

Но теплые чувства к русскому коллеге у болгарина сохранялись. Он

продолжал осведомляться о судьбе Милюкова у тех, кто сравнительно недавно побывал в России. Один из собеседников говорил ему, что Милюков — человек благодарный и верен своим симпатиям к болгарам. Из другой беседы (25 сентября 1917 года) был сделан вывод, что не исключен приход большевиков к власти в России, а Милюкову, возможно, «потребуется бежать в Финляндию». Шишманов записал: «Боюсь за Милюкова, что его могут убить»^{701}.

Положение Милюкова действительно стало весьма уязвимым. Однако он никак не желал примириться с мыслью, что его активная политическая деятельность подошла к концу.

Он усидел в Крыму очень недолго и спустя всего лишь две недели опять появился в Петрограде, на этот раз в связи с созывом по инициативе социалистов, его политических противников, Демократического совещания в противовес Государственному совещанию в Москве и на фоне ликвидации антиправительственного выступления Корнилова. Цель совещания его организаторы и участники определяли по-разному: и создание однородного социалистического правительства, и образование представительного органа для контроля деятельности Временного правительства до созыва Учредительного собрания. Включился в определение задач Демократического совещания и Милюков. Он писал: «Демократическое совещание становилось выше правительства, которое делалось ответственным перед ним. Но ведь это как раз и было то самое, к чему стремились большевики, когда хотели передачи «всей власти советам». Затея Церетели являлась по существу полной капитуляцией перед планами Ленина и Троцкого». «Как раз наоборот, — возражал Троцкий, — затея Церетели была направлена на то, чтобы парализовать борьбу большевиков за власть Советов. Соглашатели создавали для себя новую базу, пытаясь задавить Советы искусственным сочетанием всякого рода организаций. Демократы распределяли голоса по собственному усмотрению, руководствуясь одной заботой: обеспечить себе беспорное большинство»^{702}. (Не лишним будет отметить, что обе оценки были сформулированы политиками в изгнании: Милюковым — в начале 1920-х годов, Троцким — в начале 1930-х.)

Надо признать, что Троцкий был значительно ближе к истине. Оценка Милюкова свидетельствовала, что он не видел большого различия между умеренными социал-демократами и социалистами-революционерами, с одной стороны, и фактически приступившими к овладению властью большевиками — с другой. В любом случае на практике Милюков был

столь же далек от избранного в июне 1917 года I съездом Советов умеренного Всероссийского центрального исполнительного комитета, как и от Советов на местах, постепенно переходивших под большевистское руководство.

Не будучи участником Демократического совещания, проходившего 14–22 сентября (партия кадетов на нем представлена не была, и лишь отдельные ее члены принимали участие как делегаты от общественных организаций), Милюков внимательно следил за его работой. Позже он пришел к выводу, что по вопросу о составе правительства — однородно-демократическом или коалиционном — договориться не удалось: противоречивые голосования фактически не дали результата, тем более что большевики демонстративно покинули совещание. Высказавшись в принципе за коалицию с буржуазными партиями, совещание отвергло участие в правительстве кадетов, которые были к этому времени единственной значительной «буржуазной» партией (в том смысле, что выступала против коренного изменения социально-экономического строя). Оставалось лишь гадать, с пренебрежительной интонацией писал Милюков, с кем должна была создаваться одобренная большинством совещания коалиция^{703}.

Всё же Демократическому совещанию удалось избрать Временный совет Российской республики (его обычно называли Предпарламентом), который по предварительному замыслу должен был контролировать Временное правительство до созыва Учредительного собрания, но фактически превратился в совещательный орган. Милюков был избран в состав Предпарламента, причем социалисты не возражали, полагая, очевидно, что он уже не представляет серьезной опасности для Временного правительства. Однако Павел Николаевич со свойственным ему чувством гражданской ответственности немедленно включился в работу и подготовил проект резолюции Совета республики о необходимости создания нового мирового порядка, который предотвратил бы возможность «несправедливых нападений», в то же время зафиксировав верность России союзническим обязательствам^{704}.

Однако реальной властью новый орган не обладал. В условиях, когда уже произошла «большевизация» Советов (например, Троцкий еще в начале сентября был избран председателем столичного Совета рабочих и солдатских депутатов), Милюков в ряде выступлений отрицал опасность прихода Ленина и Троцкого к власти, полагая, что в России существуют лишь две партии — партия порядка (в одной из бесед он назвал ее главой

находившегося в заключении Корнилова) и партия распада во главе с Керенским.

14—16 октября в Москве состоялся X съезд Партии народной свободы. Поскольку ЦК партии в существующем составе работал менее полугода, выборы нового партийного руководства не проводились. Милюков с Набоковым выступили содокладчиками по вопросу о тактике. Однако доминировали на съезде не очень известные молодые деятели, а из прежних руководителей активными были лишь А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин. Правда, Милюкова встретили «шумной овацией», но это явно была дань традиции. В своей речи он был вынужден признать факт «надвигающегося выступления солдат и рабочих под руководством большевиков», хотя по-прежнему не считал, что оно представляет непосредственную угрозу существующему строю, который продолжает распадаться в силу беспомощности Временного правительства и его главы Керенского. В таком двойственном подходе была глубокая внутренняя противоречивость. Ставилась задача в согласии с союзниками довести войну до «успешного конца» (это всё же было более осторожное выражение, чем ранее фигурировавшее «победоносное окончание»), формулировались требования восстановления боеспособности армии путем «введения в надлежащие рамки» функций армейских комитетов, в необходимых случаях предусматривалось применение властью принудительного аппарата. Ближайшей задачей Предпарламента, по мнению Милюкова, одобренному съездом, являлось объединение «здоровых политических элементов, стоящих на государственной точке зрения», при более жесткой позиции по отношению к умеренным социалистическим элементам. Выдвигалось требование полной реабилитации генерала Корнилова, признания его «подлинным патриотом России и верным сыном народа», незаслуженно обвиненным в измене^{705}.

Любопытно, что, подробно рассказывая в воспоминаниях о первых съездах кадетской партии, Милюков лишь кратко упоминает о VII съезде, состоявшемся в мае, и вообще ничего не пишет о следующих трех. Это — дополнительное свидетельство его постепенного отдаления от кадетов, которое в конце концов завершилось разрывом. Впрочем, и разрывать отношения вскоре стало почти не с кем — после большевистского запрета кадетская партия фактически перестала существовать.

Вполне естественно, что Октябрьский переворот Милюков встретил крайне враждебно. Понимая, что церемониться с ним большевики не станут, уже вечером 25 октября он уехал в Москву, где у власти еще находились прежние силы. Удивительно, но военная организация партии

большевиков, в числе главных стратегических пунктов взяв под контроль вокзалы, не проверяла состав пассажиров. Поезда ходили по расписанию, и на следующий день Павел Николаевич оказался в Первопрестольной. Поселившись у одного из старых знакомых, ректора Коммерческого института профессора Павла Ивановича Новгородцева, он пытался установить связь с кадетскими и другими антибольшевистскими деятелями, чтобы оказать сопротивление приходу сторонников Ленина к власти в Москве. Временное место жительства было избрано не случайно. Как было известно Милюкову, Новгородцев относился к наиболее решительным противникам большевиков. Философ Иван Александрович Ильин писал: «В эти тягостные постыдные месяцы 17-го года он был весь — зоркость, тревога, отвращение. Он один из первых понял обреченность этого безмолвия, этой сентиментальности, этого сочетания интернационального] авантюризма с исторической] мечтательностью. Он понимал всю радикальность необходимых средств»^{706}.

В доме Новгородцева почти ежедневно происходили совещания с однопартийцами, которые вместе с Милюковым объявили себя организованной группой под названием «Девятка» (шестеро ее членов принадлежали к кадетской партии) и пытались возглавить сопротивление красногвардейским отрядам.

Однако деятельность «Девятки» и других подобных групп не привела к успеху. Несмотря на то что в течение нескольких дней (до 3 ноября) продолжались уличные столкновения, силы оказались неравны, и Военно-революционный комитет Московского совета утвердился у власти. Газета Максима Горького описывала эти события: «В сущности своей Московская бойня была кошмарным кровавым избиением младенцев. С одной стороны — юноши красногвардейцы, не умеющие держать ружья в руках, и солдаты, почти не отдающие себе отчета — кого ради они идут на смерть, чего ради убивают? С другой — ничтожная количественно кучка юнкеров, мужественно исполняющих свой «долг», как это было внушено им»^{707}. Сам Милюков поначалу был гораздо более оптимистичен — полагал, что старая столица большевиков не поддержит, а вслед за этим новая власть будет свергнута и в Петрограде через несколько дней, максимум недель.

Однако его прогноз в очередной раз не оправдался. Павел Николаевич, человек расчетливого ума, опять оказался в плену собственных логических построений, которым, считал он, должны подчиняться события. Но существовало огромное количество самых разнообразных факторов, равнодействующая которых выглядела подчас совершенно иначе, нежели

представлялось Милюкову. Реальная жизнь вторгалась в схемы и заставляла приспособливаться к ней, что, надо сказать, Милюков делал без истерических криков, без отчаяния, признавая собственные ошибки и откровенно рассказывая о них впоследствии. «Если бы политика была шахматной игрой и люди были деревянными фигурками, П. Н. Милюков был бы гениальным политиком», — писал в эмиграции П. Б. Струве^{708}.

Тем временем в первые дни после Октябрьского переворота и формирования большевистского правительства во главе с В. И. Лениным начались преследования сторонников «буржуазной» контрреволюции, которые, наряду с численно незначительными офицерскими группами и возникавшими на краткий срок подпольными организациями, были представлены прежде всего кадетами. Хотя сам Милюков в кадетской партии в последние месяцы играл всё меньшую роль, само его имя становилось в пропаганде политическим воплощением сил реакции.

Большевистские лидеры предпочитали, чтобы инициатива исходила снизу. 31 октября следственная комиссия военного отдела Исполкома Петроградского совета обратилась в Военно-революционный комитет Исполкома с просьбой выдать ордер на арест Милюкова^{709}.

Павел Николаевич понимал, что его ожидает судьба других кадетских деятелей, зная из газет, что в ночь на 26 октября находившиеся в Зимнем дворце министры-кадеты Н. М. Кишкин, А. В. Карташев, А. И. Коновалов и С. А. Смирнов (деятели, вышедшие на первый план политической борьбы только в месяцы революции) были арестованы вместе с другими членами Временного правительства и отправлены в Петропавловскую крепость. Керенского в их числе не было, так как он тайно выехал за пределы города, для организации вместе с генералом Красновым вооруженного сопротивления большевикам, окончившегося неудачей. Через несколько дней поступили сведения о задержании В. Д. Набокова, В. А. Оболенского, С. В. Паниной, попытавшихся создать вместе с членами городской думы и некоторыми правыми эсерами антибольшевистский Комитет спасения родины и революции. Милюков понимал, что предпринятая этим комитетом попытка вооруженного выступления юнкеров Николаевского военного училища, которым удалось на короткое время захватить лишь одно крупное здание — Инженерный замок, обречена на неудачу. Действительно, бунт юнкеров был подавлен уже 30 октября.

Милюкову стало известно и воззвание ЦК его партии с призывом не подчиняться большевистскому правительству, а членам кадетской партии — начать бойкот создаваемых новой властью учреждений и не выходить на

работу в государственные органы.

Именно в ноябре, когда большевистская власть только вступала на путь становления и подавления враждебных политических сил, происходили выборы в Учредительное собрание. Новой власти не удалось установить контроль над избирательными комиссиями, и итоги выборов в значительной мере отражали действительное соотношение сил. Свыше 40 процентов голосов получили эсеры, 24 процента — большевики. Кадеты смогли добиться определенного успеха только в крупных городах (в Петрограде за них проголосовало 27 процентов избирателей, а в одиннадцати из тридцати восьми губернских центров они вышли на первое место). В то же время крестьянская Россия отказала им в доверии, поддержав в основном эсеров. В целом по стране они получили всего 4,8 процента голосов (15 мест). Милюков был избран в Учредительное собрание от Петрограда, но в его судьбе это ничего не меняло.

Кадеты не смогли принять участие в работе Учредительного собрания: 28 ноября 1917 года Совнарком издал декрет, объявлявший их «партией врагов народа» и предусматривавший арест их лидеров^{710}. Так появился на свет зловещий термин «враг народа», грозивший расправой любому противнику нового режима и ставший одним из инструментов создания в России тоталитарной системы. Немедленно после издания декрета были арестованы находившиеся в Петрограде кадетские депутаты Учредительного собрания, а двое из них 7 января убиты в Мариинской тюремной больнице пьяными матросами и красногвардейцами. Зинаида Гиппиус записала в дневник: «Шингарев был убит не наповал, два часа еще мучился, изуродованный. Кокошкину стреляли в рот, у него были выбиты зубы. Обоих застигли спящими в постелях. Электричество в ту ночь в больнице не горело. Всё произошло при ручной лампочке. Потом их нескольких (убийц. — Г. Ч., Л. Д.) чуть не повели к расстрелу — тоже матросы, заступился сам Ленин»^{711}. Разумеется, такого рода сведения доходили до Милюкова, оказывая непосредственное влияние на его поведение.

Партия кадетов, являвшаяся до 1917 года оплотом либерализма и даже, по крайней мере по мнению царской администрации, входившая в революционный политический сектор, теперь оказалась фактически крайне правой из более или менее реальных общественно-политических сил. Ее руководители, прежде всего Милюков, приходили к выводу, что в новых условиях хаоса в обществе и попыток установления диктатуры левых экстремистов, опьяненных утопической идеей социального равенства и

построения бесклассового общества насильственными методами, спасти страну от разрухи может только временная, но жесткая диктатура. Кадеты не могли простить себе, что упустили власть, и надеялись вернуть ее при помощи силы.

Так зачатки гражданской войны, возникавшие уже в конце 1917 года, превращались в полномасштабную войну — формально между имущими и неимущими классами, а по существу и между рабочими и крестьянами, между различными группами рабочих и крестьян, между отдельными народами и национальными группами, между родными людьми, часто по воле случая оказывавшимися в противостоявших лагерях.

Глава шестая

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

На Дону

После установления советской власти в Москве П. Н. Милюков 12 ноября выехал в Ростов, а затем в Новочеркасск, где под командованием его хорошего знакомого генерала М. В. Алексеева начала формироваться антибольшевистская Добровольческая армия. Вместе с Алексеевым Милюков в конце декабря переехал в Ростов, где в штабе армии, расположившемся в доме купца Н. Е. Парамонова на Пушкинской улице, ему был предоставлен служебный кабинет. Он вошел в состав Донского гражданского совета и по просьбе Алексеева написал Декларацию Добровольческой армии^{712}. К этому времени в Ростов смогли пробраться бывший Верховный главнокомандующий Л. Г. Корнилов, а также генералы А. И. Деникин, А. С. Лукомский и др. Командующим Добровольческой армией стал Корнилов, который и утвердил документ (он стал известен как Политическая декларация Корнилова) с внесенными ограничительными пунктами^{713}. Милюков вошел в состав Донского гражданского совета, образованного для политического руководства Добровольческой армией^{714}.

Декларация, датированная 27 декабря 1917 года, определявшая цели и принципы Добровольческой армии, в то же время выражала, естественно, взгляды самого Милюкова на драматические события. В декларации указывалось, что Добровольческая армия борется за спасение России путем создания сильных дисциплинированных и патриотических вооруженных сил, установления в стране единства и правового порядка. Отвергались «партийная окраска» для армии, связи с большевиками и немцами и отмечалось, что вопрос о форме государственного устройства будет решаться после свержения существующего режима на основании всеобщего волеизъявления. Декларация провозглашала неприкосновенность личности и жилища, восстановление в полном объеме свободы личности и печати, введение всеобщего бесплатного начального образования. Гражданское правительство, созданное при генерале Корнилове, должно было нести ответственность только перед

Учредительным собранием. Специальным пунктом подчеркивалось, что «за рабочими сохраняются все политико-экономические завоевания революции в области нормирования труда, свободы рабочих союзов, за исключением насильственной социализации предприятий и рабочего контроля, ведущего к гибели отечественной промышленности». За отдельными народностями, входившими в состав России, признавалось право широкой местной автономии при сохранении государственного единства. Безусловным считалось полное исполнение всех принятых Россией союзных обязательств и международных договоров.

Составной частью Декларации вскоре стал Наказ создаваемому при главнокомандующем Особому совещанию (совещательному органу по гражданским делам), значительно ограничивавшему на ближайшее время демократические принципы временным вводом военной диктатуры, которую в дальнейшем планировалось заменить иной формой правления по воле народа. Попутно предусматривались продолжение разработки рабочего и земельного вопросов, подготовка закона о земстве. Командование Добровольческой армии должно было содействовать «общественным организациям, направленным к развитию народного хозяйства и улучшению экономических условий (кооперативы, профессиональные союзы и проч.)». В то же время не исключалось применение крайних мер по пресечению противогосударственной деятельности, в том числе выступления в печати, хотя одновременно объявлялось о помощи прессе. Решительно отвергались «классовые привилегии».

В январе 1918 года на нелегальном заседании ЦК партии кадетов в Москве было принято постановление: в связи с тем, что распущенное 6 января Учредительное собрание «не было в состоянии осуществить принадлежащих ему функций и тем выполнить задачу восстановления в России порядка, возобновление его деятельности должно быть сочтено нецелесообразным и ненужным». ЦК подчеркивал, что считает «неотложно необходимым установление в той или иной форме сильной единоличной власти». При этом указывалось: «По заключении всеобщего мира и установлении нормальных условий жизни эта власть созовет свободно избранное Учредительное собрание для установления нового государственного строя» (позже для различения с Учредительным собранием, разогнанным большевиками, новый представительный орган обычно именовали Национальным собранием)^{715}.

Милюков солидаризовался с таким подходом. На Южнорусской конференции Партии народной свободы в январе 1918 года он возражал

против принципа «свободного волеизъявления народа» в сложившихся условиях. Это, подчеркивал он, опасный путь. В таком случае всякая другая власть, установленная не в результате свободного волеизъявления народа, будет считаться незаконной, тогда как «уроками этой революции доказано, что неограниченное народовластие в условиях русской жизни ведет к тому самому, с чем мы теперь должны бороться»^{716}.

На опыте разворачивавшейся Гражданской войны Милюков приходил к выводу, который он сформулирует позже: чтобы волеизъявление населения носило ответственный характер, оно должно быть несколько ограничено, по крайней мере цензами оседлости и грамотности.

Постепенно между Милюковым и ближайшим окружением Корнилова возникало напряжение, поскольку генералитет высокомерно относился к гражданским лицам, препятствовал созданию политических партий, не выслушивал рекомендаций. Душа Павла Николаевича была разрываема противоречиями: с одной стороны, он не просто одобрял временное введение военной диктатуры, но был одним из главных ее инициаторов, с другой — считал, что и при военной власти высшее командование должно быть окружено своего рода «когортой мудрецов» — опытными политиками, чьи рекомендации (разумеется, не в военной сфере, а в хозяйственной и социальной) следует безусловно учитывать.

Единственным близким Милюкову в среде генералитета Добровольческой армии был М. В. Алексеев, с которым установилась активная переписка. Но пожилого и болевшего генерала довольно быстро отстранили с решающих позиций, и он жаловался Милюкову: «Трудно чувствовать и сознавать себя более ненужным, лишним, ни для кого не интересным, как чувствую это я и все мои сотрудники»^{717}.

Видя, что Добровольческая армия пока еще малоспособна к активным боевым действиям и пессимистически (в значительной мере под влиянием писем Алексеева) относясь к ее будущему, сознавая, что его советы остаются втуне, Милюков в начале лета 1918 года отправился из Ростова в Киев. У Павла Николаевича было немало знакомых среди украинских либералов и умеренных социалистов, включая профессора Грушевского, который как раз в это время стал председателем национально-демократического органа власти — Центральной рады. Милюков полагал, что его посильное содействие национальному строительству независимой Украины будет способствовать оживлению внимания к нему в России.

Однако как раз в это время Центральная рада была свергнута. 3 мая Милюков написал Алексееву, что всё же собирается отправиться в Киев,

чтобы выяснить характер происшедшего переворота^{718}.

На Украине

В условиях развертывания Гражданской войны поездка проходила с многими непредвиденными осложнениями. Вначале пришлось остановиться в Новочеркасске, объявленном атаманом Петром Николаевичем Красновым столицей независимой Донской казачьей области. 20 мая состоялась встреча, на которой донской атаман принял предложение внести в его декларацию уточнение о сохранении самостоятельности Донской области «до образования в той или другой форме объединенной России»^{719}.

В Киев Милюков приехал 10 июня после долгого и мучительного путешествия по железной дороге с продолжительными остановками, связанными с крушением двух следовавших перед его составом поездов из-за «развинченных рельсов»^{720}.

В соответствии с условиями Брестского мирного договора на территории Украины, объявившей себя независимой, были размещены германские войска. Милюков недооценил «германский фактор», который в сложившихся условиях оказался решающим. Немецкое командование сочло правительство Центральной рады слабым, неспособным выполнить обязательства по поставке в Германию хлеба и сырья. В результате главнокомандующий группой войск «Киев» фельдмаршал Герман фон Эйхгорн, возглавлявший оккупационную армию, с санкции своего правительства дал согласие на свержение Рады.

Переворот, произошедший 29 апреля 1918 года, был чисто германским проектом. Он привел к власти гетмана Павла Петровича Скоропадского, бывшего генерал-адъютанта Николая II, который еще летом 1917 года начал украинизацию вверенных ему частей, получивших затем название вольного казачества.

Имея в виду, что новый государственный порядок на Украине был направлен против социалистических экспериментов Центральной рады (для крупного помещика Скоропадского была неприемлема аграрная политика Рады, направленная на передачу значительной части земель бедному крестьянству), Милюков поддержал гетманское правительство, что вынудило его вступить в контакт с оккупационными властями Германии, то есть с теми, кого он считал заклятыми врагами России. До

прибытия в Киев Павел Николаевич скептически относился к перспективам сотрудничества с командованием оккупационной армии и германскими властями. Он писал Алексееву из Ростова: «В данную минуту мне не ясно, хотят ли германцы заняться и русским севером, или они предоставят ему гнить на корню, удовлетворившись высасыванием богатого юга... Москва же им не так важна, и они могут тут показать пример «невмешательства» в наши внутренние дела и великодушие»^{721}. Бурные общественные процессы вынуждали вносить существенные тактические коррективы в общие политические построения.

Милюкову приходилось мириться с тем, что гетманство представляло собой авторитарно-бюрократический режим при отсутствии представительной ветви власти и ограничении демократических свобод. Он получал сведения о карательных экспедициях, организуемых в сельской местности помещиками, которые издевались над крестьянами, захватившими их землю^{722}. Павел Николаевич уповал на то, что этот режим, неизбежный, как он полагал, в чрезвычайных условиях, носит временный характер и будет заменен конституционно-представительным управлением, причем Украина вступит в федеративные отношения с Россией. В принципе он продолжал неодобрительно относиться к федеративному устройству и надеялся, что впоследствии федерация будет заменена автономией, то есть будет восстановлена целостность Российского государства. Он отчетливо видел, что сам гетман был представителем двух культур — украинской и русской.

У Милюкова нашлись знакомые и почти единомышленники в правительстве гетмана. Его глава Федор Лизогуб ранее принадлежал к партии октябристов, а вице-премьер и министр образования (затем министр иностранных дел) Николай Прокопович Василенко являлся кадетом. Василенко был во многом близок Милюкову: историк-архивист, юрист и журналист, приват-доцент Киевского университета, в царскую эпоху подвергавшийся преследованиям, он активно способствовал переводу сферы образования и культуры на украинский язык, подчеркивая, что делать это необходимо осторожно и постепенно. Он заявлял: «...если обстоятельства сложатся так, что Украина должна будет соединиться с Великодержавой, то это воссоединение я мыслю только на федеративных началах»^{723}. Еще более активным сторонником государственного объединения с Россией являлся министр юстиции Михаил Чубинский, также состоявший в кадетской партии (позже он стал обер-прокурором в гражданской администрации Вооруженных сил Юга России, которыми

командовал А. И. Деникин). С рядом членов украинского правительства Милюков стал встречаться с первого дня пребывания в Киеве: выяснялись позиции сторон, шли поиски взаимоприемлемых решений.

В то же время сам гетман относился к Милюкову подозрительно, в беседах с единомышленниками бранил его, заявляя, что он «сеет смуту», является проводником великодержавных настроений и т. п., о чем доброхоты из правительства рассказывали Павлу Николаевичу^{724}. Так что его положение в Киеве было не таким уж стабильным. Более того, в середине июля Скоропадский выразил членам правительства недовольство и передал «удивление» германского командования тем, что человек, «высказывающийся за объединение России, может оставаться в Киеве» и тем более осмеливается высказываться против Брестского мира (подписанного 3 марта 1918 года договора Германии с советским правительством, крайне ущемлявшего интересы России)^{725}.

«Дело Милюкова» чуть было не привело к правительственному кризису на Украине. 17 июля Павел Николаевич получил вызов в Департамент державной варты (государственной охраны). Было ясно, что ему грозит депортация. Он тотчас известил об этом входивших в правительство кадетов, а те, в свою очередь, объявили гетману, что в таком случае они уйдут из правительства. Не заинтересованный во внутренних потрясениях Скоропадский дал указание отменить решение о высылке. Директор Департамента державной варты Петр Александрович Аккерман по телефону принес Милюкову извинения и, помолчав, добавил: «Дело в том, что от высшего начальства я получил сначала одно распоряжение, а потом другое, прямо противоположное»^{726}.

Действительно, гетман-генерал был не особенно последователен. Он очень скоро сменил гнев на милость и даже пригласил Милюкова на прием, состоявшийся в его резиденции 2 октября. Вполне возможно, что Скоропадский, предвидя неизбежное поражение Германии, надеялся сохранить свою власть на автономной Украине в составе Российского государства и рассчитывал привлечь Милюкова в союзники. Тот готов был прийти на выручку, заявив, что выдвигает лишь общие идеи, а о форме государственности можно будет договориться потом. Беседа шла о путях освобождения России от большевизма, взаимоотношениях с Добровольческой армией. Никаких конкретных решений, разумеется, не было принято^{727}.

Милюкова не смущало, что украинские кадеты формально объявили о создании самостоятельной партии, не связанной с российским ЦК. Видимо,

это даже импонировало Павлу Николаевичу с учетом того, что его фактически отстранили от руководящей партийной работы, да и сама партия в Советской России реально перестала существовать. Осудив сотрудничество Милюкова с украинскими сепаратистами, ЦК партии кадетов, вначале нелегально собиравшийся в Москве, а затем возобновивший работу на территории, занятой частями Добровольческой армии, фактически поставил его перед дилеммой — оставить Украину и возвратиться к «добровольцам» или выйти из ЦК.

В конце мая 1918 года Милюков направил членам ЦК, собравшимся на подпольное заседание в Москве, письмо с обоснованием использования германской оккупации Украины для борьбы против большевистской власти. Он убеждал оппонентов, что существование независимой Украины в сложившихся условиях не противоречит партийной установке на единство России: «Государственная самостоятельность областей, освободившихся от большевиков раньше Москвы, является неизбежной переходной стадией и неизбежным последствием бессилия Москвы освободиться от большевистского террора собственными силами»^{728}.

Члены ЦК во главе с М. М. Винавером (выступившим с докладом о внешней политике) отвергли его доводы, приняли решение о сохранении верности Антанте и призвали союзные страны приложить все усилия для свержения большевистского режима^{729}. Милюков объявил об уходе из ЦК и почти прервал связи с руководством партии, но сохранил тесное сотрудничество с украинскими кадетами, а также контакты со старыми соратниками по партии. Впрочем, ЦК его отставку не принял, однако отношения оставались напряженными.

Состоявшийся 8—11 мая съезд кадетов Украины одобрил участие членов партии в правительстве Скоропадского. Милюков вместе с несколькими членами образованного на съезде автономного Главного комитета партии вступил в «разведочный» контакт с представителями германского командования. Немцы сообщили, что будут решительно добиваться выполнения обязательств Украины по поставкам в Германию, Милюков и украинские кадеты потребовали от германских военных отказа от вмешательства в украинские дела. Однако дальше взаимной информации о ближайших намерениях дело не пошло, так что полагать, что в этот краткий период Милюков сотрудничал с германскими оккупантами (в чем его в следующие годы усердно обвиняли в странах Антанты), было бы неверно.

В то же время Милюков как частное лицо вел беседы с германскими

генералами и дипломатами, убеждая их вступить в сотрудничество с Добровольческой армией, оказать ей помощь вооружением и средствами перевозки, чтобы облегчить организацию наступления на Москву. При этом он считал необходимым отменить Брестский мир и восстановить российские границы там, где они были до подписания договора. В дневнике Милюков привел довод: «...ни окружающий мир, ни мы не можем ждать, пока этот процесс (ликвидация большевистского режима. — Г. Ч., Л. Д.) окончится сам собой; мы — потому что рискуем единством России. Эта опасность должна быть устранена немедленно, а германцы могут быть заинтересованы в том, чтобы помочь в ее устранении»^{730}.

Одиннадцатого августа Милюков направил ряду политических деятелей России и Украины официальную записку с изложением своей позиции^{731}. Первой и главной задачей он считал восстановление государственности и объединение России, создание национального правительства, которое заручилось бы согласием Германии на немедленный пересмотр Брестского мирного договора. «Исходной точкой» такого пересмотра должна была стать неприкосновенность всей прежней территории России, за исключением Финляндии и Польши.

Принципиально важным было отношение к аграрной проблеме. В документе говорилось: «В интересах поддержки демократических слоев (крестьянство и кооперация) и восстановления социального мира немедленный приступ к аграрной реформе, восстанавливающей все нарушенные права, но имеющей целью найти решения, возможно близкие к сложившемуся фактическому положению землевладения. Восстановление свободы земельных сделок до реформы без нарушения ее принципов и с принятием немедленных мер против перехода земли в собственность иностранцев», — что означало фактическую отмену объявленной большевистскими властями национализации земли, но сохранение ее в руках крестьянства.

Милюков намечал пересмотр избирательного закона, в частности введение возрастного ценза, ценза оседлости и двухступенчатых выборов в сельской местности. Россия должна была стать конституционной монархией, причем предусматривался переходный период с диктаторской властью одного лица или группы, хотя сам термин «диктатура» не употреблялся.

Все эти задачи предполагалось решить при помощи сотрудничества германских вооруженных сил с Добровольческой армией.

Из этой затеи ничего не получилось — немцы считали выгодным для

себя расчленение России и поэтому поддерживали государственную независимость Украины, сохраняя в то же время (с марта по ноябрь 1918 года) дипломатические и торговые отношения с Москвой.

Любопытный диалог состоялся у Милюкова 27 июня с германским послом в Киеве Альфонсом Муммом фон Шварценштейном. Все попытки перевести разговор в деловую плоскость не встречали поддержки дипломата. Милюков взволнованно говорил, что «надо спешить с походом на Москву, который должен, с германской помощью, быть сделан Добровольческой армией», а Мумм вместо ответа заговаривает на совершенно другую тему: «высказывает предположение, что японцы, люди холодные и расчетливые, едва ли заинтересуются внутренностью России», давая понять собеседнику, что не надо лезть не в свои дела. Вместо выслушивания советов Милюкова посол выпытывал у него информацию, которая могла оказаться полезной для немцев. Так, он интересовался, знает ли тот Раковского (бывший болгарский и румынский социал-демократ теперь был большевиком и возглавлял советскую делегацию на переговорах с Украиной). Павел Николаевич отвечал, что знал Раковского как болгарина и никак не ожидал, что он будет представлять интересы России^{732}.

Что же касается Добровольческой армии, то ее командование решительно отвергло какие-либо контакты с германскими оккупантами. Генерал Алексеев писал Милюкову: «Немец — враг, с которым счеты не покончены... Он является отцом и творцом большевизма, доведшим нашу родину до гибели»^{733}. Да и сам Милюков в письмах Алексееву от 18 июня и 5 июля вынужден был отчасти признать нереальность своих надежд на помощь Германии в организации похода на Москву: «В такой момент германцам, очевидно, некогда думать об объединении России, и то течение, которое эту мысль поддерживает, поневоле теперь отодвигается на второй план. Германцы, видимо, придут в Москву, но придут не как освободители Москвы от большевистского насилия, о чем они подумывали раньше и для чего могла бы им пригодиться Добровольческая армия: они придут как союзники большевиков и их защитники от западных союзников». «Пока сомнительно согласие [кайзера] Вильгельма на воссоздание Великой неделимой России»^{734}.

Тем не менее в нескольких обширных письмах, отправленных Алексееву из Киева через посредников, Милюков настаивал на том, что этот город стал теперь главным центром «всероссийской политики» и что, опираясь именно на него, «надо ковать железо, пока горячо». Он убеждал

своего корреспондента в необходимости оказать максимальное влияние на монархистски настроенных офицеров для удержания их от «сепаратистских действий»; речь шла не о «перемене убеждений», а о сплочении антибольшевистских сил^{735}.

Павел Николаевич регулярно встречался с министрами-кадетами и другими партийными деятелями. Обычно эти встречи проходили на квартире председателя Головной управы (так назывался новый руководящий орган) Всеукраинской партии конституционных демократов Дмитрия Николаевича Григоровича-Барского, известного киевского адвоката, участника кадетских съездов, с которым Милюков был близко знаком еще со времени судебного процесса по делу Бейлиса. На этих встречах намечались меры, которые затем воплощались в государственные решения.

Как и украинские кадеты, Милюков, явно по тактическим соображениям, позитивно относился к гетманству Скоропадского, ставя его на один уровень с властью генерала Петра Николаевича Краснова, в мае 1918 года избранного атаманом Всевеликого Войска Донского. Милюков записал в дневник, который начал вести в это время: «И в том и другом факте я видел явление одного порядка — и явление положительное — в том понимании, что и там и тут мы имеем дело с возрождением российской государственности»^{736}.

В Киеве возобновились контакты Милюкова с выдающимся ученым академиком Владимиром Ивановичем Вернадским, в прошлом профессором Московского университета и членом ЦК партии кадетов. Вернадский выехал в Киев после Октябрьского переворота и теперь поддерживал государственную самостоятельность Украины. Он убеждал Милюкова в возможности развития украинской культуры и национального самосознания, с чем его оппонент был решительно не согласен (любопытно, что выражение «украинская культура» Милюков в дневниковых записях брал в кавычки)^{737}.

Совершенно неожиданным стало возобновление контактов с давним другом, софийским профессором Иваном Шишмановым, который теперь оказался болгарским послом в Украинской державе Скоропадского. Шишманов узнал, что Милюков в Киеве, от министра Василенко, который встречался с ними обоими еще на археологическом съезде в 1899 году. Новая встреча состоялась 15 июня 1918 года. Шишманов выразил надежду на восстановление России, хотя и не в виде централизованного государства, и поинтересовался состоянием кадетской партии. В том же духе проходили

и следующие встречи^{738}.

Шишманов описал первую беседу по-другому. По его словам, он был очень удивлен визитом российского деятеля и даже отметил этот факт в дневнике тремя восклицательными знаками. Милюков был «хорошо выбрит, волосы его побелели, но сам он в остальном не изменился», — записал Шишманов^{739}. Милюков вел в основном неполитические разговоры: рассказывал о судьбе своей библиотеки, о сыне и невестке, о доме в Софии, который оставался его собственностью. Правда, Павел Николаевич заявил, что остается болгарофилом, однако у посла сложилось впечатление, что он стал германофилом, что, впрочем, можно было объяснить отсутствием иного выхода. В целом былой откровенности и взаимопонимания с болгарским ученым, ставшим дипломатом, теперь не было.

В условиях оккупации Украины германскими войсками Милюкову приходилось изредка общаться с представителями германского командования даже после того, как стало ясно, что поход на Москву они предпринимать не намерены. Встречи эти были теперь сугубо деловыми, связанными с получением формальных разрешений на издания и т. п. Но в какой-то степени он шел на сотрудничество с оккупантами, что вызывало крайнее недовольство кадетских деятелей и в то время, и после окончания Гражданской войны. Деятели кадетской партии В. А. Оболенский, находившийся в это время в Киеве, недоуменно спрашивал Павла Николаевича, как он мог пойти на «измену» делу Антанты. Милюков объяснял: прежде всего он был уверен «если не в полной победе немцев, то во всяком случае в затяжке войны, которая должна послужить к выгоде Германии, получившей возможность продовольствовать всю армию за счет захваченной ею Украины. На западе союзники помочь России не могут». Немцам же «самим выгоднее иметь в тылу не большевиков и слабую Украину, а восстановленную с их помощью и, следовательно, дружественную им Россию». Он рассчитывал убедить немцев занять Москву и Петербург и помочь образованию «всероссийской национальной власти». Оболенский спросил: «Неужели вы думаете, что можно создать прочную русскую государственность на силе вражеских штыков?» — добавив: «Народ вам этого не простит». Бывший лидер кадетов пожал плечами: «Народ? Бывают исторические моменты, когда с народом не приходится считаться»^{740}. Так что отношение Павла Николаевича к роли народных масс в истории было более чем гибким, а в данном случае, пожалуй, даже циничным.

Когда осенью 1918 года стало ясно, что германская оккупация Украины близится к концу, украинские кадеты при активном участии Милюкова начали высказываться в пользу государственного союза с Россией — разумеется, при условии ликвидации власти большевиков. В октябре Милюков участвовал в подготовке записки министров-кадетов, в которой выражалось убеждение, что будущее Украины — в составе небольшевистской Российской республики или конституционной монархии, а независимое существование Украинского государства является важным, но промежуточным этапом на пути к федеративному объединению с Россией^{741}.

В связи с близким поражением Германии фактически исчезла основа разногласий между Милюковым и кадетами, связанными с белыми армиями. Своего рода внутрипартийное перемирие было заключено на конференции кадетов в Екатеринодаре 28–31 октября 1918 года. Милюков представлял здесь кадетов Киева, то есть вроде бы стал провинциальным деятелем. От него потребовали «торжественного покаяния». Он заявил, «что ошибался и что правы были его противники»^{742}, что Россия имеет право требовать помощи от союзников, ибо оно дано «теми миллионами жизней, которые принесены ею на алтарь союзного дела»^{743}. Эти декларации были унижительны для политика его масштаба, но гордый и упрямый Милюков подчас шел на немалые личные жертвы во имя достижения поставленных целей. А желанное восстановление кадетского единства казалось ему решаемой задачей. Однако ни объединить кадетские ряды, ни вновь возглавить партию ему так и не удалось.

Екатеринодарская конференция означала, что кадеты вновь выступают за государственную целостность России. По поручению конференции Милюков составил записку правительствам Антанты с просьбой оказать поддержку в создании «единого русского правительства» и признать «особое значение Юга России (наряду с Сибирью)» в борьбе против большевиков. Записка была передана через представителя Антанты в Екатеринодаре француза Гокье^{744}.

По существу, на этот же путь попытался стать и гетман — 14 ноября он издал Грамоту ко всем украинским гражданам и казакам, провозглашавшую новый внешнеполитический курс: «На иных принципах, принципах федеративных, должно быть восстановлено давнее могущество и сила Всероссийской державы. В этой федерации Украине надлежит занять одно из первых мест»^{745}. Это был фактический отход от курса на независимость Украины и сигнал странам Антанты о решительном отказе

гетмана от прогерманской ориентации.

Видимо, именно по этой причине Милюков счел необходимым возвратиться в Киев из значительно более стабильной Донской области. Приехал он 8 ноября, когда в Германии уже началась революция. А 11 ноября было подписано Компьенское перемирие Германии со странами Антанты об окончании Первой мировой войны.

Расчет Милюкова в очередной раз не оправдался. После поражения Германии в соответствии с условиями перемирия немецкие войска стали покидать оккупированные территории. Вслед за этим началось восстание и режим Скоропадского рухнул. В середине декабря 1918 года Киев был взят войсками сформированной 13 ноября Директории во главе с Симоном Васильевичем Петлюрой и Владимиром Кирилловичем Винниченко. Скоропадский 14 декабря отрекся и тайно уехал в Германию.

На Украине с этого времени начались частые смены власти — Директория, большевики, Деникин, польская армия чередовались в Киеве и на значительной части территории страны; в провинции же, прежде всего в сельской местности, часто хозяйничали анархистские крестьянские части, а в районе Гуляйполя образовалась даже анархистская республика Нестора Ивановича Махно. Только к осени 1920 года Украина прочно оказалась в руках большевистских сил.

В Яссах

С 16 по 23 ноября 1918 года, непосредственно после подписания перемирия с Германией, в румынском городе Яссы происходило организованное дипломатами и военными стран Антанты совещание представителей различных антибольшевистских сил России и делегатов Добровольческой армии. Хотя Милюков считался скомпрометированным связями с германскими оккупационными властями на Украине, у послов Франции и Великобритании в Румынии Д. Сент-Олера и Д. Баркляя, рассылавших приглашения, хватило рассудительности, чтобы понять, что в действительности Милюков сотрудничал не столько с немцами, сколько с украинскими единомышленниками. Сент-Олер заявил перед совещанием: «У Милюкова так много заслуг перед союзниками, что на последнее отступление мы смотрим как на отдельный эпизод, отошедший уже в прошлое. Если никто не придет, но Милюков придет, то наша цель будет достигнута»^{746}.

Это, разумеется, была легковесная риторика, ибо совещание

созывалось как раз для того, чтобы объединить усилия антибольшевистских сил. Но сама по себе оценка французского дипломата показательна. Собираясь в Яссы, Милюков заявил: он намеревается доказывать, что навести в России порядок можно лишь в случае, «если восторжествует монархия»^{747}.

В Ясском совещании приняли участие около двух десятков российских политических и общественных деятелей от эсеров и меньшевиков до октябристов и правых монархистов, однако только Милюков был известной личностью. Дипломаты Великобритании, Франции и США появились в качестве гостей лишь на заключительном заседании.

По существу, в Яссах звучали самые общие высказывания о необходимости свержения большевистской власти. Участник совещания, бывший депутат Госдумы Владимир Иосифович Гурко, отзывался о нем весьма нелестно: «Вообще ничего более курьезного, жалкого и смешного так называемой Ясской конференции представить себе нельзя. Выработывали приемлемую для всех представленных общественных течений программу освобождения России. Зачем этим людям понадобилось переехать для составления этой программы из Киева в подвал русского консульства в Яссах, понять никак нельзя было. Бесцельность производимой работы, думается, сознавалась всеми. Это не мешало, однако, тому, что пускали в ход всё доступное каждому красноречие и спорили до потери голоса и изнеможения сил... Но о чем же спорили съехавшиеся в Яссах случайные представители русской общественности? Да решительно обо всём. Происходили столь типично русские бесконечные, расплывчатые споры, где не столько поочередно, сколько одновременно разрешались все вопросы, если не мироздания, то государственного строительства»^{748}. Непопулярный характер совещания был передан верно. Задача объединения антибольшевистских сил являлась нерешаемой.

По мнению Гурко, разделяемому другими участниками встречи, Милюков представлял наиболее правый, консервативный фланг антибольшевистского движения. Если же судить по его выступлениям, то он высказывал более или менее трезвую оценку тех сил, которые в это время представляли наибольшую опасность для советской власти, однако действительно верил в успех лишь при использовании самых радикальных средств борьбы против нее. Участвуя в споре о необходимости диктаторского режима, он говорил: «Диктатура не только нужна, она уже существует. Мы находим высший вид диктатуры в виде Добровольческой

армии»^{749}.

Милюков постепенно приходил к выводу, что либеральные идеи хороши для мирного, спокойного времени, однако никак не годятся для чрезвычайных условий, в которых порядок можно навести только твердой рукой. Более того, в одном из его выступлений прозвучало: «Когда пролагаются широкие исторические просеки, нет времени думать о деталях»^{750}. Так Милюков заимствовал у большевиков идею террора, заменяя лишь его окраску — вместо красного призывал к белому террору. Такая позиция встретила сопротивление (хотя и не очень активное) социалистической части участников совещания, в частности видного деятеля партии эсеров, бывшего комиссара Черноморского флота Ильи Исидоровича Фондаминского.

Особо подчеркивал Милюков необходимость государственной целостности России, отвергал какие-либо шаги, закреплявшие независимость Украины, и возможность фиксировать взаимоотношения между Украиной и Россией в договоре^{751}.

Поскольку, по мнению Милюкова, структура диктаторской власти уже существовала в форме Добровольческой армии с ее гражданскими подразделениями, именно в ней он видел основу государственного строя России. Так как с апреля 1918 года, после гибели Л. Г. Корнилова, Добровольческой армией командовал генерал А. И. Деникин, с которым у Милюкова в период его краткого пребывания в окружении Корнилова сложились деловые отношения, именно Деникина он считал наиболее подходящей кандидатурой на роль диктатора.

Позже Милюков пытался оправдать свой фактический союз с самыми правыми деятелями и организациями на Ясском совещании состоянием кадетской партии, у которой не было реальных сил, чтобы противостоять реакционерам^{752}. Но это объяснение давалось тогда, когда Милюков хотел напомнить о демократических традициях кадетов, то есть было обращено в сравнительно отдаленное прошлое. Начиная же со времени Гражданской войны он всё больше смыкался с правыми силами, считая становление диктатуры неизбежным этапом на пути возрождения России.

Если по вопросам будущего внутреннего устройства страны достигнуть договоренности не удалось, то в отношении просьб (или требований), которые следовало предъявить западным союзникам, участники Ясского совещания смогли договориться, причем заслуга в этом принадлежала Милюкову, который формулировал позиции, приемлемые для различных политических сил: борьба против большевизма; признание

преимущества существования Российского государства, его территориального единства; отказ от переговоров с представителями отдельных областей страны; замена германских войск армиями Антанты и русскими соединениями; оказание помощи антибольшевистским военным формированиям, прежде всего Добровольческой армии^{753}.

Ясское совещание в резолюции заявило о необходимости получения Белым движением военной помощи от стран Антанты, высказалось за восстановление единой и неделимой России в границах 1914 года (за исключением Финляндии и Польши), непризнание странами Антанты всех государственных образований, возникших на территории бывшей Российской империи при содействии Германии и Австро-Венгрии^{754}.

Для координации действий Добровольческой армии, других антибольшевистских военных формирований и подпольных организаций на территории Советской России с политиками и военными стран Антанты совещание избрало делегацию из шести человек, в числе которых был Милюков, естественно, оказавшийся в ней самой значительной фигурой. Правда, сам Павел Николаевич опасался, что его репутация в глазах лидеров Антанты подорвана «сотрудничеством» с германскими войсками на Украине, но совещание не приняло это во внимание.

При помощи британских военно-политических представителей в Румынии делегация отправилась через Одессу, Константинополь и Рим в Париж, а затем в Лондон.

Хотя поездку профинансировала дипломатия стран Антанты, делегаты плыли на русском пароходе «Александр Михайлович», на котором по настоянию Милюкова был поднят Андреевский флаг. Море штормило, но самочувствие у Милюкова было отменное, качку он переносил легко. «Я здоров и исправно обедаю и ужинаю», — записал он в дневнике^{755}.

В Константинополе произошла встреча с писателем Марком Алдановым (Марком Александровичем Ландау), который увидел в Милюкове не только фактического руководителя делегации, но и незаменимого переводчика, ибо он владел тринадцатью языками: «Он разговаривал по-турецки с престарелым великим визирем, говорил с иностранными журналистами на языке каждого из них, объяснялся по-болгарски и, помнится, также по-новогречески с лодочниками на Золотом Рого. Однажды я утром зашел к нему по делу в его номер в гостинице Токатлиана и застал его, разумеется, за работой. Перед ним лежали учебники; он с раннего утра упражнялся в переводах с русского языка на турецкий!»^{756}

Из Рима во французскую столицу делегаты добирались поездом. В Париже, куда они прибыли 19 декабря, опасения Милюкова по поводу отношения к его поведению на Украине полностью подтвердились. Собственно говоря, он попал на территорию Франции по ошибке. На границу было направлено распоряжение не допускать Милюкова в пределы страны, но депеша запоздала. Узнав о его приезде, премьер-министр Жорж Клемансо накричал на министра иностранных дел Стефана Пишона. «Он (Клемансо. — Г. Ч., Л. Д.) сохранил свои авторитарные привычки, и его все боятся», — комментировал Милюков^{757}.

По поводу крайне недоброжелательного отношения во Франции к приезду Милюкова возникла целая официальная переписка, которая приводится в его дневнике. Французские власти сочли его «нежелательным лицом», что ускорило отъезд делегатов в британскую столицу. Через посредников Милюкова просили проявить благоразумие и не доводить дело до скандала^{758}.

Так началась эмиграция Милюкова, охватившая последнюю четверть века его жизни. Фактически с этого времени его политическая деятельность стала отходить на второй план, а на первое место выдвигались журналистика, организация прессы, политология, неразрывно связанная с анализом современной истории.

С прибытием в Западную Европу делегация Ясского совещания просто перестала существовать, растворившись в тех эмигрантских объединениях, к которым тяготели отдельные ее участники. Милюков же на протяжении всех двадцати пяти лет жизни за пределами родины стремился занять самостоятельную позицию.

Часть третья

ЭМИГРАНТ

Глава первая

ПОИСК НОВОГО КУРСА

Первый политологический труд

Оказавшись на Западе, Павел Николаевич сразу же приступил к созданию крупного труда по истории «второй русской революции» (сравнительно компактное изложение будущей работы он набросал еще в Киеве). Это произведение не являлось научным в полном смысле слова. Правда, оно основывалось на комплексе доступных документов, но было чисто публицистическим изданием, насыщенным современной политикой, проникнутым стремлением оправдать и обосновать собственную тогдашнюю позицию. И всё же это одна из первых крупных книг о событиях 1917 года, которая по настоящее время используется при изучении Февральской революции и ее последствий. Характерно, что даже один из самых правоверных советских историков Е. Н. Городецкий в своей историографической работе называл этот труд в числе документальных источников^{759}.

Любопытно, что на Западе тогда не нашлось издателя, захотевшего напечатать работу Милюкова. Рукописью заинтересовались русские эмигранты в Болгарии, которые при содействии старых знакомых и коллег Павла Николаевича осуществили ее публикацию. В архиве сохранился договор, заключенный Милюковым с представителем софийского русскоязычного издательства «Летопись» Н. С. Никулиным 15 октября 1920 года на право выпуска первого тома «Истории второй русской революции» сорокатысячным тиражом с авторским гонораром в 15 процентов чистой прибыли и по два лева с каждого проданного экземпляра^{760}.

Объемистая работа (свыше восьмисот страниц) вышла тремя выпусками под названиями «Противоречия революции», «Корнилов или Ленин» и «Агония власти». Важным достоинством публикации было то, что в ней увидели свет многочисленные документы 1917 года, часть из которых не сохранилась и ныне доступна только благодаря ей.

Милюков был первым профессиональным историком, который попытался дать хотя бы общее представление о революции 1917 года. Он работал над текстом несколько лет, начав делать первые наброски еще в

конце 1917 года, когда оказался в Ростове-на-Дону. В предисловии к книге он рассказал о перипетиях ее подготовки.

Первые главы, написанные в Ростове, затем были пересмотрены во время пребывания автора в Киеве, в частности внесены изменения в раздел, посвященный «делу Корнилова» (главным образом на основании показаний Керенского во время расследования этого дела). Раздел о распаде власти был написан в Киеве. Предполагалось, что написанные разделы будут опубликованы в Киеве в издательстве «Летопись», но в связи с падением власти Скоропадского оно прекратило работу. При разгроме издательства петлюровцами рукопись Милюкова пропала, и ему пришлось восстанавливать текст по черновикам. Работа над рукописью продолжалась в Лондоне, а после переезда в Париж автор получил доступ к богатой коллекции русской периодической печати в Музее армии Франции, что позволило восполнить некоторые пробелы.

«Перед читателями милюковской «Истории», — заметила исследовательница Н. Г. Думова, — революция представляла как трагедия в трех актах. Первый том — от Февраля по июльские дни, второй — завершился крушением правой военной альтернативы революционному государству. В третьем томе — «Агония власти» — прослеживалась история последнего правительства Керенского вплоть до столь легкой победы над ним ленинской партии»^{761}.

В предисловии говорилось: «Автор назвал свой труд «Историей», хотя он хорошо сознает, что для истории революции в строгом смысле время не скоро настанет». Милюков не ставил главной задачей изложение фактов: «Читатель найдет здесь не столько картины и краски, сколько руководящие линии, основные штрихи рисунка»^{762}. Но поскольку любой анализ строится на комплексе фактов, важнейшие из них были использованы, хотя в центре внимания действительно находилось их истолкование, которое должно было привести в конечном итоге к осознанию поворота революции, по мнению автора, пагубного для страны. Милюков подчеркивал, что в основе его повествования лежат объективные факты, и в соответствии со своими позитивистскими установками ручался в правильности выводов, сделанных на их основании (что, заметим в скобках, далеко не всегда справедливо).

Автор предупреждал: на суд читателей выносятся именно «история», а не «мемуары», время для которых пока не наступило, ибо живы и действуют участвовавшие в роковых событиях люди. Именно поэтому повествование шло от третьего лица.

И всё же мемуарный компонент был неизбежен. В этом состояли и преимущество книги, написанной активным участником событий, и ее слабость, связанная с субъективностью оценок. Известный историк Сергей Петрович Мельгунов писал, рассматривая позже новую работу Милюкова: «В свое время я готов был даже отчасти приветствовать («На Чужой Стороне» № 7) П. Н. Милюкова за то, за что его упрекало большинство критиков, видевших в его «Истории революции» односторонность и субъективность мемуариста (так, М. В. Вишняк видел в «Истории революции» Милюкова историю и философию участия в революции конституционно]-демократической] партии). Сам автор говорил тогда про себя, что он не хотел быть «только мемуаристом, добровольно отказался от некоторых преимуществ мемуарного изложения, чтобы тем приблизиться к выполнению задачи истории». И всё-таки автор в значительной степени оставался мемуаристом, и мне казалось даже достоинством то, что он не пытался в истории изменить свое умонастроение в период революции: он ретроспективно, за небольшим исключением, не ретушировал своих взглядов, что для мемуариста, конечно, является наиболее важным»^[763].

В труде Милюкова предпринималась попытка проанализировать ошибки и пороки основных политических лагерей, но с оговоркой, что эти ошибки во многом обуславливались объективными причинами и были неизбежны. При рассмотрении этих причин Милюков неизбежно останавливался на роли народных низов. Разумеется, они не представляли собой сознательные и организованные классовые отряды, как утверждали большевики, но их нельзя охарактеризовать и как серую инертную массу. Нередко в результате безответственной демагогии толпа сокрушала всё на своем пути, но во многих случаях сама оказывала поддержку или пассивное сопротивление действиям политиков, которые поэтому вынуждены были строить свою линию с учетом позиции низов. Переплетение же интересов и мнений было настолько сложным, что результат почти всегда оказывался не тождественным замыслу.

Милюков пытался проанализировать глубинные противоречия, характерные для прежних веков русской истории и особенно ярко проявившиеся в революции 1917 года. Это, по его мнению, были противоречия между сильной государственной властью, обеспечивающей стабильность, но зачастую ведущей к социальному застою, и анархистскими тенденциями. Сам он до конца своих дней оставался твердым государственнымником.

И всё же, несмотря на враждебность к новым властям, Милюков считал, что революция принесла позитивные плоды — правда, лишь в

отношении накопленного народом опыта: «Отойдя на известное расстояние от событий, мы только теперь начинаем разбирать, что в этом поведении масс, инертных, невежественных, забытых, сказалась коллективная народная мудрость. Пусть Россия разорена, отброшена из двадцатого столетия в семнадцатое, пусть разрушена промышленность, торговля, городская жизнь, высшая и средняя культура. Когда мы будем подводить актив и пассив громадного переворота, через который мы проходим, мы, весьма вероятно, увидим то же, что показало изучение Великой французской революции. Разрушились целые классы, оборвалась традиция культурного слоя, но народ перешел в новую жизнь, обогащенный запасом нового опыта»^{764}.

Его интерпретация революции, при всей близости к концепциям меньшевиков и эсеров, была значительно более спокойной, аналитической, лишенной повышенной эмоциональной окраски, которая у социалистов, стремившихся доказать, что большевики предали социалистическое дело, подчас переходила в истерию. Милюков же, подобно естествоиспытателю, стремился спокойно «под микроскопом» рассмотреть феномен установления большевистской власти, хотя отнюдь не скрывал произвола, репрессий, зверств — всего того, что было непосредственно связано с установлением однопартийной диктатуры экстремистской политической силы, пропагандировавшей утопическую идею земного рая. Тон книги должен был придать ей характер если не исторического, то по крайней мере политологического исследования. Она отличалась от пропагандистских изданий, подготовленных находившимися в эмиграции социалистами, еще и тем, что в принципе отвергала социалистические установки, отстаивая идеалы демократии западного, капиталистического образца.

Рассматривая развитие событий в 1917 году и даже несколько ранее (со времени деятельности Четвертой Государственной думы), Милюков представлял большевистский переворот и установление экстремистской власти как их результат, как последствие многочисленных ошибок, неудач и провалов сил, стоявших у власти, но не смогших обеспечить в стране законный правопорядок. Надо сказать, что «Милюкова» автор обычно щадил больше, чем других, к примеру, объясняя вхождение социалистов в первое коалиционное Временное правительство в мае 1917 года тем, что его рекомендации не принимались во внимание. Так что книга отнюдь не была лишена субъективизма.

Серьезным недостатком «Истории», но недостатком неизбежным из-за отсутствия у автора соответствующего документального материала, было освещение истории революции не столько как комплекса взаимосвязанных

социально-экономических, политических и идеологических процессов, сколько как истории власти, управления страной и политической борьбы. Милюков рассматривал лишь вершину айсберга, только частично касаясь его подводной части. Именно разложение государственной власти было предметом анализа в первую очередь. Основным инструментом при этом служили обширные цитаты из выступлений государственных и общественных деятелей, с помощью которых автор стремился показать недостатки, ошибки, пустые обещания, обманные декларации, некомпетентность, «идеологические мотивации», «словесные утопии» вместо реальных действий и продемонстрировать, что ни один из составов Временного правительства не справился с двуединой задачей — установления эффективного контроля над страной и доведения Первой мировой войны до победного конца.

Наибольшую критику Милюков обрушивал на Керенского, обвиняя его в болтливости, нерешительности, отказе от собственных заявлений, истерической шумихе. В результате большевикам во главе с Лениным, который, по мнению автора, действовал трезво и расчетливо, удалось одолеть беспомощное Временное правительство, разложить армию и флот, обеспечить себе поддержку Советов, добиться влияния на значительную часть крестьянства. Иначе говоря, пока меньшевики и эсеры разговаривали, большевики действовали. Павел Николаевич особо выделил их умную тактику во время выступления Корнилова, когда они пошли на временный союз с правительством, внося вклад в разгром генерала, которого сам Керенский вынужден был объявить «мятежником». Такая тактика, считал Милюков, свидетельствовала об опытном руководстве.

Общий вывод автора состоял в том, что приход большевиков к власти не был неизбежен, а стал возможен в результате комплекса ошибок Временного правительства и политических сил. Если главным объектом его критики был А. Ф. Керенский, то героем — генерал Л. Г. Корнилов. Милюков всё более утверждался в мысли, что от насильственного переворота Россию могла спасти только временная, но жесткая диктатура.

На Западе книга Милюкова была встречена сдержанно — прежде всего потому, что в ней подчеркивалась необходимость противопоставить большевистской диктатуре диктатуру «белых сил». Зато в Москве к изданию отнеслись серьезно. Ведущий советский историк М. Н. Покровский, бывший коллега Павла Николаевича по Московскому университету, опубликовал большую статью, в которой разбирал отдельные положения милюковского труда с точки зрения большевистской догматики и подчеркивал необходимость создания коммунистической концепции

революции и Гражданской войны: «Первое, за что он принялся [в эмиграции], это писать свою историю революции. А так как нашей еще нет, то есть большая опасность, что вне России будут знакомиться с большевистскими делами по кадетским словам»^{765}.

Современные исследователи высоко оценивают труд Милюкова. Американский историк Джейн Бербэнк назвала его первым произведением о революции, написанным профессиональным историком, подчеркивая, что «и сегодня [оно] остается главным источником применительно к событиям 1917 года, непревзойденным по качеству изложения событий и убедительным по их интерпретации»^{766}. С последним утверждением согласиться невозможно — ко времени выхода книги Д. Бербэнк (1986) накопилась огромная литература о революции. Сказанное, однако, никак не снижает значение труда Милюкова.

Лондонская активность

Приехав в Лондон из Парижа в день католического и протестантского Рождества — 25 декабря 1918 года, Милюков сразу же оказался в центре внимания общественных кругов и развернул бурную деятельность.

На свои средства, хранившиеся в западных банках, он смог сразу же обеспечить себе вполне приличное существование. Была снята квартира на улице Гарнингфорд в Хэмпстеде, в северо-западной части британской столицы, бывшем бальнеологическом курорте. Постройка Северной лондонской железной дороги в 1860-х годах облегчила связь с центром города, и Хэмпстед стал застраиваться дорогими домами. Здесь жили многие представители лондонской элиты, научные светила и известные художники. Автомобиля Милюков не приобрел — это было для него слишком дорогое удовольствие, — но по городской железной дороге легко добирался до центра, а во многих случаях за ним присылали машину организаторы мероприятий.

Многолетний журналистский опыт, писательский дар, организаторские способности и навыки руководства крупными периодическими изданиями уже с первых месяцев эмиграции обеспечили Милюкову одно из ведущих мест в русской заграничной прессе.

Правда, первое издание, которым он руководил за пределами России, не было русскоязычным. Фактически сразу же после приезда в Лондон в самом конце 1918 года он приступил к выпуску еженедельного журнала

«The New Russia» («Новая Россия»), предназначенного для западной публики. По всем доступным источникам, прежде всего по свидетельствам оказавшихся в Лондоне очевидцев, в журнале освещались политика правительства Ленина, ход Гражданской войны, деятельность антибольшевистских государственных учреждений в Поволжье, Сибири, на Урале, Северном Кавказе и т. д.

Используя старые связи, установленные во время прежних поездок в Великобританию, Павел Николаевич встречался с депутатами парламента, деятелями Консервативной и Либеральной партий, представителями культуры, убеждая их активизировать поддержку сил, которые вели борьбу против правительства Ленина. В такого рода беседах обычно не обсуждалась необходимость установления в России временного диктаторского режима — Милюков хорошо знал, что и где следует говорить.

Довольно быстро Павел Николаевич установил связь с русскими эмигрантами, жившими в других странах. Он стал получать письма из Финляндии, Чехословакии, Германии, Франции, даже из Египта^{767}.

В Лондоне для западного читателя была опубликована брошюра Милюкова «Большевизм как международная опасность». Отмечая, что большевики пришли к власти в значительной степени благодаря «немецким деньгам», он одновременно подчеркивал, что Ленина и его сторонников никак нельзя считать германскими шпионами, поскольку они ставили и решали не германские, а собственные задачи. Автор призывал не недооценивать опасность большевизма не только для России, но и для других стран. Лучший способ одержать победу, убеждал он, — это не представлять своего противника слишком слабым и легкомысленным. «Я предпочитаю видеть своего врага в самом лучшем свете, чтобы глубже понять и вернее сокрушить его»^{768}.

В британской столице Милюков продолжал переговоры с социалистическими участниками делегации, начатые еще в дороге. Под их влиянием Павел Николаевич шел на определенные компромиссы: постепенно отказывался от упований на военного диктатора, возвращался к идее сравнительно быстрого демократического преобразования России после ликвидации власти большевиков. В отличие от меньшевиков и эсеров, он считал маловероятным приход к власти «небольшевистских сил» в результате внутренних процессов, всё еще возлагал надежды на внешнее вооруженное вмешательство, но и по этим вопросам у него зарождались и постепенно созревала сомнения.

Трудоспособность Павла Николаевича, которому шел уже седьмой десяток, оставалась исключительно высокой, каждый день был расписан буквально по минутам. Ежедневно у него были по крайней мере две официальные встречи, а иногда и значительно больше.

Лондон стал местом бурного всплеска общественной активности Милюкова. Прагматики-британцы «позабыли» киевский период его деятельности. Довольно быстро отношение к нему стало изменяться и во Франции.

В Лондоне Милюков встречался с парламентариями, членами правительства, руководителями общественных организаций, журналистами, читал лекции, посещал колледжи и даже гимназии. Информацию обо всех этих мероприятиях он исправно заносил в дневник. Например, утром 15 января 1919 года он дал обширное интервью корреспонденту авторитетной «Вестминстер газетт», связанной с правящей либеральной партией, а вечером в Национальном клубе этой партии состоялся его доклад. Милюков доказывал слушателям, что большевики, долгое время именовавшие себя социал-демократами, не социалисты и не демократы, их власть опирается на крайне узкий социальный базис и «поддерживается насилием, худшим, чем при самодержавии». Он выразил разочарование в связи с недопущением России на Парижскую мирную конференцию (естественно, речь шла не о Советской России, а об эмигрантах). Доклад был благожелательно прокомментирован лондонской прессой^{769}.

Весьма ответственное выступление состоялось 20 февраля в Кембриджском университете. Накануне высказывались опасения, что будет мало слушателей, так как предполагалась очень плохая погода. Действительно, сильный дождь с ветром соответствовали прогнозу, но большая аудитория была переполнена не только студентами и преподавателями, но и другими людьми, пришедшими взглянуть на бывшего видного русского политика и послушать его мнение по вопросам, считавшимся судьбоносными. Лекция была посвящена сопоставлению теории большевизма (его «интернационального лица») с его практикой («русским лицом»). Лекция, по его оценке, встретила горячий прием^{770}. Впоследствии Милюков еще неоднократно, на базе нового материала, читал лекции о теории и практике большевизма.

Через британских официальных лиц и их представителей при антибольшевистских формированиях на территории России Павлу Николаевичу удалось установить связь с командованием Вооруженных сил

Юга России, прежде всего с главнокомандующим генералом Деникиным. В нескольких письмах и телеграммах Милюков высказывал свое мнение о ситуации в районах, находившихся под управлением Белой армии. Например, 8 октября 1919 года он телеграфировал, что поступает информация о насилиях деникинцев над еврейским населением, и убеждал в необходимости публичного осуждения такого рода инцидентов, для чего можно было бы использовать западную прессу^{771}.

В свою очередь, на конференции кадетов в Омске в мае 1919 года (там в это время власть принадлежала адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, провозглашенному Верховным правителем России) было объявлено, что Милюков подробно ответил на направленные ему в Лондон вопросы: предложил признать правительство Колчака, сохранить свободу рук в отношении только что созданной Лиги Наций, отстаивать единство России в довоенных границах, за исключением Польши и Финляндии^{772}.

Тем временем к началу 1920-х годов становилось ясно, что вооруженная борьба против власти большевиков успехом не увенчалась, что на территории страны утвердилась советская власть, а правительство Ленина, в 1921 году пошедшее новой экономической политикой на хозяйственные уступки капиталистическим элементам и особенно крестьянству, отнюдь не смягчает политический курс. Рядясь в тогу диктатуры пролетариата, оно укрепляло власть партии большевиков, ликвидируя остатки многопартийности, организовав судебный процесс над лидерами эсеров и изгнав за границу наиболее видных меньшевиков. Милюков понимал, что попытки убедить правительства стран Антанты предпринять против Советской России более активные действия остаются втуне. Оказав лишь незначительную военную помощь белым армиям, правительства Великобритании, Франции, США, Японии вскоре отзывали свои войска из России, а затем стали прощупывать возможности установления с большевистской властью «деловых отношений».

Такое поведение союзников отнюдь не радовало Милюкова. В письмах он сдержанно, но вполне определенно осуждал «практицизм» британских и французских властей и хозяйственных структур. Он писал руководителям Всероссийского национального центра — межпартийной антибольшевистской организации, действовавшей на территориях, контролируемых белыми генералами, а также подпольно в тылу Советской России: «Теперь выдвигается в более грубой и откровенной форме идея эксплуатации России как колонии (подчеркнуто Милюковым. — Г. Ч., Л. Д.) ради ее богатств и необходимости для Европы сырых материалов»^{773}.

О всё более пренебрежительном отношении руководителей Антанты к «белой России» Милюков мог судить по попытке правительства США, поддержанного властями Великобритании и Франции, организовать встречу всех «русских правительств» на турецком острове Принкипо в Мраморном море (встреча сорвалась), по отказу в допуске представителей Колчака и Врангеля на Парижскую мирную конференцию и т. д.

Перед Милюковым в этих условиях вставали две взаимосвязанные задачи — определить свое отношение к советско-большевистскому режиму и в то же время выяснить положение русских эмигрантов и свое собственное в политической структуре многочисленных эмигрантских организаций.

Павел Николаевич внимательно следил за высказываниями видных представителей кадетской эмиграции. Большинство бывших руководителей кадетской партии в начале 1920-х годов обосновались в Берлине, их признанным лидером стал В. Д. Набоков, перебравшийся из Лондона в Париж, а затем в столицу Германии. В прошлом один из ближайших милюковских соратников, теперь он вел себя как новый руководитель партии, которая, впрочем, существовала скорее в воображении ее эмигрировавших членов. Набоков многократно выступал в ежедневной газете «Руль», которую стал издавать в 1920 году совместно с И. В. Гессеном. Одновременно было образовано русское издательство «Слово», начавшее публикацию задуманного Гессеном многотомного «Архива русской революции».

Однако газета «Руль» не являлась партийным органом. Набоков стремился добиться единства русской эмиграции, прежде всего сплочения самих кадетов, а затем их фактического объединения с правыми монархистами^[774].

Милюков с некоторой ревностью относился к лидерским устремлениям Набокова, но выписывал «Руль» и одобрял замысел Гессена начать издание «Архива русской революции» — публикации документов и мемуаров представителей различных течений российской политической и общественной мысли. В 1921 году он приветствовал появление первого тома этого издания, справедливо предрекая ему исключительную историческую важность.

В апреле 1920 года Павел Николаевич ездил в Париж, где пытался подготовить встречу представителей различных течений эмиграции для выработки общей платформы. Эти усилия не увенчались успехом. Он констатировал: «Наступает очень трудный момент. Антибольшевистская

Россия может разделиться на деникинцев и врангелевцев»^{775}.

Милюков возвратился из Парижа в отнюдь не радостном настроении. И всё же, имея в виду, что столица Франции оставалась центром русской эмиграции, прежде всего ее культурной элиты, он стремился перебраться туда окончательно, тем более что, судя по апрельской поездке, французские власти теперь относились к нему более или менее благожелательно.

Будни в Париже. Зарождение «новой тактики»

В октябре 1920 года Милюков переехал в Париж. С этого времени Франция стала постоянным местом пребывания начавшего стареть, но еще бодрого политика, всё более превращавшегося в публициста и организатора прессы. Его жене удалось при помощи украинских деятелей, а затем офицеров Антанты перебраться из Киева вначале в Севастополь, где она некоторое время служила в ведомстве иностранных дел гражданской администрации генерала Врангеля, а затем в Лондон. Анна Сергеевна оставалась там до января следующего года, занятая в основном отправкой в Париж имущества, библиотеки и архива^{776}.

Милюков понимал, что скорое возвращение на родину ему не светит, поскольку власть большевиков укрепляется. Они с Анной Сергеевной жили скромно, но имели возможность не отказывать себе в том, что считали естественными потребностями для любого интеллигентного человека. Средства поступали в виде гонораров за издания и переиздания его произведений, новые газетные и журнальные публикации. По всей видимости (хотя достоверные сведения отсутствуют), у него были весомые счета в западных банках, открытые еще во время предыдущих поездок. Они могли позволить себе снять в Париже удобную квартиру.

Правда, на первое время Милюковы остановились у знакомых. Н. Г. Думова полагает, что они жили полуконспиративно, опасаясь покушения правых монархистов^{777}. Однако Павел Николаевич не скрывался, много выступал и разъезжал и, судя по всему, никаких опасений, по крайней мере в то время, не испытывал.

На новую квартиру Анна Сергеевна и лондонские знакомые отправили не менее двадцати ящиков с имуществом, приобретенным в Великобритании, и, главное, рукописи и личный архив^{778}.

Единственная роскошь, которую Милюковы позволили себе, был дорогой рояль. Обычно на его крышке лежала также купленная в Париже

скрипка. Иногда Павел Николаевич играл для себя, реже супруги исполняли инструментальные дуэты. Как и в предыдущие годы, Милюков был до предела занят общественными делами, и выкроить время на музицирование было очень сложно, но всё же он с женой регулярно посещал оперные спектакли, премьеры в драматических театрах, концерты, особенно русских актеров — эмигрантов, а также приезжавших на гастроли из Москвы.

Павел Николаевич был регулярным участником приемов и благотворительных вечеров, устраиваемых представителями французской элиты. Разумеется, он не мог вносить крупные пожертвования в благотворительные фонды, но присутствие эмигрантской знаменитости привлекало людей имущих, плативших немалые деньги за возможность участвовать в престижных мероприятиях и заодно поглазеть на бывшего российского либерального министра.

С первых месяцев жизни в Париже Павел Николаевич выступал с публичными лекциями. Наибольшее удовлетворение доставляло ему чтение цикла «История цивилизации в России»^{779}.

Между прочим, ряд авторов, в том числе близкий к Милюкову Дмитрий Иванович Мейснер, в воспоминаниях отмечают, что и в весьма почтенном возрасте он оставался дамским угодником и пользовался успехом не только у русских эмигранток, но и у супругов французских политических деятелей и бизнесменов^{780}.

Милюковы отнюдь не бедствовали, даже отдыхали в Ницце и приобретали недвижимость. Марина Цветаева, проводившая лето 1935 года с маленьким сыном на атлантическом побережье, сообщала в одном из писем: «Сняли мансарду... В Faviere несколько русских вилл, между прочим — две милюковских, обе заколоченные»^{781}.

Однако в центре внимания Милюкова оставалась политическая жизнь эмиграции.

Павел Николаевич был одним из инициаторов создания организации, назвавшей себя Советанием членов Учредительного собрания, куда входили в основном кадеты и эсеры, включая Керенского и Чернова. Милюков предостерегал от объявления Советания зарубежным российским государственным органом: «Рамки его представляются... недостаточно широкими для создания исключительно из его среды представительства, достаточно авторитетного, чтобы устранить необходимость всяких других попыток в этом направлении».

Сам он присутствовал на подготовительных встречах и первом

заседании 8 января 1921 года, но, как видно из документов Совещания, не играл в нем руководящей роли (председателем был избран эсер Н. Д. Авксентьев), войдя лишь в комиссию по повестке дня. Однако 19 января он от имени конституционалистов-демократов выступил с декларацией, которая дает отчетливое представление о его позиции. Помимо небольшой группы кадетов, участвовавших в Совещании, его никто не уполномочивал представлять партийные взгляды, поэтому неудивительно, что Набоков и другие члены берлинской группы были недовольны^{782}.

Позиция Милюкова их озадачила и даже возмутила: ранее оправдывавший участие кадетов в активной вооруженной борьбе против большевистской диктатуры, теперь он возлагал надежду на мирную позитивную эволюцию государственного строя в России. Так начинал зарождаться тот «новый курс», который, эволюционируя на протяжении 1920-х — первой половины 1940-х годов, привел Милюкова к фактическому примирению с советской системой.

В записке «Что делать после Крымской катастрофы?» Милюков ознакомил с «новой тактикой» членов парижской группы кадетов, причем недвусмысленно высказался против интервенции, за перевод эвакуированных за границу белых армий на положение беженцев, за ориентацию на внутренние процессы перерождения большевизма под влиянием народных низов, прежде всего крестьянства. Это еще более укрепило его контакты с эсеровскими деятелями^{783}.

В других выступлениях Милюков поддержал предложения об обращении к западным державам с призывами снять экономическую блокаду России и возобновить с ней торговые отношения, но высказался против заключения хозяйственных договоров, так как оно означало бы фактическое признание большевистской власти.

Само участие Милюкова в Совещании членов Учредительного собрания свидетельствовало, что теперь он считал своими естественными союзниками в борьбе против большевизма новыми средствами партию правых эсеров. На совещании группы кадетов в Париже 20 января 1921 года он заявил: «Кардинальный вопрос — это завязать объединение с эсерами. Все остальные вопросы — вопросы техники. Желание такого объединения искренно с обеих сторон, и неправильно считать, что оно явится только фикцией»^{784}. Разумеется, в этих словах было немало преувеличение, но, похоже, Павел Николаевич действительно верил в возможность создания с эсерами единой организации, за что в дальнейшем вел борьбу на протяжении полутора десятилетий.

Отчасти рекомендации Милюкова были приняты Совецанием. Возобладали, однако, более левые установки эсеров, возлагавших утопические надежды на то, что российское крестьянство скажет решающее слово и принудит большевиков к сдаче позиций.

Участовавшие в Совецании представители национальностей высказались против проповедуемой Милюковым установки на единую, хотя и федерализованную Россию. Действительно, в употреблении им одновременно понятий единства и федерации содержались противоречия. Павел Николаевич неоднократно пытался объяснить, в чем же именно состояло его понимание неделимости России и одновременной ее федерализации, но каждый раз сосредоточивал внимание именно на целостности страны, сводя федерацию к местному самоуправлению^{785}.

Милюков не был удовлетворен результатами встреч левых и центристских членов Учредительного собрания и откровенно выразил это в отчете о происходивших прениях, с которым выступил 25 января в кафе «Вольтер» перед парижскими членами кадетской партии: «Нет выбора. Борьбу нужно переносить внутрь России (ибо извне борьбы нет и неизвестно, когда будет, а если будет, то на унижительных условиях и реставраторская), а внутрь нельзя идти с персоналом и политикой Врангеля»^{786}.

Так или иначе, не столько собственная партия, сколько Совецание членов Учредительного собрания стало на недолгое время фундаментом, на который опирался Милюков в агитационной работе. Проявилось это прежде всего в поездке в США, где он по поручению Совецания находился с ноября 1921 года по февраль 1922-го. Интересно, что билет на пароход был в порядке исключения куплен за счет средств Американской администрации помощи — организации, финансировавшей помощь населению европейских стран, пострадавших от мировой войны^{787}.

Здесь он чувствовал себя в своей стихии. Помня предыдущие поездки Милюкова, центральные и местные американские власти по-прежнему представляли его влиятельным государственным деятелем, хотя было ясно, что он был всего лишь эмигрантом. И у Милюкова, и у его гостеприимных хозяев была весьма сильна надежда, что большевизм в скором времени рухнет в результате внутренних противоречий, Россия возвратится на буржуазный путь, а сам он станет одним из ее руководителей.

Выступал Павел Николаевич в Нью-Йорке, Вашингтоне, Бостоне, Детройте, Кливленде в крупнейших залах, заполненных публикой. Эти лекции затем были исправно собраны и опубликованы в виде книги

«Россия сегодня и завтра»^{788}. В прессе появились хвалебные отзывы, в которых подчеркивалось, что автор надеется на сравнительно скорое восстановление в России демократического порядка.

Особое внимание в сборнике было уделено провалу попыток развязать мировую революцию при помощи крохотных коммунистических партий, создававшихся на советские средства. Приводились многочисленные доклады агентов Коминтерна из различных стран, признававших, что «непосредственная революционная ситуация» миновала, капитализм восстанавливает силы и «стабилизируется».

По-видимому, по рекомендации французских знакомых Павел Николаевич установил контакт с американским танцовщиком и балетным режиссером российского происхождения Адольфом Больмом, за творчеством которого следил в течение ряда лет. Он передал партнеру Анны Павловой, работавшему теперь в театрах Нью-Йорка, Чикаго и других городов, подарки и приветы из Парижа, в частности от своей юной почитательницы Ольги Левинсон, от которой получал письма и в США^{789}.

Еще до этой поездки Милюкову удалось взять под свой контроль газету «Последние новости», незадолго до этого начавшую выходить в Париже. Она была основана при материальной помощи Торгово-промышленного и финансового союза, в том числе члена его совета, юриста и предпринимателя М. С. Залшупина, председателя правления Французского банка для славянских стран^{790}.

Первый номер «Последних новостей» увидел свет 27 апреля 1920 года под редакцией адвоката и журналиста М. Л. Гольдштейна, ранее выпускавшего в Петрограде «Вечернее время». Первоначально новая газета была исключительно информационной, не имела никакого политического лица. Однако менее чем через год Гольдштейн, утративший к изданию интерес, сравнительно дешево продал его группе членов кадетской партии (Винаверу, бывшему депутату Госдумы от Донского края Василию Акимовичу Харламову и др.). Милюков, выступавший в газете еще в то время, когда ею руководил Гольдштейн, теперь стал ее главным редактором^{791}.

Первого марта 1921 года газета вышла под руководством Милюкова. Смена главного редактора сразу же отразилась на политической ориентации издания. Дон Аминадо констатировал: «Осведомительный нейтралитет был немедленно сдан в архив, газета получила определенный облик... республиканско-демократическое направление»^{792}.

В 1924 году газета стала органом образованного в июне Республиканско-демократического объединения (РДО), которое фактически возглавил Милюков. Хотя Павел Николаевич не объявил, что порывает с кадетской партией, со времени образования РДО он почти прекратил формальные связи с кадетскими организациями за рубежом.

Новый курс Милюкова стал хорошо известен высшим руководителям Советской России. Ими был предпринят пробный ход — через подставных лиц Милюков стал получать сведения, что в случае возвращения на родину ему была бы предоставлена почетная, уважаемая должность. Такой вариант был отвергнут решительно. 21 сентября 1923 года Павел Николаевич писал Е. Д. Кусковой: «Для меня Совдепия не арена для деятельности, а именно тюрьма, даже и при самом хорошем обращении сторожей, в котором, однако, сомневаюсь, потому что уверен, что не заслужу его»^{793}.

Республиканско-демократическое объединение

Само же РДО возникло именно по инициативе Милюкова, стремившегося сплотить сторонников своей «новой тактики», в основе которой лежал расчет на внутреннее перерождение большевистского режима. Они имелись среди русских эмигрантов в различных странах. Парижский центр, который Милюков назвал Республиканско-демократической группой Партии народной свободы^{794}, постепенно приобретал «партийную периферию» во французской провинции, а также в Берлине, Лондоне, Константинополе и других городах. В некоторые группы входили не только бывшие кадеты, но и сторонники социалистической ориентации — правые эсеры, народные социалисты.

Милюков рассчитывал сблизиться с «родственными группировками» эсеров, кооператоров, казачьими, студенческими общедемократическими организациями. Еще летом 1922 года по проекту высланных из России Е. Д. Кусковой и С. П. Прокоповича в Берлине был образован Республиканско-демократический союз, поддержанный Милюковым. В 1924-м в связи с переездом Кусковой и Прокоповича в Чехословакию деятельность союза была перенесена в Прагу. От него и подобных ему организаций Милюков требовал налаживания сотрудничества с эсерами, «выделения социалистических групп, склонных к коалиционной политике, из своих партий, подобно тому, как выделилась из Партии народной свободы демократическая группа», настаивал на активной работе. Так, 1

августа 1923 года он писал Кусковой: «Рад, что Вы вообще не отказываетесь от образования политической группы. Но Вы своей медлительностью действительно ставите меня в необходимость вести шаги по организационной работе, не дожидаясь Вас; это весьма печально...»^{795}

Стремясь наладить устойчивые связи с эсерами, Милюков обращал особое внимание на необходимость выработки четких позиций по отношению к крестьянству. Той же Кусковой он писал 27 августа 1923 года о необходимости предохранить «аграрный вопрос от народнических увлечений и «утопий», характерных для «старого кадетства», не занявшего «ту социальную позицию — защиты мелкого и среднего крестьянина, которую я считаю необходимой сохранить, ибо только она соответствует демократическим тенденциям старой партии и ее нового продолжения — нашей группы»^{796}.

Именно свою группу Милюков считал подлинно демократической, мотивируя тем, что она стремилась не отрываться от реалий внутреннего развития России. После нескольких неудачных попыток создания «демократического объединения» или «демократического блока» беспартийное РДО стало тем политическим инструментом, через который Милюков стремился пропагандировать свои идеи.

РДО, судя по документам, располагало значительными финансовыми возможностями — пользовалось поддержкой американских благотворительных фондов (в частности фонда Рокфеллера), французских либералов, а также распоряжалось некоторыми суммами, переведенными Временным правительством в зарубежные банки^{797}.

В основе деятельности РДО лежал курс на внутреннее разложение большевистской власти. Его активный член, бывший правый эсер, а затем кадет, писатель Михаил Андреевич Осоргин заявлял о необходимости стимулирования «закулисной» деятельности внутри России: «Нэповский «экономический Брест большевизма» придал деятелям этой закулисы уверенность в том, что сама спонтанная жизнь страны будет исподволь подтачивать основы большевистских порядков в обществе... Да, там тюрьма. Но отсюда решеток ее не перепилишь, дверей не выломаешь. Там же, на месте, много копошится у стен ее зубастых крысенок, ходы роют, балки и скрепы грызут — повалят когда-нибудь и эту бастилию. И говорю я это не о какой-нибудь специфически революционной работе, имеющей свалить таких-то у власти и посадить на их место таких-то, а просто о жизни, о настоящей большой и малой культурной работе, об укреплении мощи и сопротивляемости народной, о работе на благо страны. Там и

робкий заглушенный голос — борьба, а здесь потоки негодующих слов — папиросный дым на ветру»^{798}. Милюков одобрил эту позицию, отметив, что доводам Осоргина «нельзя отказать в значительной доле справедливости»^{799}. Такой курс, называемый эмигрантами «обволакиванием» большевистской власти, многие из них рассматривали как наиболее целесообразный путь подготовки ее крушения.

Благодаря активности Милюкова и близких к нему деятелей РДО это движение смогло развернуть значительную издательскую деятельность: было опубликовано свыше двух десятков книг и брошюр, главным образом пропагандистского характера^{800}, в том числе несколько книг самого Павла Николаевича, включая «Эмиграцию на перепутье», «Национальный вопрос», «Республика или монархия?». Да и газета «Последние новости» в течение некоторого времени рассматривалась Милюковым как орган РДО — во всяком случае, он заявлял, что занял пост ее главного редактора именно для пропаганды идей РДО^{801}.

В действительности, однако, «Последние новости» никогда не были узкогрупповым изданием. Став главным редактором, Милюков приложил все силы, чтобы превратить его в уважаемый печатный орган преимущественно непартийного, информационно-аналитического характера с широким освещением проблем культуры, науки, общественной жизни и качественным художественным отделом.

В 1929 году он принимал активное участие в попытке создать на широкой межпартийной основе эмигрантский Комитет по сбору денег в фонд печати. Переговоры координировал эсер Андрей Александрович Аргунов, живший в Чехословакии, но выезжавший в другие страны. В Комитет предполагалось включить Марка Алданова, Бориса Зайцева, Николая Авксентьева, Сергея Мельгунова и других представителей разных общественных течений и видных деятелей культуры^{802}. Судя по тому, что переписка по этому поводу заглохла, не успев развернуться, из затеи ничего не вышло.

С первых лет существования РДО в его рядах зрело желание превратить объединение в политическую партию, однако Милюков и близкие к нему деятели не считали нужным форсировать этот процесс, полагая, что новая республиканско-демократическая партия должна быть создана уже на родине. Поэтому платформа, принятая еще в 1922 году, не предусматривала преобразование РДО в партию в близкой перспективе^{803}. Но время шло, сроки возвращения становились всё более неопределенными. В этих условиях Милюков на общем собрании РДО 11

марта 1933 года объявил о тенденции «постепенного превращения РДО в открытую политическую партию». Однако было ясно, что деятельность РДО не имеет серьезных перспектив — добиться массового вовлечения в свои группы непартийных демократических сил ей так и не удалось. Объединение постепенно захирело и без объявления о самороспуске прекратило существование^{804}.

По данным М. В. Соколова, Милюков участвовал в организации тайных поездок в СССР эмиссаров эмиграции, которые везли антибольшевистскую литературу, в том числе брошюры Милюкова, пытались наладить контакты с оппозиционными элементами внутри страны^{805}. Средства на нелегальную работу предоставляли власти Польши и Чехословакии. В 1924 году в Праге Милюков участвовал в совещаниях с ответственными чиновниками, в частности, по вопросу о финансировании секретных поездок. Однако вскоре он убедился, что агенты были некомпетентны, быстро оказывались в руках чекистов, и с досадой узнал, что даже план их отправки стал известен ГПУ. Он писал: «У меня возникли сильнейшие сомнения, следует ли осуществлять принятое нами в Праге решение»^{806}. Однако коллеги убедили его, что агентов надо продолжать засылать, и это делалось еще примерно год по существовавшим каналам, а затем от случая к случаю. Правда, организовать подпольные антисоветские группы им не удавалось — в лучшем случае они собирали информацию о внутреннем положении в СССР. Большинство агентов терпели неудачу: некоторых захватывали на границе, о других сообщали спецслужбам те, с кем они пытались установить связи. Во многих случаях агенты оказывались просто авантюристами, которые тратили предоставленные им средства, вели благополучный образ жизни в соседних с СССР странах, даже не предпринимая усилий для перехода границы. Об этом можно судить, в частности, по письмам, которые Милюков получал от М. С. Аджемова (он занимался засылкой агентов «по совместительству», являясь юридическим посредником французских коммерческих фирм), а также по отчету агента Борисова, пытавшегося оправдать расходование немалых денежных средств на поездку в Таллин (по привычке город был назван Ревелем), а затем, после провала попытки перейти советскую границу, на обратный путь через Штеттин в Париж^{807}.

В 1929 году Милюков вновь мрачно комментировал один из таких случаев: «Уже не в первый раз я задаю себе вопрос: стоит ли овчинка выделки?»^{808} К началу тридцатых годов засылка агентов в СССР

окончательно прекратилась. Это было одним из свидетельств нереалистичности расчетов Милюкова на создание в СССР эффективно действующей подпольной оппозиции.

Стремясь как можно теснее сплотить левую и центристскую части эмиграции (хотя подчас он сам выступал инициатором если не раскола, то ухудшения отношений с эмигрантскими группами), Милюков в начале 1920-х годов установил связь с некоторыми авторитетными эмигрантами-меньшевиками. Особо важными были его встречи в Берлине с видным историком Борисом Ивановичем Николаевским, с которым он познакомился, по-видимому, у профессора Александра Семеновича Яценко, издававшего в германской столице журнал «Русская книга»^{809}.

Николаевский, которого Милюков высоко ценил как вдумчивого коллегу и зоркого политического наблюдателя, отвечал ему сдержанной симпатией, видя его существенные недостатки и как личности, и как политолога-журналиста. Их первая содержательная беседа состоялась в самом начале 1927 года, когда Милюков приехал с лекциями в Берлин. Встречу организовал их общий старый знакомый Борис Исаакович Элькин, сотрудничавший в газете Милюкова (через много лет Элькин станет его душеприказчиком и одним из редакторов его воспоминаний). Николаевский писал другому видному меньшевистскому деятелю Ираклию Георгиевичу Церетели 13 января 1927 года, что Милюков подробно рассказал ему о борьбе внутри кадетской фракции Госдумы: «Этот рассказ существенно дополняет мои сведения, освещая события с иной стороны».

Милюков поведал Николаевскому, что РДО издало и нелегально переправило в Россию брошюру для крестьян, которую «с руками рвут». Николаевский, однако, скептически отозвался о «легкомысленном отношении» Милюкова к перспективам событий в России: «Он к весне ждет восстаний крестьянских и верит в существование мощно раскинувшегося по Руси Всероссийского крестьянского союза». «И всё же, — сообщил Николаевский в письме Церетели, — впечатление от него неплохое, почти бодрое. Мне кажется, что объяснение этому нужно искать в успехах «Последних новостей» среди эмигрантов. Здесь он чувствует почву под ногами... И газета, действительно, становится очень неплохой во всех смыслах»^{810}.

Церетели ответил: «Ваши впечатления от Милюкова очень интересны, и сопоставляя с моими собственными прежними впечатлениями то, что Вы теперь пишете, я хорошо себе представляю его настроение. Влияние большинства политических лидеров держится на их собственной

уверенности в самих себе и в близком успехе их дела. Одни добросовестно имеют обе эти веры, другие делают вид, что имеют. Второй тип очень распространен в восточных странах, но Милюков, по моим впечатлениям, принадлежит к первому типу. И при всей его учености я его в моральном отношении всегда ставил выше, чем в интеллектуальном»^{811}.

Действительно, Милюков искренне верил в свою правоту — даже тогда, когда круто менял позицию и союзников, а лидерских амбиций ему было не занимать. Впрочем, в другом письме Церетели давал ему более критическую оценку — правда, только в связи с его книгой «Национальный вопрос: Происхождение национальности и национального вопроса в России», вышедшей в Праге в 1925 году. Николаевский же и позже продолжал считать Милюкова «приличным демократом-эмигрантом». Они вновь встретились в 1929 году в Берлине, причем Милюков поведал, что к нему специально приезжали представители Лейбористской партии Великобритании, чтобы получить сведения о первом секретаре советского полпредства во Франции Григории Зиновьевиче Беседовском^{812}, ставшем в 1929 году невозвращенцем. Таким образом, Милюкова считали весьма компетентным экспертом в советских делах.

Всё это свидетельствует о правоте М. В. Вишняка, писавшего: «П. Н. Милюков был комбативной (то есть боевой. — Г. Ч., Л. Д.) и твердой натурой. Политике он подчинял личные отношения и не прощал несогласия с ним — особенно тем, кого считал себе близким. Он воспринимал такое несогласие как бунт или восстание против себя или даже как измену или злоупотребление доверием. Через всю жизнь пронес он неприязненное отношение к социализму. Это не мешало ему иметь друзей среди умеренных социалистов... и нередко искать соглашения и коалиции с социалистическими группировками»^{813}.

Глава вторая

НОВАЯ ПОЛИТИКА И «ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ»

Изменение отношения к Советской России

и связанные с ним конфликты

Главная задача, которая была в начале 1920-х годов поставлена Милюковым перед своими сторонниками и прежде всего перед самим собой, — разработать основы, а затем и детали новой политики по отношению к Советской России и попытаться убедить в ее правильности как можно более широкие круги эмигрантов.

Сам Милюков продолжал называть этот комплекс идей «новой тактикой», но, по существу дела, речь шла о новой политике, даже о новой стратегической линии. Он медленно, постепенно приходил к выводу, что большевики утвердились в России всерьез и надолго, что им удалось привлечь на свою сторону основную часть рабочих, а после введения нэпа — и большинство крестьянства, что оставшаяся в стране интеллигенция принимает, хотя и со скрипом, реалии новой власти, что тайные организации внутри страны почти полностью разгромлены, а уцелевшие превратились в замкнутые группы, которые ограничиваются малоэффективными попытками разоблачения отдельных мероприятий новой власти, главным образом распространяют слухи и антибольшевистские анекдоты. Таким способом, без крупных экономических, социальных, политических, международных потрясений разрушить советскую систему было невозможно. Более того, становилось понятно, что и в случае отстранения большевиков от власти необходимо будет создавать новую Россию на имевшейся базе, совершенно не соответствовавшей планам, которые ранее строили либеральные силы.

Некоторые эмигранты, по-прежнему считавшие русский большевизм «дьявольским наваждением», отрицательно относились к бурным дискуссиям, развернувшимся между Милюковым и его оппонентами. К примеру, известная в прошлом кадетская деятельница А. В. Тыркова-Вильямс в ноябре 1922 года писала философу Николаю Александровичу

Бердяеву: «Так называемая политика, т. е. споры между милюковцами и антимилюковцами, эсерами и большевиками, желание тех или других объявить себя Учредилкой... всё это волнует меня отдаленно и тупо. Я хочу России, свободной от большевиков, я их ненавижу всей душой, но я давно поняла, что они — следствие многолетнего искривления русских мозгов, главным образом интеллигентских»^{814}.

Милюков постепенно пришел к убеждению, что следует решительно отказаться от любых попыток разгромить большевистскую власть силой оружия, и теперь настаивал на признании основных результатов Октябрьского переворота и мероприятий большевиков: республиканского строя, федеративного устройства, решения аграрного вопроса путем распределения земли между крестьянами.

Из положений нового курса Милюкова проистекал главный практический вывод: надо отказаться от сохранения белой армии за рубежом, распустить еще сохранявшиеся воинские части, ликвидировать военные эмигрантские организации, перевести солдат и офицеров на положение беженцев, содействовать возвращению рядовых эмигрантов на родину на основании декрета об амнистии, принятого в Москве в ноябре 1920 года в честь третьей годовщины Октябрьской революции.

Свою новую линию Милюков всё более активно пропагандировал на собраниях эмигрантов и в печати. В 1922–1923 годах он посетил ряд городов Франции, побывал в Германии и Чехословакии, где выступал с лекциями, которые были частично изданы отдельными брошюрами или публиковались в эмигрантской печати. В Праге он говорил: «Интеллигенция должна научиться смотреть на события в России не как на случайный бунт озверелых рабов, а как на великий исторический переворот, разорвавший с прошлым раз навсегда»^{815}. В то же время Милюков считал, что социально-экономическая и политическая система Советской России нежизнеспособна и должна будет в силу реальных потребностей эволюционировать, приспособиться к объективным законам рынка, усилившим свое действие при нэпе, хотя и в искаженном виде. Теперь он возлагал главные надежды на крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения России. Носители рыночных отношений — сельские производители — представлялись ему наиболее последовательными выразителями народной, в основе антибольшевистской стихии.

Новые взгляды Милюкова встретили осторожную критику со стороны бывших кадетов и других представителей либеральной эмиграции и

ожесточенные нападки правых военно-монархистских группировок, из среды которых стали распространяться лживые слухи о его тайном сотрудничестве с большевиками. Такая враждебная кампания однажды даже привела к покушению на его жизнь.

В конце марта 1922 года Милюков приехал в Берлин для выступления перед эмигрантами по случаю пятой годовщины Февральской революции. Остановился он у своего старого знакомого, в прошлом активного деятеля кадетской партии, адвоката Бориса Исааковича Элькина. (Тот на протяжении ряда лет оказывал ему разнообразную помощь: снабжал новейшими изданиями на русском языке, которые в Берлине были в двадцатые годы более доступны, чем в Париже; от его имени передавал через советских граждан, приезжавших в Берлин, деньги для поддержки преследуемых в России коллег и знакомых. Посредницей в СССР часто выступала Прасковья Семеновна Ивановская — сестра жены В. Г. Короленко, активный деятель Политического Красного Креста^[816].) Доклад состоялся 28 марта в одном из крупнейших залов германской столицы Оберлингхалле — главном зале филармонии. Вход был платным, собранные средства предназначались голодающим Поволжья. В зале присутствовало около 1200 человек, не для всех нашлись места, многие стояли возле стен и колонн. Послушать Милюкова собрались сливки русской эмиграции в Берлине — от эсеров и меньшевиков до правых монархистов. Естественно, присутствовали бывшие кадетские деятели. Старым соратникам Милюкова В. Д. Набокову и И. В. Гессену, решительно отрицавшим «новую тактику», но продолжавшим с уважением относиться к Милюкову за его большие заслуги перед российской демократией, были забронированы места в первом ряду. Набоков, в то время один из руководителей антисоветского Русского национального союза, выступил на его учредительном съезде в июне 1921 года с докладом «Идейные основы борьбы против большевизма».

Нам неизвестно, на основании каких источников Н. Г. Думова утверждает, что Милюков приехал в Берлин по приглашению Набокова^[817]. С учетом ухудшения их отношений это утверждение представляется недостоверным. По всей видимости, Берлин просто входил в лекционный тур Павла Николаевича. Тем не менее в этот день в газете, издаваемой Набоковым, появилось приветствие Милюкова, которое, по словам И. В. Гессена, «дышало надеждой на восстановление былого дружеского согласия»^[818]. Действительно, и Милюков, и Набоков весьма сожалели о политических расхождениях. Когда Милюков незадолго до

описываемых событий стал редактором «Последних новостей», Набоков послал ему приветствие, адресованное «другу-противнику»: «По сравнению с тем многолетним прошлым, которое связывает нас с Милюковым... эти наши последние расхождения, как бы серьезны они ни были, всё-таки получают эфемерное значение»^{819}.

Достижение «дружеского согласия» было, однако, делом почти утопическим, по крайней мере в условиях того времени. Да и сам доклад Милюкова, несмотря на объявленную тему, был посвящен обоснованию «новой тактики»^{820}. В центре внимания находился вопрос о форме государственного устройства России — лектор стремился аргументировать свой решительный переход на республиканские позиции. Монархисты, совершившие на него покушение, поняли его слова так: «Пусть есть кровь и развалины в России, пусть половина населения вымерла, но завоевания революции остались. Нет места для пессимизма»^{821}.

Покушавшихся было двое — Петр Шабельский-Борк и Сергей Таборицкий, в прошлом члены Союза русского народа, бывшие офицеры царской армии, участники Гражданской войны на Украине, причем Шабельский-Борк был трижды ранен. В конце 1920 года они бежали в Германию, жили в Мюнхене.

Ряд материалов газеты «Последние новости» представлял следующую картину происшедшего в берлинском зале. Около десяти часов вечера Милюков закончил свою полторачасовую лекцию, которую читал, как обычно, спокойно и уверенно, и объявил, что после перерыва будет отвечать на вопросы, которые просил задавать в письменном виде. Когда он подходил к столу президиума, Шабельский-Борк, сидевший в третьем ряду, начал стрелять. Кто-то из членов президиума подскочил к Милюкову и толкнул его на пол. Вскочившего на сцену Шабельского повалили, но он смог вырваться. Когда патроны в одном пистолете закончились, он достал из кармана другой и продолжил пальбу. Всего он выпустил больше десятка пуль. На сцену бросился Набоков, схватил стрелявшего и сильно ударил по руке, в результате чего тот выпустил пистолет. В этот момент Таборицкий открыл стрельбу по Набокову. В зале возникли паника и давка, часть зрителей побежала к выходам. Слышен был крик Шабельского: «Я мщу за царскую семью!» Огнестрельные ранения получили девять человек, в том числе председатель берлинской группы кадетов Леонид Евгеньевич Эльяшев и один из редакторов газеты «Руль» Август Исаакович Каминка. В Набокова попала одна пуля, но она пронзила сердце. Он скончался на месте. Убийцы пытались скрыться, но на выходе были задержаны толпой.

Всё это, вспоминал Гессен, «потребовало не больше одной минуты»^{822}.

В других газетах, как это обычно бывает, приводились версии, различавшиеся деталями (в каком ряду сидели покушавшиеся, количество произведенных выстрелов и т. д.) — у свидетелей преступления, находившихся в состоянии стресса, складывались субъективные, порой фантастические впечатления. Одно не подлежит сомнению — это было спланированное покушение именно на Милюкова, который остался невредим лишь по счастливому стечению обстоятельств, Набоков же был убит случайно.

Таборицкий на следствии показал, что должен был убить Милюкова, если бы это не удалось Шабельскому, но считал, что тот как старший товарищ имел на это «преимущественное право». Преступники заявили следователям, что, уезжая из Мюнхена, уничтожили свою частную переписку, а перед тем как направиться в зал, где выступал Милюков, попрощались друг с другом в уверенности, что один из них или оба будут убиты.

Согласно обвинительному акту, инициатива покушения принадлежала Шабельскому, решившему убить Милюкова еще после его знаменитой речи 1 ноября 1916 года. Но скорее всего, план убийства созрел в связи с призывами Милюкова отказаться от военной интервенции против Советской России. На это, естественно, накладывались мысли, что сама большевистская власть возникла в результате «предательства» либералов, прежде всего Милюкова, и именно его действия привели к «анархии» в отечестве.

«Последние новости» утверждали, что покушавшиеся состояли в партии монархистов, съезд которой должен был начаться в те дни в Берлине. При этом газета осветила и реакцию самих монархистов во главе с бароном Михаилом Александровичем фон Таубе: они отрицали свою причастность к совершенному террористическому акту. И всё же милюковская газета акцентировала внимание на связи покушения с давними замыслами монархических кругов, причем убийство Милюкова должно было стать, по мнению ее редактора и одновременно объекта покушения, сигналом для других терактов.

Указывались, но ничем не подтверждались дата (10 марта) и место собрания в Мюнхене, на котором якобы был разработан план покушения, что должно было служить доказательством хорошей организации дела. Выдвигалась даже версия связи обоих преступников с германскими монархистами, недовольными Милюковым, критиковавшим за сотрудничество с ними крайне правые российские эмигрантские круги.

Сам же Милюков считал: «Никаких политических доказательств связи этих лиц с группой крайних монархистов в Берлине пока не имеется. Но есть основания думать, что группа Маркова-2-го, недовольная настроением более умеренных монархистов, решила в последнее время перейти к террористической деятельности»^{823}.

Процесс по делу о покушении на Милюкова и убийстве Набокова проходил 3–7 июля 1922 года в уголовном суде берлинского района Моабит. Следствие установило, что Набокова убил Таборицкий. Он был приговорен к четырнадцати годам каторжной тюрьмы за соучастие в покушении и умышленное нанесение Набокову тяжелых ранений, послуживших причиной его смерти. Шабельский-Борк, признанный виновным в покушении на убийство Милюкова с заранее обдуманном намерением, получил 12 лет каторжной тюрьмы. Других соучастников преступления следствие не выявило.

Через много лет американский историк Уолтер Лакер убедительно показал, что Шабельский и Таборицкий были «молодыми помощниками» известного деятеля российской эмиграции генерала Василия Викторовича Бискупского, уже в то время сотрудничавшего с Гитлером, а позже являвшегося доверенным лицом нацистского Министерства внутренних дел. Еще до переезда в Мюнхен они создали в Берлине организацию наподобие «черной сотни»^{824}. Оба террориста после прихода нацистов к власти были освобождены раньше срока и продолжили свою деятельность в Германии. Шабельский-Борк в 1930-х годах работал у Бискупского, в то время начальника Управления делами российской эмиграции нацистской Германии. Таборицкий в 1938 году стал помощником руководителя Русского национального союза участников войны генерала А. В. Туркула.

С момента покушения Милюков стал серьезно опасаться за свою жизнь. По неофициальным каналам, через старых знакомых в Министерстве иностранных дел Франции, он обратился к французским властям за защитой. Парижская полиция установила за Павлом Николаевичем и Анной Сергеевной «патронирующее» наблюдение по месту жительства и работы. Ничего подозрительного, однако, замечено не было. Информация самих Милюковых, «подавленных постоянным страхом», по мнению полицейского префекта, не давала оснований для продолжения наблюдения, и оно было снято^{825}.

После покушения Милюков получил массу поздравлений, свидетельствовавших, что, несмотря на занятую им политическую позицию, многие известные и рядовые эмигранты продолжали относиться

к нему с пиететом. К одному из таких писем (из Константинополя) был приложен рисунок «Птенцы реакции», изображавший мало похожего на себя Милюкова, которого с одной стороны клевал монархист, а с другой большевик, и подписью: «Они рады выклевывать глаза один справа, другой слева»^{826}.

Тем временем Милюков продолжал активно пропагандировать основы своей новой политики, стремясь убедить в ее правильности кадетские, эсеровские и другие круги в Западной Европе. На одном из совещаний он говорил: «После крымской катастрофы с несомненностью для меня выяснилось, что даже военное освобождение невозможно, ибо оказалось, что Россия не может быть освобождена вопреки воле народа. Я понял тогда, что народ имеет свою волю и выражает это в форме пассивного сопротивления»^{827}.

Он продолжал вести беседы на эту тему как с отдельными эмигрантами, так и с их объединениями. Норвежский исследователь эволюции взглядов Милюкова в эмиграции Е. П. Нильсен отмечает: ««Новая тактика» была выдвинута Милюковым, но в то же время она несомненно отражала настроения целой группы политиков из кадетской партии, которые на основе личных переживаний и опыта Гражданской войны пришли к убеждению, что методами белых генералов нельзя свергнуть большевиков, что вооруженная борьба «безнравственна и ничего не дает»^{828}.

В наиболее полном и концентрированном виде новые взгляды Милюкова изложены в 1925 году в книге «Эмиграция на перепутье», где были собраны его выступления последних лет. Пропагандируя основы новой политики, Милюков неуклонно подчеркивал, что она отнюдь не означает пассивность: оружие не следует складывать, но его надо поменять, опираться на «активные силы» внутри страны, которые могут быть противопоставлены большевизму. Он напряженно искал, но так и не смог найти и четко определить эти «активные силы», и в этом состоял основной порок новой политики. Рассчитывая на внутреннее перерождение большевистского режима, он говорил: «Я не знаю, как мы придем в Россию, но я знаю, как мы туда не придем»^{829}.

Считая необходимым продолжать борьбу против большевистского всевластия новыми средствами, он причислял к врагам и реставраторско-монархические круги, в первой половине 1920-х годов каждую зиму объявлявшие, что предстоящей весной отправятся в новый военный поход за освобождение родины.

Отвергая планы новой военной интервенции, Милюков в то же время с пиететом относился к белым генералам, находившимся в эмиграции, критикуя их реставраторские взгляды по возможности косвенно. Например, Врангеля и его армию он характеризовал как «геройски защищавших до конца идеал русского возрождения»^{830}. Но теперь, разъяснял Павел Николаевич, армия просто не может существовать — ни одно правительство не потерпит, чтобы на территории его страны функционировали иностранные вооруженные формирования. Армейские кадры армии, которые могут пригодиться новой России, необходимо сохранить, но лишь в форме эмигрантских общественных организаций. Он возлагал надежду, что после того как большевистский режим истлеет под грузом внутренних противоречий, эти кадры могут быть призваны на службу родине при условии признания ими «завоеваний революции».

Выражение «завоевания революции» было впервые употреблено Милюковым в начале 1923 года^{831}, а затем многократно повторялось в книге «Эмиграция на перепутье», вызывая резкие отклики со стороны эмигрантов-монархистов. К «завоеваниям революции» Милюков относил теперь даже федеративное устройство России, против которого решительно возражал много лет, особенно в бытность министром иностранных дел, упорно подчеркивая свою приверженность имперскому убеждению в необходимости сохранения единой и неделимой страны, считая ошибочным разделение ее по национально-территориальному принципу, поскольку «под лозунгом федерации будет вестись работа по расчленению России»^{832}. Теперь же Павел Николаевич решительно отказался от «имперской идеи», стал проповедником федерализма.

Явно под влиянием терминологии Троцкого, но с совершенно другим смыслом Милюков писал в названной книге, что в России имеет место «термидор», то есть придание революции новых аспектов, сохраняющих ее позитивные завоевания и более или менее быстро устраняющих коренные пороки. Термин был взят из истории Великой французской революции. Термидор — месяц по введенному во время революции французскому календарю (соответствует 19 июля — 17 августа). 9 термидора II года республики (27 июля) произошел государственный переворот, свергнувший тираническую власть якобинцев, после чего прекратилось массовое внутреннее кровопролитие.

Применение названия «термидор» к событиям в России носило явно механический характер и у Троцкого, и у Милюкова. Последний, однако, упорно придерживался «термидорианской» оценки и в тридцатые годы, что

давало ему внешнее логическое основание для частичного оправдания политики Сталина.

Милюков приходил к выводу о необходимости отказа от прежних догм: «Внутри России произошел громадный психический сдвиг и сложилась за эти годы новая социальная структура. В области аграрных отношений... во взаимоотношениях труда и капитала произошли такие изменения, что в Россию мы можем идти только с программой глубокой экономической и социальной реконструкции»^{833}.

Однако эта новая установка не пользовалась большой популярностью. К ее автору в левых эмигрантских кругах относились с уважением, в основном памятуя его прошлые заслуги, однако в создаваемые им организации вступало лишь небольшое число сторонников. Так, численность Республиканско-демократического объединения не превышала нескольких десятков членов. Николай Платонович Вакар, который с 1924 по 1940 год был постоянным сотрудником «Последних новостей», заведовал отделом информации, являлся секретарем редакции и главной опорой Милюкова как в газете, так и в других сферах деятельности, после смерти своего шефа признавал: «Ни один политический лидер, кажется, не имел такого малого числа постоянных сторонников, как Милюков»^{834}. Он был не совсем прав — в том смысле, что и другие группировки эмигрантов были микроскопическими, сколько-нибудь значительного единого течения среди них не возникло.

Павел Николаевич испытывал досаду от непонимания и раздражение из-за того, что против нового курса, который он осторожно называл «новой тактикой», продолжали выступать его старые ближайшие соратники по партии. При этом они часто ссылались на позицию В. Д. Набокова, обычно упоминая, что тот отдал жизнь, стремясь защитить Милюкова от рокового выстрела. Именно члены берлинской группы бывших кадетов, которой ранее руководил Набоков, наиболее резко критиковали теперешние взгляды Милюкова.

Милюков глубоко переживал гибель давнего соратника. В статье, подготовленной для «Последних новостей», он писал: «Для меня назначались эти пули, но я жив, а ты лежишь без дыхания. Маленькая красная точка под сердцем, две таких же на спине. Три пули, выпущенных безумным фанатиком, — вот всё, что было нужно, чтобы разбить тонкий изящный сосуд из драгоценного сплава и превратить его в недвижную массу. Ты хотел удержать руку убийцы и пал жертвой твоего благородного жеста... Вечная память тебе, мой старый друг, испытанный друг. Место

твое в памяти поколений за тобой обеспечено, и если ты не можешь больше служить родине твоей мыслью и волей, то сама смерть твоя, достойная тебя, пусть раскроет глаза безумцев на бессмысленность их ослепления, а всей русской общественности — на необходимость морально изолировать эти подобные продукты догнивающей среды. Никто не застрахован от случайного удара фанатика, но пусть вчерашний урок покажет этим людям ничтожество и обратный желаемому смысл получаемого ими политического результата»^{835}.

Примерно те же интонации звучали в письме, отправленном Павлом Николаевичем своей молодой почитательнице, самодеятельной поэтессе Ольге Левинсон: «Я спасся только случайно благодаря присутствию духа и быстрому решению одного из моих друзей (который получил предназначенную мне пулю), схватившему меня за ногу и прикрывшему мое лицо. У меня не было чувства страха до тех пор, пока я не увидел тело Набокова, неподвижное и мертвое... Я был в ужасе и чувствовал всю силу ответственности за его смерть, предназначенную мне»^{836}.

Отметим, что Милюков, чувствуя моральную вину за гибель Набокова, пытался хоть как-то ее компенсировать, оказывая помощь и поддержку его семье. Он внимательно следил за творческими успехами сына Набокова Владимира, начинающего писателя, публиковавшего свои произведения в его газете и постепенно приобретающего известность. Можно сказать, что в числе условий, которые привели молодого Набокова к всемирной славе, была и крохотная лепта Милюкова. Редактор «Последних новостей» разглядел талант юноши, когда тот еще почти не был известен читающей публике. Нина Берберова вспоминала, как чуть ли не все сотрудники «Последних новостей» собрались в весьма скромном помещении редакции по инициативе своего шефа, чтобы взглянуть на Набокова-младшего, которого «Милюков несколько торжественно представил коллегам в качестве нового сотрудника газеты»^{837}.

В архивном фонде Милюкова сохранилось письмо младшего сына Набокова Сергея, адресованное Анне Сергеевне Милюковой. Письмо отражает бедственное положение его матери Елены Ивановны и других членов семьи, после гибели ее главы переехавших в Прагу. В письме содержалась просьба о материальной поддержке со стороны русских эмигрантов в Париже, которая, по всей видимости, была оказана — позже сама Елена Ивановна благодарила Милюкову, в частности, за выхлопотанное пособие^{838}.

Помощь семье Набокова, однако, ничуть не смягчила критику, которой

подвергали Милюкова обосновавшиеся в Берлине бывшие соратники, в том числе И. И. Петрункевич, Н. И. Астров, Ф. И. Родичев, С. В. Панина, публиковавшие в газете «Руль» язвительные статьи, направленные как против позиции Милюкова, так и лично против него.

Столь же резко, но, пожалуй, более аргументированно им отвечали «Последние новости». Их редакция, освещая в каждом номере свое отношение к событиям в России, прилагала усилия, чтобы издание превратилось не только в общеинформационное (эта главная задача была зафиксирована в его названии), но и имело самый широкий профиль, в частности, пропагандировало русскую культуру, главным образом эмигрантскую.

В мае 1928 года Милюков предпринял новую поездку в США, ставшую последней. Его тепло принимали в редакции нью-йоркской газеты «Новое русское слово». Он способствовал расширению финансирования Общества помощи детям русских беженцев, за что руководство этой организации его тепло благодарило^[839]. Однако в смысле расширения политических контактов поездка оказалась безрезультатной — Павла Николаевича лишь вежливо выслушивали.

Постепенно связи Милюкова с бывшими соратниками по кадетской партии слабели, а с некоторыми из них отношения становились даже напряженными. Лишь отдельные бывшие активные кадетские деятели, сохранившие в эмиграции партийную идентичность, поддерживали с Павлом Николаевичем личное общение. Так, Моисей Сергеевич Аджемов, в прошлом член ЦК и депутат Госдумы, состоял с Милюковым в активной переписке, но в основном по сугубо личным вопросам. Например, весной 1931 года Аджемов просил прислать ему «Очерки истории русской культуры», интересовался здоровьем супруги Милюкова и выражал желание «вместе позавтракать и побеседовать»^[840].

Газета Милюкова

С газетой «Последние новости», очень быстро ставшей любимым детищем Павла Николаевича, возник парадокс: значительная часть эмиграции отвергала новую милюковскую политическую линию, создаваемые им организации и группы были численно незначительными, а его газета всё более утверждалась как самый популярный периодический орган русской эмиграции. С осени 1923 года она выходила два раза в

неделю, по четвергам и воскресеньям, на шести полосах, а с 1931 года — на восьми.

Популярность газеты, рост числа подписчиков обеспечивали необходимые средства для высокой полиграфической культуры издания и, главное, для привлечения высококвалифицированных литературных и научных сил. А это, в свою очередь, повышало популярность печатного органа, который стал конкурировать тиражом с влиятельными французскими газетами. Обычный тираж «Последних новостей» составлял около 30 тысяч экземпляров, а в ряде случаев, когда публиковались особенно интересные для русской публики материалы, доходил до 35 тысяч. Поэт Аминодав Пейсахович Шполянский, выступавший под псевдонимом Дон Аминадо, подметил парадокс: «Число поклонников росло постепенно, число врагов увеличивалось с каждым днем, а количество читателей достигло поистине легендарных — для эмиграции — цифр. Ненавидели, но запоем читали»^{841}.

Аналогичного мнения придерживались и другие современники. Один из них, Андрей Седых, длительное время проработавший в редакции, писал, что этому изданию принадлежала «руководящая роль в жизни русской эмиграции». Историк литературы Глеб Петрович Струве отмечает, что «Последние новости» «быстро стали... самой читаемой русской газетой во Франции... и завоевали себе подписчиков и читателей в других странах Европы и даже в Новом Свете»^{842}.

Эмигранты с интересом следили за нескончаемой полемикой, которую вели «Последние новости» с другой парижской эмигрантской газетой — «Возрождением», созданной по инициативе П. Б. Струве, в прошлом коллеги Милюкова по кадетской партии, с которым и до 1917 года нередко возникали идеологические и политические споры.

«Возрождение» выходило с января 1925 года. Струве вначале был главным редактором, затем, смененный Ю. Ф. Семеновым, продолжал определять основной политический курс издания. Теперь Струве по взглядам стоял значительно правее Милюкова, что получило отчетливое выражение в газете: она придерживалась монархических позиций, выражала надежду на свержение большевистского режима вооруженным путем при участии эмигрантов. Струве неоднократно говорил и писал, что, по его мнению, единственная ошибка Николая II состояла в излишней мягкости с революционерами.

Чуть ли не в каждом номере «Последних новостей» появлялись критические отклики на публикации «Возрождения», а оно отвечало тем

же. В подтверждение сошлемся на Н. Г. Думову: «В занимавшем нейтральную позицию журнале «Иллюстрированная Россия» была помещена сатирическая картинка: две собаки грызутся, вырывая друг у друга обглоданную кость. Эмигрант, глядя на них, спохватывается: «Ах, забыл купить «Новости» и «Возрождение!»»^{843}.

В 1930-х годах Милюков вел острую полемику и с В. А. Маклаковым, выступившим с объемистыми мемуарами, в которых он, в свое время принадлежавший к правому флангу кадетской партии, критиковал установки своих более либеральных однопартийцев в 1905–1907 годах^{844}. Впрочем, вторичная полемика, развернувшаяся после появления маклаковских мемуаров, была скорее односторонней: Милюков критиковал, а Маклаков отделялся острыми репликами в новых трудах. На милюковскую критику своего первого сочинения Маклаков ответил: «Полемизировать с ним не нужно. Такое его отношение совершенно последовательно. Я слишком во многом с ним расхожусь»^{845}.

Суть же претензий Маклакова сводилась к обвинению Милюкова в «максимализме» во время первой русской революции: критиковались его требование созыва Учредительного собрания, бескомпромиссное отношение к Столыпину, отрицание возможности участия в имперском правительстве, использование Госдумы как агитационной трибуны, требование немедленного пересмотра Основных законов^{846}.

Милюков лишь попутно — в статьях «Последних новостей» и журнала «Современные записки» (всего в 1929–1935 годах их было более десятка) — касался упреков в свой адрес: отвергал формально-юридический подход оппонента к историческому процессу; утверждал, что при известных условиях либерал может стать революционером; полагал, что Маклаков ошибочно отождествлял закон с правом, ибо существовала возможность революционного правового творчества, несовместимого с существовавшим законодательством; считал допустимым отрицание революционных методов достижения идеалов либерализма только после осуществления основных либеральных преобразований — именно тогда либерализм приобретает «охранительный характер»^{847}.

В противоположность Маклакову Павел Николаевич уверял читателей в недостаточной демократичности кадетской программы в начале века, о чем он, в частности, писал Е. Д. Кусковой^{848}. Вся эта полемика свидетельствовала, что он стремился во что бы то ни стало отстоять верность своих левоцентристских политических позиций начала века^{849}.

С новым политическим курсом Милюкова связано привлечение к

сотрудничеству в его газете наиболее видных эмигрантов всей центристско-левой части политического спектра, в том числе меньшевиков, ранее почти так же ненавистных ему, как и большевики-ленинцы.

Редакция «Последних новостей» располагалась вначале в небольших и очень скромных помещениях на улице Гоблин, дом 5, и улице Бюффо, дом 26. Правда, эти места находились в районе Монпарнаса, недалеко от центра города, по соседству со знаменитым Садам растений и Музеем естественной истории, так что визитеры могли легко попасть в редакцию.

Через несколько лет редакция переехала в более вместительное помещение на улице Тюрбиго в районе Сен-Дени. На первом этаже здания, прямо под «Последними новостями», располагалось кафе «Дюпон», пользовавшееся популярностью среди парижской духовной элиты. Вокруг было множество ресторанов, кафе, отелей. Небогатые сотрудники редакции нечасто пользовались этими благами, но место считалось весьма престижным и должно было свидетельствовать о солидности издания, в каждом номере которого обозначался адрес.

Сам Милюков спускался в кафе очень редко — и потому что считал бессмысленным расходование средств в дорогом заведении, и из-за привычки непрерывно работать. Когда он предполагал засидеться в редакции долгое время, то обычно приносил с собой бутерброды, приготовленные женой. В качестве кабинета главного редактора использовалась крохотная комната, в которой едва помещались огромный письменный стол, заваленный рукописями, корректурами, книгами, и удобное кресло.

Работал Милюков и над своими статьями, и над рукописями других авторов большей частью дома, в редакцию приходил обычно к шести часам вечера, проводил совещания со штатными сотрудниками, читал гранки, решал текущие издательские и хозяйственные дела.

Сотрудники газеты вспоминали, что, придя в редакцию и не тратя ни минуты на разговоры, не относящиеся к делу, он просматривал материалы, подготовленные для свежего номера: пролистывал статьи авторов, которым полностью доверял, другие очень внимательно изучал и правил, в ряде случаев отвергал. Вслед за этим шел прием посетителей — начинающих и опытных авторов, представителей эмигрантских организаций, французских и иностранных журналистов и политиков. После этого, вспоминал А. Седых, «сидя как-то боком, расчистив место на краешке стола, он начинал писать передовицу — если только не приготовил ее заранее дома»^{850}.

Но в редакции Милюков писал передовицы редко, только в тех случаях, когда происходило какое-либо крупное событие, на которое

необходимо было немедленно прореагировать. Обычно он приносил статью с собой и почти всегда передавал ее сразу же в набор, лишь иногда внося в последний момент небольшую «конъюнктурную правку», то есть дополнения и изменения в связи со свежими событиями или с целью обратить внимание читателей на публикуемые в номере материалы.

В первые годы издания «Последних новостей» Милюков был единственным их руководителем. В 1924 году был принят на работу в качестве штатного сотрудника Николай Платонович Вакар, который быстро завоевал доверие главного редактора и фактически стал его заместителем и секретарем редакции, хотя официально ни той ни другой должности не существовало.

Вакар, в прошлом член ЦК кадетской партии, участник Первой мировой и Гражданской войн (он воевал в Добровольческой армии, а затем в Вооруженных силах Юга России под командованием Деникина), покинувший родину в 1920 году, имел разветвленные контакты с рядом эмигрантских организаций. В апреле 1922 года он нелегально перешел польско-советскую границу и пробрался в Киев, где попытался создать «национально-революционную организацию», но образовал лишь несколько малочисленных антисоветских кружков. В другие города он выехать не успел, так как Государственное политическое управление (ГПУ) при Наркомате внутренних дел, сменившее в 1922 году ВЧК, начало слежку. Следующим летом киевские группы были раскрыты, их участники арестованы. Вакару чудом удалось скрыться и уехать из СССР по тому же каналу, по которому он прибыл. Он постепенно убедился, что вооруженным путем большевистскую власть свергнуть не удастся, что сблизило его с Милюковым, а затем привело в редакцию «Последних новостей».

Став постоянным сотрудником газеты, Николай Платонович почти сразу превратился во «второе я» Милюкова — решал в его отсутствие редакционные вопросы, курировал отдел информации, сам писал статьи, не гнушался выступать в качестве репортера, особенно из зала суда на громких судебных процессах. Вакар работал в газете до выпуска ее последнего номера в 1940 году. Когда немцы оккупировали Францию, ему удалось уехать в США, где он несколько лет преподавал в университетах. Он оставил интересные воспоминания, в том числе о своем редакционном шефе^[851].

Другим ближайшим сотрудником главного редактора являлся Александр Абрамович Поляков. Юрист по образованию и журналист по призванию, он до 1917 года работал в провинциальных газетах, а затем в московских и питерских изданиях. После Октябрьского переворота

Поляков перебрался в Киев, где познакомился и сблизился с Милюковым. Оказавшись в 1922 году в Париже, он прежде всего направился в «Последние новости», где тотчас был принят на работу. Почти два десятка лет Поляков был выпускающим ночным редактором, которому Милюков полностью доверял вносить «конъюнктурную правку», менять облик первой полосы в зависимости от поступивших важных новостей. Р. Гуль называл Полякова «фактическим делателем» газеты^{852}, что не вполне отвечало действительности, но само впечатление журналиста было характерным. После начала Второй мировой войны Поляков перебрался в США, где в течение многих лет сотрудничал в нью-йоркском «Новом русском слове». Скончался он в 1971 году^{853}.

Официальным помощником главного редактора числился Игорь Платонович Демидов, внук знаменитого автора «Толкового словаря» В. И. Даля и представитель боковой ветви рода предпринимателей Демидовых, в прошлом депутат Четвертой Государственной думы от Тамбовской губернии и член ЦК партии кадетов. В 1918–1919 годах он жил в Лондоне, но, судя по всему, с Милюковым не общался, а оказался в его окружении, когда в 1920 году перебрался в Париж и позже стал членом Республиканско-демократического объединения. Милюков предложил Демидову должность помощника редактора скорее как формальную, так как, судя по документам, существенной роли в издательской политике последний не играл. Создается впечатление, что Милюков относился к нему с известной настороженностью в связи с его глубоко религиозными взглядами. У посетителей редакции складывалось о Демидове не очень благоприятное мнение. Р. Гуль, например, считал, что он был «не очень умен и не очень хорошо воспитан». Тем не менее, по свидетельству Н. П. Вакара, Демидов в случае необходимости постоянно заменял Милюкова в руководстве газетой. Демидов пережил германскую оккупацию в Париже и скончался в 1946 году^{854}.

Великолепным приобретением для редакции стал Яков Моисеевич Цвибак, принятый на постоянную работу в «Последние новости» в 1922 году в двадцатилетнем возрасте. Тогда же появился его постоянный псевдоним Андрей Седых. В первые годы он выполнял разовые поручения, но быстро набирался журналистского опыта, приобретал репортерскую хватку. С 1925 года он работал парламентским корреспондентом «Последних новостей», получив официальный пропуск в палату депутатов и сенат, что было свидетельством признания французскими властями авторитета русскоязычной газеты. Вместе с Вакаром или самостоятельно

Седых присутствовал на громких политических процессах 1930-х годов, в том числе и на облетевших всю мировую прессу разбирательствах, связанных с похищениями советскими спецслужбами генералов А. П. Кутепова и Е. К. Миллера. С конца 1920-х годов Андрей Седых стал членом редколлегии «Последних новостей» и начал выступать со статьями на общеполитические темы.

Еще с середины 1920-х годов Седых пробовал силы в художественной публицистике. Читателей привлекали его очерки по истории Парижа, сочетавшие рассказы о прошлом отдельных районов города, их современное описание и портреты жителей. В 1925 году они были выпущены отдельной книгой «Старый Париж. Монмартр». С благословения главного редактора в 1928 году вышла еще одна книга Седых «Ночной Париж» с предисловием А. И. Куприна, состоявшая из очерков, большая часть которых ранее печаталась в «Последних новостях». Она скоро приобрела довольно скандальную репутацию, так как ряд очерков описывал порядки в ночных притонах французской столицы. Однако ничего криминального в представленных сюжетах полиция не нашла, а книга способствовала еще большей популярности «Последних новостей» у русскоязычной читающей публики.

Внимательно следивший за деятельностью молодого журналиста Милюков всячески поощрял его творчество. Седых был глубоко благодарен ему за столь редкое в эмигрантской среде покровительство: «Я считал себя его учеником, он научил меня быть журналистом»^[855]. С начала 1930-х годов в газете стали публиковаться рассказы Андрея Седых, посвященные в основном жизни русских эмигрантов.

О его статьях, рассказах и книгах положительно отзывались такие мастера прозы, как Марк Алданов и Надежда Тэффи. В 1933 году Иван Алексеевич Бунин предложил ему стать своим литературным секретарем. Седых с благодарностью принял предложение, однако не прервал работу в «Последних новостях», хотя публиковаться там стал значительно реже.

В том же году Седых, сопровождавший Бунина в Стокгольм на вручение Нобелевской премии, подробно и, надо сказать, восторженно описал в «Последних новостях» и поездку, и само торжество. Думается, что тон репортажей Седых Милюкову не очень нравился, но он не возражал против публикации, ведь они были посвящены единственному случаю присуждения русскому писателю-эмигранту престижной литературной премии.

Андрей Седых, как и Н. П. Вакар, работал в газете Милюкова до ее закрытия, а затем уехал в США, где продолжал литературное творчество,

был членом редакции газеты «Новое русское слово», а с 1973 года — ее главным редактором до своей кончины в 1994-м.

Доверяя ближайшим помощникам, Павел Николаевич в то же время критически и придирчиво относился к подготовке газетных материалов. Дон Аминадо вспоминал: «Милюков читал долго, упорно и добросовестно. От строки и до строки. Несмотря на всю свою благожелательность, подход к авторам у него был заранее подозрительный. Всюду чувствовались крамола, контрабанда, отступление от «генеральной линии»^{856}.

Правду сказать, подозрительность его имела основания, ибо в смысле политических убеждений, склонностей и симпатий состав сотрудников «Последних новостей» не являл собой единого целого. Тех же авторов, которые были ему близки, он, как было сказано, никогда не проверял.

Литературные силы «Последних новостей»

Благодаря усилиям Милюкова и его ближайших сотрудников вокруг «Последних новостей» объединились наиболее выдающиеся литературно-художественные силы русского зарубежья.

Серьезным приобретением для газеты стал вдумчивый историк, член меньшевистского Заграничного руководства, автор огромного количества документальных публикаций и исследований Борис Иванович Николаевский, печатавшийся в «Последних новостях» с 1925 года^{857}.

Постоянным автором был Иван Алексеевич Бунин. В начале 1920 года при подходе большевистских войск он покинул Одессу, где жил с 1918-го, и после краткого пребывания в Болгарии перебрался во Францию. Здесь писатель вел активную общественную деятельность, сотрудничал с русскими организациями в основном националистического и монархического характера, но в то же время не отказывался от публикации своих статей и художественных произведений в либеральных изданиях. Несмотря на серьезные идейные разногласия, Милюков охотно предоставлял ему страницы своей газеты. В конце марта 1924 года в «Последних новостях» было напечатано обращение Бунина «Миссия русских эмигрантов»^{858}: «...Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя

полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы... Планетарный же злодей, осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству, равенству, высоко сидел на шее русского «дикаря» и призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие... Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее, он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди бела дня спорят: благодетель он человечества или нет?» Выражая уверенность в недолговечности большевистской власти, Бунин призывал: «Будем же ждать этого дня. А до того, да будет нашей миссией не сдаваться ни соблазнам, ни окрикам. Это глубоко важно и вообще для несправедливого времени сего, и для будущих праведных путей самой же России».

Милюков отлично понимал, какую ценность для русской культуры, для родного языка представляет художественное творчество Бунина. Именно в «Последних новостях» были опубликованы отрывки из романа «Жизнь Арсеньева» и повести «Митина любовь», многие рассказы, увидели свет фрагменты книги «Окаянные дни» (вышла в 1936 году).

В газете регулярно помещались стихи и очерки Марины Цветаевой. Милюков с глубоким уважением относился к Марине Ивановне, видел в ней выдающегося художественного творца, хотя в некоторых случаях высказывал серьезные критические замечания по поводу ее позиции. О взаимоотношениях с главным редактором «Последних новостей» Цветаева многократно упоминала в переписке с переводчицей и литературоведом Верой Николаевной Буниной, супругой писателя, начавшейся в 1928 году^[859].

В августе 1933-го Цветаева рассказывала своей корреспондентке о подготовке очерка «Дедушка Иловайский». Очерк, посвященный видному русскому историку, с которым она общалась в ранней молодости в доме своего отца, сам по себе был вызовом Милюкову, в свое время хорошо знавшему Иловайского и нередко вступавшему с ним в дискуссии. Цветаева писала: «Всякий абсолют внушает трепет... Судить такого — бесполезно. Вот эту-то неподсудность: восхищение всему вопреки — и учуял Милюков». И всё же очерк он одобрил, несмотря на неоднозначное отношение к его герою (правда, в полном виде Цветаева опубликовала его не у Милюкова, а в газете «Сегодня», выходящей в Риге).

Строже он отнесся к очерку «Музей Александра III». Цветаева писала Буниной: «Звонили колокола по скончавшемуся Императору Александру III, и в это же время умирала одна московская старушка и под звон

колоколов сказала: «Хочу, чтобы оставшееся после меня состояние пошло на богоугодное заведение имени почившего Государя» — боюсь, что Милюков дальше этих колоколов не пойдет. Но ведь всё это — чистейшая, точнейшая правда, и колокола, и старушка, и покойный Император Александр III, — постоянный изустный и даже наизустный! рассказ отца». «Музей Александра III» появился в газете в сокращенном и отредактированном виде. Впрочем, написание «Император» с большой буквы главный редактор сохранил^[860].

Что же касается стихов Цветаевой, то они публиковались в «Последних новостях» безоговорочно.

В последние годы существования газеты постоянной сотрудницей являлась Надежда Александровна Тэффи (девичья фамилия Лохвицкая, по мужу Бучинская). Получившая известность еще до 1917 года, опубликовавшая несколько сборников юмористических рассказов, Тэффи имела репутацию писателя наблюдательного, остроумного и, как правило, беззлобного. Критики считали, что она с состраданием относилась к своим незадачливым персонажам. Тэффи выступала и с литературно-критическими статьями, печаталась в газете Милюкова «Речь». В воспоминаниях о Зинаиде Гиппиус она писала, что Милюков в свое время оказал ей большую любезность, предоставив возможность вести в «Речи» весьма острую полемику с Гиппиус по поводу поэзии Андрея Белого^[861].

После скитаний по России Тэффи в 1919 году смогла эмигрировать и через Константинополь добралась до Парижа.

Она публиковалась в «Последних новостях» с первого номера, еще до перехода газеты в руки Милюкова. Ее рассказ «Кефер»^[862] о старом растерянном генерале-эмигранте запомнился читателям фразой героя: «Всё это хорошо... но que faire?^[13] Ферто — ке?», — постоянно повторявшейся беженцами из России.

Однако после того как главным редактором «Последних новостей» стал Милюков, сотрудничество в ней Тэффи прервалось на много лет, хотя ее фамилия и портрет были представлены среди сведений о других авторах в юбилейном сборнике газеты в 1930 году^[863]. Некоторые исследователи высказывают мнение, что Тэффи перестала помещать свои материалы в газете в связи с неприятием нового курса Милюкова^[864]. Это, однако, представляется правильным лишь отчасти, так как устойчивых политических взглядов писательница не имела (хотя и неоднократно высказывалась по вопросам текущей политики), а упоминание о ней в числе авторов в юбилейном сборнике свидетельствует об обратном. По

всей видимости, Надежду Александровну просто не удовлетворил жесткий стиль руководства главного редактора, а кроме того, она занялась подготовкой к печати своего первого эмигрантского сборника «Рысь» и стала активно печататься в русскоязычных изданиях Чехословакии.

Сам факт включения имени Тэффи в юбилейный сборник был своеобразным приглашением возобновить сотрудничество — Милюков высоко ценил ее талант, с удовольствием читал ее произведения.

Возвращение Тэффи в «Последние новости» в начале 1937 года стало важным событием для газеты, вновь обретшей столь яркого автора. До 1940-го она опубликовала здесь около 170 рассказов, очерков и других материалов.

Тематически и сюжетно произведения Тэффи этих лет отражали духовный кризис русской диаспоры. Она сочувственно, но без малейшего приукрашивания писала о потере нравственных ориентиров, разочарованности и растерянности, узости и ограниченности «душевного быта» русских эмигрантов. Именно внутренний мир человека в наиболее полном виде представлен в ее публикациях. При этом важнейшими темами стали тоска по родине и в то же время несбыточность надежд на возвращение. Часто при этом создается впечатление, что Тэффи идеализирует старую Россию. Но на самом деле величие дореволюционной родины — это утратившие смысл идеалы ее героев.

Эмигранты с особым интересом поглощали фельетоны Тэффи, высмеивавшие обычно какой-либо человеческий порок: глупость, лицемерие, ложь, болтливость, пошлость. При этом сатирически описывались всевозможные бытовые ситуации, характерные именно для эмигрантской среды. Читателей также привлекали ее яркие очерки о животных, преданность которых нередко могла служить уроком для людей.

Можно вполне согласиться с автором диссертации о публикациях Тэффи в «Последних новостях» Н. Н. Рыбинской, что эти произведения представляют собой яркий пример талантливое, многогранное, глубоко личного и эмоционального творчества, что в газетных выступлениях Тэффи личность автора играет первостепенную роль — он становится полноправным героем собственных материалов, причем героем чутким, трепетным, всегда открытым для диалога с читателем^[865].

Назовем еще одного автора, исключительно высоко ценимого Милюковым за блестящие сатирические публикации, которые эмигранты часто стремились прочитать даже раньше, чем сообщения о только что происшедших событиях. Это был уже упоминавшийся Дон Аминадо. Скрывавшийся за этим псевдонимом А. П. Шполянский начал печатать

свои сатирические произведения в середине 1910-х годов, участвовал в мировой войне рядовым солдатом, после Октябрьского переворота уехал в Киев, затем в Одессу, а в 1920 году через Константинополь эмигрировал во Францию, где и расцвел его поэтический и прозаический талант сатирика. Творчество его пользовалось огромной популярностью. В. И. Коровин, автор предисловия к сборнику его произведений, опубликованному в наше время, пишет: «Дон Аминадо был известен всему русскому, да и не только русскому, Парижу, всей Франции, всей эмиграции на Юге и Севере, на Западе и Востоке...»^{866}

Дон Аминадо печатался в «Последних новостях» с 1920 года. После прихода в редакцию Милюкова сотрудничество вначале прервалось, но с 1925 года стало постоянным: не было почти ни одного номера газеты, в котором не появились бы его сатирическое стихотворение или прозаический фельетон. Перерыв же в сотрудничестве объяснялся тем, что Дон Аминадо, едко высмеивавший эмигрантские политические бури, взаимные разоблачения, не обходил вниманием и Милюкова с его единомышленниками (фамилия, разумеется, не называлась). По мнению писателя и журналиста Романа Гуля, Милюкову крайне не понравилось стихотворение 1920 года «Писаная торба», в котором Дон Аминадо издевался над попытками соединения «белой идеи» с демократическими лозунгами и вообще над идеологической подоплекой эмигрантских конфликтов, особенно в ретроспективном плане, при обращении к истории Гражданской войны:

*Могу ли ждать от тучных генералов,
Чтоб каждый раз в пороховом дыму
Они своих гражданских идеалов
Являли блеск и в Омске, и в Крыму.*

.....

*Ах, милые! Вам надо дозарезу,
Я говорю об этом не смеясь,
Чтоб даже лошадь ржала Марсельезу,
В кавалерийскую атаку уносясь.*

Сам Дон Аминадо в мемуарах описывает инцидент несколько мягче: «Помню, как на заре этих уже далеких дней влетело мне по первое число за несколько невинных строк в стихотворном послании, называвшемся «Писаная торба»^{867}. Можно полагать, что поэту не просто «влетело», а он

был полностью отстранен от газеты на целых пять лет, поскольку Милюков счел, что позиция автора противоречит «генеральной линии» газеты на пропаганду демократического республиканизма западного типа, а само упоминание «Марсельезы» в издевательском контексте звучало для него кощунством. Главный редактор умел быть злопамятным, и только жизненная необходимость в продолжении сотрудничества с талантливым автором заставила его сменить гнев на сдержанную милость.

Афоризмы Дон Аминадо (а их были сотни) повторялись эмигрантами, жившими во многих странах. В нескольких словах они определяли сущность крупной политической, социальной, этической, художественной проблемы. Вот лишь некоторые из них: «Оскорбить действием может всякий, оскорбить в трех действиях — только драматург»; «Бросить в женщину камень можно только в одном случае: когда этот камень драгоценный»; «Невозможно хлопнуть дверью, если тебя выбросили в окно»; «Не так опасно знамя, как его древко». И, наконец: «Министр Геббельс исключил Генриха Гейне из энциклопедического словаря. Одному дана власть над словом, другому — над словарем».

По поводу публикаций Дон Аминадо в «Последних новостях» видный литературовед и литературный критик Дмитрий Петрович Святополк-Мирский писал в «Заметках об эмигрантской литературе»: «Конечно, Дон Аминадо ближе, социологически и политически, к Алданову, чем к генералу Краснову, но он стоит выше партий и классовых перегородок и объединяет всё зарубежье на одной, всем приемлемой платформе всеобщего и равного обывательства. Благодаря ему... «Последние новости» читаются неизмеримо больше, чем «Возрождение», которое вместо Дон Аминадо преподносит глубокомысленную проблематику Мережковского и Муратова^[14]!»^{868}

Действительно, теперь республиканизм Дон Аминадо, часто сдобренный иронией, полностью соответствовал линии «Последних новостей», за что они и подвергались критике со стороны «Возрождения». Если в 1930-х годах правая часть эмиграции нередко заискивала перед германским нацизмом, то газета Милюкова решительно разоблачала агрессивную политику Гитлера, а Дон Аминадо в издевательских стихах проводил сравнение между фашизмом в Италии, нацизмом в Германии и большевизмом в СССР.

Лишь изредка в «Последних новостях» появлялись стихи Константина Бальмонта, к которому Милюков относился сдержанно, видимо, не считая его большим поэтом. В ряде писем главному редактору газеты Бальмонт настаивал на помещении его стихов, но его требования не всегда

приносили результаты. Публикаторы писем Бальмонта Милюкову пишут: «Милюков его печатал, как печатали и прочие эмигрантские издания, но изредка и очень неохотно. Во всяком случае, гораздо реже, чем хотелось бы Бальмонту. При его плодовитости, впрочем, мудро было бы печатать всё написанное. Однако на чуть большее внимание со стороны редакторов Бальмонт претендовать был вправе... Бальмонт, помнивший времена, когда его в буквальном смысле носили на руках, очень тяжело переживал эту несправедливость».

Двадцать третьего апреля 1924 года Бальмонт в очередной раз написал Милюкову: «Посылаю Вам своего океанского первенца (стихотворение «Примерная жизнь», начинавшееся словами: «Желали первенца?»). — Г. Ч., Л. Д.). Хочу думать, что он не будет найден Вами уродцем и явит свой лик в «Последних новостях» не в будущем году. На всякий случай и относительно этой вещи, и касательно дальнейших — и в стихах, и в прозе, — которые намереваюсь посылать Вам, повторяю обычную просьбу — возвращать мне рукописи, которыми Вы не воспользуетесь»^{869}.

В «Последних новостях» публиковались и другие представители русского культурного зарубежья. Достаточно привести в алфавитном порядке перечень авторов, представленный в юбилейном сборнике 1930 года: Г. Адамович, М. Алданов, К. Бальмонт, А. Бенуа, Н. Берберова, И. Бунин, Дон Аминадо, А. Даманская, В. Жаботинский, Б. Зайцев, Л. Зуров, Е. Зноско-Боровский, Г. Иванов, И. Кнорринг, Д. Кнут, В. Корсак, Г. Кузнецова, Е. Кускова, А. Ладинский, Б. Лазаревский, Г. Лозинский, А. Лукин, С. Минцлов, В. Муромцева, В. Набоков, И. Одоевцева, М. Осоргин, А. Плещеев, Б. Поплавский, А. Ремизов, П. Тройский, Н. Тэффи, В. Унковский, В. Ходасевич.

Некоторые из них ныне почти забыты, но в свое время их произведениями зачитывалась русская эмигрантская публика. Большинство, однако, в последние десятилетия стали вновь известны не только за границей, но и на родине, обогатив ее культурный и интеллектуальный потенциал.

Милюков упорно продолжал издавать газету и после начала Второй мировой войны, вплоть до вступления германских войск в Париж. Последний номер вышел 14 июня 1940 года, когда танки оккупантов уже грохотали на улицах города. А. Седых констатировал: «С ее исчезновением в русском Париже образовалась громадная пустота, которая фактически никогда заполнена не была»^{870}.

Руководство «Последними новостями» было главным, но отнюдь не единственным занятием Милюкова в эмиграции.

Павел Николаевич вел размеренный образ жизни, но его до предела насыщенная разнообразная работа включала не только газетную суету, но и подготовку новых брошюр и книг, посвященных в основном современному положению России, выступления с лекциями в различных городах Франции, где были русские эмигрантские колонии, поездки с той же целью в соседние страны, в частности в Германию, Бельгию, Чехословакию и даже в США, участие в разнообразных общественных организациях и инициативах.

В течение долгих лет Милюков с женой жили на втором этаже старого, давно не ремонтировавшегося дома 17 по улице Лериш в самом центре Парижа. Квартира была скромной, но отнюдь не нищенской, как показалось писателю и журналисту Роману Гулю, однажды посетившему Милюкова. Возможно, такое впечатление связано с тем, что кабинет Милюкова был небольшим, заставленным книгами, журналами и газетами: «Но, господи, что это был за кабинет! Милюкова, историка и политика, знал весь мир. Его «Очерки по истории русской культуры» переведены на все главные языки. Как ученый он награжден был званием *honoris causa*^[15] Кембриджского университета. Но вряд ли кто мог предположить, что этот выдающийся ученый работает в такой бедной комнатенке, заполненной потопом книг, газет: и на полках, и на столе. И на полу». В эмиграции Милюкову удалось собрать библиотеку, насчитывавшую более десяти тысяч томов и включавшую важные для него издания на европейских языках и почти все книги и журналы, выпущенные беженцами на русском языке. Новые Павел Николаевич приобретал в магазинах, а в букинистических лавках и на книжных развалах на берегу Сены отыскивал старые русские издания, журнальные комплекты и даже советскую литературу.

Незадолго до встречи с Милюковым Гулю удалось вырваться из гитлеровской Германии, где он побывал в концлагере. Теперь он стремился вызволить свою семью, для чего собирал подписи под коллективным ходатайством о предоставлении ей французской визы. Гуль описал встречу с Павлом Николаевичем:

«Он сел за заваленный всяким рабочим материалом стол. Я — рядом на стуле. Милюков был сед как лунь (сед до полной белости). Волосы

коротко подстрижены, такие же белые подстриженные усы, всё лицо ровно розоватое... Говорил П. Н. старым московским говорком. Вместо «восемьнадцать» говорил «осмьнадцать». Но в разговоре П. Н. не было того, что сразу привлекало в А. И. Гучкове: какой-то заинтересованности в собеседнике. Милюков был предельно деловит. Возможно более коротко я рассказал ему о трагическом положении моей семьи в Германии, которой просто нечем было жить, и просил его подписать мое прошение в Министерство внутренних дел, как это уже сделал Гучков и обещали сделать Церетели и Бурцев.

— Я, конечно, подпишу, — проговорил Милюков, — но вы, вероятно, не знаете нравов французских чиновников и этих учреждений. Их ничем не прошибешь, и я сомневаюсь, чтоб из этого «демарша» что-нибудь вышло... Подписав, П. Н. добавил: «Вот если б они могли переехать в Чехословакию, я, вероятно, мог бы помочь, у меня хорошие личные отношения с Бенешем, а в таких делах личные отношения очень важны...» Я поблагодарил П. Н., но сказал, что в Чехословакию семья, к сожалению, перебраться не может. И не желая его задерживать, поблагодарив еще раз, простился. Милюков провожал меня до двери»^{871}.

Милюковы жили скромно, однако не бедно, не знали нужды и даже, как мы помним, имели дачу на морском побережье.

Роза Георгиевна Винавер вспоминала: «Обстановка их жизни была много ниже того, что они могли себе позволить. Поэтому у них всегда оставалась часть его заработков, и они могли щедро помогать другим. Взять у них деньги взаймы ничего не стоило». Мемуаристка вносит новый оттенок в освещение творческой работы Милюкова упоминанием помощи, которую оказывала ему Анна Сергеевна: «Если Милюкову нужна была какая-нибудь справка, его жена сейчас же ее находила»^{872}.

Милюков постоянно был занят. Производительность его писательского труда была огромна. В то же время он с годами всё более ценил свое время, стремился не отвлекаться на то, что непосредственно не было связано с работой, почему в кругу эмигрантов сложилось не вполне справедливое мнение о его излишней деловитости и сухости.

Огромным подспорьем в работе была не только великолепная библиотека. Павел Николаевич на протяжении многих лет собирал личный документальный архив, который ему удалось вывезти из России. М. Алданов рассказывал, что, участвуя в различных съездах, конференциях, собраниях, слушая всевозможные доклады, Милюков исправно записывал выступления ораторов, записи сохранял, рассортировав их таким образом,

чтобы в нужную минуту найти необходимое. Однажды Алданов и Н. Д. Авксентьев попросили его выступить на чествовании 75-летия известного народника Николая Васильевича Чайковского. Дав согласие, Милюков добавил, что расскажет, как слушал Чайковского много лет назад в Лондоне. «Неужели вы помните, что Н. В. тогда говорил? — Да ведь это у меня записано, я могу найти». «Мы только развели руками»^{873}.

Новых крупных исследовательских трудов Милюков не писал, но неоднократно выступал с популярными статьями на исторические темы, главным образом в связи с круглыми датами. Интересно, что его статья «Петр Великий и его реформа», опубликованная в Праге к двухсотой годовщине смерти Петра I, значительно смягчала оценки, когда-то данные автором первому российскому императору в магистерской диссертации и других исследованиях конца XIX века: воздавала должное гению императора, подчеркнула национальный характер его реформ, их необходимость и органичность^{874}.

Устные выступления Павел Николаевич, как правило, посвящал современной ситуации в СССР, причем его оценки менялись по мере корректировки большевистского курса. По воспоминаниям весьма популярного в эмигрантских кругах поэта, композитора и певца Александра Вертинского, Милюков «неутомимо читал лекции о каких-то «сдвигах», «термидоре» и «неизбежном поправении» большевиков, обещая скорое возвращение домой»^{875}. Именно так, весьма примитивно, воспринимали большинство эмигрантов сущность позиции Милюкова, которая, конечно же, была несравненно сложнее.

Появлялись и его новые произведения, носившие в основном политологический характер с исторической ретроспективой.

Милюков в полной мере пользовался своей известностью (хотя в среде правых, монархистски настроенных эмигрантов она была сопряжена с неприязнью и осуждением). В 1929 году по случаю его семидесятилетия редакция «Последних новостей» устроила пышное чествование. Близкие к нему люди говорили, что он согласился на чествование по чисто политическим соображениям, воспринимая его своеобразным «смотром демократических сил»^{876}.

Думается, это верно лишь отчасти. Милюков, неизменно высоко оценивавший свою деятельность, считал заслуженными восхваления, которые раздавались во время празднования, состоявшегося не только в Париже, но также в Праге, Берлине, Варшаве, Риге, Нью-Йорке. Помимо Парижа, наиболее торжественно юбилей отмечали в Софии.

Болгария во главе с премьер-министром Андреем Ляпчевым, в свое время имевшим с Милюковым тесные связи, испытывала особую благодарность за поддержку ее позиции по македонскому вопросу на протяжении многих лет. Болгарское правительство наградило Павла Николаевича немалой суммой — 270 тысячами левов (именно эти деньги позволили приобрести недвижимость на средиземноморском побережье). Общество болгарских писателей выпустило иллюстрированный сборник, посвященный юбилею. 23 января 1929 года Софийский университет удостоил юбиляра звания почетного доктора и выслал ему соответствующий диплом^{877}.

В приветствии Милюкову от 18 марта 1929 года говорилось: «Болгарская академия наук высоко ценит Ваши научные труды. Вы интересовались не только вопросами русской культуры и истории, но и вопросами, которые касаются нас, болгар. Ваши «Письма из Македонии», обнародованные в «Санкт-Петербургских ведомостях», Ваша статья «О сербско-болгарских отношениях по македонскому вопросу» и Ваше ценное участие в расследовании Карнеги свидетельствуют не только о Вашей чисто научной деятельности, но и о Ваших широких международных интересах, в частности о Вашем интересе к болгарскому народу, его истории и его культуре. И теперь, когда Вы вынуждены жить далеко от отечества, за границей, Ваши научные интересы не уменьшились, и Вы не только руководите ежедневной газетой «Последние новости», не только сотрудничаете в других периодических изданиях, но и в состоянии издавать на иностранных языках труды, которые широко освещают значение и историческую роль великого русского народа в нынешние времена»^{878}.

Как видим, болгары хорошо знали направления деятельности Милюкова и в прошлом, и в настоящем. Ведь в эмиграции Павел Николаевич продолжал поддерживать связь с ними. Он, например, представлял окружающим «свою хорошую и добрую знакомую» Юлию Малинову, жену бывшего болгарского премьера, которая хотела познакомиться с эмигрантами из России^{879}.

В Праге был образован комитет по изданию юбилейного сборника в честь семидесятилетия Милюкова, члены которого обратились ко многим общественным деятелям с просьбой прислать статьи, получили воспоминания ряда эмигрантов и опубликовали соответствующий том^{880}.

В связи с юбилеем были вновь изданы «Очерки по истории русской культуры». Юбилейный сборник статей появился и в Париже. В нем выступили не только те, кто сотрудничал в милюковской газете, но и

некоторые деятели, отношения с которыми у Милюкова были напряженными, например А. Ф. Керенский: «Говоря о П. Н. Милюкове, я могу быть беспристрастным. В идеях он для меня спорен. В типе общественного работника — удивителен. Таким должен быть тот, кто хочет строить новое здание, высекать из камня новые формы. Долгая жизнь, направленная всегда к одной цели. Цель, которая подчиняет себе всю жизнь и в большом, и в малом. В большом и малом П. Н. Милюков подчиняет себя цели, которой служит: укреплению России, преобразованию в ней государственного строя. Тут главное не в идее, ибо много было и есть среди нас так же мыслящих, а в упорной воле к ее осуществлению. Никакие неудачи, личные поражения не могут оторвать П. Н. Милюкова от его идеи, не могут разбить его волю служить России. Его уверенность в правоте своего дела, может быть, иногда переходит в самоуверенность, но никогда минутная слабость от неудач не превращалась и не превращается у него в отчаяние»^{881}.

Банкет в честь юбиляра, на котором присутствовало около четырехсот человек, превратился в международное мероприятие. На нем, наряду с известными эмигрантами, выступали депутаты французского парламента, послы славянских и других государств. По словам Р. Г. Винавер, «ему очень приятно было, что юбилей его принял такие грандиозные размеры. Но радовался он не лично за себя: он видел в этом торжестве не признание своих личных заслуг, а признание той идеи, которой он служил всю свою жизнь»^{882}.

После многочисленных тостов юбиляр выступил с ответным словом, очень показательным для характеристики его личности.

Он понял, что организаторы торжеств явно перегнули палку, и произнес отнюдь не юбилейную, а сугубо деловую речь, посвященную его взглядам на связь исторического прошлого с перспективами развития России. «Говорят, что политик Милюков повредил Милюкову-историку, что ему нужно бросить политику и вернуться к научной работе», — произнес он и стал развивать мысль, что никогда не отделял одно занятие от другого, что историк может лучше осознать прошлое, если будет рассматривать его сквозь призму современных процессов, и, наоборот, «историк во мне всегда влиял на политика»^{883}.

Именно так ощущал Павел Николаевич связь двух своих основных занятий, не отдавая себе отчет в том, что оба остались в прошлом — теперь он был видным организатором прессы, ярким общественным деятелем, но не исследователем прошлого и не политическим деятелем, участвующим в

решении судеб страны. Вряд ли Милюков еще надеялся на возвращение в Россию и возобновление активной государственной деятельности, однако сдаваться не желал ни в коем случае.

Через два года, 1 марта 1931-го, состоялся еще один юбилей — десятилетие работы Милюкова главным редактором «Последних новостей». Вновь эмигранты собрались на банкет, а вечный Дон Аминадо написал и прочитал на встрече целую поэму, посвященную этому событию. Начиналась она так:

*Горит восток зарею новой...
Уже на Пляс Палэ-Бурбон
Седой, решительный, пунцовый,
Свои стопы направил он.*

Завершалась поэма строками:

*И от работы ежедневной
Освободясь на миг один,
С женою, с Анною Сергеевной,
Сверкая холодом седин,
Слегка взволнованный, смущенный,
Друзей вниманием польщенный,
Старик пирует...[{884}](#)*

Главным направлением аналитической деятельности Милюкова стало теперь изучение основных тенденций эволюции советского строя, внутренней борьбы в руководстве СССР, установления единоличной власти Сталина, его политики, в основном внешней. Он рассматривал все эти проблемы с точки зрения национально-государственных интересов России.

В связи с этим он постепенно смягчал свои оценки большевистской системы, становился по отношению к ней значительно более лояльным, чем, например, Л. Д. Троцкий, который в изгнании яростно клеймил «перерождение» партии большевиков, «предательство» Сталина, возвышение «нового господствующего слоя», призывал к свержению сталинского режима и возвращению к «подлинному ленинизму», к «истинной» пролетарской диктатуре, которой на самом деле никогда не существовало.

Свои выводы Павел Николаевич основывал не только на сведениях западных информационных агентств и печати, к которой относился критически, но и на беседах с теми, кто посетил Советскую Россию, и на письмах, в том числе с оказией переданных с родины и из соседних с ней стран. Эту корреспонденцию он считал особенно важной. Так, 17 октября 1920 года его бывший секретарь В. К. Коростовец сообщил из Варшавы в связи с советско-польской войной: «События здесь так головокружительно быстро сменяются... Мир, который казался немыслимым, вдруг стал фактом», — и дал собственное, крайне субъективное понимание причин подписания мира между Польшей и РСФСР. Осенью 1928 года Милюков получил письмо от анонимного автора с рассказом об экономических трудностях и политических репрессиях: «Чем длиннее очереди у хлебных магазинов, чем скуднее и скуднее ресурсы, тем энергичнее репрессии, тем строже и свирепее шпионаж и сыск»^[885].

Павлу Николаевичу приходила масса писем от эмигрантов. Так, в 1921 году он в качестве редактора «правдивой газеты» получил письмо от группы офицеров из Белграда. «Многострадальное рядовое офицерство» с горечью сообщало, что в русских эмигрантских военных организациях царят «разлад и произвол», не подозревая, очевидно, что к этому времени Милюков стал выступать за роспуск российских военных организаций за рубежом. Подчас ему слали письма просто как «знаменитому эмигранту», не зная, чем именно он теперь занимается. В одном письме его называли председателем союза русских журналистов за границей, то есть наделяли статусом, который он не имел.

Уже упоминавшийся Коростовец, перебравшийся из Варшавы в Берлин, в 1930 году попытался намекнуть о предстоящих изменениях в высшем германском руководстве: «Решено, что нынешний МИД уходит и на его место назначат, вероятно... того, кто пил с нами чай». Кто имелся в виду, неизвестно, но информация оказалась неточной, ибо, хотя рейхсканцлер Генрих Брюнинг взял Министерство иностранных дел под личный контроль, министр Юлиус Куртиус сохранил пост.

Бывали случаи, когда к Милюкову обращались за помощью авантюристы, подобные «детям лейтенанта Шмидта», остроумно высмеянным Ильей Ильфом и Евгением Петровым в «Золотом теленке». Например, автор одного послания, начинавшегося с обращения «Господин Ф. Н. Милюков» (вероятно, он даже не знал имя адресата) и подписанного «Ал. Романов», выдавал себя за сына Николая II, который якобы чудом спасся во время расстрела царской семьи, скрывался у крестьян, а затем перешел иранскую границу в районе города Тавриза. При этом он не

сообщал, как смог прожить с тяжелейшим генетическим заболеванием — гемофилией^[886]. Такого рода «мольбы о вспомоществовании», естественно, оставались без ответа.

Милюков всё более отдалялся от тех эмигрантских кругов, которые только и ждали часа, когда их «призовут под ружье», и которых высмеивал Дон Аминадо:

*Живем. Скрипим. И медленно седеем.
Плетемся переулками Passy.
И скоро совершенно обалдеем
От способов спасения Руси.*

В многочисленных устных и печатных выступлениях Павел Николаевич проводил мысль, что внешняя борьба против большевизма может незаметно превратиться в борьбу против России. При этом он использовал не только логические доводы, но и хорошо запоминающиеся эмоциональные сравнения. Так, он сравнил Россию со стеклянным домом: для уничтожения большевиков извне потребуется вначале разбить эту стеклянную оболочку, то есть разрушить Россию. Поэтому, делал он вывод, избавиться от большевизма можно только изнутри и на основе сохранения «завоеваний революции». В противовес осуждавшим революцию Милюков вновь и вновь внушал эмигрантской публике необходимость признавать ее «как факт и как право народа»^[887].

По мере поступления информации о практическом осуществлении нэпа Милюков всё больше надеялся, что он будет дополнен постепенным ослаблением большевистской диктатуры, а в конечном счете восстановлением многопартийности.

Сложилась парадоксальная ситуация: большевистские власти явно отошли от классического положения марксизма об определяющей роли экономического базиса и вторичной роли политических и прочих надстроек; Милюков же, ранее в своих исторических трудах (особенно четко в «Очерках по истории русской культуры») предостерегавший от примитивного выведения политики и культуры из экономики, теперь возлагал неоправданные надежды на прямое воздействие экономической ситуации на характер политического режима.

В то же время Милюков был решительно против «сменовеховства»^[16], которое проповедовали некоторые эмигранты, призывавшие к возвращению на родину, примирению с советской властью и верному

служению России при существующем режиме. Сам он надеялся возвратиться в Россию, но не как беспартийный слуга большевиков, а в качестве самостоятельного и влиятельного политического деятеля, ведущего борьбу за тот путь развития, который считал наиболее целесообразным, — путь парламентской демократии, республиканского устройства единой России с автономией национальных регионов, передачи в собственность крестьянам земли, полученной ими в результате разрушения помещичьего хозяйства.

В ряде передовиц своей газеты Милюков подвергал критике общие положения «сменовеховства» и отдельные его проявления. Особую досаду вызывал у него переход к сотрудничеству с большевиками талантливых творцов, среди которых выделялся Алексей Николаевич Толстой. «Случаю Толстого» Милюков посвятил большую статью, опубликованную в двух номерах «Последних новостей»^{888}. По его словам, Толстой был одним из «неискушенных последователей» старой тактики, сразу же, без промежуточных этапов, перешедших к левому примиренчеству.

Решительно отрицая иностранное вмешательство в дела России, Павел Николаевич в то же время резко критиковал лейбористское правительство Великобритании, пошедшее на установление дипломатических отношений с СССР, а затем и последовавшее его примеру французское правительство. При этом он признавал, что в определенных конкретных действиях «Советское правительство представляет Россию, — например, в некоторых случаях внешней политики»^{889}.

В новых обстоятельствах с начала 1930-х годов, продолжая решительно критиковать внутренний курс царского правительства, Милюков в то же время начал положительно отзываться об определенных сторонах его внешней политики. Позитивную оценку теперь стали получать и некоторые важные элементы советской внешней политики, связанные с обеспечением государственной неприкосновенности СССР после японской аннексии в 1931 году северо-восточной части Китая — Маньчжурии. Он отлично понимал неизбежность новых военных конфликтов, которые в той или иной степени отразятся на положении СССР, и считал, что русские патриоты за границей должны рассматривать развитие событий прежде всего именно с этой точки зрения. В начале марта 1932 года он выступил в зале «Адиар» в Париже с докладом «Дальневосточный конфликт и Россия».

Русские эмигранты не исключали, что вслед за захватом Маньчжурии последует японское нападение на СССР. Правые монархистские

организации ликовали по этому поводу и даже готовились к записи добровольцев для участия отдельными формированиями в военных действиях на стороне Японии. Милюков же занял противоположную позицию — отнюдь не идеализируя советский режим, он в то же время полагал, что СССР окажется в состоянии отразить японскую агрессию, и заявил: «Я считаю, что есть случаи, когда советская власть действительно представляет интересы России. Пусть белогвардейцы хорошо подумают над тем, что они замышляют... Я считаю, что нам нужно желать, чтобы советская власть оказалась достаточно сильной на Дальнем Востоке. Мы не в состоянии при нынешних условиях сами бороться за нашу землю. Становиться же на другую сторону баррикад было бы для нас преступно. Россия была, есть и будет!..»^{890}

Заявление Милюкова ошеломило эмиграцию. Вслед за правой ее частью к обличению отступника присоединились даже социалисты. А. Ф. Керенский выступил с отповедью в докладе «О Дальнем Востоке, большевиках и России», в котором недвусмысленно высказывался в поддержку новой войны против СССР: «Если бы я знал, что существует иностранная держава, которая готова сбросить диктатуру, губящую мой народ, я бы на коленях пошел просить ее спасти мой народ от порабощителей»^{891}. Подавляющее большинство эмигрантов поддержали не Милюкова, а Керенского, считая пригодной любую силу, способную причинить ущерб сталинскому СССР. (Некоторые позже, во время Второй мировой войны, изменили взгляды, но другие пошли на прямое сотрудничество с нацистской Германией и способствовали формированию сил российских коллаборационистов, включая тех, кто входил в военные формирования генерала А. А. Власова.) Бывший соратник Милюкова по кадетской партии, а теперь его ярый политический противник П. Б. Струве в связи с обострением советско-японских отношений заявлял, что отторжение от СССР даже незначительной территории в результате японской агрессии явилось бы сильным ударом по массовому угнетению, которому подвергают русский народ большевистские власти^{892}.

И всё же, по признанию эмигрантской прессы, «маргариновый патриотизм» Милюкова оказывал несомненное «разлагающее» влияние на эмигрантскую молодежь^{893}. Оно также проявилось в следующие годы, когда часть эмигрантов приняла участие во французском движении Сопротивления, а после войны возвратились на родину, которая вознаградила их расстрелами или каторгой.

Корни постепенного перехода Милюкова на частично про-сталинские

позиции лежали в его оценке степени реалистичности, интернационалистской революционности и приземленного патриотизма в политике руководителей Коммунистической партии и Советского государства. Он внимательно следил за внутривнутрипартийной борьбой в ВКП(б), конкуренцией двух лидеров — Л. Д. Троцкого и И. В. Сталина. Он видел, что до середины 1920-х годов программно-теоретической основой большевизма был курс на международную социалистическую революцию, хотя на практике руководители Советской России во главе с Лениным стали отходить от этой установки уже в 1918 году, подписав Брестский мир с Германией и тем самым отказавшись от развязывания мировой революции в ближайшее время. Этот отказ получил теоретико-пропагандистское обоснование, когда появилась сталинская теория построения социализма в одной отдельно взятой стране в условиях капиталистического окружения. Ожесточенная внутривнутрипартийная борьба между ее сторонниками и приверженцами теории перманентной революции, выдвинутой Троцким еще во время первой русской революции, продолжалась до конца 1927 года и завершилась полным поражением оппозиции, исключением из партии и ссылкой ее лидеров.

Навязанное ВКП(б) «единство» привело к утверждению власти Сталина, вначале оттеснившего на второй план других партийных и государственных руководителей, а затем, в период Большого террора (1936–1938), перешедшего к истреблению возможных конкурентов — старых партийных кадров, лидеров национальных групп, ненадежных политэмигрантов, а вслед за ними и рядовых интеллигентов, крестьян и рабочих.

Внутрипартийная борьба в ВКП(б) широко отражалась в публикациях «Последних новостей», в книгах, статьях, устных выступлениях Милюкова. Смерть Ленина он воспринял с надеждой, что последует общий крах дела социализма в России, правда, делал оговорку, что очень многое будет зависеть от исхода борьбы в руководстве большевистской партии. Вскоре Милюков пришел к выводу, что «триумвират Сталина, Зиновьева и Каменева лучше Троцкого», а когда «триумвират» приказал долго жить — что Сталин лучше Троцкого и Зиновьева^{894}. Во-первых, он считал Сталина «меньшим революционером» по сравнению с его критиками, политиком, нацеленным на внутреннее развитие СССР, преодоление его экономической и культурной отсталости. Во-вторых, он видел в Сталине не революционного пропагандиста, склонного к утопии, а прагматика, трезво оценивающего реальную ситуацию и в зависимости от нее строящего свои действия. В-третьих, Милюков рано разглядел волевые качества Сталина,

его способность расправиться с оппонентами и твердо держать в руках руль управления страной. Это были естественные выводы наблюдателя, ибо в середине и даже второй половине 1920-х годов крайне трудно было разглядеть перспективы сталинской власти.

Однако в следующие годы русский патриот Милюков при оценке сталинской диктатуры фактически принес в жертву свои либеральные установки. Исследователь Е. П. Нильсен был удивлен: «Милюков продолжал настаивать на преимуществах Сталина даже в 30-е годы, т. е. тогда, когда стало совершенно ясно, что режим Сталина по методам и средствам не только не отстает от жестокостей и эксцессов периода Гражданской войны и «красного террора», но далеко их превосходит»^{895}. Мы полагаем, что ничего удивительного здесь нет. Два главных свойства Милюкова — либерализм и патриотизм — далеко не всегда можно было гармонично совместить. Мы уже не раз видели противоречия его взглядов и политики. Будучи прагматиком, он в зависимости от обстоятельств выдвигал на первый план то свои либеральные симпатии, то патриотические чувства. Увы, извечное моральное осуждение лозунга «цель оправдывает средства» в политике во многих случаях не срабатывает.

После выхода книги бывшего французского коммуниста, а теперь левого политолога Бориса Суварина, которая при всех неточностях являлась первой более или менее объективной биографией Сталина^{896}, Милюков, вопреки своей привычке не откликаться на отдельные издания, написал большую и в целом положительную рецензию на нее, свидетельствующую, насколько неустойчивым и противоречивым было его собственное отношение к советскому диктатору. Милюков назвал книгу Суварина обвинительным актом, прибавив, что «прокурор обвиняет подсудимого по всей справедливости»^{897}. Одновременно обращалось внимание на разногласия между Сувариним и Л. Д. Троцким, изгнанным из СССР по приказу Сталина.

Сам Троцкий комментировал: «Газета Милюкова «Последние новости» посвятила передовую статью разногласиям между Сувариним и Троцким, причем, конечно, полностью и целиком стала на сторону Суварина. Если Суварин не поймет, в какое болото он залез, то он погибнет для революционного движения на ряд лет, если не навсегда»^{898}.

Милюков соглашался с оценкой Сталина как «беспринципного интригана» и с утверждением, что идеи индустриализации и коллективизации сельского хозяйства тот заимствовал у «левой оппозиции», стремясь обезоружить своих оппонентов принятием их

«крайне левой программы»^{899}. Все эти суждения, навеянные книгой Суварина, были более достоверны, нежели определение Сталина как прагматика. Но прошло несколько лет, и Милюков возвратился к прежней оценке советского диктатора, как будто ни книги Суварина, ни его собственной рецензии на нее не существовало.

В конце января 1937 года Милюков выступил в парижском клубе Республиканско-демократического объединения с докладом «Международное положение и Россия». Игнорируя уже поступавшие на Запад данные о массовом терроре в СССР, Милюков вновь добродушно и в общем снисходительно рассуждал о том, что Сталин, не будучи теоретиком, не может быть фанатиком, а следовательно, и подлинным революционером: «Сталин силен не умом, а простецким инстинктом, связывающим его с реальными требованиями дня и волей к действию». В конце доклада был поставлен вопрос: кто должен быть доволен и кто недоволен сталинским руководством? К последним автор отнес в первую очередь Троцкого, высланного из СССР и незадолго перед этим выпустившего книгу «Преданная революция». Саркастически высмеяв утопистов, подобных Троцкому, Милюков делал вывод: «Революция не пошла тем путем, как предполагала доктрина, а, пойдя другим путем, тем самым изменяет свое содержание в направлении, которое не нравится»^{900}.

В надежде, что Сталин полностью откажется от социалистической фразеологии и элементов социализма, действительно существовавших в СССР, Милюков был готов закрыть глаза на кровь невинных людей, пролитую по всей огромной стране.

О судьбе некоторых старых большевиков, даже соратников Троцкого, газета Милюкова писала с оттенком сочувствия. Ей явно импонировал, например, Христиан Раковский, один из руководителей антисталинской оппозиции, который, находясь в ссылке, не пошел на капитуляцию перед генеральным секретарем ВКП(б)^{901}. Газета информировала о передаче Раковским за рубеж аналитических статей о сущности сталинского режима. Опубликовав сообщение о кончине Раковского (слух оказался ложным, социалистический ветеран был расстрелян по приказу Сталина в 1941 году), «Последние новости» писали в явно не типичных в отношении большевиков выражениях: «Подточенное беспокойной жизнью и тяжким трудом, его здоровье не выдержало сурового климата». Почти через год агентство Рейтер опровергло сведения о смерти Раковского, сообщив, что он продолжает находиться в сибирской ссылке, и «Последние новости» исправили допущенную ошибку^{902}.

Впрочем, далеко не все погибшие от рук сталинских палачей во время Большого террора были, с точки зрения Милюкова, невинными. Он исправно откликнулся на судебные процессы над «врагами народа» в Москве 1936–1938 годов, начиная с суда над Каменевым, Зиновьевым и другими соратниками Ленина. Он считал судебный спектакль и расстрел бывших партийных лидеров полным крахом большевистской революционности и торжеством государственника Сталина^{903}, а это для него было главным.

Сходными были и оценки январского процесса 1937 года и мартовского 1938-го. Милюков был вполне удовлетворен их жестоким исходом, пытаясь оправдать его необходимостью в условиях грозящей войны ликвидировать в СССР нацистскую «пятую колонну». Это была нелепость, которую тогда же разоблачил вначале Троцкий, а за ним и многие западные наблюдатели.

Но Милюков игнорировал вскрытие объективными наблюдателями противоречий и фальшивок, чтобы подогнать действия Сталина под свои «патриотические» установки, сделать их более приемлемыми для той небольшой части эмиграции, которая совмещала патриотические чувства с готовностью признать кровавый режим в СССР.

Милюков отлично понимал, что в СССР идет расправа с массой людей, в подавляющем большинстве не имевших никакого отношения к политике, однако пытался убедить не только читателей «Последних новостей», но и своих ближайших сторонников, да и самого себя, что речь идет лишь о ликвидации старого партийного слоя, который Сталин решил истребить перед лицом военной опасности^{904}.

В номере «Последних новостей» от 6 февраля 1937 года была опубликована милюковская передовица «Уроки московского процесса»: признав «некоторую искусственность процесса» и «постыдный характер саморазоблачения», автор утверждал, что признательные показания К. Б. Радека и Г. Л. Пятакова «носят отпечаток подлинности», а «троцкисты» действительно проводят подрывную работу. О том, что полностью деморализованные подсудимые просто пытались при помощи своих показаний, от начала до конца лживых, вымолить себе жизнь (Радек действительно получил длительный тюремный срок вместо расстрела, но вскоре был убит в тюрьме по личному приказу Сталина), умудренный знаток истории и политики Милюков просто не желал задумываться — это в данный момент было ему политически невыгодно. По существу, он оправдывал расправу тем, что Радек и его товарищи «шли по стопам

Ленина в дни Брест-Литовского мира». Вновь и вновь жестокость режима оправдывалась в глазах Милюкова его историческими оценками мира с Германией в 1918 году как капитуляции России.

Как показал исследователь Е. П. Нильсен, Милюков и в следующие годы продолжал придерживаться таких взглядов на сущность московских процессов. Даже после гибели Троцкого от рук сталинского агента в августе 1940 года он не ставил под сомнение его соучастие «в самой криминальной части конспирации, покаранной процессом 1938 г.»^[905].

Газета «Последние новости». 1939 г.

Это не значит, однако, что Павел Николаевич полностью оправдывал Большой террор. Отношение к нему и в целом к сталинскому единовластию оставалось значительно более сложным, что видно из разнообразных материалов «Последних новостей», в частности, одобренных главным редактором карикатур на Сталина. На одной из них, опубликованной 3 апреля 1932 года, Сталин жалуется, что трудно расстрелять 140 миллионов человек, а в другой, в номере от 16 октября 1938-го, проводится параллель между диктатурами Сталина и Гитлера.

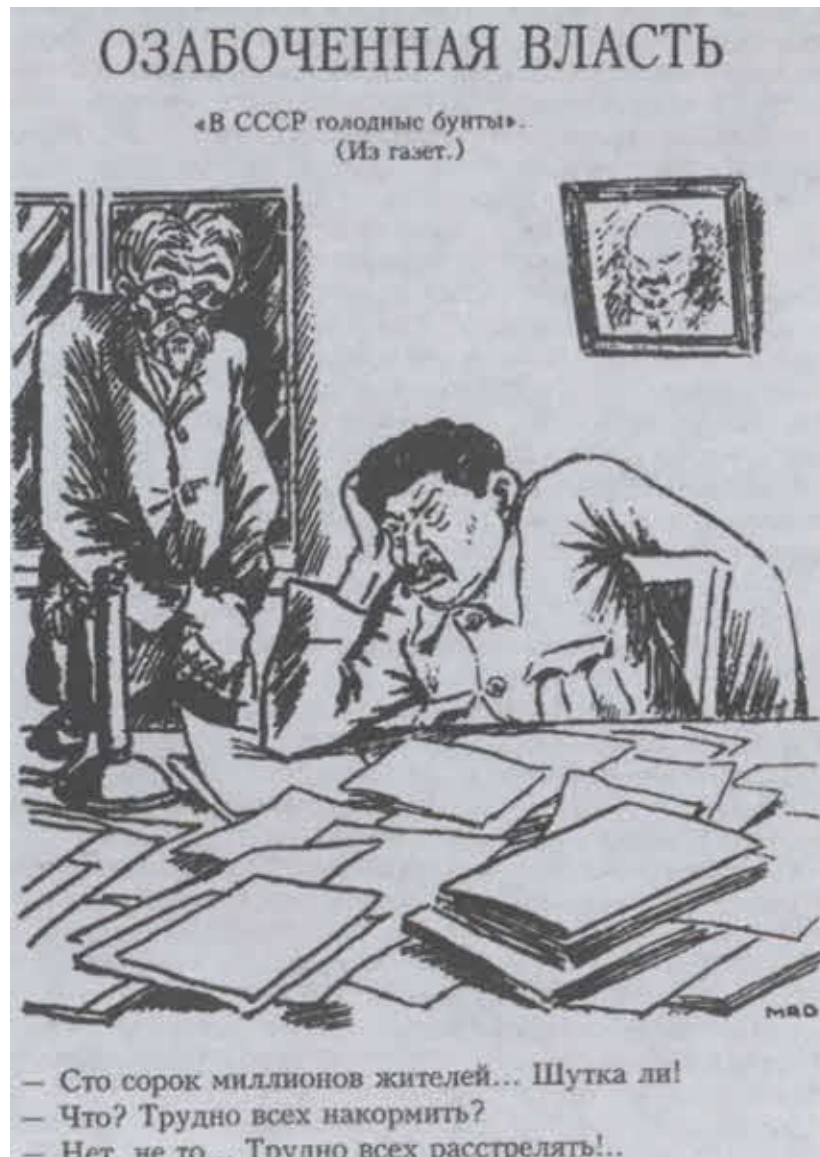
В 1937 году под редакцией Милюкова начал выходить «толстый» литературно-художественный и политический журнал «Русские записки». Его редакционным секретарем стал эсер Марк Вениаминович Вишняк, ведущий член редакции издававшихся с 1920 года «Современных записок». Вокруг «Современных записок», как и вокруг милюковских «Последних новостей», группировался цвет русской эмиграции. Вишняк вспоминал, что на просьбу его редакции «дать свое понимание кадетского прошлого» бывший лидер Партии народной свободы немедленно ответил согласием и представил статьи «Суд над кадетским либерализмом» и «Либерализм, радикализм и революция». По словам Вишняка, Милюков был неоценимым сотрудником: «В любой срок он мог написать на любую тему, не делая из этого ни проблемы, ни события. Он был сговорчив и не мелочен, не обращал внимания, на каком месте появлялась его статья или каким шрифтом она была набрана»^[906].

В силу теплых отношений с Павлом Николаевичем Вишняк решил совместить работу в «Современных записках» и новом журнале.

В «Заявлении от редакции» Милюков провозглашал, что будет стремиться перейти от традиционного «русского» типа «толстого журнала» «к типу, приближающемуся к обычным иностранным Revues с подбором статей преимущественно актуального информационного характера».

Из этого, однако, ничего не получилось. По справедливой оценке Р. Гуля, особенностью «Русских записок» была их подчеркнутая атеистичность, «секуляритивность»^[907]. Поэтому с изданием отказывались сотрудничать (да Милюков и не приглашал) такие видные авторы, как религиозный и политический философ Николай Александрович Бердяев, историк и религиозный мыслитель Георгий Петрович Федотов, либеральный теолог и историк церкви Антон Владимирович Карташев, что значительно обедняло его содержание и вызывало очередную волну неприязни к его редактору со стороны не только правой части эмиграции,

но и тех, кто, сохраняя демократические позиции, придерживался христианских взглядов. По воспоминаниям Гуля, историк А. А. Кизеветтер как-то назвал Милюкова «семидесятилетним комсомольцем», и это прозвище повторялось эмигрантами — кем-то добродушно, другими — с ненавистью^[908].

Карикатура из «Последних новостей». 3 апреля 1932 г.

Вишняк же обращал внимание на то, что Милюков в качестве

редактора «Русских записок» не придавал значения шероховатостям стиля и даже языковым погрешностям, а когда кто-то обращал на это его внимание, отделялся словами: «Ну, что блох ловить? Не люблю искать блох у других, не люблю, чтоб и у меня искали!»^{909} Это было еще одним поводом для критики милюковского журнала другими эмигрантами, относившимися к чистоте русского языка значительно более трепетно.

Милюкову удалось издать лишь двадцать одну книгу «Русских записок». Издание было оборвано в 1939 году в связи с началом Второй мировой войны и прекращением финансирования.

Политологические и культурологические труды

В Париже Милюков возобновил свои, как он считал, исторические исследования. Теперь, однако, они были посвящены близким по времени проблемам, базировались на узком круге источников, причем их подбор и использование в основном соответствовали тогдашним взглядам автора.

Одна из них — опубликованный в 1927 году издательством «Родник» двухтомный труд «Россия на переломе: Большевистский период русской революции» — сочетание воспоминаний (хотя о себе автор говорил в третьем лице), подборки документов и начального анализа. Хронологически (после вступительных разделов) он охватывал время от Октябрьского переворота 1917 года до окончания Гражданской войны. Основанная на обширном и, как правило, добротном фактическом материале, книга стала базой многих пропагандистских выступлений самого Милюкова и его сторонников.

Эпиграфом автор взял слова Л. Н. Толстого: «Ничего не утаю. Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно — умалчивая». Разумеется, объективность изложения, при всём стремлении к ней, была недостижима не только в силу наличия у Милюкова (как, впрочем, у любого автора исторического труда) собственной позиции, но и потому, что писал книгу бывший активный участник событий, игравший видную роль в антибольшевистском лагере, но существенно изменивший свои взгляды в эмиграции. Как сказал С. П. Мельгунов, «дело не в том, что политик заговорил в авторе, а в том, что этот политик освещает прошлое исключительно со своей современной, уже изменившейся точки зрения, не считаясь подчас... даже с фактами»^{910}. Это была, пожалуй, слишком строгая оценка, частично обусловленная тем, что ранее Милюков резко

ответил на рецензию Мельгунова. С фактами он всё же считался, но, разумеется, отражал в книге личную точку зрения, хотя в предисловии и подчеркивал, что хотел бы смотреть на себя глазами историка, а не политика, что время для мемуаров еще не наступило^{911}.

Милюков кратко рассмотрел историю революции 1917 года и попытался дать более или менее подробный анализ событий Гражданской войны, проследить развитие противостоявших лагерей — большевистского и антибольшевистского.

В первом томе говорилось о причинах революции и прихода к власти большевиков, о национальном вопросе и многонациональном Советском союзном государстве; о советской дипломатии и III Интернационале.

В качестве основных «опор» «диктатуры пролетариата», базы для существования «служилого класса» (точнее было бы назвать его политической прослойкой), который является реальным хозяином страны, автор выделил единовластную партию, Красную армию и «единственную в истории систему шпионажа и красного террора»^{912}, тем самым разрушая миф о насаждении социализма «сверху».

Рассуждая о введении новой экономической политики, Милюков сообщал, что идеи нэпа были переданы правившей группе (в частности Сталину) меньшевистскими деятелями, в частности будущим советским дипломатом Александром Антоновичем Трояновским, который даже набросал подобие декрета о продналоге^{913}.

Во втором томе Милюков подробно рассмотрел «антибольшевистское движение» в совокупности его участников и тактики. Выделялись четыре этапа: подготовительный, когда происходила дифференциация общественных группировок; первоначальный, в первый год после Октябрьского переворота (период совместных действий антибольшевистских и антиреволюционных сил); вооруженная борьба совместно с иностранной интервенцией (1919–1920); перенесение «антибольшевистского движения» за границу и приобретение им «политического и эмигрантского характера». Основное внимание автор уделил вооруженным формированиям Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля: военным действиям, особенностям политического, экономического и культурного развития подвластных им территорий. В числе сил Белого движения он называл военных, представителей старой бюрократии и привилегированного класса, правые и левые политические течения, при этом почти не касался антибольшевистских выступлений в среде рабочего класса и крестьянства, партизанского сопротивления

советской власти.

В отдельных разделах книги была предпринята попытка проследить причины неудач Белого движения. Особо рассматривался вопрос о диктатуре, согласно теперешним милюковским оценкам, отстаиваемой правыми, консервативными элементами. Оппоненты ехидно напоминали Павлу Николаевичу его прежние выступления в поддержку диктатуры. «В прошлом должна быть очерчена и роль самого Милюкова. Вся его позиция толкала Партию народной свободы в корниловский лагерь», — писал Мельгунов^{914}.

Оценивая книгу с позиций той части эмиграции, которая осуждала новый курс Милюкова, Мельгунов заключал: «В истории он хочет найти оправдание своей современной политической позиции. А для того, чтобы история служила этой цели, он иногда фальсифицирует ее, покрывая пеленой забвения то, что неприятно вспомнить творцу «новой тактики» в эмиграции. Если А. Ф. Керенский «Историю революции» П. Н. Милюкова с известным преувеличением назвал «стилизацией под вкус правой реакции», то новую книгу о гражданской войне можно, пожалуй, с большим правом назвать уже скорее стилизацией под вкус «левой» эмиграции»^{915}. Надо, однако, заметить, что эта оценка, также продиктованная политическими соображениями, была не совсем справедлива. Именно Милюков положил начало более или менее систематизированному освещению истории Гражданской войны.

«Россия на переломе» вызвала многочисленные отклики. Рецензии, в основном положительные, публиковались во многих эмигрантских изданиях. В некоторых письмах, полученных Милюковым, содержались воспоминания, например, рассказ очевидца, как большевики захватили Ставку Верховного главнокомандующего в Могилеве и убили генерала Н. Н. Духонина^{916}.

Работу над второй книгой, «От Николая II к Сталину (Полвека внешней политики)», автор начал перед Второй мировой войной, а завершил в феврале 1942 года, отметив в рукописи: «Я пишу эти строки в тот день, когда Советский Союз празднует годовщину Красной армии, созданной 24 года назад. Нельзя найти лучшего момента для этих рассуждений»^{917}. По всей видимости, перевод на английский язык осуществил сам автор, о чем свидетельствует его обширная рукописная правка в английском машинописном тексте, порой с существенными изменениями и дополнениями. Возможно, что частично или даже в основном рукопись писалась на английском; во всяком случае, обнаружить

русские оригиналы работы не удалось ни нам, ни П. А. Трибунскому, опубликовавшему посмертную опись рукописей Милюкова^{918}.

Трибунский считает, что работу переводил на английский язык некий Гиммельштейн^{919}. Скорее, однако, он лишь корректировал перевод. 9 апреля 1942 года Милюков писал жившему в США журналисту и историку литературы Якову Борисовичу Полонскому, что часть его рукописи «доделывает Гиммельштейн»; это свидетельствует о некой дополнительной работе и вряд ли может быть применено к переводу.

Еще одним аргументом в пользу того, что работа изначально писалась на английском языке, является заметка редакции «Нового журнала», предварявшая публикацию отрывка из рукописи: «Следующие ниже страницы написаны П. Н. Милюковым на английском языке незадолго до его кончины. Они еще нигде не появлялись в печати и переведены на русский язык по доставленной редакции рукописи»^{920}.

Экземпляр рукописи удалось переправить в США. В том же письме Полонскому Милюков информировал: «Моя рукопись (первые 4 главы) едет в Америку с оказией и будет получена в апреле, а вторая половина... попадет туда, вероятно, в мае»^{921}. Однако фонд Карнеги отказался от издания работы на английском языке, а русским эмигрантам так и не удалось собрать средства для ее публикации на русском. Машинописный текст объемом более четырехсот страниц хранится в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира, где мы его и обнаружили.

За обширной вступительной главой, посвященной предпосылкам Первой мировой войны, следовал анализ внешнеполитических ходов России в военные годы (упор делался на отсутствии ее вины в развязывании войны), особенностей внешней политики Временного правительства (в основном в то время, когда Милюков был министром иностранных дел) и международной катастрофы, вызванной Октябрьским переворотом.

Главное внимание, однако, уделялось особенностям советской дипломатии — этим сюжетам посвящались главы «От изоляции к признанию», «От «мировой революции» к Лиге Наций», «Между тоталитаризмом и демократией». За ними следовала объемистая глава «Накануне войны» (имелась в виду Вторая мировая война) с рассказом о сталинских военных, политических, идеологических приготовлениях к войне (ее часть остается единственным опубликованным фрагментом этой работы^{922}).

Историко-публицистический и политологический анализ внешней

политики России и СССР с начала XX века до Второй мировой войны перемежался значительными мемуарными фрагментами. Работа содержала оригинальные оценки, соответствовавшие взглядам автора, сложившимся во второй половине 1930-х годов. Милюков прослеживал возвращение советского руководства, прежде всего Сталина, к национальной политике дореволюционной России. Он стремился показать как позитивные стороны, так и пороки международно-политических доктрин и позиции России (СССР) в промежутке от подготовки Первой мировой до кануна Второй мировой войны.

Внешнюю политику автор рассматривал не только на фоне внутренней, но и в неразрывной связи с ней. При этом, кажется, он подчас просто забывал, что книга посвящена внешней политике, и на протяжении многих страниц рассматривал хотя и важные для понимания сталинского международного курса, но внутренние проблемы, уделяя им избыточное внимание.

В отличие от некоторых других работ Милюкова, где встречались элементы идеализации советского диктатора, здесь давалась сравнительно объективная его характеристика, порой приобретающая вид формулы: «Он не высказывал мнений, он отдавал приказы. Он не вступал в споры, а разоблачал несогласных спорщиков во имя единства партии»^{1923}. Автор доказывал, что сталинская концепция построения социализма в одной стране имела не столько внутреннюю сторону, сколько внешнюю — позволяла обвинить капиталистические государства в том, что они якобы только и думают, как сокрушить «страну социализма» военным путем, и оправдать усиленное вооружение СССР.

В параграфе «Два диктатора» Милюков проводил параллель между Сталиным и Гитлером: «Так случилось, что оба они, столь незначительные своим социальным происхождением, отсутствием культуры и образования, смогли в судьбоносный момент, когда пишутся эти строки, не только сохранить руководящую роль в своих странах, но и взять в свои руки судьбы миллионов людей в Европе и во всём мире. Во имя некоего «нового порядка», который следовало бы создать во всём мире, они подмяли под свои ноги всякие понятия права и морали, выработанные столетиями развития цивилизации». Автор пытался понять причины гипнотического воздействия диктаторов на свои народы: «...обманные обещания и невыполнимые идеи создали атмосферу, в которой ложь стала в России универсальной», люди «желали быть обманутыми». Впрочем, эту сомнительную мысль Милюков обрывал, переходя к попыткам объяснить

действия Сталина его эволюцией «от утопии к реальности»^{924}.

Проявлением такой эволюции он считал даже навязывание населению бредовых идей о величии вождя, объявление его величайшим гением всех времен. Именно путем создания сталинского культа достиглось единство партии и народа, которое представляло собой «единство в подчинении воле «великого» Сталина». Признавая, что в мировой истории всегда хватало льстецов, прилагавших максимум усилий, чтобы угодить правителю, Милюков отмечал, что «в коммунистической России они, вероятно, превзошли всех остальных в вульгарности своих действий и полном отсутствии меры»^{925}.

Поскольку автор завершал свою работу во время войны (он ссылаясь на события 1942 года), понятно, что особое внимание уделялось обстоятельствам, связанным с подготовкой СССР к вероятному вооруженному столкновению. Он показывал огромные человеческие и материальные жертвы, понесенные народом в результате насильственной коллективизации и форсированной индустриализации, бесчеловечность планов и действий Сталина. В то же время Милюков полагал: «...успех его смелого эксперимента соответствовал поставленным целям, и в конечном итоге огромное напряжение страны было оправданным»^{926}. О возможности альтернативных вариантов подготовки к войне речь не шла.

Опытный историк не поставил под сомнение справедливость обвинений на московских судебных процессах периода Большого террора, не применил навыки научной критики источников и писал о «сотрудничестве Троцкого с германскими спецслужбами», о «вредительстве» Зиновьева, Каменева, Бухарина и прочих бывших большевистских руководителей как об установленных фактах. Пресловутая «политическая целесообразность» привела к тому, что некоторые пассажи Милюкова выглядели чуть ли не выполнением сталинского заказа, хотя, конечно, ни о какой его связи с советским диктатором говорить не приходится. Правда, надо отметить, что чуть ниже автор в прямом противоречии с признанием фальшивок достоверными фактами определенно говорил о злобной цели Сталина — полном уничтожении дооктябрьского партийного поколения^{927}.

Завершался милюковский труд анализом советской внешней политики накануне и в начале Второй мировой войны. Особое внимание было обращено на оттенки взаимоотношений СССР и Германии на отдельных этапах этого краткого, но исключительно напряженного периода. Автор отметил их явное ухудшение в конце 1940-го — первой половине 1941 года,

непосредственно перед германским нападением. Сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года о сохранении между СССР и Германией нормальных отношений (Милюков, видимо, случайно датировал его 13 июня; интересно, что именно тогда оно и было написано Сталиным^{928}) характеризуется как «мрачная ирония», но в то же время и как «последняя отчаянная попытка со стороны Сталина сохранить мир»^{929}.

В то же время книга завершалась выражением уверенности в победе СССР и надежды на восстановление после войны демократического правопорядка. Указывая на «осторожные попытки Сталина реабилитировать частную экономику», Милюков в очередной раз ошибался. Впрочем, аналогичную ошибку допускали большинство западных политологов, которых советскому лидеру легко удавалось дурачить.

Работа явно писалась в основном по памяти, которая оставалась великолепной, но не могла сохранить в точности все факты, наименования, цифры, даты и т. д. В результате даже в датировке возникали ошибки. Так, принятие «сталинской конституции» Милюков почему-то датировал 12 января 1938 года; впрочем, чуть ниже была названа правильная дата — 5 декабря 1936-го^{930}. Просматривая машинописный текст, Павел Николаевич замечал некоторые неточности, подчеркивал соответствующие места, ставил вопросительные знаки, видимо, намереваясь внести исправления в корректуре.

Книга была написана, как всегда, блестящим литературным языком, содержала факты малоизвестные, а порой и вовсе не известные даже специалистам.

В Советском Союзе, несмотря на новую позицию Милюкова, его продолжали оценивать как одного из самых ярых врагов. Сама его фамилия звучала в сталинском окружении почти ругательством. Достаточно лишь одного примера: когда на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) в феврале 1932 года шельмовали старого партийного работника А. Г. Шляпникова, в качестве позорной характеристики прозвучало, что он «сидел бы в мин[истерств]е Милюкова»^{931}.

Видимо, отчасти поэтому, но в большей степени просто для сатирической затравки Илья Ильф и Евгений Петров в романе «Двенадцать стульев» (1927) явно придали высмеиваемому ими герою «Кисе» Воробьянинову черты Милюкова да еще и обозвали его «гигантом мысли и отцом русской демократии» — теми эпитетами, которые часто применялись по отношению к Павлу Николаевичу. Любопытно, что режиссер Марк

Захаров, через много лет снимая фильм по этому роману (1976), придал внешнему облику Анатолия Папанова, игравшего Воробьянинова, черты, сделавшие его похожим на Милюкова. Мы обратились к Марку Анатольевичу с рядом вопросов по этому поводу (что именно побудило к этому режиссера и какими источниками он пользовался), однако, к сожалению, ответа не получили.

На протяжении всего эмигрантского периода жизни Павел Николаевич сохранял интерес к художественной литературе, особенно русской^{932}. В «Последних новостях» он выступал с очерками о писателях: Герцене, Тургеневе, Достоевском, Толстом. В одной из статей Милюков поделился воспоминаниями об одной из встреч с Толстым в его доме в Хамовниках^{933}. Не раз он обращал внимание на творчество современных писателей: Максима Горького, Сергея Есенина, Ивана Бунина, Бориса Зайцева.

Готовя юбилейное издание «Очерков по истории русской культуры», Милюков дополнил последний том, доведя обзор художественной литературы почти до текущего момента^{934}. Явно упрощая литературный процесс, автор считал декадентскую литературу упаднической, зато возвращение к реализму в советский период сдержанно одобрял, полагая, что новые произведения в значительной степени отражают действительность. Эмигрантский критик Марк Слоним считал, что Милюков сумел «оценить большинство писателей советской России. Он подошел к ним без политических предвзятых идей, так искажающих суждения большинства эмигрантских критиков»^{935}.

Изменения и дополнения были внесены и в предыдущие разделы. Павел Николаевич предполагал продолжить работу над «Очерками» и в следующие годы, даже в условиях войны. В 1942 году он писал историку М. М. Карповичу: «Готовы теперь две трети первоначального первого тома, охватывающего тему «страна и население»; не переделаны экономический, социальный строй и учреждения (где переделок будет меньше)... Вторая часть этих двух третей, которую я назвал «Россия — империя», содержит историю превращения Московского царства в Российское государство: колонизацию и завоевания, бесспорные и спорные — вплоть до нашего времени. Тут немало актуального, а в отделе о первоначальном расселении я даю свою собственную конструкцию»^{936}.

Последняя часть «Очерков» так и осталась неоконченной: история общественного сознания была доведена только до конца XVIII века. Тем не менее Милюков показал себя прекрасным знатоком общественно-

политических и историко-философских идей, что особенно отмечал М. М. Карпович, подчеркивавший, что, подобно другим разделам, «в этой части милюковского исторического полотна краски сохранили всю свою первоначальную свежесть»^{937}.

Но особое внимание Милюкова было сосредоточено на личности, эпохе, окружении А. С. Пушкина. В 1924 году ему была предоставлена почетная возможность выступить в Сорбонне с основным докладом на торжественном вечере, посвященном 125-летию со дня рождения поэта^{938}. Оратор говорил о «живом Пушкине» — реальном человеке, не только великом художественном творце, но и общественном деятеле. В основном в соответствии с реальностью он отрицал глубокую связь Пушкина с революционным движением, подчеркивал, что его контакты с декабристами носили личный характер: «В этот исторический ряд между Радищевым и Рылеевым вы Пушкина не вставите». Величие Пушкина в другом: он дал «классическую форму и выражение первой эпохи расцвета нашей самостоятельной национальной культуры».

В 1937 году в СССР пышно отмечалось столетие со дня смерти Пушкина — Сталин вообще предпочитал чествовать годовщины смерти великих людей. Достаточно упомянуть, что ежегодно на высшем уровне устраивались «торжественно-траурные» собрания, посвященные очередной годовщине смерти Ленина (почему-то не 21-го, а 22 января было даже выходным днем), а ленинские дни рождения отмечались весьма скромно. Точно так же в разгар Большого террора «всемирным праздником» стала круглая годовщина гибели великого поэта.

Павел Николаевич решил, что просто не вправе не откликнуться на это событие. Он счел необходимым представить русской общественности Пушкина без лакировки, «живого Пушкина», и повторил это удачное выражение в заголовке своей книги, отрывки из которой предварительно печатались в «Последних новостях»^{939}.

Это был не анализ творчества, а историко-биографический очерк. Автор полагал, что основным содержанием пушкинского существования была борьба, но не за чье-то благо, а за самого себя, за свою личную свободу. Велась она с тремя недругами — семьей, царским двором и обществом. И поступками, и поэзией Пушкин стремился куда-то вырваться — отсюда его новаторство, его «побег в историю».

Именно «побегам в историю» в работе уделялось особое внимание. Восприятие Пушкиным Петра I в «Медном всаднике» трактовалось как «бунт против попытки возвеличить деспота — бунт отдельной

беспомощной личности против тяжелой поступи реформатора-тирана». Милюков считал, что «Капитанская дочка», в которой представал живой образ мятежного Пугачева, «гораздо больше история, чем «История пугачевского бунта». При этом автор убедительно показывал, что в своих политических воззрениях Пушкин «дрейфовал вправо» и постепенно терял либеральную часть читающей публики. В противоположность Ф. М. Достоевскому, когда-то писавшему, что поэт унес в могилу какую-то тайну, «всечеловеческие проблемы», Милюков считал: «Он прост и ясен в своем величии — и потому он велик»^{940}.

Книга Милюкова оказалась одной из наиболее популярных биографий поэта. В течение полугода она выдержала два издания, причем второе издание начало готовиться тотчас после выхода первого (предисловие к первому было написано 1 мая, а ко второму — уже 20 мая 1937 года), что было беспрецедентным случаем в эмигрантской издательской практике.

Книгу весьма положительно приняла вся эмигрантская пресса, включая издания, отнюдь не благоволившие к автору. Видный поэт и переводчик Георгий Адамович писал: «Книга оправдывает свое название. Если Пушкин в ней «живой», то потому что живая она сама»^{941}.

В середине 1930-х годов Милюков активно участвовал в еще одном важном общественном начинании — подготовке из числа молодых эмигрантов гуманитарных кадров с высшим образованием, которые могли бы, возвратясь на родину, восполнить крайнюю нехватку широко образованных специалистов и стать там носителями западной культуры и образа мышления. В 1935 году был основан Франко-русский институт, имевший второе название — Высшая школа социальных, политических и юридических наук, имевший целью «подготовку молодых кадров для общественной деятельности на родине». Председателем правления института стал известный социолог Гастон Жез, а председателем совета профессоров — Милюков, который и был инициатором создания этого учебного заведения. Интересно, что, возглавив профессорский общественный орган, Павел Николаевич отказывался называть себя профессором. В то время как многие русские деятели за границей то ли по должности, то ли самозванно стали профессорами, Милюков однажды сострил, что остался последним русским приват-доцентом^{942}. Согласно положению об институте, утвержденному французскими властями, его дипломы были равнозначны дипломам соответствующих факультетов французских университетов.

Как и многие другие инициативы Милюкова, эта затея встретила

недоброжелательное отношение правой части эмиграции и руководства ряда других русских учебных заведений, которые отказались от мысли вернуться в Россию и осуждали возвращенческое движение, ставшее относительно активным во второй половине 1930-х годов. Тем не менее институт существовал до оккупации Парижа германскими войсками. Милюков читал в нем курс лекций по русской истории от Петра I до Николая I^{943}.

М. В. Вишняк, также являвшийся одним из основателей института (он читал там лекции по государственному праву и параллельно преподавал в Институте славяноведения при Парижском университете), вспоминал: «Преподавательский персонал при Институте славяноведения состоял из профессоров разных политических группировок. Возникший же по инициативе русских ученых и политиков эмигрантов... Франко-русский институт состоял из лекторов, по эмигрантскому мерилу, «левого» направления, то есть демократов или кадет[ов] милюковского толка и умеренных социалистов. Институт посвящен был не политическим событиям, идеям и учреждениям в прошлом, а текущим — тому, что на Западе именуется «science politique», «political science»^[17]. Возглавлял Институт Милюков. Лекции читали там безвозмездно»^{944}.

Единственной работой этого периода, которую можно оценить как собственно историческую (точнее, историографическую), являлась статья «Величие и падение Покровского (Эпизод из истории науки в СССР)», опубликованная в «Современных записках» (1937. № 65). Она посвящалась бывшему коллеге Милюкова по Московскому университету М. Н. Покровскому, занимавшему в советской исторической науке чуть ли не «вождистское» положение, а после смерти развенчанному по команде Сталина как «вульгаризатор»^{945}, которого, по словам автора, «неблагодарные сотоварищи теперь стараются — к счастью, после его смерти, последовавшей до сталинских ссылок и расстрелов, — так же спешно развенчать, как они спешили его канонизировать».

Милюков вспоминал Покровского как младшего коллегу по университету, рассказывал о его присоединении к большевикам, карьере в СССР. Но основная часть статьи была посвящена критике взглядов Покровского на русскую историю, его концепции раннего формирования капитализма в России, появление которой Павел Николаевич объяснял потребностями коммунистической доктрины, нуждавшейся в доказательствах того, что Россия до 1917 года являлась уже зрелой капиталистической страной, вполне пригодной для построения социализма.

Признавая определенную компетентность Покровского в области российской истории, Милюков конкретными фактами опровергал существование «торгового капитализма» якобы еще со Средних веков, отражал нападки Покровского на труды Ключевского и других специалистов, включая и его самого. В статье подробно рассказывалось, как Покровский всё больше проявлял «прокурорское усердие» по разоблачению «буржуазных» историков, чьи труды явно не укладывались в его схему. При этом глава советской исторической науки не заметил, как его работы начинали входить в противоречие с потребностями властной верхушки, прежде всего Сталина: «Покровский обличал русских историков-«государственников» тогда, когда советское государство достигло небывалых пределов «политического» вмешательства в «экономический» строй страны». Вначале он стал неудобен, а затем вреден сталинской власти, которая после его смерти (1932) расправилась с его памятью и трудами.

В связи с «разоблачениями» Покровского Милюков детально и остроумно характеризовал положение исторической науки в СССР в 1930-х годах, в первую очередь возвращение к школьному и вузовскому изучению истории — разумеется, в духе, пригодном для текущих политических потребностей, — и сделал подробный разбор учебника истории, написанного по заказу Сталина для средней школы. Статья завершилась констатацией крайне противоречивого положения, в котором оказалась советская историография: зайти слишком далеко в критике концепции Покровского означало бы признать несвоевременность Октябрьской революции и ее несоответствие марксистским догмам.

Этой сравнительно небольшой яркой статьей Милюков продемонстрировал, что порох в его профессиональной пороховнице не исеял, что он сохранил потенциал исследователя и критика.

Глава третья

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Предвоенные перипетии

Если у Павла Николаевича, в связи с различием политических позиций и его жестким характером, были напряженные отношения со значительной частью эмигрантов, то его супруга пользовалась почтением и любовью почти всей русской общины Парижа. Участвуя в массе общественных комитетов, благотворительных акциях, она за последние 15 лет лично помогла многим десяткам людей, получила многочисленные письма благодарности^{946}.

Анна Сергеевна являлась деятельным членом Комитета помощи русским писателям и ученым, сотрудничала в обществе «Быстрая помощь», в Московском землячестве, входила в состав дамских комитетов РДО и Союза русских писателей и журналистов в Париже, помогала работе Русского Красного Креста. Она стала основательницей и председательницей русской секции Международной федерации университетских женщин, в которой занималась просветительской деятельностью, в том числе организацией циклов лекций. Супруга Милюкова принимала участие также во многих художественных начинаниях, к ней обращались с просьбами о содействии в организации концертов, спектаклей и т. п. Изредка она выступала в периодической печати, главным образом по вопросам международного женского движения^{947}.

Последние годы Анна Сергеевна страдала сердечным заболеванием. Она не исключала скорой кончины и незадолго до нее сказала кому-то из близких: «Самый жгучий вопрос — это то, что счастливые супруги не умирают вместе; ужасно остаться вдовой, но тяжело оставить после себя вдовца»^{948}. Она явно идеализировала свои отношения с супругом, скорее всего, чтобы в этом аспекте сохранить хорошее впечатление о нем в эмигрантской среде. Она знала, что у мужа и раньше были связи на стороне, и теперь существовала женщина, с которой он регулярно встречался. Милюковы подумывали о разводе, но разорвать узы, освященные Церковью, среди эмигрантов считалось безнравственным и

могло повредить Павлу Николаевичу как политическому аналитику и журналисту^{1949}.

Двенадцатого февраля 1935 года Анна Сергеевна, «седая вечная курсистка», как называл ее Дон Аминадо^{1950}, скончалась от гриппа, осложненного воспалением легких. Сочувственные статьи и некрологи появились почти во всей эмигрантской прессе. Константин Бальмонт откликнулся на смерть Анны Сергеевны двумя стихотворениями, посвященными ее памяти и осиротевшему супругу:

ОПРАВДАНИЕ ДОБРА

*Я вас встречал, красивая душа,
Подруга человека волевого,
Чей верный путь — обдуманное слово.
В вас ясность глаз была так хороша.
Вы доброе свершали не спеша.
Своим считая бедствие чужого,
Усталому вздохнуть давали снова,
Он возрождался, радостно дыша.
В столице Белокаменной впервые
Я встретил вас в наш жизненный июнь.
Вы были дружны. Оба — боевые.
Судьба раскрыла свитки роковые.
Осиротевший муж ваш сед как лунь.
Но дух ваш с ним. Вы встретитесь — живые!*

ПОТЕРЯВШЕМУ ЛЮБИМУЮ

*Я видел твой последний взгляд,
От всех кругом, скользящий мимо,
Тоскующий невыразимо,
Он был как свечи, что горят.
«Ты вся — во всё — что мной — любимо».
Течет великая река,
Но дважды в ней побыть нельзя нам.
Кого в своем явленье ледяном
Коснется та, что век близка,*

*Увенчан он суровым саном.
И ты любимую свою,
С кем вдруг нежданная разлука
Была пронзающая мука,
Иному отдал бытию,
Всю пытку в душу взял без звука.
Всезавершающий обряд,
Нам память Вечную внушая,
Исполнен. Вечно — дорогая
Вошла в твой неотступный взгляд,
И ты ушел — как в ночь вступаю.
Так призрак, лишь на миг придя,
В свое уходит измеренье.
Но гулкое вещало пенье,
Что после бури и дождя
Взнесется радуги свеченье^{951}.*

Н. Г. Думова пишет: «Милюков тяжело переживал смерть жены — друзья впервые видели его тогда плачущим. Но остался верен себе. Как в тот день 1915 г., когда пришло известие о гибели на фронте Первой мировой войны его любимого сына Сергея, он приехал в редакцию «Речи», чтобы написать передовую статью, так и теперь, еще до похорон жены, засел за резкий фельетон, направленный против газеты «Возрождение»^{952}. Настораживает, что автор, в других случаях исправно ссылаясь на источники, для обоснования этого утверждения их не указала.

Между тем к моменту кончины Анны Сергеевны их с мужем отношения давно превратились в следование традиции, нежные чувства увяли много лет назад. Жесткий, сопротивлявшийся любым проявлениям естественных человеческих чувств характер Милюкова с годами еще больше окаменел. В противном случае вряд ли он стал в промежутке между смертью жены и похоронами писать газетную передовицу. Мы далеки от сентиментальных упреков в адрес героя нашей книги, но тот факт, что политическая деятельность подчас целиком поглощает человека, в данном случае подтверждается с избытком. Впрочем, Милюков был таким с молодости.

Всего через несколько месяцев после смерти Анны Сергеевны Милюков вступил во второй брак. Многие знакомые и незнакомые сочли

его скоропалительную женитьбу бестактной^{1953}.

Он женился на своей давней подруге Нине (Антонине) Васильевне Лавровой (в девичестве Григорьевой), с которой тайком встречался еще в России и возобновил связь на чужбине. Именно с ней Милюков намеревался провести свои последние годы (в 1935 году ему исполнилось 76 лет) в случае развода с Анной Сергеевной, но расторгнуть этот брак так и не решился. Их свидания, происходившие на протяжении следующих двенадцати лет, в основном в небольшом отеле неподалеку от редакции «Последних новостей», зафиксированы в материалах французского полицейского наблюдения. Любопытно, что парижская полиция в полном соответствии со свободными нравами великого города комментировала, что супруга Милюкова оказывает ему помощь во всех начинаниях и «частная жизнь четы Милюковых не вызывает нареканий»^{1954}.

Отношения во втором браке не сложились. У Милюкова не было душевной близости с женщиной моложе его на 22 года (он неизменно называл жену «Ниночкой»), всецело поглощенной домашними заботами, материальными делами и не интересовавшейся общественной деятельностью. Павел Николаевич чувствовал себя одиноким.

Нина Васильевна взяла на себя все заботы по переезду на более благоустроенную квартиру на бульваре Монпарнас. Павел Николаевич не возражал, но относился к домашним хлопотам отрешенно — лишь сменил кабинет на новый, более просторный, который также использовал для подготовки статей, докладов о текущей политике и рукописей по политологии.

Иногда он с тоской вспоминал о младшем сыне, погибшем в Первую мировую войну, и дочери Наталье, отказавшейся уехать за границу. Она некоторое время жила в Киеве в квартире В. И. Вернадского, ставшего президентом Украинской академии наук. Наталья вышла замуж, переехала в Ростов^{1955} и там скончалась от тифа или дизентерии в 1921 году в возрасте двадцати трех лет^{1956}.

Судьба Николая, во время Гражданской войны уехавшего, как и родители, за границу, сложилась неудачно. Он пытался работать пилотом вначале в Югославии, затем во Франции, но нигде долго не удержался из-за увлечения спиртными напитками. Задолго до эмиграции Николай женился на дочери полтавского кадетского деятеля Ивана Николаевича Присецкого Ольге. У них родились дочери Виктория и Ирина, но брак вскоре распался. Об оставшихся на Украине детях Николай не вспоминал.

Однако в 1926 году он всё же принял, правда, без особой теплоты,

старшую дочь Викторию, которую знакомым удалось вывезти за границу. Ольга Ивановна также пыталась выехать, но «компетентные органы» не дали ей разрешение именно на основании, что она была женой сына Милюкова. Ходатайства авторитетных общественных деятельниц Прасковьи Семеновны Ивановской (свояченицы В. Г. Короленко) и председателя Общества помощи политическим заключенным Екатерины Павловны Пешковой (первой жены Максима Горького) результата не дали. Ольга нищенствовала в Сорочинцах Миргородского уезда^{957}. Затем следы ее потерялись. Если она дожила до Большого террора, то, скорее всего, сгинула в ГУЛАГе.

В тридцатые годы Николай потерял квалификацию, стал работать таксистом, но и в этой профессии, характерной для эмигрировавших бывших офицеров российской армии, не преуспел и жил случайными заработками. Из отчетов парижской полиции видно, что вместе с другими бывшими русскими военными он не раз устраивал пьяные дебоши в парижских ресторанах, за что его задерживали, привозили в участки жандармерии, но вскоре отпускали, в основном из уважения к отцу^{958}.

Николай женился во второй раз, но вскоре опять развелся. Виктория росла почти беспризорной, отец не обращал на нее внимания. Фактически они жили на иждивении Павла Николаевича, который материально обеспечивал их, но близко к себе не допускал. Отношения между отцом и сыном не были теплыми. Письма Николай адресовал в основном матери, к отцу же обращался почти исключительно по материальным вопросам^{959}. Судя по сохранившейся документации, после смерти Анны Сергеевны его общение с отцом прекратилось.

Виктория в 16 лет ушла из гимназии, вышла замуж, жила в бедности. Ее принимали в курортном доме Милюковых на побережье, но скорее терпели, чем воспринимали как родного человека. Муж ее вообще на дачу не допускался^{960}.

Младшая внучка Ирина прожила в СССР долгую жизнь и скончалась в 1999 году...

В старости Милюков продолжал жить, по выражению Н. Г. Думовой, в «своем микромире»^{961}. По наблюдению Андрея Седых, в теперь просторном кабинете Павла Николаевича на креслах валялись груды старых газет, и он, вместо того чтобы отправиться в столовую для чинного обеда с супругой, закусывал на углу письменного стола. «Вероятно, внешний уют и комфорт были не так уж ему необходимы, потому что с Ниной Васильевной он был по-своему счастлив»^{962}. В последнем,

впрочем, можно усомниться даже на основании рассказов самого Седых.

Вторая мировая

В последние годы жизни Милюков продолжал оставаться «политическим животным» (авторство этого термина приписывается Аристотелю). Однако в старости он в значительной степени утратил панорамность взгляда на развитие международной ситуации и роль СССР в мире. Всё происходившее он стремился оценить теперь лишь с позиции «выгодно ли для России», независимо от других политических и моральных критериев. При этом отказ от учета комплекса факторов подчас приводил его к явно произвольным оценкам. Именно в этом ключе следует оценивать отношение Милюкова к подписанию советско-германского договора о ненападении.

В первый момент, узнав о пакте Молотова — Риббентропа, Милюков был потрясен. «Последние новости» писали: «Условие и обстановка, в которых прошло его подготовление, а также момент, выбранный для его осуществления Советской властью, могут быть названы только одним словом — предательством по отношению к Франции и Англии»^[963]. Однако вскоре Милюков стал не просто оправдывать, а одобрять советско-германский договор. В глубокой старости Павел Николаевич, по существу, вновь стал Милюковым-Дарданелльским. Его позиция фактически совпала со стремлением Сталина использовать договор с Германией для присоединения к СССР европейских территорий, утерянных после 1917 года.

Милюков, разумеется, не знал о существовании дополнительного секретного протокола, но не мог не понимать, что между Германией и СССР существует соглашение о разделе Восточной Европы. Он с одобрением отнесся к включению в состав СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, сожалея лишь, что не присоединена Варшава с окрестностями, когда-то входившая в Российскую империю. Точно так же им было встречено вхождение в СССР балтийских стран.

Что же касается Финляндии, то он занял несколько иную позицию. Из переписки Милюкова видно, что он был доволен сохранением ею независимости после советско-финской войны (1939–1940), но в то же время считал справедливым присоединение к СССР части ее территории, прилегавшей к Ленинграду. Павел Николаевич писал Н. И. Вакару: «Мне

жаль финнов, но я — за Выборгскую губернию (I)»^{964}. Обосновывая свою позицию, автор письма разделял ее на две части — «сентиментальную» (сочувствие финнам) и «политическую» (интересы России). Более того, явно противореча себе, он охарактеризовал нападение на Финляндию как преступление «перед Россией и перед всем цивилизованным миром»^{965}. Когда же одним ударом расправиться с Финляндией не удалось и потянулись долгие месяцы «зимней войны», в «Последних новостях» появилась — безусловно, с санкции главного редактора — карикатура: негодующий Сталин и виноватый Ворошилов с мощными мускулами, но подбитым глазом. Подпись гласила: «Эх, Клим, надо ли было показывать всему миру, что эти мускулы у нас фальшивка»^{966}.

И всё же, несмотря на эти громкие слова и карикатуру, сочувствие Милюкова явно оставалось на стороне империалистической политики Сталина, хотя он и опасался, что союз с Гитлером может втянуть СССР в войну с Францией и Великобританией^{967}.

Иначе говоря, считая пакт с Германией мудрым шагом Сталина, Милюков всё же не менял своей антигитлеровской позиции. Даже включение в состав СССР новых территорий он рассматривал не только как возрождение Российского государства в дореволюционных границах, но и, косвенно, как удар по Гитлеру, сдерживание продвижения германских войск на восток^{968}. Павел Николаевич писал, что политика СССР «не только направлена против собственного союзника, но и кровно заинтересована в том, чтобы этот союзник был в конце концов разбит». Конечно же, его представления, будто Сталин делает всё, чтобы навредить Германии^{969}, были далеки от истины.

В ряде статей Милюков пытался доказать, что реальная политика Сталина в 1940 году была направлена против германских интересов, что он не мог не желать поражения Гитлера в войне, что в случае победы на Западе следующим шагом фюрера будет нападение на СССР с целью завоевания Украины и других территорий. У Милюкова цинично звучало сопоставление собственных взглядов с «империалистической» политикой Сталина. 4 февраля 1941 года, готовя новое, доработанное издание «Очерков истории русской культуры» (напомним, что в то время Северная Франция, включая Париж, была занята германскими войсками и Милюков выехал на неоккупированную территорию), Павел Николаевич писал журналисту и писателю Михаилу Андреевичу Осоргину: «Вторая часть первого тома готова; там мои новые теории о колонизации России и ее империализации: куда до меня... самому Сталину!»^{970}

После капитуляции Франции летом 1940 года Милюков стал задумываться о своей судьбе. Н. Г. Думова полагает, что он мог уехать в США, стать руководителем кафедры в одном из американских университетов, что его «усиленно звали» перебраться за океан, однако никаких подтверждающих документов не приводит. Не обнаружили их и мы. Нам представляется, что с поездкой в США у Милюкова могли возникнуть серьезные затруднения из-за его просталинских заявлений в предыдущие годы и особенно одобрения им советско-германского пакта. В этом контексте, мы полагаем, исследовательница несколько идеализирует Милюкова, говоря о выборе им места пребывания: «Но он хотел быть «свидетелем истории», верил в скорую победу над фашизмом, считал, что события в Европе развертываются быстро и можно будет вновь наладить выпуск газеты, а потому предпочел остаться в не оккупированной фашистами зоне Франции»^{971}.

Вначале он жил в административном центре этой зоны — курортном городе Виши (по названию города коллаборационистский режим во Франции стали называть вишистским), затем в Монпелье, а с апреля 1941 года перебрался в крохотный городок Экс-ле-Бен, сделав это по двум причинам: во-первых, он считал, что здесь будет менее заметен; во-вторых, городок находился на самой границе с Швейцарией и в случае опасности можно было попытаться выбраться в нейтральную страну, что ему многократно советовали сделать.

Жилось во французской провинции нелегко. Милюков сообщал Я. Б. Полонскому: «Насчет продовольствия — хуже с каждым месяцем. Если бы не хлопоты Ниночки насчет добывания, совсем бы изголодались. Устала она страшно из-за ухода за мной и из-за путешествия за припасами»^{972}.

Именно здесь, в Экс-ле-Бен, Милюков, страдавший сердечным заболеванием и понимавший, что жизнь подходит к концу, почти полностью переключился на подготовку мемуаров. Даже при всей великолепной памяти Павла Николаевича необходима была некая «опорная» литература — хотя бы для проверки основных исторических фактов. Из Парижа удалось увезти лишь малую часть его огромной библиотеки, поэтому в Монпелье, а затем в Экс-ле-Бен предпринимались усиленные, хотя и малоуспешные попытки приобрести у букинистов необходимые книги, журналы, газеты. 16 апреля 1941 года Павел Николаевич писал Осоргину о местных букинистах с оттенком иронии: «Их было трое, и один — совсем неграмотный — подвергался частым моим набегам. Всё-таки было развлечение мне по нраву, и в итоге

получились полки три книг и книжек, из которых черпаю сведения для пополнения своего образования. Как будто сохраняется традиция и видимость душевного спокойствия»^{973}. Милюков опирался и на фрагменты своих воспоминаний предыдущих лет, наиболее значительным из которых был труд «Мои университетские годы», опубликованный в юбилейном сборнике 1930 года^{974}.

На девятом десятке лет, чувствуя приближение кончины, Милюков мучительно размышлял над тем, как строить свое последнее произведение: должны ли мемуары историка отличаться от воспоминаний других участников важных событий, следует ли освещать то, что он пережил, в чем принимал участие, с точки зрения специалиста, причем накопившего большой опыт реконструкции прошлого.

Хотя в середине текста второго тома мемуаров появился крохотный раздел «Положение историка-мемуариста»^{975}, удовлетворительного ответа на эти вопросы в нем нет. Зато Павел Николаевич рассуждал о том, что никогда не менял своей линии отношения к происходившим событиям, а это, как мы видели, применительно к советскому периоду российской истории совершенно не соответствовало действительности.

В экстремальных условиях пребывания чуть ли не в деревне, почти без литературы, без обычных встреч с эмигрантами быстро наступила старческая дряхлость. Судя по переписке, друзей у Милюкова не было, но прежние встречи, обмен мнениями, споры до хрипоты создавали определенный душевный комфорт, давали зарядку уму, заставляли «держаться на плаву». Теперь всего этого Милюков был лишен. Болезни учащались. В апреле 1942 года состояние, казалось, стало критическим — развилась пневмония, отягощенная плевритом. Необходимо отдать должное Нине Васильевне — в бытовых делах она поистине могла творить чудеса. Благодаря ее заботам супруг смог подняться.

Он понимал, что поступил правильно, уехав из оккупированного Парижа. Знакомые сообщили ему, что немцы совершили налет на его квартиру на Монпарнасе. Милюков пожаловался в письме Осоргину, также жившему в вишистской части Франции: «Моя квартира получила три визита, в результате которых перевезены оттуда сундуки, чемоданы и ящики, очевидно, полные содержанием, а вдобавок лучшее из мебели»^{976}. Явно опасаясь цензуры, он не писал, кто совершил эти налеты. Понятно было, что именно находилось в увезенных сундуках: документы, рукописи и, возможно, книги.

Наивно полагая, что ученые-гуманитарии еще сохраняют какое-то

влияние в Германии, он обратился с письмами к коллегам К. Штеллингу и О. Хётчу. Однако оба они были к тому времени устранены из Берлинского университета и ничем не могли помочь^{977}.

Мнение Н. Г. Думовой, что в глубокой старости Милюков стал несколько мягче и душевнее, подтверждается письмами и воспоминаниями. В письме тому же Осоргину Павел Николаевич с любовью писал о своих «вечных спутниках» — книгах: «Захочу — и сниму с полки какого-нибудь старого друга в дрянном переплете, а то и без оногo, с текстом, испещренным читательскими примечаниями, приобретенного по таксе три франка за том... О серьезных книгах умоляю Париж; злодеи, не посылают!»^{978}

Милюков стал жаловаться своим адресатам, что его трудоспособность резко упала, чего не позволял себе всего несколькими годами ранее: «Сажусь за стол с пером в руке. Хочу что-то написать. Проходит четверть часа, полчаса — я сижу всё так же и ничего не пишу»^{979}.

Проникновенные, хотя, видимо, не вполне точные в деталях заметки о последних месяцах жизни Милюкова оставил Дон Аминадо, который жил сравнительно недалеко от последнего местопребывания Павла Николаевича. Сам он в это время находился на нелегальном положении, но имел мужество, рискуя жизнью, посещать Милюкова. Дон Аминадо вспоминал:

«И так случилось, что только под занавес, после того, как «Последних новостей» уже и след простыл, во время оккупации, в горах Савойи, в Aix-les-Bains привела судьба встретиться с Милюковым — в иных условиях, в иной обстановке, в номере «Международной гостиницы», где на убогом письменном столе, между склянок с лекарствами, разбросаны были мелко исписанные листки последней рукописи, которая называлась «Московский дневник — университетские годы»^[18].

Милюков и болел, и умирал, как тургеневский Базаров, любимый его герой. Никогда не жаловался, ни о чем не просил, никого не затруднял, не тревожил.

— Не откажите в пустяке, согласитесь быть моим душеприказчиком... Печально было это слушать и неожиданно. Мне всегда казалось, что Милюков меня скорее терпел, как в некотором роде необходимое зло в газете, и вдруг такой необычайный, ничем как будто не оправданный переход к близости, доверию, почти совсем к дружескому, милому отношению. Отказаться было нельзя. Нотариус требовал душеприказчика на месте, остальные были в Париже и в Лондоне. Пришлось согласиться.

Павел Николаевич был искренне доволен, благодарил и крепким базаровским рукопожатием подчеркнул свою трогательную признательность^[19].

Встречались мы с ним часто почти в течение года с лишним, и закат его был высокий, ясный, олимпийский. Рассказывал он о многом, о пережитом, о прошлом, и в голосе его звучали ноты, исполненные чарующей мягкости. Открытие, познание человеческой души приходит всегда слишком поздно...

Из савойских разговоров особенно запомнился один. П. Н. сидел в кресле, укутав ноги пледом, и долго смотрел на карту Европы, висевшую напротив, на стене. Карта была утыкана разноцветными бумажными флажками, точно определявшими линию русского фронта.

— Смотрите, наши наступают с двух сторон и продвигаются вперед почти безостановочно...

Глаза его светились каким-то особым, необычным блеском. Он сразу оживлялся и повторял с явным, подчеркнутым удовлетворением:

— Наш фронт... наша армия... наши войска...

В устах этого старого непримиримого ненавистника большевиков слово «наши» приобретало иной, возвышенный смысл. В самые тяжкие и, казалось, безнадежные моменты он ни на один миг не переставал верить в победу союзников, в победу русского оружия... А восьмидесятилетнего старика было по-настоящему жаль. Не так уж много Милюковых на белом свете. Много за его долгую жизнь копошилось вокруг него всякой человеческой скверности и мрази, завистливой и убогой посредственности, тупости, глупости и безответственного бахвальства, а наипаче всего пошлости»^[980].

Другие источники также свидетельствуют, что Милюков внимательно следил за ходом войны и особенно за развитием событий на советско-германском фронте. Тяжелые поражения Красной армии буквально давили его. Он вновь испытывал ненависть к советской власти. В письме Вакару говорилось: «Гигантский эксперимент кончился гигантской катастрофой»^[981]. Однако Я. Б. Полонскому он эзоповым языком характеризовал советское отступление летом 1942 года как стратегический маневр: «Новый этап нашествия едва ли будет удачен, несмотря на все приготовления соседа и, во всяком случае, не сможет быть решающим, как он себе обещает». Милюков писал: «Книгу я свою (по истории российской внешней политики. — Г. Ч., Л. Д.) закончил скромными, но твердыми пожеланиями продолжения начатой эволюции в СССР в раз намеченном

направлении, которое является теперь неизбежным — даже независимо от исхода конфликта»^{1982}. Перелом в ходе войны вызвал у него эйфорию. 26 сентября 1942 года, во время первой, оборонительной фазы грандиозного сражения под Сталинградом он писал Осоргину: «Это неверно, что история не делится на картины. Сейчас одна такая картина перед нами: «Сталинград». Вот и размышляйте, что будет в случае того или иного исхода. Во всяком случае, тут поворот, и «картина» будет другая»^{1983}.

Нельзя сказать, что в старости Милюков стал сочувственно относиться к коммунистическим идеям — он был враждебен им до конца своих дней. Однако войну СССР против Германии он действительно воспринимал как Отечественную, а отсюда шла та же логическая ниточка, которая в свое время привела его и к оправданию сталинского Большого террора, и к признанию целесообразным советско-германского пакта. Теперь, однако, явный компромисс с собственной совестью был оправдан, поскольку речь действительно шла о существовании самостоятельного Российского государства. Организовать сопротивление гитлеровскому нашествию, добиться перелома в ходе войны могла единственная сила — коммунистическая партия, являвшаяся послушным орудием сталинской диктатуры, а жизненные интересы Сталина и всей партийно-государственной машины в данном случае совпадали с коренными интересами народа — сохранить независимое существование, не превратиться в рабов Третьего рейха.

Милюков, разумеется, не имел понятия о документах, свидетельствовавших, что Сталин фактически отказался от основополагающих коммунистических идей мировой революции. Безусловно, с его подачи Исполком Коминтерна после начала Великой Отечественной войны направил компартиям директиву, где говорилось: «Болтовня о мировой революции оказывает услугу Гитлеру...»^{1984}

Именно в этих условиях Милюков весной 1942 года начал писать статью «Правда о большевизме», которая давалась ему очень тяжело и по политическим, и по сугубо личным причинам. Дело в том, что в нью-йоркском «Новом журнале» появилась статья его старого коллеги и друга М. В. Вишняка «Правда антибольшевизма», в которой утверждалось: «... Общее отношение русского населения к большевистскому режиму осталось таким же враждебным, каким оно было в голодные годы. Русский народ проявляет сейчас чудеса храбрости не благодаря советскому режиму, а вопреки режиму... большевистский социализм превратился в самодержавный коммунизм со всеми его атрибутами: массовыми казнями,

пытками, провокацией, заложничеством, шантажом и доношением, даже детей на родителей»^[985]. Этот страстный обвинительный акт был адресован той части русской эмиграции, которая в своем патриотическо-националистическом чувстве стала, по существу, служанкой Сталина. «И Ленин, и Троцкий, и Сталин прейдут, а Россия останется», — убеждал Вишняк.

Статья Милюкова была ответом Вишняку и в то же время обоснованием просоветской позиции. Павел Николаевич писал Осоргину весной 1942 года: «Своей «богине», истории, я, конечно, не изменяю и только недавно принес ей большую жертву, «прощая непростимое»^[986].

Павел Николаевич серьезно рисковал: если бы эта статья была обнаружена вишистскими властями или немцами, его расстреляли бы или отправили в концлагерь как советского агента. Но он об этом не думал. Он отлично понимал, что жизнь подходит к концу, и позволял себе писать то, что хотел.

При жизни Милюкова статья опубликована не была. По данным Н. Г. Думовой, она распространялась нелегально в виде брошюры, напечатанной на ротаторе. Об этом же сказано в посмертной публикации статьи, осуществленной журналом «Русский патриот» тотчас же после освобождения Парижа англо-американскими войсками в 1944 году^[987].

Правда, Милюков послал статью в «Новый журнал», но в условиях войны рукопись пропала в дороге. Исследователь Е. П. Нильсен пишет: «... редакторы потом благодарили своего Бога. Если бы она дошла, редакторы не могли бы не напечатать эту рукопись ввиду громкого имени автора»^[988].

Р. Гуль, в свою очередь, отметил: «Для зарубежных русских демократов и социалистов-антибольшевиков статья Милюкова оказалась «атомной бомбой» по своей неожиданности и по разрушительности прежней идеологии»^[989]. Это суждение, правда, относилось лишь к тем эмигрантам, которые не знали предыдущих просоветских выступлений Милюкова и по-прежнему видели в нем ортодоксального антикоммуниста. Крикливый и поверхностный Гуль рассыпал проклятия Милюкову, который, по его словам, «подкинул» Петру Великому Сталина — «разбойника с Коджармского шоссе и грабителя Тифлисского государственного банка». Единственное, что он смог определить более или менее верно, — то, что Милюков «мыслил всегда в категориях государственности, причем российская великодержавность всегда была целью его политической деятельности».

В статье Милюков признавал: «Когда видишь достигнутую цель,

лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней. Знаю, что это признание близко к учению Лойолы. Но... что поделаешь?» Автор пытался применить всё свое полемическое, публицистическое искусство, чтобы доказать, что события октября 1917 года были истинной революцией, поскольку в корне изменили старый социальный строй и политическую структуру, оборвав моральную традицию и посягнув на старую народную веру. Милюков призывал видеть не только разрушительную сторону, но и творческие достижения большевистской власти. Затем он переходил к главному: «Россия давно перестала быть Россией Ленина, и было бы чересчур наивно утверждать, что к этому сводится ВСЯ «государственная мудрость» диктатора. Едва успел умереть Ленин, как Сталин поспешил освободить свои руки от капитальнейшего ленинского тезиса — о необходимости мировой революции. Он объявил, что в России социализм может быть введен и без ее помощи. Это был первый и радикальнейший шаг в направлении дальнейшей эволюции. Диктатор, правда, прикрыл свою ересь именем Ленина. Но он не был первым политиком, который скрыл свое нововведение под старым именем, освященным традицией».

Автор не соглашался с утверждением Вишняка о противоположности власти и народа: «В действительности этот народ в худом и в хорошем связан со своим режимом. Огромное большинство народа другого режима не знает. Представители и свидетели старого порядка доживают свои дни на чужбине. Народ не только принял советский режим как факт, он примирился с его недостатками и оценил его преимущества. Советские люди создали громадную промышленность и военную индустрию, они поставили на рельсы нужный для этого производства аппарат управления. Упорство советского солдата коренится не только в том, что он идет на смерть с голой грудью, но и в том, что он равен своему противнику в техническом знании, вооружении и не менее его развит профессионально».

Всё это были верные суждения, хотя, выдвигая на первый план одни факты, автор пренебрегал другими — сохранением и усилением в годы войны диктаторского режима, жертвовавшего миллионами жизней советских граждан, воевавшего не умением, а числом. Он совершенно умозрительно писал о «гордости народа режимом».

Эта статья стала последним законченным текстом, вышедшим из-под пера Милюкова. Как полагал М. В. Вишняк, статья оказала некоторое влияние на настроения русской эмиграции, на ее поворот к примирению с советской властью и возврату на родину^[990].

А. Ф. Керенский с полным основанием писал: «Вся тактика П. Н.

Милюкова с начала этой войны была продиктована ему его горьким опытом политика и историка: Россия — географический стержень истории — должна существовать в мощи и силе, кто бы и как бы ею ни правил»^{991}.

Павел Николаевич Милюков скончался 31 марта 1943 года. В тот день он работал над воспоминаниями, о чем свидетельствует пометка Н. В. Милюковой на последней странице этой рукописи: «Последние записи 31-го марта 43 года утром»^{992}. Во второй половине дня случился сердечный приступ, оборвавший его жизнь.

Единственным изданием, непосредственно откликнувшимся на печальную весть, был русскоязычный «Новый журнал», выходивший в Нью-Йорке. В нем появился ряд статей, нечто среднее между некрологами и воспоминаниями. В следующие годы этот журнал неизменно публиковал материалы, связанные с Милюковым, включая отрывок из его неизданного труда. В прошлом страстный оппонент Милюкова Керенский, узнав о его кончине, писал:

«Всеим своим нутром русский человек, он в своем сознании был убежденным и непреклонным западником. Почти всеобъемлющая культура П. Н. Милюкова давала ему право на одно из первых мест среди ученых и среди политических деятелей Европы. Это место, несомненно, было бы за ним признано, если бы не случилось русской катастрофы. Большой редкий русский человек ушел почти незамеченным западным общественным мнением...

Одиночество России в мире продолжается. И чем безнадежней это одиночество, тем дружнее должны мы сомкнуться вокруг памяти одного из тех, без кого не было бы той России, которой мы преданы и которой гордимся»^{993}.

Павел Николаевич был погребен в Экс-ле-Бен. Однако после войны сын Николай организовал перезахоронение на парижском кладбище Батиньоль, на северо-востоке города, где покоилась Анна Сергеевна.

К сожалению, как нередко бывает, после освобождения Франции между наследниками Милюкова — вдовой Ниной Васильевной и сыном от первого брака Николаем — возникли дразги по поводу имущества, денежных средств и, главное, авторских прав на издание произведений и получение рукописей из архивов.

Основная часть рукописей и других материалов личного архива была вывезена немцами после смерти Милюкова, и следы ее затерялись. Николаю Павловичу удалось обнаружить часть архива в одной из комнат дома в Экс-ле-Бен. Он тайком присвоил ее, а затем передал (или продал)

Колумбийскому университету в Нью-Йорке, в архиве которого она ныне хранится. Остальные материалы остались у Н. В. Милюковой. Через некоторое время она передала их душеприказчику Павла Николаевича Б. И. Элькину, а тот, в свою очередь, депонировал их в архивах — в Колумбийском университете (Нью-Йорк) и Гуверовском институте войны, революции и мира (Пало-Альто, Калифорния). Однако Нина Васильевна оставила часть документов у себя, и после ее смерти в 1959 году они исчезли — скорее всего, были просто выброшены^{994}. Николай Павлович Милюков скончался двумя годами раньше.

Основная же часть архива Павла Николаевича, который прекрасно знал ему цену, сохранилась в первую очередь благодаря его собственным усилиям — документы исправно отсылались в Русский заграничный исторический архив (Прага) и ныне находятся в архивохранилищах Москвы.

Вместе с огромным числом публикаций Милюкова, воспоминаниями — его и о нем — эти документы остаются бесценным сокровищем российской истории и будут служить нынешнему поколению и потомкам добротным и фундаментальным источником для изучения сложнейшей и многообразной действительности.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Павел Николаевич Милюков был интеллигентом в полном смысле слова, представителем того последнего поколения российской интеллигенции, которое сочетало разностороннюю эрудицию, глубокие познания в профессии с безупречной репутацией. В следующих поколениях на смену интеллигенции в этом разностороннем, почти всеобъемлющем смысле пришли образованные (или не очень) специалисты, среди которых быть «интеллигентом» подчас считалось чуть ли не зазорным.

Уже в зрелые годы Павел Николаевич постепенно, но радикально изменил характер своей деятельности, отказавшись от научной карьеры, к которой поначалу тяготел. Исторический опыт России, который он глубоко изучал и стремился применить к современным реалиям, и жизненные, преподавательские, научные, общественные коллизии превратили его в общепризнанного руководителя либерального лагеря России начала XX века. Именно он во время революции 1905–1907 годов стал идеологом и лидером тех умеренно демократических сил, которые ориентировались на постепенное и мирное преобразование России. В определенной степени его деятельность вкупе с усилиями других политиков привела к успеху — в России появились элементы конституционной монархии, которые смогли, вопреки стремлениям царского двора и значительной части представителей исполнительной власти, сохраниться на протяжении следующего десятилетия, даже в условиях Первой мировой войны.

Однако они не выдержали испытания революцией 1917 года. Сам Милюков стал постепенно терять влияние даже в собственной партии. Марк Алданов полагал, что если бы Павел Николаевич «оказался англичанином, он был бы премьером в течение десятилетий и, может быть, лучшего премьера для Англии нельзя было бы себе представить»^[995]. В условиях же бурных революционных потрясений ему не нашлось должного места в общественно-политической жизни России.

Идея конституционно-демократического развития России рухнула под ударами рабоче-крестьянско-солдатской стихии, которую умело использовала партия большевиков, придя к власти в октябре 1917 года.

В эмиграции на протяжении последней четверти века жизни Милюков, фактически отойдя от активной политической деятельности, анализировал драматическое, а временами трагическое развитие событий в мире и на

родине, в ряде случаев вдумчиво, но подчас поверхностно, подчиняя свои суждения заранее сконструированной схеме, в основе которой лежали патриотические чувства. В угоду им он в 1930-х годах отказался от критики сталинского единовластия и даже оценивал Большой террор в СССР как мероприятия по ликвидации нацистской «пятой колонны». Отказавшись в начале 1920-х годов от устаревших, по его мнению, представлений, в частности от курса на свержение большевистской власти вооруженным путем, рассчитывая на постепенную эволюцию советской системы в сторону демократизации, в следующее десятилетие он признал легитимным единовластие Сталина. В годы Второй мировой войны Милюков был полностью на стороне антифашистских сил и внимательно следил за героической борьбой своего народа. Так что «догматиком либерализма», как его называют некоторые авторы, Павел Николаевич ни в коем случае не являлся.

А. В. Тыркова-Вильямс отмечала: «Сам Милюков не был ни сентиментальным, ни восторженным. Это был холодный, рассудочный человек. Но чужой энтузиазм, если он к нему самому относился, его подкупал. Льстецам, хвалителям он порой поддавался»^[1996].

Павел Николаевич оставил огромное научное, политическое, литературное наследие, возникшее благодаря его неутомимому, ежедневному, напряженному труду. Павел Николаевич был из тех людей, которые, говоря словами Аркадия и Бориса Стругацких, «терпеть не могли воскресений, потому что в воскресенье им было скучно», для которых поистине «понедельник начинается в субботу».

М. В. Вишняк писал: «Судьба поставила Милюкова на скрещении исторических путей России. Она сделала его центром притяжения и отталкивания идей, страстей, интересов. Милюкова преследовали, травили и оскорбляли. Словом и действием. Справа и слева. Русские коммунисты объявили его вне закона. Русские монархисты в него стреляли. Но он, духовное достояние нескольких поколений русской интеллигенции, неотрывен ни от истории России, ни от ее интеллигенции, — хранителя русской национальной памяти...»^[1997]

Последние три десятилетия российской истории — это время становления новой России, которая всё еще на распутье. Изберет ли ее народ подлинные либерально-демократические ценности, за которые ратовал Павел Николаевич Милюков? На этот вопрос не дано пока ответить никому. Да и неизвестно, правильно ли поставлен вопрос, действительно ли либеральные ценности являются неким универсальным средством,

позволяющим распутать весь узел российских проблем, как утверждают многие политики и политологи, пытаясь подтвердить свои рассуждения опытом других стран, не учитывая ни российских исторических реалий, ни практики последней четверти века. Да и каковы они, эти либеральные ценности? Во всяком случае, многолетний опыт деятельности Павла Николаевича Милюкова, признанного либерала, не позволяет сколько-нибудь четко их сформулировать.

Прав был Владимир Высоцкий: «А мы всё ставим каверзный ответ и не находим нужного вопроса».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. Н. МИЛЮКОВА

1859, 15 января — в семье архитектора Николая Павловича Милюкова и его жены Марии Аркадьевны родился сын Павел.

1869, сентябрь — поступил в 1-ю московскую гимназию.

1872, июнь — успешно сдал экзамены за первые три года обучения и перешел в старшие классы гимназии.

1876–1877— участвовал в кружке старшеклассников, обсуждавших социально-политические вопросы; от имени членов кружка обратился с письмом к Ф. М. Достоевскому в связи с избиением студентов «охотнорядцами».

1877, июнь — окончил гимназию.

Июль — сентябрь — участвовал в санитарном отряде на Кавказе во время Русско-турецкой войны.

27 сентября — приступил к занятиям на историко-филологическом факультете Московского университета.

1878, 18 апреля — Ф. М. Достоевский написал ответ Милюкову и другим студентам.

1879, февраль — стал учеником В. О. Ключевского, читавшего на историко-филологическом факультете общий курс русской истории.

1881, 5 декабря — арестован во время студенческой сходки, на которой председательствовал.

6 декабря — освобожден и предан профессорскому суду.

1882, март — исключен из университета до окончания учебного года.
Май — август — путешествовал по Италии.

Сентябрь — возобновил занятия в университете.

1883, июнь — сдал выпускные экзамены и оставлен на кафедре русской истории для подготовки магистерской диссертации.

Сентябрь — начал преподавать историю в 4-й женской гимназии и Земледельческом училище.

15 декабря — на историко-филологическом факультете Московского университета рассмотрена кандидатская работа Милюкова «О землевладении Московского государства XVI века».

- 1884, 7 мая — получил аттестат о кандидатском звании.
- 1885, 11 января — в Хотьковом монастыре венчался с Анной Сергеевной, в девичестве Смирновой.
- 1886, июль — зачислен приват-доцентом историко-филологического факультета Московского университета.
- 1887, 19 октября — принят в Московское общество истории и древностей российских.
- 1889, 11 июля — родился сын Николай.
- 1890, январь — участвовал в VIII археологическом съезде в Москве.
- 1892, 17 мая — защитил магистерскую диссертацию «Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого».
- 1894, декабрь — прочел в Нижнем Новгороде курс публичных лекций «Общественные движения в России».
- 1895, начало февраля — уволен из университета.
- 18 февраля — начало следствия в связи с лекциями в Нижнем Новгороде.
- 23 февраля — выслан в Рязань.
- Родился сын Сергей.
- 1897, февраль — выехал в Софию.
- 27 февраля — начал преподавание в Софийском высшем училище.
- Сентябрь — уволен из Высшего училища по требованию российских властей.
- 1898, январь — родилась дочь Наталья.
- Июнь — июль — для проверки своей концепции национальной идентичности македонских славян совершил поездку в Македонию.
- Октябрь — ноябрь — предпринял вторую поездку в Македонию.
- 1899, август — возвратился в Россию, участвовал в XI археологическом съезде в Киеве.
- Конец октября — начал работать в журнале «Мир Божий» в качестве соредактора.
- Ноябрь — получил разрешение на постоянное жительство в Петербурге.
- 1900, август — избран в состав совета Вольного экономического общества.
- 1901, 30 января — подвергся обыску и аресту.
- 14 июня — освобожден из заключения с запрещением жить в столице до вынесения приговора.
- 1902, 26 июня — избран членом-корреспондентом Болгарского

книжного общества (будущей Академии наук).

2 октября — по приговору суда заключен в тюрьму за проведение антиправительственной агитации.

11 декабря — выпущен из тюрьмы, по-видимому, по ходатайству В. О. Ключевского перед императором.

1903, 2 июня — прибыл в Нью-Йорк, откуда отправился в Чикаго для чтения лекций.

Август — учредительный съезд либерального Союза освобождения в Швейцарии.

1904, 3–5 января — нелегальный съезд Союза освобождения в Петербурге, принявший программу, в основном разработанную Милюковым.

30 сентября — 9 октября — участвовал в съезде оппозиционных и революционных партий в Париже.

Ноябрь — декабрь — прочел в Институте Лоуэлла при Гарвардском университете (США) лекционный курс «Русский кризис».

1905, начало апреля — в связи с революционными событиями возвратился в Петербург.

24–26 мая — участвовал в учредительном съезде Союза союзов и председательствовал на его заседаниях.

7 августа — арестован и провел месяц в тюрьме Кресты.

12–15 сентября — руководил съездом земских и городских организаций.

12 октября — открыл заседания учредительного съезда Конституционно-демократической партии и произнес вступительное слово.

1906, 23 февраля — начало выпуска газеты кадетской партии «Речь», которую редактировал Милюков.

Апрель — не являясь депутатом Первой Государственной думы, фактически возглавил думскую фракцию кадетов.

16 июня — вел переговоры с комендантом дворца в Царском Селе Д. Ф. Треповым о вхождении в правительство.

9–10 июля — участвовал в Выборгском совещании депутатов распущенной Первой Думы и представителей общественности, написал текст воззвания.

1907, февраль — июнь — не являясь депутатом Второй Государственной думы, фактически руководил фракцией кадетов.

Сентябрь — избран депутатом Государственной думы третьего созыва от Петербурга.

1 ноября — с начала работы Третьей Госдумы возглавил фракцию

партии кадетов.

1908, 9 мая — должен был принять участие в дуэли с А. И. Гучковым, которая не состоялась.

Вторая половина июля — август — ездил в Турцию и на Балканы для сбора информации о положении в регионе после «младотурецкого» переворота.

1909, 24 июня — 14 июля — вместе с Гучковым руководил делегацией Госдумы, посетившей Великобританию и Францию.

Ноябрь — выступил на конференции кадетской партии с докладом о политическом положении.

1912, сентябрь — избран в Четвертую Государственную думу по второй городской курии Петербурга.

Сентябрь — октябрь — посетил Балканы, находился в Болгарии во время начала Первой Балканской войны. Был принят болгарским царем Фердинандом.

1913, апрель — побывал в Болгарии для обследования положения на Балканах в военной ситуации.

Август — сентябрь — участвовал в работе комиссии фонда Карнеги по расследованию причин и последствий Балканских войн.

Сентябрь — октябрь — являлся одним из организаторов кампании протеста против антисемитского дела Бейлиса.

1914, 19 февраля — выступил в Думе в защиту культурно-национального самоопределения украинского народа.

21 апреля — выступил в Думе в защиту социал-демократа Чхеидзе.

26 июля — в связи с началом Первой мировой войны выступил в Думе с заявлением о поддержке партией кадетов военных усилий правительства.

1915, апрель — май — в составе делегации Государственной думы и Государственного совета посетил Великобританию, Францию и Италию.

Июнь — на Юго-Западном фронте погиб младший сын Сергей.

23 августа — стал фактическим руководителем думского Прогрессивного блока.

27 августа — участвовал в совещании депутатов Прогрессивного блока с членами правительства.

1916, 1 ноября — произнес в Думе антиправительственную речь с рефреном «Что это: глупость или измена?», вызвавшую бурные отклики по всей стране.

1917, 27 февраля — вошел в состав Временного комитета Государственной думы и фактически возглавил его в условиях начавшейся революции.

1 марта — назначен министром иностранных дел Временного правительства.

27 марта — публикация декларации Временного правительства об отсутствии захватнических целей в продолжавшейся войне и верности союзническим обязательствам.

5 апреля — публикация ноты Министерства иностранных дел за подписью Милюкова о целях войны.

2 мая — ушел с поста министра.

14 августа — выступил на Государственном совещании в Москве в поддержку установления в России твердой государственной власти. *Конец августа* — обвинен в участии в заговоре генерала Корнилова, выехал в Крым.

Середина сентября — возвратился в Петроград для участия в Демократическом совещании.

25 октября — уехал в Москву для организации противодействия большевистскому перевороту.

12 ноября — выехал на Дон в распоряжение формировавшейся Добровольческой армии.

1918, 10 июня — переехал в Киев, где вступил в сотрудничество с администрацией гетмана Скоропадского.

28–31 октября — участвовал в конференции партии кадетов в Екатеринодаре.

16–23 ноября — участвовал в совещании представителей антибольшевистских политических организаций в Яссах (Румыния).

19 декабря — прибыл во Францию в составе делегации Ясского совещания.

25 декабря — переехал из Парижа в Лондон.

Конец декабря — начал выпускать в Лондоне журнал «The New Russia» («Новая Россия»).

1920, октябрь — переехал на постоянное жительство в Париж.

1921, январь — участвовал в Совещании членов Учредительного собрания в Париже.

1 марта — стал главным редактором газеты «Последние новости». Смерть дочери Натальи.

1921, ноябрь — 1922, февраль — по поручению Совещания членов Учредительного собрания совершил поездку в США.

1922, 28 марта — остался невредим после покушения крайних монархистов в Берлине.

1924, июнь — возглавил основанное в Париже Республиканско-

демократическое объединение.

1925, октябрь — опубликовал статью «Петр Великий и его реформа».

1927 — завершил и издал двухтомный труд «Россия на переломе: Большевистский период русской революции».

1928, май — совершил поездку в США.

1929, январь — март — в Европе и США состоялось чествование семидесятилетия Милюкова.

1932, март — поддержал дальневосточную внешнюю политику СССР в связи с захватом Японией Маньчжурии.

1935, 12 февраля — смерть жены Анна Сергеевны.

Сентябрь — возглавил совет профессоров Франко-русского института.

Женился на Нине Васильевне Лавровой.

1937, январь — февраль — фактически поддержал сталинский Большой террор в СССР.

Май — завершил работу над книгой «Живой Пушкин».

Лето — начал издавать литературно-художественный и политический журнал «Русские записки».

1939, август — одобрил подписание советско-германского договора о ненападении.

1940, 14 июня — выпуск последнего номера газеты «Последние новости». Лето — выехал в не оккупированную гитлеровцами часть Франции — в Виши, а затем в Монпелье.

1941, апрель — переехал в Экс-ле-Бен.

1942, весна — написал статью «Правда о большевизме».

Завершил работу над книгой «От Николая II до Сталина (Полвека внешней политики)».

1943, 3 марта — скончался в Экс-ле-Бен.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

П. Милоков

Московская церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Кречетниках, где был крещен Павел Милюков. Фото 1881 г.

В доме на углу Сивцева Вражка и Староконюшенного переулка Милуков провел детство. Фото начала XX в.

1-я Московская мужская гимназия. Фото 1904 г.

Летом 1877 года на Сурамском перевале располагался санитарный отряд, в который вступил выпускник гимназии Милюков. А. Киселев. 1891 г.

*Преподаватель иностранной литературы в Московском университете Николай Ильич
Стороженко*

Университетский профессор всеобщей истории Владимир Иванович Герье

Старое здание Московского университета на Моховой

Профессор русской истории Василий Осипович Ключевский

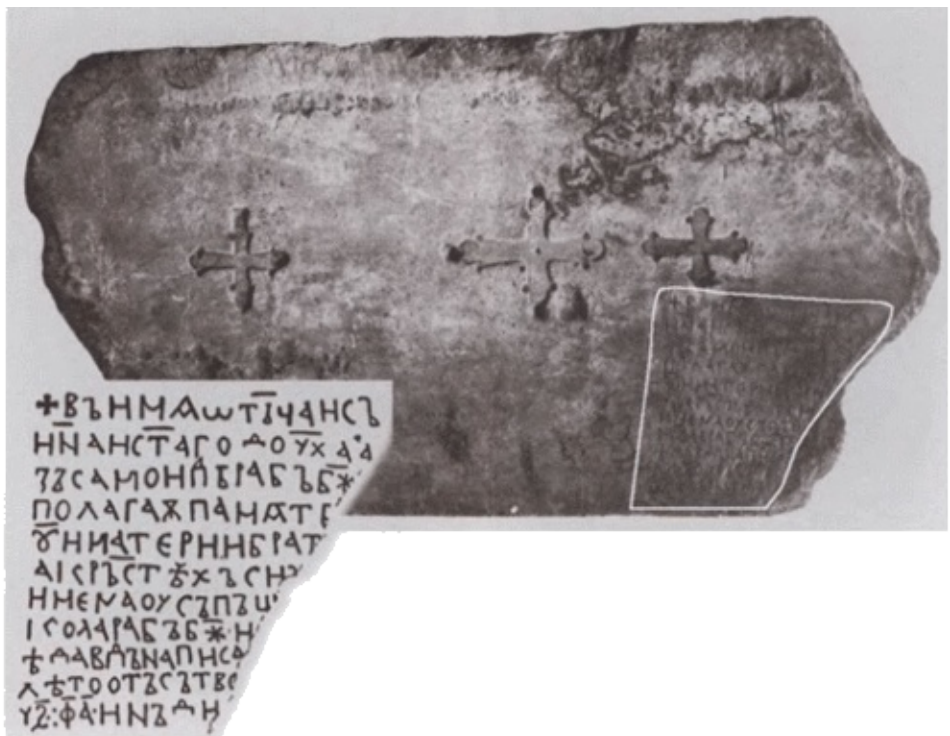

Приват-доцент Павел Николаевич Милуков.

Начало 1890-х гг.

В доме Ключевского на Малой Полянке проводились семинары

Обнаруженная Милюковым в 1898 году охридская надпись царя Самуила — один из древнейших памятников кириллической письменности

Софийский университет. Фото начала XX в.

В 1904 году во время первой поездки в США Милуков прочел лекционный курс в Гарвардском университете

В 1908 году состоялась публичная лекция Милюкова в нью-йоркском Карнеги-холле

Меценатка Маргарита Кирилловна Морозова

В 1905 году Павел Николаевич выступил с докладом в московском особняке Морозовой на Смоленском бульваре.

Фото 1900-х гг.

Редакторы и сотрудники петербургского журнала «Русское богатство». Во втором ряду в центре — Милюков. 1903 г.

В 1905 году Милюков провел месяц в тюрьме «Кресты». Фото 1906 г.

Автор Манифеста 17 октября и первый председатель Комитета министров Сергей Юльевич Витте. Фото 1905 г.

Премьер-министр и министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин

Выборы в Первую Государственную думу. 1906 г.

Деятельница партии кадетов Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс. 1910-е гг.

Один из лидеров кадетов Максим Моисеевич Винавер. 1906 г.

Кадетские депутаты Первой Государственной думы. Слева направо: Ф. Ф. Кокошкин, М. М. Винавер, В. Д. Набоков, председатель Думы С. А. Муромцев, И. И. Петрункевич.

Апрель 1906 г.

Таврический дворец — место заседаний Государственной думы.

Открытка начала XX в.

Зал заседаний Думы.

Фото 1906 г.

Депутатское место.

Открытка начала XX в.

Думские кулуары.

Открытие начала XX в.

Депутаты распущенной Первой Государственной думы на Выборгском вокзале.

9 июля 1906 г.

Собрание актива кадетской партии в доме В. Д. Набокова накануне открытия Второй Государственной думы.

Февраль 1907 г.

Лидеры кадетской фракции в Третьей Государственной думе. Слева направо: П. И. Новгородцев, П. Н. Миллюков, И. В. Гессен, его жена, И. И. Петрункевич, П. Д. Долгоруков. 1908 г.

Выступление премьер-министра В. Н. Коковцова перед депутатами Государственной думы четвертого созыва.

5 декабря 1912 г.

Лидеры кадетской фракции в Третьей Государственной думе.

Открытка 1910 г.

Депутат Милюков на трибуне Четвертой Государственной думы

Павел Николаевич и Анна Сергеевна Милюковы музицируют.

Между 1910 и 1913 гг.

С женой и дочерью Наташей.

Между 1910 и 1913 гг.

Визит делегации Государственного совета и Государственной думы во Францию.

24 мая 1916 г.

Милюков в составе делегации посещает завод в Гавре.

24 мая 1916 г.

Милоков-Дарданелльский.

Б. Ефимов. 1917 г.

А. И. Гучков, П. Н. Милюков и М. А. Стахович играют «Фауста»

Кадетская скачка. И. В. Гессен и П. Н. Милуков.

Н. Калабановский

Милюков (закрывая хвост национальным флагом):

«Теперь меня совсем нельзя узнать»

Февральская революция

Баррикады в Петрограде на Литейном проспекте.

Февраль 1917 г.

Заседание Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

Март 1917 г.

Первый состав Временного правительства. Сидят слева направо:

А. И. Коновалов, А. И. Гучков, Н. В. Некрасов, А. И. Шингарев, Г. Е. Львов, И. В. Годнее, М. И. Терещенко, П. Н. Милюков, А. А. Мануйлов.

Март 1917 г.

Первый состав Временного правительства.

Слева сверху — фото Миллюкова. Открытка 1917 г.

Заседание Временного правительства в Мариинском дворце. Слева направо: управляющий делами правительства В. Д. Набоков, товарищ министра внутренних дел Д. М. Щепкин, министр народного просвещения А. А. Мануйлов, государственный контролер И. В. Годнее, министр финансов М. И. Терещенко, министр юстиции А. Ф. Керенский, председатель правительства Г. Е. Львов, министр иностранных дел П. Н. Милюков, министр путей сообщения Н. В. Некрасов, министр земледелия А. И. Шингарев, министр торговли и промышленности А. И. Коновалов. Март 1917 г.

Милюков — министр Временного правительства.

1917 г.

Демонстрация против ноты министра иностранных дел Милюкова.

21 апреля 1917 г.

Павел Николаевич Милюков и Петр Алексеевич Кропоткин — участники Государственного совещания в Москве.

Август 1917 г.

На борту американского парохода.

Октябрь 1921 г.

Дон Аминадо и Марк Алданов сотрудничали с газетой «Последние новости», издаваемой Милюковым в Париже

П. Н. Милуков в своем кабинете в редакции «Последних новостей».

1926 г.

Нина Берберова и Надежда Тэффи печатались в милуковской газете

Члены редакции «Последних новостей» читают советскую газету «Правда»

П. Н. Миллюков и А. Ф. Керенский.

Франция. 1935 г.

П. Н. Милюков играет в шахматы с П. Б. Струве в присутствии шахматного чемпиона А. А. Алехина.

25 февраля 1928 г.

Последнее место жительства Милюкова — французский курортный городок Экс-ле-Бен.

Современный вид

Илья Ильф и Евгений Петров в романе «Двенадцать стульев» придали Ипполиту Матвеевичу Воробьянинову черты Милюкова, а А. Д. Папанов в экранизации, осуществленной М. А. Захаровым (1976), очень похож на «отца русской демократии»

БИБЛИОГРАФИЯ

Опубликованные произведения П. Н. Милюкова^[20]

Милюков П. Балканский кризис и политика А. П. Извольского. СПб., 1910.

Милюков П. Н. Величие и падение Покровского (Эпизод из истории науки в СССР) // Вопросы истории. 1993. № 4.

Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). М., 2001.

Милюков П. Вторая Дума: Публицистическая хроника. СПб., 1908.

Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 2006.

Милюков П. Н. Год борьбы: Политическая хроника 1905–1906. СПб., 1907.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.

Милюков П. Н. Живой Пушкин (1837–1937): Историко-биографический очерк. М., 1997.

Милюков П. Н. Из истории русской интеллигенции: Сборник статей и этюдов. Портреты: Н. В. Станкевич, В. Г. Белинский, Н. А. Герцен, А. И. Герцен и снимок с «кондиций» императрицы Анны. СПб., 1902.

Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001.

Милюков П. Н. История русской нации. М., 2008.

Милюков П. Н. Национальный вопрос (Происхождение национальности и национального вопроса в России). Прага, 1925.

Милюков П. Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 2 т. М., 2010.

Милюков П. Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев. М., 1893.

Милюков П. И. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Париж, 1927.

Милюков П. Н. Сталин // Современные записки. 1935. № 59.

Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1925.

Милюков П. Н. Энциклопедия русской православной культуры. М., 2009.

Miliukov P. Bolshevism and International Danger. London, 1920.

Miliukov P. Constitutional Government for Russia: An Address Delivered before the Civic Forum New York City, January 14, 1908. New York, 1908.

Miliukov P. Russia and its Crisis. London, 1969.

Miliukov P. Russia Today and Tomorrow. New York, 1922.

Опубликованные источники и литература

Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками. М., 2003. Т. 2. Кн. 1. Переписка С. Ф. Платонова с П. Н. Милюковым.

Александров С. А. Лидер российских кадетов П. Н. Милюков в эмиграции. М., 1996.

Архипов И. П. Н. Милюков: Заложник войны и революции // Звезда. 2013. № 12.

Архипов И. П. Н. Милюков: Интеллектуал и догматик русского либерализма // Звезда. 2006. № 12.

Бирман М. А. К истории изучения жизненного и творческого пути П. Н. Милюкова // Отечественная история. 1997. № 1.

Вакар Н. П. П. Н. Милюков в изгнании // Новый журнал. 1943. № 6.

Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков. А. А. Кизеветтер. История и политика. М., 1992.

Вишняк М. В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington, 1957.

Германов С. Павел Н. Милюков и България // Векове. 1990. № 4.

Гессен И. В. В двух веках: Жизненный отчет. Берлин, 1937.

Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. М., 2005.

Доклад П. Н. Милюкова в Военно-морской комиссии Государственной думы 19 июня 1916 г. И Красный архив. 1933. № 3.

Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.

Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.

Думова Н. Г. Либерал в России: Трагедия несовместимости (исторический портрет П. Н. Милюкова): В 3 т. Т. 1. М., 1993.

Думова Н. Г. Предисловие // Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991.

Из архива Б. И. Николаевского: Переписка с И. Г. Церетели 1923–1958 гг. Вып. 1. Письма 1923–1930 гг. / Отв. ред. А. П. Ненароков. М., 2010.

Илчев И. Карнегиевата анкета на Балканите през 1913 г. // Македония: История и историческа съдба (1912–1941). София, 1998. Т. 2.

Канищева Н. И. Дневник П. Н. Милюкова как исторический источник // Вестник РГНФ. 2004. № 1.

Карпович М. П. Н. Милюков как историк // Новый журнал. 1943. № 6.
Катков Г. М. Дело Корнилова. Париж, 1987.

Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997.

Либерализм в России. М., 1996.

Макушин А. В., Трибунский П. А. Павел Николаевич Милюков: Труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001.

Медушевский А. Н. П. Н. Милюков: Ученый и политик // История СССР. 1991. № 4.

Мейснер Д. Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966.

Мельгунов С. П. Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова: По поводу «Россия на переломе»: Критико-библиографический очерк. Париж, 1929.

Менделеев А. Г. «Роковая, родная страна...»: Кадетская газета «Речь» и ее люди. 1906–1917 гг. М., 2005.

Милюков П. Н. Дневник Под ред. и предисл. Я. А. Берзина; подгот. текста и примеч. Н. А. Лапина / Красный архив. 1932. № 5/6.

Мыслящие миры русского либерализма: П. Н. Милюков (1859–1943): Материалы международного научного colloquium. Москва, 23–25 сентября 2009 г. М., 2010.

Нигамедзинов Ф. Ф. Внешнеполитические воззрения П. Н. Милюкова: Теория и практика. Казань, 2004.

Нильсен Е. П. П. Милюков и И. Сталин: О политической эволюции Милюкова в эмиграции (1918–1943) // Новая и новейшая история. 1991. № 2.

Письма П. Н. Милюкова М. А. Осоргину 1940–1942 гг. // Новый журнал. 1988. № 172–173.

П. Н. Милюков: Историк, политик, дипломат: Материалы международной научной конференции. Москва, 26–27 мая 1999 г. М., 2000.

Политические партии России: История и современность. М., 2000.

Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. М., 1997.

Резанов А. С. Штурмовой сигнал П. Н. Милюкова. Париж, 1924.

Родионова Н. А. Творившая благо: А. С. Милюкова в семье и обществе И Россия и современный мир. 2013. № 2.

Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы. М., 1999.
Седых А. Далекое, близкое. Нью-Йорк, 1970.

Съезды и конференции конституционно-демократической партии: ВЗт.

М., 1997.

Трибунский П. А. Дневник П. Н. Милюкова: Наблюдения над публикаторской практикой в современной России // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2008. № 1.

Трибунский П. А. Письма А. С. Лаппо-Данилевского и П. Н. Милюкова // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2010. № 3.

Трибунский П. А. Посмертная опись рукописей П. Н. Милюкова // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. М., 2010.

Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М., 2007.

Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. Берлин, 1922. Кн. 1.

Шаццло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.

Шелухаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991.

Browker R. P, Kerensky A. The Russian Provisional Government. 1917. Stanford, 1961. Vol. 1–3.

Elkin B. I. Paul Miliukov // *Slavonic and East-European Review*. 1945. Vol. 23. № 62.

Emmonce T The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, MA, 1983.

Goldenweiser A. Paul Miliukov — Historian and Statesman // *Russian Review*. 1957. № 16.

Karpovich M. Two Types of Russian Liberalism: Maklakov and Miliukov // *Continuity and Change in Russian and Soviet Thought*. Cambridge, MA, 1955.

Kerensky A. Russia and the History's Turning Point. New York, 1965.

Kirschke-Stockdale M. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918. Ithaca, 1996.

Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. Washington, DC, 1914.

Riha T. A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics. Notre Dame, 1969.

The Other Balkan Wars: A 1913 Carnegie Endowment Inquiry in Retrospect with a New Introduction and Reflections on the Present Conflict by George F. Kennan. Washington, DC, 1993.

INFO

Чернявский Г. И., Дубова Л. Л.
4-49 Милюков / Георгий Чернявский, Лариса Дубова. —
М.: Молодая гвардия, 2015. — 510[2] с.: ил. — (Жизнь
замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1525).

ISBN 978-5-235-03794-6

УДК 94(47+57)(093)
ББК 63.3(2)614-6

знак информационной продукции 16+

Чернявский Георгий Иосифович,
Дубова Лариса Леонидовна
МИЛЮКОВ

Редактор *Е. А. Никулина*
Художественный редактор *А. В. Никитин*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Т. И. Маляренко*

Сдано в набор 24.12.2014. Подписано в печать 12.03.2015.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 26,88+1,68 вкл. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1504140.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцеская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-
mail: dsel@gvardiya.ru

ARVATO BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО

«Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97

notes

Примечания

Все даты, связанные с историей России до марта 1918 года, приводятся по юлианскому календарю. Датировка событий, происходивших за рубежом, а также более поздних событий в России (СССР) дается по григорианскому календарю.

А. В. Макушин и П. А. Трибунский, ссылаясь на личный архивный фонд Ивана Шишманова в Архиве Болгарской академии наук, сообщают, что позже, находясь в Болгарии, Милюков краткое время находился в близких отношениях с сестрой профессора Ивана Шишманова Марой (Марией) (см.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Павел Николаевич Милюков: Труды и дни (1859–1904)*. Рязань, 2001. С. 44). Однако в дневнике Шишманова (*Шишманов И. Дневник. 1879–1927 гг.* София, 2003) имя его сестры вообще не упоминается.

Журфикс (*фр.* jour fixe — фиксированный день) — определенный день недели для регулярного приема гостей, являвшихся без приглашения.

Фонд был основан в Лондоне в 1891 году с целью издания и распространения революционной и запрещенной в России литературы, располагал собственными типографией и книжным складом. Фонд прекратил деятельность в начале 1920-х годов.

Невысокий ранг представительства был связан с тем, что юридически Болгария всё ещё считалась княжеством, находившимся в вассальной зависимости от Османской империи, хотя фактически была самостоятельным государством.

Термин был заимствован из французской истории — так называлась кампания республиканских сил против короля Луи Филиппа в 1847 году, непосредственно предшествовавшая антимонархической революции.

Первым председателем Думы был октябрист Николай Алексеевич Хомяков, Гучков сменил его в марте 1910 года.

Одрин — болгарское название Адрианополя (турецкого Эдирне), центра части Фракии, остававшейся в составе Османской империи.

Фонд, основанный в 1903 году и названный по имени его главного спонсора американского бизнесмена Эндрю Карнеги, был мощной частной некоммерческой организацией, призванной содействовать международному сотрудничеству.

Эти области были отторгнуты от Франции в результате Франко-прусской войны (1870–1871).

Конституция Великого княжества Финляндского, включенного в состав Российской империи в 1808–1809 годах, предусматривала создание органов власти — сейма и сената, особое подданство населения, создание своей армии и т. д. На протяжении века правительством России вводились многочисленные правила, ограничивавшие сферу действия конституции, но формально не отменявшие ее.

От PR — аббревиатуры английского выражения *public relations* — общественные отношения.

Что делать? (фр.).

Павел Павлович Муратов (1881–1950) — писатель и искусствовед, регулярно публиковавшийся в газете П. Б. Струве «Возрождение».

Почетный доктор (*лат.*).

По названию вышедшего в Праге в июле 1921 года сборника «Смена вех», призывавшего эмигрантскую интеллигенцию покаяться перед советской властью.

Политология (фр., англ.).

О работе Милюкова с таким названием известно только из воспоминаний Дон Аминадо, Скорее всего, речь идет об упомянутой выше мемуарной статье или о разделе воспоминаний.

Этот фрагмент воспоминаний вызывает серьезное сомнение: нелегальное положение Дон Аминадо предопределяло невозможность его контактов с официальными лицами, в частности с нотариусом. Кроме того, у Милюкова уже был душеприказчик Б. И. Элькин. В силу того что он, как и Дон Аминадо, был евреем, Элькин не мог исполнять эти обязанности при вишистском режиме, но Павел Николаевич надеялся дожить до разгрома гитлеровских захватчиков.

В библиографии названы лишь несколько важнейших книг П. Н. Милюкова. Полный перечень его опубликованных работ занял бы десятки страниц. Указываются только последние издания.

comments

Комментарии

См.: *Вернадский Г. В.* Павел Николаевич Милюков. Пг., 1917;
Кизеветтер А. А. Павел Николаевич Милюков. М., 1917.

См.: *Покровский М. И.* Противоречия г. Милюкова. М., 1922; *Он же.* Историческая наука и борьба классов: Историографические очерки, критические статьи и заметки. Вып. 1. М.; Л., 1933.

См.: П. Н. Милюков: Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859–1929. Париж, 1929; Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову. 1859–1929. Прага, 1929; Павел Николаевич Милюков: По случаю 70-год[ишния] му юбилей. София, 1929.

См.: Советский энциклопедический словарь. М.,1982. С. 803.

См.: Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982;
Она же. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской
революции. М., 1988.

См.: *Riha T. A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics. Notre Dame, 1969.*

Cm.: *Kirschke-Stockdale M. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia 1880–1918*. Ithaca, 1996.

См.: *Вандалковская М. Г.* П. Н. Миллюков, А. А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992; *Думова Н. Г.* Либерал в России: Трагедия несовместимости (исторический портрет П. Н. Миллюкова): В 3 ч. Ч. 1. М., 1993.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А.* Павел Николаевич Милюков: Труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001.

См.: *Трибунский П. А.* Переписка А. С. Лаппо-Данилевского и П. Н. Милюкова // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2010. № 3; Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками: В 2 т. Т. 2. Кн. 1. Переписка С. Ф. Платонова и П. Н. Милюкова, 1886–1901. М., 2011 и др.

См.: Александров С. А. Лидер российских кадетов П. Н. Милюков в эмиграции. М., 1996.

См.: Медушевский А. Н. П. Н. Милюков: Ученый и политик // История СССР. 1991. № 4; Бирман М. Звездный час Милюкова-балканиста // Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне: Политика и дипломатия. М., 1992.

См.: П. Н. Милюков: Историк, политик, дипломат: Материалы международной научной конференции. Москва, 26–27 мая 1999 г. М., 2000; Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859–1943): Материалы международного научного colloquium. Москва, 23–25 сентября 2009 г. М., 2010.

См.: Александров С. А. Общественно-политическая деятельность П. Н. Милюкова в эмиграции. 20-е годы. М., 1995; Гласнова В. П. Научно-педагогические взгляды П. Н. Милюкова на анализ развития российского образования. Нижний Новгород, 2006; Дорохов В. П. Исторические взгляды П. Н. Милюкова. М., 2005; Захаров А. В. Национальная идея в культурологической концепции П. Н. Милюкова: Автореф. дис. канд. ист. наук. Волгоград, 2005; Крикун В. Г. П. Н. Милюков: История становления общественного деятеля и политического лидера. 1877–1905 гг. Воронеж, 1994; Макушин А. В. П. Н. Милюков: Путь в исторической науке и переход к политической деятельности (конец 1870-х — начало 1900-х гг.). Воронеж, 1998; Мирзоева С. Г. Место македонского вопроса в научной и политической деятельности П. Н. Милюкова. 1898–1917 гг. Нальчик, 2003; Прокудникова О. В. Методологические основы культурологической концепции П. Н. Милюкова. СПб., 2005; Руткевич Н. А. Философия истории российского либерализма: П. Б. Струве и П. Н. Милюков (сравнительный анализ). М., 2002; Трепалина Н. Е. Концепция «культурной эволюции» в теории и истории культуры П. Н. Милюкова. М., 2004; Трибунский П. А. П. Н. Милюков как историк русской исторической мысли. М., 2001.

См.: *Архипов И. П. Н. Милюков: Интеллектуал и догматик русского либерализма*// Звезда. 2006. № 12; *Он же. П. Н. Милюков: Заложник войны и революции* // Там же. 2013. № 12.

См.: Либерализм в России. М., 1996; Будницкий О. В. Маклаков и Милюков: Два взгляда на русский либерализм // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы: Материалы международной научной конференции. Москва, 27–29 мая 1998 г. М., 1999. С. 416–428.

Александров К. Павел Милуков: Доктринер, не умеющий ждать // http://www.yabloko.ru/mneniya_i_publicatsii/2009/01/27. В сокращенном виде статья опубликована: The New Times. 2009. № 3.

См.: *Бирман М. А.* К истории изучения жизненного и творческого пути П. Н. Милюкова // *Отечественная история.* 1997. № 1. С. 96.

См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии: В 3 т. М., 1997–2000; Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии: В 6 т. М., 1994–1996.

Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 1.
М., 1997. С. 5.

Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 14.

См.: *Трибунский П. А.* Посмертная опись рукописей П. Н. Милюкова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. М., 2010; *Милюков П. Н.* Воспоминания. 1859–1917: В 2 т. / Под ред. М. М. Карповича, Б. И. Элькина. Нью-Йорк, 1955. Насколько нам известно, попытка анализа мемуаров была предпринята только один раз, почти сразу после их выхода, причем не историком-профессионалом, а политиком и публицистом М. В. Вишняком, в прошлом сотрудничавшим с Милюковым (см.: *Вишняк М.* Мемуарист, историк, политик, человек в «Воспоминаниях» П. Н. Милюкова // *Новый журнал.* 1956. № 44. С. 189–207), и была неудачной — автор ограничился поверхностным пересказом с огромными цитатами.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 253–254.

Там же. С. 254.

См.: *Он же. Дневник Предисл. и ред. Я. А. Берзина; подгот. текста и примеч. Н. А. Лапина / Красный архив. 1932. № 5/6. С. 3—48.*

См.: Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. М., 2005. Рукописный оригинал дневника хранится в Бахметьеве ком архиве (Библиотека рукописей и редких книг Колумбийского университета, Нью-Йорк). Отрывки из него опубликованы в США: Новый журнал. 1961. № 66. С. 173–203; 1962. № 67. С. 180–218.

См.: Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 293.

См.: *Канищева Н. И.* Дневник П. Н. Милюкова как исторический источник // Вестник РГНФ. 2004. № 1; *Трибунский П. А.* Дневник П. Н. Милюкова: Наблюдения над публикаторской практикой в современной России // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2008. Vol. 1. Следует отметить, что П. А. Трибунский подверг критике характер публикации с точки зрения всех элементов археографической работы и даже сделал вывод, что его издание «принесло исторической науке больше вреда, чем пользы»: «Созданный столичным издательством прецедент вряд ли будет способствовать поддержанию качества научных изданий в России» (Op. cit. P. 220). Думается, что мнение Трибунского крайне заострено, хотя все его конкретные замечания вполне справедливы и определенную пользу эта публикация всё же принесла.

Центральный исторический архив Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Ед. хр. 559. Пречистенский сорок. 1859 г. См. также: *Горинов М. М.* Московские адреса П. Н. Милюкова // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков. С. 23.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 9.

См.: *Riha T.* Op. cit. P. 1.

См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ).
Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1–2.

См.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1293. Оп. 76. Ед. хр. 140. Л. 2, 36.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 25.

См.: *Думова Н. Г.* Либерал в России. С. 9.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 26.

Там же. С. 22–23.

Там же. С. 24.

Там же. С. 26.

Там же. С. 28.

Там же. С. 29.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 30.

См.: Там же. С. 30–31.

Там же. С. 38.

Там же. С. 31.

См.: Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 414.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 21.

См.: *Полуэктова Н. Н.* Деятели музыкального образования в Нижнем Новгороде: В. Ю. Виллуан и профессиональное музыкальное образование в Нижнем Новгороде // Из музыкального прошлого: В 2 кн. Кн. 2. М., 1965.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 40.

Там же. С. 50.

Там же. С. 53.

См.: Шиллер И. Ф. Два Пикколомини и другие произведения. М., 1902.
С. I–XXIV.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3370. Л. 1-10.

См.: Там же. Ед. хр. 3470. Л. 1—17.

См.: Columbia University. Butler Library. Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (далее — CU. BL. RBML. BA). P. N. Miliukov Papers (далее — МР). Письмо П. Н. Милюкова М. М. Ковалевскому от 20 февраля 1892 г.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 4932. Л. 1–4.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 60; Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 23.

См.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Петрашевцы. М., 1965.

Впервые письмо было опубликовано в журнале Аксакова «Русь» 14 февраля 1881 года. Публикатором был, по словам Милюкова, Н. Долгоруков — один из адресатов Достоевского. Долгоруков счел, что Достоевский ответил на недавно посланное ему письмо, и поэтому озаглавил публикацию «Студентам Московского университета». В дальнейшем письмо Достоевского продолжало печататься в собраниях сочинений писателя именно как обращение к студенческой молодежи, хотя на самом деле обращались к нему еще гимназисты. Именно под таким заголовком документ опубликован в полном собрании сочинений писателя (*Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 30. Л., 1988. С. 21–25*). Все эти обстоятельства заставили исследователей отнести, по нашему мнению ошибочно, переписку с Достоевским к студенческим годам Милюкова (см.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 25–26*).

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 30. С. 23.

Там же. С. 25.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 63.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 4096. Л. 1.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 68.

Там же. С. 71.

Там же. С. 76.

См.: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1877 г. М., 1877. С. 32; Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1881 г. М., 1881. С. 104.

См.: Щерба Л. В. Ф. Ф. Fortunatov в истории науки о языке // Вопросы языкознания. 1963. № 5.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3377. Л. 1-13.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 79.

Там же. С. 80.

Кареев Н. И. Памяти двух историков // Анналы. 1922. № 1. С. 160.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3506. Л. 1–4.

См.: Там же. Ед. хр. 3487. Л. 1; *Макушин А. В., Трибунский П. А.* Указ, соч. С. 27.

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6462. Л. 5.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 82.

Там же. С. 83.

Там же.

Там же. С. 85.

См.: *Сафронов Б. Г.* М. М. Ковалевский как социолог. М., 1960.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 86.

CU. VL. RBML. VA. Письмо П. Н. Милюкова М. М. Ковалевскому, от
20 февраля 1892 г.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 88–89.

Там же. С. 81.

Там же. С. 91–92.

См.: *Архипов И. П. Н. Милюков: Интеллектуал и догматик русского либерализма*. С. 90.

См.: *Милюков П. В. О. Ключевский как личность // Последние новости.*
1932. 24 января.

См.: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х гг. М., 1964. С. 292–294, 323.

Быков Д. Крымский кластер // Профиль. 2014. 4 марта.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 96.

Цит. по: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 29.*

См.: Hoover Institution of War, Revolution and Peace (далее — HI). Paris Okhrana Archive. № XVII. P. N. Miliukov. Доклад о Милюкове. Август 1897 г.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 99.

Он же. Мои университетские годы // Московский университет. 1755–1930: Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 274.

См.: ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 77. Ед. хр. 373. Л. 37–38.

Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 32.

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6462. Л. 5, 6.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 102.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3271. Л. 1; Ед. хр. 3508. Л. 1.

Шаховской Д. Автобиография. М., 1913. С 196–197.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 117.

Впервые статья была опубликована в 1937 году в Париже в 65-м томе «Современных записок». Современную перепечатку см.: Вопросы истории. 1993. № 4. С. 114–126.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 119.

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3548. Л. 54.

См.: Там же. Ед. хр. 3382. Л. 1—12.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 123.

Там же. С. 125.

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3383. Л. 1-14.

См.: *Милюков П. Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 41–42.*

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 4389. Л. 1.

См.: Милюков П. Н. VIII археологический съезд в Москве // Русская мысль. 1890. № 4.

Он же. Воспоминания. Т. 1. С. 130.

115

См.: CU. BL. RBML. BA. MP. Box 7.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 130.

Тыркова А. В. Памяти А. С. Милюковой // Сегодня. 1935. № 50. С. 2.

Цит. по: *Муравьев В. Б.* Московские улицы: Секреты переименований. М., 2006. С. 176–177.

Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1930. С. 118.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 134.

См.: *Он же*. Университеты в России // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 34. СПб., 1902. С. 797.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 49.*

Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания (1881–1914). Прага, 1929. С. 87.

См.: *Милюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. Ч. 1.

Он же. Воспоминания. Т. 1. С. 137.

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 4614. Л. 2.

Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 2. Кн. 1. С. 30–31.

Там же. С. 44.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 54.*

См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 15. СПб., 1895. С. 457–459; Т. 78. СПб., 1903. С. 30–33.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 48.*

См.: Там же. С. 48–49.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 138.

Он же. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905. С. 546.

Он же. Воспоминания. Т. 1. С. 140.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 66.*

Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 2. Кн. 1. С. 71.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 141–142.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3381. Л. 36–39.

Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 2. Кн. 1. С. 120.

См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований // Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. 1890. Т. 23.

См.: *Трибунский П. А.* Переписка А. С. Лаппо-Данилевского и П. Н. Милюкова. Р. 78.

Переписка опублікована: Ibid. P. 77—160.

Ibid. P. 85.

См.: *Милюков П. Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892.

Трибунский П. А. Письма А. С. Лаппо-Данилевского и П. Н. Милюкова.
Р. 96–97.

См.: Ibid. P. 108–109.

Ibid. P. 127.

См.: Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. М., 2003.
С. 31, 33, 36.

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 5672. Л. 1–2; Ед. хр. 4626. Л. 1.

См.: Там же. Ед. хр. 5524. Л. 1.

См.: Там же. Ед. хр. 4571. Л. 9-10.

Милюков И. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 148.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3485. Л. 1-21; *Милюков П. Н.* Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев. М., 1893.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 151.

См.: *Иловайский Д. И.* Размышления о начале Руси: Вместо введения в русскую историю. М., 1876.

См.: *Милюков П. Н.* Рец. на: *Иловайский Д. И.* Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому. М., 1886 // *Русская мысль*. 1886. № 4. С. 254–256.

Он же. Воспоминания. Т. 1. С. 150.

Там же.

См.: *Богданова Е. М.* Газета «Русские ведомости»: издатели-редакторы и сотрудники // *Филологические науки в России и за рубежом: Материалы международной научной конференции.* Санкт-Петербург, февраль 2012 г. СПб., 2012. С. 188–191.

См.: *Милюков П. Н.* Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев // Вопросы философии и психологии. 1893. № 3. С. 46–96.

См.: *Соловьев В. С.* Замечания на лекцию П. Н. Милюкова// Вопросы философии и психологии. 1893. № 4. С. 149–154.

См.: *Горинов М. М.* Указ. соч. С. 31.

Милюков П. И. Воспоминания. Т. 1. С. 153.

Там же. С. 154; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6462. Л. 3.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 22. М., 1985. С. 149. По всей видимости, писатель имел в виду вышедшую незадолго перед этим книгу: *Милюков П. И.* Из истории русской интеллигенции: Сборник статей и этюдов. Портреты: Н. В. Станкевич, В. Г. Белинский, Н. А. Герцен, А. И. Герцен и снимок с «кондиций» императрицы Анны. СПб., 1902.

См.: *Шаховской Д. Н.* Толстой и русское освободительное движение // Минувшие годы. 1908. № 9. С. 316.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 99—100.*

Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 5. М. 1971. С. 36.

См.: *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 2627. Л. 1.

Там же. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 94. Ед. хр. 352. Т. 1. Л. 108, 113, 116.

См.: *Чернов В. М.* Записки социалиста-революционера. Берлин, 1922.
Кн. 1. С. 166.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 130.*

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3403. Л. 1–2.

См.: Там же. Ед. хр. 3398. Л. 1.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 159.

Правительственный вестник. 1895. 18 января.

Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 2. С. 355–356.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. 3-е делопроизводство. Ед. хр. 251. Т. 1. Л. 58.

181

См.: РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 55.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 164.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 168.*

Витте С. Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III. М., 1960. Т. 1. С. 311.

Цит. по: Управленческая элита Российской империи (1802–1917) / Под ред. А. А. Фурсенко. СПб., 2008. С. 484.

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3402. Л. 1–2.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 165.

Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. С. 42.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 167.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3290. Л. 1.

См.: *Милюков П. Н.* VIII археологический съезд в Москве. С. 170–195.

См.: Централен държавен исторически архив на Република България (далее — ЦДИА РБ). Ф. 994к. Оп. 2. Арх. ед. 6. Л. 38.

См.: Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 170.

Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 2. Кн. 1. С.144.

См.: ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 93. Ед. хр. 251. Т. 1. Л. 59–60.

Там же. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3490. Л. 5.

См.: Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 2. Кн. 1.С. 148.

См.: *Конева Р. Иван Шишманов и Обединена Европа*. София, 2011.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 327.

См.: Червенков *Н. Н.* Болгарское общество на рубеже веков // Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М., 2003. С. 11–21; Чернявський Г. Й. Болгарія: Між демократією і особистим режимом // Історія західних та південних слов'ян. XX століття. Харків, 1998. С. 33–43.

См.: Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 184.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 173.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 185.*

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 174.

205

См.: ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 93. Ед. хр. 251. Т. 1. Л. 64, 66.

См.: Там же. Ед. хр. 4186. Л. 142.

См.: *Гросул В. Я.* Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг. М., 1988. С. 243.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 193*

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 174–175.

Германов С. Павел Н. Милюков и България // Векове. 1990. № 4. С. 78.
По существу, автор статьи передает мысли, высказанные самим Милюковым (см.: *Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 174*).

См.: *Макушев В.* Задунайские и адриатические славяне: Очерки статистические, этнографические и исторические. СПб., 1867; *Кочубинский А.* Записки путешественника в славянские земли. Одесса, 1874; *Теплое В.* Адрианополь в 1874 году: Из воспоминаний путешественника. СПб., 1877; *Boué A.* Turquie d'Europe ou observations sur la géographie, géologie, l'histoire naturelle. Paris, 1840; *Lejean G.* Ethnographie de la Turquie d'Europe. Paris, 1861.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 198–199.*

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 177.

См.: *Калужская И. А.* Палеобалканские реликты в современных балканских языках. М., 2001; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3540.

См.: *Милюков П. Н.* Сербо-болгарские отношения по македонскому вопросу *И Русское богатство*. 1899. № 5–6.

См.: *Германов С. Указ. соч. С. 81–82.*

Цит. по: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 203.*

См.: *Милюков П. Н.* Христианские древности Западной Македонии // Известия Русского археологического института в Константинополе. Т. 4. Вып. 1. София: 1899. С. 21–151.

См.: *Успенский Ф. И.* Надпись царя Самуила // Там же. С. 3—20.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 181.

См.: Труды Археологического съезда в Киеве, 1899 г.: В 2 т. М.: 1901–1902.

См.: *Шишманов И.* Дневник 1879–1927 гг. София, 2003. С. 319.

См.: *Арсеньев К. К.* Критические этюды по русской литературе: В 2 т. СПб., 1888; *Он же.* Законодательство о печати. СПб., 1903; *Он же.* Свобода слова и веротерпимости: Сборник статей. СПб., 1904.

См., например: Материалы к оценке земель Нижегородской губернии: Экономическая часть. Вып. 1—14. Нижний Новгород, 1888—1900.

См.: *Колосов Е. Е.* Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского: Теория разделения труда как основа научной социологии. СПб., 1912; *Попов А. С.* Субъективная социология Н. К. Михайловского в структуре его историософских построений: Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 2003.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 189.

Научен архив на Българската академия на науките (далее — НА БАН).
Ф. 11. Оп. 3. Арх. ед. 968. Л. 7.

Там же. Л. 8.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 236.*

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 191–192.

Он же. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. Т. 1. С. 3.

Там же. С. 8.

Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. С. 164.

См.: Библиотека для самообразования. Т. 3. Римская империя: Сборник статей / Пер. А. С. Милюковой. М., 1900.

Вишняк М. В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington, 1957. С. 282.

Цит. по: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 240.*

См.: Горький М. Письма: В 24 т. Т. 3. М., 1997. С. 77, 85, 111, 297.

Там же. Т. 5. М., 1999. С. 70.

См.: СУ. ВЛ. РВМЛ. ВА. МР. Вох 2. Письмо начальника Департамента полиции С. В. Зволянского П. Н. Милюкову от 21 февраля 1900 г.; ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 226. Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 9.

См.: Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 255–256.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 193–194.

См.: *Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. М.: Художественная литература, 1966. С. 161–169.*

243

См.: Н. В. И. Nicolaevsky Collection (далее — NC). Box 794.

HI. Paris Okhrana Arkhive. File 17.

245

См.: ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 226. Ед. хр. 5. 4. 53. Л. 73–75, 77.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 194.

247

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6419. Л. 3.

См.: Там же. Ед. хр. 6433. Л. 1.

Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. С. 72.

250

См.: НА БАН. Ф. 11. Оп. 3. Арх. ед. 968. Л. 14.

См.: Гессен И. В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции: В 22 т. Т. 22. Берлин, 1937. С. 199.

См.: CU. BL. RBML. Crane Papers (далее — CP). Crane C. R. Memoirs.
P. 61–62.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 267.*

См.: Там же. С. 268.

См.: НА БАН. Ф. 1к. Оп. 2. Арх. ед. 1016. Л. 1; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1.
Ед. хр. 1653. Л. 1.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 200.

257

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 7.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 201.

Там же. С. 203.

Цит. по: Там же. С. 204.

См.: *Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории.* М., 1968. С. 197–198.

См.: СУ. ВЛ. RBML. СР. Письмо П. Н. Милюкова Ч. Крейну от 25 апреля 1902 г.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 206.

Там же. С. 207.

См.: Черненко А. М. Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX в. — 1917 г.). Киев, 1989. С. 38.

См.: Русские ведомости. 1903. 1 октября.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 258.

История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях *Сост. О. В. Будницкий. Ростов-нД., 1996. С. 18.*

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1967. С. 266–267.

НІ. НС. Вох 794. Письмо П. Н. Милюкова Б. И. Николаевскому от 1928
г.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 223.

Карпович М. П. Н. Милюков как историк // Новый журнал. 1943. № 6. С. 363.

Там же. С. 364.

Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М., 2007. С. 189.

См.: *Шаццло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.

См.: Освобождение. 1904. 2 октября.

277

См.: Там же. 28 октября.

См.: *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. Т. 21. Берлин, 1937. С. 369.

См.: Донесения Евно Азефа (Переписка Азефа с Ратаевым в 1903–1905 гг.) // Былое. 1917. № 1. С. 213–214.

См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 202–203.

См.: *Макушин А. В., Трибунский П. А. Указ. соч. С. 284.*

См.: Германия и революция в России 1915–1918: Сборник документов / Под ред. Ю. Г. Фельштинского. М., 2013. С. 30.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 244.

284

См.: CU. BL. RBML. CP. Box 3.

См.: Ibid. Crane C. R. Memoirs. P. 67–69.

Kirschke-Stockdale M. Op. cit. P. 126.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 173–174.

Там же. С. 268.

См.: Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. М., 2010. С. 25–26.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 272.

Там же. С. 277–278.

Там же. С. 278–279.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 5336. Л. 2–3.

294

См.: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 171
(М. К. Морозова). Картон 2. Ед. хр. 1.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 280.

См.: ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Ед. хр. 1.

См.: *Сверчков Д.* Союз союзов // *Красная летопись.* 1925. № 3. С. 150–151.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 291–292.

ГАРФ. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1.

300

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 23.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 293.

Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. М., 1950.
С. 256.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 294.

Там же. С. 297.

См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее — ПСЗРИ—3). Т. 25. Отделение первое. 1905 г. СПб., 1908. № 26656.

См.: *Троцкий Л. Д.* Сочинения: В 23 т. Т. 2. Ч. 1. Наша первая революция. М.; Л., 1925. С. 196–205.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 302.

См.: Ковалевский М. М. Моя жизнь. М., 2005. С. 343.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 303–304.

310

См.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 6-20.

Милюков П. Н. Год борьбы: Публицистическая хроника 1905–1906. СПб., 1907. С. 97—101; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 18–23.

См.: Сборник программ политических партий в России. Вып. 1. СПб., 1906. С. 34–49; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 34–41.

См.: *Еськов Г.* Социальные доктрины политических партий России начала XX в. // *Обозреватель. Observer.* 1996. № 8.

См.: *Степанов С. А.* Кадеты (Конституционно-демократическая партия) // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2006. № 8. С. 79.

См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии.
Т. 1. С. 27.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 308.

См.: Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 348.

Тыркова-Вильямс А. Указ. соч. С. 226.

Там же. С. 228.

Кускова Е. Д. Давно минувшее // Новый журнал. 1956. № 65. С. 150.
См. также: *Родионова Н. А.* Творившая благо: А. С. Милюкова в семье и обществе // Россия и современный мир. 2013. № 2. С. 227.

См.: Юкина И. И. Указ. соч. С. 345.

322

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 2489. Л. 1–3.

См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 41.

См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии.
Т. 1. С. 28.

См.: Там же. С. 31–33.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 311.

327

ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 22.

См.: *Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 366.*

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 324.

Винавер Р. Г. Вожди кадетской партии: Из воспоминаний // Новый журнал. 1945. № 10. С. 250.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 325–328.

См.: *Он же*. Роковые годы // Русские записки. 1939. Февраль. С. 128–131.

Он же. Воспоминания. Т. 1. С. 329–330.

Там же. С. 338.

См.: Там же. С. 340. Текста воспоминаний Гессена по этому вопросу нам обнаружить не удалось.

Политические партии России: История и современность. М., 2000. С. 153.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 344.

См.: Коновалова А. В. К вопросу об истории газеты «Биржевые ведомости» // Экономическая история: Обзорение. Вып. 6. М., 2001. С. 111–119.

Свободный народ. 1905. 1 декабря.

Цит. по: *Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х гг.: В 5 т. Т. 1: На грани эпох. Stanford, 1977. Р. 55.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 345.

См.: *Чернявский Г. Лев Троцкий*. М., 2012. С. 84–85.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 348–350.

См.: *Кауфман А. Е.* Из журнальных воспоминаний // Исторический вестник. 1912. № 12. С. 1077.

Тыркова-Вильямс А. Указ. соч. С. 224.

346

См.: ПСЗРИ—3. Т. 25. 1905. Отделение первое. № 27029.

Тыркова-Вильямс А. Указ. соч. С. 230.

См., например: *Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники.* Париж, 1988. С. 351.

См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии.
Т. 1. С. 63–70.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 354.

См.: *Иванцов Н. А.* Программа Партии народной свободы (Конституционно-демократической). М., 1906.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 357; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 70.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1.Ед.хр. 1134. Л. 1-18; Ед. хр. 1135. Л. 1–6.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 13. М., 1972. С. 239.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 358.

356

См.: *Он же*. Год борьбы.

См.: *Менделеев А. Г.* «Роковая, родная страна...»: Кадетская газета «Речь» и ее люди. 1906–1917 гг. М., 2005.

Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 205.

Тыркова-Вильямс А. Указ. соч. С. 309.

См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии.
Т. 1. С. 244.

361

См.: ПСЗРИ-3. Т. 26. 1906. Отделение первое. СПб., 1909. № 27805.

Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 349.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 366–367.

Винавер Р. Г. Указ. соч. С. 251.

Там же. С. 254.

Там же. С. 255.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 367–368.

См.: *Волынцов О.* Речи А. Ф. Аладьина в первом русском парламенте. СПб., 1906; *Колесниченко Д. А.* Состав Трудовой группы в I и II Государственных думах: Сводная таблица членов фракции. М., 1988. С. 8—11.

См.: *Ледницкий А. Р.* Национальный вопрос в Государственной думе И Первая Государственная дума. Вып. 1. Политическое значение Первой Думы. СПб., 1907. С. 154–167.

См.: *Винавер М. М.* Конфликты в Первой Думе. СПб., 1907. С. 33–41.

371

См.: Мосолов А. При дворе императора. Рига, 1938. С. 123.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 376–377.

См.: *Он же*. Мое свидание с ген[ералом] Треповым // Речь. 1909. 17 февраля.

См.: *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919: В 2 т. Париж, 1933. Т. 1. С. 146–147.

См.: Речь. 1906. 18 июня.

См.: *Гессен И. В.* Указ. соч. С. 284; *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 385.

См.: *Izwolsky A. Memoirs. London, 1920. P. 212.*

См.: Речь. 1906. 6 июля.

ПСЗРИ—3. Т. 26. Отделение первое. 1906 г. № 28105. СПб., 1909.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 401–402.

381

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 1.

См.: *Винавер М. М.* История Выборгского воззвания. Пг., 1917.

383

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 5832. Л. 1.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 407; *Ключевский В. О.* Указ, соч. С. 204–205.

См.: Архив Российской академии наук. Ф. 518. Оп. 7. Ед. хр. 332. Л. 51–53, 73–75, 88, 99; Kirschke-Stockdale M. Op. cit. P. 167–168.

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 5070. Л. 7.

См.: Там же. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 292. Л. 1—186.

См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии.
Т. 1. С. 363–365; *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 418.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 420.

См.: *Анашкина С. В.* Руководство ЦК кадетов фракцией во II Государственной думе // Грамота. 2011. № 2. С. 10.

391

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 1.

См. Каминка А. И., Набоков В. Д. Вторая Государственная дума. СПб., 1907.

393

См.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5.

Там же. Оп. 3. Ед. хр. 26. Л. 149.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 423.

См.: Там же. С. 424.

См.: *Он же*. Вторая Дума: Публицистическая хроника. СПб., 1908.

Он же. Воспоминания. Т. 1. С. 424.

Цит. по: Депутаты-армяне Государственной думы Российской империи
// Ноев ковчег. 2010. № 7 (приводится по: <http://noev-kovcheg.ru/mag/2010-07/2136.html>).

ПСЗРИ-3. Т. 27. 1907 г. СПб., 1910. № 29240.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 438.

402

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 581. Л. 1-12.

См.: Вестник Партии народной свободы. 1907. С. 1981–1983; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 494–497.

См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии.
Т. 1. С. 662, 664.

Там же. С. 671.

См.: Там же. С. 674.

Riha T. Op. cit. P. 158.

Крыжановский С. Воспоминания: Из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, 1937. С. 97.

Государственная дума: Стенографические отчеты. 1907. 13 ноября. С. 141.

Цит. по: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 19.

См.: Государственная дума: Стенографические отчеты. 1908. 25 января. С. 1492, 1507–1508.

Русское слово. 1908. 23 января.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1397. Л. 1—28; Не произнесенная речь. Статья чл[ена] Государственной] думы от г. Петербурга П. Н. Милюкова. СПб., 1908.

Протоколы заседаний посредников по поводу вызова А И. Гучковым П. Н. Милюкова на дуэль см.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 500. Л. 1—12; Ед. хр. 501. Л. 1—2.

Тыркова-Вильямс А. Указ. соч. С. 335.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 21–22.

См.: Вестник Партии народной свободы. 1907. С. 1068–1070.

Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 2.
М., 2000. С. 103.

Цит. по: *Miliukov P.* Constitutional Government for Russia: An Address Delivered before the Civic Forum New York City, January 14, 1908. New York, 1908.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 24–25.

Цит. по: Россия и США: Дипломатические отношения. 1900–1917. М., 1999. С. 377–379.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 27.

См.: *Бестужев И.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М., 1961. С. 68–69.

См.: Государственная дума: Стенографические отчеты. 1908. 27 февраля. С. 119–124.

См.: *Вегнер А.* Судебный процесс Талаата-паши. М., 1992.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 35.

См.: *Он же*. Балканский кризис и политика А. П. Извольского. СПб., 1910.

Там же. С. 157.

Он же. Воспоминания. Т. 2. С. 44.

430

Там же. С. 45.

431

Государственная дума: Стенографические отчеты. 1910. 2 марта.
С.2792.

См.: *Алексеева И. В.* Первый русский парламентский визит (Дума и Государственный совет) на Запад в 1909 г. // Герценовские чтения — 2004: Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2004. С. 67.

См.: *Милюков П. Н.* Внешняя политика России в 1911 г. // ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1444.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 2036, 2049, 2056, 2059; Ед. хр. 2050.
Л. 1; Ед. хр. 1990. Л. 1.

См.: П. Н. Милюков: Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия; *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 395–397.

436

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 445, 446, 452, 458, 460, 475, 707, 708.

Алданов М. Памяти П. Н. Милюкова // Новый журнал. 1943. № 5. С. 338–339

Тыркова-Вильямс А. Указ. соч. С. 409–410.

439

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 5072. Л. 1-13.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 51.

441

Там же. С. 52.

442

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6963. Л. 1.

См.: Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 10 октября 1909 г. — 5 июня 1910 г. Ч. 1. Отчет фракции. СПб., 1910. С. 6–13.

См.: Государственная дума: Стенографические отчеты. 1908. 24 апреля. С. 1976–1978.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 62.

446

Там же.

447

См.: Государственная дума: Стенографические отчеты. 1911. 26 февраля. С.1826.

448

См.: Луч. 1912. 22, 23 сентября.

Керенский А. П. Н. Милюков // Новый журнал. 1943. № 5. С. 330.

См.: *Тошев А.* Балкански войни. София, 1929. Т. 1. С. 76–80; ЦЦИА РБ. Ф. Александър Протогеров. Б. Материали и документи на ВМОРО.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 119–120.

Цит. по: *Фельштинский Ю., Чернявский Г. Лев Троцкий. М., 2012. Кн. 1. Революционер. С. 324.*

Киевская мысль. 1913. 3 февраля.

См.: Речь. 1913. 4 октября; Ежегодник газеты «Речь» за 1913 год. СПб., б. г. С. 1–17.

Цит. по: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 125–126.

The Other Balkan Wars: A 1913 Carnegie Endowment Inquiry in Retrospect with a New Introduction and Reflections on the Present Conflict by Georige F. Kennan. Washington, DC, 1993. P. 5–6.

См.: *Brailsford H. N. Macedonia: Its Races and Their Future*. London, 1906.

458

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3821. Л. 1–6.

459

Этот материал ныне хранится в личном фонде Милюкова: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1647, 1658, 1661, 1664, 1665, 1670–1673, 1676, 1783, 1784.

См.: *Илчев И.* Карнегиевата анкета на Балканите през 1913 г. // *Македония: История и политическа съдба (1912–1941): В 2 т. София, 1998.* Т. 2. С. 244–252.

461

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1668, 1724; Ед. хр. 6231. Л. 2–5.

462

См.: Там же. Ед. хр. 1451. Л. 1-37.

См.: Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. Washington, DC, 1914; Доклад на Карнегиевата комисия по войните 1912–1913 година. София, 1914.

Доклад на Карнегиевата комисия. С. 221.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1660, 1706, 1715, 1777, 3311, 3420;
Ед. хр. 1658. Л. 1–2; Ед. хр. 1739. Л. 1; Ед. хр. 1782. Л. 1–2.

466

См.: Там же. Ед. хр. 1789. Л. 1–2.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 159.

468

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 4199. Л. 2.

Керенский А. Указ. соч. С. 331.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 156–157.

471

Государственная дума: Стенографические отчеты. 1912. СПб., 1912. С. 5–8.

См.: *Виноградов А. П., Пиналов С. А., Чернявский Г. И. История культурно-просветительной работы в СССР. Харьков, 1970. Ч. 1. С. 226–227.*

См.: Дело Бейлиса: Стенографический отчет: В 3 т. Киев, 1913. Т. 1. С. 6–8.

См.: Дело Менделя Бейлиса: Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве // Отв. ред. Г. М. Резник. СПб., 1999; *Rogger H. The Beilis Case: Anti-Semitism and Politics in the Reign of Nicholas II* // *Slavic Review*. 1996. № 4. P. 615–629.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 165.

476

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 384, 394, 395, 398, 400.

477

См.: Там же. Ед. хр. 454.

478

См.: Там же. Ед. хр. 31. Л. 51.

См.: Там же. Ед. хр. 1853. Л. 1; Ед. хр. 1940. Л. 1–2; Ед. хр. 1941. Л. 1.

Там же. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 100. См. также: *Брейяр С.* Партия кадетов и украинский вопрос (1905–1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М., 1995. С. 89—110.

481

ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 112.

482

См.: Там же. Л. 100.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 167–168.

484

См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Ед. хр. 952. Л. 55.

См.: Государственная дума: Стенографические отчеты. 1914. 19 февраля. С.906.

486

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1879. Л. 5-10.

См.: Ежегодник Московского архитектурного общества. Вып. 3. М., 1916. С. 36–37.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 168–169.

Там же. С. 172.

См.: *Архипов И. П. Н. Милюков: Заложник войны и революции.* С. 69.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 174.

См.: Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 289–290.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 175–176.

Там же. С. 181.

Там же. С. 183.

Гессен И. В. Указ. соч. С. 329.

Цит. по: Политические партии России. С. 164.

498

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр.210.Л. 1-11; Ед. хр. 373. Л. 1.

См.: *Аврех А. Я.* Масоны и революция. М., 1990. С. 138–140.

Цит. по: *Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. Т. 2.* Нью-Йорк, 1984. Россия во Франции. С. 165–169.

Берберова Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. New York, 1986. С. 251.

502

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 2842. Л. 1.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 184.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 2092. Л. 1–4; Ед. хр. 2095. Л. 1–2; Ед. хр. 3311. Л. 23–24.

Там же. Ед. хр. 2092. Л. 4.

См.: Там же. Ед. хр. 2095. Л. 1–2.

Ежегодник газеты «Речь» на 1916 г. Пг., С. 135. В этом ежегоднике был опубликован целый цикл статей Милюкова по внешнеполитическим вопросам: *Милюков П. Н.* Дипломатическая история войны // Там же. С. 43—121; *Он же.* Вступление в войну нейтральных государств // Там же. С. 122—175; *Он же.* Общественное мнение, парламенты и правительства союзников // Там же. С. 176—290; *Он же.* Цели войны // Там же. С. 29—128; *Он же.* Война и международное право // Там же. С. 129—196. Совпадение нумерации страниц в разных статьях объясняется тем, что на одних и тех же полосах печатались разные статьи — в верхней части и в «подвалах».

См.: *Милюков П. Н.* Нейтрализация Дарданелл и Босфора // Вопросы мировой войны / Под ред. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 206–207.

Керенский А. Указ. соч. С. 333.

Государственная дума: Стенографические отчеты. 1915. 19 июля.
С.108.

См.: *Аврех А. Я.* Распад третьиуньской системы. М., 1985. С. 11–71.

См.: Красный архив. 1932. № 1/2. С. 126–136; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 919. Л. 1–7; Ед. хр. 920. Л. 15–22.

Красный архив. 1932. № 1/2. С. 134.

515

См.: Речь. 1915. 26 августа.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 208.

Там же. С. 209.

518

ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 147.

См.: *Гайда Ф.* Прогрессивный блок в оценке русской либеральной оппозиции (1915–1917) // *Последняя война императорской России: Сборник статей.* М., 2002. С. 92—114.

520

Автор ссылается на: РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Ед. хр. 290. Л. 13.

521

См.: Красный архив. 1932. № 1/2. С. 145–146.

Милюков в тот же день записал содержание беседы у Харитонова (см.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1.Ед. хр. 1274. Л. 1–5), а через много лет изложил ее в мемуарах (см.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 220–221).

Гайда Ф. Указ. соч. С. 102.

1917 год в документах и материалах: Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 46–48.

525

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1.Ед. хр. 17. Л. 1;Ед. хр. 18. Л. 1–2.

Там же. Ед. хр. 6462. Л. 1–2, 13.

527

См.: Там же. Ед. хр. 6963. Л. 17; Ед. хр. 5073. Л. 1.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 197.

Там же. С. 198.

Он же. История второй русской революции: В 2 т (второй том подготовлен не был). Т. 1. Вып. 1. София, 1921. С. 48.

531

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 479. Л. 1–2.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 228.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 354–357.

См.: Милюков П. Н. Дневник. С. 3—48. Милюков положительно оценил качество публикации, компетентные предисловие и примечания (Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 232). Великолепно зная археографическую работу, он при всём своем антисоветизме высоко оценивал и другие публикации его документов в этом журнале (см.: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 1).

Кропоткин П. А. Письма В. Н. Черкезову // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 19.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 239.

537

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1405. Л. 1–3.

Наше слово. 1916. 24 мая.

См.: Доклад П. Н. Милюкова в Военно-морской комиссии Государственной] думы 19 июня 1916 г. // Красный архив. 1933. № 3. С. 3—23; *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 257.

Красный архив. 1933. № 3. С. 15.

541

Там же. С. 23.

542

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1.

См.: Там же. Ед. хр. 3403. Л. 1–2; *Милюков П. Н.* Летний университет в Англии *И Мир Божий*. 1894. № 5.

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3320. Л. 1; Russian Realities and Problems by Paul Milyoukov, Peter Struve, A. Lappo-Danilevsky, Roman Dmowski and Harold Williams. Cambridge, 1917.

Цит. по: *Думова Н. Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 68.

546

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 736. Л. 4–5.

См.: *Кизеветтер А.* Исторические отклики. М., 1915. С. 191.

См.: *Думова Н. Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 72.

См.: Милуков П. Н. Тактика фракции народной свободы во время войны. Пг., 1916; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 252–260.

См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии.
Т. 3. Кн. 1. С. 344.

551

См.: Там же. С. 304.

Там же. С. 348–350.

Там же. С. 352–353.

Гайда Ф. Указ. соч. С. 110.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 276–277.

См.: Резанов А. С. Штурмовой сигнал П. Н. Милюкова. Париж, 1924. С. 43–61. Наиболее полную стенограмму речи см.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 462.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 277.

558

См.: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 2858. Л. 2.

559

См.: Там же. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 546. Л. 1–8.

Цит. по: <http://loskutov-aleksej.narod.ru/index/0-274>.

Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3.
Кн. 1. С. 68.

См., например: Еврейская неделя. 1916. № 11–12.

563

См.: 1917 год в документах и материалах. С. 75.

Блок Л. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 12.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 281.

См.: *Аврех А. Я.* Распад третьиуньской системы. С. 136.

567

Miliukov P. N. From Nikolas II to Stalin: Half a Century of Foreign Policy
// HI. CSU. ZZZ 107a. Typescript.

Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931. С. 80.

Цит. по: *Архипов И. П. Н. Милюков: Заложник войны и революции*. С. 78.

Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3.
Кн. 1.С. 465.

571

См.: 1917 год в документах и материалах. С. 61.

Там же. С. 94.

См.: *Вершинский Э. А.* Год революции: Воспоминания офицера Генерального штаба за 1907–1917 гг. Таллин, 1929. С. 10.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 296.

Там же. С. 297.

Шульгин В. В. Дни. М., 1990. С. 245–246.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 325.

Там же. С. 299.

Катков Г. М. Февральская революция. Париж, 1984. С. 373.

Цит. по: *Федюк В.* Керенский. М., 2009. С. 80–81.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 310.

Катков Г. М. Указ. соч. С. 390.

Великие дни Российской Революции. Февраль 27 и 28-го, март 1, 2, 3 и 4-го 1917. Пг., 1917. С. 46.

584

См.: Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.
1917. 2 марта.

См.: *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 207

См.: *Browker R. P., Kerensky A. F.* The Russian Provisional Government 1917. Stanford, 1961. Vol. 1. P. 136.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 316.

Архив русской революции. Т. 6. Берлин, 1922. С. 61–65.

Милюков П. И. Воспоминания. Т. 2. С. 317.

Керенский А. Указ. соч. С. 336.

591

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1; Ед. хр. 12. Л. 1.

См.: Архив истории труда в России: В 10 т. Т. 9. Пг., 1923. С. 58–59.

Политические партии России. С. 167.

Дон Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М., 1994. С. 608.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 323.

Германия и революция в России. С. 101, 102, 104.

См.: Там же. С. 106, 190

Цит. по: *Browker R. P, Kerensky A. F. Op. cit. Vol. 3. P. 1271–1272.*

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 336.

См.: *Browker R. R, Kerensky A. F. Op. cit. Vol. 2. P. 1042–1043.*

См.: *Paleologue M.* La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre. Paris, 1921. Vol. 3. P. 243–248

Buchanan G. My Mission in Russia and Other Diplomatic Memories. London, 1923. Vol. 2. P. 90–91.

См.: *Paleologue M.* Op. cit. Vol. 3. P. 256–257.

Цит. по: *Riha T.* Op. cit. P. 292.

См.: *Fransis D.* Russia from the American Embassy. New York, 1921. P. 97–98.

606

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1761. Л. 1.

Knox A. With the Russian Army. 1914–1917. New York, 1921. Vol. 2. P. 584–585.

См.: *Paleologue M.* Op. cit. Vol. 3. P. 172–173.

609

См.: Последние новости. 1921. 8 сентября

610

Письмо Бьюкенена и записку Георга V Николаю II см.: ГАРФ. Ф. 579.
Оп. 1. Ед. хр. 3879а. Л. 1–2.

См.: Долгоруков П. Великая разруха. М., 2007. С. 16

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (Russia, 1918). Washington, DC, 1931. Vol. 1. P. 154

Тыркова-Вильямс А. В. Из воспоминаний о 1917 годе // Грани. 1983. № 130. С. 128–129.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 336.

615

См.: *Korostovetz K. Seed and Harvest. London, 1931. P. 205.*

См.: *Набоков К. Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921.

Цит. по: *Абрикосов Д. И.* Судьба русского дипломата. М., 2008. С. 312.

См.: *Фельштинский Ю.* Миллион рублей в русских банкнотах // Известия. 1997. 5 ноября.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 328.

См.: Чернявский Г. Немецкие деньги Ленина // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. Харьков, 2003. С. 24–36.

См.: Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией // Красный архив. 1927. № 1. С. 4–5; Речь. 1917. 30 марта.

См.: *Nabokoff C.* The Ordeal of a Diplomat. London, 1921. P. 95.

623

Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии: В 2 т. Берлин, 1930. Т. 1.С.318

1917. Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. М., 2005. С. 24

См.: *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России: Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006. С. 290.

Цит. по: *Browker R. P., Kerensky A. F. Op. cit. Vol. 2. P. 1088–1089.*

См.: 1917. Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. С. 25.

См.: *Browker R. P., Kerensky A. F. Op. cit. Vol. 2. P. 1093.*

См.: Освобождение Х. Г. Раковского из румынской тюрьмы // Пролетарская революция. 1924. № 6. С. 249; Чернявский Г., Станчев М., Лобанова (Тортика) М. Жизненный путь Христиана Раковского. 1877–1941. Европейизм и большевизм: Неоконченная дуэль. М., 2014. С. 85

Nabokoff C. Op. cit. P. 102.

См.: *Kerensky A. Russia and History's Turning Point. New York, 1965. P. 242.*

См.: *Knox A. Op. cit. P. 576–577.*

Дневник Александра Блока. 1917–1921. Л., 1928. С. 65.

См.: *Browker R. P, Kerensky A. F. Op. cit. Vol. 2. P. 1044–1045.*

635

Последние новости. 1936. 20 сентября.

См.: *Церетели И.* Воспоминания о Февральской революции: В 2 т. Париж, 1963. Т. 1. С. 85; *Browker R. P., Kerensky A. F.* Op. cit. Vol. 3. P. 1228.

Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции.
Т. 1. Берлин, 1921. С. 57–58.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 344.

Цит. по: *Browker R. P., Kerensky A. F. Op. cit. Vol. 2. P. 1045–1046.*

См.: Ibid. P. 1050.

Цит. по: Ibid. Vol. 1. P. 321–322.

См.: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. С. 64–65.

643

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1.Ед.хр. 1929. Л. 1-11.

См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии.
Т. 3. Кн. 1. С. 371, 460, 672, 683, 730.

См.: *Riha T.* Op. cit. P. 308; *Miliukov P.* *Russia Today and Tomorrow.* New York, 1922. P. 27–28.

См.: Речь. 1917. 26, 27, 28, 29, 30 марта; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 362–494.

Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3.
Кн. 1. С.460.

См.: Речь. 1917. 28 марта; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 461–463, 465–466.

649

Набоков В. Д. Указ. соч. С. 41.

Вестник Временного правительства. 1917. 1 апреля.

Paleologue M. Op. cit. Vol. 3. P. 290.

Цит. по: Россия и США: Дипломатические отношения 1900–1917. С. 656.

653

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1512. Л. 1–2.

Цит. по: *Урбан В.* Могли появиться Колчак-Босфорский? // [http:// vrk-news.ru/articles/5405](http://vrk-news.ru/articles/5405).

См.: *Riha T.* Op. cit. P. 312–313.

См.: *Browker R. P, Kerensky A. F Op. cit. Vol. 2. P. 1051–1052.*

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 355.

См.: *Paleologue M.* Op. cit. Vol. 3. P. 312–313

659

См.: Ленинский сборник. Т. 2. М., 1924. С. 350

660

См.: Речь. 1917. 17 апреля

661

См.: *Набоков В. Д. Указ. соч. С. 6.*

См.: *Radkey O.* The Agrarian Foes of Bolshevism. New York, 1958. P. 155–156.

Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3 т. М., 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 86.

664

См.: New York Public Library. Performing Art Research Collection (далее — NYPL. PARC. BC). MGZ MD 224. Correspondence of Adolf Bolm. Box 1.

См.: *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. М., 1960. С. 147.

666

Алданов М. Указ. соч. С. 338.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 263.

Там же. С. 264.

669

Там же. С. 368.

670

Там же С. 369

671

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3208. Л. 1.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 370

673

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6391. Л. 1

А. И. Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 192–193.

Архинов И. П. Н. Милуков: Интеллектуал и догматик русского либерализма. С. 89.

Милюков П. Н. Россия в плену у Циммервальда. Пг., 1917. С. 1.

Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3.
Кн. 2. М., 2000. С. 23.

См.: Там же. Кн. 1. С. 496–501.

679

См.: Там же. С. 497, 510.

680

См.: Там же. С. 651, 500.

См.: Там же. С. 658. Материалы съезда детально публиковала газета «Речь» (1917. 10, 11, 12, 13 мая).

Суханов Н. Записки о революции: В 7 т. Т. 4. Берлин, 1922. С. 212.

Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1930. С. 158

684

Новая жизнь. 1917. 1 июля.

685

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1516. Л. 1–6.

686

См.: Там же. Ед. хр. 854. Л. 1—18; Ед. хр. 854а. Л. 1—22.

687

См.: Там же. Ед. хр. 861. Л. 1.

См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии.
Т. 3. Кн. 1. С. 687–695, 683; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 745. Л. 1–4.

Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3.
Кн. 1.С. 691, 695.

См.: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 32;
Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и
Февральской революции. С. 190.

691

Цит. по: Там же. С. 196.

См.: Катков Г. М. Дело Корнилова. Париж, 1987. С. 168–170.

См.: Государственное совещание 12–15 августа 1917 года:
Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 61–66.

694

См.: Там же. С. 133.

695

См.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 3; Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3428.
Л. 1.

См.: Катков Г. М. Дело Корнилова. С. 122–127.

См.: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 41. М., 1981. С. 73

См.: Керенский А. Ф. Россия на переломе // Вопросы истории. 1991. № 7/8. С. 142–143.

См.: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. Вып. 2. С. 250–251, 287.

См.: *Шишманов И.* Указ. соч. С. 183, 188, 212.

701

См.: Там же. С. 218, 221, 222, 229, 232.

Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 2. С. 291; *Троцкий Л. Д.* История русской революции: В 2 т. М., 1997. Т. 2. Ч. 1. С. 297.

См.: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. Вып. 2. С. 292.

704

См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3429. Л. 5.

См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии.
Т. 3. Кн. 1. С. 730, 736–737; Речь. 1917. 15, 16, 17 октября.

Цит. по: *Соболев А. В.* На путях к правовому государству. П. И. Новгородцев// *Новый мир.* 1991. № 12. С. 205.

707

Новая жизнь. 1917. 8 ноября.

708

Русское слово. 1929. 9 марта.

См.: *Любимов И. Н.* Революция 1917 г.: Хроника событий: В 6 т. Т. 6. М., 1930. С. 137.

См.: Декреты Советской власти: В 2 т. Т. 1. М., 1957. С. 165–166.

Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 437.

См.: Донская речь. 1917. 27 декабря.

См.: История России. XX век: В 2 т. Т. 1. М., 2009. С. 594.

См.: *Милюков П. Н.* Россия на переломе: Большевистский период русской революции: В 2 т. Париж, 1927. Т. 2. С. 240.

См.: *Поликарпов В. Д.* Пролог Гражданской войны в России. М., 1976.
С. 383.

Стенографический отчет краевого съезда Партии народной свободы.
Екатеринодар, 1918. С. 5.

717

CU. VL. RBML. BA. MP. Вох 1. Письмо М. В. Алексева П. Н.
Милюкову от 10 мая 1918 г.

См.: Ibid. Письмо П. Н. Милюкова М. В. Алексеву от 3 мая 1918 г.

Ibid. Письмо П. Н. Милюкова М. В. Алексеву от 21 мая 1918 г.

720

См.: Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 20.

721

СУ. ВЛ. РВМЛ. ВА. МР. Письмо П. Н. Милюкова М. П. Алексеву от 3 мая 1918 г.

См.: Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 32.

Цит. по: *Чикаленко Є. Щоденник: У 2 т. Київ, 2004. Т. 2. С. 24.*

См.: Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 73, 77.

См.: Там же. С. 107–108.

Цит. по: Там же. С. 109.

См.: Там же. С. 153–156.

Там же. С. 22.

См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии.
Т. 3. Кн. 2. С. 34–36.

Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 42.

731

См.: Там же. С. 120–126.

732

См.: Там же. С. 52.

733

СУ. ВЛ. RBML. ВА. МР. Письмо М. В. Алексева П. Н. Милюкову от
18 июня 1918 г.

Ibid. Вох 1. Письмо П. Н. Милюкова М. В. Алексеёву от 18 июня 1918 г. См. также: Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 67.

См.: Ibid. Вох 1. Письмо П. Н. Милюкова М. В. Алексеву от 7 июня 1918 г.

Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 30.

См.: Там же. С. 26.

См.: Павленко В. Іван Шишманов — повноважний посол Болгарії в Україні // Міжнародні зв'язки України: Наукові пошуки і знахідки. Т. 19. Київ, 2010. С. 59–70; *Шишманов И.* Указ. соч. С. 247; Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 27, 52, 107.

Шишманов И. Указ. соч. С. 268.

740

ГАРФ. Ф. 6748. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 726.

741

См.: Киевская мысль. 1918. 18 октября.

Цит. по: *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. С. 156.

Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3.
Кн. 2. С. 210.

См.: Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 163–191; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 2. С. 9; ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1–6.

Скоропадський П. Спогади. Київ; Філадельфія, 1995. С. 308.

Цит. по: Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 3. С. 42.

747

См.: *Милюков П. Н.* Поездка в Екатеринодар // ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1.
Ед. хр. 14.

Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу 1917–1918 гг.//Архив русской революции. Т. 15. Берлин, 1930. С. 14–15.

749

ГАРФ. Ф. 6401. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 60.

750

Там же. Л. 62.

751

См.: Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 205.

См.: Александров С. А. Лидер российских кадетов П. Н. Милюков в эмиграции. С. 24.

См.: Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 214–242.

754

См.: ГАРФ. Ф. 6401. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 68.

Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 272.

756

Алданов М. Указ. соч. С. 340.

Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 306.

758

См.: Там же. С. 310.

См.: *Городецкий Е. Н.* Советская историография Великого Октября. 1917 — середина 30-х гг.: Очерки. М., 1981. С. 170.

См.: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1–3.

Думова Н. Г. Предисловие // Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991.
С. 9.

Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. С. 3, 4.

Мельгунов С. П. Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова (По поводу «Россия на переломе»). Париж, 1929. С. 7.

Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. С. 6–7.

Покровский М. Н. Противоречия г-на Милюкова. Позже рецензия была включена в книгу: *Он же.* Историческая наука и борьба классов. Вып. 1

Burbank J. Intelligentsia and Revolution: Russian View on Bolshevism.
1917–1922. New York, 1986. P. 116.

767

См.: CU. BL. RBML. BA. MP. Box 6.

Miliukov P. Bolshevism as International Danger. London, 1920. P. 17.

769

См.: Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 349.

См.: Там же. С. 376–377.

771

См.: СУ. ВЛ. РВМЛ. ВА. МР. Вох 3. Телеграмма П. Н. Милюкова А. И. Деникину от 8 октября 1919 г.

См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии.
Т. 3. Кн. 2. С. 226–228.

Цит. по: *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. С. 337.

774

См.: Рубль. 1921. 21 января.

Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 472.

776

См.: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 1–2; Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 1.

См.: *Думова Н. Г.* Предисловие. С. 9.

778

См.: CU. BL. RBML. BA. MP. Box 6.

779

См.: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 1.

См.: Мейснер Д. И. Миражи и действительность. М., 1966. С. 141, 164–165.

Цветаева М. Спасибо за долгую память любви: Письма Анне Тесковой. 1922–1939. М., 2008. С. 267.

См.: Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 592–593.

См.: Там же. С. 599–601.

784

ГАРФ. Ф. 7506. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 16.

785

Полную стенограмму Совещания см.: http://www.dkl868.ru/history/uchred_sobr.htm.

Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. С. 615.

787

См.: CU. BL. RBML. BA. MP. Box 6.

См.: *Miliukov P.* Russia Today and Tomorrow.

789

См.: NYPL. PACS. BC. Box 1. Письмо П. Н. Милюкова Ольге
Левинсон от 29 ноября 1921 г.

790

См.: ГАРФ. Ф. 6845. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Л. 7.

791

См.: Там же. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 249. Л. 17.

Дон Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 2000. С. 40.

793

ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 322. Л. 157.

794

См.: Там же. Ед. хр. 240. Л. 10.

795

Там же. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 35.

Там же. Л. 142–143.

См.: *Базанов П. Н.* П. Н. Милюков как инициатор и руководитель издательской деятельности «Республиканско-демократического объединения» // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков. С. 163; ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 1878. Л. 1–4.

798

Дни. 1925. 11 ноября.

Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1925. С. 75.

См.: *Постников С. П.* Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции 1918–1945: В 2 т. New York, 1993. Т. 1. С. 9.

801

См.: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 17.

802

См.: CU. BL. RBML. BA. MP. Box 6.

803

См.: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 682. Л. 9-20.

804

См.: *Канищева Н. И.* Указ. соч. С. 320–322.

См.: Соколов М. В. П. Н. Милюков в поиске контактов с оппозицией в СССР в 20-е гг. XX в. // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков. С. 173–189.

806

ГАРФ. Ф. 6075. Ед. хр. 8. Л. 68. См. также: Ф. 6366. Оп. 1. Ед. хр. 34.
Л. 5.

807

См.: CU. BL. RBML. BA. MP. Box 6.

808

См.: Там же; ГАРФ. Ф. 6366. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 32.

809

См.: HI. NC. Box 126.

Из архива Б. И. Николаевского: Переписка с И. Г. Церетели 1923–1958 гг. / Отв. ред. А. П. Ненароков. Вып. 1. Письма 1923–1930 гг. М., 2010. С. 166.

811

Там же. С. 170.

812

См.: Там же. С. 236, 296, 376.

Вишняк М. В. «Современные записки». С. 283–284.

814

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1496.
Оп. 1. Ед. хр. 760. Л. 2.

815

За свободу. 1923. 15 июня.

816

Письма Элькина Милюкову см.: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 231.

См.: *Думова Н. Г.* Предисловие. С. 9.

Гессен И. В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 134.

Цит. по: Там же. С. 123.

820

См.: Рубль. 1922. 30 марта.

821

Цит. по: Последние новости. 1922. 6 июля.

Гессен И. В. Годы изгнания. С. 135.

823

Последние новости. 1922. 5 апреля.

См.: *Laqueur W.* Russia and Germany: A Century of Contact. Boston, 1965.
P. 109, 340.

См.: *Гутнов Д. А.* Материалы наблюдения за П. Н. Милюковым в архиве парижской полиции // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков. С. 82–85.

826

См.: CU. BL. RBML. BA. MP. Box 6.

827

ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Ед. хр. 261. Л. 8.

Нильсен Е. П. П. Милюков и И. Сталин: О политической эволюции Милюкова в эмиграции (1918–1943 // Новая и новейшая история. 1991. № 2. С. 127.

Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье. С. 70.

830

Там же. С. 37.

831

См.: Последние новости. 1923. 19 января.

832

Цит. по: *Захаров А. В. Указ. соч. С. 95.*

Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье. С. 136.

Вакар Н. П. П. Н. Милюков в изгнании // Новый журнал. 1943. № 6. С. 373.

Милюков П. Н. Памяти старого друга // Последние новости. 1922. 30 марта.

836

NYPL. PARC. BC. Box 1. Письмо П. Н. Милюкова О. Левинсон от 8 апреля 1922 г.

Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1996. С. 366.

См.: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 2. Ед. хр. 45. Л. 181; Ед. хр. 43а. Л. 56–57;
Родионова Н. А. Участие Милюковых в судьбе семьи В. Д. Набокова после
его гибели // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков.
С. 213–225.

839

См.: CU. BL. RBML. BA. MP. Box 6.

Ibid. Box 1. Письмо М. С. Аджемова П. Н. Милюкову от 11 апреля 1931 г.

Цит. по: *Седых А.* Далекie, близкие: Литературные портреты. Нью-Йорк, 1970. С. 150.

Там же. С. 152; *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 77.

Думова Н. Г. Предисловие. С. 10.

С 1928 года мемуары Маклакова печатались в эмигрантских журналах, а затем были опубликованы отдельными изданиями: *Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России: В 3 т.* Париж, 1936; *Он же. Первая Государственная дума: Воспоминания современника.* Париж, 1939; *Он же. Вторая Государственная дума.* Париж, 1946.

Маклаков В. А. Первая Государственная дума. С. 3.

См.: *Karpovich M.* Two Types of Russian Liberalism: Maklakov and Miliukov // *Continuity and Change in Russian and Soviet Thought.* Cambridge, MA, 1955. P. 136–137.

Милюков П. Н. Суд над кадетским «либерализмом» // Современные записки. 1930. № 41. С. 356.

848

См.: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 322. Л. 152–153.

См.: Будницкий О. В. Указ. соч. С. 416–428.

850

Седых А. Указ. соч. С. 153.

851

См.: *Вакар Н. П. Указ. соч.*

Гуль Р. Указ. соч. Т. 1. Нью-Йорк, 1984. С. 309.

См.: Незабытые могилы. Русское зарубежье: Некрологи 1917–1999: В 6 т. / Сост. В. Н. Чуваков. Т. 5. Л.; М., 2004. С. 562.

См.: *Гуль Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 138; *Вакар Н. И. П. Демидов* // *Новый журнал.* 1947. № 16. С. 275–283.

855

Седых А. Указ. соч. С. 155.

856

Дон Аминадо. Наша маленькая жизнь. С. 685.

857

См.: Из архива Б. И. Николаевского. С. 62.

858

См.: Последние новости. 1924. 31 марта.

Письма М. Цветаевой В. Н. Буниной см.: Наследие Марины Цветаевой: Сайт о великом русском поэте XX века: http://www.tsvetaeva.com/letters/let_vera.php.

860

См.: Последние новости. 1933. 1 сентября.

См.: *Тэффи Н.* Зинаида Гиппиус //Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. М., 1994. С. 129–130.

862

См.: Последние новости. 1920. 27 апреля.

863

См.: Последние новости: Юбилейный сборник. 27 апреля 1920–1930.
Париж, 1930. Титульный лист.

См.: *Николаев Д. Д.* Тэффи и русские периодические издания в Чехословакии // *Творчество Тэффи и русский литературный процесс.* М., 1999. С. 117.

См.: *Рыбинская Н. В. Н. А. Тэффи* — публицист газеты «Последние новости»: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2005.

*Коровин В. И. «Самый даровитый поэт эмиграции» Ц Дон Аминадо.
Наша маленькая жизнь. С. 4.*

Дон Аминадо. Наша маленькая жизнь. С. 685.

868

Евразия. 1929. 5 января.

ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 192а. Л. 1. См. также: *Коростылев О., Шерон Ж.* Письма Константина Бальмонта к П. Н. Милюкову // <http://lebed.com/1999/art945.htm>.

870

Седых А. Указ. соч. С. 154.

871

Гуль Р. Указ. соч. Т. 2. С. 152–156.

Винавер Р. Г. Указ. соч. С. 260.

Алданов М. Указ. соч. С. 339–340.

См.: *Милюков П. Н.* Петр Великий и его реформа // На чужой стороне. 1925. № 10. С. 5–28.

Вертинский А. Дорогой длинною. М., 1990. С. 203.

876

Последние новости. 1929. 28 мая.

877

См.: Павел Николаевич Милюков: По случаю 70-год[ишняя] му юбилей; ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 1.

878

НА БАН. Ф. 1к. Оп. 2. Арх. ед. 1016. Л. 9.

879

См.: HI. NC. Box 63.

См.: ГАРФ. Ф. 6037. Оп. 1. Ед. хр. 1–9; Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову.

Керенский А. Два юбилея // П. Н. Милюков: Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. С. 39–40.

Винавер Р. Г. Указ. соч. С. 260.

883

Последние новости. 1929. 28 мая.

Дон Аминадо. Наша маленькая жизнь. С. 697–700.

885

См.: CU. BL. RBML. BA. MP. Box 6.

886

См.: Там же.

См.: Последние новости: Юбилейный сборник. С. 12; *Нильсен Е. П.* Указ. соч. С. 136; *Кулишер А.* Значение новой тактики // П. Н. Милюков: Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. С. 125.

См.: *Милюков П. Н.* Случай гр[афа] А. Толстого // Последние новости. 1922. 16, 22 апреля.

889

Последние новости. 1925. 23 августа.

890

Там же. 1932. 4 марта.

891

Возрождение. 1932. 11 марта.

См.: *Pipes R. Struve: Liberal on the Right. 1905–1944. Cambridge, 1980.*
P.419.

893

См.: За свободу. 1932. 14 марта.

См.: Последние новости. 1924. 23 января; Последние новости: Юбилейный сборник. С. 23.

Нильсен Е. П. Указ. соч. С. 138.

См.: *Souvarine B. Stalin: Aperçu historique du bolchevisme. Paris, 1935.*

Милюков П. Н. Сталин // Современные записки. 1935. № 59. С. 433.

Цит. по: Архив Троцкого: Троцкий против Сталина. 1929–1932 / Под ред. Ю. Г. Фельштинского, Г. И. Чернявского. М., 2014. Т. 1. С. 115.

Милуков П. Н. Сталин. С. 431.

900

Последние новости. 1937. 30 января.

901

См.: Чернявский Г., Станчев М., Лобанова (Тортика) М. Указ. соч. С. 385–449.

902

Последние новости. 1932. 25 сентября; 1933. 19 августа.

903

Там же. 1936. 28 августа.

904

Там же. 1937. 23 января.

905

См.: *Нильсен Е. П.* Указ. соч. С. 144.

См.: *Вишняк М. В.* «Современные записки». С. 279–280.

907

См.: *Гуль Р. Указ. соч. Т. 2. С. 148.*

См.: Там же. С. 90.

Вишняк М. В. «Современные записки». С. 280.

Мельгунов С. П. Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова. С. 9.

См.: *Милюков П. Н* Россия на переломе. Т. 1. С. VIII–IX.

912

Там же. С. 146.

См.: Там же. С. 258–259.

Мельгунов С. П. Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова. С. 28.

Там же. С. 91–92.

916

См.: CU. BL. RBML. BA. MP. Box 6.

Miliukov P. N. From Nikolas II to Stalin.

См.: *Трибунский П. А.* Посмертная опись рукописей П. Н. Милюкова. С. 228–229.

См.: Там же. С. 227.

Новый журнал. 1943. № 6. С. 186.

См.: Глазами Милюкова — оккупация Франции и Восточный фронт: Письма П. Н. Милюкова Я. Б. Полонскому (1940–1942) // Время и мы. 1980. № 52. С. 189.

См.: Милюков П. Положение накануне войны // Новый журнал. 1943. № 6. С. 186–202.

HI. CSU. ZZZ 107a. P. 235.

См.: Ibid. P. 263, 334.

См.: Ibid. P. 352, 354.

Ibid. P. 330.

См.: Ibid. P. 345, 351.

См.: *Сталин И. В. Сочинения: В 18 т. Т. 18.* Тверь, 2006. С. 221–223.

929

HI. CSU. ZZZ 107a. P. 404.

См.: Ibid. P. 362, 363.

И. В. Сталин: Историческая идеология в СССР в 1920—1950-е гг. Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сборник документов и материалов. Ч. 1. 1920—1930-е гг. СПб., 2006. С. 176.

См.: *Петрова Т. Г.* П. Н. Милюков о русской классике и современной литературе // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков. С. 280–289.

933

Последние новости. 1928. 9 сентября.

См.: *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: Юбилейное издание. Париж, 1937. Т. 3.

Цит. по: *Петрова Т. Г.* Указ. соч. С. 288.

Цит. по: *Карпович М.* Указ. соч. С. 366.

Там же. С. 367–368.

См.: *Петрова Т. Г.* Указ. соч. С. 282–283; *Последние новости*. 1924. 17 июня.

См.: Милюков П. Н. Живой Пушкин. 1837–1937: Историко-биографический очерк. Париж, 1937.

Там же. С. 182–183, 279–281.

941

ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 22.

См.: *Гессен И. В.* Годы изгнания. С. 79.

943

См.: CU. BL. RBML. BA. MP. Box 17.

Вишняк М. В. Годы эмиграции (1919–1969 гг.). Stanford, 1970. С. 93–95.

Современную публикацию см.: Вопросы истории. 1993. № 4. С. 114–126.

946

См.: CU. BL. RBML. BA. MP. Box 6.

947

См.: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1-38; Ед. хр. 53; СУ. ВЛ.
РБМЛ. ВА. МР. Box 6.

948

Цит. по: *Варшер Т.* Встречи с А. С. и П. Н. Милюковыми // *Сегодня.*
1935.23 февраля

См.: Родионова Н. Л. Творившая благо. С. 235.

950

Дон Аминадо. Наша маленькая жизнь. С. 696.

Бальмонт К. Золотые россыпи. М., 1990; ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 249. Л. 16. Оба произведения опубликовала И. Невзорова в статье «Материал к творческим биографиям П. Н. Милюкова, К. Д. Бальмонта, Н. Н. Кнорринга» (см.: http://www.utoronto.ca/tsq/35/35/tsq35_nevzorova.pdf).

Думова Н. Г. Предисловие. С. 16.

953

См.: Мейснер Д. Указ. соч. С. 197–198.

См.: Гутнов Д. А. Указ. соч. С. 84–85.

Письма Натальи родителям 1919–1921 годов см.: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп.
1. Ед. хр. 217. Л. 1—20.

956

См.: *Винавер Р. Г. Указ. соч. С. 262.*

957

См.: ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 201, 205, 209–210.

958

См.: Гутнов Д. А. Указ. соч. С. 85.

959

См.: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 218. Л. 1–2,4. 14, 16, 18,21,46.

См.: Россия и современный мир. 2013. № 2. С. 235.

Думова Н. Г. Предисловие. С. 17.

962

Седых А. Указ. соч. С. 169.

963

Последние новости. 1939. 25 августа.

Цит. по: *Вакар Н. П. Н. Милюков в изгнании. С. 377.*

965

Последние новости. 1939. 30 ноября.

966

Там же. 1940. 5 января.

См.: *Elkin B. I. Paul Miliukov // Slavonic and East-European Review. 1945. Vol. 23. P. 140–141.*

Последние новости. 1939. 25 октября.

969

Там же. 9 ноября

Письма П. Н. Милюкова М. А. Осоргину 1940–1942 гг. // Новый журнал. 1988. № 172/173. С. 530–531.

Думова Н. Г. Предисловие. С. 17.

Глазами Милюкова. С. 189.

Там же. С. 534.

См.: Московский университет. 1755–1930. С. 263–274.

См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 163–165.

Там же. С. 536.

См.: *Думова Н. Г.* Предисловие. С. 18.

Письма П. Н. Милюкова М. А. Осоргину 1940–1942 гг. С. 534.

979

Цит. по: *Седых А.* Указ. соч. С. 180.

Дон Аминадо. Наша маленькая жизнь. С. 689–690, 694.

Цит. по: *Вакар Н. П.* Милюков в изгнании. С. 377.

982

Глазами Милюкова. С. 190.

Письма П. Н. Милюкова М. А. Осоргину 1940–1942 гг. С. 537.

Цит. по: *Фирсов Ф.* Секреты Коммунистического Интернационала. Шифропереписка. М., 2011. С. 348.

Вишняк М. Правда антибольшевизма // Новый журнал. 1942. № 2. С. 206–223.

Письма П. Н. Милюкова М. А. Осоргину 1940–1942 гг. С. 539.

См.: Русский патриот. 1944. № 3. С. 2–3.

Нильсен Е. П. Указ. соч. С. 150.

Гуль Р. Указ. соч. Т. 3. Нью-Йорк, 1989. С. 156.

990

См.: *Вишняк М. В.* Годы эмиграции. С. 193.

991

Керенский А. П. Н. Милюков. С. 337.

992

CU. BL. RBML. BA. MP. Box 8.

Керенский А. П. Н. Милюков. С. 328.

994

См.: *Трибунский П. А.* Посмертная опись рукописей П. Н. Милюкова. С. 225–230.

Алданов М. Указ. соч. С. 342.

Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. С. 282.

Вишняк М. В. «Современные записки». С. 281.